ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1961

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

21

ПРЕДИСЛОВИЕ

В двадцать первый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса входят произведения Энгельса, написанные с мая 1883 по декабрь 1889 года.

Это был период относительно «мирного» развития капитализма, период, когда начали складываться предпосылки перерастания домонополистического капитализма в монополистический капитализм, когда шло собирание сил пролетариата для предстоящих революционных боев. «Запад с буржуазными революциями покончил, — указывает В. И. Ленин, характеризуя этот период, — Восток до них еще не дорос» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 18, стр. 545).

В течение 80-х годов рабочее движение европейских стран и США сделало большой шаг вперед. Все новые отряды рабочего класса вступали в движение, идеи научного социализма становились достоянием все более широких масс рабочих. В двух крупнейших странах Западной Европы — Германии и Франции — уже действовали влиятельные пролетарские партии, признававшие марксизм в качестве своей теоретической базы. Во многих странах — Австро-Венгрии, Италии, Испании, США, Бельгии, Голландии, Швейцарии и т. д. — возникали или укреплялись созданные ранее социалистические организации. Развернула свою деятельность по распространению идей научного социализма в России первая русская марксистская группа «Освобождение труда». Рост классового сознания пролетарских масс создавал реальные предпосылки для решения той основной задачи, которая была выдвинута в результате деятельности Первого Интернационала, — задачи создания

в отдельных странах массовых политических пролетарских партий на идейной основе научного социализма.

Для осуществления этой задачи нужна была повседневная борьба за освобождение рабочего класса от влияния буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. Необходимо было добиться окончательного идейного разгрома продолжавших существовать внутри рабочего движения мелкобуржуазных реформистских и анархистских течений, которые принимали различные формы и оттенки в разных странах в зависимости от уровня их развития и особенностей социальных условий. Все большей опасностью для молодых социалистических партий и организаций становились попытки буржуазии внести раскол и разложение в рабочее движение посредством прямых атак на марксистское учение, а также подкупа верхушки рабочего класса и использования всевозможных оппортунистических элементов в его рядах. Борьба с этими попытками становилась насущной задачей рабочего движения.

В этих условиях огромное значение имела деятельность Энгельса по дальнейшему развитию и распространению марксистской теории, его борьба за чистоту идей научного социализма, против антипролетарских влияний и оппортунизма. После смерти Маркса на плечи Энгельса легли основные обязанности по руководству международным рабочим и социалистическим движением. Тесно связывая теоретические и практические потребности развертывающейся борьбы рабочего класса, Энгельс придавал первостепенное значение завершению незаконченной Марксом работы по подготовке к изданию II, III и IV томов главного произведения марксизма — «Капитала». Наряду с этим он отдавал свои силы дальнейшей разработке других проблем марксистской теории, защите идей марксизма от извращения их идеологами буржуазии и оппортунистами, выработке тактической линии партий рабочего класса, соответствующей как общим задачам пролетарского движения, так и конкретным условиям каждой страны, воспитанию передовых рабочих в духе пролетарского интернационализма.

Важнейшим вкладом в теоретическую сокровищницу марксизма, сделанным Энгельсом в эти годы, является публикуемая в томе работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства», произведение, охарактеризованное В. И. Лениным как «одно из основных сочинений современного социализма» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 29, стр. 436). В этой работе впервые в систематическом виде дано научное материалистическое освещение истории человечества

на ранних этапах его существования, показана история развития семьи, вскрыты причины возникновения частной собственности, разделения общества на антагонистические классы и появления государства как орудия господства в руках эксплуататорских классов, показана, наконец, неизбежность постепенного отмирания государства с полной победой бесклассового коммунистического общества.

Произведение Энгельса вооружило деятелей рабочего движения глубокими научными аргументами для разоблачения апологетов капитализма, катедер-социалистов и прочих врагов марксизма, старавшихся доказать незыблемость частной собственности, буржуазного государства и других институтов капиталистического общества.

Работая над созданием своего произведения, Энгельс, по его собственным словам, как бы выполнял духовное завещание Маркса, который со времени написания их совместного труда — «Немецкой идеологии» — уделял большое внимание проблемам истории предшествовавших капитализму общественных форм. Энгельс в своей работе использовал замечания, сделанные Марксом в конспекте книги прогрессивного американского ученого Моргана «Древнее общество», в которой основоположники научного коммунизма нашли фактическое подтверждение ряда своих выводов, а также опирался на материалы своих собственных исследований общественного строя древних кельтов, германцев и других народов. В классическом труде Энгельса были суммированы складывавшиеся в течение многих лет взгляды основоположников марксизма на докапиталистические общественно-экономические формации. Применив метод материалистической диалектики к анализу этих формаций, Энгельс дополнил данную Марксом в «Капитале» научную картину развития буржуазного общества глубокой характеристикой первобытнообщинного и рабовладельческого, а в известной мере и феодального строя. Тем самым получило дальнейшее конкретное развитие подлинно научное истолкование всего хода всемирной истории.

Впервые в марксистской литературе Энгельс в своей работе с позиций исторического материализма освещает эволюцию семьи. Рассматривая семью как историческую категорию, Энгельс раскрывает органическую связь ее форм, — начиная с древнего группового брака вплоть до утвердившейся с возникновением частной собственности моногамной семьи, — с различными этапами развития общества, зависимость этих форм от изменения способа производства. Он показывает, как по мере развития производительных сил уменьшалось влияние уз

родства на общественный строй и с победой частной собственности возникло общество, в котором «семейный строй полностью подчинен отношениям собственности» (см. настоящий том, стр. 26).

Резкой критике подвергает Энгельс современную буржуазную семью. Он вскрывает экономическую основу неравноправия женщин в условиях господства частной собственности и показывает, что подлинное освобождение женщины может быть достигнуто только в результате уничтожения капиталистического способа производства. Лишь в социалистическом обществе, указывает Энгельс, благодаря широкому вовлечению женщин в общественное производство, установлению полного равенства их с мужчинами во всех отраслях общественной жизни, избавлению женщины от бремени домашнего хозяйства, заботу о котором общество во все возрастающей степени будет брать на себя, утвердится новый, высший тип семьи, основанный на полном равенстве полов, взаимном уважении и подлинной любви.

Значительная часть труда Энгельса посвящена исследованию появления и развития различных форм собственности и зависимости от них различных форм общественного строя. В противовес буржуазным историкам, экономистам и социологам Энгельс неопровержимо доказывает, что институт частной собственности не является извечным, что в течение длительного периода первобытной истории средства производства представляли собой общую собственность. Тогдашнее общество, основными ячейками которого были род и племя, сменившие на определенной ступени первобытное стадо, не знало ни разделения на классы, ни связанных с этим разделением отношений господства и подчинения, ни отделенной от народа публичной власти, то есть государства. Энгельс подробно показывает, как с развитием производительных сил и повышением производительности труда появляется возможность присвоения продуктов труда других людей, а следовательно, частная собственность и эксплуатация человека человеком, и как общество раскалывается, таким образом, на антагонистические классы. Прямым следствием этого явилось возникновение государства.

Проблема происхождения и сущности государства является главной в произведении Энгельса, ее основным стержнем. Всестороннее исследование этой проблемы Энгельсом явилось важным этапом в разработке марксистского учения о государстве и в этом отношении его книга примыкает к таким классическим трудам Маркса, как «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Гражданская война во Франции», а также к работе самого Энгельса «Анти-Дюринг».

Книга Энгельса прямо направлена против буржуазных ученых, пытающихся изобразить государство как некую надклассовую силу, призванную якобы в равной степени защищать интересы всех граждан. На примере возникновения государства в Древних Афинах, в Древнем Риме и у германцев Энгельс ясно и убедительно показывает, что государство, начиная с момента своего возникновения, всегда являлось орудием господства тех классов, которые обладают средствами производства. Государство, пишет Энгельс, это орган «самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса» (см. настоящий том, стр. 171).

В своей работе Энгельс рассматривает различные конкретные формы государства, в частности буржуазно-демократическую республику, которую апологеты капитализма изображают как высшую форму демократии. Энгельс раскрывает классовую природу этой республики как скрытой за внешне демократическим фасадом формы господства буржуазии. С исключительной прозорливостью указывает Энгельс на намечавшиеся в его время тенденции дальнейшей эволюции буржуазного государства, получившие свое развитие на более поздней, империалистической стадии капитализма, для которой характерен процесс сращивания государственного аппарата с монополиями, превращения государства в орудие финансовой олигархии. Подметив уже тогда некоторые стороны этого процесса, Энгельс указывал, что в демократической республике «богатство пользуется своей властью... в форме союза между правительством и биржей, который осуществляется тем легче, чем больше возрастают государственные долги и чем больше акционерные общества сосредоточивают в своих руках не только транспорт, но и самое производство и делают своим средоточием ту же биржу» (см. настоящий том, стр. 172).

Предостерегая от парламентских иллюзий, получивших к тому времени распространение среди некоторой части деятелей рабочего движения, особенно среди оппортунистических элементов германской социал-демократии, Энгельс указывает, что, пока сохраняется власть капитала, никакие демократические свободы сами по себе не могут привести к освобождению трудящихся. В то же время Энгельс подчеркивает заинтересованность пролетариата в сохранении и расширении демократических свобод, создающих максимально благоприятные условия для развертывания его освободительной борьбы за революционное преобразование общества.

Рассматривая, как по мере развития производительных сил изменяется и способ производства материальных благ, как на определенном этапе становится неизбежным и закономерным появление частной собственности и раскол общества на противоположные классы, Энгельс развивает в своей книге сформулированный основоположниками марксизма вывод о том, что дальнейший рост производительных сил в капиталистическом обществе с той же необходимостью приводит к превращению частной собственности и эксплуататорских классов в прямую помеху развитию производства. Это делает неизбежной пролетарскую революцию, осуществить которую, как неоднократно указывали Маркс и Энгельс, можно только путем слома старой эксплуататорской государственной машины буржуазии и замены ее государством нового типа — диктатурой пролетариата, представляющей собой высшую форму демократии. Лишь на основе ликвидации частной собственности на орудия и средства производства и антагонистических классов возникнут предпосылки для исчезновения и отмирания государства вообще. «Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором» (см. настоящий том, стр. 173).

Марксистское учение о государстве, в такой классической форме изложенное Энгельсом, было впоследствии применительно к новой исторической эпохе всесторонне развито В. И. Лениным. Его продолжают развивать Коммунистическая партия Советского Союза и другие марксистско-ленинские партии — авангард международного рабочего движения.

В своем гениальном труде «Государство и революция» В. И. Ленин показал, какое огромное значение для борьбы рабочего класса имеет учение марксизма о происхождении и классовой сущности государства, о диктатуре пролетариата. В. И. Ленин дал отпор фальсификаторским попыткам ревизионистов и реформистов замолчать и исказить это учение, разоблачил грубую подтасовку, к которой они прибегали, пытаясь выдать положение Энгельса об отмирании государства за отказ от идеи революционного слома буржуазной государственной машины. Он разъяснил, что это положение относится не к буржуазному, а к социалистическому государству, отмирание которого произойдет по мере выполнения им своих функций, необходимых для построения коммунистического общества. Творчески развивая марксистскую теорию, В. И. Ленин разработал положение об экономических предпосылках отмирания

государства, связав эту проблему с учением о двух фазах коммунистического общества и доказав, что отмирание государства произойдет лишь на высшей фазе коммунизма. Учение марксизма-ленинизма о государстве нанесло и наносит в наши дни сокрушительный удар буржуазно-ревизионистским попыткам возродить лживые «теории» о надклассовом характере государства, фальсификаторски изобразить современное империалистическое государство как «государство всеобщего благоденствия». Это учение помогает трудящимся стран социалистического лагеря успешно строить новое, бесклассовое общество.

Создавая свое произведение, Энгельс опирался на огромный фактический материал в области археологии, истории и этнографии. В наибольшей степени он использовал книгу стихийного материалиста Моргана «Древнее общество». Энгельс сохранил и предложенное Морганом деление первобытной истории на эпохи дикости и варварства с подразделением каждой из них еще на три ступени в зависимости от развития орудий труда и уровня материального производства. Давая понять, что этот принцип периодизации истории имеет лишь ограниченное значение, поскольку в основе его лежит не смена различных типов производственных отношений, а различные ступени в эволюции материальной культуры первобытного общества, Энгельс указывал, что по мере дальнейшего развития науки и накопления нового фактического материала в эту периодизацию Моргана неизбежно будут внесены уточнения. Как и предвидел Энгельс, данные современной науки позволяют создать более совершенную периодизацию истории первобытнообщинного строя, а также внести ряд изменений в отдельные положения Моргана, касающиеся некоторых форм первобытной семьи, что частично было сделано уже самим Энгельсом при подготовке им четвертого издания своей книги в 1891 году. Однако эти неизбежные изменения и уточнения, вносимые в конкретную картину зарождения, развития и гибели первобытной общественно-экономической формации, нарисованную Энгельсом более 75 лет назад, касаются лишь отдельных частностей и ни в малейшей степени не затрагивают основных выводов, которые находили и находят в новых научных данных лишь подтверждение своей правильности. Книга Энгельса относится к числу тех произведений, в которых, по словам В. И. Ленина, «можно с доверием относиться к каждой фразе» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 29, стр. 439).

Другая публикуемая в томе теоретическая работа Энгельса — «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» — является выдающимся произведением, в котором

с классической ясностью показан процесс возникновения марксистского мировоззрения и раскрыто его существо. Написание этой работы также было связано с насущными потребностями рабочего движения, особенно в Германии. Систематическое изложение основ диалектического и исторического материализма должно было послужить для революционного пролетариата Германии и других стран мощным оружием в борьбе со всякого рода идеалистическими теориями, являвшимися идейной базой оппортунизма и реформизма. Нужно было дать отпор попыткам возрождения и противопоставления марксизму отрицательных сторон классической немецкой философии, попыткам, выразившимся в распространении неокантианства, реакционных элементов учения Гегеля и других подобных тенденциях, наблюдавшихся в кругах буржуазной, а также и среди известной части социал-демократической интеллигенции. Надо было показать, в каком отношении находится философия марксизма к классической немецкой философии, к Гегелю и Фейербаху, показать ее принципиальное качественное отличие от всех прежних философских систем, вскрыть их слабости и внутреннюю противоречивость, раскрыть то положительное и рациональное, что было сохранено и творчески переработано марксизмом.

Показав, что марксистская философия является результатом развития всей философской мысли, Энгельс вскрывает такую важнейшую особенность истории философии на всем протяжении ее существования, как борьба между двумя лагерями — материализмом и идеализмом. Энгельс впервые дает классическое определение основного вопроса философии — вопроса об отношении мышления к бытию, духа к природе, подчеркивая, что этот вопрос имеет также и другой аспект, другую сторону, выражающуюся в проблеме познаваемости мира, соотношения между бытием и отражением его в человеческом сознании. В зависимости от того, как тот или иной философ отвечает на основной вопрос философии, определяется его принадлежность к тому или другому из этих двух философских лагерей.

Энгельс подчеркивает несостоятельность попыток примирения материализма и идеализма путем создания промежуточной философии (дуализм, агностицизм). Доказывая познаваемость мира, Энгельс опровергает агностицизм во всех его проявлениях, показывает, что самое «решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и промышленности... Мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из

его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям» (см. настоящий том, стр. 284).

Крупнейшей заслугой Энгельса является обоснование на примере всей истории борьбы философских течений, отражавшей, как он показал, в идеологической области борьбу классов и партий, принципа партийности философии. Сама работа Энгельса является образцом пролетарской партийности и принципиальности в философии, примером страстной защиты передового мировоззрения и решительной отповеди реакционным идеалистическим течениям.

Подвергнув критическому рассмотрению гегелевскую философию, Энгельс показывает, что прогрессивной стороной ее являлся диалектический метод; он подчеркивает в то же время, что этот метод был Гегелем мистифицирован и искажен идеалистической оболочкой. Энгельс вскрывает противоречие, существующее между этим методом и всей гегелевской идеалистической системой, носящей догматический и метафизический характер. Он показывает, как Маркс, отбросив идеализм гегелевской философии, использовал ее рациональное зерно, диалектическую теорию развития, соединив ее с материалистическим пониманием мира.

Характеризуя воззрения Фейербаха как один из философских источников марксизма, Энгельс вместе с тем вскрывает ограниченность домарксовского материализма, его механицизм и метафизичность. Он показывает, что Фейербах, как и другие представители этого материализма, признавая первичность природы по отношению к духу, не смог преодолеть идеализма во взглядах на человеческое общество и его историю. Фейербах, говорит Энгельс, «был материалист внизу, идеалист вверху» (см. настоящий том, стр. 300).

Энгельс раскрывает существо того революционного переворота в философии, который был совершен Марксом в результате создания диалектического материализма. «Диалектика, — пишет он, — сводилась этим к науке об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления» (см. настоящий том, стр. 302). Он подробно рассматривает сущность исторического материализма, который открыл общие законы развития, действующие в истории человеческого общества. Отмечая, что в основе исторического процесса лежат экономические отношения, определяющие характер политического строя и все формы и виды общественного сознания, включая религию и философию, Энгельс в то же время подчеркивает активную роль идеологических надстроек, их способность к самостоятельному развитию и обратному воздействию на экономический

базис. Этим Энгельс показал недопустимость вульгарного истолкования материалистического понимания истории в духе игнорирования и принижения значения политических и идеологических факторов. В работе Энгельса с материалистических позиций были раскрыты происхождение, социальные корни и реакционная сущность религии. Весьма важное значение имеет мысль Энгельса о тесной связи между развитием передовой философии и успехами человеческой мысли в области естествознания. Энгельс подчеркивает, что революционное мировоззрение, отражающее стремление передового класса к преобразованию общества, находит себе также опору и в прогрессивном развитии естественных наук.

Энгельс указывает на научную несостоятельность и упадок буржуазной философии, представители которой стали откровенными идеологами реакционной буржуазии. Только идеологи рабочего класса продолжают развивать и двигать вперед теорию. Они и являются, заканчивает Энгельс, действительными наследниками классической немецкой философии.

Ряд произведений, включенных в том, отражает другую важнейшую сторону теоретической деятельности Энгельса в этот период — его работу над завершением и подготовкой к печати «Капитала», а также над выпуском и переизданием других произведений Маркса. Издание «Капитала» Энгельс считал своим основным долгом перед международным пролетариатом после смерти Маркса. Он неоднократно говорил, что с выходом в свет всех томов «Капитала» теория научного коммунизма получит несокрушимый фундамент и вся официальная буржуазная политическая экономия будет разбита наголову. Второй том «Капитала» был выпущен в свет в 1885 г., а над третьим Энгельс работал еще около десяти лет. Этот том вышел из печати лишь в 1894 году.

Одновременно с этим Энгельс подготовил сначала третье (1884 г.), а затем и четвертое (1890 г.) немецкие издания I тома «Капитала», тщательно отредактировал перевод его на английский язык (этот перевод вышел в свет в 1887 году). В третье, а также в четвертое немецкие издания Энгельс внес ряд изменений и уточнений, основанных на сохранившихся указаниях самого Маркса, и предпослал этим изданиям особые предисловия (см. настоящее издание, т. 23, стр. 27—29, 35—40). Специальное предисловие было написано им и для английского издания (см. там же, стр. 30—34). Вышедший в 1885 г. II том Энгельс также снабдил большим предисловием, дав решительный отпор тем буржуазным экономистам, которые в своих попытках дискредитировать учение Маркса и помешать победо-

носному распространению марксизма пускались на всякие недостойные приемы вплоть до самой грязной клеветы, обвиняя Маркса в плагиате у немецкого буржуазно-юнкерского экономиста, одного из духовных отцов прусского «государственного социализма» К. Родбертуса (см. настоящее издание, т. 24).

К предисловию Энгельса ко II тому «Капитала» непосредственно примыкает публикуемое в томе предисловие к первому немецкому изданию работы Маркса «Нищета философии», выпущенному в 1885 г. по инициативе Энгельса и под его редакцией. В этом предисловии Энгельс нанес сокрушительный удар апологетам Родбертуса — немецким катедер-социалистам, а также представителям оппортунистической группы внутри германской социал-демократии. Энгельс вскрывает здесь реакционную утопичность взглядов Родбертуса, несостоятельность его теории «рабочих денег», основанной на полном непонимании действия закона стоимости в капиталистическом обществе. Исходя из марксовой теории стоимости, Энгельс показывает, что в условиях капиталистического способа производства закон стоимости действует через конкуренцию и стоимость товара может быть выявлена только при постоянном отклонении цен товаров от их стоимости и лишь в силу этого отклонения. Энгельс отмечает, что Маркс, критически использовав теорию стоимости Рикардо, дал строго научное объяснение неизбежности краха капиталистического строя и доказал неизбежность победы социализма, основываясь не на требованиях морали, а на экономических фактах.

Энгельс разоблачает реакционные утверждения Родбертуса и его последователей о якобы надклассовом характере прусского государства и способности его выполнять особую социальную миссию облегчения положения трудящихся. С помощью этих утверждений сторонники «государственного социализма» пытались обосновать свое угодничество перед правительством Бисмарка и восхваление проводимых им в демагогических целях «социальных реформ».

С работой Энгельса над редактированием английского перевода первого тома «Капитала» связана статья «Как не следует переводить Маркса», в которой подвергается критическому разбору перевод на английский язык начальных разделов первой главы I тома, сделанный лидером английской Социал-демократической федерации оппортунистом Гайндманом (выступал под псевдонимом Д. Бродхаус). Эта статья свидетельствует о том, с какой нетерпимостью относился Энгельс к малейшим попыткам исказить Маркса, какое большое значение придавал он правильному переводу «Капитала» на иностранные языки. Энгельс

проявлял особый интерес к переводу «Капитала» на русский язык, поддерживал постоянный контакт с переводчиком второго тома Н. Ф. Даниельсоном, помогая ему ускорить это издание.

Работая над «Капиталом», Энгельс продолжал следить за развитием капиталистической экономики, анализировал новые явления в ней. В статье «Протекционизм и свобода торговли», написанной в качестве предисловия к американскому изданию речи Маркса «О свободе торговли», Энгельс показывает, как протекционистская система по мере развития капитализма превращается из фактора, стимулировавшего это развитие, в фактор, который становится его тормозом. Энгельс подмечает при этом такие новые явления в экономике капитализма, как образование крупнейших акционерных обществ, считая это неизбежным результатом развития капиталистического производства. «Превращение пенсильванской нефтяной промышленности в монополию «Стандард ойл компани» — процесс, вполне соответствующий законам капиталистического производства» (см. настоящий том, стр. 386). Он подчеркивает антинародный характер таких монополий, их направленность не только против иностранной конкуренции, но и против жизненных интересов отечественного потребителя.

Ведя напряженную работу в области теории марксизма, Энгельс все эти годы одновременно осуществляет практическое руководство международным рабочим и социалистическим движением. «После смерти Маркса, — писал В. И. Ленин, — Энгельс один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 2, стр. 12). Он постоянно внимательно следил за борьбой пролетариата, поддерживал личные контакты с социалистическими лидерами Германии, Франции, Англии, России, США, Голландии, Австрии, Румынии и других стран, тщательно изучал социалистическую и буржуазную прессу. Роль Энгельса как вождя международного рабочего движения особенно ярко отражена в его богатейшем эпистолярном наследстве, в той огромной переписке, которую, он вел с деятелями рабочего движения Европы и Америки. Обладая гигантским опытом революционной борьбы, огромными знаниями в области истории и экономики различных стран, Энгельс всегда облекал свои советы и указания в конкретную форму. Учитывая исторические особенности развития каждой страны, он помогал находить решение наиболее сложных вопросов тактики рабочего класса. Он неустанно заботился об организационном оформлении и идеологическом укреплении пролетарских партий, помогая им исправлять ошибки и преодолевать трудности,

страстно боролся с любыми проявлениями оппортунизма, догматизма, сектантства, анархизма.

Исключительное внимание уделял Энгельс все эти годы германскому рабочему движению. Особенности исторического развития Германии, вскрытые в ряде публикуемых в томе работ, — незавершенность буржуазной революции, осуществление объединения «сверху», под главенством юнкерской Пруссии, политическая слабость и трусость буржуазии, быстрое развитие капитализма при сохранении значительных пережитков полуфеодальных отношений как в экономической, так и особенно в политической области, — все это обусловливало исключительную остроту классовых противоречий. В силу этого немецкий пролетариат в последней четверти XIX в. оказался в авангарде международного рабочего движения. Германия была первой страной, в которой была создана единая массовая социалистическая партия, стоявшая на почве марксизма. Этой партии приходилось действовать в сложных условиях исключительного закона против социалистов, принятого правительством Бисмарка в 1878 году. Энгельс оказывал партии огромную помощь, ведя непримиримую борьбу с оппортунистическими элементами в ее рядах, подвергая критике ошибки и шатания партийного руководства и помогая преодолевать их. Энгельс помог социал-демократической партии в течение 80-х годов выработать правильную революционную тактику, умело сочетать легальную работу с нелегальной деятельностью и, значительно повысив свой авторитет и влияние среди рабочих, добиться в 1890 г. отмены закона против социалистов.

Энгельс считал делом первостепенной важности воспитание партии и рабочих масс в духе революционных традиций и пролетарского интернационализма, окончательное преодоление реформистского влияния лассальянства, а также других течений буржуазного и мелкобуржуазного социализма. Отмечая в предисловии к второму изданию своей работы «К жилищному вопросу», что в Германии эти антипролетарские течения имеют еще многочисленных представителей как в лице катедер-социалистов, так и в социал-демократической фракции рейхстага, Энгельс подчеркивал обусловленность этого явления социальной обстановкой в Германии — «стране мещанской по преимуществу, и притом в такое время, когда промышленное развитие насильственно и в массовом масштабе вырывает с корнем это искони укоренившееся мещанство» (см. настоящий том, стр. 338). В силу этого Энгельс придавал огромное значение разработке искажавшейся катедер-социалистами истории социалистического движения в Германии и других странах, в первую

очередь истории Союза коммунистов и I Интернационала. Не имея возможности осуществить целиком задуманный им план создания такой истории, Энгельс выступает в печати со статьями, посвященными отдельным периодам революционной борьбы, организует переиздание некоторых работ Маркса и наиболее важных документов из истории революционного рабочего движения, сопровождая их своими предисловиями.

В статье «Маркс и «Neue Rheinische Zeitung»», написанной к первой годовщине со дня смерти Маркса, Энгельс раскрывает особенности тактики пролетарских революционеров в период буржуазно-демократической революции 1848—1849 годов. Работа Энгельса показывает историческое значение революционной борьбы масс и правильного тактического руководства их действиями. Энгельс подчеркивает, что пролетарская партия должна умело сочетать общедемократические задачи с пролетарскими. На примере тактики Маркса в 1848—1849 гг. Энгельс учил германских социал-демократов бороться за ведущую роль рабочего класса в общедемократическом движении, отстаивать классовые интересы пролетариата, не поддаваясь мелкобуржуазным иллюзиям и решительно разоблачая попытки обмана пролетариата лживыми обещаниями со стороны правящих классов.

В работе «К истории Союза коммунистов» Энгельс раскрывает историческую роль и место в развитии международного рабочего движения этой первой международной организации пролетариата, впервые провозгласившей своим идейным знаменем программу научного коммунизма. Подчеркивая, что основание этой организации явилось важным этапом борьбы за создание пролетарской партии, в том числе и в Германии, Энгельс тем самым разоблачает распространявшуюся лассальянцами легенду о том, что самостоятельное рабочее движение в Германии берет свое начало от лассальянского Всеобщего германского рабочего союза. На примере истории Союза коммунистов Энгельс показывает, что победа теории марксизма над различными сектантскими течениями была обусловлена тем, что эта теория с момента своего возникновения полностью отражала потребности практической революционной борьбы пролетариата и была неотделима от нее.

Для рабочего класса Германии в годы действия исключительного закона было особенно важно овладеть опытом революционной борьбы в период наступления реакции в 1849—1852 годах. Именно поэтому Энгельс счел необходимым переиздать речь Маркса перед судом присяжных в Кёльне на процессе Рейнского окружного комитета демократов в 1849 г., а также памфлет Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе

коммунистов». В предисловии к брошюре «Карл Маркс перед судом присяжных в Кёльне» Энгельс указывает, что речи Маркса являются замечательным примером того, как коммунист должен использовать буржуазный суд в целях публичного отстаивания революционных воззрений. Энгельс с гневом и возмущением разоблачает здесь буржуазную «законность», на основе которой правительство Германской империи подвергало преследованиям социалистов. Предисловие Энгельса прямо направлено и против оппортунистических элементов внутри самой социал-демократической партии, которые готовы были поступиться основными революционными принципами и в обмен на обещания отмены исключительного закона превратить партию революционного пролетариата в партию немецкого мещанства.

Публикуемая в томе статья «Стачка рурских горняков 1889 года» свидетельствует о том большом внимании, которое Энгельс уделял массовым выступлениям немецких рабочих и участию социал-демократии в практической борьбе германского пролетариата. Он постоянно требовал этого от руководителей партии, подчеркивая особую важность вовлечения в движение новых отрядов рабочего класса.

Энгельс всемерно помогал германской социал-демократии вырабатывать правильную тактику по отношению к крестьянству. Он постоянно старался привлечь к этому ее внимание. Именно в эти годы Энгельс подготавливает к переизданию свою работу «Марка» в виде популярной брошюры, приступает к переработке своей книги «Крестьянская война в Германии» для нового издания. Эти работы, как и ряд других, были посвящены обоснованию необходимости союза рабочего класса с трудящимся крестьянством как единственного реального пути освобождения крестьян от гнета юнкерства и буржуазии.

Написанная Энгельсом в этой связи работа «К истории прусского крестьянства» посвящена раскрытию исторического процесса закрепощения крестьян в Пруссии и показывает, как помещики, вынужденные — войной против Наполеона, а затем революционными выступлениями крестьян в 1848 г. — пойти на ликвидацию феодальных повинностей, сделали это путем грандиозного ограбления крестьянства. Энгельс показывает, таким образом, что в лице ограбленного помещиками крестьянства рабочий класс имеет естественного союзника в борьбе за свержение капиталистических порядков.

С этой проблемой тесно связано и упомянутое выше «Предисловие ко второму изданию книги «К жилищному вопросу»». Анализируя в нем состояние немецкой домашней промышленности, Энгельс отмечает чрезвычайно низкий уровень оплаты

труда рабочих этой промышленности, продолжающих еще сохранять связь с сельским хозяйством, что позволяет капиталистам не только платить им жалкие гроши, но и снижать заработную плату остальным категориям рабочих. В то же время Энгельс показывает, что распространение этой домашней промышленности обусловливает разорение мелких крестьян и превращение их в пролетариев. Таким образом, в ряды пролетариата вливаются широкие слои трудящихся и это создает благоприятные предпосылки для распространения революционного движения вплоть до самых отсталых уголков Германии. Отсюда Энгельс делает вывод, что в случае революционного выступления рабочего класса «крестьянские сыны «славной боевой армии» окажут мужественную поддержку» (см. настоящий том, стр. 343).

В интересах идейного воспитания немецких рабочих и германской социал-демократии в духе правильного понимания истории своей страны и ее современного положения Энгельс, несмотря на свою крайнюю занятость, собирался выпустить ряд работ, посвященных анализу исторического прошлого Германии. Он намеревался вскрыть в них исторические корни реакционных порядков, господствовавших в Германской империи. Готовя новое издание своей книги «Крестьянская война в Германии», он предполагал значительно расширить ее, более подробно осветив предшествующую историю страны и раскрыв значение событий первой четверти XVI в. как первой, хотя и неудавшейся буржуазной революции, событий, ставших, по его словам, краеугольным камнем всей истории Германии.

В томе публикуются дошедшие до нас фрагменты этого незавершенного труда — начало его вводной части, помещенное в разделе «Из рукописного наследства» под заглавием «О разложении феодализма и возникновении национальных государств», и рукопись «К «Крестьянской войне»», представляющая собой наброски плана этого введения. В этих работах Энгельс раскрывает процесс постепенного возникновения в Западной Европе в рамках разлагавшегося феодального строя капиталистических отношений и образования национальных государств. Энгельс подчеркивает в этой связи прогрессивную централизаторскую роль, которую сыграла на данном историческом этапе королевская власть — «представительница порядка в беспорядке» (см. настоящий том, стр. 411), давая тем самым ключ к пониманию и правильной оценке исторического процесса образования в XV—XVI веках в ряде стран Европы, за исключением Италии и Германии, централизованных абсолютных монархий. Энгельс внес существенный вклад в раз-

работку марксистского учения по национальному вопросу, раскрыв особенности формирования наций в Европе.

В том же разделе публикуется другая незавершенная работа Энгельса «Роль насилия в истории», задуманная им в качестве четвертой главы брошюры того же названия. Три первые главы этой брошюры должны были составлять главы его книги «Анти-Дюринг», объединенные единым заглавием «Теория насилия». Как явствует из слов самого Энгельса, он имел в виду на конкретном примере истории Германии показать правильность сделанных в «Анти-Дюринге» выводов о взаимоотношении экономического и политического факторов в истории.

В своей работе Энгельс намеревался дать отпор злостным попыткам господствующих классов Германии, которые сами в своей политике объединения страны «кровью и железом» прибегали к грубому насилию, изобразить представителей пролетариата сторонниками применения насильственных действий при любых обстоятельствах. Именно под этим лживым предлогом правительство Бисмарка обрушило на революционную социал-демократию полицейские репрессии.

В «Роли насилия в истории» выявлены особенности развития Германии после 1848 года. Если во фрагментах к новому изданию «Крестьянской войны в Германии» Энгельс дал ключ к пониманию причин сохранения феодальной раздробленности в Германии вплоть до середины XIX в., то в работе «Роль насилия в истории» он выясняет экономические и политические предпосылки произошедшего позднее объединения страны. Энгельс дает исключительно четкую характеристику возможных путей объединения Германии, раскрывая причины, обусловившие объединение ее «сверху», под главенством Пруссии. Отмечая прогрессивность самого факта объединения, несмотря на то, что оно произошло таким путем, Энгельс в то же время раскрывает всю историческую ограниченность и бонапартистский характер политики Бисмарка, которая в конечном счете привела к утверждению в Германии полицейского государства, к засилью юнкерства — этого экономически и политически вырождавшегося класса, к росту милитаризма. Энгельс разоблачает всю половинчатость и трусливость германской буржуазии, оказавшейся не способной отстаивать до конца свои собственные интересы и добиться окончательной ликвидации феодальных пережитков. Бичующей критике подвергает Энгельс воинственную внешнюю политику господствующих классов Германии, нашедшую свое наиболее яркое выражение в ограблении Франции в 1871 г. и в аннексии Эльзаса и Лотарингии. Анализируя внутреннее состояние Германской империи

и расстановку классовых сил в ней, вскрывая внутренние противоречия, присущие ей с самого ее основания, ее милитаристские и агрессивные устремления, Энгельс приходит к выводу о неизбежности ее краха. Из работы Энгельса вытекает со всей очевидностью, что в Германии только один класс — пролетариат — по праву может претендовать на роль носителя подлинно национальных общенародных интересов.

В томе публикуется ряд статей, в которых дана глубокая характеристика состояния и особенностей английского рабочего движения («Англия в 1845 и 1885 годах», «Приложение к американскому изданию книги «Положение рабочего класса в Англии»», «Отставка буржуазии»). Анализируя изменения, происшедшие в экономике Англии, Энгельс приходит к выводу о появлении признаков, предвещающих утрату Англией в будущем ее мировой промышленной монополии и господствующего положения на мировом рынке. Однако с неизбежной потерей этой монополии, указывает Энгельс, исчезнет и особое положение английских рабочих по сравнению с рабочими других стран, и это даст толчок для распространения социалистического движения в Англии.

Придавая первостепенное значение втягиванию в классовую борьбу широких масс неквалифицированных рабочих, находящихся вне старых консервативных тред-юнионов и не пользовавшихся тем относительным благополучием, которым обладала объединенная в них «рабочая аристократия», Энгельс горячо приветствовал пробуждение классового сознания этой наиболее многочисленной и наиболее угнетенной части английского пролетариата. Энгельс активно поддерживал начавшуюся в Англии в конце 80-х годов организацию так называемых новых тред-юнионов, охватывавших неорганизованные ранее слои неквалифицированных рабочих, и осуждал руководство английской Социал-демократической федерации за сектантское отгораживание от этого движения. Энгельс считал, что именно эти слои рабочего класса наиболее восприимчивы к социалистическим идеям, что их пробуждающаяся активность открывает перспективы освобождения рабочего класса от тред-юнионистской идеологии и создания в Англии массовой социалистической партии.

С исключительным вниманием следил Энгельс за принявшей широкий размах в 80-х годах XIX в. борьбой пролетариата США. Он решительно выступал против имевших место уже тогда попыток теоретиков исключительности американского капитализма доказать, будто в США отсутствует почва для распространения социалистических идей. Энгельс подчеркивает, что

в условиях роста классового сознания пролетариата США идеи научного социализма неизбежно должны получить доступ к рабочим массам и их распространение становится насущной необходимостью. Энгельс предпринимает издание в США своей работы «Положение рабочего класса в Англии», считая, что это произведение окажется наиболее понятным и близким для американских пролетариев, уровень политического развития которых в середине 80-х годов примерно соответствовал политическому уровню английских рабочих за сорок лет до этого. В предисловии к этому изданию, опубликованном также в виде отдельного оттиска под заглавием «Рабочее движение в Америке», Энгельс показывает, что бурное развитие капитализма в США неизбежно сопровождается столь же бурным ростом рабочего движения. Он отмечает, что американский пролетариат, подобно своим европейским собратьям, рано или поздно обязательно встанет на путь борьбы за социализм.

Критическому анализу подвергает Энгельс в этой работе утопическую доктрину американского буржуазного реформатора Генри Джорджа, идеи которого пользовались одно время известным влиянием среди рабочих США. Отмечая прогрессивность выдвигаемого Джорджем и его сторонниками требования национализации земли, Энгельс в то же время показывает несостоятельность провозглашения этого требования единственной панацеей от бедности и нищеты народных масс. В условиях сохранения капиталистической системы, указывает Энгельс, национализация земли, вопреки утверждениям Джорджа, не может привести к освобождению трудящихся от гнета и эксплуатации. «То, чего требуют социалисты, предполагает полный переворот во всей системе общественного производства; то, чего требует Генри Джордж, оставляет нынешний способ общественного производства нетронутым» (см. настоящий том, стр. 350).

Подчеркивая в этой работе, как и в других своих произведениях, что пролетариат может добиться своего освобождения и взять в свои руки политическую власть, только создав самостоятельную политическую партию, Энгельс указывает на важность для такой партии иметь выдержанную революционную социалистическую программу. Без такой программы «сама новая партия будет оставаться в зачаточном состоянии... она будет партией только в потенции, но не в действительности» (см. настоящий том, стр. 347). Энгельс в то же время отмечает, что одного программного заявления о признании принципов научного социализма недостаточно. Партия, провозгласившая эти принципы, но оторванная от практической борьбы рабочего

класса, неизбежно останется сектантской группой. Энгельс подвергает критике сектантскую, догматическую позицию Социалистической рабочей партии Америки, которая, признавая на словах марксизм, не делала серьезных шагов для того, чтобы связаться с массовым рабочим движением в стране. Он подчеркивает, что дальнейшее развитие самостоятельного рабочего движения в США зависит от того, удастся ли американскому пролетариату создать свою классовую политическую партию, свободную от влияния буржуазной идеологии.

Публикуемые в томе работы «Создавшаяся обстановка», «Редакционному комитету «Socialiste»», «К годовщине Парижской Коммуны», «О стачке рабочих стекольного завода в Лионе» и другие свидетельствуют о том, с каким глубоким интересом относился Энгельс к борьбе рабочего класса Франции, как помогал он французским пролетариям быстрее оправиться от поражения, нанесенного им разгромом Парижской Коммуны. Считая Францию страной, где «в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба» (предисловие к третьему немецкому изданию работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», см. настоящий том, стр. 259), Энгельс приветствовал успехи французских революционных социалистов, в частности успешную деятельность рабочих депутатов в парламенте. Одного появления социалистической фракции, пишет он, «было достаточно для внесения замешательства в ряды всех буржуазных партий» (см. настоящий том, стр. 268). Энгельс оказывал постоянную поддержку французским марксистам в их борьбе с отколовшимся от Рабочей партии оппортунистическим течением поссибилистов. В помещаемом в приложениях к тому памфлете «Международный рабочий конгресс 1889 года», отредактированном Энгельсом, указывалось, что «поссибилисты представляют собой сейчас по существу правительственную партию — *министерских социалистов* и пользуются всеми выгодами этого положения» (см. настоящий том, стр. 531). Энгельс всемерно помогал французским марксистам превратить Рабочую партию Франции в подлинно пролетарскую массовую социалистическую партию.

С самым пристальным вниманием следил Энгельс за развитием революционного движения в России. Усиление в 80-х годах политической реакции в стране не поколебало уверенности Энгельса в неизбежности народной революции против царизма, которой он попрежнему придавал огромное значение, подчеркивая, что она будет способствовать ускорению победы европейского рабочего класса. В интервью для американской

социалистической газеты «New Yorker Volkszeitung» Энгельс указывает, что революция в России вызвала бы «переворот во всем политическом положении в Европе» (см. настоящий том, стр. 520).

Энгельс был убежден, что революционные силы в России, несмотря на все репрессии и полицейский террор царизма, будут неуклонно расти и играть все более выдающуюся роль в мировом революционном движении. «Россия, это — Франция нынешнего века, — передает его слова Г. А. Лопатин. — Ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива *нового* социального переустройства» (см. настоящий том, стр. 490). Поддерживая постоянную связь с русскими революционерами, Энгельс приветствовал образование первой русской марксистской группы «Освобождение труда». Он придавал исключительное значение распространению марксизма в России и формированию там революционного пролетариата. С большой похвалой отзывался Энгельс о первых произведениях русских марксистов, посвященных критике народнических взглядов, вел переписку с В. И. Засулич и Г. В. Плехановым, радовался их участию в борьбе за интернациональное сплочение социалистических и рабочих партий.

Ряд произведений и документов, публикуемых в томе, отражают роль Энгельса в укреплении международных революционных связей социалистов различных стран. Энгельс всемерно поддерживал различные формы этих связей: личные контакты, взаимное сотрудничество в социалистической печати, проведение международных кампаний по поводу того или иного события, агитационные поездки в другие страны, наконец, организация в случае необходимости материальной поддержки. Огромное значение придавал Энгельс социалистической печати. Он принимал непосредственное участие в руководстве органом германской социал-демократии газетой «Der Sozialdemokrat», сотрудничал во французской газете «Le Socialiste», в английских социалистических органах «The Commonweal» и «The Labour Elector», в немецком теоретическом журнале «Die Neue Zeit». Многие помещаемые в томе статьи Энгельса перепечатывались в социалистических органах разных стран. При непосредственном участии Энгельса, а в большинстве случаев и под его редакцией, помимо «Капитала» был осуществлен перевод и издание ряда важнейших произведений научного коммунизма на различных языках: подготовлены французский перевод работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», итальянское, польское и датское издания «Происхождения семьи, частной собственности и государства» и т. д. Исключительно

важное значение имело подготовленное при участии Энгельса новое немецкое (1883 г.) и отредактированное им английское (1888 г.) издания «Манифеста Коммунистической партии». В предисловии к английскому изданию этого программного документа марксизма Энгельс с удовлетворением отмечал, что «Манифест» стал «самым распространенным, наиболее международным произведением всей социалистической литературы, общей программой, признанной миллионами рабочих от Сибири до Калифорнии» (настоящий том, стр. 366).

Пока социалистические партии в основных европейских странах не оформились организационно, Энгельс считал преждевременным возрождение Интернационала. Но когда к концу 80-х годов в связи с повсеместным созданием и укреплением социалистических партий, стоящих на платформе марксизма, сложились благоприятные условия для основания нового международного социалистического объединения, Энгельс принял самое энергичное участие в подготовке Международного социалистического рабочего конгресса 1889 г., положившего начало Второму Интернационалу. Именно благодаря его участию потерпели полный крах попытки оппортунистических элементов в лице французских поссибилистов и лидеров английской Социал-демократической федерации захватить руководство международным рабочим движением. Эта деятельность Энгельса находит свое отражение в статье «Поссибилистские мандаты», а также в публикуемых в разделе «Приложения» материалах: в письме в редакцию газеты «The Labour Elector», написанном Энгельсом от имени французского социалиста Бонье, в отредактированных им двух памфлетах «Международный рабочий конгресс 1889 года» и в составленных при его участии документах о созыве конгресса.

В томе публикуется несколько работ Энгельса, посвященных борьбе против угрозы войны, милитаризма и гонки вооружений — борьбе, которую Энгельс считал одной из важнейших задач социалистических партий и всего международного рабочего движения. В статье «Политическое положение в Европе», в которой дается анализ международной обстановки во второй половине 1886 г., когда в результате так называемого балканского кризиса и роста шовинизма в Германии и во Франции угроза войны стала особенно острой, Энгельс подчеркивает, что правящие классы европейских государств, готовясь к войне, видят в ней также одно из средств подавления революционного движения. *«Перед ними. встает призрак социальной революции, и они знают только одно средство спасения — войну»* (см. настоящий том, стр. 326). Энгельс напоминает социалисти-

ческим партиям, что их прямая обязанность вести борьбу против развязывания войны. «Социалисты.., — пишет он, — заинтересованы в сохранении мира, так как именно им придется оплачивать все издержки войны» (см. настоящий том, стр. 327).

Выдающимся вкладом в разоблачение милитаристской и завоевательной политики является введение Энгельса к брошюре С. Боркхейма «На память ура-патриотам 1806—1807 годов». В этом произведении содержится блестящий, основанный на тщательном анализе глубоких противоречий между европейскими державами прогноз относительно масштабов и последствий будущей войны, подготавливаемой правящими классами. «И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы, — пророчески пишет он. — От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырех лет, и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса» (см. настоящий том, стр. 361).

Это предвидение Энгельса было охарактеризовано В. И. Лениным как «гениальное пророчество». «Кое-что из того, что предсказал Энгельс, — писал В. И. Ленин в 1918 г. в статье «Пророческие слова», —вышло иначе: еще бы не измениться миру и капитализму за тридцать лет бешено быстрого империалистического развития. Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по писаному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежние» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 27, стр. 456). Особенно высоко ценил Ленин в этих высказываниях Энгельса о будущей войне его оптимистическую непоколебимую веру в конечную победу рабочего класса и торжество социализма. Поднимая свой голос гневного обличительного протеста против преступной человеконенавистнической политики

подготовки и развязывания мировой войны, Энгельс предсказывал, что эта война приведет к краху капиталистического строя.

* * *

В состав настоящего тома включено 5 работ, не вошедших в первое издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса: статья Энгельса «Стачка рурских горняков 1889 года», его заметка «О стачке лондонских докеров» (последняя вообще впервые публикуется на русском языке), рукописные наброски «К «Крестьянской войне»», план IV главы брошюры «Роль насилия в истории» и план заключительной части этой главы. Работы, не публиковавшиеся при жизни автора и сохранившиеся в рукописном виде, печатаются в разделе «Из рукописного наследства Ф. Энгельса».

В разделе «Приложения» публикуются работы и документы, в составлении которых принимал участие Энгельс и которые дают дополнительный материал о его теоретической и практической деятельности в данный период. Помимо уже публиковавшихся в первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса интервью Энгельса для «New Yorker Volkszeitung», поправок Энгельса к программе Североанглийской социалистической федерации, отредактированных им памфлетов «Международный рабочий конгресс 1889 года», воззвания и извещения о созыве Международного социалистического рабочего конгресса в том включен ряд других документов. Впервые на русском языке публикуются статья «Майское восстание 1849 года», написанная П. Лафаргом по материалам Энгельса, и составленное Энгельсом от имени французского социалиста Ш. Бонье письмо в редакцию газеты «Labour Elector». В «Приложения» включены также письмо Г. А. Лопатина М. Н. Ошаниной, содержащее изложение беседы Энгельса с ним, и полный текст статьи «Юридический социализм», написанной согласно замыслу Энгельса и в значительной части им самим.

При работе над текстом публикуемых в томе произведений использованы все их прижизненные издания как на языке оригинала, так и в переводах; важнейшие из разночтений отражены в подстрочных примечаниях. Опечатки и описки в именах собственных, географических названиях, датах и т. д. исправлены на основании проверки фактов. Заглавия работ даны в соответствии с оригиналами. В тех случаях, когда заглавие, отсутствующее в оригинале, дано Институтом марксизма-ленинизма, перед заглавием стоит звездочка.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

Ф. ЭНГЕЛЬС

МАЙ 1883—ДЕКАБРЬ 1889

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» 1883 ГОДА [1]

Предисловие к настоящему изданию мне приходится, к сожалению, подписывать одному. Маркс — человек, которому весь рабочий класс Европы и Америки обязан более, чем кому бы то ни было, — покоится на Хайгетском кладбище, и могила его поросла уже первой травой. После его смерти уж во всяком случае не может быть речи о переделке или дополнении «Манифеста». Тем более я считаю необходимым с полной ясностью еще раз заявить здесь следующее.

Основная мысль, проходящая красной нитью через весь «Манифест», мысль, что экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории; что в соответствии с этим (со времени разложения первобытного общинного землевладения) вся история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития, и что теперь эта борьба достигла ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда

от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы, — эта основная мысль принадлежит всецело и исключительно Марксу*.

Я это говорил уже неоднократно, но именно теперь необходимо предпослать это заявление и самому «Манифесту».

Ф. Энгельс

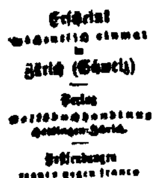
Лондон, 28 июня 1883 г.

Напечатано в книге: «Das Kommunistische Manifest», Hottingen-Zurich, 1883

Печатается по тексту немецкого издания 1890 г., сверенного с изданием 1883 г.

Перевод с немецкого

* «К этой мысли, — писал я в предисловии к английскому переводу [см. настоящий том, стр. 367—368. *Ред.],* — которая, по моему мнению, должна для истории иметь такое же значение, какое для биологии имела теория Дарвина, оба мы постепенно приближались еще за несколько лет до 1845 года. В какой мере мне удалось продвинуться в этом направлении самостоятельно, показывает моя работа «Положение рабочего класса в Англии»[2]. Когда же весной 1845 г. я вновь встретился с Марксом в Брюсселе, он уже разработал эту мысль и изложил ее мне почти в столь же ясных выражениях, в каких я привел ее здесь». *(Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 года.)*


Erscheint wöchentlich einmal in Zürich (Schweiz)
Verlag Volksbuchhandlung Hottingen-Zürich.
Postsendungen franco gegen franco
Gewöhnliche Briefe nach der Schweiz kosten Doppelporto.

Der Sozialdemokrat

Zentral-Organ der deutschen Sozialdemokratie.

Abonnements werden bei allen schweizerischen Postbureaux, sowie beim Verlag und dessen bekannten Agenten entgegengenommen und zwar zum voraus zahlbaren Vierteljahrspreis von:
Fr. 2.– für die Schweiz (Kreuzband)
Mk. 3.– für Deutschland (Couvert)
fl. 1.70 für Oesterreich (Couvert)
Fr. 2.50 für alle übrigen Länder des Weltpostvereins (Kreuzband)
Inserate
Die dreigespaltene Petitzeile à 25 Cts. = 20 Pfg.

№ 24. Donnerstag, 7. Juni. 1883.

* ГЕОРГ ВЕЕРТ

«ПЕСНЯ ПОДМАСТЕРЬЯ» ГЕОРГА ВЕЕРТА (1846 г.) [3]

Под вишнею цветущей
Мы кров себе нашли,
Под вишнею цветущей
Во Франкфурте нашли.

И нам сказал трактирщик:
«Одеты вы в тряпье...». —
«Молчи, трактирщик вшивый,
Ведь дело не твое!

Неси-ка лучше пива,
Вина еще налей,
Подай к вину и пиву
Жаркого поскорей!»

Кран скрипнул, и густая
Струя пошла, журча.
Хлебнули — дрянь какая!
Ни дать ни взять — моча.

Принес хозяин зайца
В гарнире овощном,
Принес хозяин зайца,
А заяц был с душком.

Когда ж в свои постели
Легли мы, помолясь,
Всю ночь клопы в постели
Нещадно ели нас.

Во Франкфурте прекрасном
Несладко было нам.
И это знает каждый,
Кто горе мыкал там.

Это стихотворение нашего Друга Веерта я отыскал среди рукописного наследства Маркса. Веерт, первый и самый значительный поэт немецкого пролетариата, родился на Рейне, в Детмольде, где отец его был пастором — инспектором церковного округа. Во время моего пребывания в 1843 г. в Манчестере Веерт приехал в Брадфорд в качестве комиссионера одной немецкой фирмы, и мы провели вместе много веселых воскресных дней. В 1845 г., когда Маркс и я жили в Брюсселе, Веерт взял на себя агентуру на континенте от своего торгового дома и поставил дело так, что смог свою главную квартиру также перенести в Брюссель. После[*] мартовской революции 1848 г. мы все собрались в Кёльне, чтобы основать «Neue Rheinische Zeitung». Веерт взял на себя фельетоны, и я сомневаюсь, были ли в какой-либо другой газете такие забавные и остроумные фельетоны. Одно из главных его произведений — «Жизнь и подвиги знаменитого рыцаря Шнапганского»; в нем описывались приключения князя Лихновского, которого прозвал так Гейне в поэме «Атта Троль»[**]. Все факты соответствуют действительности; каким образом они стали нам известны, я расскажу, может быть, в другой раз. Эти фельетоны о Шнапганском вышли в 1849 г. в издании Гофмана и Кампе отдельной книгой[4] и еще до сих пор чрезвычайно забавны. Германские имперские власти возбудили преследование против Веерта за оскорбление памяти Лихновского, так как 18 сентября 1848 г. Шнапганский-Лихновский и прусский генерал фон Ауэрсвальд (также член парламента), отправившиеся верхом с целью выследить крестьянские отряды, которые двигались на помощь франкфуртским баррикадным борцам, были, по заслугам, как шпионы, убиты крестьянами. Веерт, давно уже находившийся в Англии, был присужден к трем месяцам тюрьмы, значительно позднее того, как реакция покончила с «Neue Rheinische Zeitung». Эти три месяца он впоследствии полностью отсидел, так как дела вынуждали его время от времени приезжать в Германию.

В 1850—1851 гг. он отправился по делам другой брадфордской фирмы в Испанию, затем в Вест-Индию и объездил почти всю Южную Америку. После кратковременного посещения Европы он снова вернулся в свою любимую Вест-Индию. Там он не мог отказать себе в удовольствии хоть раз увидеть подлинный оригинал Луи-Наполеона III, негритянского императора Сулука на Гаити[5]. Но, как сообщает В. Вольф Марксу в письме от 28 августа 1856 г., встретив

[*] Отсюда и до конца текст статьи сверен с имеющейся рукописью. *Ред.*
[**] Гейне. «Атта Троль», глава I. *Ред.*

«затруднения со стороны карантинных властей, он должен был отказаться от своего проекта и, схватив в пути лихорадку (желтую), вернулся в Гавану. Он слег, болезнь осложнилась воспалением мозга, и 30 июля наш Веерт скончался в Гаване».

Я назвал его первым и *самым значительным* поэтом немецкого пролетариата. И действительно, его социалистические и политические стихотворения по своей оригинальности, остроумию и в особенности по своей пламенной страстности намного превосходят стихотворения Фрейлиграта. Он часто пользовался гейневской формой, но лишь для того, чтобы наполнить ее совершенно оригинальным, самостоятельным содержанием. При этом он отличался от большинства поэтов тем, что к стихотворениям, однажды им написанным, становился совершенно равнодушным. Послав копию своих стихов Марксу или мне, он о них забывал, и зачастую его трудно было заставить где-нибудь напечатать их. Только во времена «Neue Rheinische Zeitung» дело обстояло иначе. Почему это было так, показывает следующий отрывок из письма Веерта к Марксу от 28 апреля 1851 г. из Гамбурга.

«Между прочим, я надеюсь в начале июля повидаться с тобой в Лондоне, потому что не могу больше выносить этих grasshoppers (кузнечиков) в Гамбурге. Здесь мне угрожает блестящее существование, и это меня пугает. Всякий другой ухватился бы за это обеими руками. Но я слишком стар, чтобы стать филистером, к тому же ведь по ту сторону океана лежит далекий Запад...

За последнее время я писал всякую всячину, но ничего не закончил, потому что не вижу никакого смысла, никакой цели в сочинительстве. Если *ты* пишешь что-то по вопросам политической экономии, то это осмысленно и разумно. А *я?* Отпускать убогие остроты, плоские шутки, чтобы вызвать идиотскую ухмылку на рожах соотечественников, — поистине я не знаю более жалкой роли! Моей литературной деятельности навсегда пришел конец вместе с концом «Neue Rheinische Zeitung».

Я должен признаться: если меня и огорчает, что последние три года потеряны напрасно, зато я испытываю большую радость, вспоминая о нашем пребывании в Кёльне. Мы *не* скомпрометировали себя. И в этом главное! Со времен Фридриха Великого никто не обращался с немецким народом так en canaille*, как «Neue Rheinische Zeitung».

Не хочу сказать, что это было моей заслугой, но и я в этом участвовал...

О, Португалия! О, Испания!» (Веерт как раз вернулся оттуда.) «Было бы у нас по крайней мере твое прекрасное небо, твое вино, твои апельсины и мирты! Но и этого нет! Ничего, кроме дождя, длинных носов и копченого мяса.

Остаюсь при дожде, с длинным носом, твой

Георг Веерт».

В чем Веерт был мастер, в чем он превосходил Гейне (потому что был здоровее и искреннее) и в немецкой литературе был

* — без всякого стеснения. *Ред.*

превзойден только одним Гёте, это в выражении естественной, здоровой чувственности и плотской страсти. Многие из читателей «Sozialdemokrat» пришли бы в ужас, если бы я перепечатал там некоторые фельетоны из «Neue Rheinische Zeitung». Но я не собираюсь этого делать. Не могу, однако, не заметить, что и для немецких социалистов должен когда-нибудь наступить момент, когда они открыто отбросят этот последний немецкий филистерский предрассудок, ложную мещанскую стыдливость, которая, впрочем, служит лишь прикрытием для тайного сквернословия. Когда, например, читаешь стихи Фрейлиграта, то действительно можно подумать, что у людей совсем нет половых органов. Однако никто так не любил послушать втихомолку пикантный анекдот, как именно этот ультрацеломудренный в поэзии Фрейлиграт. Пора, наконец, по крайней мере, немецким рабочим привыкнуть говорить о том, чем они сами занимаются днем или ночью, о естественных, необходимых и чрезвычайно приятных вещах, так же непринужденно, как романские народы, как Гомер и Платон, как Гораций и Ювенал, как Ветхий завет и «Neue Rheinische Zeitung».

Веерт писал, впрочем, и менее пикантные вещи, и из них я позволю себе время от времени присылать кое-что в «Sozialdemokrat» для фельетонов.

Написано в конце мая 1883 г.

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» № 24, 7 июня 1883 г.

Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по тексту газеты, сверенному с рукописью

Перевод с немецкого

КНИГА ОТКРОВЕНИЯ [6]

Историческая и лингвистическая критика библии, исследование вопроса о времени, происхождении и историческом значении различных писаний, входящих в состав Ветхого и Нового заветов, — эта *наука* не известна в Англии почти никому, за исключением немногих либеральствующих богословов, которые стараются, по возможности, хранить ее в тайне.

Наука эта почти исключительно немецкая. Более того, то немногое из нее, что проникло за пределы Германии, — отнюдь не лучшая ее часть; это тот вольнодумствующий критицизм, который гордится тем, что свободен от предубежденности и компромиссов, оставаясь в то же время христианским: эти книги, мол, не являются непосредственным откровением святого духа, но представляют божественное откровение через священный дух гуманности и т. д. Так, Тюбингенская школа (Баур, Гфрёрер и др.)[7] пользуется большим успехом в Голландии и Швейцарии, как и в Англии, а если имеется желание пойти немного дальше, то следуют за Штраусом. Такой же умеренный, но совершенно не исторический дух преобладает у известного Эрнеста Ренана, который является лишь жалким плагиатором немецких критиков. Во всех его трудах ему принадлежит только эстетический сентиментализм, которым пропитаны его мысли, и водянистая словесная форма, в которую они облечены.

Но вот что Эрнест Ренан сказал хорошо:

«Если хотите ясно представить себе, нем были первые христианские общины, то не сравнивайте их с современными церковными приходами;

они скорей напоминают местные секции Международного Товарищества Рабочих».

И это верно. Христианство, точно так же как и современный социализм, овладело массами в форме различных сект и в еще большей степени в виде противоречащих друг другу индивидуальных взглядов, из которых одни были более ясными, другие более путаными, причем последние составляли подавляющее большинство; но все они были оппозиционными по отношению к господствующему строю, к «властям предержащим».

Возьмем, например, нашу Книгу откровения. Мы увидим, что это отнюдь не самая непонятная и таинственная, а, наоборот, самая простая и ясная книга из всего Нового завета. Мы должны пока просить читателя поверить тому, что собираемся ему ниже доказать, именно: что она была написана в 68 г. или в январе 69 г. нашей эры и что она поэтому не только единственная книга Нового завета, дата которой действительно установлена, но и древнейшая из этих книг. Как выглядело христианство в 68 г., мы можем видеть в ней, как в зеркале.

Прежде всего, секты и секты без конца. В обращениях к семи церквам в Азии[8] упоминаются по крайней мере три секты, о которых мы помимо этого совершенно ничего не знаем: николаиты, валаамиты и последователи некоей женщины, символически названной здесь именем Иезавели. О всех трех сказано, что они разрешали своим последователям принимать в пищу то, что приносилось в жертву идолам, и что они предавались блуду. Любопытный факт: в каждом крупном революционном движении вопрос о «свободной любви» выступает на передний план. Для одних это — революционный прогресс, освобождение от старых традиционных уз, переставших быть необходимыми; для других — охотно принимаемое учение, удобно прикрывающее всякого рода свободные и легкие отношения между мужчиной и женщиной. Последние, своего рода филистеры, по-видимому, скоро возобладали здесь; «блуд» всегда связывается с употреблением в пищу «того, что приносилось в жертву идолам»; это было строго запрещено как иудеям, так и христианам, но и отказываться от этого могло быть иногда опасно или по меньшей мере неприятно. Из этого совершенно очевидно, что упомянутые здесь сторонники свободной любви были вообще склонны со всеми поддерживать хорошие отношения и никоим образом не были склонны идти на мученичество.

Христианство, как и всякое крупное революционное движение, было создано массами. Оно возникло в Палестине,

каким образом — нам совершенно неизвестно, в то время, когда новые секты, новые религии, новые пророки появлялись сотнями. Фактически христианство сформировалось стихийно, как нечто среднее из взаимного воздействия наиболее развитых из этих сект и впоследствии было оформлено как учение в результате добавления положений александрийского еврея Филона, а позднее и широкого проникновения идей стоиков[9]. Действительно, если мы можем считать отцом христианского учения Филона, то дядей его был Сенека. Некоторые места из Нового завета как будто списаны почти дословно с его сочинений; с другой стороны, в сатирах Персия вы можете найти места, которые кажутся списанными с не существовавшего еще в то время Нового завета. В нашей Книге откровения элементов всех этих учений нельзя найти и следа. Здесь христианство представлено в самой необработанной из дошедших до нас форм. Господствует только один догмат: верующие спасены жертвой Христа. Но как и почему — совершенно нельзя определить. Здесь нет ничего, кроме старой иудейской и языческой идеи о том, что бога или богов следует умилостивлять жертвами, — идеи, которая, будучи преобразованной в специфически христианскую (она в сущности и сделала христианство всеобщей религией), состояла в том, что смерть Христа есть великое жертвоприношение, которое, будучи однажды принесено, имеет силу навеки.

О первородном грехе — ни намека. Ни слова о троице. Иисус — «агнец», но подчиненный богу. Так, в одном месте (XV, 3) он поставлен в один ряд с Моисеем. Вместо одного святого духа там «семь духов божиих» (III, 1 и IV, 5). Убитые святые (мученики) взывают к богу о мести:

«Доколе, владыка, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» (VI, 10) —

чувство, которое впоследствии было тщательно вытравлено из теоретического кодекса христианской морали, но которое на практике проявилось в мести, как только христиане взяли верх над язычниками.

Естественно, что христианство выступает лишь как секта иудаизма. Так, в обращениях к семи церквам говорится:

«Я знаю злословие тех, которые говорят о себе, что они иудеи» (не христиане), «а они не таковы, но сборище сатанинское» (II, 9);

и опять (III, 9):

«Из сатанинского сборища, из тех, которые говорят о себе, что они иудеи, но не суть таковы».

Итак, наш автор в 69 г. нашей эры не имел даже отдаленного понятия о том, что он — представитель новой фазы развития религии, фазы, которой предназначено стать одним из величайших элементов революции. Точно так же при явлении святых перед престолом господним сначала идут 144000 евреев, по 12000 от каждого из двенадцати колен, и только после них допускаются язычники, присоединившиеся к этой новой фазе иудаизма.

Таким было христианство в 68 г., как оно изображено в древнейшей из книг Нового завета, единственной, достоверность которой не может быть оспариваема. Кто был ее автором, мы не знаем. Он называет себя Иоанном. Он даже не претендует быть «апостолом» Иоанном, хотя на основаниях «нового Иерусалима» имеются «имена двенадцати апостолов агнца» (XXI, 14). Следовательно, когда он писал, их, по-видимому, уже не было в живых. Что он был еврей, видно по обильным гебраизмам в его греческом языке, который плохой грамматикой резко выделяется даже среди других книг Нового завета. Что так называемое Евангелие от Иоанна, послания Иоанна и эта книга принадлежат по крайней мере трем различным авторам, ясно доказывает их язык, если бы этого не доказывали изложенные в них учения, которые совершенно расходятся между собой.

Апокалипсические видения, составляющие почти все содержание Откровения, в большинстве случаев дословно взяты у классических пророков Ветхого завета и их позднейших подражателей, начиная с Книги Даниила (около 160 г. до нашей эры пророчествовавшей о событиях, которые происходили веками раньше) и кончая «Книгой Еноха» — апокрифической стряпней, написанной по-гречески незадолго до начала нашей эры. Оригинальное творчество чрезвычайно бедно даже в группировке заимствованных видений. Профессор Фердинанд Бенари — курсу его лекций, читанных в Берлинском университете в 1841 г., я обязан нижеследующими сведениями — показал, исследуя главы и стихи, откуда наш автор заимствовал каждое из своих мнимых видений. Бесполезно поэтому следовать за нашим «Иоанном» во всех его фантазиях. Лучше сразу подойти к тому пункту, который раскрывает тайну этой, во всяком случае, любопытной книги.

В полной противоположности со всеми своими ортодоксальными комментаторами, которые по прошествии более 1800 лет все еще ожидают, что его пророчества должны исполниться, «Иоанн» постоянно повторяет:

«Время близко, сему надлежит быть вскоре».

И особенно это касается кризиса, который он предсказывает и который, очевидно, рассчитывает увидеть.

Кризис этот — великая последняя битва между богом и «антихристом», как назвали его другие. Важнейшие главы— XIII и XVII. Опускаем все излишние украшения. «Иоанн» видит поднимающегося из моря зверя с семью головами и десятью рогами (рога нас совсем не интересуют):

«И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела».

Этот зверь должен был получить власть над землей, враждебную богу и агнцу, на сорок два месяца (половина священных семи лет), и все люди должны были в течение этого времени иметь на правой руке или на своем челе начертание зверя или число имени его.

«Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое, число его 666».

Ириней во втором веке еще знал, что раненая и исцеленная голова означала императора Нерона. Нерон был первым крупным гонителем христиан. После его смерти распространился слух, особенно в Ахайе и в Азии, что он не умер, а только ранен и что когда-нибудь он появится вновь и наведет ужас на весь мир (Тацит. «Анналы», VI, 22). В то же время Иринею был известен и другой, очень старый текст, в котором число имени было обозначено цифрой 616 вместо 666[10].

В главе XVII зверь с семью головами появляется снова; на этот раз на нем сидит пресловутая дама в порфире, изящное описание которой читатель может найти в самой книге. Тут ангел объясняет Иоанну:

«Зверь, которого ты видел, был, и нет его... Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена, и семь царей, из которых *пять пали, один есть, а другой еще не пришел,* и, когда придет, не долго ему быть. И зверь, который был и которого нет, *есть восьмой и из числа семи...* Жена же, которую ты видел, есть великий город, царствующий над земными царями».

Итак, здесь два ясных утверждения: (1) дама в порфире — это Рим, великий город, царствующий над царями земными; (2) книга написана в царствование шестого римского императора; после него придет другой, которому царствовать недолго; а затем следует возвращение одного «из семи», который был ранен, но исцелился и имя которого содержится в этом таинственном числе и о котором Ириней еще знал, что это Нерон.

Начиная с Августа, следуют: Август, Тиберий, Калигула, Клавдий; пятый — Нерон; шестой, тот, который есть, — Гальба, восшествие которого на престол послужило сигналом к восстанию легионов, особенно в Галлии, под предводительством Отона, преемника Гальбы[11]. Таким образом, наша книга, по-видимому, была написана в царствование Гальбы, которое продолжалось от 9 июня 68 г. по 15 января 69 года. И в ней предсказывается близкое возвращение Нерона.

А теперь о последнем доказательстве — о числе. Это доказательство также было открыто Фердинандом Бенари и с тех пор никогда не оспаривалось в научном мире.

Приблизительно за 300 лет до нашей эры евреи стали употреблять свои буквы в качестве символов для обозначения чисел. Философствующие раввины видели в этом новый метод мистического толкования, или каббалы. Тайные слова выражались числом, полученным от сложения цифровых значений букв, из которых состояли эти слова. Эту новую науку они называли gematriah, геометрия. Эту науку и применяет здесь наш «Иоанн». Мы должны доказать: (1) что число содержит имя человека и что этот человек — Нерон и (2) что данное решение вопроса остается в силе как для текста с числом 666, так и для столь же старого текста с числом 616. Возьмем древнееврейские буквы и их цифровое значение:

נ (нун) н = 50
ר (реш) р = 200
ו (вав) как о = 6
נ (нун) н = 50

ק (коф) к = 100
ס (самех) с = 60
ר (реш) р = 200

Нерон кесарь, император Нерон, по-гречески — Neron Kaisar. Теперь, если вместо греческого начертания мы напишем латинское Nero Caesar древнееврейскими буквами, то буква «нун» в конце слова «Нерон» отпадает, а вместе с ней и ее числовое значение 50. Это приводит нас к другому старому тексту — 616, и доказательство, таким образом, совершенно безупречно*.

Итак, таинственная книга становится теперь абсолютно ясной. «Иоанн» предсказывает возвращение Нерона приблизительно к 70-му году и господство террора в его царствование, которое должно продолжаться сорок два месяца, то есть 1260 дней. По прошествии этого срока бог восстанет, победит антихриста — Нерона, разрушит великий город огнем и закует дьявола на тысячу лет. Наступит тысячелетнее царство

* Приведенное выше начертание имени как со вторым «нун», так и без него встречается в талмуде и, таким образом, достоверно.

и т. д. Все это теперь утратило всякий интерес для всех, кроме разве только невежественных людей, которые еще, может быть, пытаются вычислять день последнего суда. Но в качестве достоверной картины почти самого первоначального христианства, картины, нарисованной одним из самих христиан, эта книга имеет большую ценность, чем все остальные книги Нового завета, вместе взятые.

Напечатано в журнале «Progress»,
Vol. II, август 1883 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

МАРКС И «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

(1848—1849) [12]

Когда разразилась февральская революция, немецкая «коммунистическая партия», как мы ее называли, состояла лишь из немногочисленного ядра, из Союза коммунистов, организованного как тайное пропагандистское общество. Союз был тайным только потому, что в то время в Германии не существовало свободы союзов и собраний. Помимо рабочих обществ за границей, среди которых Союз вербовал своих членов, у него было около тридцати общин, или секций, в самой Германии и, кроме того, были отдельные члены во многих местах. Но у этого незначительного боевого отряда был в лице *Маркса* первоклассный вождь, вождь, которому все охотно подчинялись, и была благодаря ему принципиальная и тактическая программа, сохраняющая все свое значение и теперь, — *«Коммунистический манифест».*

Здесь нас интересует в первую очередь тактическая часть программы. Общие положения ее были следующие:

«Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям.

У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом.

Они не выставляют никаких особых принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение.

Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают *общие, не зависящие от национальности интересы* всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые

проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями *интересов движения в целом.*

Коммунисты, следовательно, *на практике* являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в *теоретическом отношении* у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения»[13].

А относительно немецкой партии в частности говорилось:

«В Германии, поскольку буржуазия выступает революционно, коммунистическая партия борется вместе с ней против абсолютной монархии, феодальной земельной собственности и реакционного мещанства.

Но ни на минуту не перестает она вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом, чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собой господство буржуазии, как оружие против нее же самой, чтобы сейчас же после свержения реакционных классов в Германии началась борьба против самой буржуазии.

На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции» и т. д. («Манифест», гл. IV)[14].

Никогда еще ни одна тактическая программа не оправдалась в такой мере, как эта. Выдвинутая накануне революции, она выдержала испытание этой революции; и с тех пор каждый раз, когда какая-нибудь рабочая партия отступала от нее, она расплачивалась за каждое отступление. И ныне, почти сорок лет спустя, она служит руководящей нитью для всех решительных и сознательных рабочих партий Европы — от Мадрида до Петербурга.

Февральские события в Париже ускорили надвигавшуюся немецкую революцию и тем самым изменили ее характер. Вместо того чтобы победить собственными силами, немецкая буржуазия победила, идя на буксире французской рабочей революции. Не успев еще окончательно справиться со своими старыми противниками — абсолютной монархией, феодальным землевладением, бюрократией, трусливым мещанством, — она уже должна была повернуть фронт против нового врага — пролетариата. Но при этом тотчас же сказалось влияние очень отсталых по сравнению с Францией и Англией экономических условий и таких же отсталых вследствие этого классовых взаимоотношений в Германии.

Немецкая буржуазия, только что начавшая создавать свою крупную промышленность, не имела ни силы, ни мужества для завоевания себе безусловного господства в государстве, ни насущной потребности в этом завоевании; пролетариат, в такой же мере неразвитый, выросший в полном духовном порабощении, неорганизованный и даже еще не способный к самостоятельной организации, только смутно чувствовал глубокую противоположность своих интересов интересам буржуазии. Поэтому, хотя по существу он был грозным противником буржуазии, он тем не менее оставался ее политическим придатком. Напуганная не тем, чем немецкий пролетариат был, а тем, чем он грозил стать и чем французский пролетариат уже был, буржуазия видела только одно спасение — в любом, даже самом трусливом компромиссе с монархией и дворянством; пролетариат же, не сознавая еще своей собственной исторической роли, вынужден был на первых порах в подавляющей своей массе выполнять роль наиболее передового, крайнего левого крыла буржуазии. Немецкие рабочие должны были прежде всего завоевать себе те права, которые были им необходимы для самостоятельной организации в классовую партию: свободу печати, союзов и собраний, — права, которые сама буржуазия обязана была завоевать в интересах своего собственного господства, но которые она из страха перед рабочими стала теперь у них оспаривать. Две-три сотни разрозненных членов Союза затерялись в огромной массе, внезапно пришедшей в движение. Немецкий пролетариат появился поэтому на политической сцене сначала как самая крайняя демократическая партия.

Это определяло наше знамя, когда мы приступили к основанию в Германии большой газеты. Таким знаменем могло быть только знамя демократии, но демократии, выдвигавшей повсюду, по каждому отдельному случаю, свой специфический пролетарский характер, о чем она еще не могла раз навсегда написать и а своем знамени. Если бы мы не пошли на это, если бы мы не захотели примкнуть к движению на его уже существовавшем, самом передовом, фактически пролетарском фланге и толкать его дальше вперед, то нам не оставалось бы ничего другого, как проповедовать коммунизм в каком-нибудь мелком захолустном листке и вместо большой партии действия основать маленькую секту. Но для роли проповедников в пустыне мы уже не годились: для этого мы слишком хорошо изучили утопистов и не для этого составили мы свою программу.

Когда мы приехали в Кёльн, там демократами, а отчасти и коммунистами, уже велась подготовка к созданию большой

газеты. Ее хотели сделать узкоместной, кёльнской, а нас сослать в Берлин. Но мы в 24 часа, главным образом благодаря Марксу, завоевали позиции; газета стала нашей; зато мы сделали уступку, включив в состав редакции *Генриха Бюргерса.* Последний написал (в № 2) *одну* статью, за которой никакой другой так и не последовало.

Нам нужен был именно Кёльн, а не Берлин. Во-первых, Кёльн был центром Рейнской провинции, которая пережила французскую революцию, усвоила через кодекс Наполеона[15] *современное* правосознание, развила у себя наиболее крупную промышленность и вообще во всех отношениях была тогда самой передовой частью Германии. Мы по собственным наблюдениям слишком хорошо знали тогдашний Берлин с его едва зарождавшейся буржуазией, с его наглым на словах, но на деле трусливым и раболепным мещанством, с его еще совершенно неразвитыми рабочими, с его бесчисленными бюрократами, придворной и дворянской челядью, со всеми его особенностями города, представлявшего собой только «резиденцию». Но решающее значение имел тот факт, что в Берлине господствовало жалкое прусское право и политические процессы разбирались профессиональными судьями; на Рейне же действовал кодекс Наполеона, не знавший процессов по делам печати, так как исходил из существования цензуры, и к суду присяжных привлекали не за политическое правонарушение, а только за *преступление.* В Берлине *после* революции молодой Шлёффель за пустяки был осужден на год[16], на Рейне же мы располагали безусловной свободой печати и использовали ее до последней возможности.

Мы приступили к изданию газеты 1 июня 1848 г. с очень небольшим акционерным капиталом, из которого была внесена только незначительная часть; да и сами акционеры были более чем ненадежны. После первого же номера половина из них нас покинула, а к концу месяца не осталось ни одного.

Конституция редакции сводилась просто к диктатуре Маркса. Большая ежедневная газета, которая должна выходить в определенный час, ни при какой другой организации не может последовательно проводить свою линию. К тому же здесь для нас диктатура Маркса была чем-то само собой разумеющимся, бесспорным, и мы все ее охотно принимали. Именно его проницательности и твердой линии газета была в первую очередь обязана тем, что стала самой известной немецкой газетой революционных лет.

Политическая программа «Neue Rheinische Zeitung» состояла из двух главных пунктов:

единая, неделимая, демократическая немецкая республика и война с Россией, включавшая восстановление Польши.

Мелкобуржуазная демократия делилась тогда на две фракции: северогерманскую, желавшую демократического прусского императора, и южногерманскую, тогда почти специфически баденскую, желавшую превратить Германию в федеративную республику по образцу Швейцарии. Нам надо было бороться с обеими фракциями. Интересам пролетариата одинаково противоречило как опруссачение Германии, так и увековечение ее раздробленности на множество мелких государств. Интересы пролетариата повелительно требовали окончательного объединения Германии в единую *нацию,* что одно только и могло очистить от всяких унаследованных от прошлого мелких препятствий то поле битвы, на котором пролетариату и буржуазии предстояло помериться силами. Но интересам пролетариата в то же время решительно противоречило установление прусского верховенства: прусское государство со всеми своими порядками, своими традициями и своей династией было как раз единственным серьезным внутренним противником, которого должна была сокрушить революция в Германии; кроме того, Пруссия могла объединить Германию, только разорвав ее, только исключив из нее немецкую Австрию. Уничтожение прусского государства, распад австрийского, действительное объединение Германии как республики, — только такой могла быть наша революционная программа на ближайшее время. И осуществить ее можно было посредством войны с Россией, только таким путем. К этому последнему пункту я еще вернусь.

Вообще же тон газеты отнюдь не был торжественным, серьезным или восторженным. У нас были одни только презренные противники, и мы относились ко всем им, без исключения, с крайним презрением. Конспирирующая монархия, камарилья, дворянство, «Kreuz-Zeitung»[17], — словом, вся объединенная «реакция», вызывавшая такое нравственное негодование у филистера, — с нашей стороны встречала только насмешки и издевательства. Но не лучше относились мы и к созданным революцией новым кумирам: мартовским министрам. Франкфуртскому и Берлинскому собраниям и к их правым, и к их левым. Первый же номер газеты начинался статьей, издевавшейся над ничтожеством Франкфуртского парламента, над бесполезностью его длиннейших речей, над никчемностью его трусливых резолюций[18]. Она стоила нам половины наших акционеров. Франкфуртский парламент не был даже дискуссионным клубом; в нем почти не дискутировали, а в большинстве

случаев произносили заранее заготовленные академические трактаты и принимали резолюции, которые должны были воодушевлять немецкого филистера, но которыми, однако, никто вообще не интересовался.

Берлинское собрание имело уже больше значения: оно противостояло реальной силе, оно дискутировало и принимало решения не на пустом месте, не в заоблачных высотах Франкфуртского собрания. Ему поэтому и уделялось больше внимания. Но и к тамошним кумирам левой — Шульце-Деличу, Берендсу, Эльснеру, Штейну и т. д. — мы относились не менее резко, чем к франкфуртцам; мы беспощадно разоблачали их нерешительность, робость и мелочную расчетливость, показывая им, как они своими компромиссами шаг за шагом все больше изменяли революции. Это, разумеется, вызывало ужас у демократических мелких буржуа, только что сфабриковавших себе этих кумиров для собственного употребления. Но этот ужас означал, что мы попадали прямо в цель.

Точно так же выступали мы и против усердно распространявшейся мелкой буржуазией иллюзии, будто революция закончилась мартовскими днями и теперь остается только пожинать ее плоды. Для нас февраль и март могли иметь значение подлинной революции только в том случае, если бы они были не завершением, а, наоборот, исходной точкой длительного революционного движения, в котором, как во время великого французского переворота, народ развивался бы в ходе своей собственной борьбы, партии обособлялись бы все резче и резче, пока полностью не совпали бы с крупными классами: буржуазией, мелкой буржуазией, пролетариатом, — а пролетариат в ряде битв завоевывал бы одну позицию за другой. Поэтому мы выступали также против демократической мелкой буржуазии повсюду, где она желала затушевать свою классовую противоположность пролетариату излюбленной фразой: ведь все мы хотим одного и того же, все разногласия — просто результат недоразумений. Но чем меньше мы позволяли мелкой буржуазии создавать себе ложное представление о нашей пролетарской демократии, тем смирнее и сговорчивее становилась она по отношению к нам. Чем резче и решительнее выступают против нее, тем более податливой она становится, тем больше уступок делает она рабочей партии. В этом мы убедились.

Наконец, мы вскрывали парламентский кретинизм (по выражению Маркса) различных так называемых национальных собраний[19]. Эти господа выпустили из рук все средства власти, передав их — отчасти добровольно — обратно правительствам. Наряду с вновь окрепшими реакционными правительствами

в Берлине и во Франкфурте существовали немощные собрания, воображавшие, однако, что их бессильные резолюции перевернут мир. Жертвами этого идиотского самообмана были все, вплоть до крайней левой. А мы повторяли им: ваша парламентская победа будет в то же время и вашим фактическим поражением.

Так оно и случилось и в Берлине и во Франкфурте. Когда «левая» получила большинство, правительство разогнало все собрание; оно могло себе это позволить, так как собрание потеряло доверие народа.

Когда я прочитал впоследствии книгу *Бужара* о *Марате,* я увидел, что мы во многих отношениях лишь бессознательно подражали великому образцу подлинного (не фальсифицированного роялистами) «Ami du Peuple»[20] и что все яростные вопли и вся фальсификация истории, в силу которой в течение почти столетия был известен лишь совершенно искаженный облик Марата, объясняются только тем, что он безжалостно срывал маску с тогдашних кумиров — Лафайета, Байи и других, разоблачая в их лице уже законченных изменников революции, и тем еще, что, подобно нам, он не считал революцию завершенной, а хотел, чтобы она была признана непрерывной.

Мы открыто заявляли, что представляемое нами направление лишь тогда сможет начать борьбу за достижение подлинных целей нашей партии, когда у власти будет самая крайняя из существующих в Германии официальных партий: по отношению к ней мы тогда перейдем в оппозицию.

Но события позаботились о том, чтобы наряду с насмешками над немецкими противниками зазвучали и слова пламенной страсти. Восстание парижских рабочих в июне 1848 г. застало нас на посту. С первого же выстрела мы решительно выступили на стороне повстанцев. После их поражения Маркс почтил побежденных одной из своих самых сильных статей[21].

Тут нас покинули последние акционеры. Но удовлетворение мы находили в том, что в Германии и почти во всей Европе наша газета была единственной, которая высоко держала знамя разгромленного пролетариата в тот момент, когда буржуазия и мещанство всех стран изливали на побежденных свою грязную клевету.

Наша иностранная политика была проста: выступления в защиту каждого революционного народа, призыв ко всеобщей войне революционной Европы против могучей опоры европейской реакции — России. С 24 февраля[22] нам было ясно, что революция имеет только *одного* действительно страшного врага — Россию и что для этого врага необходимость вступить

в борьбу становится все более настоятельной, по мере того как движение приобретает общеевропейский размах. Венские, миланские, берлинские события должны были задержать нападение России, но неизбежность этого нападения становилась тем вернее, чем ближе надвигалась революция на Россию. Но если бы удалось толкнуть Германию на войну с Россией, то Габсбургам и Гогенцоллернам пришел бы конец и революция победила бы по всей линии.

Эта политическая линия проходит через все номера газеты до момента действительного вторжения русских в Венгрию, что вполне подтвердило наши предсказания и сыграло решающую роль в поражении революции.

Когда весной 1849 г. стал надвигаться решительный бой, тон газеты с каждым номером становился все более резким и страстным. Силезским крестьянам *Вильгельм Вольф* напомнил в «Силезском миллиарде» (восемь статей)[23] о том, как при освобождении их от феодальных повинностей помещики при содействии правительства обманули их и в денежном отношении и в отношении земли, и требовал миллиард талеров возмещения.

Одновременно с этим в апреле в виде нескольких передовых статей появилась работа *Маркса о* наемном труде и капитале[24], определенно указывавшая на социальную цель нашей политики. Каждый номер, каждый экстренный выпуск указывал на подготовлявшуюся великую битву, на обострение противоречий во Франции, Италии, Германии и Венгрии. Особенно экстренные выпуски в апреле и мае призывали народ быть в боевой готовности.

Во всей Германии удивлялись нашим смелым выступлениям в прусской крепости первого класса, перед лицом восьмитысячного гарнизона и гауптвахты; но 8 пехотных ружей и 250 боевых патронов в редакционной комнате и красные якобинские колпаки наборщиков придавали нашему помещению в глазах офицерства также вид крепости, которую нельзя взять простым налетом.

Наконец, 18 мая 1849 г. последовал удар.

Восстания в Дрездене и Эльберфельде были подавлены, восставшие в Изерлоне окружены; Рейнская провинция и Вестфалия были наводнены войсками, которые после окончательного подавления прусской Рейнской области должны были двинуться против Пфальца и Бадена. Тогда, наконец, правительство отважилось приняться и за нас. Одни редакторы подверглись судебному преследованию; другие, как не пруссаки, подлежали высылке. Против этого ничего нельзя было поделать, так как за правительством стоял целый армейский

корпус. Мы вынуждены были сдать свою крепость, но мы отступили с оружием и снаряжением, с музыкой, с развевающимся знаменем последнего красного номера, в котором мы предостерегали кёльнских рабочих от безнадежных путчей и говорили им:

«Редакторы «Neue Rheinische Zeitung», прощаясь с вами, благодарят вас за выраженное им участие. Их последним словом всегда и повсюду будет: *освобождение рабочего класса!»*[25]

Так закончила свое существование «Neue Rheinische Zeitung» незадолго до того, как истек первый год ее издания. Начатая почти без всяких денежных средств, — обещанные ей небольшие суммы не были, как я уже сказал, выплачены, — она уже в сентябре достигла тиража почти в 5000. При введении осадного положения в Кёльне выход газеты был прекращен, в середине октября она должна была начать все сначала. Но в мае 1849 г., при ее запрещении, у нее было снова 6000 подписчиков, между тем как «Kolnische Zeitung»[26] имела, по ее собственному признанию, не более 9000. Ни одна из немецких газет — ни раньше, ни позже — не обладала подобной силой и влиянием, не умела так электризовать пролетарские массы, как «Neue Rheinische Zeitung».

И этим она была обязана прежде всего *Марксу.*

Когда разразился удар, редакция рассеялась. *Маркс* уехал в Париж, где подготовлялась развязка, наступившая 13 июня 1849 года[27]; *Вильгельм Вольф* занял теперь свое место во Франкфуртском парламенте — в тот момент, когда это Собрание должно было выбирать между разгоном сверху или присоединением к революции, — а я отправился в Пфальц и стал адъютантом в добровольческом отряде Виллиха[28].

Написано в середине февраля —
начале марта 1884 г.

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat»
№ 11, 13 марта 1884 г.

Подпись: Фр. Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА

В СВЯЗИ С ИССЛЕДОВАНИЯМИ ЛЬЮИСА Г. МОРГАНА[29]

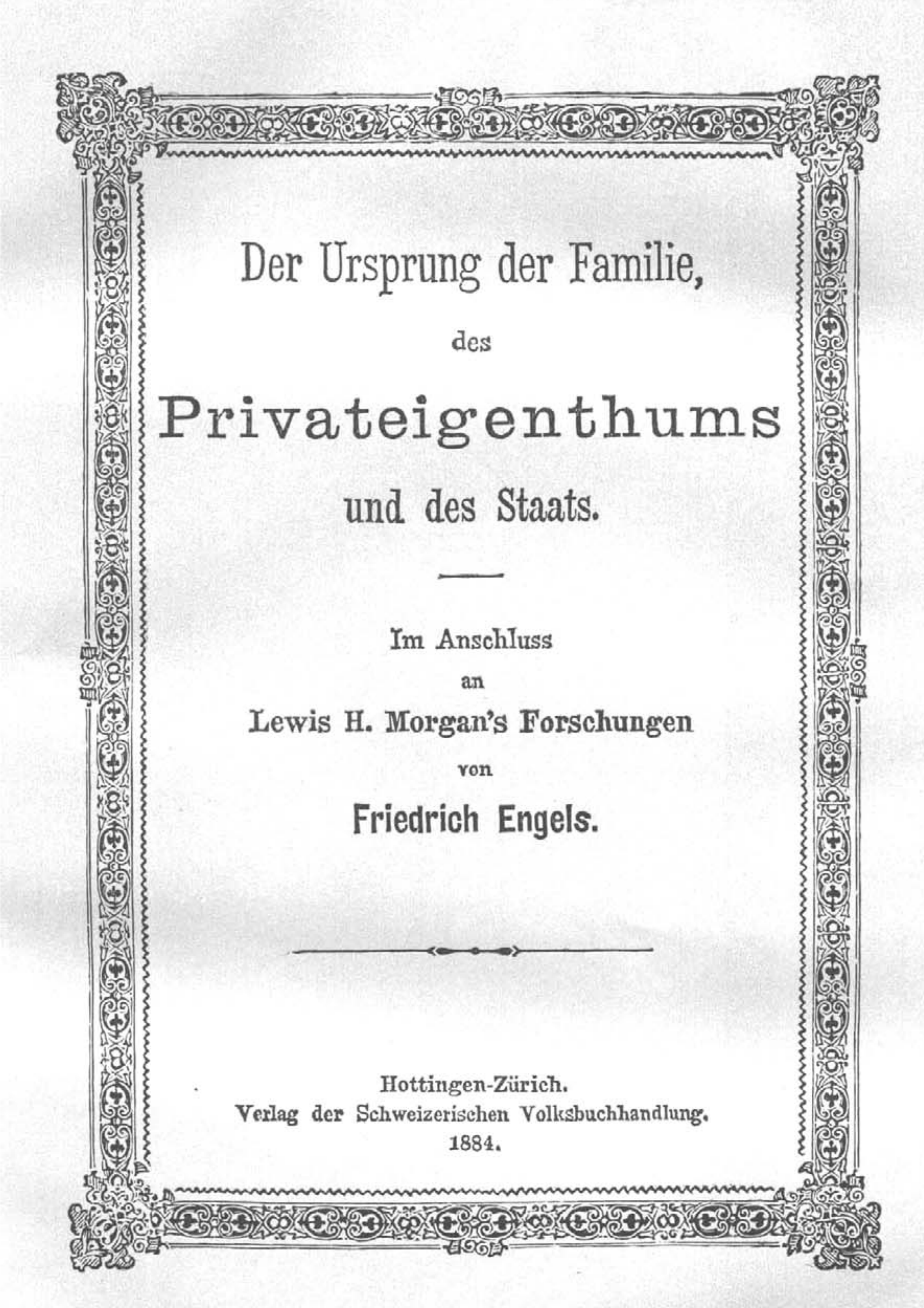
Написано в конце марта — 26 мая 1884 г.

Напечатано отдельной книгой в Цюрихе в 1884 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту издания 1891 г., сверенного с изданием 1884 г.

Перевод с немецкого



Обложка первого издания книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства»

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Нижеследующие главы представляют собой в известной мере выполнение завещания. Не кто иной, как Карл Маркс собирался изложить результаты исследований Моргана в связи с данными своего — в известных пределах я могу сказать нашего — материалистического изучения истории и только таким образом выяснить все их значение. Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс. И подобно тому как присяжные экономисты Германии годами столь же усердно списывали «Капитал», сколь упорно замалчивали его, точно так же и представители «доисторической» науки в Англии поступали с «Древним обществом» Моргана*. Моя работа может лишь в слабой степени заменить то, что уж не суждено было выполнить моему покойному другу. Но в моем распоряжении имеются среди его подробных выписок из Моргана[30] критические замечания, которые я, в той мере, в какой это относится к теме, воспроизвожу здесь.

Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-

* «Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization». By Lewis H. Morgan. London, Macmillan and Co., 1877 [Льюис Г. Морган. «Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации». Лондон, Макмиллан и К°, 1877]. Книга напечатана в Америке, и в Лондоне достать ее чрезвычайно трудно. Автор умер несколько лет тому назад.

таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обусловливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи. Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей. Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней — частная собственность и обмен, имущественные различия, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий: новые социальные элементы, которые в течение поколений стараются приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока, наконец, несовместимость того и другого не приводит к полному перевороту. Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения, — общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно развертываются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей *писаной* истории вплоть до нашего времени.

Великая заслуга Моргана состоит в том, что он открыл и восстановил в главных чертах эту доисторическую основу нашей писаной истории и в родовых связях североамериканских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории. Его сочинение — труд не одного дня. Около сорока лет работал он над своим материалом, пока не овладел им вполне. Но зато и книга его — одно из немногих произведений нашего времени, составляющих эпоху.

В нижеследующем изложении читатель в общем и целом легко отличит, что принадлежит Моргану и что добавил я. В исторических разделах о Греции и Риме я не ограничился данными Моргана и добавил то, что находилось в моем распоряжении. Разделы о кельтах и германцах в основном принадлежат мне; Морган располагал тут материалами почти только из вторых рук, а о германцах — кроме Тацита — лишь низко-

пробными либеральными фальсификациями г-на Фримана[31]. Экономические обоснования, которые были достаточны для целей, поставленных Морганом, но для моих целей совершенно недостаточны, все заново переработаны мной. Наконец, само собой разумеется, я отвечаю за все те выводы, которые сделаны без прямых ссылок на Моргана.

I
ДОИСТОРИЧЕСКИЕ СТУПЕНИ КУЛЬТУРЫ

Морган был первый, кто со знанием дела попытался внести в предысторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения, предложенная им периодизация несомненно останется в силе.

Из трех главных эпох — дикости, варварства, цивилизации — его, само собой разумеется, занимают только две первые и переход к третьей. Каждую из этих двух эпох он подразделяет на низшую, среднюю и высшую ступень сообразно с прогрессом в производстве средств к жизни, потому что, говорит он,

«искусность в этом производстве имеет решающее значение для степени человеческого превосходства и господства над природой; из всех живых существ только человеку удалось добиться почти неограниченного господства над производством продуктов питания. Все великие эпохи человеческого прогресса более или менее прямо совпадают с эпохами расширения источников существования»[32].

Наряду с этим происходит развитие семьи, но оно не дает таких характерных признаков для разграничения периодов.

1. ДИКОСТЬ

1. *Низшая ступень.* Детство человеческого рода. Люди находились еще в местах своего первоначального пребывания, в тропических или субтропических лесах. Они жили, по крайней мере частью, на деревьях; только этим и можно объяснить их существование среди крупных хищных зверей. Пищей слу-

жили им плоды, орехи, коренья; главное достижение этого периода — возникновение членораздельной речи. Из всех народов, ставших известными в исторический период, уже ни один не находился в этом первобытном состоянии. И хотя оно длилось, вероятно, много тысячелетий, доказать его существование на основании прямых свидетельств мы не можем; но, признав происхождение человека из царства животных, необходимо допустить такое переходное состояние.

2. *Средняя ступень.* Начинается с введения рыбной пищи (куда мы относим также раков, моллюсков и других водяных животных) и с применения огня. То и другое взаимно связано, так как рыбная пища делается вполне пригодной к употреблению лишь благодаря огню. Но с этой новой пищей люди стали независимыми от климата и местности; следуя по течению рек и по морским берегам, они могли даже в диком состоянии расселиться на большей части земной поверхности. Грубо сделанные, неотшлифованные каменные орудия раннего каменного века, так называемые палеолитические, целиком или большей частью относящиеся к этому периоду, распространены на всех континентах и являются наглядным доказательством этих переселений. Заселение новых мест и постоянное деятельное стремление к поискам, в соединении с обладанием огнем, добывавшимся трением, доставили новые средства питания: содержащие крахмал корни и клубни, испеченные в горячей золе или пекарных ямах (земляных печах), дичь, которая, с изобретением первого оружия, дубины и копья, стала добавочной пищей, добываемой от случая к случаю. Исключительно охотничьих пародов, как они описываются в книгах, то есть таких, которые живут *только* охотой, никогда не существовало; для этого добыча от охоты слишком ненадежна. Вследствие постоянной необеспеченности источниками питания на этой ступени, по-видимому, возникло людоедство, которое с этих пор сохраняется надолго. Австралийцы и многие полинезийцы и теперь еще находятся на этой средней ступени дикости.

3. *Высшая ступень.* Начинается с изобретения лука и стрелы, благодаря которым дичь стала постоянной пищей, а охота — одной из обычных отраслей труда. Лук, тетива и стрела составляют уже очень сложное орудие, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и более развитые умственные способности, следовательно, и одновременное знакомство со множеством других изобретений. Сравнивая друг с другом народы, которые знают уже лук и стрелу, но еще не знакомы с гончарным искусством (его Морган считает началом перехода к варварству), мы действительно находим уже

некоторые зачатки поселения деревнями, известную степень овладения производством средств существования: деревянные сосуды и утварь, ручное ткачество (без ткацкого станка) из древесного волокна, плетеные корзины из лыка или камыша, шлифованные (неолитические) каменные орудия. Огонь и каменный топор обычно дают также возможность уже делать лодки из цельного дерева, а местами изготовлять бревна и доски для постройки жилища. Все эти достижения мы встречаем, например, у индейцев северо-запада Америки, которые хотя и знают лук и стрелу, но не знают гончарного дела. Для эпохи дикости лук и стрела были тем же, чем стал железный меч для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации, — решающим оружием.

2. ВАРВАРСТВО

1. *Низшая ступень.* Начинается с введения гончарного искусства. Можно доказать, что во многих случаях и, вероятно, повсюду оно было обязано своим возникновением обмазыванию плетеных или деревянных сосудов глиной с целью сделать их огнеупорными. При этом скоро нашли, что формованная глина служит этой цели и без внутреннего сосуда.

До сих пор мы могли рассматривать ход развития как вполне всеобщий, имеющий в определенный период силу для всех народов, независимо от их местопребывания. Но с наступлением варварства мы достигли такой ступени, когда приобретает значение различие в природных условиях обоих великих материков. Характерным моментом периода варварства является приручение и разведение животных и возделывание растений. Восточный материк, так называемый Старый свет, обладал почти всеми поддающимися приручению животными и всеми пригодными для разведения видами злаков, кроме одного; западный же материк, Америка, из всех поддающихся приручению млекопитающих — только ламой, да и то лишь в одной части юга, а из всех культурных злаков только одним, но зато наилучшим, — маисом. Вследствие этого различия в природных условиях население каждого полушария развивается с этих пор своим особым путем, и межевые знаки на границах отдельных ступеней развития становятся разными для каждого из обоих полушарий.

2. *Средняя ступень.* На востоке начинается с приручения домашних животных, на западе — с возделывания съедобных растении при помощи орошения и с употребления для построек адобов (высушенного на солнце кирпича-сырца) и камня.

Мы начинаем с запада, так как здесь, до завоевания Америки европейцами, дальше этой ступени нигде не пошли.

Индейцам, находившимся на низшей ступени варварства (к ним принадлежали все, кто жил к востоку от Миссисипи), был известен уже ко времени их открытия какой-то способ выращивания в огородах маиса и, возможно, также тыквы, дыни и других огородных растений, которые составляли весьма существенную часть их питания; они жили в деревянных домах, в обнесенных частоколом деревнях. Северо-западные племена, особенно обитавшие в бассейне реки Колумбии, стояли еще на высшей ступени дикости и не знали ни гончарного искусства, ни какого бы то ни было возделывания растений. Напротив, индейцы, относящиеся к так называемым пуэбло в Новой Мексике[33], мексиканцы, обитатели Центральной Америки и перуанцы находились ко времени завоевания на средней ступени варварства: они жили в похожих на крепости домах из адобов или камня, выращивали в искусственно орошаемых огородах маис и другие — различные, в зависимости от местоположения и климата, — съедобные растения, служившие им главными источниками питания, и даже приручили некоторых животных: мексиканцы — индюка и других птиц, перуанцы — ламу. К тому же они были знакомы с обработкой металлов, но за исключением железа, и поэтому они все еще не могли обходиться без оружия и орудий из камня. Испанское завоевание оборвало всякое дальнейшее самостоятельное их развитие.

На востоке средняя ступень варварства началась с приручения животных, дающих молоко и мясо, между тем как культура растений, по-видимому, еще очень долго в течение этого периода оставалась здесь неизвестной. Приручение и разведение скота и образование крупных стад, по-видимому, послужили причиной выделения арийцев и семитов из прочей массы варваров. У европейских и азиатских арийцев домашние животные имеют еще общие названия, культурные же растения — почти никогда.

Образование стад вело к пастушеской жизни в пригодных для этого местах: у семитов — на травянистых равнинах вдоль Евфрата и Тигра, у арийцев — на подобных же равнинах Индии, а также вдоль Оксуса и Яксарта, Дона и Днепра. Впервые приручение животных было достигнуто, по-видимому, на границах таких пастбищных областей. Позднейшим поколениям кажется поэтому, что пастушеские народы произошли из местностей, которые в действительности не только не могли быть колыбелью человечества, но, напротив, были почти непригодны к жизни для их диких предков и даже для людей, стоявших

на низшей ступени варварства. Наоборот, после того как эти варвары, находящиеся на средней ступени, привыкли к пастушеской жизни, им никак не могло прийти в голову добровольно вернуться из травянистых речных долин в лесные области, в которых обитали их предки. И даже когда семиты и арийцы были оттеснены дальше, на север и запад, они не могли перебраться в западноазиатские и европейские лесистые местности раньше, чем возделывание злаков не дало им возможности прокармливать свой скот, особенно зимой, на этой менее благоприятной почве. Более чем вероятно, что возделывание злаков было вызвано здесь прежде всего потребностью в корме для скота и только впоследствии стало важным источником питания людей.

Обильному мясному и молочному питанию арийцев и семитов и особенно благоприятному влиянию его на развитие детей следует, быть может, приписать более успешное развитие обеих этих рас. Действительно, у индейцев пуэбло Новой Мексики, вынужденных кормиться почти исключительно растительной пищей, мозг меньше, чем у индейцев, стоящих на низшей ступени варварства и больше питающихся мясом и рыбой. Во всяком случае, на этой ступени людоедство постепенно исчезает и сохраняется лишь как религиозный акт или, что здесь почти равносильно, как колдовской обряд.

3. *Высшая ступень.* Начинается с плавки железной руды и переходит в цивилизацию в результате изобретения буквенного письма и применения его для записывания словесного творчества. Эта ступень, самостоятельно пройденная, как уже сказано, лишь в восточном полушарии, более богата успехами в области производства, чем все предыдущие ступени, вместе взятые. К ней принадлежат греки героической эпохи, италийские племена незадолго до основания Рима, германцы Тацита, норманны времен викингов*.

Прежде всего мы впервые встречаем здесь плуг с железным лемехом, с домашним скотом в качестве тягловой силы; благодаря ему стало возможно земледелие в крупном размере, *полеводство,* а вместе с тем и практически неограниченное для тогдашних условий увеличение жизненных припасов; затем — корчевка леса и превращение его в пашню и луг, что опять-таки в широких масштабах невозможно было производить без железного топора и железной лопаты. А вместе с тем начался также быстрый рост населения, которое стало более густым на небольших пространствах. До возникновения полеводства

* В издании 1884 г. вместо слов «германцы Тацита, норманны времен викингов» напечатано: «германцы Цезаря (или, как бы мы охотнее сказали, Тацита)». *Ред.*

должны были сложиться совершенно исключительные условия, чтобы полмиллиона людей позволило объединить себя под единым центральным руководством; этого, вероятно, никогда и не случалось.

Полный расцвет высшей ступени варварства выступает перед нами в поэмах Гомера, особенно в «Илиаде». Усовершенствованные железные орудия, кузнечный мех, ручная мельница, гончарный круг, изготовление растительного масла и виноделие, развитая обработка металлов, переходящая в художественное ремесло, повозка и боевая колесница, постройка судов из бревен и досок, зачатки архитектуры как искусства, города, окруженные зубчатыми стенами с башнями, гомеровский эпос и вся мифология — вот главное наследство, которое греки перенесли из варварства в цивилизацию. Сравнивая с этим данное Цезарем и даже Тацитом описание германцев[34], находившихся в начальной стадии той самой ступени культуры, из которой готовились перейти в более высокую гомеровские греки, мы видим, какое богатство достижений в развитии производства имеет высшая ступень варварства.

Набросанная здесь мной, по Моргану, картина развития человечества через ступени дикости и варварства к истокам цивилизации уже достаточно богата чертами новыми и, что еще важнее, неоспоримыми, так как они взяты непосредственно из производства. И все же эта картина покажется бледной и жалкой по сравнению с той, которая развернется перед нами в конце нашего странствования; лишь тогда будет возможно в полной мере осветить переход от варварства к цивилизации и разительную противоположность между ними обоими. Пока же мы можем обобщить моргановскую периодизацию таким образом: дикость — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственно созданные человеком продукты служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности. Цивилизация — период овладения дальнейшей обработкой продуктов природы, период промышленности в собственном смысле этого слова и искусства.

II

СЕМЬЯ

Морган, проведший большую часть своей жизни среди ирокезов, которые и теперь еще живут в штате Нью-Йорк, и усыновленный одним из их племен (племенем сенека), обнаружил, что у них существовала система родства, которая находилась в противоречии с их действительными семейными отношениями. У них господствовало то легко расторжимое обеими сторонами единобрачие, которое Морган обозначает как «парную семью». Потомство такой супружеской пары было поэтому всем известно и общепризнано: не могло быть сомнения относительно того, к кому следует применять обозначения отец, мать, сын, дочь, брат, сестра. Но фактическое употребление этих выражений противоречит этому. Ирокез называет своими сыновьями и дочерьми не только своих собственных детей, но и детей своих братьев, а они называют его отцом. Детей же своих сестер он называет своими племянниками и племянницами, а они его — дядей. Наоборот, ирокезка называет детей своих сестер, как и своих собственных детей, своими сыновьями и дочерьми, а те называют ее матерью. Детей же своих братьев она называет своими племянниками и племянницами, а сама является для них теткой. Точно так же дети братьев, как и дети сестер, называют друг друга братьями и сестрами. Напротив, дети женщины и дети ее брата называют друг друга двоюродными братьями и двоюродными сестрами. И это — не просто не имеющие значения названия, а выражения фактически существующих взглядов на близость и дальность, одинаковость и неодинаковость кровного родства, и эти взгляды служат основой вполне разработанной системы

родства, которая в состоянии выразить несколько сот различных родственных отношений отдельного индивида. Более того: эта система действует в полную силу не только у всех американских индейцев (до сих пор не обнаружено ни одного исключения), но применяется также почти в неизмененном виде у древнейших обитателей Индии, дравидских племен Декана и племен гаура в Индостане. Обозначения родства у тамилов Южной Индии и у ирокезов племени сенека в штате Нью-Йорк одинаковы еще и теперь более чем для двухсот различных родственных отношений. И у этих индийских племён, так же как и у всех американских индейцев, родственные отношения, вытекающие из существующей формы семьи, также находятся в противоречии с системой родства.

Как же это объяснить? При той решающей роли, какую родство играет в общественном строе у всех диких и варварских народов, нельзя одними фразами сбросить со счетов значение этой так широко распространенной системы. Система, общераспространенная в Америке, существующая также в Азии у народов совершенно другой расы, часто встречающаяся в более или менее видоизмененных формах повсюду в Африке и Австралии, — такая система требует исторического объяснения; от нее нельзя отделаться одними словами, как это пытался сделать, например, Мак-Леннан[35]. Обозначения: отец, ребенок, брат, сестра — не какие-то лишь почетные звания, они влекут за собой вполне определенные, весьма серьёзные взаимные обязательства, совокупность которых составляет существенную часть общественного строя этих народов. И объяснение нашлось. На Сандвичевых (Гавайских) островах еще в первой половине настоящего века существовала форма семьи, в которой были точно такие отцы и матери, братья и сестры, сыновья и дочери, дяди и тетки, племянники и племянницы, каких требуют американская и древнеиндийская системы родства. Но удивительно! Система родства, действовавшая на Гавайских островах, опять-таки не совпадала с фактически существовавшей там формой семьи. А именно, там все без исключения дети братьев и сестер считаются братьями и сестрами и общими детьми не только своей матери и ее сестер или своего отца и его братьев, а всех братьев и сестер своих родителей без различия. Если, следовательно, американская система родства предполагает уже не существующую в Америке более примитивную форму семьи, которую мы действительно еще находим на Гавайских островах, то, с другой стороны, гавайская система родства указывает на еще более раннюю форму семьи, существования которой в настоящее время мы,

правда, уже нигде не можем обнаружить, но которая *должна* была существовать, так как иначе не могла бы возникнуть соответствующая система родства.

«Семья», — говорит Морган, — «активное начало; она никогда не остается неизменной, а переходит от низшей формы к высшей, по мере того как общество развивается от низшей ступени к высшей. Напротив, системы родства пассивны; лишь через долгие промежутки времени они регистрируют прогресс, проделанный за это время семьей, и претерпевают радикальные изменения лишь тогда, когда семья уже радикально изменилась»[36].

«И точно так же, — прибавляет Маркс, — обстоит дело с политическими, юридическими, религиозными, философскими системами вообще»[37]. В то время как семья продолжает развиваться, система родства окостеневает, и пока последняя продолжает существовать в силу привычки, семья перерастает ее рамки. Но с такой же достоверностью, с какой Кювье по найденной около Парижа сумчатой кости скелета животного мог заключить, что этот скелет принадлежал сумчатому животному и что там когда-то жили вымершие сумчатые животные, — с такой же достоверностью можем мы по исторически дошедшей до нас системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи.

Упомянутые выше системы родства и формы семьи отличаются от господствующих ныне тем, что у каждого ребенка несколько отцов и матерей. По американской системе родства, которой соответствует гавайская семья, брат и сестра не могут быть отцом и матерью одного и того же ребенка; гавайская же система родства предполагает семью, в которой, наоборот, это было правилом. Здесь перед нами ряд форм семьи, прямо противоречащих тем, которые до сих пор обычно считались единственно существовавшими. Традиционное представление знает только единобрачие, наряду с ним многоженство одного мужчины, да еще, в крайнем случае, многомужество одной женщины, и при этом, как и подобает морализирующему филистеру, умалчивает, что практика негласно, но бесцеремонно преступает границы, предписанные официальным обществом. Изучение первобытной истории, напротив, показывает нам состояние, при котором мужья живут в многоженстве, а их жены одновременно — в многомужестве, и поэтому дети тех и других считаются общими детьми их всех, состояние, которое в свою очередь, до своего окончательного перехода в единобрачие, претерпевает целый ряд изменений. Эти изменения таковы, что круг, охватываемый общими брачными узами, первоначально очень широкий, все более и более суживается,

пока, в конце концов, не остается только отдельная пара, которая и преобладает в настоящее время.

Воссоздавая таким образом историю семьи в обратном порядке, Морган, в согласии с большинством своих коллег, приходит к выводу, что существовало первобытное состояние, когда внутри племени господствовали неограниченные половые связи, так что каждая женщина принадлежала каждому мужчине и равным образом каждый мужчина — каждой женщине. О таком первобытном состоянии говорили, еще начиная с прошлого века, но ограничивались общими фразами; лишь Бахофен, — и в этом одна из его крупных заслуг, — отнесся серьезно к этому вопросу и стал искать следы этого состояния в исторических и религиозных преданиях[38], Мы знаем теперь, что эти найденные им следы возвращают нас вовсе не к общественной ступени неупорядоченных половых отношений, а к гораздо более поздней форме, к групповому браку. Названная примитивная общественная ступень, — если она действительно существовала, — относится к столь отдаленной эпохе, что едва ли можно рассчитывать найти среди социальных ископаемых, у отставших в своем развитии дикарей, *прямые* доказательства ее существования в прошлом. Заслуга Бахофена в том и заключается, что он выдвинул на первый план исследование этого вопроса[*].

С недавнего времени[**] вошло в моду отрицать эту начальную ступень половой жизни человека. Хотят избавить человечество от этого «позора». И при этом ссылаются не только на отсутствие какого-либо прямого доказательства, но особенно на пример прочего животного мира; относительно последнего Летурно («Эволюция брака и семьи», 1888[39]) собрал множество фактов, показывающих, что совершенно неупорядоченные половые отношения свойственны и здесь низкой ступени развития. Однако из всех этих фактов я могу вывести лишь то заключение, что они абсолютно ничего не доказывают в отношении человека и его первобытных условий жизни. Длительное парное

---

[*] Называя это первобытное состояние *гетеризмом,* Бахофен показал этим, как мало он понимал, чти именно он открыл или, вернее, угадал. Гетеризмом греки обозначали, когда ввели в употребление это слово, связи мужчин, холостых или живущих в единобрачии, с незамужними женщинами; это предполагает всегда существование определенной формы брака, вне которой имеют место указанные связи, и подразумевает, по крайней мере уже как возможность, проституцию. В ином смысле это слово никогда не употреблялось, и в этом смысле употребляю его и я вместе с Морганом. В высшей степени важные открытия Бахофена повсюду до невероятия мистифицированы его фантастическим представлением, будто источником исторически возникавших отношений между мужчиной и женщиной были всегда соответствующие религиозные представления людей, а не условия их действительной жизни.

[**] Текст данного и последующих абзацев до раздела «Кровнородственная семья» (см. настоящий том, стр. 42) добавлен Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

сожительство у позвоночных животных достаточно объясняется физиологическими причинами: например, у птиц тем, что самка нуждается в помощи в период высиживания птенцов; встречающиеся у птиц примеры прочной моногамии ничего не доказывают в отношении людей, так как люди происходят ведь не от птиц. И если строгая моногамия является вершиной всяческой добродетели, то пальма первенства по праву принадлежит ленточной глисте, которая в каждом из своих 50—200 проглоттид, или члеников тела, имеет полный женский и мужской половой аппарат и всю свою жизнь только и делает, что в каждом из этих члеников совокупляется сама с собой. Если же мы ограничимся млекопитающими животными, то найдем здесь все формы половой жизни — неупорядоченные отношения, подобие группового брака, многоженство, единобрачие; недостает только многомужества, до которого могли дойти только люди. Даже у наших ближайших родственников, четвероруких, обнаруживаются все возможные разновидности группировок самцов и самок; если же взять еще более узкие рамки и рассмотреть лишь четыре рода человекообразных обезьян, то тут Летурно в состоянии только сказать, что у них встречается то моногамия, то полигамия, между тем как Соссюр, согласно Жиро-Тёлону, утверждает, что они моногамны[40]. Новейшие утверждения Вестермарка («История человеческого брака», Лондон, 1891[41]) о моногамии у человекообразных обезьян также еще далеко не могут служить доказательствами. Словом, имеющиеся данные таковы, что добросовестный Летурно признается:

«Впрочем, у млекопитающих животных совсем нет строгого соответствия между степенью умственного развития и формой полового общения»[42].

А Эспинас («О сообществах животных», 1877) прямо говорит:

«Стадо — это высшая социальная группа, которую мы можем наблюдать у животных. Она составляется, *по-видимому,* из семей, но уже с самого начала *семья и стадо находятся в антагонизме,* между их развитием существует обратная зависимость»[43].

Как уже видно из сказанного выше, о семейных и других совместно живущих группах человекообразных обезьян мы почти ничего определенного не знаем; имеющиеся сведения прямо противоречат друг другу. Это и неудивительно. Как противоречивы и как сильно нуждаются в критической проверке и отсеве даже сведения, которые мы имеем о диких человеческих племенах! А сообщества обезьян еще гораздо труднее наблюдать, чем сообщества людей. Пока, следовательно, мы должны отвергнуть всякие заключения, сделанные на основании таких абсолютно ненадежных сообщений.

Напротив, приведенное выше положение Эспинаса дает нам более прочную точку опоры. Стадо и семья у высших животных не дополняют одно другое, а противоположны друг другу. Эспинас очень хорошо показывает, как ревность самцов в период течки ослабляет сплоченность стада или временно разрушает ее.

«Там, где семья тесно сплочена, стадо образуется только как редкое исключение. Напротив, там, где господствует либо свободное половое общение, либо полигамия, стадо образуется почти само собой... Чтобы могло образоваться стадо, семейные узы должны ослабнуть и особь должна снова стать свободной. Поэтому мы так редко встречаем у птиц организованные стаи... Напротив, у млекопитающих мы находим до известной степени организованные сообщества именно потому, что особь здесь не поглощается семьей... Для чувства стадной общности не может поэтому быть при его возникновении большего врага, чем чувство семейной общности. Скажем прямо: если развилась более высокая общественная форма, нем семья, то это могло случиться только благодаря тому, что она растворила в себе семьи, претерпевшие коренные изменения, причем не исключается, что именно благодаря этому те же семьи впоследствии находили возможность снова организоваться при бесконечно более благоприятных условиях» (Эспинас, цит. соч.; приведено у Жиро-Тёлона, «Происхождение брака и семьи», 1884, стр. 518—520).

Отсюда видно, что хотя сообщества животных и имеют известную ценность для ретроспективных умозаключений относительно сообществ людей, но эта ценность только негативная. У высших позвоночных животных известны, насколько мы знаем, лишь две формы семьи: многоженство и сожительство отдельными парами; в обоих случаях допускается лишь *один* взрослый самец, лишь *один* супруг. Ревность самца, одновременно скрепляющая и ограничивающая семью животных, приводит ее в противоречие со стадом; из-за этой ревности стадо, более высокая форма общения, в одних случаях прекращает свое существование, в других утрачивает сплоченность или распадается на время течки, а в лучшем случае задерживается в своем дальнейшем развитии. Одного этого достаточно для доказательства, что семья животных и первобытное человеческое общество — вещи несовместимые, что первобытные люди, выбиравшиеся из животного состояния, или совсем не знали семьи, или, самое большее, знали такую, какая не встречается у животных. Такое безоружное животное, как находящийся в процессе становления человек, могло бы еще выжить в небольшом числе даже в условиях изолированного существования, когда высшей формой общения является сожительство отдельными парами, как, по утверждению Вестермарка, опирающегося на рассказы охотников, живут гориллы и шимпанзе. Но для того, чтобы в процессе развития выйти из животного состояния и осуществить величайший прогресс, какой только

известен в природе, требовался еще один элемент: недостаток способности отдельной особи к самозащите надо было возместить объединенной силой и коллективными действиями стада. Из тех условий, в которых в настоящее время живут человекообразные обезьяны, переход к человеческому состоянию был бы прямо необъясним; эти обезьяны производят скорее впечатление отклонившихся боковых линий, обреченных на постепенное вымирание и, во всяком случае, находящихся в состоянии упадка. Одного этого достаточно, чтобы отказаться от проведения всяких параллелей между формами семьи у них и у первобытного человека. Ведь взаимная терпимость взрослых самцов, отсутствие ревности были первым условием для образования таких более крупных и долговечных групп, в среде которых только и могло совершиться превращение животного в человека. И действительно, что находим мы в качестве древнейшей, наиболее ранней формы семьи, существование которой в истории мы можем неоспоримо доказать и которую можно и теперь еще кое-где изучать? Групповой брак, форму брака, при которой целые группы мужчин и целые группы женщин взаимно принадлежат друг другу и которая оставляет очень мало места для ревности. И далее, на более поздней ступени развития мы находим такую представляющую собой исключение форму, как многомужество, которое в еще большей степени находится в вопиющем противоречии с каким-либо чувством ревности и потому не известно животным. Но известные нам формы группового брака сопряжены со столь своеобразно запутанными условиями, что они с необходимостью указывают на более ранние, более простые формы полового общения, а вместе с тем, в конечном счете, на соответствующий переходу от животного состояния к человеческому период неупорядоченных половых отношений; поэтому ссылки на браки у животных возвращают нас к тому именно пункту, от которого они должны были нас раз навсегда увести.

Ибо что же это значит: неупорядоченные половые отношения? Это значит, что запретительные ограничения нашего или какого-нибудь более раннего времени не имели тогда силы. Мы уже видели, как отпало ограничение, обусловленное ревностью. А то, что ревность — чувство, развившееся относительно поздно, можно считать твердо установленным. То же самое можно сказать по поводу представления о кровосмешении. Не только брат и сестра были первоначально мужем и женой, но и половая связь между родителями и детьми еще в настоящее время допускается у многих народов. Банкрофт («Туземные племена тихоокеанских штатов Северной Америки», 1875, т. I[44])

свидетельствует о существовании таких отношений у кавиаков на побережье Берингова пролива и у жителей острова Кадьяк близ Аляски, у тинне во внутренней части британской Северной Америки; Летурно дает сводку таких же фактов, встречающихся у индейцев-чиппевеев, у кукусов в Чили, у караибов, у каренов на Индокитайском полуострове; о рассказах древних греков и римлян о парфянах, персах, скифах, гуннах и др. нечего и говорить. Пока не было открыто, что такое кровосмешение (а *это* — открытие, и притом в высшей степени ценное), половая связь между родителями и детьми могла вызывать не больше отвращения, чем между другими лицами, принадлежащими к разным поколениям, а это ведь и теперь случается в самых филистерских странах, не возбуждая большого ужаса; даже старые «девы» в возрасте за шестьдесят лет, если они достаточно богаты, выходят иногда замуж за молодых мужчин лет тридцати. Если же от известных нам наиболее ранних форм семьи отбросить связанные с ними представления о том, что является кровосмешением, — представления, совершенно отличные от наших и часто прямо противоречащие им, — то мы получим форму половых отношений, которую можно обозначить только как неупорядоченную. Неупорядоченную постольку, поскольку еще не существовало ограничений, установленных впоследствии обычаем. Но отсюда еще отнюдь не следует неизбежность полного беспорядка в повседневной практике этих отношений. Временное сожительство отдельными парами, как это теперь бывает в большинстве случаев даже при групповом браке, отнюдь не исключается. И если Вестермарк, новейший из исследователей, отрицающих такое первобытное состояние, называет браком всякий случай, когда оба пола остаются в парном сожительстве до рождения потомства, то следует сказать, что такого рода брак вполне мог иметь место при состоянии неупорядоченных отношений, отнюдь не противореча неупорядоченности, то есть отсутствию установленных обычаем ограничений половых связей. Правда, Вестермарк исходит из взгляда, что

> «неупорядоченность включает подавление индивидуальных склонностей», так что «ее самой подлинной формой является проституция»[45].

Мне же, наоборот, кажется, что никакого понимания первобытных условий не может быть до тех пор, пока их рассматривают через очки дома терпимости. Мы вернемся к этому вопросу при рассмотрении группового брака.

Согласно Моргану, из этого первобытного состояния неупорядоченных отношений, вероятно, весьма рано развилась:

1. *Кровнородственная семья* — первая ступень семьи. Здесь брачные группы разделены по поколениям: все деды и бабки в пределах семьи являются друг для друга мужьями и женами, равно как и их дети, то есть отцы и матери; равным образом дети последних образуют третий круг общих супругов, а их дети, правнуки первых, — четвертый круг. Таким образом, в этой форме семьи взаимные супружеские права и обязанности (говоря современным языком) исключаются только между предками и потомками, между родителями и детьми. Братья и сестры — родные, двоюродные, троюродные и более далеких степеней родства — все считаются между собой братьями и сестрами и *уже в силу этого* мужьями и женами друг друга. Родственное отношение брата и сестры на этой ступени семьи включает в себя половую связь между ними как нечто само собой разумеющееся*. Типичным примером подобной семьи было бы потомство одной пары, у которого в каждом последующем поколении все являются между собой братьями и сестрами и как раз поэтому мужьями и женами друг друга.

Кровнородственная семья вымерла. Даже у наиболее диких народов, о которых рассказывает история, нельзя найти ни одного бесспорного примера ее. Но то, что такая семья *должна* была существовать, нас заставляет признать гавайская система родства, остающаяся в силе еще и поныне во всей Полинезии и выражающая такие степени кровного родства, какие могут возникнуть лишь при этой форме семьи; признать это застав-

* В одном письме, написанном весной 1882 г.[46], Маркс в самых резких выражениях отзывается о полном искажении первобытной эпохи в вагнеровском тексте «Нибелунгов». «Слыхано ли было когда-нибудь, чтобы брат обнимал сестру как супругу?»[47] По поводу этих вагнеровских «богов сладострастия», которые совсем по-современному придают своим любовным похождениям большую пикантность некоторой дозой кровосмесительства, Маркс замечает: «В первобытную эпоху сестра *была* женой, и *это было нравственно». (Примечание Энгельса к изданию 1884 года.)*

Один французский друг и почитатель Вагнера не согласен с этим примечанием и замечает, что уже в «Старшей Эдде», на которой основывался Вагнер, в «Эгисдрекке», Локи так упрекает Фрейю: «В присутствии богов обняла ты собственного брата». Отсюда будто бы следует, что брак между братом и сестрой уже тогда был запрещен. Но «Эгисдрекка» отражает то время, когда вера в старые мифы была полностью утрачена; это — сатира на богов совсем в духе Лукиана. Если Локи словно Мефистофель бросает здесь Фрейе такого рода упрек, то это скорее говорит против Вагнера. Притом несколькими стихами дальше Локи говорит Нйордру: «Со своей сестрой породил ты (такого) сына» (vidh systur thinni gaztu slikan mog)[48]. Правда, Нйордр не ас, а ван, и в «Саге об Инглингах» он говорит, что браки между братьями и сестрами обычны в стране ванов, чего не водится у асов[49]. Это могло бы служить указанием на то, что ваны более древние боги, чем асы. Во всяком случае, Нйордр живет среди асов, как среди себе равных, и потому «Эгисдрекка» скорее доказывает, что в эпоху возникновения норвежских саг о богах брак между братьями и сестрами, по крайней мере среди богов, не вызывал еще никакого отвращения. Если уж оправдывать Вагнера, то, пожалуй, лучше сослаться вместо «Эдды» на Гёте, который в балладе о боге и баядере делает подобную же ошибку относительно религиозной обязанности женщин отдаваться в храмах, слишком сближая этот обычай с современной проституцией. *(Добавление Энгельса к изданию 1891 года.)*

ляет нас все дальнейшее развитие семьи, предполагающее существование этой формы как необходимой первоначальной ступени.

2. *Пуналуальная семья.* Если первый шаг вперед в организации семьи состоял в том, чтобы исключить половую связь между родителями и детьми, то второй состоял в исключении ее для сестер и братьев. Этот шаг, ввиду большего возрастного равенства участников, был бесконечно важнее, но и труднее, чем первый. Он совершался не сразу, начавшись, вероятно*, с исключения половой связи между единоутробными братьями и сестрами (то есть с материнской стороны), сперва в отдельных случаях, потом постепенно становясь правилом (на Гавайских островах бывали отступления еще в настоящем столетии) и закончившись запрещением брака даже в боковых линиях, то есть, по нашему обозначению, для детей, внуков и правнуков родных братьев и сестер. Это служит, по мнению Моргана,

> «прекрасной иллюстрацией того, как действует принцип естественного отбора»[50].

Не подлежит сомнению, что племена, у которых кровосмешение было благодаря этому шагу ограничено, должны были развиваться быстрее и полнее, чем те, у которых брак между братьями и сестрами оставался правилом и обязанностью. А как сильно сказалось влияние этого шага, доказывает непосредственно им вызванное и выходящее далеко за рамки первоначальной цели учреждение *рода,* который образует основу общественного порядка большинства, если не всех, варварских народов земли и от которого мы в Греции и Риме переходим непосредственно в эпоху цивилизации.

Каждая первоначальная семья должна была раздробиться самое позднее через несколько поколений. Первобытное коммунистическое общее домашнее хозяйство, которое без всяких исключений господствует вплоть до самого расцвета средней ступени варварства, определяло максимальные размеры семейной общины, изменявшиеся в зависимости от условий, но для каждой данной местности более или менее определенные. Но как только возникло представление о непозволительности половой связи между детьми одной матери, это должно было сказаться при дроблении старых и при основании новых домашних общин (которые при этом не обязательно совпадали с семейной группой). Ряд или несколько рядов сестер становились ядром одной общины, их единоутробные братья — ядром другой. Таким или подобным путем из кровнородственной семьи произошла форма семьи, названная Морганом пуналуальной.

---

* Слово «вероятно» добавлено Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

По гавайскому обычаю известное число сестер, единоутробных или более дальних степеней родства (двоюродных, троюродных и т. д.), было общими женами своих общих мужей, из числа которых, однако, исключались их братья; эти мужья называли уже один другого не братом, они и не должны были более быть братьями, а «пуналуа», то есть близким товарищем, так сказать, associe*. Равным образом ряд братьев, единоутробных или более дальних степеней родства, состоял в общем браке с известным числом женщин, но только *не* своих сестер, и эти женщины называли друг друга пуналуа. Такова классическая форма семейного уклада, которая впоследствии испытала ряд видоизменений и главной отличительной чертой которой была взаимная общность мужей и жен внутри определенного семейного круга, из коего, однако, были исключены братья жен, сначала единоутробные, а позднее и более дальних степеней родства, а с другой стороны также и сестры мужей.

Вот эта форма семьи и воспроизводит перед нами с совершенной точностью степени родства, которые нашли свое выражение в американской системе. Дети сестер моей матери все еще являются и ее детьми, равно как дети братьев моего отца также и его детьми, и все они — мои братья и сестры; но дети братьев моей матери теперь являются ее племянниками и племянницами, дети сестер моего отца — его племянниками и племянницами, и все они — мои двоюродные братья и двоюродные сестры. В самом деле, в то время как мужья сестер моей матери все еще остаются ее мужьями, а равным образом жены братьев моего отца — его женами, — юридически, если не всегда фактически, — осуждение обществом половых связей между родными братьями и сестрами привело к разделению детей братьев и сестер, до сих пор без различия признававшихся братьями и сестрами, на два разряда: одни остаются между собой по-прежнему (и для дальних степеней родства) братьями и сестрами, другие — в одном случае дети брата, в другом дети сестры — *не могут* уже быть братьями и сестрами, не могут уже иметь общих родителей — ни общего отца, ни общей матери, ни их обоих вместе; и поэтому здесь впервые возникает необходимость в разряде племянников и племянниц, двоюродных братьев и сестер, разряде, который был бы лишен всякого смысла при прежнем семейном строе. Американская система родства, которая представляется чистейшей бессмыслицей при всякой форме семьи, основанной на том или ином виде единобрачия, находит себе разумное объяснение и естественное обос-

* — компаньоном. *Ред.*

нование, вплоть до своих мельчайших подробностей, в пуналуальной семье. По крайней мере в такой же степени, в какой была распространена эта система родства, должна была существовать также пуналуальная семья или какая-нибудь подобная ей форма*.

Об этой форме семьи, действительное существование которой на Гавайских островах доказано, мы получили бы, вероятно, сведения из всей Полинезии, если бы благочестивые миссионеры, подобно блаженной памяти испанским монахам в Америке, способны были усмотреть в подобных противохристианских отношениях нечто большее, чем простую «мерзость»**. Когда Цезарь рассказывает нам о бриттах, находившихся тогда на средней ступени варварства, что «у них каждые десять или двенадцать мужчин имеют общих жен, причем большей частью братья с братьями и родители с детьми»[53], то это лучше всего объясняется наличием группового брака***. В период варварства матери не имели по десяти-двенадцати сыновей такого возраста, чтобы у них были общие жены, тогда как американская система родства, которая соответствует пуналуальной семье, предполагает большое число братьев, ибо таковыми являются все двоюродные и более отдаленные братья каждого мужчины. Говоря о «родителях с детьми», Цезарь мог ошибаться; правда, при этой системе не абсолютно исключена принадлежность к одной брачной группе отца и сына или матери и дочери, но зато не допускается нахождение в ней отца и дочери или матери и сына. Точно так же, исходя из этой или ей подобной**** формы группового брака, легче всего объяснить сообщения Геродота и других древних писателей об общности жен у диких и варварских народов. Это относится и к тому, что сообщают Уотсон и Кей («Население Индии»[54]) о тикурах в Ауде (к северу от Ганга):

«Они живут совместно» (речь идет о половых отношениях), «почти беспорядочно, в рамках больших общин, и если двое считаются мужем и женой, то эта брачная связь только номинальная».

Непосредственно из пуналуальной семьи, по-видимому, возник в громадном большинстве случаев институт *рода*.

---

* Слова «или какая-нибудь подобная ей форма» добавлены Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

** Следы беспорядочных половых отношений, так называемое «греховное зачатие» [«Sumpfzeugung»], которое открыл, как он полагает, Бахофен[51], приводят — и теперь в этом нельзя уже больше сомневаться — к групповому браку. «Если Бахофен находит эти браки «пуналуа» «незаконными», то человек той эпохи признал бы большинство нынешних браков между двоюродными и более отдаленными по степени родства братьями и сестрами с отцовской или материнской стороны столь же кровосмесительными, как браки между кровными братьями и сестрами» (Маркс)[52].

*** В издании 1884 г. вместо слов: «группового брака» напечатано: «пуналуальной семьи». *Ред.*

**** Слова «или ей подобной» добавлены Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

Правда, исходным моментом для него могла служить также и австралийская система брачных классов[55]: у австралийцев имеются роды, но у них еще нет пуналуальной семьи, а существует более грубая форма группового брака*.

При всех формах групповой семьи неизвестно, кто отец ребенка, но известно, кто его мать. Если она и называет *всех* детей общей семьи своими и несет по отношению к ним материнские обязанности, то она все же отличает своих родных детей от остальных. Отсюда ясно, что раз существует групповой брак, то происхождение может быть установлено лишь с *материнской* стороны, а потому признается только *женская линия.* Так действительно бывает у всех диких народов и у всех народов, стоящих на низшей ступени варварства; и вторая крупная заслуга Бахофена состоит в том, что он первый это открыл. Это признание происхождения исключительно по материнской линии и развившиеся отсюда с течением времени отношения наследования он называет материнским правом; в интересах краткости я сохраняю это обозначение; но оно неудачно, так как на этой ступени развития общества еще нельзя говорить о праве в юридическом смысле.

Если мы теперь возьмем из пуналуальной семьи одну из обеих ее типических групп, а именно группу сестер — единоутробных и более дальних степеней родства (то есть происходящих от единоутробных сестер в первом, втором или более отдаленном поколениях) — вместе с их детьми и их братьями — единоутробными и более дальних степеней родства с материнской стороны (которые, согласно нашей предпосылке, *не* являются их мужьями), то перед нами будет именно тот круг лиц, которые впоследствии выступают как члены рода в его первоначальной форме. Все они имеют одну общую родоначальницу; в силу своего происхождения от нее все женские потомки в каждом поколении являются сестрами. Но мужья этих сестер уже не могут быть их братьями, следовательно, не могут происходить от этой родоначальницы, следовательно, не входят в состав этой кровнородственной группы, позднейшего рода; дети их, однако, принадлежат к этой группе, потому что решающую роль играет только происхождение по материнской линии, ибо только одно оно несомненно. С установлением запрета половых связей между всеми братьями и сестрами, даже между самыми отдаленными родственниками боковых линий с материнской стороны, указанная группа превратилась в род, то есть

* В издании 1884 г. вместо слов «а существует более грубая форма группового брака» напечатано: «однако их организация носит столь единичный характер, что нам незачем принимать это во внимание». *Ред.*

конституировалась как твердо установленный круг кровных родственников по женской линии, которые не могут вступать между собой в брак, круг, который с этих пор становится все более и более прочным благодаря другим общим институтам общественного, а также религиозного характера и приобретает все больше отличительных черт по сравнению с другими родами того же племени. Об этом более подробно будет сказано ниже. Но если мы находим, что род не только по необходимости, но и просто как нечто само собой разумеющееся развивается из пуналуальной семьи, то имеется основание признать почти несомненным существование в прошлом этой формы семьи у всех народов, у которых могут быть обнаружены родовые учреждения, то есть почти у всех варварских и культурных народов*.

Когда Морган писал свою книгу, наши сведения о групповом браке были еще весьма ограничены. Кое-что было известно о групповых браках у организованных в классы австралийцев, и, кроме того, Морган уже в 1871 г. опубликовал дошедшие до него данные о гавайской пуналуальной семье[56]. Пуналуальная семья давала, с одной стороны, полное объяснение господствующей у американских индейцев системе родства, которая послужила Моргану исходным пунктом всех его исследований; она, с другой стороны, служила готовым отправным пунктом, из которого можно было вывести род, основанный на материнском праве; она представляла собой, наконец, гораздо более высокую ступень развития, чем австралийские классы. Понятно поэтому, что Морган рассматривал ее как ступень развития, которая необходимо предшествовала парному браку, и приписывал ей всеобщее распространение в древнейшее время. С тех пор мы ознакомились с целым рядом других форм группового брака и знаем теперь, что Морган здесь зашел слишком далеко. Но ему все же посчастливилось натолкнуться в своей пуналуальной семье на высшую, классическую форму группового брака, на ту именно, исходя из которой проще всего объяснить переход к более высокой форме.

Существенным обогащением наших сведений о групповом браке мы больше всего обязаны английскому миссионеру Лоримеру Файсону, который в течение многих лет изучал эту форму семьи на ее классической почве — в Австралии[57]. Низшую ступень развития он обнаружил у австралийских негров в районе Маунт-Гамбир в Южной Австралии. Здесь все племя разделено на два больших класса — кроки и кумите. Половые связи внутри каждого из этих классов строго запрещены,

* Дальнейший текст до раздела «Парная семья» (см. настоящий том, стр. 50) добавлен Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

напротив, каждый мужчина одного класса уже от рождения является мужем каждой женщины другого класса, а последняя — его прирожденной женой. Не отдельные индивиды, а целые группы состоят в браке друг с другом, класс с классом. И следует отметить, что ни различие в возрасте, ни близкое кровное родство здесь никогда не служат препятствием для половых связей, а только ограничение, обусловленное разделением на два экзогамных класса. Для любого кроки каждая женщина кумите является по праву его женой; но так как его собственная дочь как дочь женщины кумите по материнскому праву также кумите, то она в силу этого от рождения является женой каждого кроки, а следовательно, и женой своего отца. Во всяком случае, организация классов в том виде, в каком мы ее знаем, не ставит этому никаких препятствий. Таким образом, или эта организация возникла в ту пору, когда, при всем смутном стремлении ограничить кровосмешение, люди не видели еще ничего особенно ужасного в половых связях между родителями и детьми, — и в таком случае система классов возникла непосредственно из состояния неупорядоченных половых отношений, — или же половая связь между родителями и детьми *была* уже воспрещена обычаем к моменту возникновения брачных классов, и в таком случае современное состояние указывает на существование перед тем кровнородственной семьи и представляет первый шаг к отказу от нее. Последнее более вероятно. Насколько мне известно, примеров брачных отношений между родителями и детьми в Австралии не приводится, а более поздняя форма экзогамии, род, основанный на материнском праве, так же, как правило, молчаливо предполагает запрещение таких отношений, как нечто уже существовавшее при его возникновении.

Система *двух* классов встречается, помимо района Маунт-Гамбир в Южной Австралии, также далее к востоку, в бассейне реки Дарлинг, и на северо-востоке, в Квинсленде, и, таким образом, широко распространена. Она исключает лишь браки между братьями и сестрами, между детьми братьев и между детьми сестер по материнской линии, так как они принадлежат к одному классу; дети сестры и брата, напротив, могут вступать в брак друг с другом. Дальнейший шаг к запрещению кровосмешения мы находим у племени камиларои в бассейне реки Дарлинг в Новом Южном Уэльсе, где два первоначальных класса разбились на четыре, причем каждый из этих четырех классов целиком состоит в браке с определенным другим классом. Первые два класса от рождения являются друг для друга супругами; в зависимости от того, принадлежит ли мать к пер-

вому или второму классу, ее дети попадают в третий или в четвертый класс; дети последних двух классов, также состоящих в брачных отношениях друг с другом, входят в состав первого и второго класса. Таким образом, одно поколение всегда принадлежит к первому и второму классу, следующее за ним — к третьему и четвертому, третье поколение — снова к первому и второму. В соответствии с этим дети брата и сестры (с материнской стороны) не могут быть мужем и женой, но зато ими могут быть внуки брата и сестры. Этот своеобразно сложный порядок еще более усложняется вклиниванием в него — во всяком случае более поздним, — материнского рода. Но мы не можем входить здесь в рассмотрение этого. Мы видим, таким образом, что стремление воспрепятствовать кровосмешению проявляется все снова и снова, действуя, однако, инстинктивно, стихийно, без ясного сознания цели.

Групповой брак, который здесь, в Австралии, представляет собой еще брак между классами, массовое супружество целого класса мужчин, часто рассеянных по всему материку, со столь же широко разбросанным классом женщин, — этот групповой брак при ближайшем рассмотрении выглядит отнюдь не так ужасно, как его рисует себе привыкшая к публичным домам фантазия филистеров. Напротив, прошло много лет, пока стали только догадываться о его существовании, а совсем недавно снова начали его оспаривать. Поверхностному наблюдателю он представляется в виде непрочного единобрачия, а в некоторых местах — в виде многоженства наряду с неверностью, допускавшейся от случая к случаю. Нужно было посвятить целые годы, как это сделали Файсон и Хауитт, чтобы открыть регулирующий закон этих брачных отношений, в практике которых обыкновенный европеец склонен видеть нечто подобное тому, что существует у него на родине, — закон, в силу которого австралийский негр из чужих мест, за тысячи километров от своей родины, среди людей, говорящих на незнакомом ему языке, все-таки нередко в каждом поселении, в каждом племени находит женщин, готовых без сопротивления и возмущения отдаться ему, а мужчина, имеющий несколько жен, уступает одну из них на ночь своему гостю. Там, где европеец усматривает безнравственность и беззаконие, на самом деле господствует строгий закон. Эти женщины принадлежат к брачному классу чужеземца, и потому они от рождения являются его женами; тот самый нравственный закон, который предназначает их друг для друга, воспрещает под угрозой позорного наказания всякую половую связь вне принадлежащих друг другу брачных классов. Даже там, где женщин похищают, что бывает

часто и во многих местностях является правилом, закон о брачных классах тщательно соблюдается.

При похищении женщин проявляются уже, впрочем, признаки перехода к единобрачию, по крайней мере в форме парного брака: когда молодой человек с помощью своих друзей похитил или увел девушку, они все по очереди вступают с ней в половую связь, но после этого она считается женой того молодого человека, который был зачинщиком похищения. И, наоборот, если похищенная женщина убежит от мужа и ею завладеет другой мужчина, она становится женой последнего, а первый утрачивает свое преимущественное право на нее. Наряду с продолжающим в общем существовать групповым браком — и в рамках этого брака — возникают, таким образом, исключающие других лиц отношения, соединения отдельных пар на более или менее продолжительное время, а рядом с этим многоженство, так что и здесь групповой брак начинает отмирать, и вопрос лишь в том, что раньше сойдет со сцены под влиянием европейцев — групповой брак или австралийские негры, которые его придерживаются.

Брак целыми классами в той форме, которая является господствующей в Австралии, представляет собой, во всяком случае, весьма низкую, первоначальную форму группового брака, тогда как пуналуальная семья, насколько нам известно, является высшей ступенью его развития. Первый, по-видимому, соответствует уровню общественного развития дикарей-кочевников, вторая предполагает уже сравнительно устойчивые поселения коммунистических общин и непосредственно приводит к следующей, более высокой ступени развития. Между обеими этими формами брака мы, без сомнения, обнаружим еще некоторые промежуточные ступени; здесь перед нами пока еще только открытая, едва затронутая область исследования.

3. *Парная семья.* Известное соединение отдельных пар на более или менее продолжительный срок имело место уже в условиях группового брака или еще раньше; мужчина имел главную жену (едва ли еще можно сказать — любимую жену) среди многих жен, и он был для нее главным мужем среди других мужей. Это обстоятельство немало способствовало созданию путаницы в головах миссионеров, которые усматривают в групповом браке* то беспорядочную общность жен, то самовольное нарушение супружеской верности. Но такое вошедшее в привычку соединение отдельных пар должно было все более и более упрочиваться, чем больше развивался род

* В издании 1884 г. в этой и предыдущей фразе вместо слов «групповом браке» напечатано: «пуналуальной семье». *Ред.*

и чем многочисленнее становились группы «братьев» и «сестер», между которыми брак был теперь невозможен. Данный родом толчок к запрещению браков между кровными родственниками вел еще дальше. Так, мы находим, что у ирокезов и у большинства других стоящих на низшей ступени варварства индейцев брак воспрещен между *всеми* родственниками, которых насчитывает их система, а таковых несколько сот видов. При такой растущей запутанности брачных запретов групповые браки становились все более и более невозможными; они вытеснялись *парной семьей.* На этой ступени мужчина живет с одной женой, однако так, что многоженство и, при случае, нарушения верности остаются правом мужчин, хотя первое имеет место редко в силу также и экономических причин; в то же время от женщин в течение всего времени сожительства требуется в большинстве случаев строжайшая верность, и за прелюбодеяние их подвергают жестокой каре. Брачные узы, однако, легко могут быть расторгнуты любой из сторон, а дети, как и прежде, принадлежат только матери.

В этом проводимом все дальше исключении кровных родственников из брачного союза тоже продолжает проявляться действие естественного отбора. По словам Моргана,

«браки между членами родов, не состоящих в кровном родстве, создавали породу более крепкую как физически, так и умственно, два прогрессирующих племени сливались воедино, и у новых поколений череп и мозг естественно достигали размеров, соответствующих совокупным способностям обоих племен»[58].

Племена с родовой организацией должны были, таким образом, одержать верх над отставшими или своим примером увлечь их за собой.

Развитие семьи в первобытную эпоху состоит, следовательно, в непрерывном суживании того круга, который первоначально охватывает все племя и внутри которого господствует общность брачных связей между обоими полами. Путем последовательного исключения сначала более близких, затем все более отдаленных родственников, наконец, даже просто свойственников, всякий вид группового брака становится в конце концов практически невозможным, и в результате остается одна пока еще непрочно соединенная брачная пара, та молекула, с распадением которой брак вообще прекращается. Уже из этого видно, как мало общего с возникновением единобрачия имела индивидуальная половая любовь в современном смысле этого слова. Еще больше доказывает это практика всех народов, стоящих на этой ступени развития. Тогда как при прежних формах семьи у мужчин никогда не было недостатка в женщинах,

а, напротив, их скорее было более чем достаточно, теперь женщины стали редки, и их приходилось искать. Поэтому со времени возникновения парного брака начинается похищение и покупка женщин — широко распространенные *симптомы,* хотя и не более чем симптомы, наступившей перемены, которая коренилась гораздо глубже, симптомы, на основании которых, несмотря на то, что они касались только способов добывания жен, педантичный шотландец Мак-Леннан придумал, однако, особые виды семьи: «брак-похищение» и «брак-купля». И помимо того, заключение брака у американских индейцев и у других народов (стоящих на той же ступени развития) — дело не самих вступающих в брак лиц, которых часто и не спрашивают, а их матерей. Нередко, таким образом, бывают просватаны два совершенно незнакомых друг другу лица, и им сообщают о заключенной сделке только тогда, когда наступает время для бракосочетания. Перед свадьбой жених делает подарки сородичам невесты (то есть ее родственникам со стороны матери, но не отцу и его родственникам); эти подарки считаются выкупом за уступаемую девушку. Брак может быть расторгнут по желанию каждого из супругов; но у многих племен, например у ирокезов, постепенно сложилось отрицательное отношение общественного мнения к такому расторжению брака; при раздорах между супругами посредническую роль берут на себя сородичи той и другой стороны, и только в том случае, если это не помогает, брак расторгается, причем дети остаются у жены, и обеим сторонам предоставляется право вступить в новый брак.

Парная семья, сама по себе слишком слабая и слишком неустойчивая, чтобы вызвать потребность в собственном домашнем хозяйстве или только желание обзавестись им, отнюдь не упраздняет унаследованного от более раннего периода коммунистического домашнего хозяйства. Но коммунистическое домашнее хозяйство означает господство в доме женщин, так же как и то, что признавать родной можно лишь мать, при невозможности с уверенностью знать родного отца, означает высокое уважение к женщинам, то есть к матерям. Одним из самых нелепых представлений, унаследованных нами от эпохи просвещения XVIII века, является мнение, будто бы в начале развития общества женщина была рабыней мужчины. Женщина у всех дикарей и у всех племен, стоящих на низшей, средней и отчасти также высшей ступени варварства, не только пользуется свободой, но и занимает весьма почетное положение. Каково это положение еще при парном браке, может засвидетельствовать Ашер Райт, бывший много лет миссионером среди ирокезов племени сенека. Он говорит:

«Что касается их семей, то в те времена, когда они еще жили в древних длинных домах» (коммунистические домашние хозяйства нескольких семейств) «... там всегда преобладал какой-нибудь один клан» (род), «так что женщины брали мужей из других кланов» (родов) «... Обычно господствовала в доме женская половина; запасы были общими; но горе тому злополучному мужу или любовнику, который был слишком ленив или неловок и не вносил своей доли в общий запас. Сколько бы ни было у него в доме детей или принадлежащего ему имущества, все равно он каждую минуту мог ждать приказания связать свой узел и убираться прочь. И он не смел даже пытаться оказать сопротивление; дом превращался для него в ад, ему не оставалось ничего другого, как вернуться в свой собственный клан» (род) «или же — как это чаще всего и бывало — вступить в новый брак в другом клане. Женщины были большой силой в кланах» (родах), «да и везде вообще. Случалось, что они не останавливались перед смещением вождя и разжалованием его в простого воина»[59].

Коммунистическое домашнее хозяйство, в котором все женщины или большинство их принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины принадлежат к различным родам, служит реальной основой того повсеместно распространенного в первобытную эпоху господства женщины, открытие которого составляет третью заслугу Бахофена. — В дополнение замечу еще, что сообщения путешественников и миссионеров относительно того, что женщины у диких и варварских народов обременены чрезмерной работой, отнюдь не противоречат сказанному. Разделение труда между обоими полами обусловливается не положением женщины в обществе, а совсем другими причинами. Народы, у которых женщины должны работать гораздо больше, чем им полагается по нашим представлениям, часто питают к женщинам гораздо больше подлинного уважения, чем наши европейцы. Дама эпохи цивилизации, окруженная кажущимся почтением и чуждая всякому действительному труду, занимает бесконечно более низкое общественное положение, чем выполняющая тяжелый труд женщина эпохи варварства, которая считалась у своего народа действительной дамой (lady, frowa, Frau = госпожа), да по характеру своего положения и была ею.

Целиком ли вытеснен теперь в Америке групповой брак* парной семьей, должно выяснить более тщательное изучение стоящих еще на высшей ступени дикости северо-западных и, в особенности, южноамериканских народов. В рассказах о последних встречаются столь разнообразные примеры свободы половых отношений, что здесь едва ли возможно допустить полное преодоление древнего группового брака**. Во всяком случае

* В издании 1884 г. вместо слов «групповой брак» напечатано: «пуналуальная семья». *Ред.*

** Эта фраза добавлена Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

еще не все его следы исчезли. По меньшей мере у сорока североамериканских племен мужчина, вступающий в брак со старшей сестрой, имеет право взять в жены также и всех ее сестер, как только они достигают установленного возраста, — остаток общности мужей для целой группы сестер. А о жителях полуострова Калифорния (высшая ступень дикости) Банкрофт рассказывает, что у них бывают празднества, на которые сходятся вместе несколько «племен» в целях беспорядочного полового общения[60]. Речь идет, очевидно, о родах, для коих эти празднества являются формой, в которой сохраняются смутные воспоминания о том времени, когда женщины одного рода имели своими общими мужьями всех мужчин другого рода, и наоборот[*]. Подобный же обычай господствует еще в Австралии. У некоторых народов бывает, что старшие мужчины, вожди и колдуны-жрецы используют общность жен в своих интересах и монополизируют для себя большинство женщин; но за это они должны в определенные праздники и во время больших народных собраний допускать вновь ранее существовавшую общность и позволять своим женам наслаждаться с молодыми людьми. Целый ряд примеров таких периодических сатурналий[61], когда на короткий срок вновь вступает в силу старое свободное половое общение, приводит Вестермарк на стр. 28—29 своей книги: у племен хо, сантал, панджа и котар в Индии, у некоторых африканских народов и т. д. Странным образом Вестермарк делает отсюда тот вывод, что это пережиток не группового брака, существование которого он отрицает, а общего первобытному человеку с другими животными периода течки.

Мы подходим здесь к четвертому великому открытию Бахофена, к открытию широко распространенной переходной формы от группового брака к парному. То, что Бахофен изображает как искупление за нарушение древних заповедей богов, — искупление, ценой которого женщина приобретает право на целомудрие, — в действительности только мистическое выражение выкупа, которым женщина откупается от существовавшей в древние времена общности мужей и приобретает право принадлежать только *одному* мужчине. Этот выкуп состоит

[*] Дальнейший текст вплоть до слов: «Парная семья возникла на рубеже между дикостью и варварством» (см. настоящий том, стр. 57) добавлен Энгельсом в издании 1891 года. В издании 1884 г. абзац кончался следующим частично использованным Энгельсом в издании 1891 г., а частично опущенным им текстом; «Хорошо известны пережитки подобной практики в древнем мире, как например, обычай финикийских девушек отдаваться посторонним в храме во время празднеств в честь Астарты; даже средневековое право первой ночи, которое, вопреки усилиям немецких неоромантиков смягчить этот факт, существовало в весьма укоренившейся форме, является остатком пуналуальной семьи, сохранившимся, вероятно, благодаря кельтскому роду (клану)». *Ред.*

в ограниченном определенными рамками обычае отдаваться посторонним: вавилонские женщины должны были раз в год отдаваться мужчинам в храме Милитты; другие народы Передней Азии посылали своих девушек на целые годы в храм Анаитис, где они должны были предаваться свободной любви со своими избранниками, прежде чем получить право на вступление в брак; подобные обычаи, облеченные в религиозную оболочку, свойственны почти всем азиатским народам, живущим между Средиземным морем и Гангом. Искупительная жертва, играющая роль выкупа, становится с течением времени все легче, как это уже заметил Бахофен:

«Ежегодно повторявшееся принесение этой жертвы уступает место однократной повинности, гетеризм матрон уступает место гетеризму девушек; вместо того, чтобы практиковать его во время брака, им занимаются до брака; вместо того чтобы отдаваться без разбора всякому, отдаются только определенным лицам» («Материнское право», стр. XIX).

У других народов религиозная оболочка отсутствует: у некоторых — в древности у фракийцев, кельтов и др., в настоящее время еще у многих коренных обитателей Индии, у малайских народов, у тихоокеанских островитян и у многих американских индейцев — девушки пользуются до своего замужества полнейшей половой свободой. Это особенно распространено почти всюду в Южной Америке, что может засвидетельствовать каждый, кто проникал хоть немного в глубь этого материка. Так Агассис («Путешествие в Бразилию», Бостон и Нью-Йорк, 1886, стр. 266[62]) рассказывает следующее об одной богатой семье индейского происхождения. Когда он познакомился с дочерью, он спросил об ее отце, полагая, что это муж ее матери, который участвовал в это время в качестве офицера в войне с Парагваем, но мать с улыбкой ответила: nao tern pai, e filha da fortuna — у нее нет отца, она — дитя случая.

«Так всегда говорят индейские женщины и метиски без стыда и стеснения о своих внебрачных детях; и это вовсе не исключение, исключением, по-видимому, является скорее обратное. Дети... часто знают только свою мать, потому что все заботы и ответственность падают на нее; о своем отце они ничего не знают, да и женщине, по-видимому, никогда не приходит в голову, что она или ее дети могут иметь к нему какие-либо претензии».

То, что здесь цивилизованному человеку представляется странным, согласно материнскому праву и в условиях группового брака является попросту правилом.

У одних народов друзья и родные жениха или приглашенные на свадьбу гости предъявляют во время самой свадьбы унаследованное от древних времен право на невесту, причем жених оказывается последним в очереди; так было в древности на Балеарских островах и у африканских авгилов, а у бареа

в Абиссинии имеет место и в настоящее время. У других народов какое-нибудь должностное лицо, предводитель племени или рода, касик, шаман, жрец, князь, или как бы он ни назывался, является представителем общины и пользуется по отношению к невесте правом первой ночи. Вопреки всем усилиям неоромантиков смягчить этот факт, это jus primae noctis* существует еще и поныне как пережиток группового брака у большинства обитателей Аляски (Банкрофт, «Туземные племена», I, 81), у таху в Северной Мексике (там же, стр. 584) и у других народов; и оно существовало в течение всего средневековья — по крайней море в странах, которые были первоначально кельтскими, например, в Арагоне, и где оно произошло непосредственно от группового брака. В то время как в Кастилии крестьянин никогда не был крепостным, в Арагоне царило крепостничество в самых гнусных формах вплоть до третейского решения Фердинанда Католика от 1486 года[63]. В этом документе сказано:

«Мы постановляем и объявляем, что вышеупомянутые господа» (senyors, бароны) «... не имеют также права, когда крестьянин берет себе жену, спать с ней первую ночь, или, в знак своего владычества в свадебную ночь, когда жена ляжет в постель, переступить через эту постель и упомянутую женщину; вышеупомянутые господа не имеют также права требовать услуг от дочери или сына крестьянина против их воли, будь то за плату или без платы». (Оригинальный текст на каталонском языке цитируется у Зугенхейма, «Крепостное право», Петербург, 1861, стр. 355[64].)

Бахофен, далее, безусловно нрав, когда настойчиво утверждает, что переход от того, что он называет «гетеризмом», или «греховным зачатием», к единобрачию совершился главным образом благодаря женщинам. Чем больше с развитием экономических условий жизни, следовательно, с разложением древнего коммунизма и увеличением плотности населения унаследованные издревле отношения между полами утрачивали свой наивный первобытный характер, тем больше они должны были казаться женщинам унизительными и тягостными; тем настойчивее должны были женщины добиваться, как избавления, права на целомудрие, на временный или постоянный брак лишь с одним мужчиной. От мужчин этот шаг вперед не мог исходить помимо прочего уже потому, что им вообще никогда, даже вплоть до настоящего времени, не приходило в голову отказываться от удобств фактического группового брака. Только после того как женщинами был осуществлен переход к парному браку, мужчины смогли ввести строгую моногамию, — разумеется, только для женщин.

* — право первой ночи. *Ред.*

Парная семья возникла на рубеже между дикостью и варварством, большей частью уже на высшей ступени дикости, кое-где лишь на низшей ступени варварства. Это — характерная форма семьи для эпохи варварства, так же как групповой брак— для дикости, а моногамия — для цивилизации. Для дальнейшего развития парной семьи в прочную моногамию нужны были иные причины, чем те, которые, как мы видели, действовали до сих пор. Уже в парном сожительстве группа была сведена к своей последней единице, своей двухатомной молекуле, — к одному мужчине и одной женщине. Естественный отбор завершил свое дело путем проводимых все дальше изъятий из брачного общения; в этом направлении ему уже ничего не оставалось делать. И если бы, следовательно, не начали действовать новые, *общественные* движущие силы, то не было бы никакого основания для возникновения из парного сожительства новой формы семьи. Но такие движущие силы вступили в действие.

Мы покидаем теперь Америку, эту классическую почву парной семьи. Нет никаких признаков, которые позволяли бы заключить, что здесь развилась более высокая форма семьи, что здесь до открытия и завоевания когда-либо существовала где-нибудь прочная моногамия. Иначе обстояло дело в Старом свете.

Здесь приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения. Вплоть до низшей ступени варварства постоянное богатство состояло почти только из жилища, одежды, грубых украшений и орудий для добывания и приготовления пищи: лодки, оружия, домашней утвари простейшего вида. Пищу приходилось изо дня в день добывать вновь. Теперь же прогрессировавшие пастушеские пароды — арийцы в индийском Пятиречье и в области Ганга, как и в еще гораздо более богатых в ту пору водой степях бассейнов рек Оксуса и Яксарта, семиты по Евфрату и Тигру — приобрели в стадах лошадей, верблюдов, ослов, крупного рогатого скота, овец, коз и свиней имущество, которое требовало только надзора и самого примитивного ухода, чтобы размножаться все в большем и большем количестве и доставлять обильнейшую молочную и мясную пищу. Все прежние способы добывания пищи отступили теперь на задний план; охота, бывшая раньше необходимостью, стала теперь роскошью.

Но кому принадлежало это новое богатство? Первоначально, безусловно, роду. Однако уже рано должна была развиться частная собственность на стада. Трудно сказать, являлся ли в глазах автора так называемой Первой книги Моисея патриарх

Авраам владельцем своих стад в силу собственного права как глава семейной общины или же в силу своего положения фактически наследственного старейшины рода. Несомненно лишь то, что мы не должны представлять его себе собственником в современном смысле этого слова. И несомненно, далее, что на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность* глав семей совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши и, наконец, людской скот — рабов.

Ибо теперь изобретено было также и рабство. Для человека низшей ступени варварства раб был бесполезен. Поэтому американские индейцы обращались с побежденными врагами совсем не так, как с ними поступали на более высокой ступени развития. Мужчин они убивали или же принимали как братьев в племя победителей; женщин они брали в жены или иным способом также принимали вместе с их уцелевшими детьми в состав своего племени. Рабочая сила человека на этой ступени не дает еще сколько-нибудь заметного избытка над расходами по ее содержанию. С введением скотоводства, обработки металлов, ткачества и, наконец, полеводства положение изменилось. С рабочей силой, в особенности после того как стада окончательно перешли во владение семей**, произошло то же, что с женами, которых раньше добывать было так легко и которые приобрели теперь меновую стоимость и стали покупаться. Семья увеличивалась не так быстро, как скот. Для надзора за скотом требовалось теперь больше людей; для этой цели можно было воспользоваться взятым в плен врагом, который к тому же мог так же легко размножаться, как и скот.

Такие богатства, поскольку они однажды перешли в частное владение отдельных семей*** и быстро возрастали, нанесли сильный удар обществу, основанному на парном браке и на материнском роде. Парный брак ввел в семью новый элемент. Рядом с родной матерью он поставил достоверного родного отца, который, к тому же, вероятно, был даже более достоверен, чем иные современные «отцы». Согласно существовавшему тогда разделению труда в семье, на долю мужа выпадало добывание пищи и необходимых для этого орудий труда, следовательно, и право собственности на последние; в случае растор-

* В издании 1884 г. вместо слов «обособленную собственность» напечатано: «частную собственность». *Ред.*
** В издании 1884 г. вместо слов «во владение семей» напечатано: «в частное владение». *Ред.*
*** Слова «отдельных семей» добавлены Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

жения брака он забирал их с собой, а за женой оставалась ее домашняя утварь. По обычаю тогдашнего общества муж был поэтому также собственником нового источника пищи — скота, а впоследствии и нового орудия труда — рабов. Но по обычаю того же общества его дети не могли ему наследовать, так как с наследованием дело обстояло следующим образом.

Согласно материнскому праву, следовательно, до тех пор, пока происхождение считалось только по женской линии, а также в соответствии с первоначальным порядком наследования в роде, умершему члену рода наследовали его сородичи. Имущество должно было оставаться внутри рода. Ввиду того, что составлявшие его предметы были незначительны, оно на практике, вероятно, искони переходило к ближайшим сородичам, следовательно — к кровным родственникам со стороны матери. Но дети умершего мужчины принадлежали не к его роду, а к роду своей матери; они наследовали матери первоначально вместе с остальными ее кровными родственниками, позднее, возможно, — в первую очередь; но своему отцу они не могли наследовать, так как не принадлежали к его роду, имущество же отца должно было оставаться в этом последнем. Следовательно, после смерти владельца стад его стада должны были переходить прежде всего к его братьям и сестрам и к детям его сестер или же к потомкам сестер его матери. Его же собственные дети оказывались лишенными наследства.

Таким образом, по мере того как богатства росли, они, с одной стороны, давали мужу более влиятельное положение в семье, чем жене, и, с другой стороны, порождали стремление использовать это упрочившееся положение для того, чтобы изменить традиционный порядок наследования в пользу детей. Но это не могло иметь места, пока происхождение велось в соответствии с материнским правом. Поэтому последнее должно было быть отменено, и оно было отменено. Это было совсем не так трудно, как нам теперь представляется. Ведь этой революции — одной из самых радикальных, пережитых человечеством, — не было надобности затрагивать ни одного из живущих членов рода. Все они могли оставаться и далее тем, чем были раньше. Достаточно было простого решения, что на будущее время потомство членов рода мужчин должно оставаться внутри него, тогда как потомство женщин должно исключаться из него и переходить в род своего отца. Этим отменялось определение происхождения по женской и право наследования по материнской линии и вводилось определение происхождения по мужской и право наследования по отцовской линии. Мы ничего не знаем о том, как и когда эта революция

произошла у культурных народов. Она целиком относится к доисторической эпохе. Но что такая революция *произошла,* более чем достаточно доказано сведениями о многочисленных следах материнского права, в особенности собранными Бахофеном; как легко она совершается, мы видим на примере целого ряда индейских племен, где она произошла только недавно и еще происходит отчасти под влиянием растущего богатства и изменившегося образа жизни (переселение из лесов в прерии), отчасти под моральным воздействием цивилизации и миссионеров. Из восьми племен бассейна Миссури шесть ведут происхождение и признают наследование по мужской линии, а два еще по женской линии. У племен шауни, майями и делаваров укоренился обычай: называя детей одним из родовых имен отцовского рода, приобщать их таким путем к этому роду, чтобы они могли наследовать своему отцу. «Свойственная человеку казуистика — изменять вещи, меняя их названия, и находить лазейки для того, чтобы в рамках традиции ломать традицию, когда непосредственный интерес служит для этого достаточным побуждением!» (Маркс)[65]. Из-за этого происходила безнадежная путаница, которая могла быть устранена и отчасти действительно была устранена переходом к отцовскому праву. «Этот переход кажется вообще самым естественным» (Маркс)[66]. — О том[*], что могут сказать нам юристы, пользующиеся сравнительным методом, относительно того, как совершался этот переход у культурных народов Старого света,— почти все это, конечно, только гипотезы, — см. М. Ковалевский, «Очерк происхождения и развития семьи и собственности», Стокгольм, 1890[67].

Ниспровержение материнского права было *всемирно-историческим поражением женского пола.* Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины, особенно неприкрыто проявившееся у греков героической и — еще более — классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами также облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено.

Первый результат установившегося таким образом единовластия мужчин обнаруживается в возникающей теперь промежуточной форме — патриархальной семье. Ее главная характерная черта — не многоженство, о котором речь будет ниже, а

---

[*] Данный текст до конца абзаца добавлен Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

«организация известного числа лиц, свободных и несвободных, в семью, подчиненную отцовской власти главы семьи. В семье семитского типа этот глава семьи живет в многоженстве, несвободные имеют жену и детей, а цель всей организации состоит в уходе за стадами в пределах определенной территории»[68].

Существенными признаками такой семьи являются включение в ее состав несвободных и отцовская власть; поэтому законченным типом этой формы семьи является римская семья. Слово familia первоначально означает не идеал современного филистера, представляющий собой сочетание сентиментальности и домашней грызни; у римлян оно первоначально даже не относится к супругам и их детям, а только к рабам. Famulus значит домашний раб, а familia — это совокупность принадлежащих одному человеку рабов. Еще во времена Гая familia, id est patrimonium (то есть наследство), передавалось по завещанию. Выражение это было придумано римлянами для обозначения нового общественного организма, глава которого был господином жены и детей и некоторого числа рабов, обладая в силу римской отцовской власти правом распоряжаться жизнью и смертью всех этих подчиненных ему лиц.

«Это выражение, таким образом, не древнее одетой в железную броню семейной системы латинских племен, возникшей после введения полеводства и узаконения рабства и после отделения арийских италиков от греков»[69].

Маркс к этому добавляет: «Современная семья содержит в зародыше не только рабство (servitus), но и крепостничество, так как она с самого начала связана с земледельческими повинностями, Она содержит *в миниатюре* все те противоречия, которые позднее широко развиваются в обществе и в его государстве»[70].

Такая форма семьи означает переход от парного брака к моногамии. Чтобы обеспечить верность жены, а следовательно, и происхождение детей от определенного отца, жена отдается под безусловную власть мужа; если он ее убивает, он только осуществляет свое право[*].

С появлением патриархальной семьи мы вступаем в область писаной истории и вместе с тем в ту область, где сравнительное правоведение может оказать нам значительную помощь. И действительно, благодаря ему мы сделали здесь существенный шаг вперед. Мы обязаны Максиму Ковалевскому («Очерк происхождения и развития семьи и собственности», Стокгольм, 1890,

[*] Дальнейший текст до слов: «Прежде чем перейти к моногамии» (см. настоящий том, стр. 64) добавлен Энгельсом и издании 1891 года. *Рвд.*

стр. 60—100) доказательством того, что патриархальная домашняя община, встречающаяся теперь еще у сербов и болгар под названием Zadruga (примерно означает содружество) или Bratstvo (братство) и в видоизмененной форме у восточных народов, образовала переходную ступень от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира. Это, по-видимому, действительно доказано, во всяком случае для культурных народов Старого света, для арийцев и семитов.

Южнославянская задруга представляет собой наилучший еще существующий образец такой семейной общины. Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут вместе одним двором, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода. Община находится под высшим управлением домохозяина (domacin), который представляет ее перед внешним миром, имеет право продавать мелкие предметы, ведает кассой, неся ответственность как за нее, так и за правильное ведение всего хозяйства. Он избирается и отнюдь не обязательно должен быть старшим по возрасту. Женщины и выполняемые ими работы подчинены руководству домохозяйки (domacica), которой обыкновенно бывает жена домачина. Она играет также важную, часто решающую роль при выборе мужей для девушек общины. Но высшая власть сосредоточена в семейном совете, в собрании всех взрослых членов общины, как женщин, так и мужчин. Перед этим собранием отчитывается домохозяин; оно принимает окончательные решения, вершит суд над членами общины, выносит постановления о более значительных покупках и продажах — особенно когда дело касается земельных владений — и т. д.

Только приблизительно десять лет тому назад было доказано, что такие большие семейные общины продолжают существовать и в России[71]; теперь общепризнано, что они столь же глубоко коренятся в русских народных обычаях, как и сельская община. Они фигурируют в древнейшем русском сборнике законов, в «Правде» Ярослава[72], под тем же самым названием (vervj*), как и в далматинских законах[73]; и указания на них можно найти также в польских и чешских исторических источниках.

У германцев также, согласно Хёйслеру («Основные начала германского права»[74]), хозяйственной единицей первоначально являлась не индивидуальная семья в современном смысле,

* — вервь. *Ред.*

а «домашняя община», состоящая из нескольких поколений со своими семьями и притом довольно часто охватывающая и несвободных. Римскую семью также относят к этому типу, и в соответствии с этим в последнее время подвергают весьма большому сомнению как абсолютную власть домохозяина, так и бесправие по отношению к нему остальных членов семьи. У кельтов также, по-видимому, существовали подобные семейные общины в Ирландии; во Франции они сохранились в Ниверне вплоть до французской революции под названием parconneries, а во Франш-Конте они и до настоящего времени еще не совсем исчезли. В районе Луана (департамент Соны и Луары) встречаются большие крестьянские дома с общим высоким, доходящим до самой крыши центральным залом и расположенными вокруг него спальнями, в которые поднимаются по лестницам в 6—8 ступенек и где живет несколько поколений одной и той же семьи.

В Индии домашняя община с совместной обработкой земли упоминается уже Неархом[75] в эпоху Александра Великого и она существует еще и теперь в той же местности, в Пенджабе, и на всем северо-западе страны. На Кавказе Ковалевский сам смог доказать ее существование. В Алжире она еще существует у кабилов. Она встречалась, по-видимому, даже в Америке; ее предполагают найти в «calpullis» древней Мексики, которые описывает Сурита[76]; напротив, Кунов («Ausland» № 42—44, 1890)[77] довольно ясно доказал, что в Перу ко времени его завоевания существовало нечто вроде маркового строя (причем удивительно, что эта марка также называлась marca), с периодическими переделами обработанной земли, следовательно, с индивидуальной обработкой земли.

Во всяком случае патриархальная домашняя община с общим землевладением и совместной обработкой земли приобретает теперь совсем иное значение, чем раньше. Мы уже не можем подвергать сомнению ту важную роль, которую она играла у культурных и некоторых других народов Старого света при переходе от семьи, основанной на материнском праве, к индивидуальной семье. В последующем изложении мы еще вернемся к сделанному Ковалевским дальнейшему выводу, что она была также переходной ступенью, из которой развилась сельская община, или община-марка, с индивидуальной обработкой земли отдельными семьями и с первоначально периодическим, а затем окончательным разделом пахотной земли и лугов.

Относительно семейной жизни внутри этих домашних общин следует заметить, что по крайней мере в России о главах семей известно, что они сильно злоупотребляют своим положением

по отношению к молодым женщинам общины, особенно к своим снохам, и часто образуют из них для себя гарем; русские народные песни весьма красноречивы на этот счет.

Прежде чем перейти к моногамии, быстро развивающейся с падением материнского права, скажем еще несколько слов о многоженстве и многомужестве. Обе эти формы брака могут быть только исключениями, — так сказать, историческими предметами роскоши, — не считая разве только одновременного существования их обоих в какой-либо стране, чего, как известно, не бывает. Так как, следовательно, оказавшиеся вне многоженства мужчины не могли находить утешения у женщин, ставших излишними вследствие многомужества, число же мужчин и женщин, независимо от социальных учреждений, до сих пор было почти одинаковым, то ни та, ни другая форма брака сама по себе не могла стать общепринятой. В действительности, многоженство одного мужчины было, очевидно, результатом рабства и было доступно только лицам, занимавшим исключительное положение. В патриархальной семье семитского типа в многоженстве живет только сам патриарх и, самое большее, несколько его сыновей, остальные должны довольствоваться одной женой. Так обстоит дело еще в настоящее время на всем Востоке; многоженство — привилегия богатых и знатных и осуществляется главным образом путем покупки рабынь; масса народа живет в моногамии. Такое же исключение представляет многомужество в Индии и Тибете; небезынтересный, без сомнения, вопрос о его происхождении из группового брака* подлежит еще дальнейшему изучению. Впрочем, в своей практике многомужество, по-видимому, отличается гораздо большей терпимостью, чем ревнивый режим магометанских гаремов. Так по крайней мере у наиров в Индии, хотя каждые трое, четверо и более мужчин имеют одну общую жену, однако каждый из них может наряду с этим иметь совместно с другими тремя и более мужчинами вторую жену, равно как и третью, четвертую и т. д. Удивительно, что Мак-Леннан, описывая эти брачные клубы, члены которых могут одновременно состоять в нескольких клубах, не открыл новой категории *клубного брака.* Этот обычай брачных клубов, впрочем, отнюдь не является действительным многомужеством; напротив, как уже заметил Жиро-Тёлон, это просто особая форма группового брака; мужчины живут в многоженстве, женщины — в многомужестве**.

---

* В издании 1884 г. вместо «группового брака» напечатано: «пуналуальвой семьи». *Ред.*

** Последняя фраза добавлена Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

4. *Моногамная семья.* Она возникает из парной семьи, как показано выше, на рубеже между средней и высшей ступенью варварства; ее окончательная победа — один из признаков наступления эпохи цивилизации. Она основана на господстве мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от определенного отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети со временем в качестве прямых наследников должны вступить во владение отцовским имуществом. Она отличается от парного брака гораздо большей прочностью брачных уз, которые теперь уже не расторгаются по желанию любой из сторон. Теперь уже, как правило, только муж может их расторгнуть и отвергнуть свою жену. Право на супружескую неверность остается обеспеченным за ним и теперь, во всяком случае, в силу обычая (Code Napoléon[*] определенно предоставляет такое право мужу, если только он не вводит сожительницу под семейный кров[78]), и по мере дальнейшего общественного развития оно осуществляется все шире; если же жена вспомнит о былой практике половых отношений и захочет возобновить ее, то подвергается более строгой каре, чем когда-либо прежде.

Во всей своей суровости новая форма семьи выступает перед нами у греков. В то время, замечает Маркс[79], как положение богинь в мифологии рисует нам более ранний период, когда женщины занимали еще более свободное и почетное положение, в героическую эпоху мы застаем женщину уже приниженной господством мужчины и конкуренцией рабынь[**]. Достаточно прочесть в «Одиссее», как Телемах обрывает свою мать и заставляет ее замолчать[80]. Захваченные в плен молодые женщины становятся у Гомера жертвой плотской страсти победителей: военачальники по очереди и в соответствии со своим рангом выбирают себе самых красивых из них; все действие «Илиады», как известно, развертывается вокруг спора между Ахиллесом и Агамемноном из-за такой рабыни. При каждом сколько-нибудь значительном гомеровском герое упоминается пленная девушка, с которой он делит палатку и ложе. Этих девушек берут также с собой на родину и в супружеский дом, как, например, у Эсхила Агамемнон поступает

[*] — Кодекс Наполеона. *Ред.*

[**] В издании 1884 г. конец этой фразы был дан в следующем виде: «в героическую эпоху мы застаем женщину в положении полузатворнической изоляции, имеющем целью обеспечить достоверность отцовства для детей». Последующий текст до слов «гречанки довольно часто находили возможность обманывать своих мужей» (см. настоящий том, стр. 67) почти целиком добавлен Энгельсом в издании 1891 г. с использованием нескольких фраз, которые имелись в издании 1884 года. *Ред.*

с Кассандрой[81]; рожденные от таких рабынь сыновья получают небольшую долю отцовского наследства и считаются свободными гражданами; Тевкр является таким внебрачным сыном Теламона и может называть себя по отцу. От законной жены требуется, чтобы она мирилась со всем этим, сама же строго соблюдала целомудрие и супружескую верность. Хотя греческая женщина героической эпохи пользуется большим уважением, чем женщина эпохи цивилизации, все же она в конце концов является для мужчины только матерью его рожденных в браке законных наследников, его главной домоправительницей и надсмотрщицей над рабынями, которых он по своему усмотрению может делать, и фактически делает, своими наложницами. Именно существование рабства рядом с моногамией, наличие молодых красивых рабынь, находящихся в полном распоряжении *мужчины,* придало моногамии с самого начала ее специфический характер, сделав ее моногамией *только для женщины,* но не для мужчины. Такой характер она сохраняет и в настоящее время.

У греков более позднего периода следует проводить различие между дорийцами и ионийцами. У первых, классическим образцом которых служит Спарта, брачные отношения во многом еще более архаичны, чем даже те, которые изображены Гомером. В Спарте существует парный брак, видоизмененный в соответствии с принятыми там воззрениями на государство и во многих отношениях еще напоминающий групповой брак. Бездетные браки расторгаются: царь Анаксандрид (за 560 лет до н. э.), имевший бездетную жену, взял вторую и вел два хозяйства; около того же времени царь Аристон, у которого были две бесплодные жены, взял третью, но зато отпустил одну из первых. С другой стороны, несколько братьев могли иметь общую жену; человек, которому нравилась жена его друга, мог делить ее с ним, и признавалось приличным предоставлять свою жену в распоряжение, как выразился бы Бисмарк, здорового «жеребца», даже если тот не принадлежал к числу сограждан. Из одного места у Плутарха, где спартанка направляет к своему мужу поклонника, который домогается ее любви, можно заключить, согласно Шёману, даже о еще большей свободе нравов[82]. Действительное нарушение супружеской верности — измена жены за спиной мужа — было поэтому неслыханным делом. С другой стороны, Спарта, по крайней мере в лучшую свою эпоху, не знала домашнего рабства, крепостные илоты жили обособленно в имениях, поэтому у спартиатов[83] было меньше соблазна пользоваться их женами. Естественно, что в силу всех этих условий женщины в Спарте

занимали гораздо более почетное положение, чем у остальных греков. Спартанские женщины и лучшая часть афинских гетер были в Греции единственными женщинами, о которых древние говорят с уважением и высказывания которых они признают заслуживающими упоминания.

Совершенно иное положение мы находим у ионийцев, для которых характерны Афины. Девушки учились лишь прясть, ткать и шить, самое большее — немного читать и писать. Они жили почти затворницами, пользовались обществом лишь других женщин. Женский покой находился в обособленной части дома, в верхнем этаже или в глубине, куда мужчинам, в особенности чужим, нелегко было проникнуть и куда женщины удалялись при посещении дома мужчинами. Женщины не выходили без сопровождения рабыни; дома они буквально находились под стражей; Аристофан упоминает о молосских собаках, которых держали для устрашения нарушителей супружеской верности[84], а, по крайней мере в азиатских городах, для надзора за женщинами держали евнухов, которые уже во время Геродота фабриковались на острове Хиос для продажи и, согласно Ваксмуту, не для одних только варваров[85]. У Еврипида жена обозначается словом oikurema[86], как вещь для присмотра за хозяйством (слово это среднего рода), и для афинянина она действительно была, помимо деторождения, не чем иным, как старшей служанкой. Муж занимался своими гимнастическими упражнениями, своими общественными делами, от участия в которых жена была отстранена; он, кроме того, имел еще часто к своим услугам рабынь, а в период расцвета Афин — широко распространенную и во всяком случае находившуюся под покровительством государства проституцию. Именно на почве этой проституции выработались единственные яркие типы греческих женщин, которые так же возвышались над общим уровнем женщин античности своим умом и художественным вкусом, как спартанки своим характером. Но то обстоятельство, что нужно было сначала сделаться гетерой, чтобы стать подлинной женщиной, служит самым суровым осуждением афинской семьи.

Эта афинская семья с течением времени сделалась образцом, по которому устраивали свои домашние порядки не только остальные ионийцы, но постепенно и все греки как внутри страны, так и в колониях. Однако, вопреки всему этому затворничеству и надзору, гречанки довольно часто находили возможность обманывать своих мужей, а последние, стыдившиеся обнаружить хотя бы какое-нибудь чувство любви к своим женам, развлекались всяческими любовными похождениями

с гетерами; но унижение женщин мстило за себя и унижало самих мужчин, вплоть до того, что в конце концов они погрязли в противоестественной любви к мальчикам и лишили достоинства своих богов, как и самих себя, мифом о Ганимеде.

Таково было происхождение моногамии, насколько мы можем проследить его у самого цивилизованного и наиболее развитого народа древности. Она отнюдь не была плодом индивидуальной половой любви, с которой она не имела абсолютно ничего общего, так ,как браки по-прежнему оставались браками по расчету. Она была первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия* — именно победа частной собственности над первоначальной, стихийно сложившейся общей собственностью. Господство мужа в семье и рождение детей, которые были бы только от него и должны были наследовать его богатство, — такова была исключительная цель единобрачия, откровенно провозглашенная греками. В остальном же оно было для них бременем, обязанностью по отношению к богам, государству и собственным предкам, которую приходилось выполнять. В Афинах закон предписывал не только вступление в брак, но и выполнение мужем определенного минимума так называемых супружеских обязанностей**.

Таким образом, единобрачие появляется в истории отнюдь не в качестве основанного на согласии союза между мужчиной и женщиной и еще меньше в качестве высшей формы этого союза. Напротив. Оно появляется как порабощение одного пола другим, как провозглашение неведомого до тех пор во всей предшествующей истории противоречия между полами. В одной старой ненапечатанной рукописи 1846 **г.**, принадлежащей Марксу и мне, я нахожу следующее: «Первое разделение труда было между мужчиной и женщиной для производства детей»[87]. К этому я могу теперь добавить: первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским. Единобрачие было великим историческим прогрессом, но вместе с тем оно открывает, наряду с рабством и частным богатством, ту продолжающуюся до сих пор эпоху, когда всякий прогресс в то же время означает и относительный регресс, когда благосостояние и развитие одних осуществляется

---

* В издании 1884 г. вместо слов «экономические условия» напечатано: «общественные условия»; конец фразы со слов «именно победа частной собственности» добавлен Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

** Последняя фраза добавлена Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

ценой страданий и подавления других. Единобрачие — это та клеточка цивилизованного общества, по которой мы уже можем изучать природу вполне развившихся внутри последнего противоположностей и противоречий.

Старая относительная свобода половых связей отнюдь не исчезла с победой парного брака или даже единобрачия.

«Старая система брака, введенная в более тесные границы в результате постепенного вымирания пуналуальных групп, все еще служила той средой, в которой развивалась семья, и тормозила ее развитие вплоть до первых проблесков цивилизации... она исчезла, наконец, перейдя в новую форму гетеризма, которая и в период цивилизации следует за людьми, точно мрачная тень, лежащая на семье»[88].

Под гетеризмом Морган понимает существующие *наряду с единобрачием* внебрачные половые связи мужчин с незамужними женщинами, что, как известно, процветает в самых различных формах на протяжении всего периода цивилизации и все более и более превращается в неприкрытую проституцию[*]. Этот гетеризм ведет свое происхождение непосредственно от группового брака, от той жертвы, ценой которой женщины, отдаваясь посторонним, покупали себе право на целомудрие. Отдаваться за деньги было первоначально религиозным актом; это происходило в храме богини любви, и деньги шли в первое время в сокровищницу храма. Гиеродулы[89] Анаитис в Армении, Афродиты в Коринфе, а также состоящие при храмах религиозные танцовщицы Индии, так называемые баядерки (искаженное португальское bailadeira — танцовщица), были первыми проститутками. Отдаваться посторонним мужчинам — первоначально обязанность каждой женщины — стало впоследствии уделом только этих жриц, как бы замещавших всех остальных. У других народов гетеризм ведет свое происхождение от предоставлявшейся девушкам до брака половой свободы и, следовательно, также является пережитком группового брака, только дошедшим до нас другим путем. С возникновением имущественного неравенства, то есть уже на высшей ступени варварства, наряду с рабским трудом спорадически появляется и наемный труд и одновременно как необходимый его спутник профессиональная проституция свободных женщин наряду с принуждением рабынь отдаваться мужчинам. Таким образом, наследство, завещанное групповым браком цивилизации, двойственно, как двойственно, двулико, внутренне раздвоенно, противоречиво и все, что порождено цивилизацией: с одной стороны — моногамия, а с другой — гетеризм вместе

[*] Дальнейший текст до слов: «Гетеризм — это такой же общественный институт» (см. настоящий том, стр. 70) добавлен Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

с его самой крайней формой — проституцией. Гетеризм — это такой же общественный институт, как и всякий другой; он обеспечивает дальнейшее существование старой половой свободы — в пользу мужчин. На деле не только терпимый, но и широко практикуемый, особенно же используемый господствующими классами, гетеризм на словах подвергается осуждению. Но это осуждение в действительности направляется не против причастных к этому мужчин, а только против женщин; их презирают и выбрасывают из общества, чтобы, таким образом, снова провозгласить, как основной общественный закон, неограниченное господство мужчин над женским полом.

Но вместе с этим развивается второе противоречие внутри самой моногамии. Рядом с мужем, скрашивающим свое существование гетеризмом, стоит покинутая супруга[*]. Одна сторона противоречия так же немыслима без другой, как невозможно иметь в руке целое яблоко после того, как съедена его половина. Однако не таково, по-видимому, было мнение мужчин, пока жены не вразумили их. Вместе с единобрачием появляются два неизменных, ранее неизвестных характерных общественных типа: постоянный любовник жены и муж-рогоносец. Мужчины одержали победу над женщинами, но увенчать победителей великодушно взялись побежденные. Рядом с единобрачием и гетеризмом неустранимым общественным явлением сделалось и прелюбодеяние, запрещенное, строго наказуемое, но неискоренимое. Достоверность происхождения детей от законного отца продолжала, как и раньше, основываться самое большее на нравственном убеждении, и, чтобы разрешить неразрешимое противоречие, Code Napoleon ввел статью 312:

«L'enfant concu pendant le mariage a pour pere le mari» — «отцом ребенка, зачатого во время брака, является муж».

Таков конечный результат трехтысячелетнего существования единобрачия.

Таким образом, в тех случаях, когда индивидуальная семья остается верна своему историческому происхождению и когда в ней в силу исключительного господства мужа противоречие между мужчиной и женщиной приобретает ясно выраженный характер, эта семья дает нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество, разделенное на классы со времени наступления эпохи цивилизации, и которые оно не способно ни разрешить, ни преодолеть. Я говорю здесь, разумеется, лишь о тех случаях единобрачия, когда супружеская жизнь действительно соот-

[*] Эта и предыдущая фразы добавлены Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

ветствует установлениям, вытекающим из первоначального характера этого института, но жена при этом восстает против господства мужа. Что далеко не все браки протекают так, об этом лучше всех знает немецкий филистер, который так же не умеет быть господином в своем доме, как и в государстве; его жена поэтому с полным правом присваивает себе мужскую власть, которой он не достоин. Зато он воображает, что стоит гораздо выше своего французского товарища по несчастью, которому чаще, чем ему самому, приходится куда хуже.

Впрочем, индивидуальная семья отнюдь не везде и не во всякое время принимала такую классически суровую форму, какую она имела у греков. У римлян, которые в качестве будущих завоевателей мира обладали более широким, хотя и менее утонченным взглядом на вещи, чем греки, жена пользовалась большей свободой и большим уважением. Римлянин считал, что супружеская верность достаточно обеспечена предоставленной ему властью над жизнью и смертью его жены. Кроме того, жена могла здесь наравне с мужем при желании расторгнуть брак. Но наибольший прогресс в развитии единобрачия был достигнут, несомненно, с вступлением на историческую арену германцев и достигнут потому, что у них, вероятно ввиду их бедности, моногамия, по-видимому, в то время еще не вполне развилась из парного брака. Мы приходим к этому заключению на основании следующих трех обстоятельств, упоминаемых Тацитом. Во-первых, при всей святости брака, — «они довольствуются одной женой, женщины живут огражденные целомудрием»[90], — у них все же было распространено многоженство среди знати и вождей племен, подобно тому, что мы встречали у американцев, у которых существовал парный брак. Во-вторых, переход от материнского права к отцовскому мог совершиться у них только незадолго перед этим, так как брат матери — ближайший сородич мужского пола согласно материнскому праву — еще признавался у них чуть ли не более близким родственником, чем собственный отец, что также соответствует точке зрения американских индейцев, у которых Маркс, как он часто говорил, нашел ключ к пониманию нашего собственного прошлого. И, в-третьих, женщины у германцев пользовались большим уважением и значительным влиянием на общественные дела, что стоит в прямом противоречии со свойственным моногамии господством мужчин. Почти во всем этом германцы не отличаются от спартанцев, у которых, как мы видели, парный брак также не был еще полностью изжит[*].

[*] Последняя фраза добавлена Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

Таким образом, и в этом отношении вместе с германцами приобрел мировое господство совершенно новый элемент. Новая моногамия, развившаяся на развалинах римского мира в процессе смешения народов, облекла владычество мужчин в более мягкие формы и дала женщинам, по крайней мере с внешней стороны, более почетное и свободное положение, чем когда-либо знала классическая древность. Тем самым впервые была создана предпосылка, на основе которой из моногамии, — внутри нее, наряду с ней и вопреки ей, смотря по обстоятельствам, — мог развиться величайший нравственный прогресс, которым мы ей обязаны: современная индивидуальная половая любовь, которая была неизвестна всему прежнему миру.

Этот прогресс, однако, был вызван именно тем обстоятельством, что германцы переживали еще период парной семьи и перенесли в моногамию, насколько это представлялось возможным, положение женщины, соответствующее парной семье; он был вызван отнюдь не каким-то легендарным, чудесным природным предрасположением германцев к чистоте нравов, которое в сущности сводится к тому, что парный брак действительно свободен от резких нравственных противоречий, присущих моногамии. Напротив, германцы в период их переселений, в особенности на юго-восток, к степным кочевникам Причерноморья, глубоко пали в нравственном отношении и восприняли у последних, кроме их искусства верховой езды, также и гнусные противоестественные пороки, о чем определенно свидетельствует Аммиан относительно тайфалов и Прокопий относительно герулов[91].

Но если из всех известных форм семьи моногамия была единственной формой, при которой могла развиться современная половая любовь, то это не значит, что последняя развилась в ней исключительно или хотя бы преимущественно как любовь супругов друг к другу. Самая природа прочного единобрачия при господстве мужа исключала это. У всех исторически активных, то есть у всех господствующих классов, заключение брака оставалось тем, чем оно было со времени парного брака, — сделкой, которую устраивают родители. И первая появившаяся в истории форма половой любви, как страсть, и притом доступная каждому человеку (по крайней мере из господствующих классов) страсть, как высшая форма полового влечения, — что и составляет ее специфический характер, — эта первая ее форма, рыцарская любовь средних веков, отнюдь не была супружеской любовью. Наоборот. В своем классическом виде, у провансальцев, рыцарская любовь устремляется на всех парусах к нарушению супружеской верности, и ее поэты вос-

певают это. Цвет провансальской любовной поэзии[92] составляют «альбы» (albas), по-немецки песни рассвета. Яркими красками изображают они, как рыцарь лежит в постели у своей красотки, чужой жены, а снаружи стоит страж, который возвещает ему о первых признаках наступающего рассвета (alba), чтобы он мог ускользнуть незамеченным; затем следует сцена расставания — кульминационный пункт песни. Жители Северной Франции, а равным образом и бравые немцы тоже усвоили этот род поэзии вместе с соответствующей ему манерой рыцарской любви, и наш старый Вольфрам фон Эшенбах оставил на ту же щекотливую тему три чудесные песни, которые мне нравятся больше, чем его три длинные героические поэмы.

Заключение брака в современной нам буржуазной среде происходит двояким образом. В католических странах родители по-прежнему подыскивают юному буржуазному сынку подходящую жену, и, разумеется, результатом этого является наиболее полное развитие присущего моногамии противоречия: пышный расцвет гетеризма со стороны мужа, пышный расцвет супружеской неверности со стороны жены. Католическая церковь, надо думать, отменила развод, лишь убедившись, что против супружеской неверности, как против смерти, нет никаких средств. В протестантских странах, напротив, буржуазному сынку, как правило, предоставляется большая или меньшая свобода выбирать себе жену из своего класса; поэтому основой для заключения брака может служить в известной степени любовь, как это, приличия ради, постоянно и предполагается в соответствии с духом протестантского лицемерия. Здесь гетеризм практикуется мужем не столь энергично, а неверность жены встречается не так часто. Но так как при любой форме брака люди остаются такими же, какими были до него, а буржуа в протестантских странах в большинстве своем филистеры, то эта протестантская моногамия, даже если брать в общем лучшие случаи, все же приводит только к невыносимо скучному супружескому сожительству, которое называют семейным счастьем. Лучшим отражением обоих этих видов брака служит роман: для католического — французский, для протестантского — немецкий*. В том и другом «он получает ее»: в немецком молодой человек — девушку, во французском муж — пару рогов. Не всегда при этом ясно, кто из них оказывается в худшем положении. Поэтому-то скука немецкого романа внушает французскому буржуа такой же ужас, как «безнравственность» французского романа — немецкому филистеру.

* В издании 1884 года: «немецкий и шведский». *Ред.*

Впрочем, в последнее время, с тех пор как «Берлин становится мировым городом», немецкий роман начинает менее робко относиться к таким давно хорошо известным там явлениям, как гетеризм и супружеская неверность.

Но и в том и в другом случае брак обусловливается классовым положением сторон и поэтому всегда бывает браком по расчету*. Этот брак по расчету в обоих случаях довольно часто обращается в самую грубую проституцию — иногда обеих сторон, а гораздо чаще жены, которая отличается от обычной куртизанки только тем, что отдает свое тело не так, как наемная работница свой труд, оплачиваемый поштучно, а раз навсегда продает его в рабство. И ко всем бракам по расчету относятся слова Фурье:

«Как в грамматике два отрицания составляют утверждение, так и в брачной морали две проституции составляют одну добродетель»[93].

Половая любовь может стать правилом в отношениях к женщине и действительно становится им только среди угнетенных классов, следовательно, в настоящее время — в среде пролетариата, независимо от того, зарегистрированы официально эти отношения или нет. Но здесь устранены также все основы классической моногамии. Здесь нет никакой собственности, для сохранения и наследования которой как раз и были созданы моногамия и господство мужчин; здесь нет поэтому никаких побудительных поводов для установления этого господства. Более того, здесь нет и средств для этого: буржуазное право, которое охраняет это господство, существует только для имущих и для обслуживания их взаимоотношений с пролетариями; оно стоит денег и вследствие бедности рабочего не имеет никакого значения для его отношения к своей жене. Здесь решающую роль играют совсем другие личные и общественные условия. И, кроме того, с тех пор как крупная промышленность оторвала женщину от дома, отправила ее на рынок труда и на фабрику, довольно часто превращая ее в кормилицу семьи, в пролетарском жилище лишились всякой почвы последние остатки господства мужа, кроме разве некоторой грубости в обращении с женой, укоренившейся со времени введения моногамии. Таким образом, семья пролетария уже не моногамна в строгом смысле этого слова, даже при самой страстной любви и самой прочной верности обеих сторон и несмотря на все, какие только возможно, церковные и светские благословения. Поэтому и постоянные спутники моногамии, гетеризм и супружеская

* Дальнейший текст до слов: «Половая любовь может стать правилом» добавлен Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

неверность, играют здесь совершенно ничтожную роль; жена фактически вернула себе право на расторжение брака, и когда стороны не могут ужиться, они предпочитают разойтись. Одним словом, пролетарский брак моногамен в этимологическом значении этого слова, но отнюдь не в историческом его смысле*.

Наши юристы, впрочем, считают, что прогресс законодательства все больше отнимает у женщин всякое основание для жалоб. Законодательства современных цивилизованных стран все более и более признают, во-первых, что брак, для того чтобы быть действительным, должен представлять собой договор, добровольно заключенный обеими сторонами, и, во-вторых, что и в течение всего периода брака обе стороны должны иметь одинаковые права и обязанности по отношению друг к другу. Если бы эти оба требования были последовательно проведены, то у женщин было бы все, чего они только могут желать.

Эта чисто юридическая аргументация совершенно совпадает с той, какой пользуется радикальный буржуа-республиканец, время от времени призывая пролетария к порядку. Трудовой договор якобы добровольно заключается обеими сторонами. Но его считают заключенным добровольно потому, что закон *на бумаге* ставит обе стороны в равное положение. Власть, которую различное классовое положение дает одной стороне, давление, которое в силу этого оказывается на другую сторону, то есть действительное экономическое положение обеих сторон — это закона не касается. И на время действия трудового договора обе стороны опять-таки должны быть равноправными, коль скоро ни одна из них определенно не отказалась от своих прав. Закону опять-таки нет дела до того, что экономическое положение заставляет рабочего отказываться даже от последней видимости равноправия.

В отношении брака даже самый прогрессивный закон вполне удовлетворен, если заинтересованные стороны формально засвидетельствовали добровольный характер своего вступления в брак. Что происходит за юридическими кулисами, где разыгрывается действительная жизнь, как достигается это добровольное согласие, — об этом закон и юрист могут не беспокоиться. А между тем, самое простое сравнение права различных стран должно было бы показать юристу, что представляет собой это добровольное согласие. В странах, где закон обеспечивает детям обязательное наследование части имущества

---

* Весь дальнейший текст настоящей главы, кроме заключительного абзаца, начинающегося словами: «Вернемся, однако, к Моргану» (см. настоящий том, стр. 85), добавлен Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

родителей, где они, следовательно, не могут быть лишены наследства, — в Германии, в странах с французским правом и в некоторых других, — дети при вступлении в брак связаны согласием родителей. В странах с английским правом, где родительского согласия при вступлении в брак законом не требуется, родители располагают полной свободой при завещании своего имущества и могут по своему усмотрению лишать своих детей наследства. Ясно, однако, что, несмотря на это и даже именно в силу этого, среди классов, где есть, что наследовать, в Англии и Америке фактически существует ничуть не большая свобода вступления в брак, чем во Франции и Германии.

Не лучше обстоит дело с юридическим равноправием мужчины и женщины в браке. Правовое неравенство обоих, унаследованное нами от прежних общественных отношений, — не причина, а результат экономического угнетения женщины. В старом коммунистическом домашнем хозяйстве, охватывавшем много брачных пар с их детьми, вверенное женщинам ведение этого хозяйства было столь же общественным, необходимым для общества родом деятельности, как и добывание мужчинами средств пропитания. С возникновением патриархальной семьи и еще более — моногамной индивидуальной семьи положение изменилось. Ведение домашнего хозяйства утратило свой общественный характер. Оно перестало касаться общества. Оно стало *частным занятием;* жена сделалась главной служанкой, была устранена от участия в общественном производстве. Только крупная промышленность нашего времени вновь открыла ей — да и то лишь пролетарке — путь к общественному производству. Но при этом, если она выполняет свои частные обязанности по обслуживанию семьи, она остается вне общественного производства и не может ничего заработать, а если она хочет участвовать в общественном труде и иметь самостоятельный заработок, то она не в состоянии выполнять семейные обязанности. И в этом отношении положение женщины одинаково как на фабрике, так и во всех областях деятельности, вплоть до медицины и адвокатуры. Современная индивидуальная семья основана на явном или замаскированном домашнем рабстве женщины, а современное общество — это масса, состоящая сплошь из индивидуальных семей, как бы его молекул. Муж в настоящее время должен в большинстве случаев добывать деньги, быть кормильцем семьи, по крайней мере в среде имущих классов, и это дает ему господствующее положение, которое ни в каких особых юридических привилегиях не нуждается. Он в семье — буржуа, жена представляет пролетариат. Но в области промышленности специфический характер тяго-

теющего над пролетариатом экономического гнета выступает со всей своей резкостью только после того, как устранены все признанные законом особые привилегии класса капиталистов и установлено полное юридическое равноправие обоих классов; демократическая республика не уничтожает противоположности обоих классов — она, напротив, лишь создает почву, на которой развертывается борьба за разрешение этой противоположности. Равным образом, своеобразный характер господства мужа над женой в современной семье и необходимость установления действительного общественного равенства для обоих, а также способ достижения этого только тогда выступят в полном свете, когда супруги юридически станут вполне равноправными. Тогда обнаружится, что первой предпосылкой освобождения женщины является возвращение всего женского пола к общественному производству, что, в свою очередь, требует, чтобы индивидуальная семья перестала быть хозяйственной единицей общества.

* * *

Итак, мы имеем три главные формы брака, в общем и целом соответствующие трем главным стадиям развития человечества. Дикости соответствует групповой брак, варварству — парный брак, цивилизации — моногамия, дополняемая нарушением супружеской верности и проституцией. Между парным браком и моногамией на высшей ступени варварства вклинивается господство мужчин над рабынями и многоженство.

Как показало все наше изложение, своеобразие прогресса, который проявляется в этой последовательной смене форм, заключается в том, что половой свободы, присущей групповому браку, все более и более лишаются женщины, но не мужчины. И, действительно, групповой брак фактически существует для мужчин и по настоящее время. То, что со стороны женщины считается преступлением и влечет за собой тяжелые правовые и общественные последствия, для мужчины считается чем-то почетным или, в худшем случае, незначительным моральным пятном, которое носят с удовольствием. Но чем больше старинный гетеризм изменяется в наше время под воздействием капиталистического товарного производства и приспособляется к последнему, чем больше он превращается в неприкрытую проституцию, тем сильнее его деморализующее воздействие. При этом мужчин он деморализует гораздо больше, чем женщин. Среди женщин проституция развращает только тех несчастных, которые становятся ее жертвами, да и их далеко не в той степени, как это обычно полагают. Зато всей мужской половине

человеческого рода она придает низменный характер. Так, например, долгое пребывание в положении жениха в девяти случаях из десяти является настоящей подготовительной школой супружеской неверности.

Но мы идем навстречу общественному перевороту, когда существовавшие до сих пор экономические основы моногамии столь же неминуемо исчезнут, как и основы се дополнения — проституции. Моногамия возникла вследствие сосредоточения больших богатств в одних руках, — притом в руках мужчины, — и из потребности передать эти богатства по наследству детям именно этого мужчины, а не кого-либо другого. Для этого была нужна моногамия жены, а не мужа, так что эта моногамия жены отнюдь не препятствовала явной или тайной полигамии мужа. Но предстоящий общественный переворот, который превратит в общественную собственность, по меньшей мере, неизмеримо большую часть прочных, передаваемых по наследству богатств — средства производства, — сведет к минимуму всю эту заботу о том, кому передать наследство. Так как, однако, моногамия обязана своим происхождением экономическим причинам, то не исчезнет ли она, когда исчезнут эти причины?

Можно было бы не без основания ответить, что она не только не исчезнет, но, напротив, только тогда полностью осуществится. Потому что вместе с превращением средств производства в общественную собственность исчезнет также и наемный труд, пролетариат, а следовательно, и необходимость для известного, поддающегося статистическому подсчету числа женщин отдаваться за деньги. Проституция исчезнет, а моногамия, вместо того чтобы прекратить свое существование, станет, наконец, действительностью также и для мужчин.

Положение мужчин, таким образом, во всяком случае сильно изменится. Но и в положении женщин, *всех* женщин, произойдет значительная перемена. С переходом средств производства в общественную собственность индивидуальная семья перестанет быть хозяйственной единицей общества. Частное домашнее хозяйство превратится в общественную отрасль труда. Уход за детьми и их воспитание станут общественным делом; общество будет одинаково заботиться обо всех детях, будут ли они брачными или внебрачными. Благодаря этому отпадет беспокойство о «последствиях», которое в настоящее время составляет самый существенный общественный момент, — моральный и экономический, — мешающий девушке, не задумываясь, отдаться любимому мужчине. Не будет ли это достаточной причиной для постепенного возникновения более свободных поло-

вых отношений, а вместе с тем и более снисходительного подхода общественного мнения к девичьей чести и к женской стыдливости? И, наконец, разве мы не видели, что в современном мире моногамия и проституция хотя и составляют противоположности, но противоположности неразделимые, полюсы одного и того же общественного порядка? Может ли исчезнуть проституция, не увлекая за собой в пропасть и моногамию?

Здесь вступает в действие новый момент, который ко времени развития моногамии существовал самое большее лишь в зародыше, — индивидуальная половая любовь.

До средних веков не могло быть и речи об индивидуальной половой любви. Само собой разумеется, что физическая красота, дружеские отношения, одинаковые склонности и т. п. пробуждали у людей различного пола стремление к половой связи, что как для мужчин, так и для женщин не было совершенно безразлично, с кем они вступали в эти интимнейшие отношения. Но от этого до современной половой любви еще бесконечно далеко. На протяжении всей древности браки заключались родителями вступающих в брак сторон, которые спокойно мирились с этим. Та скромная доля супружеской любви, которую знает древность, — не субъективная склонность, а объективная обязанность, не основа брака, а дополнение к нему. Любовные отношения в современном смысле имеют место в древности лишь вне официального общества. Пастухи, любовные радости и страдания которых нам воспевают Феокрит и Мосх, Дафнис и Хлоя Лонга[94], — это исключительно рабы, не принимающие участия в делах государства, в жизненной сфере свободного гражданина. Но помимо любовных связей среди рабов мы встречаем такие связи только как продукт распада гибнущего древнего мира, и притом связи с женщинами, которые также стоят вне официального общества, — с гетерами, то есть чужестранками или вольноотпущенницами: в Афинах — накануне их упадка, в Риме — во времена империи. Если же любовные связи действительно возникали между свободными гражданами и гражданками, то только как нарушение супружеской верности. А для классического поэта древности, воспевавшего любовь, старого Анакреонта, половая любовь в нашем смысле была настолько безразлична, что для него безразличен был даже пол любимого существа.

Современная половая любовь существенно отличается от простого полового влечения, от эроса древних. Во-первых, она предполагает у любимого существа взаимную любовь; в этом отношении женщина находится в равном положении с мужчиной, тогда как для античного эроса отнюдь не всегда требовалось

ее согласие. Во-вторых, сила и продолжительность половой любви бывают такими, что невозможность обладания и разлука представляются обеим сторонам великим, если не величайшим несчастьем; они идут на огромный риск, даже ставят на карту свою жизнь, чтобы только принадлежать друг другу, что в древности бывало разве только в случаях нарушения супружеской верности. И, наконец, появляется новый нравственный критерий для осуждения и оправдания половой связи; спрашивают не только о том, была ли она брачной или внебрачной, но и о том, возникла ли она по взаимной любви или нет? Понятно, что в феодальной или буржуазной практике с этим новым критерием обстоит не лучше, чем со всеми другими критериями морали, — с ним не считаются. Но относятся к нему и не хуже, чем к другим: он так же, как и те, признается — в теории, на бумаге. А большего и требовать пока нельзя.

Средневековье начинает с того, на чем остановился древний мир со своими зачатками половой любви, — с прелюбодеяния. Мы уже описали рыцарскую любовь, создавшую песни рассвета. От этой любви, стремящейся к разрушению брака, до любви, которая должна стать его основой, лежит еще далекий путь, который рыцарство так и не прошло до конца. Даже переходя от легкомысленных романских народов к добродетельным германцам, мы находим в «Песне о Нибелунгах», что Кримхильда, хотя она втайне влюблена в Зигфрида не меньше, чем он в нее, когда Гунтер объявляет ей, что просватал ее за некоего рыцаря, и при этом не называет его имени, отвечает просто:

«Вам не нужно меня просить; как Вы мне прикажете, так я всегда и буду поступать; кого Вы, государь, дадите мне в мужья, с тем я охотно обручусь»[95].

Ей даже в голову не приходит, что здесь вообще может быть принята во внимание ее любовь. Гунтер сватается за Брунхильду, а Этцель — за Кримхильду, которых они ни разу не видели; точно так же в «Гудрун»[96] Зигебант ирландский сватается за норвежскую Уту, Хетель хегелингский — за Хильду ирландскую, наконец Зигфрид морландский, Хартмут орманский и Хервиг зеландский — за Гудрун; и только здесь последняя свободно решает в пользу Хервига. По общему правилу, невесту для молодого князя подыскивают его родители, если они еще живы; в противном случае он это делает сам, советуясь с крупными вассалами, мнение которых во всех случаях пользуется большим весом. Да иначе и быть не могло. Для рыцаря или барона, как и для самого владетельного князя, женитьба — политический акт, случай для увеличения своего могущества при помощи новых союзов; решающую роль

должны играть интересы *дома,* а отнюдь не личные желания. Как в таких условиях при заключении брака последнее слово могло принадлежать любви?

То же самое было у цехового бюргера средневековых городов. Уже одни охранявшие его привилегии, создававшие всевозможные ограничения цеховые уставы, искусственные перегородки, отделявшие его юридически здесь — от других цехов, там — от его же товарищей по цеху, тут — от его подмастерьев и учеников, — достаточно суживали круг, в котором он мог искать себе подходящую супругу. А какая из невест была наиболее подходящей, решалось при этой запутанной системе безусловно не его индивидуальным желанием, а интересами семьи.

Таким образом, в бесчисленном множестве случаев заключение брака до самого конца средних веков оставалось тем, чем оно было с самого начала, — делом, которое решалось не самими вступающими в брак. Вначале люди появлялись на свет уже состоящими в браке — в браке с целой группой лиц другого пола. В позднейших формах группового брака сохранялось, вероятно, такое же положение, только при все большем сужении группы. При парном браке, как правило, матери договариваются относительно браков своих детей; и здесь также решающую роль играют соображения о новых родственных связях, которые должны обеспечить молодой паре более прочное положение в роде и племени. А когда с торжеством частной собственности над общей и с появлением заинтересованности в передаче имущества по наследству господствующее положение заняли отцовское право и моногамия, тогда заключение брака стало целиком зависеть от соображений экономического характера. *Форма* брака-купли исчезает, но по сути дела такой брак осуществляется во все возрастающих масштабах, так что не только на женщину, но и на мужчину устанавливается цена, причем не по их личным качествам, а по их имуществу. В практике господствующих классов с самого начала было неслыханным делом, чтобы взаимная склонность сторон преобладала над всеми другими соображениями. Нечто подобное встречалось разве только в мире романтики или у угнетенных классов, которые в счет не шли.

Таково было положение к моменту, когда капиталистическое производство со времени географических открытий, благодаря развитию мировой торговли и мануфактуры, вступило в стадию подготовки к мировому господству. Можно было полагать, что этот способ заключения браков будет для него самым подходящим, и это действительно так и оказалось. Однако — ирония

мировой истории неисчерпаема — именно капиталистическому производству суждено было пробить здесь решающую брешь. Превратив все в товары, оно уничтожило все исконные, сохранившиеся от прошлого отношения, на место унаследованных обычаев, исторического права оно поставило куплю и продажу, «свободный» договор. Английский юрист Г. С. Мейн полагал, что сделал величайшее открытие своим утверждением, что весь наш прогресс, сравнительно с предыдущими эпохами, состоит в переходе from status to contract* — от унаследованного порядка к порядку, устанавливаемому свободным договором[97]; впрочем, — насколько это вообще правильно, это было сказано уже в «Коммунистическом манифесте»[98].

Но заключать договоры могут люди, которые в состоянии свободно располагать своей личностью, поступками и имуществом и равноправны по отношению друг к другу. Создание таких «свободных» и «равных» людей именно и было одним из главнейших дел капиталистического производства. Хотя это вначале происходило еще только полусознательно и вдобавок облекалось в религиозную оболочку, все же со времени лютеранской и кальвинистской реформации было твердо установлено положение, что человек только в том случае несет полную ответственность за свои поступки, если он совершил их, обладая полной свободой воли, и что нравственным долгом является сопротивление всякому принуждению к безнравственному поступку. Но как же согласовалось это с прежней практикой заключения браков? Согласно буржуазному пониманию, брак был договором, юридической сделкой, и притом самой важной из всех, так как она на всю жизнь определяла судьбу тела и души двух человек. В ту пору формально сделка эта, правда, заключалась добровольно; без согласия сторон дело не решалось. Но слишком хорошо было известно, как получалось это согласие и кто фактически заключал брак. Между тем, если при заключении других договоров требовалось действительно свободное решение, то почему этого не требовалось в данном случае? Разве двое молодых людей, которым предстояло соединиться, не имели права свободно располагать собой, своим телом и его органами? Разве благодаря рыцарству не вошла в моду половая любовь и разве, в противоположность рыцарской любви, связанной с прелюбодеянием, супружеская любовь не была ее правильной буржуазной формой? Но если долг супругов любить друг друга, то разве не в такой же мере было долгом любящих вступать в брак друг с другом и ни с кем

* — от статута к договору. *Ред.*

другим? И разве это право любящих не стояло выше права родителей, родственников и иных обычных брачных маклеров и сводников? И если право свободного личного выбора бесцеремонно вторглось в сферу церкви и религии, то могло ли оно остановиться перед невыносимым притязанием старшего поколения распоряжаться телом, душой, имуществом, счастьем и несчастьем младшего?

Эти вопросы не могли не встать в такое время, когда были ослаблены все старые узы общества и поколеблены все унаследованные от прошлого представления. Мир сразу сделался почти в десять раз больше; вместо четверти одного полушария перед взором западноевропейцев теперь предстал весь земной шар, и они спешили завладеть остальными семью четвертями. И вместе со старинными барьерами, ограничивавшими человека рамками его родины, пали также и тысячелетние рамки традиционного средневекового способа мышления. Внешнему и внутреннему взору человека открылся бесконечно более широкий горизонт. Какое значение могли иметь репутация порядочности и унаследованные от ряда поколений почетные цеховые привилегии для молодого человека, которого манили к себе богатства Индии, золотые и серебряные рудники Мексики и Потоси? То была для буржуазии пора странствующего рыцарства; она также переживала свою романтику и свои любовные мечтания, но на буржуазный манер и в конечном счете с буржуазными целями.

Так произошло то, что поднимающаяся буржуазия, в особенности в протестантских странах, где больше всего был поколеблен существующий порядок, все более и более стала признавать свободу заключения договора также и в отношении брака и осуществлять ее вышеописанным образом. Брак оставался классовым браком, но в пределах класса сторонам была предоставлена известная свобода выбора. И на бумаге, в теоретической морали и в поэтическом изображении, не было ничего более незыблемого и прочно установленного, чем положение о безнравственности всякого брака, не покоящегося на взаимной половой любви и на действительно свободном согласии супругов. Одним словом, брак по любви был провозглашен правом человека, и притом не только droit de l'homme[*], но, в виде исключения, и droit de la femme[**].

Но это право человека в одном отношении отличалось от всех остальных так называемых прав человека. Тогда как эти

[*] Игра слов: «droit de l'homme» означает («право человека», а также «право мужчины». *Ред.*
[**] — правом женщины. *Ред.*

последние на практике распространялись только на господствующий класс — буржуазию — и прямо или косвенно сводились на нет для угнетенного класса — пролетариата, здесь снова сказывается ирония истории. Господствующий класс остается подвластным известным экономическим влияниям, и поэтому только в исключительных случаях в его среде бывают действительно свободно заключаемые браки, тогда как в среде угнетенного класса они, как мы видели, являются правилом.

Полная свобода при заключении браков может, таким образом, стать общим достоянием только после того, как уничтожение капиталистического производства и созданных им отношений собственности устранит все побочные, экономические соображения, оказывающие теперь еще столь громадное влияние на выбор супруга. Тогда уже не останется больше никакого другого мотива, кроме взаимной склонности.

Так как половая любовь по природе своей исключительна,— хотя это ныне соблюдается только женщиной, — то брак, основанный на половой любви, по природе своей является единобрачием. Мы видели, насколько прав был Бахофен, когда он рассматривал переход от группового брака к единобрачию как прогресс, которым мы обязаны преимущественно женщинам; только дальнейший шаг от парного брака к моногамии был делом мужчин; исторически он по существу заключался в ухудшении положения женщин и облегчении неверности для мужчин. Поэтому, как только отпадут экономические соображения, вследствие которых женщины мирились с этой обычной неверностью мужчин, — забота о своем собственном существовании и еще более о будущности детей, — так достигнутое благодаря этому равноправие женщины, судя по всему прежнему опыту, будет в бесконечно большей степени способствовать действительной моногамии мужчин, чем полиандрии женщин.

Но при этом от моногамии безусловно отпадут те характерные черты, которые ей навязаны ее возникновением из отношений собственности, а именно, во-первых, господство мужчины и, во-вторых, нерасторжимость брака. Господство мужчины в браке есть простое следствие его экономического господства и само собой исчезает вместе с последним. Нерасторжимость брака — это отчасти следствие экономических условий, при которых возникла моногамия, отчасти традиция того времени, когда связь этих экономических условий с моногамией еще не понималась правильно и утрированно трактовалась религией. Эта нерасторжимость брака уже в настоящее время нарушается в тысячах случаев. Если нравственным является только брак, основанный на любви, то он и остается таковым только пока

любовь продолжает существовать. Но длительность чувства индивидуальной половой любви весьма различна у разных индивидов, в особенности у мужчин, и раз оно совершенно иссякло или вытеснено новой страстной любовью, то развод становится благодеянием как для обеих сторон, так и для общества. Надо только избавить людей от необходимости брести через ненужную грязь бракоразводного процесса.

Таким образом, то, что мы можем теперь предположить о формах отношений между полами после предстоящего уничтожения капиталистического производства, носит по преимуществу негативный характер, ограничивается в большинстве случаев тем, что будет устранено. Но что придет на смену? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из боязни экономических последствий. Когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности, — и точка.

Вернемся, однако, к Моргану, от которого мы порядочно удалились. Историческое исследование развившихся в период цивилизации общественных учреждений выходит за рамки его книги. На судьбе моногамии в течение этого периода он останавливается поэтому лишь весьма кратко. Он также усматривает в дальнейшем развитии моногамной семьи известный прогресс, приближение к полному равноправию полов, не считая, однако, эту цель уже достигнутой. Но, — говорит он, —

«если признать тот факт, что семья последовательно прошла через четыре формы и находится теперь в пятой, то возникает вопрос, может ли эта форма сохраниться на длительный срок в будущем? Ответ возможен только один — она должна развиваться по мере развития общества и изменяться по мере изменения общества, точно так же как это было в прошлом. Являясь продуктом определенной общественной системы, она будет отражать состояние ее развития. Так как моногамная семья за период с начала цивилизации усовершенствовалась, и особенно заметно в современную эпоху, то можно, по меньшей мере, предполагать, что она способна к дальнейшему совершенствованию, пока не будет достигнуто равенство полов. Если же моногамная семья в отдаленном будущем окажется не способной удовлетворять потребности общества, то невозможно заранее предсказать, какой характер будет иметь ее преемница»[99].

III
ИРОКЕЗСКИЙ РОД

Мы переходим теперь к другому открытию Моргана, имеющему, по меньшей мере, такое же значение, как и воссоздание первобытной формы семьи на основании систем родства. Морган доказал, что обозначенные именами животных родовые союзы внутри племени у американских индейцев по существу тождественны с genea греков и gentes римлян; что американская форма — первоначальная, а греко-римская — позднейшая, производная; что вся общественная организация греков и римлян древнейшей эпохи с ее родом, фратрией и племенем находит себе точную параллель в организации американо-индейской; что род представляет собой учреждение, общее для всех народов, вплоть до их вступления в эпоху цивилизации и даже еще позднее (насколько можно судить на основании имеющихся теперь у нас источников). Доказательство этого сразу разъяснило самые трудные разделы древнейшей греческой и римской истории и одновременно дало нам неожиданное истолкование основных черт общественного строя первобытной эпохи до возникновения *государства.* Каким простым ни кажется это открытие, когда оно уже известно, все же Морган сделал это только в последнее время; в своей предыдущей книге, вышедшей в 1871 г.[100], он еще не проник в эту тайну, раскрытие которой заставило с тех пор приумолкнуть на время[*] обычно столь самоуверенных английских знатоков первобытной истории.

Латинское слово gens, которое Морган везде употребляет для обозначения этого родового союза, происходит, как и грече-

[*] Слова «на время» добавлены Энгельсом в издании 1891 года. *Ред*.

ское равнозначащее genos, от общеарийского корня gan (по-немецки kan, так как здесь, по общему правилу, вместо арийского *g* должно стоять k), означающего «рождать». Gens, genos, санскритское dschanas, готское (по указанному выше правилу) kuni, древнескандинавское и англосаксонское kyn, английское kin, средневерхненемецкое kunne означают одинаково род, происхождение. Однако латинское gens и греческое genos употребляются специально для обозначения такого родового союза, который гордится общим происхождением (в данном случае от одного общего родоначальника) и образует в силу связывающих его известных общественных и религиозных учреждений особую общность, происхождение и природа которой оставались, тем не менее, до сих пор неясными для всех наших историков.

Мы уже видели выше, при рассмотрении пуналуальной семьи, каков состав рода в его первоначальной форме. Он состоит из всех лиц, которые путем пуналуального брака и согласно неизбежно господствующим при этом браке представлениям образуют признанное потомство одной определенной родоначальницы, основательницы рода. Так как при этой форме семьи отец не может быть установлен с достоверностью, то признается только женская линия. Поскольку братья не могут жениться на своих сестрах, а лишь на женщинах другого происхождения, то в силу материнского права дети, рожденные от них этими чужими женщинами, оказываются вне данного рода. Таким образом, внутри родового союза остается лишь потомство *дочерей* каждого поколения; потомство сыновей переходит в роды своих матерей. Чем же становится эта кровнородственная группа, после того как она конституируется как особая группа по отношению к другим подобным группам внутри племени?

В качестве классической формы этого первоначального рода Морган берет род у ирокезов, в частности у племени сенека. В этом племени имеется восемь родов, носящих названия животных: 1) Волк, 2) Медведь, 3) Черепаха, 4) Бобр, 5) Олень, 6) Кулик, 7) Цапля, 8) Сокол. В каждом роде господствуют следующие обычаи:

1. Род выбирает своего сахема (старейшину для мирного времени) и вождя (военного предводителя). Сахем должен был избираться из состава самого рода, и его должность передавалась по наследству внутри рода, поскольку по освобождении она должна была немедленно снова замещаться; военного предводителя можно было выбирать и не из членов рода, а временами его вообще могло не быть. Сахемом никогда

не избирался сын предыдущего сахема, так как у ирокезов господствовало материнское право, и сын, следовательно, принадлежал к другому роду, но часто избирался брат предыдущего сахема или сын его сестры. В выборах участвовали все — мужчины и женщины. Но избрание подлежало утверждению со стороны остальных семи родов, и только после этого избранный торжественно вводился в должность и притом общим советом всего союза ирокезов. Значение этого акта будет видно из дальнейшего. Власть сахема внутри рода была отеческая, чисто морального порядка; средствами принуждения он не располагал. Вместе с тем, он по должности состоял членом совета племени сенека, равно как и общего совета союза ирокезов. Военный вождь мог приказывать что-либо лишь во время военных походов.

2. Род по своему усмотрению смещает сахема и военного вождя. Это опять-таки решается совместно мужчинами и женщинами. Смещенные должностные лица становятся после этого, подобно другим, простыми воинами, частными лицами. Впрочем, совет племени может тоже смещать сахемов, даже против воли рода.

3. Никто из членов рода не может вступать в брак внутри рода. Таково основное правило рода, та связь, которая его скрепляет; это — негативное выражение того весьма определенного кровного родства, в силу которого объединяемые им индивиды только и становятся родом. Открытием этого простого факта Морган впервые раскрыл сущность рода. Как мало до сих пор понимали эту сущность, показывают прежние сообщения о дикарях и варварах, где различные объединения, образующие составные элементы родового строя, без понимания и без разбора смешиваются в одну кучу под названиями: племя, клан, тум и т. д., причем нередко о них говорится, что внутри такого объединения брак воспрещается. Это и создало безнадежную путаницу, среди которой г-н Мак-Леннан смог выступить в роли Наполеона, чтобы водворить порядок безапелляционным приговором: все племена делятся на такие, внутри которых брак воспрещен (экзогамные), и такие, в которых он разрешается (эндогамные). Вконец запутав таким образом вопрос, он пустился затем в глубокомысленнейшие исследования, какая же из его обеих нелепых категорий более древняя — экзогамия или эндогамия. С открытием рода, основанного на кровном родстве и вытекающей из этого невозможности брака между его членами, эта бессмыслица рассеялась сама собой. — Разумеется, на той ступени развития, на которой мы застаем ирокезов, запрещение брака внутри рода нерушимо соблюдается.

4. Имущество умерших переходило к остальным членам рода, оно должно было оставаться внутри рода. Ввиду незначительности предметов, которые мог оставить после себя ирокез, его наследство делили между собой его ближайшие сородичи; в случае смерти мужчины — его родные братья и сестры и брат матери; в случае смерти женщины — ее дети и родные сестры, но не братья. По той же причине муж и жена не могли наследовать друг другу, а также дети — отцу.

5. Члены рода обязаны были оказывать друг другу помощь, защиту и особенно содействие при мщении за ущерб, нанесенный чужими. В деле защиты своей безопасности отдельный человек полагался на покровительство рода и мог рассчитывать на это; тот, кто причинял зло ему, причинял зло всему роду. Отсюда, из кровных уз рода, возникла обязанность кровной мести, безусловно признававшаяся ирокезами. Если члена рода убивал кто-нибудь из чужого рода, весь род убитого был обязан ответить кровной местью. Сначала делалась попытка к примирению; совет рода убийцы собирался и делал совету рода убитого предложение покончить дело миром, чаще всего изъявляя сожаление и предлагая значительные подарки. Если предложение принималось, то дело считалось улаженным. В противном случае потерпевший урон род назначал одного из нескольких мстителей, которые были обязаны выследить и умертвить убийцу. Если это выполнялось, род убитого не имел права жаловаться, дело признавалось поконченным.

6. Род имеет определенные имена или группы имен, пользоваться которыми во всем племени может только он один, так что имя отдельного человека также указывает, к какому роду он принадлежит. С родовым именем неразрывно связаны и родовые права.

7. Род может усыновлять посторонних и таким путем принимать их в члены всего племени. Военнопленные, которых не убивали, становились, таким образом, в силу усыновления в одном из родов членами племени сенека и приобретали тем самым все права рода и племени. Усыновление происходило по предложению отдельных членов рода: по предложению мужчин, которые принимали постороннего как брата или сестру, или по предложению женщин, принимавших его в качестве своего ребенка; для утверждения такого усыновления необходимо было торжественное принятие в род. Часто отдельные, численно ослабевшие в силу исключительных обстоятельств роды таким образом вновь количественно укреплялись путем массового усыновления членов другого рода, с согласия последнего. У ирокезов торжественное принятие в род происходило

на публичном заседании совета племени, что фактически превращало это торжество в религиозную церемонию.

8. Трудно установить у индейских родов наличие особых религиозных празднеств; но религиозные церемонии индейцев более или менее связаны с родом. Во время шести ежегодных религиозных празднеств ирокезов сахемы и военные вожди отдельных родов в силу своей должности причислялись к «блюстителям веры» и выполняли жреческие функции.

9. Род имеет общее место погребения. У ирокезов штата Нью-Йорк, стесненных со всех сторон белыми, оно теперь исчезло, но раньше существовало. У других индейцев оно еще сохранилось, как, например, у находящихся в близком родстве с ирокезами тускарора, которые, несмотря на то, что они христиане, имеют на кладбище особый ряд для каждого рода, так что в одном ряду с детьми хоронят мать, но не отца. Да и у ирокезов весь род умершего участвует в погребении, заботится о могиле, надгробных речах и т. п.

10. Род имеет совет — демократическое собрание всех взрослых членов рода, мужчин и женщин, обладающих равным правом голоса. Этот совет выбирал и смещал сахемов и военных вождей, а также и остальных «блюстителей веры»; он выносил постановления о выкупе (вергельде) или кровной мести за убитых членов рода; он принимал посторонних в состав рода. Одним словом, он был верховной властью в роде.

Таковы функции типичного индейского рода.

«Все его члены — свободные люди, обязанные защищать свободу друг друга; они обладают равными личными правами — ни сахемы, ни военные вожди не претендуют ни на какие преимущества; они составляют братство, связанное кровными узами. Свобода, равенство, братство, хотя это никогда не было сформулировано, были основными принципами рода, а род, в свою очередь, был единицей целой общественной системы, основой организованного индейского общества. Этим объясняется то непреклонное чувство независимости и личного достоинства, которое каждый признает за индейцами»[101].

Ко времени открытия Америки индейцы всей Северной Америки были организованы в роды на началах материнского права. Только у немногих племен, как, например, у дакота, роды пришли в упадок, а у некоторых других, как у оджибве, омаха, они были организованы на началах отцовского права.

У очень многих индейских племен, насчитывающих более пяти или шести родов, мы встречаем особые группы, объединяющие по три, четыре и более родов; Морган называет такую группу фратрией (братством), передавая индейское название точно соответствующим ему греческим понятиям. Так, у племени сенека — две фратрии; в первую входят роды 1—4,

во вторую — роды 5—8. Более подробное исследование показывает, что эти фратрии большей частью представляют первоначальные роды, на которые сперва распадалось племя; ибо при запрещении браков внутри рода каждое племя по необходимости должно было охватывать по крайней мере два рода, чтобы быть в состоянии самостоятельно существовать. По мере разрастания племени каждый род, в свою очередь, распадался на два или большее число родов, которые выступают теперь как самостоятельные, тогда как первоначальный род, охватывающий все дочерние роды, продолжает существовать как фратрия. У племени сенека и у большинства других индейцев роды одной фратрии считаются братскими родами, а роды другой фратрии являются для них двоюродными, — обозначения, имеющие в американской системе родства, как мы видели, весьма реальное и ясно выраженное значение. Первоначально ни один сенека не мог вступить в брак также внутри своей фратрии, но этот обычай уже давно вышел из употребления и действует только в пределах рода. По преданию племени сенека первоначальными родами, от которых произошли другие, были роды «Медведь» и «Олень». После того как эта новая организация пустила корни, она стала видоизменяться в зависимости от потребности; если вымирали роды одной фратрии, то нередко для уравнения с другими в нее переводились целые роды из других фратрий. Поэтому мы у различных племен находим роды с одинаковыми названиями, по-разному группирующиеся во фратриях.

Функции фратрии у ирокезов — отчасти общественного, отчасти религиозного порядка. 1) В игре в мяч фратрии выступают одна против другой; каждая выдвигает своих лучших игроков, остальные следят за игрой, располагаясь по фратриям, и держат друг с другом пари, делая ставку на победу своих игроков. — 2) В совете племени сахемы и военные вожди каждой фратрии сидят вместе, одна группа против другой, каждый оратор говорит, обращаясь к представителям каждой фратрии как к особой корпорации. — 3) Если в племени случалось убийство, причем убийца и убитый принадлежали не к одной и той же фратрии, то пострадавший род часто апеллировал к своим братским родам; они созывали тогда совет фратрии и обращались к другой фратрии как к целому, чтобы та, в свою очередь, собрала свой совет для улаживания дела. Здесь фратрия, таким образом, снова выступает как первоначальный род — и с большими шансами на успех, чем более слабый отдельный род, от нее происшедший. — 4) В случае смерти выдающихся лиц противоположная фратрия брала на

себя заботу о похоронах и похоронных торжествах, тогда как члены фратрии умершего участвовали в похоронах в качестве родных покойника. Когда умирал сахем, противоположная фратрия извещала союзный совет ирокезов об освобождении должности. — 5) При выборах сахема также выступал на сцену совет фратрии. Утверждение выбора братскими родами считалось как бы само собой разумеющимся, но роды другой фратрии могли представлять возражения. В таком случае собирался совет этой фратрии; если он считал возражения правильными, выборы признавались недействительными. — 6) Раньше у ирокезов существовали особые религиозные мистерии, названные белыми medicine-lodges*. Эти мистерии у племени сенека устраивались двумя религиозными братствами, имевшими особые правила посвящения новых членов; на каждую из обеих фратрий приходилось по одному такому братству. — 7) Если, что почти несомненно, четыре lineages (колена), населявших ко времени завоевания[102] четыре квартала Тласкалы, были четырьмя фратриями, то это доказывает, что как фратрии у греков, так и подобные же родовые союзы у германцев, имели также значение военных единиц; эти четыре lineages выступали в бой, каждая как особый отряд в своей форме и с собственным знаменем, под начальством собственного вождя.

Как несколько родов образуют фратрию, так несколько фратрий, если брать классическую форму, образуют племя; в некоторых случаях у значительно ослабленных племен недостает среднего звена — фратрии. Что же характеризует отдельное индейское племя в Америке?

1. Собственная территория и собственное имя. Каждое племя владело, кроме места своего действительного поселения, еще значительной областью для охоты и рыбной ловли. За пределами этой области лежала обширная нейтральная полоса, простиравшаяся вплоть до владений ближайшего племени; у племен с родственными языками эта полоса была уже; у племен, не родственных друг другу по языку, — шире. Эта полоса — то же самое, что пограничный лес германцев, необитаемая область, которую создали вокруг своей территории свевы Цезаря; это то же, что isarnholt (по-датски jarnved, limes Danicus) между датчанами и германцами, Саксонский лес и branibor (по-славянски — «защитный лес»), от которого получил свое название Бранденбург, — между германцами и славянами. Область, отделенная такого рода неопределенными границами, составляла общую землю племени, признавалась

* — колдовскими собраниями. *Ред.*

таковой соседними племенами, и племя само защищало ее от посягательств. На практике неопределенность границ большей частью оказывалась неудобной только тогда, когда население сильно разрасталось. — Названия племен, по-видимому, большей частью скорее возникали случайно, чем выбирались сознательно, с течением времени часто бывало, что племя получало от соседних племен имя, отличное от того, которым оно называло себя само, подобно тому как немцам их первое историческое общее наименование «германцы» было дано кельтами.

2. Особый, лишь этому племени свойственный *диалект.* В действительности племя и диалект по существу совпадают; новообразование племен и диалектов путем разделения происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось и теперь. Там, где два численно ослабевших племени сливаются в одно, бывает, что в виде исключения в одном и том же племени говорят на двух весьма родственных диалектах. Средняя численность американских племен ниже 2000 человек; однако племя чироки насчитывает 26000 человек — наибольшее в Соединенных Штатах число индейцев, говорящих на одном диалекте.

3. Право торжественно вводить в должность избранных родами сахемов и военных вождей.

4. Право смещать их, даже против желания их рода. Так как эти сахемы и военные вожди состоят членами совета племени, то эти права племени по отношению к ним объясняются сами собой. Там, где образовался союз племен и все вошедшие в него племена представлены в союзном совете, указанные права переходят к последнему.

5. Общие религиозные представления (мифология) и культовые обряды.

«Индейцы были на свой варварский манер религиозным народом»[103].

Мифология индейцев до сих пор еще отнюдь не подвергалась критическому изучению; предметам своих религиозных представлений — всякого рода духам — они уже придавали человеческий облик, но низшая ступень варварства, на которой они находились, не знает еще наглядных изображений, так называемых идолов. То был культ природы и стихий, находившийся на пути развития к многобожию. Различные племена имели свои регулярные празднества с определенными формами культа, а именно — танцами и играми; танцы в особенности были существенной составной частью всех религиозных торжеств; каждое племя проводило свои празднества отдельно.

6. Совет племени для обсуждения общих дел. Он состоял из всех сахемов и военных вождей отдельных родов, их подлинных

представителей, потому что они в любое время могли быть смещены; он заседал публично, окруженный прочими членами племени, которые имели право вступать в обсуждение и высказывать свое мнение; решение выносил совет. Как правило, каждый присутствующий мог, по желанию, высказаться, женщины также могли представлять свои соображения через избранного ими оратора. У ирокезов для окончательного решения требовалось единогласие, как это было и в германских общинах-марках при решении некоторых вопросов. В ведение совета племени входило, в частности, регулирование отношений с другими племенами; он принимал и направлял посольства, объявлял войну и заключал мир. Если дело доходило до войны, то вели ее большей частью добровольцы. В принципе каждое племя считалось состоящим в войне со всяким другим племенем, с которым оно не заключило мирного договора по всей форме. Военные выступления против таких врагов организовывались большей частью отдельными выдающимися воинами; они устраивали военный танец, и всякий, принявший в нем участие, заявлял тем самым о своем присоединении к походу. Отряд немедленно организовывался и выступал. Защита принадлежащей племени территории от нападения также большей частью осуществлялась путем призыва добровольцев. Выступление в поход и возвращение из похода таких отрядов всегда служили поводом для общественных торжеств. Согласия совета племени на такие походы не требовалось, его не испрашивали и не давали. Это совершенно то же самое, что и частные военные походы германских дружин, как их нам рисует Тацит[104], только у германцев дружины уже приобрели более постоянный характер, составляют устойчивое ядро, которое организуется уже в мирное время и вокруг которого в случае войны группируются остальные добровольцы. Такие военные отряды редко бывали многочисленны; самые крупные военные экспедиции индейцев, даже на большие расстояния, совершались незначительными боевыми силами. Если несколько таких отрядов объединялось для какого-нибудь крупного предприятия, каждый из них подчинялся только своему собственному вождю; согласованность плана похода в той или иной степени обеспечивалась советом этих вождей. Таков же был способ ведения войны у алеманнов на Верхнем Рейне в IV веке, согласно описанию Аммиана Марцеллина.

7. У некоторых племен мы встречаем верховного вождя, полномочия которого, однако, весьма невелики. Это один из сахемов, который в случаях, требующих немедленного действия, должен принимать временные меры до того, как совет

сможет собраться и принять окончательное решение. Здесь перед нами едва намечающийся, но большей частью не получивший дальнейшего развития прообраз должностного лица, обладающего исполнительной властью; такое должностное лицо скорее появилось, как мы увидим, в большинстве случаев, если не везде, в результате развития власти верховного военачальника.

Дальше объединения в племя подавляющее большинство американских индейцев не пошло. Немногочисленные племена их, отделенные друг от друга обширными пограничными полосами, ослабляемые вечными войнами, занимали небольшим числом людей громадное пространство. Союзы между родственными племенами заключались то там, то тут в случае временной необходимости и с ее исчезновением распадались. Однако в отдельных местностях первоначально родственные, но впоследствии разобщенные племена вновь сплачивались в постоянные союзы, делая, таким образом, первый шаг к образованию наций. В Соединенных Штатах наиболее развитую форму такого союза мы встречаем у ирокезов. Выйдя из мест своего поселения к западу от Миссисипи, где они, вероятно, составляли ветвь большой родственной группы дакота, они после долгих Странствований осели в нынешнем штате Нью-Йорк, разделившись на пять племен: сенека, кайюга, онондага, онейда и могаук. Они существовали за счет рыбной ловли, охоты и примитивного огородничества; жили в деревнях, большей частью защищенных частоколами. Число их никогда не превышало 20000 человек; во всех пяти племенах было несколько общих родов; они говорили на весьма родственных диалектах одного и того же языка и населяли сплошную территорию, которая была поделена между пятью племенами. Так как территория эта была ими недавно завоевана, то совместные действия этих племен против племен, вытесненных ими, стали естественным явлением, вошедшим в обычай. И таким образом, самое позднее в начале XV века сложился оформленный «вечный союз» — конфедерация, которая, осознав приобретенную ею силу, немедленно приобрела наступательный характер и в период своего наивысшего могущества, около 1675 г., завоевала окружавшие ее значительные пространства, частью прогнав, частью обложив данью местных жителей. Союз ирокезов представляет самую развитую общественную организацию, какую только создали индейцы, не переступившие низшей ступени варварства (следовательно, исключая мексиканцев, новомексиканцев[105] и перуанцев). Основные черты союза были таковы:

1. Вечный союз пяти родственных по крови племен на основе полного равенства и самостоятельности во всех внутренних

делах племени. Это кровное родство составляло подлинную основу союза. Из пяти племен три назывались отцовскими и были между собой братьями; два других назывались сыновними и также были братскими племенами между собой. Три рода — старейшие — были еще представлены живыми членами во всех пяти племенах, три других рода — в трех племенах; члены каждого из этих родов все считались братьями во всех пяти племенах. Общий язык, имевший различия только в диалектах, был выражением и доказательством общего происхождения.

2. Органом союза был союзный совет, состоявший из 50 сахемов, равных по положению и авторитету; этот совет выносил окончательные решения по всем делам союза.

3. Места для этих 50 сахемов, как носителей новых должностей, специально учрежденных для целей союза, были при его создании распределены между племенами и родами. При освобождении должности соответствующий род вновь замещал ее путем выборов; он мог также во всякое время сместить своего сахема; но право введения в должность принадлежало союзному совету.

4. Эти союзные сахемы были также сахемами в своих племенах и обладали правом участия и голоса в совете племени.

5. Все постановления союзного совета должны были приниматься единогласно.

6. Голосование производилось по племенам, так что каждое племя и в каждом племени все члены совета должны были голосовать единодушно, чтобы решение считалось действительным.

7. Союзный совет мог быть созван каждым из советов пяти племен, но не мог собираться по собственному почину.

8. Заседания происходили в присутствии собравшегося народа; каждый ирокез мог взять слово; решение же выносил только совет.

9. В союзе не было никакого единоличного главы, никакого лица, возглавлявшего исполнительную власть.

10. Зато союз имел двух высших военных вождей с равными полномочиями и равной властью (два «царя» спартанцев, два консула в Риме).

Таков был тот общественный строй, при котором ирокезы прожили свыше четырехсот лет и еще живут до сих пор. Я подробно описал этот строй, следуя Моргану, так как здесь мы имеем возможность изучить организацию общества, еще не знающего *государства.* Государство предполагает особую публичную власть, отделенную от всей совокупности постоянно входящих в его состав лиц. Поэтому Маурер, который, руководствуясь верным чутьем, признает германский марковый строй

чисто общественным институтом, существенно отличньм от государства, хотя большей частью и послужившим позднее основой для последнего, во всех своих работах исследует постепенное возникновение публичной власти из первоначального маркового, сельского, подворного и городского строя и наряду с ним[106]. На примере североамериканских индейцев мы видим, как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному материку; как племена, расчленяясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяются языки, становясь не только взаимно непонятными, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства; как наряду с этим внутри племен отдельные роды расчленяются на несколько родов, а старые материнские роды сохраняются в виде фратрий, причем, однако, названия этих старейших родов остаются все же одинаковыми у отдаленных друг от друга территориально и давно отделившихся племен — «Волк» и «Медведь» являются еще родовыми названиями у большинства всех индейских племен. И всем им присущ в общем и целом вышеописанный строй, не считая только того, что многие из них не дошли до союза родственных племен.

Но мы видим также, что коль скоро основной общественной ячейкой является род, из него с почти непреодолимой необходимостью, — ибо это вполне естественно, — развивается вся система родов, фратрий и племени. Все три группы представляют различные степени кровного родства, причем каждая из них замкнута в себе и сама управляет своими делами, [но служит также дополнением для другой. Круг дел, подлежащих их ведению, охватывает всю совокупность общественных дел человека, стоящего на низшей ступени варварства. Поэтому, встречая у какого-нибудь народа род как основную общественную ячейку, мы должны будем искать у него и племенную организацию подобную той, которая здесь описана; и там, где есть достаточно источников, как у греков и римлян, мы не только найдем ее, но и убедимся, что даже в тех случаях, когда источников не хватает, сравнение с американским общественным строем поможет нам разрешить труднейшие сомнения и загадки.

И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов — все идет своим установленным порядком. Всякие споры и распри разрешаются сообща теми, кого они касаются, — родом или племенем, или отдельными родами между собой; лишь как самое крайнее, редко применяемое средство грозит кровная месть, и наша смертная

казнь является только ее цивилизованной формой, которой присущи как положительные, так и отрицательные стороны цивилизации. Хотя общих дел гораздо больше, чем в настоящее время, — домашнее хозяйство ведется рядом семейств сообща и на коммунистических началах, земля является собственностью всего племени, только мелкие огороды предоставлены во временное пользование отдельным хозяйствам, — тем не менее нет и следа нашего раздутого и сложного аппарата управления. Все вопросы решают сами заинтересованные лица, и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал. Бедных и нуждающихся не может быть — коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны, в том числе и женщины. Рабов еще не существует, нет, как правило, еще и порабощения чужих племен. Когда ирокезы около 1651 г. победили племя эри и «нейтральную нацию»[107], они предложили им вступить полноправными членами в свой союз; только после того как побежденные отклонили это, они были изгнаны со своей территории. А каких мужчин и женщин порождает такое общество, показывают восторженные отзывы всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, о чувстве собственного достоинства, прямодушии, силе характера и храбрости этих варваров.

Примеры этой храбрости мы видели совсем недавно в Африке. Кафры-зулусы несколько лет тому назад, как и нубийцы несколько месяцев назад — племена, у которых родовые учреждения еще не исчезли, — сделали то, на что не способно ни одно европейское войско[108]. Вооруженные только копьями и дротиками, не имея огнестрельного оружия, они под градом пуль заряжающихся с казенной части ружей английской пехоты — по общему признанию первой в мире по боевым действиям в сомкнутом строю — продвигались вперед на дистанцию штыкового боя, не раз расстраивали ряды этой пехоты и даже опрокидывали ее, несмотря на чрезвычайное неравенство в вооружении, несмотря на то, что они не отбывают никакой воинской повинности и не имеют понятия о строевой службе. О том, что в состоянии они выдержать и выполнить, свидетельствуют сетования англичан по поводу того, что кафр в сутки проходит больше, чем лошадь, и быстрее ее. У него мельчайший мускул, крепкий, как сталь, выделяется словно плетеный ремень, — говорит один английский художник.

Так выглядели люди и человеческое общество до того, как произошло разделение на различные классы. И если мы сравним их положение с положением громадного большинства

современных цивилизованных людей, то разница между нынешним пролетарием или мелким крестьянином и древним свободным членом рода окажется колоссальной.

Это одна сторона дела. Но не забудем, что эта организация была обречена на гибель. Дальше племени она не пошла; образование союза племен означает уже начало ее разрушения, как мы это еще увидим и как мы это уже видели на примерах попыток ирокезов поработить другие племена. Все, что было вне племени, было вне закона. При отсутствии заключенного по всей форме мирного договора царила война между племенами, и эта война велась с той жестокостью, которая отличает человека от остальных животных и которая только впоследствии была несколько смягчена под влиянием материальных интересов. Находившийся в полном расцвете родовой строй, каким мы наблюдали его в Америке, предполагал крайне неразвитое производство, следовательно, крайне редкое население на обширном пространстве, отсюда почти полное подчинение человека враждебно противостоящей и непонятной ему окружающей природе, что и находит свое отражение в детски наивных религиозных представлениях. Племя оставалось для человека границей как по отношению к иноплеменнику, так и по отношению к самому себе: племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках. Как ни импозантно выглядят в наших глазах люди этой эпохи, они неотличимы друг от друга, они не оторвались еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытной общности. Власть этой первобытной общности должна была быть сломлена, — и она была сломлена. Но она была сломлена под такими влияниями, которые прямо представляются нам упадком, грехопадением по сравнению с высоким нравственным уровнем старого родового общества. Самые низменные побуждения — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния — являются воспреемниками нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства — воровство, насилие, коварство, измена — подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят к его гибели. А само новое общество в течение всех двух с половиной тысяч лет своего существования всегда представляло только картину развития незначительного меньшинства за счет эксплуатируемого и угнетенного громадного большинства, и оно остается таким и теперь в еще большей степени, чем когда бы то ни было прежде.

IV
ГРЕЧЕСКИЙ РОД

Греки, подобно пеласгам и другим соплеменным народам, уже в доисторическое время были организованы сообразно тому же органическому ряду, что и американцы: род, фратрия, племя, союз племен. Фратрии могло не быть, как у дорийцев, союз племен мог образоваться не везде, но во всех случаях основной ячейкой был род. К моменту своего появления на исторической арене греки стояли на пороге цивилизации; между ними и американскими племенами, о которых была речь выше, лежат почти целых два больших периода развития, на которые греки героической эпохи опередили ирокезов. Род греков поэтому уже отнюдь не архаический род ирокезов, печать группового брака[*] начинает заметно стираться. Материнское право уступило место отцовскому; возникающее частное богатство пробило этим свою первую брешь в родовом строе. Вторая брешь была естественным следствием первой: так как после введения отцовского права имущество богатой наследницы должно было бы при ее замужестве переходить к ее мужу, следовательно, в другой род, то была подорвана основа всего родового права и не только стали допускать, но и сделали для такого случая *обязательным,* чтобы девушка выходила замуж внутри своего рода в интересах сохранения за последним этого имущества.

Согласно греческой истории Грота[109], афинский род, в частности, покоился на следующих основаниях:

[*] В издании 1884 г. вместо слов «группового брака» напечатано: «пуналуальной семьи». *Ред.*

4. Общие религиозные празднества и исключительное право жречества совершать священные обряды в честь определенного бога, предполагаемого родоначальника рода и обозначаемого в качестве такового особым прозвищем.

2. Общее место погребения (ср. «Эвбулид» Демосфена[110]).

3. Право взаимного наследования.

4. Взаимная обязанность оказывать друг другу в случае насилия помощь, защиту и поддержку.

5. Взаимное право и обязанность в известных случаях вступать в брак внутри рода, особенно когда дело касалось девушек-сирот или наследниц.

6. Владение, по крайней мере в некоторых случаях, общим имуществом, наличие собственного архонта (старейшины) и казначея.

Далее, несколько родов было объединено во фратрию, но менее тесными узами; однако и здесь мы видим подобного же рода взаимные права и обязанности, в особенности совместное отправление определенных религиозных церемоний и право преследования в случае убийства члена фратрии. Все фратрии одного племени имели, в свою очередь, общие, регулярно повторявшиеся священные празднества, которые возглавлялись избранным из среды благородных (эвпатридов) филобасилеем (старейшиной племени).

Так говорит Грот. Маркс же добавляет к этому: «Однако и сквозь греческий род явственно проглядывает дикарь (например, ирокез)»[111]. Он будет заметен еще явственнее, если мы продолжим исследование несколько дальше.

В самом деле, греческому роду свойственны еще следующие черты:

7. Счет происхождения в соответствии с отцовским правом.

8. Запрещение браков внутри рода, за исключением браков с наследницами. Это исключение и его оформление как закона подтверждают, что старое правило было еще в силе. Это вытекает также из общеобязательного правила, что женщина, выходя замуж, тем самым отказывалась от участия в религиозных обрядах своего рода и переходила к обрядам мужа, во фратрию которого она и зачислялась. Согласно этому, а также известному месту у Дикеарха[112], брак вне своего рода был правилом, а Беккер в «Харикле» прямо считает, что никто не мот вступать в брак внутри своего рода[113].

9. Право усыновления родом; оно осуществлялось посредством усыновления одной из семей, но с соблюдением публичных формальностей, и только в виде исключения.

10. Право избирать и смещать старейшин. Мы знаем, что каждый род имел своего архонта; о том, что эта должность

переходила по наследству в определенных семьях, не говорится нигде. До конца эпохи варварства всегда следует предполагать отсутствие строгого* наследования должностей, совершенно несовместимого с порядком, при котором богатые и бедные внутри рода пользовались полным равноправием.

Не только Грот, но и Нибур, Моммзен и все другие историки классической древности до сих пор не справились с вопросом о роде. Как ни верно обрисовали они многие его признаки, они всегда видели в нем *группу семей* и в силу этого не могли понять природу и происхождение рода. При родовом строе семья никогда не была и не могла быть ячейкой общественной системы, потому что муж и жена неизбежно принадлежали к двум различным родам. Род целиком входил во фратрию, фратрия — в племя; семья входила наполовину в род мужа и наполовину в род жены. Государство в своем публичном праве также не признает семьи, и она до сих пор существует только как объект частного права. Между тем вся наша историческая наука исходит до сих пор из нелепого предположения, ставшего, особенно] в XVIII веке, незыблемым, что моногамная отдельная семья, которая едва ли древнее эпохи цивилизации, была тем ядром, вокруг которого постепенно кристаллизовалось общество и государство.

«Г-ну Гроту следует далее указать, — прибавляет Маркс, — что хотя греки и выводили свои роды из мифологии, эти роды древнее, чем созданная *ими самими* мифология с ее богами и полубогами»[114].

Морган предпочитает ссылаться на Грота, так как он все же признанный и вполне заслуживающий доверия свидетель. Грот рассказывает далее, что каждый афинский род носил имя, перешедшее к нему от его предполагаемого родоначальника, что до Солона во всех случаях, а после Солона при отсутствии завещания члены рода (gennetes) умершего наследовали его имущество и что в случае убийства преследование преступника перед судом было правом и обязанностью в первую очередь родственников, затем членов рода и, наконец, членов фратрии убитого;

«Все, что известно нам о древнейших афинских законах, основано на родовых и фратриальных делениях»[115].

Происхождение родов от общих предков доставило «ученым филистерам» (Маркс)[116] головоломную работу. Так как они, разумеется, изображают этих предков чисто мифологическими существами, у них не остается никакой возможности объяснить себе возникновение рода из живущих рядом друг с другом

* Слово «строгого» добавлено Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

отдельных, первоначально даже не родственных между собой, семей, и все-таки они должны это делать для того, чтобы хоть как-нибудь объяснить существование рода. Так они оказываются в заколдованном кругу из бессодержательных фраз, не идя дальше утверждения: родословная, конечно, — миф, но род существует в действительности, и в конце концов у Грота мы находим следующее (слова в скобках принадлежат Марксу):

«Об этой родословной мы слышим лишь изредка, потому что о ней публично упоминают только в известных, особо торжественных случаях. Но и менее значительные роды имели свои общие религиозные обряды» (как это странно, м-р Грот!), «а также и общего родоначальника — сверхчеловека и общую родословную совершенно так же, как и более знаменитые роды» (как это странно, г-н Грот, для *менее значительных* родов!) «схема и идеальная основа» (милостивый государь, не ideal, а carnal, или на нашем языке — *плотская!)* «были одинаковы у всех родов»[117].

Ответ Моргана на этот вопрос Маркс резюмирует в следующих словах: «Система кровного родства, соответствующая роду в его первоначальной форме, — а у греков, как и у других смертных, была когда-то такая форма, — обеспечивала знание родственных отношений всех членов родов друг к другу. Они с детских лет на практике усваивали эти чрезвычайно важные для них сведения. С возникновением моногамной семьи это забылось. Родовое имя создавало родословную, рядом с которой родословная отдельной семьи представлялась лишенной значения. Это родовое имя должно было теперь свидетельствовать о факте общего происхождения его носителей; но родословная рода уходила так далеко в глубь времен, что его члены не могли уже доказать действительно существовавшего между ними родства, кроме немногочисленных случаев, когда имелись более поздние общие предки. Самое имя было доказательством общего происхождения и доказательством бесспорным, не считая случаев усыновления. Напротив, фактическое отрицание всякого родства между членами рода, как это делают Грот* и Нибур, превращающие род в продукт чистого вымысла и поэтического творчества, достойно только «идеальных», то есть чисто кабинетных книжных ученых. Так как связь поколений, особенно с возникновением моногамии, отодвигается в глубь времен и минувшая действительность предстает в отражении фантастических образов мифологии, то благонамеренные филистеры приходили и продолжают приходить к выводу, что фантастическая родословная создала реальные роды»[118].

Фратрия, как и у американцев, была расчленившимся на несколько дочерних родов и объединяющим их первоначальным

---

* В рукописи Маркса вместо Грота назван древнегреческий ученый II в. н. э. Поллукс, на которого часто ссылается Грот. *Ред.*

родом, часто указывавшим еще на происхождение их всех от общего родоначальника. Так, по Гроту,

«все сверстники, члены фратрии Гекатея, признавали одного и того же бога своим родоначальником в шестнадцатом колене»[119].

Все роды этой фратрии были поэтому в буквальном смысле братскими родами. Фратрия встречается еще у Гомера в качестве военной единицы в известном месте, где Нестор советует Агамемнону: построй людей по племенам и фратриям так, чтобы фратрия помогала фратрии, племя — племени[120]. — Фратрия, кроме того, имела право и была обязана преследовать за убийство члена фратрии; следовательно, в более раннюю эпоху на ней лежала также обязанность кровной мести. У нее, далее, были общие святыни и празднества, да и само развитие всей греческой мифологии из традиционного древнеарийского культа природы по существу обусловлено было родами и фратриями и происходило внутри них. Далее, фратрия имела старейшину (phratriarchos) и, согласно де Куланжу, созывала общие собрания, принимала обязательные решения, обладала судебной и административной властью[121]. Даже позднейшее государство, игнорировавшее род, оставило за фратрией некоторые общественные функции административного характера.

Несколько родственных фратрий составляют племя. В Аттике было четыре племени, в каждом из них — по три фратрии и в каждой фратрии — по тридцати родов. Такое точное определение состава групп предполагает сознательное и планомерное вмешательство в стихийно сложившийся порядок вещей. Как, когда и почему это произошло, — об этом умалчивает греческая история, воспоминания о которой у самих греков сохранились лишь начиная с героической эпохи.

Образование различных диалектов у греков, скученных на сравнительно небольшой территории, получило меньшее развитие, чем в обширных американских лесах; однако и здесь мы видим, что лишь племена с одинаковым основным наречием объединяются в более крупное целое, и даже в маленькой Аттике мы встречаем особый диалект, который впоследствии стал господствующим в качестве общего языка для всей греческой прозы.

В поэмах Гомера мы находим греческие племена в большинстве случаев уже объединенными в небольшие народности, внутри которых роды, фратрии и племена все же еще вполне сохраняли свою самостоятельность. Они жили уже в городах, укрепленных стенами; численность населения увеличивалась вместе с ростом стад, распространением земледелия и зачатков

ремесла; вместе с тем росли имущественные различия, а с ними и аристократический элемент внутри древней, первобытной демократии. Отдельные мелкие народности вели непрерывные войны за обладание лучшими землями, а также, разумеется, и ради военной добычи; рабство военнопленных было уже признанным институтом.

Организация управления у этих племен и мелких народностей была следующей:

1. Постоянным органом власти был *совет,* bule, первоначально, по-видимому, состоявший из старейшин родов, позднее же, когда число последних слишком возросло, — из избранной части этих старейшин, что давало возможность для развития и усиления аристократического элемента; так именно и изображает нам Дионисий совет героической эпохи, состоящим из знатных (kratistoi)[122]. В важных вопросах совет принимал окончательные решения; так, например, у Эсхила совет города Фивы принимает решающее при создавшемся положении постановление устроить Этеоклу почетные похороны, а труп Полиника выбросить на съедение собакам[123]. Впоследствии, когда было создано государство, этот совет превратился в сенат.

2. *Народное собрание* (agora). У ирокезов мы видели, что народ — мужчины и женщины — окружает собрание совета и, в установленном порядке участвуя в обсуждении, влияет, таким образом, на его решения. У гомеровских греков это «окружение» [Umstand], употребляя старонемецкое судебное выражение, развилось уже в настоящее народное собрание. как это имело место также у древних германцев. Оно созывалось советом для решения важных вопросов; каждый мужчина мог брать слово. Решение принималось поднятием рук (у Эсхила в «Просительницах») или восклицаниями. Собранию принадлежала верховная власть в последней инстанции, ибо, как говорит Шёман («Греческие древности»),

«когда идет речь о деле, для выполнения которого требуется содействие народа, Гомер не указывает нам никакого способа, которым можно было бы принудить к этому народ против его воли»[124].

Ведь в то время, когда каждый взрослый мужчина в племени был воином, не существовало еще отделенной от народа публичной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена. Первобытная демократия находилась еще в полном расцвете, и из этого мы должны исходить при суждении о власти и положении как совета, так и басилея.

3. *Военачальник* (basileus). Маркс замечает по этому поводу: «Европейские ученые, в большинстве своем прирожденные

придворные лакеи, превращают басилея в монарха в современном смысле слова. Против этого протестует республиканец-янки Морган. Он говорит весьма иронически, но вполне справедливо о елейном Гладстоне и его книге «Юность мира»[125]:

«Г-н Гладстон представляет нам греческих вождей героической эпохи в виде царей и князей, изображая их вдобавок джентльменами; но он сам должен признать, что в общем обычай или закон первородства мы находим у них, по-видимому, достаточно, но не слишком резко выраженным»»[126].

Надо полагать, что право первородства с такими оговорками и самому г-ну Гладстону представится достаточно, пусть это даже и не слишком резко выражено, лишенным всякого значения.

Мы видели уже, как обстояло дело с наследованием должностей старейшин у ирокезов и других индейцев. Все должности были выборными в большинстве случаев внутри рода и постольку были наследственными в пределах последнего. При замещении освобождавшихся должностей постепенно стали отдавать предпочтение ближайшему сородичу — брату или сыну сестры, если не было причин обойти его. Поэтому, если у греков при господстве отцовского права должность басилея обычно переходила к сыну или к одному из сыновей, то это лишь доказывает, что сыновья здесь могли рассчитывать на наследование в силу народного избрания, но отнюдь не говорит о Признании законным наследования помимо такого избрания. В данном случае мы находим у ирокезов и греков лишь первый зародыш особых знатных семей внутри рода, а у греков к тому же еще и первый зародыш будущего наследственного предводительства, или монархии. Поэтому следует предположить, что у греков басилей должен был либо избираться народом. либо же утверждаться его признанными органами — советом или агорой, как это практиковалось по отношению к римскому «царю» (rex).

В «Илиаде» «владыка мужей» Агамемнон выступает не как верховный царь греков, а как верховный командующий союзным войском перед осажденным городом. И на это его положение указывает в известном месте Одиссей, когда Среди греков возникли раздоры: нехорошо многоначалие, один должен быть командующим и т. д. (дальше идет популярный стих с упоминанием о скипетре, но он был добавлен позднее)[127]. «Одиссей не читает здесь лекции о форме правления, а требует повиновения главнокомандующему на войне. Для греков, которые под Троей представляли собой только войско, агора ведется достаточно демократично: Ахиллес, говоря о подарках, то есть о де-

леже добычи, всегда называет это делом не Агамемнона или какого-нибудь другого басилея, но «сынов ахеян», то есть народа. Эпитеты: «Зевсом рожденный», «Зевсом вскормленный» ничего не доказывают, так как *каждый* род ведет свое происхождение от одного из богов, а род главы племени уже от «более знатного» бога, в данном случае — от Зевса. Даже лично несвободные, как, например, свинопас Эвмей и другие, являются «божественными» (dioi и theioi), и это в «Одиссее», следовательно, значительно позднее времени, описываемого в «Илиаде»; в той же «Одиссее» название «герой» дается еще герольду Мулию, так же как и слепому певцу Демодоку*. Короче, слово basileia, которое греческие писатели употребляют для обозначения гомеровской так называемой царской власти (потому что главный отличительный признак ее — военное предводительство), при наличии наряду с ней совета вождей и народного собрания означает только военную демократию» (Маркс)[128].

У басилея, помимо военных, были еще жреческие и судейские полномочия; последние не были точно определены, первыми он обладал как верховный представитель племени или союза племен. О гражданских, административных полномочиях никогда нет и речи, но, по-видимому, басилей по должности состоял членом совета. Таким образом, этимологически совершенно правильно переводить слово «басилей» немецким словом «Konig», так как слово «Konig» (Kuning) происходит от Kuni, Kunne и означает «старейшина рода». Но современному значению слова «Konig» (король) древнегреческое «басилей» совершенно не соответствует. Древнюю basileia Фукидид определенно называет patrike, то есть происходящей от родов, и говорит, что она обладала точно установленными, следовательно, ограниченными полномочиями[129]. Аристотель также указывает, что basileia героической эпохи была предводительством над свободными, а басилей был военачальником, судьей и верховным жрецом[130]; правительственной властью в позднейшем смысле он, следовательно, не обладал**.

* В рукописи Маркса далее следует опущенная Энгельсом фраза: «термин «койранос» (κοιρανοζ), который Одиссей применяет по отношению к Агамемнону, наряду с термином «басилей», также означает только «командующего войском на войне»». *Ред.*

** Так же, как греческого басилея, в виде современного монарха изображали и ацтекского военачальника. Морган впервые подвергает исторической критике первоначально основанные на превратном понимании и преувеличенные, а затем и прямо лживые сообщения испанцев и доказывает, что мексиканцы стояли на средней ступени варварства, но несколько опередили в своем развитии новомексиканских индейцев пуэбло, и что их строй, насколько можно заключить по искаженным сообщениям, отличался следующими чертами: это был союз трех племен, подчинивший и превративший в своих данников несколько других племен; он управлялся союзным советом и союзным военачальником, которого испанцы превратили в «императора».

Мы видим, таким образом, в греческом строе героической эпохи древнюю родовую организацию еще в полной силе, но, вместе с тем, уже и начало разрушения ее: отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствовало накоплению богатств в семье и делало семью силой, противостоящей роду; обратное влияние имущественных различий на организацию управления посредством образования первых зародышей наследственной знати и царской власти; рабство сначала одних только военнопленных, но уже открывающее перспективу порабощения собственных соплеменников и даже членов своего рода; начавшееся уже вырождение древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение этой войны в регулярный промысел; одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми порядками с целью оправдания насильственного грабежа богатств. Недоставало еще только одного: учреждения, которое не только ограждало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только сделало бы-прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, а значит и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатств; недоставало учреждения, которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущего и господство первого над последним.

И такое учреждение появилось. Было изобретено *государство.*

V
ВОЗНИКНОВЕНИЕ АФИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Как развилось государство, частью преобразуя органы родового строя, частью вытесняя их путем внедрения новых органов и, в конце концов, полностью заменив их настоящими органами государственной власти; как место подлинного «вооруженного народа», защищавшего себя собственными силами в своих родах, фратриях и племенах, заняла вооруженная «публичная власть», которая была подчинена этим государственным органам, а следовательно, могла быть применена и против народа, — все это, по крайней мере в начальной стадии, мы нигде не можем проследить лучше, чем в Древних Афинах. Смена форм в основном изображена Морганом, анализ же порождающего ее экономического содержания мне приходится большей частью добавлять.

В героическую эпоху четыре племени афинян занимали в Аттике еще обособленные области; даже составлявшие их двенадцать фратрий, по-видимому, имели еще отдельные поселения в виде двенадцати городов Кекропа. Организация управления соответствовала героической эпохе: народное собрание, народный совет, басилей. В эпоху, с которой начинается писаная история, земля была уже поделена и перешла в частную собственность, как это и свойственно сравнительно уже развитому к концу высшей ступени варварства товарному производству и соответствующей ему торговле товарами. Наряду с зерном производилось также вино и растительное масло; морская торговля по Эгейскому морю все более изымалась из рук финикийцев и попадала большей частью в руки жителей Аттики. Благодаря купле и продаже земельных владений, благодаря дальнейшему развитию разделения труда между

земледелием и ремеслом, торговлей и судоходством члены родов, фратрий и племен должны были весьма скоро перемешаться между собой; на территории фратрии и племени селились жители, которые, хотя и были соотечественниками, все же не принадлежали к этим объединениям, следовательно, были чужими в своем собственном месте жительства. Ведь каждая фратрия и каждое племя в мирное время сами управляли своими делами, не обращаясь в Афины к народному совету или басилею. Но те, кто жил на территории фратрии или племени, не принадлежа к ним, не могли, разумеется, принимать участия в этом управлении.

Все это так нарушило нормальное функционирование органов родового строя, что уже в героическую эпоху потребовалось принять меры для устранения этого. Было введено приписываемое Тезею устройство. Перемена состояла прежде всего в том, что в Афинах было учреждено центральное управление, то есть часть дел, до того находившихся в самостоятельном ведении племен, была объявлена имеющей общее значение и передана в ведение пребывавшего в Афинах общего совета. Благодаря этому нововведению афиняне продвинулись в своем развитии дальше, чем какой-либо из коренных народов Америки: вместо простого союза живущих по соседству племен произошло их слияние в единый народ. В связи с этим возникло общее афинское народное право, возвышавшееся над правовыми обычаями отдельных племен и родов; афинский гражданин, как таковой, получил определенные права и новую правовую защиту также и на той территории, где он был иноплеменником. Но этим был сделан первый шаг к разрушению родового строя, ибо это был первый шаг к осуществленному позднее допуску в состав граждан и тех лиц, которые являлись иноплеменниками во всей Аттике и полностью находились и продолжали оставаться вне афинского родового устройства. Второе, приписываемое Тезею, нововведение состояло в разделении всего народа, независимо от рода, фратрии или племени, на три класса: эвпатридов, или благородных, геоморов, или земледельцев, и демиургов, или ремесленников, и в предоставлении благородным исключительного права на замещение должностей. Впрочем, это разделение не привело к каким-либо результатам, кроме замещения должностей благородными, так как оно не устанавливало никаких других правовых различий между классами[*]. Но оно имеет важное значение, так как раскрывает

[*] В издании 1884 г. конец фразы был сформулирован следующим образом: «так как остальные два класса не получили каких-либо особых прав». *Ред.*

перед нами новые, незаметно развившиеся общественные элементы. Оно показывает, что вошедшее в обычай замещение родовых должностей членами определенных семей превратилось уже в мало оспариваемое право этих семей на занятие общественных должностей, что эти семьи, и без того могущественные благодаря своему богатству, начали складываться вне своих родов в особый привилегированный класс и что эти их притязания были освящены только еще зарождавшимся государством. Оно, далее, показывает, что разделение труда между крестьянами и ремесленниками упрочилось уже настолько, что стало отодвигать на второй план общественное значение прежнего деления на роды и племена. Оно, наконец, провозглашает непримиримое противоречие между родовым обществом и государством; первая попытка образования государства состоит в разрыве родовых связей путем разделения членов каждого рода на привилегированных и непривилегированных и разделения последних, в свою очередь, на два класса соответственно роду их занятий, что противопоставляло их, таким образом, один другому.

Дальнейшая политическая история Афин вплоть до Солона известна далеко недостаточно. Должность басилея утратила свое значение; во главе государства стали избранные из среды благородных архонты. Господство знати все более и более усиливалось, пока около 600 г. до нашего летосчисления не сделалось невыносимым. Основным средством для подавления народной свободы служили при этом деньги и ростовщичество. Главное местопребывание знати было в Афинах и их окрестностях, где морская торговля, а вместе с ней морской разбой, которым при случае все еще занимались, обогащали эту знать и сосредоточивали в ее руках денежные богатства. Отсюда развивающееся денежное хозяйство проникало в сельские общины, воздействуя, точно разъедающая кислота, на их исконный, основанный на натуральном хозяйстве образ жизни. Родовой строй абсолютно несовместим с денежным хозяйством; разорение мелких крестьян Аттики совпало с ослаблением охранявших их старых родовых уз. Долговая расписка и закладная на землю (ибо афиняне изобрели уже и ипотеку) не считались ни с родом, ни с фратрией. А старый родовой строй не знал ни денег, ни ссуды, ни денежных долгов. Поэтому в результате все шире распространявшегося денежного владычества знати было выработано также новое обычное право для того, чтобы обеспечить кредитора против должника, чтобы освятить эксплуатацию мелких крестьян владельцами денег. На полях Аттики всюду торчали закладные камни, на которых значилось, что данный участок заложен тому-то и тому-то за такую-то сумму

денег. Поля, не обозначенные таким образом, были уже большей частью проданы вследствие неуплаты в срок ипотечной ссуды или процентов и перешли в собственность ростовщика-аристократа; крестьянин мог быть доволен, если ему разрешалось оставаться на участке в качестве арендатора и жить на *шестую часть* продукта своего труда, уплачивая остальные *пять шестых* новому хозяину в виде арендной платы. Более того. Если сумма, вырученная при продаже земельного участка, не покрывала долга или если заем не был обеспечен залогом, то должник вынужден был продавать своих детей в рабство в чужие страны, чтобы расплатиться с кредитором. Продажа детей отцом — таков был первый плод отцовского права и моногамии! А если кровопийца все еще не был удовлетворен, он мог продать в рабство и самого должника. Такова была светлая заря цивилизации у афинского народа.

Прежде, когда условия жизни народа еще соответствовали родовому строю, такой переворот был невозможен; а теперь он совершился, но никто не знал, каким образом. Вернемся на минуту к нашим ирокезам. Там было немыслимо положение, навязанное теперь афинянам, так сказать, без их участия и несомненно против их воли. Там остававшийся из года в год неизменным способ производства средств к жизни никогда не мог породить таких словно извне навязанных конфликтов, такого противоречия между богатыми и бедными, между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Ирокезы были еще весьма далеки от власти над природой, но в известных, для них определенных природных границах они были господами своего собственного производства. Если не считать неурожаев на их небольших огородах, истощения запасов рыбы в их озерах и реках и резкого уменьшения дичи в их лесах, они знали заранее, на что могут рассчитывать при своем способе добывания средств к жизни. Этот способ должен был обеспечить средства к существованию — то скудные, то более обильные, но он никак не мог привести к непредвиденным общественным переворотам, к разрыву родовых уз, к расколу членов рода и соплеменников на противоположные, борющиеся друг с другом классы. Производство велось в самых узких рамках, но продукт находился целиком во власти производителей. Это было громадным преимуществом производства эпохи варварства, преимуществом, которое с наступлением эпохи цивилизации было утрачено. Задачей ближайших поколений будет обратное завоевание его, но уже на основе ныне приобретенного могучего господства человека над природой и на основе свободной ассоциации, которая стала теперь возможной.

Иначе обстояло дело у греков. Появившаяся частная собственность на стада и предметы роскоши вела к обмену между отдельными лицами, к превращению продуктов в *товары.* И в этом — зародыш всего последующего переворота. Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт, а начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним. Они уже больше не знали, что с ним станет. Возникла возможность использовать продукт против производителя, для его эксплуатации и угнетения. Поэтому ни одно общество не может сохранить надолго власть над своим собственным производством и контроль над социальными последствиями своего процесса производства, если оно не уничтожит обмена между отдельными лицами.

Как быстро после возникновения обмена между отдельными лицами и превращения продуктов в товары начинает проявляться власть продукта над его производителем — это афинянам пришлось испытать на собственном опыте. Вместе с товарным производством появилась обработка земли отдельными лицами своими собственными силами, а вскоре затем и земельная собственность отдельных лиц. Потом появились деньги, всеобщий товар, на который могли обмениваться все другие товары. Но, изобретая деньги, люди не подозревали, что они вместе с тем создают новую общественную силу — единственную имеющую всеобщее влияние силу, перед которой должно будет склониться все общество. И эта новая сила, внезапно возникшая без ведома и желания ее собственных творцов, дала почувствовать свое господство афинянам со всей грубостью своей молодости.

Что было делать? Древний родовой строй не только оказался бессильным против победного шествия денег, он был также абсолютно не способен найти внутри себя хотя бы место для чего-либо подобного деньгам, кредиторам и должникам, принудительному взысканию долгов. Но новая общественная сила существовала, и благочестивые пожелания, страстное стремление вернуть доброе старое время не могли заставить снова исчезнуть деньги и ростовщичество. И сверх того, в родовом строе был пробит ряд других второстепенных брешей. От поколения к поколению все больше перемешивались между собой члены различных родов и фратрий по всей территории Аттики и особенно в самом городе Афинах, хотя и теперь еще афинянин мог продавать не принадлежащим к своему роду лицам лишь земельные участки, но не свое жилище. С дальнейшим развитием промышленности и обмена все полнее развивалось разделение труда между различными отраслями производства: земледелием, ремеслом, а в ремесле — между бесчисленными разновидностями

его, торговлей, судоходством и т. д.; население разделялось теперь по своим занятиям на довольно устойчивые группы; каждая из них имела ряд новых общих интересов, для которых не было места внутри рода или фратрии и для обслуживания которых появилась, следовательно, потребность в новых должностях. Количество рабов значительно возросло и, вероятно, в ту пору уже намного превышало число свободных афинян; родовой строй первоначально совсем не знал рабства, а следовательно, не знал и средств, при помощи которых можно было держать в узде эту массу несвободных. И, наконец, торговля привлекала в Афины множество чужестранцев, которые селились здесь ради легкой наживы; в силу старых порядков, они также оставались бесправными и беззащитными и, несмотря на традиционную терпимость, были беспокойным, чуждым элементом в народе.

Одним словом, родовой строй подходил к концу. Общество с каждым днем все более вырастало из его рамок; даже худшие из зол, возникавшие на глазах у всех, он не мог ни ограничить, ни устранить. Но тем временем незаметно развилось государство. Новые группы, образовавшиеся благодаря разделению труда сначала между городом и деревней, а затем между различными городскими отраслями труда, создали новые органы для защиты своих интересов; были учреждены всякого рода должности. А затем молодому государству для ведения отдельных небольших войн и для охраны торговых судов потребовались прежде всего собственные военные силы, которые у занимавшихся мореплаванием афинян могли быть первоначально только морскими силами. Были учреждены, неизвестно за сколько времени до Солона, навкрарии, небольшие территориальные округа, по двенадцати в каждом племени; каждая навкрария должна была поставить, вооружить и снабдить экипажем одно военное судно и, кроме того, выставляла еще двух всадников. [Это учреждение подрывало родовое устройство двояким образом: во-первых, оно создавало публичную власть, которая уже не совпадала просто-напросто с совокупностью вооруженного народа; во-вторых, оно впервые разделяло народ для общественных целей не по родственным группам, а по *проживанию на одной территории.* Какое это имело значение, будет видно из последующего.

Так как родовой строй не мог оказывать эксплуатируемому народу никакой помощи, то оставалось рассчитывать только на возникающее государство. И оно действительно оказало эту помощь в виде организации управления введенной Солоном, снова усилившись в то же время за счет старого строя. Солон, — нас здесь не интересует способ, каким была проведена

его реформа, относящаяся к 594 г. до нашего летосчисления, — открыл ряд так называемых политических революций, причем сделал это вторжением в отношения собственности. Все происходившие до сих пор революции были революциями для защиты одного вида собственности против другого вида собственности. Они не могли защищать один вид собственности, не посягая на другой. Во время великой французской революции была принесена в жертву феодальная собственность, чтобы спасти буржуазную; в революции, произведенной Солоном, должна была пострадать собственность кредиторов в интересах собственности должников. Долги были попросту объявлены недействительными. Подробности нам точно не известны, но Солон похваляется в своих стихах, что удалил закладные камни с обремененных долгами земельных участков и вернул обратно проданных из-за долгов в чужие страны и бежавших туда людей. Это можно было сделать только посредством открытого нарушения прав собственности. И, действительно, все так называемые политические революции, от первой до последней, были совершены ради защиты собственности *одного* вида и осуществлялись путем конфискации, называемой также кражей, собственности *другого* вида. Итак, несомненно, что в течение двух с половиной тысяч лет частная собственность могла сохраняться только благодаря нарушениям права собственности.

Но теперь необходимо было помешать повторению такого обращения в рабство свободных афинян. Это достигалось прежде всего общими мерами, как, например, запрещением таких долговых обязательств, по которым закладывалась самая личность должника. Далее были установлены максимальные размеры земельной собственности, которой могло владеть отдельное лицо, чтобы ограничить хотя бы некоторыми пределами ненасытное стремление знати к захвату крестьянской земли. А затем последовали изменения и в самом строе; для нас важнейшими представляются следующие:

Было установлено, что совет состоит из четырехсот членов, по сто от каждого племени; здесь, таким образом, основой еще оставалось племя. Но это была единственная сторона старого строя, воспринятая новым государством. Что касается всего прочего, то Солон разделил граждан на четыре класса по размерам землевладения и его доходности; 500, 300 и 150 медимнов зерна (1 медимн = приблизительно 41 литру) были минимальными размерами дохода для первых трех классов; имевшие меньшие доходы или совсем не владевшие земельной собственностью попадали в четвертый класс. Все должности могли замещаться лишь представителями высших трех классов,

а самые высокие должности — только представителями первого класса; четвертый класс имел лишь право выступать и голосовать в народном собрании, однако именно здесь выбирались все должностные лица, здесь они должны были отчитываться в своей деятельности, здесь вырабатывались все законы, а четвертый класс составлял здесь большинство. Аристократические привилегии были частью возобновлены в форме привилегий богатства, но народ сохранял за собой решающую власть. Кроме того, деление на четыре класса служило основой для новой организации войска. Первые два класса поставляли кавалерию, третий должен был служить в качестве тяжеловооруженной пехоты, четвертый — в качестве легкой, не имевшей защитных доспехов пехоты или во флоте, и притом получал, вероятно, за свою службу плату.

Здесь, таким образом, в организацию управления вводится совсем новый элемент — частная собственность. Права и обязанности граждан государства стали устанавливаться соразмерно величине их земельной собственности, и в той же мере, в какой стали приобретать влияние имущие классы, начали вытесняться старые кровнородственные объединения; родовой строй потерпел новое поражение.

Однако предоставление политических прав соразмерно имуществу вовсе не было одним из таких установлений, без которых не может существовать государство. Хотя этот принцип и играл большую роль в истории государственного устройства, все же очень многие государства, и как раз наиболее развитые, обходились без него. Да и в Афинах он сыграл только преходящую роль; со времени Аристида доступ ко всем должностям был открыт каждому гражданину[131].

В течение последующих, восьмидесяти лет эволюция афинского общества постепенно приняла направление, по которому оно развивалось далее на протяжении следующих столетий. Процветавшим в досолоновскую эпоху ростовщическим операциям с землей был положен предел, равно как и безмерной концентрации земельной собственности. Торговля, а также все более развивавшиеся на основе рабского труда ремесло и художественное ремесло сделались господствующими занятиями. Люди стали более просвещенными. Вместо того чтобы по-старому жестоко эксплуатировать собственных сограждан, теперь стали эксплуатировать преимущественно рабов и покупателей афинских товаров вне Афин. Движимое имущество, богатство, состоявшее в деньгах, рабах и кораблях, все более возрастало, но теперь оно уже не служило только средством для приобретения земельной собственности, как это было в прежние времена

замкнутости и ограниченности, —оно стало самоцелью. В результате этого, с одной стороны, в лице нового класса — богачей, занимавшихся промышленностью и торговлей, — возникла победоносная конкуренция старому могуществу знати, а, с другой, остатки старого родового строя лишились последней почвы. Роды, фратрии и племена, члены которых были рассеяны теперь по всей Аттике и окончательно перемешались между собой, стали поэтому совсем непригодными для роли политических объединений; множество афинских граждан не принадлежало ни к какому роду; это были пришельцы, которые хотя и получили права гражданства, но не были приняты ни в один из старых родовых союзов; наряду с этим еще имелось непрерывно возраставшее число чужеземных пришельцев, находившихся под покровительством[132].

Между тем борьба партий продолжалась; знать пыталась вернуть свои прежние привилегии и на короткое время одержала верх, пока революция Клисфена (509 г. до нашего летосчисления) не низвергла ее окончательно, а с ней вместе и последние остатки родового строя[133].

Новая организация управления, проведенная Клисфеном, игнорировала деление на четыре древних племени, основанных на родах и фратриях. Ее место заняла совершенно новая организация на основе уже испытанного в навкрариях разделения граждан только по месту их жительства. Решающее значение имела уже не принадлежность к родовым союзам, а исключительно место постоянного жительства; не народ подвергался делению, а территория; население в политическом отношении превращалось в простой придаток территории.

Вся Аттика была разделена на сто самоуправляющихся общин-округов, или демов. Живущие в каждом деме граждане (демоты) избирали своего старейшину (демарха) и казначея, а также тридцать судей, которым были подсудны мелкие тяжбы. Демы получали также собственный храм и бога-покровителя или героя, для которого они выбирали священнослужителей. Высшая власть в деме принадлежала собранию демотов. Как справедливо замечает Морган, это — прообраз самоуправляющейся американской городской общины[134]. Возникающее государство начало в Афинах с той же самой единицы, к которой приходит современное государство в результате своего высшего развития.

Десять таких единиц, демов, составляли племя, которое, однако, в отличие от старого родового племени стало называться теперь территориальным племенем. Оно было не только самоуправляющимся политическим, но также и военным

объединением, оно выбирало филарха* или старейшину племени, который командовал конницей, таксиарха, командовавшего пехотой, и стратега, командовавшего всем войском, набранным на территории племени. Оно, далее, снаряжало пять военных судов с экипажем и командиром и получало в качестве своего священного покровителя какого-нибудь аттического героя, по имени которого и называлось. Наконец, оно выбирало пятьдесят представителей в афинский совет.

Венцом этого явилось афинское государство, которое управлялось советом, состоявшим из пятисот избранных представителей десяти племен, а в последней инстанции — народным собранием, куда имел доступ и где пользовался правом голоса каждый афинский гражданин; наряду с этим архонты и другие должностные лица ведали различными отраслями управления и судебными делами. Главы исполнительной власти в Афинах не было.

С введением этой новой организации управления и с допущением очень большого числа находившихся под покровительством — частью пришельцев, частью вольноотпущенных рабов — органы родового строя были оттеснены от общественных дел; они выродились в союзы частного характера и в религиозные братства. Но моральное влияние, унаследованные взгляды и образ мышления старой родовой эпохи еще долго жили в традициях, которые отмирали только постепенно. Это сказалось на одном из позднейших государственных учреждений.

Мы видели, что существенный признак государства состоит в публичной власти, отделенной от массы народа. Афины располагали в ту пору лишь народным войском и флотом, который выставлял непосредственно народ; войско и флот были защитой от внешних врагов и держали в повиновении рабов, которые уже тогда составляли значительное большинство населения. По отношению к гражданам публичная власть первоначально существовала только в качестве полиции, которая так же стара, как государство, поэтому простодушные французы XVIII века и говорили не о народах цивилизованных, а о народах полицизированных (nations policées)**. Афиняне учредили, таким образом, одновременно со своим государством также и полицию, настоящую жандармерию из пеших и конных лучников — ландъегерей, как их называют в Южной Германии и в Швейцарии. Но эта жандармерия формировалась из *рабов.* Эта полицейская служба представлялась свободному афинянину столь унизительной, что он предпочитал давать себя арестовать вооруженному рабу, лишь бы самому не заниматься таким позорным

* — от древнегреческого слова «фила» — племя. *Ред.*

** Игра слов: «policé» — «цивилизованный», «police» — «полиция». *Ред.*

делом. В этом сказывался еще образ мыслей древнего родового быта. Государство не могло существовать без полиции, но оно было еще молодо и не пользовалось еще достаточным моральным авторитетом, чтобы внушить уважение к занятию, которое бывшим членам родов неминуемо должно было казаться гнусным.

В какой степени сложившееся в главных своих чертах государство соответствовало новому общественному положению афинян, свидетельствует быстрый расцвет богатства, торговли и промышленности. Классовый антагонизм, на котором покоились теперь общественные и политические учреждения, был уже не антагонизмом между знатью и простым народом, а антагонизмом между рабами и свободными, между находившимися под покровительством и полноправными гражданами. Ко времени наивысшего расцвета Афин общее количество свободных граждан, включая женщин и детей, составляло приблизительно 90000 человек, а рабов обоего пола насчитывалось 365000 и состоявших под покровительством — чужеземцев и вольноотпущенников — 45000. На каждого взрослого гражданина мужского пола приходилось, таким образом, по меньшей мере 18 рабов и свыше двух находившихся под покровительством. Большое число рабов было связано с тем, что многие из них работали вместе в мануфактурах, в больших помещениях под надзором надсмотрщиков. Но с развитием торговли и промышленности происходило накопление и концентрация богатств в немногих руках, а также обнищание массы свободных граждан, которым только оставалось на выбор: или вступить в конкуренцию с рабским трудом, самим взявшись за ремесло, что считалось постыдным, низким занятием и не сулило к тому же большого успеха, или же превратиться в нищих. Они шли — при данных условиях неизбежно — по последнему пути, а так как они составляли массу населения, это привело к гибели и все афинское государство. Не демократия погубила Афины, как это утверждают европейские школьные педанты, пресмыкающиеся перед монархами, а рабство, которое сделало труд свободного гражданина презренным.

Возникновение государства у афинян является в высшей степени типичным примером образования государства вообще, потому что оно, с одной стороны, происходит в чистом виде, без всякого насильственного вмешательства, внешнего или внутреннего, — кратковременная узурпация власти Писистратом не оставила никаких следов[135], — с другой стороны, потому, что в данном случае весьма высоко развитая форма государства, демократическая республика, возникает непосредственно из родового общества и, наконец, потому, что нам достаточно известны все существенные подробности образования этого государства.

VI
РОД И ГОСУДАРСТВО В РИМЕ

Из сказания об основании Рима видно, что первое поселение было создано рядом объединившихся в одно племя латинских родов (согласно сказанию, их было сто), к которым вскоре присоединилось одно сабельское племя, также будто бы насчитывавшее сто родов, а затем и состоявшее из различных элементов третье племя, также имевшее, по преданию, сто родов. Весь рассказ с первого взгляда свидетельствует о том, что здесь не было ничего естественно сложившегося, кроме рода, да и последний в некоторых случаях был лишь ветвью первоначального рода, продолжавшего существовать на старой родине. На племенах лежит печать искусственного образования, однако большей частью из родственных элементов и по образцу древнего, естественно выросшего, а не искусственно созданного племени; при этом не исключено, что ядром каждого из трех племен могло служить подлинное старое племя. Промежуточное звено, фратрия, состояло из десяти родов и называлось курией; их было, таким образом, тридцать.

Общепризнано, что римский род был таким же институтом, как и род греческий; если греческий род представляет собой дальнейшее развитие той общественной ячейки, первобытную форму которой мы находим у американских краснокожих, то это целиком относится и к римскому роду. Мы можем поэтому быть здесь более краткими.

Римский род, по крайней мере в древнейшую пору существования города, имел следующее устройство:

1. Взаимное право наследования членов рода; имущество оставалось внутри рода. Так как в римском роде, как и в гре-

ческом, господствовало уже отцовское право, то потомство по женской линии исключалось из наследования. По законам Двенадцати таблиц[136], древнейшему известному нам писаному памятнику римского права, в первую очередь наследовали дети как прямые наследники, за их отсутствием — агнаты (родственники по *мужской* линии), а за отсутствием последних — члены рода. Во всех случаях имущество оставалось внутри рода. Мы видим здесь постепенное проникновение в родовой обычай новых, порожденных ростом богатства и моногамией правовых норм: первоначально равное право наследования всех членов рода ограничивается на практике сначала — и, как указывалось выше, очень рано — агнатами, а в конечном счете детьми и их потомством по мужской линии; в Двенадцати таблицах это, само собой разумеется, представлено в обратном порядке.

2. Обладание общим местом погребения. Патрицианский род Клавдиев при переселении из города Регилл в Рим получил участок земли и, кроме того, в самом городе общее место погребения. Еще при Августе привезенная в Рим голова погибшего в Тевтобургском лесу Вара[137] была погребена в gentilitius tumulus[*] — род (Квинтилиев), следовательно, имел еще особый могильный курган[**].

3. Общие религиозные празднества. Эти sacra gentilitia[***] известны.

4. Обязательство не вступать в брак внутри рода. Это, по-видимому, никогда не превращалось в Риме в писаный закон, но оставалось обычаем. Из огромной массы римских супружеских пар, имена которых сохранились до нас, ни одна не имеет одинакового родового имени для мужа и жены. Наследственное право также подтверждает это правило. Женщина с выходом замуж утрачивает свои агнатические права, выходит из своего рода; ни она, ни ее дети не могут наследовать ее отцу или братьям последнего, так как в противном случае отцовский род утратил бы часть наследства. Это имеет смысл только при предположении, что женщина не может выйти замуж за члена своего рода.

5. Общее владение землей. Последнее всегда существовало в первобытную эпоху, с тех пор как землю племени начали делить. Среди латинских племен мы находим землю частью во владении племени, частью во владении рода, частью же во владении домашних хозяйств, которыми тогда вряд ли[****] являлись отдельные семьи. Ромулу приписывается первый раздел

[*] — родовой курган. *Ред.*

[**] Слова «род (Квинтилиев), следовательно, имел еще особый могильный курган» добавлены Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

[***] — родовые священные празднества. *Ред.*

[****] в издании 1884 г. вместо слов «вряд ли» напечатано: «необязательно». *Ред.*

земли между отдельными лицами, приблизительно по гектару (два югера) на каждого. Однако мы еще и позднее находим земельные владения, принадлежащие родам, не Говоря уже о государственной земле, вокруг которой вращается вся внутренняя история республики.

6. Обязанность членов рода оказывать друг другу защиту и помощь. Писаная история показывает нам одни лишь обломки этого обычая; римское государство сразу выступило на сцену как такая могущественная сила, что право защиты от нанесения зла перешло к нему. Когда Аппий Клавдий был арестован, все члены его рода облеклись в траур, даже те, кто были его личными врагами. Во время второй Пунической войны[138] роды объединялись для выкупа своих пленных сородичей; сенат *запретил* им это.

7. Право носить родовое имя. Оно сохранилось вплоть до времен империи; вольноотпущенникам разрешалось принимать родовое имя своих бывших господ, однако без приобретения прав членов рода.

8. Право принимать в род посторонних. Это совершалось путем усыновления одной из семей (как у индейцев), что влекло за собой принятие в состав рода.

9. О праве избирать и смещать старейшину нигде не упоминается. Но так как в первый период истории Рима все должности замещались по выбору или по назначению, начиная с выборного царя, и так как жрецы курий также выбирались этими последними, то мы можем предположить относительно старейшин (principes) родов то же самое, хотя избрание из одной и той же семьи в роде могло уже стать правилом.

Таковы были функции римского рода. За исключением уже завершившегося перехода к отцовскому праву, они точно воспроизводят права и обязанности ирокезского рода; здесь тоже «явственно проглядывает ирокез»[139].

Покажем[*] на одном только примере, какая путаница в вопросе о римском родовом строе царит еще в настоящее время даже среди наших самых известных историков. В работе Моммзена о римских собственных именах времен республики и Августа («Исследования по истории Рима», Берлин, 1864, т. I[140]) говорится следующее:

«Помимо всех членов рода мужского пола, исключая, конечно, рабов, но включая лиц, принятых родом и находящихся под его покровительством, родовое имя распространяется также на женщин... Племя» (так Моммзен переводит здесь слово gens) «— это... общность, возникшая на основе

[*] Весь данный текст до слов: «Еще почти триста лет спустя после основания Рима» (см. настоящий том, стр. 125) добавлен Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

общего — действительного или предполагаемого или даже вымышленного — происхождения, скрепленная узами товарищества в отношении празднеств, места погребений и наследования, общность, к которой должны и могут причислять себя все лично свободные индивиды, а следовательно, также и женщины. Затруднение представляет только определение родового имени замужних женщин. Этого затруднения, конечно, не существовало, пока женщина могла вступать в брак не иначе, как с членом своего рода, а, как может быть доказано, долгое время женщине труднее было выйти замуж за пределами своего рода, чем внутри него, ибо ведь это право вступления в брак вне рода — gentis enuptio — еще в VI веке давалось в награду в качестве личной привилегии... Но там, где имели место такие браки вне рода, женщина в древнейшую эпоху, по-видимому, должна была переходить в племя мужа. Нет никакого сомнения в том, что женщина, по древнему религиозному браку, полностью вступает в правовую и сакральную общину мужа и выходит из своей. Кто не знает, что замужняя женщина утрачивает право на наследование и на передачу своего наследства по отношению к членам своего рода, зато входит в имеющий общие права наследования союз, к которому принадлежат ее муж, дети и вообще члены их рода. И если она как бы усыновляется мужем и вступает в его семью, то как же может она оставаться чужой его роду?» (стр. 8—11).

Моммзен, таким образом, утверждает, что римские женщины, принадлежавшие к какому-нибудь роду, могли первоначально вступать в брак только *внутри* своего рода, что римский род, следовательно, был эндогамный, а не экзогамный. Этот взгляд, противоречащий всей практике других народов, опирается главным образом, если не исключительно, на одно-единственное, вызывавшее много споров, место у Ливия (книга XXXIX, гл. 19)[141], согласно которому сенат в 568 г. от основания города, то есть в 186 г. до нашего летосчисления, постановил:

«uti Feceniae Hispalae datio, deminutio, gentis enuptio, tutoris optio itena esset quasi ei vir testamento dedisset; utique ei ingenuo nubere liceret, neu quid ei qui eam duxisset, ob id fraudi ignominiaeve esset», — «чтобы Феценгия Гиспала имела право распоряжаться своим имуществом, уменьшать его, выйти замуж вне рода и избрать себе опекуна, как если бы ее» (умерший) «муж передал ей это право по завещанию; чтобы она могла выйти замуж за свободнорожденного и чтобы тому, кто возьмет ее в жены, это не было зачтено за дурной поступок или бесчестие».

Итак, несомненно, что здесь Феценгии, вольноотпущеннице, предоставляется право выйти замуж вне рода. И столь же несомненно отсюда следует, что муж имел право по завещанию передать своей жене право выйти после его смерти замуж вне рода. Но вне *какого* рода?

Если женщина обязана была выходить замуж внутри своего рода, как предполагает Моммзен, то она и после брака оставалась в этом роде. Но, во-первых, именно это утверждение об эндогамии рода и требуется доказать. А во-вторых, если женщина должна была вступать в брак внутри своего рода, то. естественно, что и мужчина также, так как иначе он не нашел

бы себе жены. Но тогда оказывается, что муж мог передать своей жене по завещанию право, которым он сам не располагал и не мог использовать для самого себя; с юридической точки зрения это — бессмыслица. Моммзен также чувствует это и потому делает следующее предположение:

«для вступления в брак вне рода требовалось юридически, вероятно, не только согласие власть имущего, но и всех членов рода» (стр. 10, примечание).

Это, во-первых, весьма смелое предположение, а во-вторых, оно противоречит ясному тексту приведенного места; сенат дает ей это право *вместо мужа,* он определенно дает ей не больше и не меньше того, что мог бы дать ей ее муж, но то, что он дает ей, — это право *абсолютное,* никакими другими ограничениями не связанное, так что, если она воспользуется этим правом, то и ее новый муж не должен страдать от этого; сенат даже поручает настоящим и будущим консулам и преторам позаботиться о том, чтобы для нее не произошло от этого никакого вреда. Таким образом, предположение Моммзена представляется совершенно неприемлемым.

Или же допустим другое: женщина выходила замуж за мужчину из другого рода, но сама оставалась в своем прежнем роде. Тогда, согласно вышеприведенному месту, ее муж имел бы право позволить жене вступить в брак вне ее собственного рода. Это значит, что он имел бы право распоряжаться делами, касавшимися рода, к которому он вовсе не принадлежал. Это такая нелепость, о которой больше и говорить не стоит.

Таким образом, остается только предположить, что женщина в первом браке вышла замуж за мужчину из другого рода и в результате этого брака тут же перешла в род мужа, как это Моммзен фактически и допускает для подобных случаев. Тогда все взаимоотношения сразу становятся ясными. Женщина, вследствие замужества оторванная от своего старого рода и принятая в новый родовой союз мужа, занимает там совершенно особое положение. Хотя она и член рода, но не связана с ним кровным родством; самый характер ее принятия заранее исключает ее из общего запрета вступать в брак внутри рода, в который она вошла именно путем замужества; она, далее, принята в родовой союз, имеющий общие права наследования и в случае смерти мужа наследует его имущество, то есть имущество члена рода. Что может быть естественнее правила, обязывающего ее в целях сохранения имущества в роде выйти замуж за члена рода ее первого мужа и ни за кого другого? И если должно быть сделано исключение, то кто может быть достаточно правомочным для того, чтобы предоставить ей такое право, как не ее

первый муж, который завещал ей это имущество? В тот момент, когда он завещает ей часть имущества и одновременно разрешает путем брака или в результате брака передать эту часть имущества в чужой род, это имущество еще принадлежит ему; он, следовательно, распоряжается буквально только своей собственностью. Что касается самой жены и ее отношения к роду ее мужа, то в этот род ввел ее именно муж актом свободного волеизъявления — браком; поэтому также представляется естественным, что именно он и является тем лицом, которое может предоставить ей право выйти из этого рода посредством второго брака. Одним словом, дело оказывается простым и само собой понятным, как только мы отбросим курьезное представление об эндогамности римского рода и вместе с Морганом признаем его первоначально экзогамным.

Остается еще последнее предположение, которое также нашло своих сторонников и, пожалуй, наиболее многочисленных:

указанное место якобы говорит лишь о том,

«что вольноотпущенные служанки (libertae) не могли без специального разрешения e gente enubere» (вступать в брак вне рода) «или совершить какой-либо другой акт, который, будучи связан с capitis diminutio minima*, повлек бы за собой выход liberta из родового союза» (Ланге. «Римские Древности», Берлин, 1856, I, стр. 195, где по поводу цитируемого нами места из Ливия делается ссылка на Хушке[142]).

Если это предположение правильно, то упомянутое место уже совершенно ничего не доказывает относительно положения свободнорожденных римлянок, и тогда совсем не может быть и речи об обязанности последних вступать в брак внутри рода.

Выражение enuptio gentis встречается только в этом единственном месте и нигде больше во всей римской литературе; слово enubere — вступать в брак на стороне — встречается только три раза, тоже у Ливия, и притом не в связи с родом. Фантастическая идея, будто римлянки могли вступать в брак только внутри рода, обязана своим возникновением лишь одному этому месту. Но она абсолютно не выдерживает критики. В самом деле, или это место относится к особым ограничениям для вольноотпущенниц, и тогда оно ничего не доказывает в отношении свободнорожденных (ingenuae); или же оно имеет силу и для свободнорожденных, и тогда оно скорее доказывает, что женщина, по общему правилу, вступала в брак вне своего рода, но с замужеством переходила в род мужа, следовательно, оно говорит против Моммзена и в пользу Моргана.

Еще почти триста лет спустя после основания Рима родовые узы были настолько прочны, что один патрицианский род,

* — утратой семейных прав. *Ред.*

именно род Фабиев, мог с разрешения сената собственными силами предпринять военный поход против соседнего города Вейи. 306 Фабиев будто бы выступили в поход и, попав в засаду, все были убиты; единственный оставшийся в живых мальчик продолжил род.

Десять родов, как сказано выше, составляли фратрию, которая здесь называлась курией и имела более важные общественные функции, чем греческая фратрия. Каждая курия имела собственные религиозные церемонии, святыни и жрецов; последние в своей совокупности составляли одну из римских жреческих коллегий. Десять курий составляли племя, которое, вероятно, имело первоначально, подобно остальным латинским племенам, своего выборного старейшину —военачальника и верховного жреца. Все три племени вместе составляли римский народ — populus romanus.

К римскому народу, таким образом, мог принадлежать только тот, кто был членом рода, а через свой род — членом курии и племени. Первоначальная организация управления этого народа была следующая. Общественными делами ведал сначала сенат, который, как это впервые верно подметил Нибур, состоял из старейшин трехсот родов[143]; именно поэтому в качестве родовых старейшин они назывались отцами, patres, а их совокупность — сенатом (совет старейших, от слова senex — старый). Вошедшее в обычай избрание старейшин всегда из одной и той же семьи каждого рода создало и здесь первую родовую знать; эти семьи назывались патрициями и претендовали на исключительное право входить в состав сената и занимать все другие должности. Тот факт, что народ со временем позволил возобладать этим притязаниям и они превратились в действующее право, нашел свое выражение в сказании о том, что Ромул пожаловал первым сенаторам и их потомству патрициат с его привилегиями. Сенат, как и афинский bule, имел право принимать окончательные решения по многим вопросам и предварительно обсуждать более важные из них, в особенности новые законы. Последние окончательно принимались народным собранием, которое называлось comitia curiata (собрание курий). Народ собирался, группируясь по куриям, а в каждой курии, вероятно, по родам; при принятии решений каждая из тридцати курий имела по одному голосу. Собрание курий принимало или отвергало все законы, избирало всех высших должностных лиц, в том числе rex'a (так называемого царя), объявляло войну (но мир заключал сенат) и в качестве высшей судебной инстанции выносило окончательное решение по апелляции сторон во всех случаях, когда дело шло о смерт-

ном приговоре римскому гражданину. — Наконец, наряду с сенатом и народным собранием имелся рекс, который точно соответствовал греческому басилею и отнюдь не был, как его изображает Моммзен[144], почти абсолютным монархом*. Он тоже был военачальником, верховным жрецом и председательствовал в некоторых судах. Полномочиями в области гражданского управления, а также властью над жизнью, свободой и собственностью граждан он отнюдь не обладал, если только они не вытекали из дисциплинарной власти военачальника или власти главы судебного органа в отношении приведения приговора в исполнение. Должность рекса не была наследственной; напротив, он сначала избирался, вероятно, по предложению своего предшественника по должности, собранием курий, а затем во втором собрании торжественно вводился в должность. Что он мог также быть смещен, доказывает судьба Тарквиния Гордого.

Так же, как и у греков в героическую эпоху, у римлян в период так называемых царей существовала военная демократия, основанная на родах, фратриях и племенах и развившаяся из них. Курии и племена были, правда, отчасти искусственными образованиями, но они были организованы по образцу подлинных, естественно сложившихся форм того общества, из которого они возникли и которое еще окружало их со всех сторон. И хотя стихийно развившаяся патрицианская знать уже приобрела твердую почву под ногами, хотя рексы старались расширить мало-помалу свои полномочия, все это не меняет первоначального основного характера строя, а в этом все дело.

Между тем население города Рима и римской области, расширившейся благодаря завоеваниям, возрастало отчасти за счет иммиграции, отчасти — за счет населения покоренных, по преимуществу латинских округов. Все эти новые подданные государства (вопроса о клиентах мы здесь не касаемся) стояли вне старых родов, курий и племен и, следовательно, не были составной частью populus romanus, собственно римского народа. Они были лично свободными людьми, могли владеть земельной собственностью, должны были платить налоги и отбывать

* Латинское слово rex — соответствует кельтско-ирландскому righ (старейшина племени) и готскому reiks; что последнее слово, как первоначально и немецкое Furst (означает то же, что по-английски first, по-датски forste, то есть «первый»), означало также старейшину рода или племени, явствует из того, что готы уже в IV веке имели особое слово для короля последующего времени, военачальника своего народа: thiudans. Артаксеркс и Ирод в библии, переведенной Ульфилой, никогда не называются reiks, а только thiudans, государство императора Тиберия — не reiki, а thiudinassus. В имени готского тиуданса, или, как мы не точно переводим, короля Тиударейкса, Теодориха, иначе говоря, Дитриха, оба эти обозначения слились воедино.

военную службу. Но они не могли занимать никаких должностей и не могли участвовать ни в собрании курий, ни в дележе приобретенных путем завоеваний государственных земель. Они составляли лишенный всех политических прав плебс. Благодаря своей все возраставшей численности, своей военной выучке и вооружению они сделались грозной силой, противостоящей старому populus, теперь прочно огражденному от всякого прироста за счет пришлых элементов. Вдобавок к этому земельная собственность была, по-видимому, почти равномерно распределена между populus и плебсом, тогда как торговое и промышленное богатство, впрочем еще не сильно развившееся, преимущественно было в руках плебса.

Из-за густого мрака, окутывающего всю легендарную древнейшую историю Рима, — мрака, еще значительно усиленного попытками толкования в рационалистически-прагматическом духе и такого же рода описаниями позднейших ученых юристов, сочинения которых служат нам источниками, — невозможно сказать что-нибудь определенное ни о времени, ни о ходе, ни об обстоятельствах возникновения той революции, которая положила конец древнему родовому строю. Несомненно только, что причина ее коренилась в борьбе между плебсом и populus.

По новой организации управления, приписываемой рексу Сервию Туллию и опиравшейся на греческие образцы, особенно на Солона, было создано новое народное собрание, в котором участвовали или из которого исключались без различия populus и плебеи, в зависимости от того, несли ли они военную службу или нет. Все военнообязанное мужское население было разделено соответственно своему имуществу на шесть классов. Минимальный размер имущества для каждого из пяти классов составлял: I—100000 ассов, II—75000, III—50000, IV— 25000, V—11000 ассов, что, согласно Дюро де Ла Малю, составляет приблизительно 14000, 10500, 7000, 3600 и 1570 марок[145]. Шестой класс, пролетарии, состоял из малоимущих, свободных от военной службы и налогов. В новом народном собрании центурий (comitia centuriata) граждане размещались по военному образцу, так сказать, поротно, центуриями по 100 человек, причем каждая центурия имела один голос. Но первый класс выставлял 80 центурий, второй — 22, третий — 20, четвертый — 22, пятый — 30, шестой также, приличия ради, — одну центурию. Кроме того, всадники, набиравшиеся из наиболее богатых граждан, составляли 18 центурий; всего насчитывалось 193 центурии; для большинства голосов было достаточно 97. Но всадники и первый класс вместе имели 98 голосов, то есть большинство; при их единодушии остальных

даже не спрашивали, окончательное решение считалось принятым.

К этому новому собранию центурий перешли теперь все политические права прежнего собрания курий (кроме некоторых номинальных прав); курии и составлявшие их роды были тем самым низведены, как и в Афинах, к роли простых частных и религиозных братств и еще долгое время влачили существование в этой роли, тогда как собрание курий вскоре совсем сошло со сцены. Для того чтобы устранить из государства и три старых родовых племени, были созданы четыре территориальных племени, каждое из которых населяло особый квартал города и было наделено рядом политических прав.

Так и в Риме, еще до упразднения так называемой царской власти, был разрушен древний общественный строй, покоившийся на личных кровных узах, а вместо него создано было новое, действительно государственное устройство, основанное на территориальном делении и имущественных различиях. Публичная власть сосредоточилась здесь в руках военнообязанных граждан и была направлена не только против рабов, но и против так называемых пролетариев, отстраненных от военной службы и лишенных вооружения.

В рамках этого нового строя, который получил свое дальнейшее развитие лишь после изгнания последнего рекса, Тарквиния Гордого, узурпировавшего подлинную царскую власть, и замены рекса двумя военачальниками (консулами), облеченными одинаковой властью (как у ирокезов), — в рамках этого строя развивается вся история Римской республики со всей ее борьбой между патрициями и плебеями за доступ к должностям и за участие в пользовании государственными землями, с растворением в конце концов патрицианской знати в новом классе крупных землевладельцев и денежных магнатов, которые постепенно поглотили всю земельную собственность разоренных военной службой крестьян, обрабатывали возникшие таким образом громадные имения руками рабов, довели Италию до обезлюдения и тем самым проложили дорогу не только империи, но и ее преемникам — германским варварам.

VII
РОД У КЕЛЬТОВ И ГЕРМАНЦЕВ

Рамки настоящей работы не позволяют нам подробно рассмотреть институты родового строя, существующие еще поныне у самых различных диких и варварских народов в более или менее чистой форме, или следы этих институтов в древней истории азиатских культурных народов*. Те и другие встречаются повсюду. Достаточно нескольких примеров. Еще до того как узнали, что такое род, Мак-Леннан, который больше всего приложил усилий к тому, чтобы запутать смысл этого понятия, доказал его существование и в общем правильно описал его у калмыков, черкесов, самоедов** и у трех индийских народов — варли, магаров и манипури[146]. Недавно М. Ковалевский обнаружил и описал его у пшавов, хевсуров, сванов и других кавказских племен[147]. Здесь мы ограничимся некоторыми краткими замечаниями о существовании рода у кельтов и германцев.

Древнейшие из сохранившихся кельтских законов показывают нам род еще полным жизни; в Ирландии он, по крайней мере инстинктивно, живет в сознании народа еще и теперь, после того как англичане насильственно разрушили его; в Шотландии он был в полном расцвете еще в середине прошлого столетия и здесь был также уничтожен только оружием, законодательством и судами англичан.

Древнеуэльские законы, записанные за много столетий до английского завоевания[148], самое позднее в XI веке, свидетель-

* Дальнейший текст в данном абзаце до слов «Здесь мы ограничимся» добавлен Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

** Прежнее название ненцев. *Ред.*

ствуют еще о наличии совместной обработки земли целыми селами, хотя и в виде только сохранившегося как исключение пережитка общераспространенного ранее обычая; у каждой семьи было пять акров для самостоятельной обработки; наряду с. этим один участок обрабатывался сообща и урожай подлежал дележу. Не подлежит сомнению, что эти сельские общины представляют собой роды или подразделения родов; это доказывает уже аналогия с Ирландией и Шотландией, если даже новое исследование уэльских законов, для которого у меня нет времени (мои выдержки сделаны в 1869 г.[149]), прямо не подтвердило бы этого. Но зато уэльские источники, а с ними и ирландские прямо доказывают, что у кельтов в XI веке парный брак отнюдь не был еще вытеснен моногамией. В Уэльсе брак становился нерасторжимым, или, вернее, не подлежащим отмене по требованию одной из сторон лишь по прошествии семи лет. Если до семи лет недоставало только трех ночей, то супруги могли разойтись. Тогда производился раздел имущества: жена делила, муж выбирал свою часть. Домашняя утварь делилась по определенным, очень курьезным правилам. Если брак расторгался мужем, то он должен был вернуть жене ее приданое и некоторые другие предметы; если женой, то она получала меньше. Из детей муж получал двоих, жена — одного ребенка, именно среднего. Если жена после развода вступала в новый брак, а первый муж хотел получить ее вновь, то она должна была следовать за ним, если бы даже и ступила уже *одной* ногой на новое супружеское ложе. Но если они прожили вместе семь лет, то становились мужем и женой даже и в том случае, когда брак не был раньше оформлен. Целомудрие девушек до брака отнюдь не соблюдалось строго и не требовалось; относящиеся сюда правила — весьма фривольного свойства и совсем не соответствуют буржуазной морали. Если женщина нарушала супружескую верность, муж мог избить ее (один из трех случаев, когда это ему дозволялось, во всех остальных он подлежал наказанию за это), но уж после этого он не имел права требовать другого удовлетворения, ибо

> «за один и тот же проступок полагается либо искупление вины, либо месть, но не то и другое вместе»[150].

Причины, в силу которых жена могла требовать развода, ничего не теряя из своих прав при разделе имущества, были весьма разнообразны: достаточно было дурного запаха изо рта у мужа. Подлежащие выплате вождю племени или королю выкупные деньги за право первой ночи (gobr merch, откуда средневековое название marcheta, по-французски — marquette)

играют в сборнике законов значительную роль. Женщины пользовались правом голоса в народных собраниях. Добавим к этому, что для Ирландии доказано существование подобных же порядков; что там также совершенно обычными были браки на время и жене при разводе обеспечивались точно установленные большие преимущества, даже возмещение за ее работу по домашнему хозяйству; что там встречалась «первая жена» наряду с другими женами и не делалось никакого различия при дележе наследства между брачными и внебрачными детьми. Таким образом, перед нами картина парного брака, по сравнению с которым: существующая в Северной Америке форма брака кажется строгой, но в XI веке это и не удивительно у народа, который еще во времена Цезаря жил в групповом браке.

Существование ирландского рода (sept, племя называлось clainne, клан) подтверждается и описание его дается не только в древних сборниках законов, но и английскими юристами XVII века, которые были присланы в Ирландию для превращения земель кланов в коронные владения английского короля. Земля вплоть до самого этого времени была общей собственностью клана или рода, если только она не была уже превращена вождями в их частные домениальные владения. Когда умирал какой-нибудь член рода и, следовательно, одно из хозяйств переставало существовать, старейшина (caput cognationis, как называли его английские юристы) предпринимал новый передел всей земли между оставшимися хозяйствами. Последний производился, вероятно, в общем по правилам, действующим в Германии. Еще в настоящее время кое-где в деревнях встречаются поля, входящие в так называемую систему rundale, сорок или пятьдесят лет тому назад таких полей было очень много. Крестьяне, индивидуальные арендаторы земли, ранее принадлежавшей всему роду, а затем захваченной английскими завоевателями, вносят каждый арендную плату за свой участок, но соединяют всю пахотную и луговую землю своих участков вместе, делят ее в зависимости от расположения и качества на «коны» [«Gewanne»], как они называются на Мозеле, и предоставляют каждому его долю в каждом коне; болота и выгоны находятся в общем пользовании. Еще пятьдесят лет тому назад время от времени, иногда ежегодно, производились переделы. Межевой план такой деревни, где действует система rundale, выглядит совершенно так же, как план какой-нибудь немецкой подворной общины [Gehoferschaft] на Мозеле или в Хохвальде. Род продолжает жить также и в «factions»[*], Ирландские кре-

[*] — «партиях». *Ред.*

стьяне часто делятся на партии, которые различаются по совершенно бессмысленным или нелепым на внешний взгляд признакам, абсолютно непонятным для англичан, и как будто не преследуют никакой другой цели, кроме излюбленных в торжественные дни потасовок этих партий между собой. Это — искусственное возрождение уничтоженных родов, заменитель их, появившийся после их гибели, своеобразно свидетельствующий о живучести унаследованного родового инстинкта. Впрочем, в некоторых местностях члены рода еще живут вместе на старой территории; так, еще в тридцатых годах значительное большинство жителей графства Монахан имело всего четыре фамилии, то есть происходило от четырех родов или кланов*.

В Шотландии гибель родового строя совпадает с подавлением восстания 1745 года[152]. Остается еще исследовать, какое именно звено этого строя представляет шотландский клан, но что он является таким звеном, не подлежит сомнению. В романах Вальтера Скотта перед нами, как живой, встает этот клан горной Шотландии. Этот клан, — говорит Морган, —

> «превосходный образец рода по своей организации и по своему духу, разительный пример власти родового быта над членами рода... В их распрях и в их кровной мести, в распределении территории по кланам, в их совместном землепользовании, в верности членов клана вождю и друг другу мы обнаруживаем повсеместно устойчивые черты родового общества... Происхождение считалось в соответствии с отцовским правом, так что дети мужчин оставались в клане, тогда как дети женщин переходили в кланы своих отцов»[153].

Но что ранее в Шотландии господствовало материнское право, доказывает тот факт, что, по свидетельству Беды, в королевской фамилии пиктов наследование происходило по женской

* За несколько дней, проведенных в Ирландии[151], я снова живо осознал, в какой степени еще сельское население живет там представлениями родовой эпохи. Землевладелец, у которого крестьянин арендует землю, представляется последнему все еще своего рода вождем клана, обязанным распоряжаться землей в интересах всех; крестьянин полагает, что уплачивает ему дань в форме арендной платы, но в случае нужды должен получить от него помощь. Там считают также, что всякий более богатый человек обязан помогать своим менее состоятельным соседям, когда они оказываются в нужде. Такая помощь — не милостыня, она по праву полагается менее состоятельному члену клана от более богатого или от вождя клана. Понятны жалобы экономистов и юристов на невозможность внушить ирландскому крестьянину понятие о современной буржуазной собственности; собственность, у которой одни только права и никаких обязанностей, просто не умещается в голове ирландца. Но понятно также, что ирландцы, внезапно попадающие со столь наивными, свойственными родовому строю, представлениями в большие английские или американские города, в среду с совершенно иными нравственными и правовыми воззрениями, — что такие ирландцы легко оказываются совершенно сбитыми с толку в вопросах морали и права, теряют всякую почву под ногами и часто в массовом масштабе становятся жертвами деморализации. *(Примечание Энгельса к изданию 1891 года.)*

линии[154]. Даже пережиток пуналуальной семьи сохранялся как у уэльсцев, так и у скоттов вплоть до средних веков в виде права первой ночи, которым, если оно не было выкуплено, мог воспользоваться по отношению к каждой невесте вождь клана или король в качестве последнего представителя прежних общих мужей*.

* * *

Не подлежит сомнению, что германцы вплоть до переселения народов были организованы в роды. Они, по-видимому, заняли территорию между Дунаем, Рейном, Вислой и северными морями только за несколько столетий до нашей эры; переселение кимвров и тевтонов было тогда еще в полном разгаре, а свевы прочно осели только во времена Цезаря. О последних Цезарь определенно говорит, что они расселились родами и родственными группами (gentibus cognationibusque)[155], а в устах римлянина из gens Julia** это слово gentibus имеет вполне определенное и бесспорное значение. Это относилось ко всем германцам; даже в завоеванных римских провинциях они еще селились, по-видимому, родами. В «Алеманнской правде» подтверждается, что на завоеванной земле к югу от Дуная народ расселился родами (genealogiae)[156]; понятие genealogia употреблено здесь совершенно в том же смысле, как позднее община-марка или сельская община***. Недавно Ковалевский высказал взгляд, что эти genealogiae представляли собой крупные домашние общины, между которыми была разделена земля и из которых лишь впоследствии развилась сельская община[157]. То же

* В издании 1884 г. за этими словами следует текст, опущенный Энгельсом в издании 1891 года: «Такое же право — в Северной Америке оно встречается на крайнем северо-западе довольно часто — действовало также и у русских; его отменила великая княгиня Ольга в X веке». Далее приводится абзац о «коммунистических хозяйствах крепостных семей в Ниверне и Франш-Конте, подобных славянским семейным общинам в сербско-хорватских землях», перенесенный Энгельсом в издании 1891 г. в главу II и включенный им в несколько измененном виде в одно из добавлений к этой главе (см. настоящий том, стр. 62—63). *Ред.*

** — рода Юлиев. *Ред.*

*** Дальнейший текст до слов: «Как у мексиканцев и греков, так и у германцев» (см. настоящий том, стр. 136) включен Энгельсом в издание 1891 г. вместо напечатанного в издании 1884 г. следующего текста: «Таким образом мы видим, что один из германских народов, и именно опять-таки свевы, расселился здесь родами, gentes, и каждому роду была отведена определенная территория. У бургундов и лангобардов род назывался fara, а употребляемое в «Бургундской правде» наименование членов рода (faramanni) одновременно означает также и самих бургундов, в противоположность римскому населению, которое, естественно, не входило в состав бургундских родов. Распределение земель происходило, следовательно, у бургундов также по родам. Так решается вопрос о faramanni, над которым сотни лет понапрасну ломали головы германские юристы. Название fara едва ли было общим обозначением рода у всех германцев, хотя мы и находим его у одного народа готской и у другого народа герминонской (верхненемецкой) ветви. В немецком языке существует большое количество корней, применяемых для обозначения родства, и они одновременно используются в выражениях, которые, как мы можем предположить, имеют отношение к роду». *Ред.*

самое может относиться тогда и к fara, выражению, которое у бургундов и лангобардов, — следовательно, у готского и герминонского, или верхненемецкого, племени, — обозначало почти, если не совсем то же самое, что и слово genealogia в «Алеманнской правде». Действительно ли перед нами род или домашняя община — подлежит еще дальнейшему исследованию.

Памятники языка оставляют перед нами открытым вопрос относительно того, существовало ли у всех германцев общее выражение для обозначения рода — и какое именно. Этимологически греческому genos, латинскому gens соответствует готское kuni, средневерхненемецкое kunne, и употребляется это слово в том же самом смысле. На времена материнского права указывает то, что слово для обозначения женщины происходит от того же корня: греческое gyne, славянское zena, готское qvino, древнескандинавское kona, kuna. — У лангобардов и бургундов мы встречаем, как уже сказано, слово fara, которое Гримм выводит от гипотетического корня fisan — рождать. Я предпочел бы исходить из более очевидного происхождения от faran — ездить[*], кочевать, возвращаться, как обозначения некоторой определенной части кочующей группы, состоящей, само собой разумеется, только из родственников, — обозначения, которое за время многовековых переселений сначала на восток, а затем на запад постепенно было перенесено на саму родовую общину. — Далее, готское sibja, англосаксонское sib, древневерхненемецкое sippia, sippa — родня[**]. В древнескандинавском языке встречается лишь множественное число sifjar — родственники; в единственном числе — только как имя богини Сиф [Sif]. — И, наконец, в «Песне о Хильдебранде»[158] попадается еще другое выражение, именно в том месте, где Хильдебранд спрашивает Хадубранда:

«Кто твой отец среди мужчин в народе... или из какого ты рода?» («eddo huelihhes *cnuosles* du sis»).

Если только вообще существовало общее германское обозначение для рода, то оно, очевидно, звучало как готское kuni; за это говорит не только тождество с соответствующим выражением в родственных языках, но и то обстоятельство, что от него происходит слово kuning — король[***], которое первоначально обозначает старейшину рода или племени. Слово sibja, родня, не приходится, по-видимому, принимать в расчет; по крайней мере, sifjar означает на древнескандинавском языке

[*] — по-немецки fahren. *Ред.*
[**] — по-немецки Sippe. *Ред.*
[***] — по-немецки Konig. *Ред.*

не только кровных родственников, но и свойственников, то есть включает членов по меньшей мере *двух родов:* само слово sif, таким образом, не могло быть обозначением рода.

Как у мексиканцев и греков, так и у германцев построение боевого порядка в отряде конницы и в клиновидной колонне пехоты происходило по родовым объединениям; если Тацит говорит: по семьям и родственным группам[159], то это неопределенное выражение объясняется тем, что в его время род в Риме давно перестал существовать как жизнеспособная единица.

Решающее значение имеет то место у Тацита, где говорится, что брат матери смотрит на своего племянника как на сына, а некоторые даже считают кровные узы, связывающие дядю с материнской стороны и племянника, более священными и тесными, чем связь между отцом и сыном, так что, когда требуют заложников, сын сестры признается большей гарантией, чем собственный сын того человека, которого хотят связать этим актом. Здесь мы имеем живой пережиток рода, организованного в соответствии с материнским правом, следовательно первоначального, и притом такого, который составляет отличительную черту германцев[*]. Если член такого рода отдавал собственного сына в залог какого-либо торжественного обязательства и сын становился жертвой нарушения отцом договора, то это было только делом самого отца. Но если жертвой оказывался сын сестры, то этим нарушалось священнейшее родовое право; ближайший сородич мальчика или юноши, обязанный больше всех других охранять его, становился виновником его смерти; этот сородич либо не должен был делать его заложником, либо обязан был выполнить договор. Если бы мы даже не обнаружили никаких других следов родового строя у германцев, то было бы достаточно одного этого места[**].

Еще более решающее значение, поскольку это свидетельство относится к периоду более позднему, спустя почти 800 лет,

---

[*] Особенно тесная по своей природе связь между дядей с материнской стороны и племянником, ведущая свое происхождение от эпохи материнского права и встречающаяся у многих народов, известна грекам только в мифологии героического периода. Согласно Диодору (IV, 34), Мелеагр убивает сыновей Тестия, братьев своей матери Алтеи. Последняя видит в этом поступке такое ничем не искупимое преступление, что проклинает убийцу, своего собственного сына, и призывает на него смерть» «Боги, как рассказывают, вняли ее желаниям и прервали жизнь Мелеагра». По словам того же Диодора (IV, 43 и 44), аргонавты под предводительством Геракла высаживаются во Фракии и находят там, что Финей, подстрекаемый своей новой женой, подвергает позорному истязанию своих двух сыновей, рожденных от отвергнутой жены его, Бореады Клеопатры. Но среди аргонавтов оказываются также Бореады, братья Клеопатры, то есть братья матери истязуемых. Они тотчас же вступаются за своих племянников, освобождают их и убивают стражу[160].

[**] Дальнейший текст до слов: «Впрочем во времена Тацита» (см. настоящий том, стр. 137) добавлен Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

имеет одно место из древнескандинавской песни о сумерках богов и гибели мира «Voluspa»[161]. В этом «Вещании провидицы», в которое, как доказано теперь Бангом и Бугге[162], вплетены также и элементы христианства, при описании эпохи всеобщего вырождения и испорченности, предшествующей великой катастрофе, говорится:

«Broedhr munu berjask ok at bonum verdask,
munu *systrungar* sifjum spilla».

«Братья будут между собой враждовать и убивать друг друга,
дети сестер порвут узы родства».

Systrungr — значит сын сестры матери, и то обстоятельство, что они, дети сестер, отрекутся от взаимного кровного родства, представляется поэту еще большим преступлением, чем братоубийство. Это усугубление преступления выражено в слове systrungar, которое подчеркивает родство с материнской стороны; если бы вместо этого стояло syskina-born — дети братьев и сестер — или syskina-synir — сыновья братьев и сестер, то вторая строка означала бы по отношению к первой не усугубление, а смягчение. Таким образом, даже во времена викингов, когда возникло «Вещание провидицы», в Скандинавии еще не исчезло воспоминание о материнском праве.

Впрочем, во времена Тацита у германцев, по крайней мере у более ему известных*, материнское право уступило уже место отцовскому; дети наследовали отцу; при отсутствии детей наследовали братья и дяди с отцовской и материнской стороны. Допущение к участию в наследовании брата матери связано с сохранением только что упомянутого обычая и также доказывает, как ново еще было тогда отцовское право у германцев. Следы материнского права обнаруживаются также еще долго в эпоху средневековья. Еще в ту пору, по-видимому, не очень полагались на происхождение от отца, в особенности у крепостных; так, когда феодал требовал обратно от какого-нибудь города сбежавшего крепостного, то, как например, в Аугсбурге, Базеле, Кайзерслаутерне, крепостное состояние ответчика должны были под клятвой подтвердить шесть его ближайших кровных родственников, и притом исключительно с материнской стороны (Маурер, «Городское устройство», I, стр. 381[163]).

Еще один пережиток только что отмершего материнского права можно видеть в том уважении германцев к женскому полу, которое для римлянина было почти непостижимым. Девушки из благородной семьи признавались самыми надежными

* Слова «по крайней мере более ему известных» добавлены Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

заложниками при заключении договоров с германцами; мысль о том, что их жены и: дочери могут попасть в плен и рабство, для них ужасна и больше всего другого возбуждает их мужество в бою; в женщине они видят нечто священное и пророческое; они прислушиваются к ее совету даже в важнейших делах; так, Веледа, жрица племени бруктеров на Липпе, была душой всего восстания батавов, во время которого Цивилис во главе германцев и белгов поколебал римское владычество во всей Галлии[164]. Дома господство жены, по-видимому, бесспорно; правда, на ней, на стариках и детях лежат все домашние работы; муж охотится, пьет или бездельничает. Так говорит Тацит; но так как он не говорит, кто обрабатывает поле, и определенно заявляет, что рабы платили только оброк, но не отбывали никакой барщины, то, очевидно, масса взрослых мужчин все же должна была выполнять ту небольшую работу, какую требовало земледелие.

Формой брака был, как уже сказано выше, постепенно приближающийся к моногамии парный брак. Строгой моногамией это еще не было, так как допускалось многоженство знатных. Целомудрие девушек в общем соблюдалось строго (в противоположность кельтам), и равным образом Тацит с особой теплотой отзывается о нерушимости брачного союза у германцев. Как основание для развода он приводит только прелюбодеяние жены. Но его рассказ оставляет здесь много пробелов и, кроме того, он слишком явно служит зеркалом добродетели для развращенных римлян. Несомненно одно: если германцы и были в своих лесах этими исключительными рыцарями добродетели, то достаточно было только малейшего соприкосновения с внешним миром, чтобы низвести их на уровень остальных средних европейцев; последний след строгости нравов исчез среди римского мира еще значительно быстрее, чем германский язык. Достаточно лишь почитать Григория Турского. Само собой разумеется, что в германских девственных лесах не могли, как в Риме, господствовать изощренные излишества в чувственных наслаждениях, и, таким образом, за германцами и в этом отношении остается достаточное преимущество перед римским миром, если даже мы не будем приписывать им того воздержания в плотских делах, которое нигде и никогда не было общим правилом для целого народа.

Из родового строя вытекало обязательство наследовать не только дружеские связи, но и враждебные отношения отца или родственников; равным образом наследовался вергельд — искупительный штраф, уплачиваемый вместо кровной мести за убийство или нанесение ущерба. Существование этого вер-

гельда, признававшегося еще прошлым поколением специфически германским институтом, теперь доказано для сотен народов. Это общая форма смягчения кровной мести, вытекающей из родового строя. Мы встречаем ее, как и обязательное гостеприимство, также, между прочим, и у американских индейцев; описание обычаев гостеприимства у Тацита («Германия», гл. 21) почти до мелочей совпадает с рассказом Моргана о гостеприимстве его индейцев.

Горячий и бесконечный спор о том, окончательно ли поделили уже германцы времен Тацита свои поля или нет и как понимать относящиеся сюда места, — принадлежит теперь прошлому. После того как доказано, что почти у всех народов существовала совместная обработка пахотной земли родом, а в дальнейшем — коммунистическими семейными общинами, которые, по свидетельству Цезаря, имелись еще у свевов[165], и что на смену этому порядку пришло распределение земли между отдельными семьями с периодическими новыми переделами этой земли, после того как установлено, что этот периодический передел пахотной земли местами сохранился в самой Германии до наших дней, едва ли стоит даже упоминать об этом. Если германцы за 150 лет, отделяющих рассказ Цезаря от свидетельства Тацита, перешли от совместной обработки земли, которую Цезарь определенно приписывает свевам (поделенной или частной пашни у них нет совсем, говорит он), к обработке отдельными семьями с ежегодным переделом земли, то это действительно значительный прогресс; переход от совместной обработки земли к полной частной собственности на землю за такой короткий промежуток времени и без всякого вмешательства извне представляется просто невозможным. Я читаю, следовательно, у Тацита только то, что у него лаконично сказано: они меняют (или заново переделяют) обработанную землю каждый год, и при этом остается еще достаточно общей земли[166]. Это та ступень земледелия и землепользования, какая точно соответствует тогдашнему родовому строю германцев[*].

Предыдущий абзац я оставляю без изменений, каким он был в прежних изданиях. За это время дело приняло другой оборот. После того как Ковалевский (см. выше, стр. 44[**]) доказал широкое, если не повсеместное, распространение патриархальной домашней общины как промежуточной ступени между коммунистической семьей, основанной на материнском праве, и современной изолированной семьей, речь идет уже больше

[*] Дальнейший текст до слов: «Тогда как у Цезаря германцы» (см. настоящий том, стр. 141) добавлен Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 61—62. *Ред.*

не о том, как это было в споре между Маурером и Вайцем, — общая или частная собственность на землю, а о том, какова была *форма* общей собственности. Нет никакого сомнения, что во времена Цезаря у свевов существовала не только общая собственность, но и совместная обработка земли общими силами. Еще долго можно будет спорить о том, был ли хозяйственной единицей род, или ею была домашняя община, или какая-нибудь промежуточная между ними коммунистическая родственная группа, либо же, в зависимости от земельных условий, существовали все три группы. Но вот Ковалевский утверждает, что описанные Тацитом порядки предполагают существование не общины-марки или сельской общины, а домашней общины; только из этой последней много позднее, в результате роста населения, развилась сельская община.

Согласно этому взгляду, поселения германцев на территориях, занимаемых ими во времена Рима, как и на отнятых ими впоследствии у римлян, состояли не из деревень, а из больших семейных общин, которые охватывали несколько поколений, занимали под обработку соответствующий участок земли и пользовались окружающими пустошами вместе с соседями, как общей маркой. То место у Тацита, где говорится, что они меняют обработанную землю, следует тогда действительно понимать в агрономическом смысле: община каждый год запахивала другой участок, а пашню прошлого года оставляла под паром или совсем давала ей зарасти. При редком населении всегда оставалось достаточно свободных пустошей, что делало излишними всякие споры из-за обладания землей. Только спустя столетия, когда число членов домашних общин так возросло, что при тогдашних условиях производства становилось уже невозможным ведение общего хозяйства, эти общины распались; находившиеся до того в общем владении пашни и луга стали подвергаться разделу по уже известному способу между возникавшими теперь отдельными домашними хозяйствами, сначала на время, позднее — раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались общими.

Для России такой ход развития представляется исторически вполне доказанным. Что же касается Германии и, во вторую очередь, остальных германских стран, то нельзя отрицать, что это предположение во многих отношениях лучше объясняет источники и легче разрешает трудности, чем господствовавшая до сих пор точка зрения, которая отодвигала существование сельской общины еще ко временам Тацита. Древнейшие документы, как например Codex Laureshamensis[167], в общем гораздо лучше объясняются при помощи домашней общины, чем сель-

ской общины-марки. С другой стороны, это объяснение, в свою очередь, вызывает новые трудности и новые вопросы, которые еще требуют своего разрешения. Здесь могут привести к окончательному решению только новые исследования; я, однако, не могу отрицать большую вероятность существования домашней общины как промежуточной ступени также в Германии, Скандинавии и Англии.

Тогда как у Цезаря германцы частью только что осели на землю, частью еще отыскивали места постоянного поселения, во времена Тацита они имеют уже позади себя целое столетие оседлой жизни; этому соответствовал и несомненный прогресс в производстве средств существования. Они живут в бревенчатых домах, носят еще примитивную одежду жителей лесов: грубый шерстяной плащ, звериную шкуру; у женщин и знати — полотняная нижняя одежда. Пищу их составляют молоко, мясо, дикие плоды и, как добавляет Плиний, овсяная каша[168] (еще и поныне кельтское национальное блюдо в Ирландии и Шотландии). Их богатство заключается в скоте, но плохой породы: быки и коровы — низкорослые, невзрачные, без рогов; лошади — маленькие пони и плохие скакуны. Деньги употреблялись редко и мало, притом только римские. Изделий из золота и серебра они не изготовляли и не ценили, железо было редко и, по крайней мере у племен, живших по Рейну и Дунаю, по-видимому, почти исключительно ввозилось, а не добывалось самостоятельно. Рунические письмена (подражание греческим или латинским буквам) были известны лишь как тайнопись и служили только для религиозно-магических целей. Еще было в обычае принесение в жертву людей. Одним словом, здесь перед нами народ, только что поднявшийся со средней ступени варварства на высшую. Но в то время как у непосредственно граничивших с римлянами племен развитию самостоятельного металлического и текстильного производства мешала легкость ввоза продуктов римской промышленности, такое производство, вне всякого сомнения, было создано на северо-востоке, на побережье Балтийского моря.. Найденные в болотах Шлезвига вместе с римскими монетами конца II века предметы вооружения — длинный железный меч, кольчуга, серебряный шлем и т. п., а также распространившиеся благодаря переселению народов германские металлические изделия представляют собой отличающийся довольно высоким уровнем развития совершенно своеобразный тип даже в тех случаях, когда они приближаются к первоначальным римским образцам. Переселение в цивилизованную Римскую империю положило конец этому самобытному производству всюду, кроме Англии. Какое

единообразие обнаруживается в возникновении и дальнейшем развитии этого производства, показывают, например, бронзовые застежки; эти застежки, найденные в Бургундии, в Румынии, на берегах Азовского моря, могли выйти из той же мастерской, что и английские и шведские, и они столь же несомненно германского происхождения.

Высшей ступени варварства соответствует и организация управления. Повсеместно существовал, согласно Тациту, совет старейшин (principes), который решал более мелкие дела, а более важные подготовлял для решения в народном собрании; последнее на низшей ступени варварства, по крайней мере там, где мы о нем знаем, у американцев, существует только для рода, но не для племени или союза племен. Старейшины (principes) еще резко отличаются от военных вождей (duces), совсем как у ирокезов. Первые живут уже отчасти за счет почетных приношений от членов племени скотом, зерном и пр.; их выбирают, как в Америке, большей частью из одной и той же семьи; переход к отцовскому праву благоприятствует, как в Греции и Риме, постепенному превращению выборного начала в наследственное право и тем самым возникновению знатной семьи в каждом роде. Эта древняя так называемая племенная знать в большинстве своем погибла при переселении народов или же вскоре после него. Военачальники избирались независимо от происхождения, исключительно по способности. Их власть была невелика, и они должны были влиять своим примером; собственно дисциплинарную власть в войске Тацит определенно приписывает жрецам. Действительная власть сосредоточивалась у народного собрания. Король или старейшина племени председательствует; народ выносит свое решение: отрицательное — ропотом, утвердительное — возгласами одобрения и бряцанием оружия. Народное собрание служит вместе с тем и судом; сюда обращаются с жалобами и здесь же их разрешают, здесь выносят смертные приговоры, причем смерть полагается только за трусость, измену своему народу и противоестественные пороки. Внутри родов и других подразделений суд также вершат все сообща под председательством старейшины, который, как и во всем германском древнем судопроизводстве, мог только руководить процессом и ставить вопросы; приговор у германцев всегда и повсюду выносился всем коллективом.

Со времени Цезаря образовались союзы племен; у некоторых из них были уже короли; верховный военачальник, как у греков и римлян, уже домогался тиранической власти и иногда достигал ее. Такие удачливые узурпаторы, однако, отнюдь не были неограниченными властителями; но они уже начинали разбивать

оковы родового строя. В то время как вольноотпущенные рабы вообще занимали подчиненное положение, так как они не могли принадлежать ни к какому роду, у новых королей любимцы из их среды часто достигали высоких постов, богатства и почета. То же самое происходило после завоевания Римской империи с военачальниками, которые теперь становились королями крупных стран. У франков рабы и вольноотпущенники короля играли большую роль сначала при дворе, а затем в государстве; большая часть новой знати ведет свое происхождение от них.

Возникновению королевской власти содействовал один институт — дружины. Уже у американских краснокожих мы видели, как рядом с родовым строем создаются частные объединения для ведения войны на свой страх и риск. Эти частные объединения стали у германцев уже постоянными союзами. Военный вождь, приобретший славу, собирал вокруг себя отряд жаждавших добычи молодых людей, обязанных ему личной верностью, как и он им. Он содержал и награждал их, устанавливал известную иерархию между ними; для малых походов они служили ему отрядом телохранителей и всегда готовым к выступлению войском, для более крупных — готовым офицерским корпусом. Как ни слабы должны были быть эти дружины и как ни слабы они действительно оказались, например, позже у Одоакра в Италии, все же в их существовании таился уже зародыш упадка старинной народной свободы, и такую именно роль они сыграли во время переселения народов и после него. Ибо, во-первых, они благоприятствовали возникновению королевской власти; во-вторых, как замечает уже Тацит, их можно было удержать как организованное целое только путем постоянных войн и разбойничьих набегов. Грабеж стал целью. Если предводителю дружины нечего было делать поблизости, он направлялся со своими людьми к другим народам, у которых происходила война и можно было рассчитывать на добычу; германские вспомогательные войска, которые в большом количестве сражались под римским знаменем даже против самих же германцев, набирались частично из таких дружин. Система военного наемничества — позор и проклятие немцев — была уже здесь налицо в своей первоначальной форме. После завоевания Римской империи эти дружинники королей образовали, наряду с придворными слугами из числа несвободных и римлян, вторую из главных составных частей позднейшей знати.

Таким образом, в общем, у объединявшихся в народы германских племен существовала такая же организация управления, как та, которая получила развитие у греков героической эпохи и у римлян эпохи так называемых царей: народное собрание,

совет родовых старейшин, военачальник, стремившийся уже к подлинной королевской власти. Это была наиболее развитая организация управления, какая вообще могла сложиться при родовом строе; для высшей ступени варварства она была образцовой. Стоило обществу выйти из рамок, внутри которых эта организация управления удовлетворяла своему назначению, наступал конец родовому строю; он разрушался, его место заступало государство.

VIII
ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА У ГЕРМАНЦЕВ

Германцы, по свидетельству Тацита, были очень многочисленным народом. Приблизительное представление о численности отдельных германских народов мы получаем у Цезаря; он определяет число появившихся на левом берегу Рейна узипетов и тенктеров в 180000 человек, включая женщин и детей,. Следовательно, около 100000 человек приходилось на каждый отдельный народ[*], что уже значительно превышало, например, общее число ирокезов в период их расцвета, когда они, не достигая 20000 человек, стали грозой всей страны, от Великих озер до Огайо и Потомака. Если мы попытаемся наметить на карте, как, согласно дошедшим до нас сведениям, были расположены более известные народы, поселившиеся вблизи Рейна, то каждый такой народ в отдельности займет в среднем приблизительно площадь прусского административного округа, то есть около 10000 кв. километров, или 182 кв. географические мили. Но Germania Magna[**] римлян охватывает, вплоть до Вислы, в круглых цифрах 500000 кв. километров. При средней численности отдельных народов в 100000 человек общая численность населения всей Germania Magna должна была доходить до пяти миллионов; для варварской группы народов — цифра значительная, для наших условий — 10 человек на квадратный километр,

[*] Принятое здесь число подтверждается одним местом у Диодора о галльских кельтах: «В Галлии живет много народностей неодинаковой численности. У крупнейших из них численность населения достигает приблизительно 200000 человек, у самых малых — 50000» (Diodorus Siculus, V, 25). В среднем, следовательно, — 125000; галльские отдельные народы, ввиду более высокой ступени их развития, безусловно следует считать несколько большими по численности, чем германские.

[**] — Великая Германия. *Ред.*

или 550 на квадратную географическую милю, — крайне малая. Но этим отнюдь не исчерпывается число живших в то время германцев. Мы знаем, что вдоль Карпат до самого устья Дуная жили германские народы готской группы племен — бастарны, певкины и другие, столь многочисленные, что Плиний считал их пятой основной группой германских племен[169]; эти племена, которые уже за 180 лет до нашего летосчисления состояли наемниками на службе у македонского царя Персея, еще в первые годы правления Августа прорвались до окрестностей Адрианополя. Если мы определим их численность только в один миллион, то вероятное число германцев к началу нашего летосчисления составит по меньшей мере шесть миллионов.

После того как они осели в Германии, население должно было увеличиваться со все возрастающей быстротой; одни вышеупомянутые успехи в области развития производства могли бы доказать это. Находки в болотах Шлезвига, судя по обнаруженным в них римским монетам, относятся к III веку. Таким образом, к этому времени на побережье Балтийского моря уже было распространено развитое производство металлических и текстильных изделий, велись оживленные торговые сношения с Римской империей и более богатые жили уже в известной роскоши — все это признаки более густого населения. Около этого же времени начинается также общее военное наступление германцев по всей линии Рейна, римского пограничного вала и Дуная, от Северного до Черного моря — прямое доказательство все большего роста населения, которое стремилось к расширению своих владений. Триста лет длилась борьба, во время которой вся основная часть готских народов (исключая скандинавских готов и бургундов) двинулась на юго-восток и образовала левое крыло растянутой линии наступления, в центре которой верхнегерманцы (герминоны) прорвались на Верхний Дунай, а на правом крыле искевоны, получившие теперь название франков, — на Рейн; на долю ингевонов выпало завоевание Британии. В конце V века путь в Римскую империю, обессиленную, обескровленную и беспомощную, был открыт для вторгнувшихся германцев.

Выше мы стояли у колыбели античной греческой и римской цивилизации. Здесь мы стоим у ее могилы. По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия, не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все они стали римлянами.

Римское управление и римское право повсюду разрушили древние родовые объединения, а тем самым и последние остатки местной и национальной самодеятельности. Новоиспеченное римское гражданство ничего не предлагало взамен; оно не выражало никакой национальности, а было лишь выражением отсутствия национальности. Элементы новых наций были повсюду налицо; латинские диалекты различных провинций все больше и больше расходились между собой; естественные границы, сделавшие когда-то Италию, Галлию, Испанию, Африку самостоятельными территориями, еще существовали и все еще давали себя чувствовать. Но нигде не было налицо силы, способной соединить эти элементы в новые нации; нигде еще не было и следа способности к развитию и сопротивлению, не говоря уже о творческой энергии. Для громадной массы людей, живших на огромной территории, единственной объединяющей связью служило римское государство, а это последнее со временем сделалось их злейшим врагом и угнетателем. Провинции уничтожили Рим; Рим сам превратился в провинциальный город, подобный другим, привилегированный, но уже не господствующий более, переставший быть центром мировой империи и даже резиденцией императоров, а также их наместников; они жили теперь в Константинополе, Трире, Милане. Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных. Налоги, государственные повинности и разного рода поборы ввергали массу населения во все более глубокую нищету; этот гнет усиливали и делали невыносимым вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат. Вот к чему пришло римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне; но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей.

Состояние общества было не менее отчаянным. Уже начиная с последних времен республики, римское владычество основывалось на беспощадной эксплуатации завоеванных провинций; империя не только не устранила этой эксплуатации, а, напротив, превратила ее в систему. Чем более империя приходила в упадок, тем больше возрастали налоги и повинности, тем бесстыднее грабили и вымогали чиновники. Торговля и промышленность никогда не были делом римлян — покорителей народов; только в ростовщичестве они превзошли все, что было до и после них. То, что имелось ранее и что сохранилось от торговли, погибло из-за вымогательства чиновников; то, что уцелело от нее,

относится к восточной, греческой части империи, которая выходит за рамки нашего рассмотрения. Всеобщее обнищание, упадок торговли, ремесла и искусства, сокращение населения, запустение городов, возврат земледелия к более низкому уровню — таков был конечный результат римского мирового владычества.

Земледелие, решающая отрасль производства во всем древнем мире, теперь снова, более чем когда-либо, приобрело такое значение. В Италии громадные комплексы имений (латифундии), после падения республики охватывавшие почти всю территорию, использовались двояким образом: либо под пастбища, и там население было заменено овцами и быками, уход за которыми требовал лишь небольшого числа рабов; либо в качестве вилл, где руками массы рабов велось садоводство в больших размерах — отчасти для удовлетворения потребностей живущего в роскоши владельца, отчасти для сбыта на городских рынках. Крупные пастбища сохранились и были даже расширены; поместья-виллы и их садоводство пришли в упадок вместе с разорением их владельцев и запустением городов. Основанное на рабском труде хозяйство латифундий перестало приносить доход; но в ту эпоху оно было единственно возможной формой крупного сельского хозяйства. Мелкое хозяйство снова сделалось единственно выгодной формой земледелия. Одна вилла за другой дробились на мелкие парцеллы, последние передавались наследственным арендаторам, уплачивавшим определенную сумму, или их получали partiarii* которые были скорее управляющими, чем арендаторами, и получали за свой труд шестую, а то и всего лишь девятую часть годового продукта. Преобладала, однако, сдача этих мелких парцелл колонам, которые уплачивали ежегодно определенную сумму, были прикреплены к земле и могли быть проданы вместе со своей парцеллой; они, правда, не были рабами, но и не считались свободными, не могли вступать в брак со свободными, и их браки между собой рассматривались не как законные, а, подобно бракам рабов, как простое сожительство (contubernium). Они были предшественниками средневековых крепостных.

Античное рабство пережило себя. Ни в крупном сельском хозяйстве, ни в городских мануфактурах оно уже не приносило дохода,, оправдывавшего затраченный труд, — рынок для его продуктов исчез. А в мелком земледелии и мелком ремесле, до размеров которых сократилось огромное производство времен расцвета империи, не могло найти применение большое число рабов. Только для рабов, обслуживавших домашнее хозяйство

* — дольщики. *Ред.*

и роскошную жизнь богачей, оставалось еще место в обществе. Но отмирающее рабство все еще было в состоянии поддерживать представление о всяком производительном труде, как о рабском деле, недостойном свободных римлян, а таковыми теперь были все граждане. Результатом было, с одной стороны, — увеличение числа отпускаемых на волю рабов, излишних и ставших обузой, а с другой стороны, — увеличение числа колонов и обнищавших свободных (напоминающих poor whites* бывших рабовладельческих штатов Америки). Христианство совершенно неповинно в постепенном отмирании античного рабства. Оно в течение целых столетий уживалось в Римской империи с рабством и впоследствии никогда не препятствовало работорговле у христиан: ни у германцев на севере, ни у венецианцев на Средиземном море, ни позднейшей торговле неграми**. Рабство перестало окупать себя и потому отмерло. Но умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в виде презрения свободных к производительному труду. То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось невозможным экономически, труд свободных считался презренным с точки зрения морали. Первое уже не могло, второй еще не мог быть основной формой общественного производства. Вывести из этого состояния могла только коренная революция.

В провинциях дело обстояло не лучше. Больше всего сведений мы имеем относительно Галлии. Наряду с колонами здесь существовали еще свободные мелкие крестьяне. Чтобы оградить себя от насилия чиновников, судей и ростовщиков, они часто прибегали к покровительству, патронату какого-нибудь могущественного лица; так поступали не только отдельные крестьяне, но и целые общины, так что императоры в IV веке неоднократно издавали эдикты о запрещении этого. Но что это давало искавшим покровительства? Патрон ставил им условие, чтобы они передавали ему право собственности на их земельные участки, а он взамен этого обеспечивал им пожизненное пользование последними. Эту уловку усвоила святая церковь и усердно применяла в IX и X веках в целях расширения царства божьего и своих собственных земельных владений. Правда, тогда, примерно в 475 г., епископ Сальвиан Марсельский еще возмущается против такого грабежа и рассказывает, что гнет римских чиновников и крупных землевладельцев сделался столь невыно-

* — белых бедняков. *Ред.*

** По словам епископа Лиутпранда Кремонского, в X вене в Вердене, следовательно в Священной германской империи, главным промыслом была фабрикация евнухов, которые с большой прибылью вывозились в Испанию для мавританских гаремов[170].

симым, что многие «римляне» бегут в местности, уже занятые варварами, а поселившиеся там римские граждане ничего так не боятся, как очутиться снова под римским владычеством[171]. О том, что в то время родители из-за бедности часто продавали своих детей в рабство, свидетельствует изданный против этого закон.

Германские варвары в награду за то, что освободили римлян от их собственного государства, отняли у них две трети всей земли и поделили ее между собой. Раздел происходил согласно порядкам родового строя; ввиду сравнительно небольшой численности завоевателей, обширные земли оставались неразделенными, во владении частью всего народа, частью отдельных племен и родов. В пределах каждого рода пахотная земля и луга были поделены между отдельными хозяйствами равными участками по жребию; повторялись ли переделы в дальнейшем — нам неизвестно, во всяком случае в римских провинциях они скоро прекратились, и отдельные участки были превращены в отчуждаемую частную собственность — аллод. Лес и выгоны оставались неподеленными в общем пользовании; это пользование ими, а также способ обработки поделенной пашни, регулировались древним обычаем и постановлениями всей общины. Чем дольше жил род в своем селе и чем больше постепенно смешивались германцы и римляне, тем больше родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; род растворялся в общине-марке, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из отношений родства членов общины. Так незаметно, по крайней мере в странах, где удержалась община-марка — на севере Франции, в Англии, Германии и Скандинавии, — родовая организация переходила в территориальную и оказалась поэтому в состоянии приспособиться к государству. Но она все же сохранила свой естественно сложившийся демократический характер, отличающий весь родовой строй, и даже в той вырождающейся форме, которая была ей навязана в дальнейшем, удержала вплоть до новейшего времени живые элементы этого строя, а тем самым оружие в руках угнетенных.

Если, таким образом, кровная связь в роде вскоре утратила свое значение, то это было следствием того, что и в племени и во всем народе его органы тоже выродились в результате завоевания. Мы знаем, что господство над покоренными несовместимо с родовым строем. Здесь мы видим это в крупном масштабе. Германские народы, ставшие господами римских провинций, должны были организовать управление этой завоеванной ими территорией. Однако невозможно было ни принять массы римлян в родовые объединения, ни господствовать над ними по-

средством последних. Во главе римских местных органов управления, вначале большей частью продолжавших существовать, надо было поставить вместо римского государства какой-то заменитель, а этим заменителем могло быть лишь другое государство. Органы родового строя должны были поэтому превратиться в органы государства, и притом, под давлением обстоятельств, весьма быстро. Но ближайшим представителем народа-завоевателя был военачальник. Защита завоеванной области от внутренней и внешней опасности требовала усиления его власти. Наступил момент для превращения власти военачальника в королевскую власть, и это превращение совершилось.

Остановимся на Франкском королевстве. Здесь победоносному народу салических франков достались в полное обладание не только обширные римские государственные имения, но также и все огромные земельные участки, оказавшиеся при разделе не включенными в общинные владения крупных и мелких округов [Gau] и общин-марок — в частности все более крупные лесные массивы. Первым делом франкского короля, превратившегося из простого верховного военачальника в настоящего монарха, было превратить это народное достояние в королевское имущество, украсть его у народа и раздать его в виде подарков или пожалований своей дружине. Эта дружина, первоначально состоявшая из его личной военной свиты и остальных подчиненных ему военачальников, скоро увеличилась не только за счет римлян, то есть романизированных галлов, которые вскоре стали для него необходимы благодаря своему умению писать, своему образованию, своему знанию романского разговорного и латинского литературного языка, а также и местного права; она увеличилась также за счет рабов, крепостных и вольноотпущенников, которые составляли его придворный штат и из среды которых он выбирал своих любимцев. Все они получали участки принадлежащей народу земли, в первое время большей частью как подарки, позднее как пожалования в форме бенефициев, причем первоначально, как правило, до конца жизни короля[172]. Так за счет парода создавалась основа новой знати.

Мало того. Ввиду обширных размеров государства нельзя было управлять, пользуясь средствами старого родового строя; совет старейшин, если он уже давно не исчез, не мог бы собираться и был вскоре заменен постоянными приближенными короля; старое народное собрание продолжало для вида существовать, но также все более и более становилось собранием лишь подчиненных королю военачальников и новой нарождающейся знати. Свободные, владевшие землей крестьяне, которые составляли массу франкского народа, были истощены

и разорены вечными междоусобными и завоевательными войнами, последними особенно при Карле Великом, точно так же как раньше римские крестьяне в последние времена республики. Эти крестьяне, из которых первоначально состояло все войско, а после завоевания территории Франции — его основное ядро, так обеднели к началу IX века, что едва только один из пяти крестьян в состоянии был выступить в поход. Место созываемого непосредственно королем ополчения свободных крестьян заняло войско, составленное из служилых людей новой народившейся знати, включая и зависимых крестьян, потомков тех, кто прежде не знал другого господина, кроме короля, а еще раньше вообще не знал никаких господ, и короля в том числе. При преемниках Карла разорение франкского крестьянского сословия было довершено внутренними войнами, слабостью королевской власти и соответственными посягательствами магнатов — к ним прибавились еще назначенные Карлом графы округов [Gaugrafen][173], стремившиеся сделать свои должности наследственными, — наконец, набегами норманнов. Через пятьдесят лет после смерти Карла Великого империя франков столь же беспомощно лежала у ног норманнов, как за четыре столетия до того Римская империя лежала у ног франков.

И почти такой же она оказалась не только по своему бессилию перед внешними врагами, но и по своему внутреннему общественному порядку или, скорее, беспорядку. Свободные франкские крестьяне очутились в таком же положении, как и их предшественники, римские колоны. Разоренные войнами и грабежами, они должны были прибегать к покровительству новой народившейся знати или церкви, так как королевская власть была слишком слаба, чтобы защитить их; но это покровительство им приходилось приобретать дорогой ценой. Как прежде галльские крестьяне, они должны были передавать покровителю право собственности на свой земельный участок, получая последний от него обратно в виде зависимого держания на различных и меняющихся условиях, но всегда только взамен выполнения повинностей и уплаты оброка; раз попав в такого рода зависимость, они мало-помалу теряли и свою личную свободу; через несколько поколений они были уже в большинстве своем крепостными. Как быстро исчезало свободное крестьянское сословие, показывает составленная Ирминоном опись земельных владений аббатства Сен-Жермен-Де-Пре, находившегося тогда близ Парижа, а теперь — в самом Париже[174]. В обширных владениях этого аббатства, разбросанных по окрестностям, находились тогда, еще при жизни Карла Великого, 2788 хозяйств, заселенных почти исключительно франками

с германскими именами. В это число входило 2080 колонов, 35 литов, 220 рабов и только 8 свободных поселенцев! Объявленный Сальвианом безбожным обычай, согласно которому покровитель заставлял крестьянина передавать свой земельный участок ему в собственность, а затем отдавал этот участок крестьянину лишь в пожизненное пользование, теперь повсюду практиковался церковью в отношении крестьян. Барщинные повинности, которые теперь стали все более и более входить в обыкновение, имели своим прообразом как римские ангарии, принудительные работы в пользу государства[175], так и повинности, выполнявшиеся членами германской общины-марки по сооружению мостов, дорог и для других общих целей. Таким образом, масса населения, спустя четыреста лет, вернулась как будто бы целиком к своему исходному положению.

Но это лишь доказывало, во-первых, что общественное расслоение и распределение собственности в Римской империи периода упадка вполне соответствовали тогдашнему уровню производства в земледелии и промышленности, следовательно, были неизбежны; и, во-вторых, что этот уровень производства в течение последующих четырехсот лет существенно не понизился и не повысился, а потому с такой же необходимостью вновь породил такое же распределение собственности и те же самые классы населения. В последние столетия существования Римской империи город утратил свое прежнее господство над деревней и не вернул его себе в первые столетия владычества германцев. Это предполагает низкую ступень развития как земледелия, так и промышленности. Такое общее положение с необходимостью порождает обладающих господством крупных землевладельцев и зависимых мелких крестьян. Как мало было возможности навязать такому обществу, с одной стороны, хозяйство римских латифундий с рабами, с другой стороны — новейшее крупное хозяйство с барщинным трудом, доказывают грандиозные, но прошедшие почти бесследно эксперименты Карла Великого с знаменитыми императорскими виллами. Эти опыты продолжали только монастыри, и только у них они были плодотворны; но монастыри были ненормальными общественными организмами, основанными на безбрачии; они могли давать исключительные результаты, но должны были именно поэтому сами оставаться исключениями.

И все же за эти четыреста лет был сделан шаг вперед. Если и в конце периода мы встречаем почти те же основные классы, что и в начале, то люди, составлявшие эти классы, все же стали другими. Исчезло античное рабство, исчезли разорившиеся, нищие свободные, презиравшие труд как рабское занятие.

Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин. «Бесполезные воспоминания и тщетная борьба» гибнущего римского мира канули в вечность. Общественные классы IX века сформировались не в обстановке разложения гибнущей цивилизации, а при родовых муках новой цивилизации. Новое поколение — как господа, так и слуги — в сравнении со своими римскими предшественниками было поколением мужей. Те отношения между могущественными земельными магнатами и зависимыми от них крестьянами, которые для римлян являлись формой, выражавшей безысходную гибель античного мира, были теперь для нового поколения исходным моментом нового развития. И затем, какими бесплодными ни представляются эти четыреста лет, они оставили *один,* крупный результат: современные национальности, новое формирование и расчленение западноевропейской части человечества для грядущей истории. Германцы действительно вновь оживили Европу, и поэтому разрушение государств, происходившее в германский период, завершилось не норманно-сарацинским порабощением, а перерастанием системы бенефициев и отношений покровительства (коммендации[176]) в феодализм и столь громадным увеличением населения, что менее чем через двести лет были без ущерба перенесены страшные кровопускания, причиненные крестовыми походами[*].

Что же это было за таинственное волшебное средство, при помощи которого германцы вдохнули умиравшей Европе новую жизненную силу? Была ли это особая, прирожденная германской расе чудодейственная сила, как это измышляет наша шовинистическая историография? Отнюдь нет. Германцы были, особенно тогда, высокоодаренной ветвью арийской группы и притом находившейся в полном расцвете жизненных сил. Но омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй.

Их личные способности и храбрость, их свободолюбие и демократический инстинкт, побуждавший видеть во всех общественных делах свое собственное дело, — одним словом, все те качества, которые были утрачены римлянами и благодаря которым только и можно было образовать из тины римского мира новые государства и дать толчок росту новых национальностей, — чем было все это, как не характерными чертами человека, стоящего на высшей ступени варварства, как но плодами его родового строя?

---

[*] Конец фразы от слов «и столь громадным увеличением населения...» добавлен Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

Если германцы преобразовали античную форму моногамии, смягчили господство мужчины в семье, дали женщине более высокое положение, чем то, которое когда-либо знал классический мир, — что сделало их способными на это, как не их варварство, их родовые обычаи, их еще живые пережитки эпохи материнского права?

Если они, по меньшей мере в трех важнейших странах, в Германии, Северной Франции и Англии, сумели спасти и перенести в феодальное государство осколок настоящего родового строя в форме общины-марки и тем самым дали угнетенному классу, крестьянам, даже в условиях жесточайших крепостнических порядков средневековья, локальную сплоченность и средство сопротивления, чего в готовом виде не могли найти ни античные рабы, ни современные пролетарии, — то чем это было вызвано, как не их варварством, не их способом селиться родами, свойственным исключительно периоду варварства?

И, наконец, если они могли развить и поднять до положения всеобщей уже существовавшую у них на родине более мягкую форму зависимости, в которую и в Римской империи все более и более переходило рабство, — форму, которая, как впервые отметил Фурье[177], дает порабощенным средство к постепенному освобождению их *как класса* (fournit aux cultivateurs des moyens d'affranchissement *collectif et progressif*[*]*)*, форму, стоящую благодаря этому значительно выше рабства, при котором возможен лишь отпуск отдельного лица на волю сразу без переходного состояния (уничтожения рабства победоносным восстанием древний мир не знает), тогда как крепостные средних веков в действительности постепенно добивались своего освобождения как класса, — то чему мы этим обязаны, если не их варварству, в силу которого они не довели у себя эту зависимость до вполне развитого рабства: ни до античной формы рабского труда, ни до восточного домашнего рабства?

Все жизнеспособное и плодотворное, что германцы привили римскому миру, принадлежало варварству. Действительно, только варвары способны были омолодить дряхлый мир гибнущей цивилизации. И высшая ступень варварства, до которой и на которую поднялись германцы перед переселением пародов, была как раз наиболее благоприятной для этого процесса. Этим объясняется все.

[*] — дает земледельцам средства для коллективного и постепенного освобождения. *Ред.*

IX
ВАРВАРСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Мы проследили разложение родового строя на трех отдельных крупных примерах — греков, римлян и германцев. Рассмотрим в заключение общие экономические условия, которые подрывали родовую организацию общества уже на высшей ступени варварства и совершенно устранили ее с появлением цивилизации. Здесь «Капитал» Маркса будет нам столь же необходим, как и книга Моргана.

Возникнув на средней ступени дикости и продолжая развиваться на высшей ее ступени, род, насколько позволяют судить об этом наши источники, достигает своего расцвета на низшей ступени варварства. С этой ступени развития мы и начнем.

Мы находим здесь, где примером должны служить нам американские краснокожие, вполне развившийся родовой строй. Племя делилось на несколько родов, чаще всего на два[*]; эти первоначальные роды распадаются каждый, по мере роста населения, на несколько дочерних родов, по отношению к которым первоначальный род выступает как фратрия; самое племя распадается на несколько племен, в каждом из них мы большей частью вновь встречаем прежние роды; союз включает, по крайней мере в отдельных случаях, родственные племена. Эта простая организация вполне соответствует общественным условиям, из которых она возникла. Она представляет собой не что иное, как свойственную этим условиям, естественно выросшую структуру; она в состоянии улаживать все конфликты, которые могут возникнуть внутри организованного таким образом общества.

[*] Слова «чаще всего на два» добавлены Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

Максиму Ковалевскому
Въ Лондонѣ ноябр. 1891. отъ автора.

Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats.

Im Anschluß an Lewis H. Morgan's Forschungen

von

Friedrich Engels.

Vierte Auflage.
Sechstes und siebentes Tausend.

Stuttgart
Verlag von J. H. W. Dietz
1892.

Титульный лист четвертого издания «Происхождения семьи, частной собственности и государства»

Конфликты с внешним миром устраняет война; она может кончиться уничтожением племени, но никак не порабощением его. Величие родового строя, но вместе с тем и его ограниченность проявляются в том, что здесь нет места для господства и порабощения. Внутри родового строя не существует еще никакого различия между правами и обязанностями; для индейца не существует вопроса, является ли участие в общественных делах, кровная месть или уплата выкупа за нее правом или обязанностью; такой вопрос показался бы ему столь же нелепым, как и вопрос, являются ли еда, сон, охота — правом или обязанностью? Точно так же невозможно расслоение племени и рода на различные классы. И это приводит нас к рассмотрению экономического базиса этого строя.

Население в высшей степени редко; оно гуще только в местожительства племени; вокруг этого места лежит широким поясом прежде всего территория для охоты, а затем нейтральная полоса леса, отделяющая племя от других племен и служащая ему защитой. Разделение труда — чисто естественного происхождения; оно существует только между полами. Мужчина воюет, ходит на охоту и рыбную ловлю, добывает продукты питания в сыром виде и изготовляет необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята приготовлением пищи и одежды — варит, ткет, шьет. Каждый из них — хозяин в своей области: мужчина — в лесу, женщина — в доме. Каждый является собственником изготовленных и употребляемых им орудий: мужчина — оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина — домашней утвари. Домашнее хозяйство ведется на коммунистических началах несколькими, часто многими семьями[*]. То, что изготовляется и используется сообща, составляет общую собственность: дом, огород, лодка. Здесь, таким образом, и притом только здесь, на самом деле существует придуманная юристами и экономистами цивилизованного общества «собственность, добытая своим трудом», — последнее лживое правовое основание, на которое еще опирается современная капиталистическая собственность.

Но люди не везде остановились на этой ступени. В Азии они нашли животных, которых можно было приручать и в дальнейшем разводить в прирученном состоянии. За самкой дикого буйвола нужно было охотиться, прирученная же — она ежегодно приносила теленка и, кроме того, давала молоко.

[*] В особенности на северо-западном побережье Америки — см. у Банкрофта. У племени хайда на островах Королевы Шарлотты встречаются домашние хозяйства, охватывающие под одной кровлей до 700 человек. У нутка под одной кровлей жили целые племена.

У некоторых наиболее передовых племен — арийцев, семитов, может быть уже и у туранцев — главной отраслью труда сделалось сначала приручение и лишь потом уже разведение скота и уход за ним. Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров— это было *первое крупное общественное разделение труда.* Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимые ими средства к жизни были другие. Они имели, сравнительно с теми, не только молоко, молочные продукты и мясо в гораздо больших количествах, но также шкуры, шерсть, козий пух и все возраставшее с увеличением массы сырья количество пряжи и тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен. На более ранних ступенях развития мог происходить лишь случайный обмен; особое искусство в изготовлении оружия и орудий могло вести к временному разделению труда. Так, например, во многих местах были найдены несомненные остатки мастерских для изготовления каменных орудий позднего каменного века; мастера, развивавшие здесь свое искусство, работали, вероятно, за счет и на пользу всего коллектива, как это и сейчас еще делают постоянные ремесленники родовых общин в Индии. На этой ступени развития обмен мог возникнуть только внутри племени, да и тут он оставался исключительным явлением. Теперь же, напротив, после выделения пастушеских племен, мы находим готовыми все условия для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного института. Первоначально обмен производился между племенами при посредстве родовых старейшин каждой стороны; когда же стада стали переходить в обособленную собственность*, все больше стал преобладать и, наконец, сделался единственной формой обмена — обмен между отдельными лицами. Но главный предмет, которым обменивались пастушеские племена со своими соседями, был скот; скот сделался товаром, посредством которого оценивались все другие товары и который повсюду охотно принимался и в обмен на них, — одним словом, скот приобрел функцию денег и служил деньгами уже на этой ступени. С такой необходимостью и быстротой развивалась уже при самом возникновении товарообмена потребность в особом товаре — деньгах.

Огородничество, вероятно не известное жителям Азии, находившимся на низшей ступени варварства, появилось у них не позднее средней ступени, как предшественник полеводства.

---

* В издании 1884 г. вместо слов «обособленную собственность» («Sondereigenthum») напечатано: «частную собственность» («Privateigenthum»). *Ред.*

В климатических условиях Туранской равнины невозможна пастушеская жизнь без запасов корма на долгую и суровую зиму; луговодство и культура зерновых были здесь, таким образом, необходимы. То же самое следует сказать о степях к северу от Черного моря. Но если сначала зерно производилось для скота, то скоро оно стало пищей и для человека. Обрабатываемая земля оставалась еще собственностью племени и передавалась в пользование сначала роду, позднее самим родом — домашним общинам, наконец*, отдельным лицам; они могли иметь на нее известные права владения, но не больше.

Из достижений этой ступени в области промышленной деятельности особенно важное значение имеют два: первое — ткацкий станок, второе — плавка металлических руд и обработка металлов. Самыми важными из них были медь и олово, а также выплавляемая из них бронза; бронза давала пригодные орудия и оружие, но не могла вытеснить каменные орудия; это было под силу только железу, а добывать железо еще не умели. Для нарядов и украшений начали употреблять золото и серебро, которые, по-видимому, уже имели большую ценность, чем медь и бронза.

Увеличение производства во всех отраслях — скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле — сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, приходившееся на каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи. Появилась потребность в привлечении новой рабочей силы. Война доставляла ее: военнопленных стали обращать в рабов. Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением сферы производительной деятельности, при тогдашних исторических условиях, взятых в совокупности, с необходимостью влекло за собой рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых.

Как и когда стада из общего владения племени или рода перешли в собственность глав отдельных семей, об этом мы ничего до сих пор не знаем. Но в основном переход этот должен был произойти на этой ступени. А с приобретением стад и прочих новых богатств в семье произошла революция. Промысел

* Слова «домашним общинам, наконец» добавлены Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

всегда был делом мужчины, средства для промысла изготовлялись им и были его собственностью. Стада были новыми средствами промысла; их первоначальное приручение, а позднее уход за ними были делом мужчины. Поэтому скот принадлежал ему; ему же принадлежали и полученные в обмен на скот товары и рабы. Весь избыток, который теперь давал промысел, доставался мужчине; женщина участвовала в потреблении его, но не имела доли в собственности. «Дикий», воин и охотник, довольствовался в доме вторым местом после женщины, «более кроткий» пастух, кичась своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе. И она не могла жаловаться. Разделение труда в семье обусловливало распределение собственности между мужчиной и женщиной; оно осталось тем же самым и, тем не менее, оно совершенно перевернуло теперь существовавшие до того домашние отношения исключительно потому, что разделение труда вне семьи стало другим. Та самая причина, которая прежде обеспечивала женщине ее господство в доме — ограничение ее труда домашней работой, — эта же самая причина теперь делала неизбежным господство мужчины в доме; домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины; его труд был всем, ее работа — незначительным придатком. Уже здесь обнаруживается, что освобождение женщины, ее уравнение в правах с мужчиной невозможно ни сейчас, ни в будущем, пока женщина отстранена от общественного производительного труда и вынуждена ограничиваться домашним частным трудом. Освобождение женщины станет возможным только тогда, когда она сможет в крупном, общественном масштабе участвовать в производстве, а работа по дому будет занимать ее лишь в незначительной мере. А это сделалось возможным только благодаря современной крупной промышленности, которая не только допускает женский труд в больших размерах, но и прямо требует его и все более и более стремится растворить частный домашний труд в общественном производстве.

С утверждением фактического господства мужчины в доме пали последние преграды к его единовластию. Это единовластие было подтверждено и увековечено ниспровержением материнского права, введением отцовского права, постепенным переходом от парного брака к моногамии. А это создало трещину в древнем родовом строе: отдельная семья сделалась силой, которая угрожающе противостояла роду.

Следующий шаг ведет нас к высшей ступени варварства, к периоду, во время которого все культурные народы переживают свою героическую эпоху, — эпоху железного меча, а вместе

с тем железного плуга и топора. Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории, последний—вплоть до появления картофеля. Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов. Все это не сразу; первое железо бывало часто еще мягче бронзы. Каменное оружие поэтому исчезало лишь медленно; не только в «Песне о Хильдебранде», но и при Гастингсе в 1066 г. в бою пускались еще в ход каменные топоры[178]. Но прогресс продолжался теперь неудержимо, с меньшими перерывами и быстрее. Город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубчатыми парапетами каменные или кирпичные дома, сделался средоточием племени или союза племен, — показатель огромного прогресса в строительном искусстве, но вместе с тем и признак увеличившейся опасности и потребности в защите. Богатство быстро возрастало, но как богатство отдельных лиц; в ткачестве, в обработке металлов и в других ремеслах, все более и более обособлявшихся друг от друга, во все возраставшей степени увеличивалось разнообразие и совершенствовалось мастерство производства; земледелие давало теперь наряду с зерном, стручковыми растениями и фруктами также растительное масло и вино, изготовлению которых научились. Столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло *второе крупное разделение труда:* ремесло отделилось от земледелия. Непрекращающийся рост производства, а вместе с ним и производительности труда, повышал ценность рабочей силы человека, рабство, на предыдущей ступени развития только возникавшее и носившее спорадический характер, становится теперь существенной составной частью общественной системы; рабы перестают быть простыми подручными; их десятками гонят теперь работать на поля и в мастерские. С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена, — товарное производство, а вместе с ним и торговля, причем не только внутри племени и на его границах, но уже и с заморскими странами. Все это, однако, еще в весьма неразвитом виде; благородные металлы начинают становиться преобладающим и всеобщим товаром — деньгами, но их еще не чеканят, а только обменивают просто по весу.

Различие между богатыми и бедными выступает наряду с различием между свободными и рабами, — с новым разделением труда

возникает новое разделение общества на классы. Имущественные различия между отдельными главами семей взрывают старую коммунистическую домашнюю общину везде, где она еще сохранилась; вместе с ней исчезает и совместная обработка земли средствами этой общины. Пахотная земля предоставляется в пользование отдельным семьям — сначала на время, потом раз навсегда, переход ее в полную частную собственность совершается постепенно и параллельно с переходом парного брака в моногамию. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества.

Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа. Военный вождь народа — rex, basileus, thiudans — становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его еще не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации. То же самое происходит и внутри общества. Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных ему военачальников; установленное обычаем избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени утверждения отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сначала терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной королевской власти и наследственной знати. Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих

своих

собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа. Но этого никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не превратили общность интересов в антагонизм между членами рода» (Маркс)[179] и если бы в результате распространения рабства добывание средств к существованию собственным трудом не начало уже признаваться делом, достойным лишь раба, более позорным, чем грабеж.

* * *

Мы подошли теперь к порогу цивилизации. Она открывается новым шагом вперед в разделении труда. На низшей ступени люди производили только непосредственно для собственного потребления; изредка происходившие акты обмена были единичны, касались только случайно остававшихся излишков. На средней ступени варварства у пастушеских народов мы находим уже имущество в виде скота, которое при известной величине стада регулярно доставляет некоторый излишек над собственной потребностью; одновременно мы находим также разделение труда между пастушескими народами и отставшими племенами, не имеющими стад, следовательно, две рядом стоящие различные ступени производства и, значит, условия для регулярного обмена. На высшей ступени варварства происходит дальнейшее разделение труда между земледелием и ремеслом, следовательно, производство все возрастающей части продуктов труда непосредственно для обмена, тем самым превращение обмена между отдельными производителями в жизненную необходимость для общества. Цивилизация упрочивает и усиливает все эти возникшие до нее виды разделения труда, особенно путем обострения противоположности между городом и деревней (причем экономически господствовать может город над деревней, как это было в древности, или же деревня над городом, как это было в средние века), и присоединяет к этому третье, свойственное лишь ей, разделение труда решающего значения — создает класс, который занимается уже не производством, а только обменом продуктов, а именно *купцов.* До сих пор причины образования классов были связаны еще исключительно с производством; они вели к разделению занятых в производстве людей на руководителей и исполнителей или же на производителей большего и меньшего масштаба. Здесь впервые появляется класс,

который, не принимая никакого участия в производстве, захватывает в общем и целом руководство производством и экономически подчиняет себе производителей, становится неустранимым посредником между каждыми двумя производителями и эксплуатирует их обоих. Под предлогом избавления производителей от труда и риска, связанных с обменом, расширения сбыта их продуктов вплоть до самых отдаленных рынков и создания тем самым якобы наиболее полезного класса населения образуется класс паразитов, класс настоящих общественных тунеядцев, который в вознаграждение за свои в действительности весьма незначительные услуги снимает сливки как с отечественного, так и с иностранного производства, быстро приобретает громадные богатства и соответствующее им влияние в обществе и именно поэтому в период цивилизации захватывает все более почетное положение и все более подчиняет себе производство, пока, наконец, сам не создает свой собственный продукт — периодические торговые кризисы.

Впрочем, на рассматриваемой нами ступени развития молодое купечество еще не имеет никакого представления о тех великих делах, какие ему предстоят. Но оно формируется и становится необходимым, и этого достаточно. А вместе с ним появляются *металлические деньги,* чеканная монета, и с металлическими деньгами — новое средство господства непроизводителя над производителем и его производством. Был открыт товар товаров, который в скрытом виде содержит в себе все другие товары, волшебное средство, способное, если это угодно, превращаться в любую заманчивую и желанную вещь. Кто обладал им, тот властвовал над миром производства. А кто прежде всего обладал им? Купец. Культ денег был в его надежных руках. Он взял на себя заботу возвестить, что все товары, а с ними и все товаропроизводители должны с благоговением повергнуться в прах перед деньгами. Он доказал на практике, что все другие формы богатства всего лишь тень перед этим воплощением богатства как такового. Никогда впоследствии власть денег не выступала в такой первобытно грубой и насильственной форме, как в этот период их юности. Вслед за покупкой товаров на деньги появилась денежная ссуда, а вместе с ней — процент и ростовщичество. И ни одно законодательство позднейшего времени не бросает должника столь жестоко и беспощадно к ногам кредитора-ростовщика, как законодательство Древних Афин и Рима, — а то и другое возникло спонтанно как обычное право, исключительно в силу экономической необходимости.

Наряду с богатством, заключающимся в товарах и рабах, наряду с денежным богатством теперь появилось также богатство

земельное. Право отдельных лиц на владение земельными парцеллами, предоставленными им первоначально родом или племенем, упрочилось теперь настолько, что эти парцеллы стали принадлежать им на правах наследственной собственности. Ведь за последнее время они более всего стремились именно к тому, чтобы освободить парцеллу от прав на нее со стороны родовой общины, прав, которые стали для них оковами. От этих оков они избавились, но вскоре после того избавились также и от своей новой земельной собственности. Полная, свободная собственность на землю означала не только возможность беспрепятственно и неограниченно владеть ею, но также и возможность отчуждать ее. Пока земля была собственностью рода, этой возможности не существовало. Но, когда новый землевладелец окончательно сбросил с себя оковы верховной собственности рода и племени, он порвал также узы, до сих пор неразрывно связывавшие его с землей. Что это означало, разъяснили ему деньги, изобретенные одновременно с частной собственностью на землю. Земля могла теперь стать товаром, который продают и закладывают. Едва была установлена собственность на землю, как была уже изобретена и ипотека (см. Афины). Как по пятам моногамии следуют гетеризм и проституция, так по пятам земельной собственности отныне неотступно следует ипотека. Вы желали полной, свободной, отчуждаемой земельной собственности, — так получайте же ее, вот она: tu l'as voulu, George Dandin![*]

Так вместе с расширением торговли, вместе с деньгами и ростовщичеством, земельной собственностью и ипотекой быстро происходила концентрация и централизация богатств в руках немногочисленного класса, а наряду с этим росло обнищание масс и возрастала масса бедняков. Новая аристократия богатства окончательно оттесняла на задний план старую родовую знать (в Афинах, в Риме, у германцев), если только она с самого начала не совпадала с ней. И наряду с этим разделением свободных на классы в соответствии с имущественным положением происходило, особенно в Греции, громадное увеличение числа рабов[**], принудительный труд которых служил основанием, на котором возвышалась надстройка всего общества.

Посмотрим же теперь, что стало при этом общественном перевороте с родовым строем. Он оказался бессильным перед

[*] — ты этого хотел, Жорж Данден! (Мольер. «Жорж Данден», акт I, сцена девятая). *Ред.*

[**] Число рабов в Афинах см. выше, стр. 117 [в настоящем томе см. стр. 119. *Ред.*].

В Коринфе к эпоху расцвета города оно доходило до 460000, в Эгине — до 470000, в обоих случаях в десять раз превышая численность свободных граждан.

лицом новых элементов, развившихся без его участия. Его предпосылкой было то, что члены одного рода или хотя бы племени жили совместно на одной и той же территории, заселенной исключительно ими. Это давно уже прекратилось. Повсюду были перемешаны роды и племена, повсюду среди свободных граждан жили рабы, лица, находившиеся под покровительством, чужестранцы. Достигнутая лишь к концу средней ступени варварства оседлость населения то и дело нарушалась изменениями в его составе и частой переменой местожительства, обусловленными торговой деятельностью, сменой рода занятий, отчуждением земельной собственности. Члены родовых объединений не могли уже собираться для рассмотрения своих собственных общих дел; кое-как улаживались еще только незначительные дела, такие как проведение религиозных празднеств. Наряду с потребностями и интересами, обеспечивать которые были призваны приспособленные для этого родовые объединения, в результате переворота в условиях производства и вызванных им изменений в общественной структуре возникли новые потребности и интересы, не только чуждые древнему родовому строю, но и во всех отношениях противоположные ему. Интересы ремесленных групп, возникших благодаря разделению труда, особые потребности города в противоположность деревне требовали новых органов; но каждая из этих групп состояла из людей самых различных родов, фратрий и племен, включала даже чужестранцев; эти органы должны были поэтому возникать вне родового строя, рядом с ним, а вместе с тем и в противовес ему. — И в каждом родовом объединении сказывалось, в свою очередь, это столкновение интересов, достигавшее своей наибольшей остроты там, где богатые и бедные, ростовщики и должники были соединены в одном и том же роде и в одном и том же племени. — К тому же имелась масса нового, чуждого родовым общинам, населения, которое могло стать силой в стране, как это было в Риме, и притом было слишком многочисленно, чтобы его можно было постепенно включить в основанные на кровном родстве роды и племена. Этой массе родовые общины противостояли как замкнутые, привилегированные корпорации; первобытная естественно выросшая демократия превратилась в ненавистную аристократию. — Наконец, родовой строй вырос из общества, не знавшего никаких внутренних противоположностей, и был приспособлен только к нему. У него не было никаких других средств принуждения, кроме общественного мнения. Здесь же возникло общество, которое в силу всех своих экономических условий жизни должно было расколоться на свободных и рабов, на эксплуататоров-

богачей и эксплуатируемых бедняков, — общество, которое не только не могло вновь примирить эти противоположности, но должно было все больше обострять их. Такое общество могло существовать только в непрекращающейся открытой борьбе между этими классами или же под господством третьей силы, которая, якобы стоя над взаимно борющимися классами, подавляла их открытые столкновения и допускала классовую борьбу самое большее только в экономической области, в так называемой законной форме. Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы. Он был заменен *государством.*

* * *

Выше мы рассмотрели в отдельности три главные формы, в которых государство поднимается на развалинах родового строя. Афины представляют собой самую чистую, наиболее классическую форму: здесь государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоположностей, развивающихся внутри самого родового общества. В Риме родовое общество превращается в замкнутую аристократию, окруженную многочисленным, стоящим вне этого общества, бесправным, но несущим обязанности плебсом; победа плебса взрывает старый родовой строй и на его развалинах воздвигает государство, в котором скоро совершенно растворяются и родовая аристократия и плебс. Наконец, у германских победителей Римской империи государство возникает как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств. Но так как с этим завоеванием не связаны ни серьезная борьба с прежним населением, ни более прогрессивное разделение труда; так как уровень экономического развития покоренных народов и завоевателей почти одинаков, и экономическая основа общества остается, следовательно, прежней, то родовой строй может продолжать существовать в течение целых столетий в измененной, территориальной форме в виде маркового строя и даже на некоторое время восстанавливаться в более слабой форме в позднейших дворянских и патрицианских родах, и даже в родах крестьянских, как это было, например, в Дитмаршене[*].

Итак, государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действитель-

[*] Первым историком, который имел хотя бы приблизительное представление о сущности рода, был Нибур, и этим, — но также и своими почерпнутыми прямо оттуда ошибками, — он обязан своему знакомству с родами Дитмаршена[180].

ность разума», как утверждает Гегель[181]. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство ость признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство.

По сравнению со старой родовой организацией государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по *территориальным делениям.* Старые родовые объединения, возникшие и державшиеся в силу кровных уз, сделались, как мы видели, недостаточными большей частью потому, что их предпосылка, связь членов рода с определенной территорией, давно перестала существовать. Территория осталась, но люди сделались подвижными. Поэтому исходным пунктом было принято территориальное деление, и гражданам предоставили осуществлять свои общественные права и обязанности там, где они поселялись, безотносительно к роду и племени. Такая организация граждан по месту жительства общепринята во всех государствах. Она поэтому нам кажется естественной; но мы видели, какая потребовалась упорная и длительная борьба, пока она могла утвердиться в Афинах и Риме на место старой организации по родам.

Вторая отличительная черта — учреждение *публичной власти,* которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя как вооруженная сила. Эта особая публичная власть необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы. Рабы также входят в состав населения; 90000 афинских граждан по отношению к 365000 рабов образуют только привилегированный класс. Народное войско афинской демократии было аристократической публичной властью, направленной против рабов, и держало их в повиновении; но для того, чтобы держать в повиновении также и граждан, оказалась необходимой, как рассказано выше, жандармерия. Эта публичная власть существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были не известны родовому

устройству общества. Она может быть весьма незначительной, почти незаметной в обществах с еще неразвитыми классовыми противоположностями и в отдаленных областях, как это наблюдается иногда кое-где в Соединенных Штатах Америки. Публичная власть усиливается по мере того, как обостряются классовые противоречия внутри государства, и по мере того, как соприкасающиеся между собой государства становятся больше и населеннее. Взгляните хотя бы на теперешнюю Европу, в которой классовая борьба и конкуренция завоеваний взвинтили публичную власть до такой высоты, что она грозит поглотить все общество и даже государство.

Для содержания этой публичной власти необходимы взносы граждан — *налоги.* Последние были совершенно не известны родовому обществу. Но мы теперь их знаем достаточно хорошо. С развитием цивилизации даже и налогов недостаточно; государство выдает векселя на будущее, делает займы, *государственные долги.* И об этом старушка Европа может порассказать немало.

Обладая публичной властью и правом взыскания налогов, чиновники становятся, как органы общества, *над* обществом. Свободного, добровольного уважения, с которым относились к органам родового общества, им уже недостаточно, даже если бы они могли завоевать его; носители отчуждающейся от общества власти, они должны добывать уважение к себе путем исключительных законов, в силу которых они приобретают особую святость и неприкосновенность. Самый жалкий полицейский служитель цивилизованного государства имеет больше «авторитета», чем все органы родового общества, вместе взятые; но самый могущественный монарх и крупнейший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации мог бы позавидовать тому не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, которое оказывают самому незначительному родовому старейшине. Последний стоит внутри общества, тогда как первые вынуждены пытаться представлять собой нечто вне его и над ним.

Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подавления рабов, феодальное государство — органом дворянства для подавления крепостных и зависимых крестьян, а современное

представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом. В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга; таков бонапартизм Первой и особенно Второй империи во Франции, который натравливал пролетариат против буржуазии и буржуазию против пролетариата. Новейшее достижение в этой области, при котором властитель и подвластные выглядят одинаково комично, представляет собой новая Германская империя бисмарковской нации: здесь поддерживается равновесие между капиталистами и рабочими, противостоящими друг другу, и они подвергаются одинаковому надувательству в интересах оскудевшего прусского захолустного юнкерства.

Кроме того, в большинстве известных в истории государств предоставляемые гражданам права соразмеряются с их имущественным положением, и этим прямо заявляется, что государство — это организация имущего класса для защиты его от неимущего. Так было уже в Афинах и Риме с их делением на имущественные категории. Так было и в средневековом феодальном государстве, где степень политического влияния определялась размерами землевладения. Это находит выражение и в избирательном цензе современных представительных государств. Однако это политическое признание различий в имущественном положении отнюдь не существенно. Напротив, оно характеризует низшую ступень государственного развития. Высшая форма государства, демократическая республика, становящаяся в наших современных общественных условиях все более и более неизбежной необходимостью и представляющая собой форму государства, в которой только и может быть доведена до конца последняя решительная борьба между пролетариатом и буржуазией, — эта демократическая республика официально ничего не знает о различиях по богатству. При ней богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее: с одной стороны, в форме прямого подкупа чиновников — классическим образцом является Америка, — с другой стороны, в форме союза между правительством и биржей, который осуществляется тем легче, чем больше возрастают государственные долги и чем больше акционерные общества сосредоточивают в своих руках не только транспорт, но и самое производство и делают своим средоточием ту же биржу. Ярким примером

этого, кроме Америки, служит новейшая Французская республика, и даже добропорядочная Швейцария внесла свою лепту на этом поприще. Но что для этого братского союза правительства и биржи совсем не требуется демократической республики, доказывает, кроме Англии, новая Германская империя, где нельзя сказать, кого выше вознесло всеобщее избирательное право: Бисмарка или Блейхрёдера. Наконец, имущий класс господствует непосредственно при помощи всеобщего избирательного права. До тех пор пока угнетенный класс — в данном случае, следовательно, пролетариат — еще не созрел для освобождения самого себя, он будет в большинстве своем признавать существующий общественный порядок единственно возможным и политически будет идти в хвосте класса капиталистов, составлять его крайнее левое крыло. Но, по мере того как он созревает для своего самоосвобождения, он конституируется в собственную партию, избирает своих собственных представителей, а не представителей капиталистов. Всеобщее избирательное право — показатель зрелости рабочего класса. Дать больше оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве; но и этого достаточно. В тот день, когда термометр всеобщего избирательного права будет показывать точку кипения у рабочих, они, как и капиталисты, будут знать, что делать.

Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство, Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором.

* * *

Итак, согласно сказанному, цивилизация является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают

полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе.

Производство на всех предшествовавших ступенях общественного развития было по существу коллективным, равным образом и потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин. Этот коллективный характер производства осуществлялся в самых узких рамках, но он влек за собой господство производителей над своим производственным процессом и продуктом производства. Они знают, что делается с продуктом: они потребляют его, он не выходит из их рук, и пока производство ведется на этой основе, оно не может перерасти производителей, не может породить таинственные, чуждые им силы, как это постоянно и неизбежно бывает в эпоху цивилизации.

Но в этот производственный процесс медленно проникает разделение труда. Оно подрывает коллективный характер производства и присвоения, оно делает преобладающим правилом присвоение отдельными лицами и вместе с тем порождает обмен между ними — как это происходит, мы исследовали выше. Постепенно товарное производство становится господствующей формой.

При товарном производстве, производстве уже не для собственного потребления, а для обмена, продукты по необходимости переходят из рук в руки. Производитель при обмене отдает свой продукт; он уже не знает, что с ним станет. Когда же в роли посредника между производителями появляются деньги, а вместе с деньгами купец, процесс обмена становится еще запутаннее, конечная судьба продуктов еще неопределеннее. Купцов много, и ни один из них не знает, что делает другой. Товары теперь переходят уже не только из рук в руки, но и с рынка на рынок; производители утратили власть над всем производством условий своей собственной жизни, но эта власть не перешла и к купцам. Продукты и производство попадают во власть случая.

Но случайность — это только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью. В природе, где также как будто господствует случайность, мы давно уже установили в каждой отдельной области внутреннюю необходимость и закономерность, которые пробивают себе дорогу в рамках этой случайности. Но что имеет силу для природы, имеет также силу и для общества. Чем больше какая-нибудь общественная деятельность, целый ряд общественных процессов ускользает из-под сознательного контроля людей, выходит из-под их власти, чем более эта деятельность кажется

предоставленной чистой случайности, тем больше с естественной необходимостью пробивают себе дорогу в рамках этой случайности свойственные ей внутренние законы. Такие законы господствуют и над случайностями товарного производства и товарообмена: отдельному производителю и участнику обмена они противостоят как чуждые, вначале даже неведомые силы, природа которых только еще подлежит тщательному изучению и познанию. Эти экономические законы товарного производства видоизменяются на различных ступенях развития этой формы производства, но в общем и целом весь период цивилизации протекает под знаком их господства. Еще и теперь продукт господствует над производителями; еще и теперь все общественное производство регулируется не согласно сообща обдуманному плану, а слепыми законами, которые проявляются со стихийной силой, в последней инстанции — в бурях периодических торговых кризисов.

Мы видели, как на сравнительно ранней ступени развития производства рабочая сила человека становится способной давать значительно больше продуктов, чем это необходимо для существования производителя, и что эта ступень развития в основном есть та самая ступень, на которой возникает разделение труда и обмен между отдельными лицами. И немного потребовалось теперь времени для того, чтобы открыть великую «истину», что человек также может быть товаром, что силу человека* можно обменивать и потреблять, если превратить человека в раба. Едва люди начали менять, как уже они сами стали предметами обмена. Действительный залог превратился в страдательный — хотели того люди или нет.

С появлением рабства, достигшего при цивилизации своего наивысшего развития, произошло первое крупное разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый классы. Это разделение продолжало существовать в течение всего периода цивилизации. Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостничество в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации; открытое, а с недавних пор замаскированное рабство всегда ее сопровождает.

Ступень товарного производства, с которой начинается цивилизация, экономически характеризуется: 1) введением металлических денег, а вместе с тем и денежного капитала,

* В издании 1884 г. вместо слов «силу человека» напечатано: «рабочую силу человека». *Ред.*

процента и ростовщичества; 2) появлением купцов как посреднического класса между производителями; 3) возникновением частной собственности на землю и ипотеки и 4) появлением рабского труда как господствующей формы производства. Цивилизации соответствует и вместе с ней окончательно утверждает свое господство новая форма семьи — моногамия, господство мужчины над женщиной и отдельная семья как хозяйственная единица общества. Связующей силой цивилизованного общества служит государство, которое во все типичные периоды является государством исключительно господствующего класса и во всех случаях остается по существу машиной для подавления угнетенного, эксплуатируемого класса. Для цивилизации характерно еще следующее: с одной стороны, закрепление противоположности между городом и деревней как основы всего общественного разделения труда; с другой стороны, введение завещаний, с помощью которых собственник может распоряжаться своей собственностью и после своей смерти. Этот институт, прямо противоречащий древнему родовому строю, в Афинах был не известен вплоть до Солона; в Риме он был введен уже на ранней стадии, но когда именно, — мы не знаем*; у германцев ввели его попы, для того чтобы добропорядочный германец мог беспрепятственно завещать церкви свое наследство.

Основывающаяся на этих устоях цивилизация совершила такие дела, до каких древнее родовое общество не доросло даже в самой отдаленной степени. Но она совершила их, приведя в движение самые низменные побуждения и страсти людей и развив их в ущерб всем их остальным задаткам. Низкая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида было ее единственной, определяющей целью. Если при этом в недрах этого общества все более развивалась наука и повторялись периоды высшего расцвета искусства, то только потому, что без этого невозможны были бы все достижения нашего времени в области накопления богатства.

* «Система приобретенных прав» Лассаля[182] во второй части вращается главным образом вокруг положения, что римское завещание столь же старо, как и самый Рим что в римской истории никогда «не существовало времени без завещаний», что завещание возникло скорее в доримский период из культа умерших. Лассаль, как правоверный старогегельянец, выводит римские правовые нормы не из общественных отношений римлян, а из «спекулятивного понятия» воли, и приходит при этом к указанному утверждению, полностью противоречащему истории. Это неудивительно в книге, автор которой на основании того же спекулятивного понятия приходит к выводу, что у римлян при наследовании передача имущества была чисто второстепенным делом. Лассаль не только верит в иллюзии римских юристов, в особенности более раннего времени, но идет еще дальше этих иллюзий.

Так как основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим, то все ее развитие совершается в постоянном противоречии. Всякий шаг вперед в производстве означает одновременно шаг назад в положении угнетенного класса, то есть огромного большинства. Всякое благо для одних необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса — новым угнетением для другого. Наиболее ярким примером этого является введение машин, последствия которого теперь общеизвестны. И если у варваров, как мы видели, едва можно было отличить права от обязанностей, то цивилизация даже круглому дураку разъясняет различие к противоположность между ними, предоставляя одному классу почти все права и взваливая на другой почти все обязанности.

Но этого не должно быть. Что хорошо для господствующего класса, должно быть благом и для всего общества, с которым господствующий класс себя отождествляет. Поэтому чем дальше идет вперед цивилизация, тем больше она вынуждена набрасывать покров любви на неизбежно порождаемые ею отрицательные явления, прикрашивать их или лживо отрицать, — одним словом, вводить в практику общепринятое лицемерие, которое не было известно ни более ранним формам общества, ни даже первым ступеням цивилизации и которое, наконец, достигает высшей своей точки в утверждении: эксплуатация угнетенного класса производится эксплуатирующим классом единственно и исключительно в интересах самого эксплуатируемого класса, и если последний этого не понимает и даже начинает восставать против этого, то это самая черная неблагодарность по отношению к благодетелям — эксплуататорам*.

А теперь в заключение — суждение Моргана о цивилизации:

«С наступлением цивилизации рост богатства стал столь огромным, его формы такими разнообразными, его применение таким обширным. а управление им в интересах собственников таким умелым, что это богатство *сделалось неодолимой силой,* противостоящей народу. *Человеческий ум стоит в замешательстве и смятении перед своим собственным творением.* Но все же настанет время, когда человеческий разум окрепнет для господства над богатством, когда он установит как отношение государства к собственности, которую оно охраняет, так и границы прав собственников. Интересы общества безусловно выше интересов отдельных лиц, и между ними следует создать справедливые и гармонические отношения.

* Я сначала собирался привести рядом с моргановской и моей собственной критикой цивилизации блестящую критику цивилизации, которая встречается в различных местах произведений Шарля Фурье. К сожалению, у меня нет времени заняться этим. Замечу только, что уже у Фурье моногамия и земельная собственность служат главными отличительными признаками цивилизации и что он называет ее войной богатых против бедных. Точно так же мы уже у него находим глубокое понимание того, что во всех несовершенных, раздираемых противоречиями обществах отдельные семьи (les familles incohérentes) являются хозяйственными единицами.

Одна лишь погоня за богатством не есть конечное назначение человечества, если только прогресс останется законом для будущего, каким он был для прошлого. Время, прошедшее с наступления цивилизации, — это ничтожная доля времени, прожитого человечеством, ничтожная доля времени, которое ему еще предстоит прожить. Завершение исторического поприща, единственной конечной целью которого является богатство, угрожает нам гибелью общества, ибо такое поприще содержит элементы своего собственного уничтожения. Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование освятят следующую, высшую ступень общества, к которой непрерывно стремятся опыт, разум и наука. *Оно будет возрождением — но в высшей форме — свободы, равенства и братства древних родов»* (Морган, «Древнее общество», стр. 552)[183].

ВВОДНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ К ОТДЕЛЬНОМУ ИЗДАНИЮ РАБОТЫ К. МАРКСА «НАЕМНЫЙ ТРУД И КАПИТАЛ» 1884 ГОДА [184]

Предлагаемая работа была впервые опубликована в 1849 г. в ряде номеров «Neue Rheinische Zeitung», начиная с 4 апреля, в виде передовых статей. В основу ее положены лекции, читанные *Марксом* в 1847 г. в Немецком рабочем обществе в Брюсселе[185]. Полностью работа напечатана не была; хотя в № 269 в конце статьи было помещено уведомление: «Продолжение следует», публикация ее прекратилась вследствие нахлынувших тогда событий — вступления русских в Венгрию, восстаний в Дрездене, Изерлоне, Эльберфельде, Пфальце и Бадене — событий, повлекших за собой запрещение (19 мая 1849 г.) самой газеты.

Написано в июне 1884 г.

Напечатано в брошюре: Karl Marx. «Lohnarbeit und Kapital». Hottingen-Zurich, 1884

Печатается по тексту издания 1891 г.

Перевод с немецкого

МАРКС И РОДБЕРТУС

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ РАБОТЫ К. МАРКСА «НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ» [186]

Предлагаемое произведение было написано зимой 1846— 1847 гг., — в то время, когда Маркс окончательно уяснил себе основные черты своих новых исторических и экономических воззрений. Только что вышедшая тогда книга Прудона «Система экономических противоречий, или Философия нищеты»[187] дала ему повод обстоятельно изложить эти основные черты в противоположность взглядам человека, которому предстояло занять с этой поры самое видное место среди тогдашних французских социалистов. С того времени, когда оба они в Париже часто целые ночи напролет спорили по экономическим вопросам, пути их расходились все больше и больше; сочинение Прудона доказало, что теперь уже между ними легла непроходимая пропасть; игнорировать это тогда стало уже невозможно, и Маркс в этом своем ответе констатировал окончательный разрыв.

Обобщающий отзыв Маркса о Прудоне содержится в помещенной вслед за этим предисловием статье, появившейся в 1865 г. в №№ 16, 17 и 18 берлинского «Social-Demokrat»[188]. Это была единственная статья, которую Маркс написал для этой газеты; обнаружившиеся вскоре попытки г-на фон Швейцера направить газету по феодальному и правительственному руслу вынудили нас уже через несколько недель публично отказаться от сотрудничества в ней[189].

Для Германии предлагаемое произведение имеет именно в настоящий момент такое значение, какого сам Маркс никогда не предвидел. Мог ли он знать, что, направляя свои стрелы в Прудона, он попадет в кумира современных карьеристов — Родбертуса, которого тогда не знал даже по имени?

Здесь не место подробно останавливаться на отношениях между Марксом и Родбертусом; случай для этого мне очень скоро представится[190]. Замечу здесь только, что когда Родбертус обвиняет Маркса в том, что последний его «ограбил» и, «не цитируя, широко использовал в своем «Капитале»»[191] его произведение «К познанию»[192], то в азарте он доходит до клеветы, объяснимой лишь раздражительностью непризнанного гения и его удивительной неосведомленностью в том, что происходит за пределами Пруссии, особенно же в социалистической и экономической литературе. Ни эти обвинения, ни упомянутое произведение Родбертуса никогда не попадались Марксу на глаза; из сочинений Родбертуса он вообще был знаком только с его тремя «Социальными письмами»[193], да и то никак не раньше 1858 или 1859 года.

С большим основанием Родбертус утверждает в этих письмах, что «прудоновская конституированная стоимость» открыта им еще *до* Прудона[194]; но и тут, правда, снова ошибочно тешит себя тем, будто он *первый* сделал это открытие. Во всяком случае, он, таким образом, тоже подвергся критике в предлагаемом произведении, и это заставляет меня вкратце остановиться на разборе его «основополагающего» сочиненьица «К познанию нашего экономического строя», 1842, поскольку оно, кроме содержащегося в нем (опять-таки бессознательно) вейтлинговского коммунизма, предвосхищает также и предвидения Прудона.

В той мере, в какой современный социализм, независимо от направления, исходит из буржуазной политической экономии, он почти без исключения примыкает к теории стоимости Рикардо. Из обоих положений, которые Рикардо провозгласил в 1817 г. на первых же страницах своих «Начал»[195]: 1) что стоимость всякого товара определяется единственно и исключительно количеством труда, необходимого для его производства, и 2) что продукт всего общественного труда делится между тремя классами: землевладельцами (рента), капиталистами (прибыль) и рабочими (заработная плата), — из обоих этих положений в Англии уже с 1821 г. делались социалистические выводы[196], и притом подчас с такой остротой и решительностью, что литература эта, в настоящее время почти совершенно забытая и в значительной своей части вновь открытая лишь Марксом, оставалась непревзойденной до появления «Капитала». Но об этом в другой раз. Следовательно, когда Родбертус в 1842 г., в свою очередь, сделал социалистические выводы из вышеприведенных положений, то для немца это было тогда, конечно, весьма значительным шагом вперед, но сойти за новое

открытие могло разве только в Германии. В своей критике Прудона, страдавшего подобным же самомнением, Маркс следующим образом показал, как мало нового было в таком применении теории Рикардо:

«Кто хоть мало-мальски знаком с развитием политической экономии в Англии, тот не может не знать, что в разное время почти все социалисты этой страны предлагали *уравнительное* (то есть социалистическое) применение рикардовской теории. Мы могли бы указать г-ну Прудону на «Политическую экономию» Годскина, 1827, на сочинения: Уильям Томпсон, «Исследование принципов распределения богатства, наиболее способствующих человеческому счастью», 1824; Т. Р. Эдмондс, «Практическая, моральная и политическая экономия», 1828, и т. д., и т. д., заполнив еще четыре страницы названиями таких работ. Мы ограничимся тем, что предоставим слово одному английскому коммунисту, Брею, процитировав его замечательное произведение «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению», Лидс, 1839»[197]. Одних только цитат из Брея, приведенных здесь Марксом, достаточно для устранения значительной части претензий Родбертуса на приоритет.

В то время Маркс еще ни разу не бывал в читальном зале Британского музея. Кроме книг парижской и брюссельской библиотек, кроме моих книг и выписок, он просмотрел только те книги, которые можно было достать в Манчестере во время нашей совместной шестинедельной поездки в Англию летом 1845 года. В сороковых годах, следовательно, литература, о которой идет речь, отнюдь не была еще так недоступна, как, возможно, теперь. Если она, тем не менее, оставалась все время неизвестной Родбертусу, то этим он обязан исключительно своей прусской провинциальной ограниченности. Он подлинный основатель специфически прусского социализма и таковым теперь, наконец, признан.

Однако Родбертусу не суждено было оставаться в покое даже в его любезной Пруссии. В 1859 г. в Берлине вышла книга Маркса «К критике политической экономии, первый выпуск»[198]. Там в числе возражений, выдвигаемых экономистами против Рикардо, вторым приводится следующее — стр. 40:

«Если меновая стоимость продукта равна содержащемуся в нем рабочему времени, то меновая стоимость рабочего дня равна его продукту. Другими словами, заработная плата должна быть равна продукту труда. Между тем, в действительности имеет место обратное». Маркс делает к этому следующее примечание: «Это возражение, выдвинутое против Рикардо эконо-

мистами*, впоследствии было подхвачено социалистами. Предполагая теоретическую верность этой формулы, они обвиняли практику в том, что она противоречит теории, и призывали буржуазное общество практически осуществить мнимый вывод из его теоретического принципа. По крайней мере, таким способом английские социалисты обратили формулу меновой стоимости Рикардо против политической экономии»[199]. В том же примечании Маркс ссылается на свою книгу «Нищета философии», которая в то время была еще повсюду в продаже.

Родбертус имел, следовательно, сам полную возможность убедиться, были ли действительно новы его открытия 1842 года. Вместо этого он продолжает постоянно возвещать о них и считает их столь бесподобными, что ему даже в голову не приходит, что Маркс мог самостоятельно сделать свои выводы из теории Рикардо с таким же успехом, как это сделал он сам, Родбертус. Где там! Маркс «ограбил» его, — его, которому тот же Маркс предоставил все возможности удостовериться в том, что эти выводы, по крайней мере, в той грубой форме, какую они еще имеют у Родбертуса, задолго до них обоих уже были высказаны в Англии!

Вышеизложенное и представляет собой простейшее социалистическое применение теории Рикардо. Это применение во многих случаях привело к таким взглядам на происхождение и на природу прибавочной стоимости, которые шли гораздо дальше, чем взгляды Рикардо; так было в числе других и у Родбертуса. Но, не говоря уже о том, что в этом отношении он нигде не дает ничего такого, что не было бы по меньшей мере так же хорошо выражено уже ранее, у него, подобно его предшественникам, изложение страдает тем, что он некритически заимствует экономические категории — труд, капитал, стоимость и т. д. — в их грубой, выражающей лишь поверхность явления форме, перешедшей к нему по наследству от экономистов, не исследуя содержания этих категорий. Этим он не только отрезает себе всякий путь к дальнейшему развитию, в противоположность Марксу, впервые сделавшему нечто из этих положений, о которых твердят вот уже 64 года, но и открывает себе, как увидим ниже, прямой путь к утопии.

Указанное применение теории Рикардо, — что рабочим, как единственным действительным производителям, принадлежит весь общественный продукт, *их* продукт, — ведет прямо к коммунизму. Но, как отмечает Маркс в вышеприведенных строках, в формально-экономическом смысле этот вывод ложен,

* У Маркса — «буржуазными экономистами». *Ред.*

так как представляет собой просто приложение морали к политической экономии. По законам буржуазной политической экономии наибольшая часть продукта *не* принадлежит рабочим, которые его произвели. Когда же мы говорим: это несправедливо, этого не должно быть, — то до этого политической экономии непосредственно нет никакого дела. Мы говорим лишь, что этот экономический факт противоречит нашему нравственному чувству. Поэтому Маркс никогда не обосновывал свои коммунистические требования такими доводами, а основывался на неизбежном, с каждым днем все более и более совершающемся на наших глазах крушении капиталистического способа производства; Маркс говорит только о том простом факте, что прибавочная стоимость состоит из неоплаченного труда. Но что неверно в формально-экономическом смысле, может быть верно во всемирно-историческом смысле. Если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым, как в свое время рабство или барщину, то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя, что появились другие экономические факты, в силу которых он стал невыносимым и несохранимым. Позади формальной экономической неправды может быть, следовательно, скрыто истинное экономическое содержание. Здесь не место более подробно говорить о значении и истории теории прибавочной стоимости.

Но из теории стоимости Рикардо можно, кроме того, делать еще и другие выводы, и это было сделано. Стоимость товаров определяется необходимым для их производства трудом. А между тем оказывается, что в нашем грешном мире товары продаются то выше, то ниже своей стоимости, и притом не только вследствие колебаний, вызываемых конкуренцией. Норма прибыли имеет такую же тенденцию выравниваться до одного уровня для всех капиталистов, как цены товаров имеют тенденцию сводиться посредством спроса и предложения к их трудовой стоимости. Но норма прибыли исчисляется по отношению ко всему капиталу, вложенному в промышленное предприятие. А так как в двух различных отраслях промышленности годовой продукт может воплощать одинаковые количества труда и представлять, следовательно, равные стоимости, причем заработная плата в обеих отраслях также может быть одинаковой, а капиталы, авансированные в одну отрасль промышленности, могут быть и часто бывают вдвое или втрое больше, чем в другой, то закон стоимости Рикардо вступает здесь в открытое уже самим Рикардо противоречие с законом равной нормы прибыли. Если продукты обеих отраслей промышленности

продаются по их стоимостям, то нормы прибыли не могут быть равными; при равных же нормах прибыли продукты обеих отраслей промышленности не всегда будут продаваться по их стоимостям. Мы имеем здесь, следовательно, противоречие, антиномию двух экономических законов, на практике разрешаемое, по мнению Рикардо (гл. I, отделы 4 и 5[200]), как правило, в пользу нормы прибыли за счет стоимости.

Но рикардовское определение стоимости, несмотря на свои зловещие свойства, имеет одну сторону, которая делает его милым сердцу добропорядочного буржуа. Оно с непреоборимой силой взывает к его чувству справедливости. Справедливость и равенство прав — таковы основные устои, на которых буржуа XVIII и XIX веков хотел бы воздвигнуть свое общественное здание на развалинах феодальных несправедливостей, неравенств и привилегий. Определение же стоимости товаров трудом и совершающийся на основании этой меры стоимости свободный обмен продуктов труда между равноправными товаровладельцами — таковы, как уже доказал Маркс, реальные основы, на которых строится вся политическая, юридическая и философская идеология современной буржуазии. Раз установлено, что труд есть мера стоимости товара, то добропорядочный буржуа должен чувствовать себя глубоко оскорбленным в своих лучших чувствах бесчестностью этого мира, который, правда, признает этот основной закон справедливости на словах, на деле же, по-видимому, ежеминутно бесцеремонным образом им пренебрегает. И особенно мелкий буржуа, честный труд которого, — хотя бы даже это только труд его подмастерьев и учеников, — изо дня в день все больше и больше обесценивается конкуренцией крупной промышленности и машин, особенно мелкий производитель должен страстно желать такого общества, в котором обмен продуктов по их трудовой стоимости будет, наконец, совершенной и безусловной истиной. Другими словами: он должен страстно желать такого общества, в котором действует исключительно и без ограничений только один закон товарного производства, но устранены те условия, при которых он только и может иметь силу, а именно — остальные законы товарного, а затем и капиталистического производства.

Как глубоко проникла эта утопия в мышление современного — по действительному положению или по воззрениям — мелкого буржуа, доказывает тот факт, что уже в 1831 г. она была систематически развита Джоном Греем[201], в тридцатых годах в Англии ее пытались осуществить на практике и широко пропагандировали в теории; в 1842 г. она была провозглашена в качестве новейшей истины Родбертусом в Германии, в 1846 г. —

Прудоном во Франции, в 1871 г. еще раз возвещена Родбертусом в качестве решения социального вопроса и как бы его, Родбертуса, социального завещания[202], а в 1884 г. она снова находит приверженцев среди армии карьеристов, которые намереваются использовать прусский государственный социализм, опираясь на имя Родбертуса[203].

Критика этой утопии, направленная Марксом как против Прудона, так и против Грея (см. приложение к этой книге[204]), носит настолько исчерпывающий характер, что я могу ограничиться здесь несколькими замечаниями о специально родбертусовской форме ее обоснования и изложения.

Как уже сказано, Родбертус воспринимает ходячие определения экономических понятий целиком в той форме, в какой они перешли к нему по наследству от экономистов. Он не делает ни малейшей попытки исследовать их. Стоимость для него есть

«количественная значимость одной вещи сравнительно с другими, когда эта значимость понимается как мера»[205].

Это, мягко выражаясь, в высшей степени неясное определение в лучшем случае дает нам представление о том, как приблизительно выглядит стоимость, но абсолютно ничего не говорит о том, что она такое. А так как это все, что Родбертус в состоянии нам сказать о стоимости, то понятно, что он ищет такую меру стоимости, которая находится вне стоимости. После того как он на тридцати страницах самым беспорядочным образом смешивает потребительную стоимость с меновой, проявляя такую силу абстрактного мышления, которая вызывает бесконечное восхищение г-на Адольфа Вагнера[206], он приходит к выводу, что действительной меры стоимости не существует и что приходится довольствоваться суррогатной мерой. В качестве таковой мог бы служить труд, но лишь в том случае, если бы продукты равного количества труда всегда обменивались на продукты равного же количества труда, независимо от того, «имеет ли этот случай место сам по себе или же осуществляются мероприятия», которые его гарантируют[207]. Стоимость и труд остаются, следовательно, без какой бы то ни было реальной связи, хотя первая глава целиком посвящена разъяснению нам того, что товары «стоят труда», и только труда, и почему именно.

Труд опять-таки некритически берется Родбертусом в той форме, в которой он фигурирует у экономистов. Мало того. Хотя Родбертус и указывает в нескольких словах на различия в интенсивности труда, тем не менее он берет труд в самом

общем виде как «обладающий стоимостью» и, следовательно, измеряющий стоимость — безразлично, расходуется он при нормальных средних общественных условиях или нет. Тратят ли производители на производство продуктов, которые могут быть изготовлены в один день, десять дней или только один день; применяют ли они наилучшие или наихудшие орудия, употребляют ли они свое рабочее время на производство общественно-необходимых предметов и в общественно-необходимом количестве или изготовляют предметы, не пользующиеся никаким спросом, либо предметы, на которые есть спрос, но в количестве большем или меньшем, чем они требуются, — обо всем этом и речи нет: труд есть труд, продукты равного количества труда должны обмениваться одни на другие. Родбертус, который в других случаях всегда готов, кстати и некстати, становиться на точку зрения нации в целом и с высоты всеобщего общественного наблюдательного пункта обозревать отношения отдельных производителей, здесь боязливо этого избегает. И, конечно, только потому, что он с первой же строки своей книги прямо устремляется к утопии рабочих денег, а всякое исследование свойства труда создавать стоимость загромоздило бы его путь непреодолимыми препятствиями. Инстинкт Родбертуса оказался здесь значительно сильнее, чем его сила абстрактного мышления, которую, кстати сказать, можно открыть у него только обладая весьма конкретной скудостью мысли.

Переход к утопии совершен в одно мгновение. «Мероприятия», обеспечивающие обмен товаров по их трудовой стоимости в виде правила без исключений, не представляют для Родбертуса никаких затруднений. Другие утописты того же направления, от Грея до Прудона, мучились над тем, что, мудрствуя, измышляли общественные учреждения, которые должны были осуществить эту цель. Они пытались, по крайней мере, решать экономические вопросы экономическим же путем, путем действий самих товаровладельцев, обменивающихся своими товарами. У Родбертуса дело решается гораздо проще. Как истый пруссак, он апеллирует к государству, и реформа декретируется государственной властью.

Тем самым благополучно «конституируется» стоимость, но отнюдь не приоритет в этом конституировании, на что претендует Родбертус. Наоборот, Грей и Брей — наряду со многими другими — задолго до Родбертуса повторяли до пресыщения ту же мысль — благое пожелание таких мероприятий, при помощи которых продукты всегда и при всех обстоятельствах обменивались бы только по их трудовой стоимости.

После того как государство таким образом конституировало стоимость, по крайней мере, части продуктов, — ведь Родбертус к тому же и скромен, — оно выпускает свои бумажные рабочие деньги и ссужает ими промышленных капиталистов, которые оплачивают ими рабочих, а эти последние покупают на полученные бумажные рабочие деньги продукты, возвращая таким путем бумажные деньги к их исходному пункту. Как восхитительно все это происходит, мы должны услышать от самого Родбертуса.

«Что касается второго условия, то мероприятие, необходимое для того, чтобы в обращении действительно была обозначенная на расписке стоимость, заключается в том, что только тот, кто действительно отдает продукт, получает расписку, на которой точно указывается количество труда, затраченного на изготовление этого продукта. Кто отдает продукт двух дней труда, тот получает расписку, на которой обозначено «два дня». Точным соблюдением этого правила при эмиссии должно с необходимостью выполняться и это второе условие. Так как действительная стоимость продуктов, согласно нашей предпосылке, всегда совпадает с количеством труда, потраченного на их изготовление, а это количество труда измеряется масштабом обычных единиц времени, то лицо, доставляющее продукт, на который затрачено два дня труда, если оно получает расписку с отметкой о двух днях, имеет свидетельство, или ассигновку, на стоимость не большую и не меньшую той, которую оно действительно доставило; — и так как, далее, такое свидетельство получает *только* тот, кто действительно доставил продукт для обращения, то несомненно также, что отмеченная в расписке стоимость имеется в наличности для удовлетворения потребностей общества. Если это правило строго соблюдается, то какой бы широкий круг разделения труда ни представить себе, *сумма наличной стоимости* должна *быть в точности равна сумме стоимости, засвидетельствованной на расписках.* А так как сумма засвидетельствованной стоимости есть вместе с тем в точности сумма стоимости выданных ассигновок, то и последняя сумма должна *в силу необходимости совпадать с количеством наличной стоимости, все претензии будут удовлетворены, и ликвидация этих претензий совершится правильно»* (стр. 166— 167).

Если до сих пор Родбертус имел несчастье вечно запаздывать со своими новыми открытиями, то на этот раз, по крайней мере, ему можно поставить в заслугу *одного* рода оригинальность: в такой детски-наивной, прозрачной, я бы сказал, истинно померанской форме ни один из его конкурентов не отважился высказать всю нелепость утопии рабочих денег. Так как под каждую расписку доставлен соответствующий носитель стоимости и ни один носитель стоимости, в свою очередь, не выдается иначе, как только после представления соответствующей расписки, то сумма расписок должна постоянно покрываться суммой носителей стоимости; сведение счета происходит без малейшего остатка, все совпадет, вплоть до секунды труда, и ни один поседевший на службе счетовод

главной кассы государственного казначейства не в состоянии будет открыть в нем ни малейшего просчета. Чего же еще более желать?

В современном капиталистическом обществе каждый промышленный капиталист производит на свой риск и страх — что, как и сколько хочет. Но общественная потребность остается для него неизвестной величиной, с точки зрения как качества, рода требуемых предметов, так и их количества. То, что сегодня не может быть достаточно скоро доставлено, может быть завтра предложено в количестве, далеко превышающем потребность. Тем не менее, так или иначе, хорошо или плохо, потребность, в конечном счете, удовлетворяется, а производство, в конце концов, направляется в общем и целом на требуемые предметы. Как же разрешается это противоречие? Конкуренцией. А как достигает этого конкуренция? Очень просто: заставляя снижать цены товаров, по своему роду или количеству не соответствующих в данный момент общественной потребности, ниже их трудовой стоимости; этим окольным путем конкуренция дает производителям почувствовать, что они произвели предметы, которые или вообще не нужны или сами по себе нужны, но произведены в ненужном, избыточном количестве. Отсюда вытекают два вывода.

Во-первых, постоянные отклонения цен товаров от их стоимостей составляют необходимое условие, при котором и в силу которого только и может проявляться сама стоимость товара. Только благодаря колебаниям конкуренции, а тем самым и товарных цен, прокладывает себе путь закон стоимости товарного производства, и становится действительностью определение стоимости товара общественно-необходимым рабочим временем. И если при этом форма проявления стоимости — цена, — как правило, выглядит несколько иначе, чем стоимость, проявлением которой она служит, то стоимость разделяет в этом случае судьбу большинства общественных отношений. Король также выглядит в большинстве случаев совершенно иначе, чем монархия, которую он представляет. Поэтому тот, кто в обществе товаропроизводителей, обменивающихся своими товарами, хочет установить определение стоимости рабочим временем, запрещая конкуренции осуществлять это определение стоимости путем давления на цены, то есть единственным путем, каким это вообще может быть достигнуто, — доказывает только, что, по крайней мере в этой области, он усвоил себе обычное для утопистов пренебрежение экономическими законами.

Во-вторых, поскольку в обществе товаропроизводителей, обменивающихся своими товарами, конкуренция приводит

в действие присущий товарному производству закон стоимости, она этим самым осуществляет такую организацию и такой порядок общественного производства, которые являются единственно возможными при данных обстоятельствах. Только обесценение или чрезмерное вздорожание продуктов воочию показывают отдельным производителям, что и в каком количестве требуется или не требуется для общества. Между тем именно этот единственный регулятор и хочет упразднить утопия, представляемая также и Родбертусом. Если же мы теперь спросим, какие у нас гарантии, что каждый продукт будет производиться в необходимом количестве, а не в большем, что мы не будем нуждаться в хлебе и мясе, задыхаясь под грудами свекловичного сахара и утопая в картофельной водке, или что мы не будем испытывать недостатка в брюках, чтобы прикрыть свою наготу, среди миллионов пуговиц для брюк, то Родбертус с торжеством укажет нам на свой знаменитый расчет, согласно которому за каждый излишний фунт сахара, за каждую непроданную бочку водки, за каждую не пришитую к брюкам пуговицу выдана правильная расписка, расчет, в котором все в точности «совпадает» и по которому «все претензии будут удовлетворены, и ликвидация этих претензий совершится правильно». А кто этому не верит, тот пусть обратится к счетоводу Икс главной кассы государственного казначейства в Померании, который проверял счет, нашел его правильным и как человек, еще ни разу в недочете по кассе не уличенный, заслуживает полного доверия.

Обратим теперь внимание на ту наивность, с которой Родбертус думает устранить посредством своей утопии промышленные и торговые кризисы. Когда товарное производство достигает размеров мирового рынка, то соответствие между производством отдельных производителей, руководствующихся своим частным расчетом, и рынком, для которого они производят и потребности которого в отношении количества и качества товаров остаются для них более или менее неизвестными, устанавливается путем бури на мировом рынке, путем торгового кризиса*. Запретить же конкуренции посредством повышения или понижения цен ставить отдельных производителей в известность о состоянии мирового рынка — значит совершенно за-

* Так было, по крайней мере, до недавнего времени. С тех пор, как монополия Англии на мировом рынке все более подрывается участием в мировой торговле Франции, Германии и, прежде всего, Америки, намечается, по-видимому, новая форма установления такого соответствия. Предшествующий кризису период всеобщего процветания все еще не наступает. Если он совсем не придет, то хронический застой лишь с небольшими колебаниями должен будет сделаться нормальным состоянием современной промышленности.

крыть им глаза. Организовать производство товаров таким образом, чтобы производители совсем ничего больше не могли узнавать о состоянии рынка, на который они производят, — это, конечно, такой способ лечения болезни кризисов, в отношении которого Родбертусу мог бы позавидовать сам доктор Эйзенбарт.

Теперь понятно, почему Родбертус определяет стоимость товара просто «трудом» и допускает разве только различные степени интенсивности труда. Если бы он исследовал, при помощи чего и как труд создает и, следовательно, также определяет и измеряет стоимость, то он пришел бы к общественно-необходимому труду — необходимому для отдельного продукта по отношению как к другим продуктам того же рода, так и ко всей общественной потребности. Это привело бы его к вопросу о том, как совершается приспособление производства отдельных товаропроизводителей к совокупной общественной потребности, а вместе с тем сделало бы невозможной и всю его утопию. На этот раз он действительно предпочел «абстрагироваться», а именно «абстрагироваться» от самой сути дела.

Теперь, наконец, мы переходим к пункту, в котором Родбертус действительно предлагает нам нечто новое, нечто, отличающее его от всех его многочисленных единомышленников по организации менового хозяйства при помощи рабочих денег. Все они требуют такой организации обмена с целью уничтожения эксплуатации наемного труда капиталом. Каждый производитель должен получать полностью трудовую стоимость своего продукта. В этом они согласны все, от Грея до Прудона. Нет, ни в коем случае, — говорит Родбертус, — наемный труд и его эксплуатация остаются.

Во-первых, ни при каком мыслимом общественном строе рабочий не может получать для потребления полную стоимость своего продукта; из произведенного фонда всегда должны будут покрываться расходы на целый ряд экономически непроизводительных, но необходимых функций, а следовательно, и на содержание лиц, выполняющих эти функции. — Это верно лишь до тех пор, пока существует современное разделение труда. В обществе с обязательным для всех производительным трудом, — а ведь такое общество также «мыслимо», — это отпадает. Но осталась бы необходимость в общественном резервном фонде и в фонде накопления, и поэтому тогда *эти* рабочие, то есть все члены общества, будут, правда, владеть и пользоваться всем своим продуктом, по каждый в отдельности не будет пользоваться своим «полным трудовым доходом». Расходы на экономически непроизводительные функции за счет продукта труда не были упущены из виду и другими представителями утопической

теории рабочих денег. Но они предоставляют самим рабочим в обычном демократическом порядке облагать себя налогом для этой цели, тогда как Родбертус, вся социальная реформа которого выкроена в 1842 г. применительно к тогдашнему прусскому государству, передает все дело на усмотрение бюрократии, которая сверху определяет и милостиво выдает рабочему его долю из его собственного продукта.

А во-вторых, земельная рента и прибыль также должны остаться в неурезанном виде. Ибо, мол, землевладельцы и промышленные капиталисты также выполняют известные общественно-полезные и даже необходимые функции, хотя экономически и непроизводительные, и в виде земельной ренты и прибыли получают в определенной мере содержание за это, — взгляд, как известно, отнюдь не новый даже в 1842 году. Собственно говоря, они получают теперь чересчур уж много за то немногое, что они выполняют, и притом довольно плохо, но Родбертусу нужен привилегированный класс по меньшей мере на ближайшие 500 лет, а потому современная норма прибавочной стоимости — я употребляю это точное выражение — должна быть сохранена, но не должна возрастать. Эту современную норму прибавочной стоимости Родбертус принимает в 200%, то есть при ежедневном двенадцатичасовом труде рабочий должен получать расписку не на двенадцать, а только на четыре часа, стоимость же, произведенная в остальные восемь часов, должна делиться между землевладельцем и капиталистом. Трудовые расписки Родбертуса, следовательно, служат для обмана. Но нужно опять-таки быть владельцем дворянского поместья в Померании, чтобы вообразить, что рабочий класс согласится работать по двенадцать часов, а получать расписки на четыре часа. Если перевести фокус-покус капиталистического производства на этот наивный язык, то он выступает как неприкрытый грабеж и становится невозможным. Каждая выданная рабочему расписка была бы прямым призывом к восстанию и подпадала бы под действие § 110 германского Имперского уголовного кодекса[208]. Нужно быть человеком, никогда не видевшим иного пролетариата, кроме находящихся еще фактически в полукрепостном состоянии поденщиков дворянских поместий в Померании, где господствуют кнут и палка и где все красивые женщины деревни составляют принадлежность барского гарема, чтобы представить себе, что можно выступать перед рабочими с такими бесстыдными предложениями. Да, но наши консерваторы ведь самые большие наши революционеры.

Но если наши рабочие проявят достаточно кротости, чтобы позволить себя убедить, будто в течение всех двенадцати часов

тяжелого труда они в действительности проработали только четыре часа, то в награду за это им на веки вечные будет гарантировано, что их доля в их собственном продукте никогда не упадет ниже одной трети. Это действительно разыгранная на игрушечной трубе музыка будущего, и о ней не стоит и разговаривать. Итак, то новое, что внесено Родбертусом в утопию обмена при помощи рабочих денег, есть просто ребячество и стоит гораздо ниже всего того, что написано его многочисленными коллегами как до него, так и после.

В то время, когда появилась работа Родбертуса «К познанию и т. д.», она, несомненно, была значительной книгой. Разработка им в известном направлении теории стоимости Рикардо была многообещающим началом. Хотя она и была новой только для него и для Германии, но в целом она все же стоит на одном уровне с произведениями его лучших английских предшественников. Но это было именно только начало, из которого действительный вклад в теорию мог получиться лишь при дальнейшей основательной и критической работе. Этот дальнейший путь, однако, он сам себе отрезал тем, что с самого начала принялся развивать теорию Рикардо и в другом направлении, в направлении к утопии. Вместе с этим им было утеряно первое условие всякой критики — отсутствие предвзятого мнения. Он всю свою работу подгонял к заранее намеченной цели, стал тенденциозным экономистом. Раз очутившись во власти своей утопии, он лишил себя всякой возможности научного прогресса. С 1842 г. до своей смерти Родбертус вертится как белка в колесе, постоянно повторяет одни и те же мысли, высказанные или намеченные уже в первом его произведении, чувствует себя непризнанным, считает себя ограбленным там, где нечего было грабить, и, наконец, не без умысла отказывается понять, что он вновь открыл в сущности давно уже открытое.

В некоторых местах немецкий перевод отличается от печатного французского оригинала. Изменения предприняты на основании исправлений, сделанных рукою Маркса; они будут внесены также в подготовляемое новое французское издание[209].

Едва ли еще нужно обращать внимание читателей на то обстоятельство, что употребляемые в этом произведении термины не вполне совпадают с терминологией «Капитала». Так, например, вместо рабочей *силы [*Arbeits*kraft]* здесь еще говорится о *труде [Arbeit]* как товаре, о купле и продаже труда.

В качестве дополнения к настоящему изданию приложены 1) выдержка из произведения Маркса «К критике политической экономии», Берлин, 1859, о *первой* утопии обмена при помощи рабочих денег, принадлежащей Джону Грею, и 2) перевод брюссельской речи Маркса о свободе торговли (1848)[210], относящейся к тому же периоду развития Маркса, как и «Нищета философии».

Лондон, 23 октября 1884 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в журнале «Die Neue Zeit» № 1, январь 1885 г. и в книге: K. Marx. «Das Elend der Philosophie». Stuttgart, 1885

Печатается по тексту немецкого издания 1892 г.

Перевод с немецкого

ИМПЕРАТОРСКИЕ РУССКИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ТАЙНЫЕ ДИНАМИТНЫЕ СОВЕТНИКИ [211]

Всем известно, что русское правительство пускает в ход все средства, чтобы заключить с западноевропейскими государствами соглашения о выдаче русских революционеров-эмигрантов.

Всем известно также и то, что этому правительству важно прежде всего добиться такого соглашения с Англией.

Всем известно, наконец, что официальная Россияне отступает ни перед какими средствами, если только они ведут к цели.

Так вот, 13 января 1885 г. Бисмарк заключает с Россией соглашение, по которому каждый русский политический эмигрант должен быть выдан, как только России заблагорассудится предъявить ему обвинение как возможному цареубийце или динамитчику[212].

15 января г-жа Ольга Новикова, та самая г-жа Новикова, которая в 1877 и 1878 гг. перед турецкой войной и во время ее так блестяще провела благородного г-на Гладстона в интересах России, опубликовала в «Pall Mall Gazette» воззвание к Англии[213]. В этом воззвании Англию призывают не допускать больше, чтобы такие люди, как Гартман, Кропоткин и Степняк, конспирировали на английской территории «с *целью убивать нас в России»,* — теперь, когда динамит вот-вот взорвется под ногами у самих англичан. Разве не того же самого Россия требует от Англии в отношении русских революционеров, чего Англия теперь сама должна требовать от Америки в отношении ирландских динамитчиков?

24 января утром в Лондоне публикуется прусско-русское соглашение.

И 24 января в 2 часа пополудни на протяжении четверти часа в Лондоне происходят три динамитных взрыва, которые производят больше опустошений, чем все прежние взрывы, имеете взятые, и ранят по меньшей мере семь, а по другим сведениям восемнадцать человек.

Эти взрывы подоспели слишком уж кстати, чтобы не вызвать вопроса: кому они на пользу? Кто наиболее заинтересован в этих, в других отношениях бесцельных, ни против кого в частности не направленных устрашающих взрывах, жертвой которых пали не только нижние чины полиции и буржуа, но и рабочие, их жены и дети? Кто? Те несколько ирландцев, которые доведены до отчаяния жестокостью английского правительства, особенно во время их тюремного заключения, и которых подозревают в том, что они подложили динамит? Или же русское правительство, которое не может добиться своей цели — соглашения о выдаче, — не оказав совершенно исключительного давления на английское правительство и английский народ, давления, которое могло бы привести общественное мнение Англии в состояние слепого бешенства против динамитчиков?

Когда польские эмигранты — за очень немногими исключениями — не захотели согласиться на то, чтобы, в соответствии с желанием русской дипломатии и полиции, заняться подделкой русских бумажных денег, русское правительство послало за границу агентов, в том числе статского советника Каменского, чтобы побудить к этому эмигрантов, а когда и это не удалось, господа Каменский и компания должны были сами заняться подделкой русских бумажных денег. Все это подробно изложено в брошюре «Фальшивомонетчики или Агенты русского правительства». Женева. Г. Георг. 1875[214]. — Швейцарская, лондонская, а, вероятно, также и парижская полиция могут кое-что рассказать о том, как, преследуя русских фальшивомонетчиков, она, как правило, наталкивалась, в конце концов, на людей, преследование которых русское посольство упорно отклоняло.

О том, что может сделать официальная Россия для устранения мешающих ей лиц при помощи яда, кинжала и т. п., достаточно примеров дает история Балканского полуострова за последние сто лет. Сошлюсь лишь на известную книгу: Элиас Реньо. «История дунайских княжеств», Париж, 1855[215]. Русская дипломатия постоянно имеет в своем распоряжении всякого рода агентов, в том числе и таких, услугами которых пользуются для всяких подлостей и от которых затем отрекаются.

У меня, следовательно, пока что нет оснований сомневаться в том, что лондонские взрывы 24 января 1885 г. дело рук

России. Возможно, что динамит подложили ирландские руки, но более чем вероятно, что их направляли русская голова и русские деньги.

Способ борьбы русских революционеров продиктован им вынужденными обстоятельствами, действиями самих их противников. За применяемые ими средства эти революционеры ответственны перед своим народом и историей. Но те господа, которые без нужды школьнически пародируют эту борьбу в Западной Европе, стараются свести революцию до уровня Шиндерганнеса, направляют свое оружие даже не против настоящих врагов, а против публики вообще, — эти господа ни в каком случае не последователи и не союзники русской революции, а ее злейшие враги. С тех пор как выяснилось, что кроме официальной России никто не заинтересован в успехе этих подвигов, вопрос идет только о том, кто из этих господ является невольным и кто добровольным, платным агентом русского царизма.

Лондон, 25 января 1885 г.

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» № 5, 29 января 1885 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого



АНГЛИЯ В 1845 И 1885 ГОДАХ [216]

Сорок лет тому назад Англия стояла перед кризисом, который, по всей видимости, мог быть разрешен только насилием. Гигантское и быстрое развитие промышленности далеко опередило расширение внешних рынков и рост спроса. Каждые десять лет ход производства насильственно прерывался общим торговым кризисом, за которым после долгого периода хронического застоя следовали немногие годы процветания, всякий раз кончавшиеся лихорадочным перепроизводством и, в заключение, новым крахом. Класс капиталистов громко требовал свободной торговли хлебом и грозил добиться этого путем отправки голодающих жителей городов обратно в те сельские районы, откуда они пришли, причем, как выразился Джон Брайт, не как бедняков, выпрашивающих хлеб, а как армию, располагающуюся на территории неприятеля. Рабочие массы городов требовали для себя участия в политической власти — Народной хартии[217]; их поддерживало большинство мелкой буржуазии, и единственное разногласие между ними и ею состояло лишь в том, как надо добиваться осуществления Хартии: путем физической или моральной силы[*]. Между тем наступили торговый кризис 1847 г. и голод в Ирландии, а вместе с ними и перспектива революции.

Французская революция 1848 г. спасла английскую буржуазию. Социалистические лозунги победоносных французских рабочих напугали английскую мелкую буржуазию и внесли

[*] В немецком переводе вместо слов «путем физической или моральной силы» напечатано: «насильственным или законным путем». *Ред.*

дезорганизацию в движение английского рабочего класса, протекавшее в более узких рамках, но имевшее в большей степени непосредственно практический характер. Как раз в тот момент, когда чартистское движение должно было развернуться в полную силу, оно оказалось надломленным изнутри еще до того, как наступило внешнее поражение 10 апреля 1848 года[218]. Деятельность* рабочего класса была отодвинута на задний план. Класс капиталистов одержал победу по всей линии.

Парламентская реформа 1831 г.[219] была победой всего класса капиталистов над землевладельческой аристократией. Отмена хлебных пошлин[220] была победой промышленных капиталистов не только над крупным землевладением, но и над теми группами капиталистов, интересы которых были более или менее тесно связаны** с интересами землевладения, то есть банкиров, биржевиков, рантье и т. д. Свобода торговли означала преобразование всей внутренней и внешней торговой и финансовой политики Англии в соответствии с интересами промышленных капиталистов, класса, который теперь представлял нацию. И этот класс энергично принялся за дело. Каждое препятствие промышленному производству беспощадно устранялось. В таможенном тарифе и во всей налоговой системе был произведен полный переворот. Все было подчинено одной цели, но цели в высшей степени важной для промышленных капиталистов: удешевление всех видов сырья и в особенности жизненных средств для рабочего класса, сокращение расходов на сырье и сохранение на прежнем уровне, — если не *снижение,* — заработной платы. Англия должна была стать «мастерской мира»; все другие страны должны были стать для Англии тем, чем уже была Ирландия, — рынками сбыта для ее промышленных изделий, снабжающими ее, со своей стороны, сырьем и продовольствием. Англия — великий промышленный центр сельскохозяйственного мира, то промышленное солнце, вокруг которого вращается постоянно увеличивающееся число Ирландий***, производящих зерно и хлопок. Какая величественная перспектива!

Промышленные капиталисты приступили к осуществлению этой своей великой цели с тем крепким здравым смыслом и с тем презрением к традиционным принципам, которыми они

* В немецком переводе вместо слова «Деятельность» напечатано: «Политическая деятельность». *Ред.*

** В немецком переводе вместо слов «более или менее тесно связаны» напечатано: «тождественны или тесно связаны». *Ред.*

*** В немецком переводе вместо слова «Ирландии» напечатано: «спутников». *Ред.*

всегда отличались от своих более ограниченных* континентальных конкурентов. Чартизм умирал. Вновь начавшийся период процветания промышленности, естественный** после того как крах 1847 г. был вполне изжит, приписывался исключительно влиянию свободы торговли. Вследствие этих двух причин английский рабочий класс оказался политически в хвосте великой либеральной партии — партии, которой руководили фабриканты. Это раз достигнутое выгодное положение надо было увековечить. А оппозиция*** чартистов не против свободы торговли как таковой, а против превращения свободы торговли в единственный жизненный вопрос нации, показала фабрикантам и с каждым днем показывает им все более, что без помощи рабочего класса буржуазии никогда не удастся добиться полного социального и политического господства над нацией. Так постепенно изменились взаимные отношения обоих классов. Фабричные законы, бывшие некогда жупелом для всех фабрикантов, теперь не только соблюдались ими добровольно, но даже были в большей или меньшей степени распространены почти на все отрасли промышленности. Тред-юнионы, которые недавно еще считались исчадием ада, теперь стали пользоваться вниманием и покровительством фабрикантов как совершенно законные учреждения и как полезное средство для распространения среди рабочих здравых экономических воззрений. Даже стачки, которые до 1848 г. преследовались, были теперь также признаны подчас весьма полезными, в особенности когда господа фабриканты в подходящий момент сами их вызывали. Из законов, которыми рабочий лишался равенства в правах со своим работодателем, были упразднены по крайней мере самые возмутительные, а некогда столь страшная «Народная хартия» стала по существу политической программой тех самых фабрикантов, которые до последнего времени выступали против нее. «Отмена имущественного ценза»[221] и «тайное голосование» были проведены законодательным путем. Парламентские реформы 1867 и 1884 гг.[222] сильно приближаются уже к «всеобщему избирательному праву» по крайней мере в том виде, в каком оно существует теперь в Германии; новый проект закона о перераспределении мест в избирательных округах, обсуждаемый сейчас в парламенте, создает «рав-

---

* В немецком переводе вместо слов «более ограниченных» напечатано: «зараженных филистерством». *Ред.*

** В немецком переводе вместо слова «естественный» напечатано: «естественный и чуть ли не само собой разумеющийся». *Ред.*

*** В немецком переводе вместо слова «оппозиция» напечатано: «резкая оппозиция». *Ред.*

ные избирательные округа», во всяком случае в общем не менее равные, чем во Франции или в Германии. Уже намечаются как несомненные достижения в ближайшем будущем «вознаграждение депутатам» и сокращение срока мандатов, хотя, правда, до «ежегодно переизбираемого парламента» дело еще не дошло; и при всем том находятся люди, которые говорят, что чартизм мертв.

У революции 1848 г., как и у многих ее предшественниц, были своеобразные попутчики и наследники*. Те самые люди, которые ее подавили, стали — как любил говорить Карл Маркс — ее душеприказчиками. Луи-Наполеон был вынужден создать единую и независимую Италию, Бисмарк был вынужден совершить своего рода переворот в Германии и вернуть Венгрии независимость**, а английским фабрикантам пришлось*** дать Народной хартии силу закона.

Для Англии последствия этого господства промышленных капиталистов сначала были поразительны. Промышленность вновь ожила и стала развиваться с быстротой, неслыханной даже для этой колыбели современной индустрии. Все прежние изумительные успехи, достигнутые благодаря применению пара и машин, совершенно бледнели в сравнении с мощным подъемом производства за двадцать лет, от 1850 до 1870 г., с колоссальными цифрами вывоза и ввоза, с несметным количеством богатств, накоплявшихся в руках капиталистов, и человеческой рабочей силы, сконцентрированной в гигантских городах. Этот подъем, правда, прерывался, как и раньше, кризисами, повторявшимися каждые десять лет: в 1857 г., а также в 1866 году; но эти рецидивы считались теперь естественными неизбежными явлениями, через которые приходится пройти, но после которых, в конце концов, все возвращается в прежнюю колею.

Каково же было положение рабочего класса в этот период? Порой наступало улучшение, даже для широких масс. Но это улучшение каждый раз опять сводилось на нет притоком огромного числа людей из резерва безработных, непрестанным вытеснением рабочих новыми машинами и приливом сельского населения****, которое также все более и более вытеснялось теперь машинами.

* В немецком переводе вместо слов «были своеобразные попутчики и наследники» напечатано: «была странная судьба». *Ред.*

** В немецком переводе вместо слова «независимость» напечатано: «известную независимость». *Ред.*

*** В немецком переводе вместо слова «пришлось» напечатано: «не оставалось сделать ничего лучшего, как». *Ред.*

**** В немецком переводе вместо слов «сельского населения» напечатано; «сельскохозяйственных рабочих». *Ред.*

Длительное улучшение мы находим только в положении двух «привилегированных» категорий рабочего класса. К первой категории принадлежат фабричные рабочие. Законодательное установление относительно рациональных границ их рабочего дня восстановило* их физическое состояние и дало им моральное преимущество, еще усиленное их концентрацией в определенных местах. Их положение несомненно лучше, чем до 1848 года. Это больше всего подтверждается тем, что из десяти стачек, которые они проводят, девять бывают вызваны самими фабрикантами в своих собственных интересах как единственное средство обеспечить сокращение производства. Вы никогда не уговорите фабрикантов согласиться на сокращение рабочего времени, хотя бы их товары и вовсе не находили сбыта; но заставьте рабочих объявить стачку, и капиталисты все до одного закроют свои фабрики.

Вторую категорию составляют крупные тред-юнионы. Это организации таких отраслей производства, в которых применяется исключительно или, по крайней мере, преобладает труд *взрослых мужчин.* Ни конкуренция женского и детского труда, ни конкуренция машин не смогли до сих пор сломить их организованную силу. Организации механиков, плотников и столяров, каменщиков являются каждая в отдельности такой силой, что могут даже, как например каменщики и их подручные, с успехом противостоять введению машин. Несомненно, их положение с 1848 г. значительно улучшилось; наилучшим доказательством этого служит то, что в течение более пятнадцати лет не только хозяева были чрезвычайно довольны ими, но и они — хозяевами. Они образуют аристократию в рабочем классе; им удалось добиться сравнительно обеспеченного положения, и это они считают окончательным. Это образцовые рабочие господ Лиона Леви и Джиффена**, и они в самом деле очень милые, покладистые люди для всякого неглупого капиталиста в отдельности и для класса капиталистов в целом.

Но что касается широкой массы рабочих, то степень ее нищеты и необеспеченности ее существования в настоящее время так же велика, как была всегда, если только не больше. Лондонский Ист-Энд[223] представляет собой все расширяющуюся трясину безысходной нищеты и отчаяния, голода в период безработицы, физической и моральной деградации при наличии работы. То же самое, если не принимать во внимание

* В немецком переводе вместо слов «рабочего дня восстановило» напечатано: «нормального рабочего дня восстановило до известной степени». *Ред.*

** В немецком переводе здесь добавлено: «(а также достопочтенного Луйо Брентано)». *Ред.*

привилегированное меньшинство рабочих, происходит и во всех других больших городах; так же обстоит дело в менее крупных городах и сельских районах. Закон, который сводит *стоимость* рабочей силы к стоимости необходимых средств существования, и другой закон, который сводит, как правило, ее *среднюю цену* к минимуму этих средств существования, — оба эти закона действуют на рабочих с непреодолимой силой автоматической машины, которая давит их между своими колесами.

Таково, стало быть, было положение, созданное установившейся в 1847 г. политикой свободы торговли и двадцатилетним господством промышленных капиталистов. Но затем наступил поворот. Действительно, за кризисом 1866 г. последовало около 1873 г. слабое и кратковременное оживление, но оно было непродолжительным. Правда, полный кризис не имел места тогда, когда его следовало ожидать, в 1877 или 1878 г., но с 1876 г. все главные отрасли промышленности находятся в состоянии хронического застоя. Не наступает ни полный крах, ни долгожданный период процветания, на который можно было рассчитывать как до краха, так и после него. Мертвящий застой, хроническое переполнение всех рынков во всех отраслях — таково состояние, в котором мы живем уже почти десять лет. Чем же это вызвано?

Теория свободы торговли основывалась на одном предположении: Англия должна стать единственным крупным промышленным центром сельскохозяйственного мира. Факты показали, что это предположение является чистейшим заблуждением. Условия существования современной промышленности — сила пара и машины — могут быть созданы везде, где есть топливо, в особенности уголь, а уголь есть, кроме Англии, и в других странах: во Франции, Бельгии, Германии, Америке, даже в России. И жители этих стран не видели никакого интереса в том, чтобы превратиться в голодных ирландских арендаторов только ради вящей славы и обогащения английских капиталистов. Они сами стали производить, причем не только для себя, но и для остального мира; и в результате промышленная монополия, которой Англия обладала почти целое столетие, теперь безвозвратно утеряна.

Но промышленная монополия Англии — это краеугольный камень существующей в Англии общественной системы. Даже во время господства этой монополии рынки не поспевали за растущей производительностью английской промышленности; результатом были кризисы через каждые десять лет. А теперь новые рынки с каждым днем становятся все большей редкостью,

так что даже неграм в Конго навязывают цивилизацию в виде бумажных тканей из Манчестера, глиняной посуды из Стаффордшира и металлических изделий из Бирмингема. Что же будет тогда, когда континентальные и в особенности американские товары хлынут во все возрастающем количестве, когда львиная доля в снабжении всего мира, все еще принадлежащая английским фабрикам, станет из года в год уменьшаться? Пусть даст на это ответ свобода торговли, это универсальное средство!

Не я первый на это указываю. Уже в 1883 г. на собрании Британской ассоциации в Саутпорте председатель ее экономической секции г-н Инглис Палгрейв прямо заявил, что

«для Англии дни больших прибылей уже прошли и дальнейшее развитие различных крупных отраслей промышленности приостановилось. *Можно почти утверждать, что страна переходит в состояние застоя»*[224].

Но каков же будет результат? Капиталистическое производство *не может* стоять на месте: оно должно расти и расширяться или же умереть. Уже теперь одно лишь ограничение львиной доли Англии в снабжении товарами мирового рынка означает застой и нищету, избыток капитала, с одной стороны, избыток незанятых рабочих рук — с другой. Что же будет тогда, когда ежегодного прироста производства совсем не будет?

Вот где уязвимое место, ахиллесова пята капиталистического производства. Постоянное расширение является необходимым условием его существования, а это постоянное расширение становится теперь невозможным. Капиталистическое производство зашло в тупик. С каждым годом перед Англией все более настойчиво встает вопрос: либо должна погибнуть страна, либо капиталистическое производство; кто из них обречен?

А рабочий класс? Если даже во время неслыханного подъема торговли и промышленности с 1848 по 1868 г. ему приходилось жить в такой нищете, если даже тогда его широкая масса в лучшем случае пользовалась лишь кратковременным улучшением своего положения, и только незначительное, привилегированное, «охраняемое» меньшинство имело длительные выгоды, то что же будет, когда этот блестящий период окончательно завершится, когда нынешний гнетущий застой не только усилится, но когда это усилившееся состояние мертвящего гнета станет хроническим, нормальным состоянием английской промышленности?

Истина такова: пока существовала промышленная монополия Англии, английский рабочий класс в известной мере принимал участие в выгодах этой монополии. Выгоды эти распределялись среди рабочих весьма неравномерно: наибольшую часть

забирало привилегированное меньшинство, но и широким массам изредка кое-что перепадало. Вот почему, с тех пор как вымер оуэнизм, в Англии больше не было социализма. С крахом промышленной монополии Англии английский рабочий класс потеряет свое привилегированное положение, он весь, не исключая привилегированного и руководящего меньшинства, окажется на таком же уровне, на каком находятся рабочие других стран. И вот почему социализм снова появится в Англии.

Написано в середине февраля 1885 г.

Напечатано в журнале «The Commonweal» № 2, 1 марта 1885 г. и в переводе автора на немецкий язык в журнале «Die Neue Zeit» № 6, июнь 1885 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту журнала, сверенному с немецким переводом

Перевод с английского

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «КАРЛ МАРКС ПЕРЕД СУДОМ ПРИСЯЖНЫХ В КЁЛЬНЕ» [225]

Чтобы лучше понять приведенные ниже прения, достаточно будет сгруппировать главные события, которые послужили для них исходным моментом.

Трусость германской буржуазии позволила феодально-бюрократически-абсолютистской реакции настолько оправиться от ошеломляющих ударов, полученных в марте 1848 г., что в конце октября была уже неизбежной вторая решительная битва. Падение Вены после долгого героического сопротивления внушило и прусской камарилье мужество для совершения государственного переворота. Покорное берлинское «Национальное собрание» все еще было для нее слишком буйным. Его нужно было разогнать, с революцией следовало покончить.

8 ноября 1848 г. сформировывается министерство Бранденбурга — Мантёйфеля. 9-го оно переносит местопребывание Собрания из Берлина в Бранденбург, для того чтобы последнее там могло «свободно» заседать под охраной штыков, не тревожимое революционными влияниями Берлина. Собрание отказывается переезжать; гражданское ополчение отказывается выступить против Собрания. Министерство распускает и разоружает гражданское ополчение без сопротивления с его стороны и объявляет Берлин на осадном положении. Собрание отвечает тем, что 13 ноября возбуждает против министерства судебное преследование по обвинению в государственной измене. Министерство гоняет Собрание по Берлину из одного помещения в другое. 15 ноября Собрание постановляет, что министерство Бранденбурга не вправе распоряжаться государственными средствами и взимать налоги, пока оно, Собрание, не имеет возможности свободно продолжать свои заседания в Берлине.

Это постановление об отказе от уплаты налогов могло вступить в силу только при условии, если бы народ оказал вооруженное сопротивление при взимании налогов. А в то время в руках гражданского ополчения оставалось еще достаточно оружия. Несмотря на это, почти повсюду ограничивались пассивным сопротивлением. Только в немногих местах готовились силе противопоставить силу. А самым смелым призывом к таким действиям было воззвание Комитета демократических союзов Рейнской провинции, который находился в Кёльне и состоял из *Маркса, Шаппера* и *Шнейдера*[226].

Что на Рейне нельзя было с расчетом на успех поднять борьбу против государственного переворота, победоносно совершенного в Берлине, в этом Комитет не обманывался. В Рейнской провинции было пять крепостей; только в самой провинции, а также в Вестфалии, Майнце, Франкфурте и Люксембурге располагалось около трети всей прусской армии, в том числе много полков из восточных провинций. Гражданское ополчение в Кёльне и других городах было уже распущено и разоружено. Но задача и не заключалась в том, чтобы добиться непосредственной победы в Кёльне, где всего за несколько недель до того было снято осадное положение. Необходимо было показать пример остальным провинциям и, таким образом, спасти революционную честь Рейнской провинции. Это и было сделано.

Прусская буржуазия, которая уступала правительству одну командную позицию за другой из страха перед неожиданными выступлениями пролетариата, тогда еще только начинавшего пробуждаться, которая давно уже раскаивалась в своем прежнем стремлении к власти, которая уже с марта была в полной растерянности от страха, потому что, с одной стороны, ей грозно противостояли силы старого общества, сгруппировавшиеся вокруг абсолютизма, а с другой — юный пролетариат, в котором пробуждалось сознание его классового положения, — прусская буржуазия поступила так, как она всегда поступала в решающие моменты: она смиренно покорилась. А рабочие были не настолько глупы, чтобы драться за буржуазию без буржуазии; для них, в особенности на Рейне, прусские вопросы были и без того чисто местными вопросами; а если идти в огонь за интересы буржуазии, то тогда уж во всей Германии и для всей Германии. Это был знаменательный симптом — уже в то время «прусское верховенство»[227] абсолютно не имело успеха у рабочих.

Словом, правительство победило. Месяц спустя, 5 декабря, оно могло окончательно распустить Берлинское собрание,

которое до того времени влачило довольно жалкое существование, и октроировать новую конституцию, которая, однако, фактически вступила в действие лишь после того, как была превращена в пустой конституционный фарс.

На следующий день после появления воззвания, 20 ноября, трое подписавших его были вызваны к судебному следователю; против них было возбуждено дело по обвинению в подстрекательстве к мятежу. Об аресте не было тогда и речи даже в Кёльне. 7 февраля газете «Neue Rheinische Zeitung» предстояло выдержать испытание на своем первом процессе по делам печати. Маркс, я и ответственный издатель Корф предстали перед присяжными и были оправданы[228]. На следующий день разбиралось дело Комитета[229]. Народ уже раньше вынес свой приговор, избрав за две недели до того обвиняемого Шнейдера депутатом от Кёльна.

Защитительная речь Маркса представляет, разумеется, кульминационный пункт прений. Она в особенности интересна в двух отношениях.

Во-первых, здесь перед буржуазными присяжными выступает коммунист, которому приходится разъяснять им, что действия, которые он совершил и за которые он в качестве обвиняемого стоит перед ними, являются действиями, совершить которые и, более того, сделать из них самые решительные выводы, было, собственно, долгом и обязанностью *их* класса — буржуазии. Одного этого факта достаточно для характеристики поведения германской, в особенности прусской, буржуазии во время революции. Вопрос в том, кто должен господствовать: те ли силы общества и государства, которые сгруппировались вокруг абсолютной монархии, — феодальное крупное землевладение, армия, бюрократия, попы, — или же буржуазия? Еще только формирующийся пролетариат заинтересован в борьбе лишь в той мере, в какой он благодаря победе буржуазии получает простор для собственного развития, некоторое пространство на той арене борьбы, на которой ему предстоит когда-нибудь одержать победу над всеми другими классами. Между тем, буржуазия, а вместе с ней и мелкая буржуазия даже пальцем не шевельнет, когда враждебное ей правительство нападает на нее там, где находятся ее главные силы, разгоняет ее парламент, разоружает ее гражданское ополчение, ее самое подвергает осадному положению. Тогда к бреши бросаются коммунисты и призывают буржуазию выполнять то, что составляет ее прямой долг. В противовес старому, феодальному обществу буржуазия и пролетариат образуют новое общество, выступают совместно. Призыв, естественно, остается безуспеш-

ным и ирония истории такова, что эта же самая буржуазия теперь судит, с одной стороны, революционного пролетарского коммуниста, а с другой — контрреволюционное правительство.

А во-вторых, — и это делает речь особенно важной также и для наших дней, — в противовес лицемерной законности правительства она отстаивает революционную точку зрения в такой форме, которая могла бы кое для кого послужить примером и в настоящее время. — Мы призывали народ к оружию против правительства? Да, мы это делали и это был наш долг. Мы нарушили закон, мы покинули почву законности? Да, но правительство еще раньше порвало и бросило к ногам народа те законы, которые мы нарушили, и почвы законности больше не существует. Нас можно уничтожить, как побежденных врагов, но нас нельзя осудить.

Официальные партии, от «Kreuz-Zeitung» до «Frankfurter Zeitung»[230], упрекают социал-демократическую рабочую партию в том, что она — революционная партия, что она не хочет признавать почву законности, созданную в 1866 и 1871 гг., и тем самым, — так, по крайней мере, говорят все, вплоть до национал-либералов, — сама поставила себя вне общего права[231]. Я не говорю уже о чудовищном утверждении, будто кто-то, отстаивая то или иное мнение, может себя поставить вне общего права. Таково подлинное полицейское государство, которое предпочитает действовать втихомолку, а на словах проповедовать правовое государство. А разве почва законности 1866 г. не революционная почва? Ломают союзную конституцию, а членам Союза объявляют войну[232]. Нет, говорит Бисмарк, это другие нарушили союзный договор. На это можно ответить, что слишком простоватой была бы та революционная партия, которая для каждого вооруженного выступления не нашла бы, по меньшей мере, столь же веских правовых оснований, какие Бисмарк нашел для своих действий в 1866 году. — Затем провоцируют гражданскую войну, ибо ведь война 1866 г. ничем иным и не была. Но всякая гражданская война есть революционная война. Войну ведут революционными средствами. Вступают в союз с заграницей против немцев; вводят в бой итальянские войска и суда, ловят Бонапарта на приманку — перспективой приобретения германских областей на Рейне. Организуют венгерский легион, который должен бороться за революционные цели против исконного государя своей страны; в Венгрии опираются на Клапку, а в Италии — на Гарибальди. Побеждают — и проглатывают три короны божьей милостью: Ганновер, Кургессен, Нассау, из которых каждая была, по меньшей мере, столь же законной, столь же «исконной»

и «божьей милостью», как корона Пруссии[233]. Наконец, прочим членам Союза навязывают конституцию империи, которая Саксонией, например, была принята столь же добровольно, как в свое время Тильзитский мир Пруссией[234].

Сетую ли я на это? Нет, это мне и в голову не приходит. На исторические события не сетуют, — напротив, стараются понять их причины, а вместе с тем и их результаты, *которые далеко еще не исчерпаны.* Но от людей, которые все это проделали, можно с полным правом потребовать, чтобы они не упрекали других в том, что те — революционеры. Германская империя создана революцией, конечно революцией особого рода, но, тем не менее, все же революцией. Но что справедливо для одного, то вправе требовать и другой. Революция остается революцией, совершается ли она прусской короной или бродячим паяльщиком. Если нынешнее правительство пользуется существующими законами, чтобы избавиться от своих противников, то оно действует, как всякое другое правительство. Но если оно воображает, будто еще может как-то ошеломить их грозным окриком: революционер! — то этим оно может запугать разве только филистера. «Сами революционеры!» — отзывается эхо по всей Европе.

Но крайне смешно требовать отказа от революционной природы, неизбежно вытекающей из исторических условий, когда с этим требованием обращаются к партии, которую сначала ставят вне общего права, то есть вне закона, и от которой затем требуют, чтобы она признала ту самую почву законности, которую как раз *для нее упразднили*[235].

То, что по такому поводу приходится тратить слова, лишний раз доказывает политическую отсталость Германии. В остальном мире всякий знает, что все современное политическое положение есть результат именно революций. Франция, Испания, Швейцария, Италия — сколько стран, столько и правительств милостью революции. В Англии даже виг Маколей признает, что современный правопорядок основан на целом ряде революций (revolutions heaped upon revolutions). Америка уже сто лет празднует каждого 4 июля свою революцию[236]. В большинстве этих стран имеются партии, которые считают себя связанными существующим правопорядком лишь в той мере, в какой он их может связывать и не более того. Но если бы кто-нибудь, например во Франции, вздумал обвинять роялистов или бонапартистов в том, что они революционеры, то его просто высмеяли бы.

Только в Германии, где политически ничто основательно не доводится до конца (иначе она не была бы разодрана на две

части — на Австрию и так называемую Германию) и где именно поэтому продолжают копошиться в головах не умирающие представления прошедших, но лишь наполовину изжитых времен (потому-то немцы и называют себя народом мыслителей), — только в Германии могут еще требовать от партии, чтобы она считала себя не только фактически, но и морально связанной существующим так называемым правопорядком; чтобы она заранее дала обещание, что, как бы ни сложились обстоятельства, она не станет свергать этот правопорядок, против которого ведет борьбу, даже если сможет это сделать. Другими словами, она должна дать обязательство сохранить на вечные времена существующий политический строй. Именно это и ничто другое означает предъявляемое германской социал-демократии требование, чтобы она перестала быть «революционной».

Но немецкий мещанин, — а его мнение все еще является общественным мнением Германии, — особого рода человек. Он никогда ни одной революции не *сделал.* Революцию 1848 г. сделали за него — к его ужасу — рабочие. Но зато тем больше революций он *претерпел.* Ибо в Германии на протяжении 300 лет революции делали *князья,* — по ним и революции были. Вся их верховная власть на своей территории и, наконец, их суверенитет были плодом их бунтов против императора. Пруссия давала им хороший пример. Пруссия смогла сделаться королевством лишь после того, как «великий курфюрст»* организовал успешный мятеж против своего сюзерена, польской короны, и, таким образом, сделал герцогство Прусское независимым от Польши[237]. Со времени Фридриха II бунт Пруссии против Германской империи был возведен в систему; Фридрих еще больше «плевал» на конституцию империи, чем наш бравый *Бракке* на закон против социалистов. А затем пришла французская революция, и князья, как и мещане, переживали ее со слезами и вздохами. В силу решения имперской депутации 1803 г. французы и русские в высшей степени революционно поделили Германскую империю между немецкими князьями, так как последние сами не могли сговориться относительно дележа[238]. Затем пришел Наполеон и позволил князьям Бадена, Баварии и Вюртемберга, которые пользовались его особым покровительством, захватить все графства, баронства и города, находившиеся на их территориях и между ними и входившие непосредственно в состав империи. Вслед за тем эти же три государственных изменника устроили последний успешный бунт против своего императора, сделались с помощью Наполеона

* — Фридрих-Вильгельм, курфюрст Бранденбургский. *Ред.*

суверенными и тем самым окончательно взорвали старую Германскую империю[239]. С того времени фактический германский император, Наполеон, примерно каждые три года заново делил Германию между своими верными слугами, германскими и другими князьями. Наконец, пришло достославное освобождение от иноземного господства, и в награду Германия была Венским конгрессом, то есть Россией, Францией и Англией, поделена и распродана разорившимся князьям как территория, предназначенная для всеобщего возмещения, и немецкие мещане, жившие примерно на 2000 отдельных клочках земли, были, как бараны, розданы тридцати шести монархам, перед большинством которых, как перед своими исконными государями, они и теперь еще «верноподданнически благоговеют». И все это будто бы не было революционно, — как прав был, однако, Шнапганский-Лихновский, когда он воскликнул во Франкфуртском парламенте: историческое право не имеет никакой даты![240] Оно действительно ее никогда не имело!

Итак, требование, с которым немецкий мещанин обращается к германской социал-демократической рабочей партии, имеет только один смысл: эта партия должна сделаться такой же мещанской, как он сам, и отнюдь не должна участвовать в революциях, а только *претерпевать* их. А если правительство, пришедшее к власти через контрреволюцию и революцию, ставит то же требование, то это означает только одно: революция хороша, когда она совершается Бисмарком для Бисмарка и его присных, но плоха, если она делается против Бисмарка и его присных.

Лондон, 1 июля 1885 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в брошюре: «Karl Marx vor den Kolner Geschwornen». Hottingen-Zurich, 1885

Печатается по тексту брошюры

Перевод с немецкого

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «СЕВЕРНЫЙ ВЕСТНИК» [241]

Джерси, 25 августа 1885 г.

Милостивый государь.

В бумагах моего покойного друга Карла Маркса я нашел ответ на статью г-на Михайловского «Карл Маркс перед судом г-на Жуковского». Поскольку этот ответ, не опубликованный в свое время по неизвестным мне причинам, может и сейчас заинтересовать русского читателя, предоставляю его в Ваше распоряжение.

Примите и т. д.

*Впервые опубликовано на русском языке
в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса,
1 изд., т. XXIX, 1946 г.*

Печатается по рукописи

Перевод с французского

К ИСТОРИИ СОЮЗА КОММУНИСТОВ [242]

С осуждением кёльнских коммунистов в 1852 г. закончился первый период самостоятельного немецкого рабочего движения. Этот период в настоящее время почти забыт. А между тем он продолжался с 1836 до 1852 г., и это движение по мере распространения немецких рабочих за границей развертывалось почти во всех культурных странах. Но мало того. Современное международное рабочее движение по существу представляет непосредственное продолжение тогдашнего немецкого, которое вообще было *первым международным рабочим движением* и из которого вышло много лиц, игравших потом руководящую роль в Международном Товариществе Рабочих. А теоретические принципы «Коммунистического манифеста», которые Союз коммунистов в 1847 г. начертал на своем знамени, служат в настоящее время наиболее крепкой интернациональной связью для всего пролетарского движения Европы и Америки.

До сих пор для связной истории этого движения имеется только один основной источник. Это так называемая черная книга: Вермут и Штибер. «Коммунистические заговоры девятнадцатого столетия», Берлин, 2 части, 1853 и 1854[243]. Эта лживая, изобилующая сознательными подлогами стряпня двух подлейших полицейских негодяев нашего столетия и теперь еще служит первоисточником для всех некоммунистических изданий, посвященных тому периоду.

То, что я могу дать здесь, является только наброском, да и то лишь в той мере, в какой речь идет о самом Союзе, и только то, что абсолютно необходимо для понимания «Разобла-

чений». Надеюсь, мне будет еще когда-нибудь дана возможность обработать собранный Марксом и мной богатый материал по истории этого славного периода юности международного рабочего движения.

* * *

Из основанного в 1834 г. германскими эмигрантами в Париже демократическо-республиканского тайного Союза «отверженных» выделились в 1836 г. самые крайние, по большей части пролетарские, элементы и образовали новый тайный союз — *Союз справедливых.* Первоначальный Союз, в котором остались только самые бездеятельные элементы, a la Якоб Венедей, скоро совсем угас: когда полиция в 1840 г. выследила несколько его секций в Германии, от него оставалась едва ли тень. Напротив, новый Союз развивался сравнительно быстро. Первоначально он был немецким отпрыском того, примыкавшего к бабувистским традициям[244] французского рабочего коммунизма, который складывался тогда в Париже; требование общности имущества выдвигалось как необходимое следствие «равенства». Цели были те же, что и у тогдашних парижских тайных обществ. Это было наполовину пропагандистское, наполовину заговорщическое общество, причем, однако, Париж всегда считался центром революционного действия, хотя отнюдь не исключалась при случае подготовка восстаний и в Германии. Но так как Париж оставался ареной решающих битв, то Союз фактически был тогда лишь немецким ответвлением французских тайных обществ, а именно руководимого Бланки и Барбесом Societe des saisons*, с которым он находился в тесной связи. Французы выступили 12 мая 1839 года; секции Союза присоединились к ним и потерпели, таким образом, вместе с ними общее поражение[245].

Из немцев были арестованы в частности *Карл Шаппер* и *Генрих Бауэр.* Правительство Луи-Филиппа удовлетворилось тем, что выслало их после длительного пребывания под арестом[246]. Оба они отправились в Лондон. Шаппер был родом из Вейльбурга в Нассау; будучи студентом лесоводческого института в Гисене, он в 1832 г. вступил в заговорщическое общество, основанное Георгом Бюхнером, 3 апреля 1833 г. участвовал в нападении на помещение франкфуртской полиции[247], бежал за границу и в феврале 1834 г. принимал участие в походе Мадзини на Савойю[248]. Богатырского сложения, решительный и энергичный, всегда готовый рисковать житейскими благами

* — Общества времен года. *Ред.*

и самой жизнью, он был образцом революционера-профессионала, игравшего известную роль в 30-х годах. Как показывает уже его развитие из «демагога»[249] в коммуниста, ему, при известной медлительности мышления, отнюдь не было недоступно глубокое понимание теоретических вопросов, и он с тем большей твердостью держался того, что однажды им было признано. Именно поэтому его революционный пыл шел иногда вразрез с его разумом, но впоследствии он всегда замечал свои ошибки и открыто их признавал. Это был цельный человек, и то, что он сделал для первоначальной организации германского рабочего движения, никогда не будет забыто.

Генрих Бауэр из Франконии был сапожником; это был живой, бойкий и остроумный паренек, в маленьком теле которого, однако, таилось также много ловкости и решительности.

Прибыв в Лондон, где Шаппер, который в Париже был наборщиком, добывал средства к существованию преподаванием языков, они вместе восстановили оборвавшиеся связи и сделали теперь Лондон центром Союза. Здесь — а может быть еще раньше, в Париже, — к ним присоединился часовщик из Кёльна *Иосиф Молль;* это был силач, среднего роста, — сколько раз они вдвоем с Шаппером победоносно отстаивали двери зала против сотни вламывавшихся противников, — человек, который в энергии и решимости во всяком случае не уступал своим обоим товарищам, а умом превосходил их. Он не только был прирожденным дипломатом, что доказали успехи его многочисленных поездок с ответственными поручениями, но и теоретические вопросы ему были более доступны. Со всеми троими я познакомился в Лондоне в 1843 году; это были первые революционные пролетарии, которых я видел. И как бы ни расходились в частностях тогда наши взгляды, — ибо их ограниченному уравнительному коммунизму* я в то время еще противопоставлял немалую дозу столь же ограниченного философского высокомерия, — все же я никогда не забуду импонирующего впечатления, которое произвели на меня эти три настоящих человека в то время, когда сам я еще только хотел стать человеком.

В Лондоне, так же как в меньшей степени в Швейцарии, свобода союзов и собраний сослужила им хорошую службу. Уже 7 февраля 1840 г. было основано легальное Просветительное общество немецких рабочих, существующее еще и сейчас[250]. Это Общество служило Союзу местом вербовки новых членов,

* Под уравнительным коммунизмом я понимаю просто, как уже сказано выше, коммунизм, который опирается исключительно или по преимуществу на требование равенств.

и так как коммунисты были, как всегда, наиболее деятельными и интеллигентными членами Общества, то само собой понятно, что руководство им всецело находилось в руках Союза. Скоро у Союза было в Лондоне уже несколько общин, или «лож», как их тогда еще называли. Эта же само собой разумеющаяся тактика применялась в Швейцарии и в других местах. Везде, где только можно было основывать рабочие общества, их использовали подобным же образом. Там, где это воспрещалось законами, члены Союза шли в певческие, гимнастические и тому подобные общества. Связи поддерживались главным образом постоянно уезжавшими и приезжавшими членами Союза, которые выступали также в качестве эмиссаров там, где это требовалось. И в том и в другом отношении Союзу оказывала большую помощь мудрость правительств, которые, высылая каждого неугодного им рабочего, — а в девяти случаях из десяти это были члены Союза, — превращали его таким образом в эмиссара.

Восстановленный Союз получил значительное распространение. В частности в Швейцарии *Вейтлинг, Август Беккер* (человек весьма незаурядного ума, но, подобно многим немцам, погибший из-за внутренней неустойчивости) и другие создали сильную организацию, сохранявшую в большей или меньшей степени верность коммунистической системе Вейтлинга. Здесь не место критиковать вейтлинговский коммунизм. Что же касается того значения, которое он имел в качестве первого самостоятельного теоретического движения немецкого пролетариата, то я и теперь подписываюсь под словами Маркса, напечатанными в парижском «Vorwarts» в 1844 году: «Где у (немецкой) буржуазии, вместе с ее философами и учеными, найдется такое произведение об *эмансипации буржуазии* — о политической эмансипации, — которое было бы подобно книге Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы»? Стоит сравнить банальную и трусливую посредственность немецкой политической литературы с этим беспримерным и блестящим дебютом немецких рабочих, стоит сравнить эти *гигантские детские башмаки пролетариата* с карликовыми стоптанными политическими башмаками буржуазии, чтобы предсказать этой Золушке в будущем фигуру атлета»[251]. Эта атлетическая фигура стоит в настоящее время перед нами, хотя она далеко еще не достигла своего полного роста.

В Германии также были многочисленные секции, в силу самих обстоятельств — преходящего характера, но число возникавших далеко превышало число распадавшихся. Полиция только через семь лет, в конце 1846 г., обнаружила в Берлине

(Ментель) и в Магдебурге (Бек) следы Союза, но проследить их дальше не смогла.

В Париже Вейтлинг, в 1840 г. еще находившийся там, также вновь собрал рассеянные элементы, прежде чем отправиться в Швейцарию.

Ядром Союза были портные. Немецкие портные были повсюду: в Швейцарии, в Лондоне, в Париже. В этом последнем городе немецкий язык настолько преобладал в портняжном ремесле, что я знал там в 1846 г. приехавшего во Францию морем прямо из Дронхейма норвежского портного, который в продолжение восемнадцати месяцев не научился почти ни одному французскому слову, но прекрасно научился говорить по-немецки. Из парижских общин в 1847 г. две состояли преимущественно из портных, одна — из столяров-мебельщиков.

С тех пор как центр тяжести был перенесен из Парижа в Лондон, на первый план выступил новый момент: Союз из немецкого постепенно стал *интернациональным.* В Общество рабочих, кроме немцев и швейцарцев, входили также представители всех тех национальностей, которые пользовались для общения с иностранцами преимущественно немецким языком, а именно: скандинавы, голландцы, венгры, чехи, южные славяне, а также русские и эльзасцы. В 1847 г. постоянным посетителем был, в числе прочих, один английский гвардейский гренадер в форме. Общество вскоре стало называть себя *Коммунистическим* просветительным обществом рабочих и на членских карточках был девиз «Все люди — братья», по меньшей мере на двадцати языках, — правда, кое-где не без ошибок. Так же как и легальное Общество, тайный Союз вскоре принял более интернациональный характер; сначала, правда, только в узком смысле: практически — в силу пестрого национального состава его членов, теоретически — из убеждения, что всякая революция, чтобы стать победоносной, должна быть европейской. Дальше этого еще не шли, но основа была заложена.

С французскими революционерами Союз поддерживал тесную связь через лондонских эмигрантов, товарищей по совместному выступлению 12 мая 1839 года. Подобным же образом Союз был связан и с радикальными поляками. Официальная польская эмиграция, как и Мадзини, была, само собой разумеется, скорее противником, чем союзником. Английские чартисты ввиду специфически английского характера их движения были оставлены в стороне как далекие от революции. С ними лондонские руководители Союза вступили в связь лишь позднее, через меня.

Также и в других отношениях характер Союза изменился вместе с ходом событий. Хотя на Париж все еще смотрели — и в то время с полным основанием — как на родину революции, тем не менее зависимость от парижских заговорщиков уже прекратилась, С ростом Союза росло и его самосознание. Чувствовалось, что движение все больше и больше пускает корни в рабочем классе Германии и что немецкие рабочие призваны историей быть знаменосцами для рабочих севера и востока Европы. В лице Вейтлинга у них был теоретик коммунизма, которого можно было смело поставить рядом с его тогдашними французскими конкурентами. Наконец, опыт 12 мая показал, что от попыток выступления следует пока отказаться. И если продолжали еще истолковывать всякое событие как предзнаменование наступающей бури, если старый полузаговорщический устав в общем сохраняли, то в этом было главным образом повинно упрямство старых революционеров, которое начинало уже приходить в столкновение с пробивавшими себе дорогу более правильными воззрениями.

Наряду с этим, социальная доктрина Союза, при всей своей неопределенности, отличалась одним крупным недостатком, который, однако, коренился в самих общественных отношениях. Члены Союза, если они вообще были рабочими, были почти исключительно настоящими ремесленниками. Человек, который их эксплуатировал, даже в крупных мировых центрах, был в большинстве случаев только мелким хозяином. Эксплуатация даже в портняжном промысле крупного масштаба, в так называемой теперь конфекционной промышленности, сложившейся путем превращения портняжного ремесла в домашнюю промышленность, которая работает на крупного капиталиста, тогда даже в Лондоне только еще зарождалась. С одной стороны, эксплуататором этих ремесленников был мелкий хозяин; с другой стороны, они все сами надеялись в конце концов стать мелкими хозяевами. К тому же тогдашнему немецкому ремесленнику была еще присуща масса унаследованных цеховых представлений. Величайшую честь этим ремесленникам делает то обстоятельство, что, будучи сами еще не настоящими пролетариями, а лишь той частью мелкой буржуазии, которая только переходила в ряды современного пролетариата и не стояла еще в прямой противоположности к буржуазии, то есть к крупному капиталу, они оказались в состоянии инстинктивно предвосхитить свое будущее развитие и конституироваться, хотя еще и не вполне сознательно, как партия пролетариата. Но было также неизбежно, что старые предрассудки ремесленников становились для них камнем преткновения каждый раз,

когда дело шло о конкретной критике существующего общества, то есть об исследовании экономических фактов. И я не думаю, чтобы во всем Союзе нашелся тогда хоть один человек, который прочитал хотя бы одну книгу по политической экономии. Но это ничего не меняло: «равенство», «братство» и «справедливость» помогали пока что брать любые теоретические высоты.

Между тем наряду с коммунизмом Союза и Вейтлинга создался другой коммунизм, существенно отличный от первого. Живя в Манчестере, я, что называется, носом натолкнулся на то, что экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу; что они образуют основу, на которой возникают современные классовые противоположности; что эти классовые противоположности во всех странах, где они благодаря крупной промышленности достигли полного развития, следовательно, особенно в Англии, в свою очередь составляют основу для формирования политических партий, для партийной борьбы и тем самым для всей политической истории. Маркс не только пришел к тем же взглядам, но и обобщил их уже в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» (1844 г.)[252] в том смысле, что вообще не государством обусловливается и определяется гражданское общество, а гражданским обществом обусловливается и определяется государство, что, следовательно, политику и ее историю надо объяснять экономическими отношениями и их развитием, а не наоборот. Когда я летом 1844 г. посетил Маркса в Париже, выяснилось наше полное согласие во всех теоретических областях, и с того времени началась наша совместная работа. Когда мы весной 1845 г. снова встретились в Брюсселе, Маркс, исходя из вышеуказанных основных положений, уже завершил в главных чертах развитие своей материалистической теории истории, и мы принялись за детальную разработку этих новых воззрений в самых разнообразных направлениях.

Но это открытие, которое произвело переворот в исторической науке и, как мы видим, в основном было делом Маркса и в котором я могу приписать себе лишь очень небольшое участие, имело непосредственное значение для современного ему рабочего движения. Коммунизм у французов и немцев, чартизм у англичан уже не казались более какой-то случайностью, которой с таким же успехом могло и не быть. Эти движения представлялись теперь движениями современного угнетенного класса, пролетариата, более или менее развитыми формами его исторически неизбежной борьбы против господствующего

класса, буржуазии, формами классовой борьбы, отличающейся, однако, от всей предшествующей классовой борьбы тем, что современный угнетенный класс, пролетариат, не может добиться своего освобождения, не освободив в то же время все общество от разделения на классы и тем самым от классовой борьбы. Коммунизм теперь означал уже не фантастическое измышление возможно более совершенного общественного идеала, а понимание природы, условий и вытекающих из них общих целей борьбы, которую ведет пролетариат.

Мы отнюдь не намеревались поведать о новых научных результатах исключительно «ученому» миру, изложив их в толстых книгах. Наоборот. Мы оба уже глубоко вошли в политическое движение, имели некоторое число последователей среди интеллигенции, особенно в Западной Германии, и достаточно широкие связи с организованным пролетариатом. На нас лежала обязанность научно обосновать наши взгляды, но не менее важно было для нас убедить в правильности наших убеждений европейский и прежде всего германский пролетариат. Как только мы все уяснили сами себе, мы приступили к работе. В Брюсселе мы основали Немецкое рабочее общество и завладели «Deutsche-Brusseler-Zeitung»[253], которая оставалась нашим органом до февральской революции. С революционной частью английских чартистов мы поддерживали сношения через Джулиана Гарни, редактора центрального органа этого движения, газеты «The Northern Star»[254], в которой я сотрудничал. Мы находились также в своего рода коалиции с брюссельскими демократами (Маркс был вице-председателем Демократической ассоциации) и с французскими социальными демократами из «Reforme»[255], которой я посылал сообщения об английском и немецком движении. Словом, наши связи с радикальными и пролетарскими организациями и органами печати были как нельзя лучше.

С Союзом справедливых мы находились в следующих отношениях. О существовании Союза мы были, понятно, осведомлены; в 1843 г. Шаппер предложил мне вступить в Союз, но тогда я, разумеется, отказался. Мы, однако, продолжали поддерживать не только постоянную переписку с лондонцами, но и еще более тесные сношения с д-ром Эвербеком, тогдашним руководителем парижских общин. Не вмешиваясь во внутренние дела Союза, мы все же узнавали о всех важных событиях. С другой стороны, мы устно, письменно и при посредстве печати воздействовали на теоретические воззрения наиболее выдающихся его членов. Той же цели служили также различные литографированные циркуляры, которые мы в особых случаях,

когда речь шла о внутренних делах создававшейся коммунистической партии, рассылали по всему свету своим друзьям и корреспондентам. В этих циркулярах затрагивался иногда и самый Союз. Так, например, один молодой вестфальский студиозус, Герман Криге, отправившись в Америку и выступая там в качестве эмиссара Союза, связался с сумасшедшим Харро Харрингом с целью вызвать при посредстве Союза переворот в Южной Америке; он основал газету[*], в которой от имени Союза проповедовал основанный на «любви», преисполненный любовью, слащаво-сентиментальный коммунизм. Против него мы выступили в одном циркуляре, который не преминул оказать свое воздействие: Криге исчез с арены Союза[256].

Позднее в Брюссель приехал Вейтлинг. Но это был уже не наивный, молодой подмастерье-портной, пораженный своим собственным талантом и старающийся уяснить себе, как же должно будет выглядеть коммунистическое общество. Это был великий человек, которого преследовали завистники за его превосходство, которому всюду мерещились соперники, тайные враги и козни; гонимый из страны в страну пророк, он носил в кармане готовый рецепт осуществления царства небесного на земле и воображал, что каждый только о том и думает, чтобы украсть у него этот рецепт. Вейтлинг уже в Лондоне перессорился с членами Союза, а также ни с кем не мог поладить и в Брюсселе, где особенно Маркс и его жена проявили по отношению к нему почти сверхчеловеческое терпение. Поэтому он вскоре уехал в Америку, чтобы попытаться там выступать в роли пророка.

Все эти обстоятельства способствовали перевороту, который незаметно совершался в Союзе и особенно среди лондонских руководителей. Недостаточность существовавших до того времени коммунистических воззрений, как французского примитивного уравнительного коммунизма, так и вейтлинговского, становилась им все более ясной. Устанавливаемая Вейтлингом связь коммунизма с ранним христианством, при всей гениальности отдельных положений его «Евангелия бедного грешника»[257], привела в Швейцарии к тому, что движение большей частью попадало сначала в руки таких глупцов, как Альбрехт, а затем и корыстных пророков-шарлатанов, как Кульман. Распространяемый несколькими литераторами «истинный социализм» — перевод французских социалистических измышлений на испорченный гегельянско-немецкий язык и сентиментальный бред о любви (см. раздел о немецком, или «истинном», социализме

[*] — «Der Volks-Tribun». *Ред.*

в «Коммунистическом манифесте»[258]), — этот социализм, проникший в Союз благодаря Криге и чтению соответствующей литературы, должен был уже своим слюнявым бессилием вызывать отвращение у старых революционеров Союза. Перед лицом несостоятельности господствовавших до тех пор теоретических представлений и вытекавших из них практических ошибок в Лондоне все более и более убеждались, что наша, Маркса и моя, новая теория правильна. Усвоению этого взгляда несомненно содействовало то, что среди лондонских вождей находились теперь два человека, которые по своим способностям к теоретическому познанию значительно превосходили названных выше; это были живописец-миниатюрист Карл Пфендер из Хейльбронна и портной Георг Эккариус из Тюрингии*.

Одним словом, весной 1847 г. Молль приехал в Брюссель к Марксу и тотчас же после этого ко мне в Париж, чтобы от имени своих товарищей еще раз пригласить нас вступить в Союз. Они, утверждал он, были убеждены как в общей правильности наших воззрений, так и в необходимости освободить Союз от старых заговорщических традиций и форм. Если мы пожелаем вступить в Союз, то нам дана будет возможность изложить на конгрессе Союза наш критический коммунизм в виде манифеста, который после этого будет опубликован как манифест Союза; вместе с тем мы будем иметь возможность содействовать замене устарелой организации Союза новой, более целесообразной и соответствующей условиям времени.

Что в рядах немецкого рабочего класса необходима организация хотя бы для целей пропаганды и что эта организация, поскольку она не будет носить исключительно местный характер, может даже и за пределами Германии быть только тайной организацией, на этот счет у нас не было сомнений. Но Союз как раз и представлял из себя такую организацию. То, что мы считали до сих пор недостатками Союза, теперь сами его представители готовы были устранить; нас даже приглашали участвовать в его реорганизации. Могли ли мы ответить отказом? Разумеется, нет. Итак, мы вступили в Союз. Маркс организовал в Брюсселе общину Союза из ближайших наших друзей, в то время как я посещал три существовавшие в Париже общины.

* Пфендер лет восемь тому назад умер в Лондоне. Это был человек с тонким, оригинальным умом, одаренный остроумием, иронией, диалектикой. Эккариус впоследствии был, как известно, много лет генеральным секретарем Международного Товарищества Рабочих, в Генеральном Совете которого состояли, между прочим. следующие старые члены Союза коммунистов: Эккариус, Пфендер, Лесснер, Лохнер, Маркс и я. Впоследствии Эккариус посвятил себя исключительно английскому профессиональному движению.

Летом 1847 г. в Лондоне состоялся первый конгресс Союза, на котором В. Вольф представлял брюссельские, а я — парижские общины. Здесь прежде всего была проведена реорганизация Союза. Все, что в нем еще оставалось из старых мистических названий, сохранившихся от заговорщических времен, было также уничтожено; Союз состоял теперь из общин, округов, руководящих округов, Центрального комитета и конгресса, и с этого времени стал называться «Союз коммунистов». «Целью Союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности» — так гласит первая статья[259]. Самая организация была насквозь демократическая, с выборными и в любое время сменяемыми комитетами; уже одно это закрывало путь всяким заговорщическим стремлениям, требующим диктатуры, и Союз — по крайней мере для обычного мирного времени — превратился в чисто пропагандистское общество. Этот новый устав был передан — такими демократическими были теперь порядки — общинам на обсуждение, после чего он еще раз был рассмотрен и окончательно принят вторым конгрессом 8 декабря 1847 года. Он напечатан у Вермута и Штибера, ч. I, стр. 239, приложение X.

Второй конгресс состоялся в конце ноября и в начале декабря того же года. На нем присутствовал и Маркс, который в продолжительных прениях — конгресс продолжался по меньшей мере десять дней — защищал новую теорию. Все разногласия и сомнения были, наконец, разрешены, и новые принципы приняты единогласно. Марксу и мне было поручено выработать манифест. Поручение это было выполнено в ближайшее же время, и за несколько недель до февральской революции «Манифест» был отослан для напечатания в Лондон. С тех пор он обошел весь мир, был переведен почти на все языки и продолжает и сейчас служить руководством пролетарскому движению в самых различных странах. Место старого девиза Союза «Все люди — братья» занял новый боевой призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», открыто провозгласивший международный характер борьбы. Через семнадцать лет этот лозунг прогремел по всему миру как боевой клич Международного Товарищества Рабочих, и в настоящее время борющийся пролетариат всех стран начертал его на своем знамени.

Разразилась февральская революция. Существовавший до этого времени лондонский Центральный комитет немедленно передал свои полномочия Брюссельскому руководящему округу. Но это постановление прибыло в Брюссель тогда, когда там уже

фактически господствовало осадное положение и немцам нигде уже нельзя было устраивать собраний. Мы все уже собирались выехать в Париж, и новый Центральный комитет поэтому также принял решение о своем роспуске, передал все свои полномочия Марксу и уполномочил его немедленно создать новый Центральный комитет в Париже. Не успели разойтись пять человек, принявшие (3 марта 1848 г.) это решение, как в квартиру Маркса ворвалась полиция, арестовала его и заставила на другой же день выехать во Францию, куда он как раз и хотел отправиться.

В Париже мы все вскоре снова встретились. Там был составлен следующий, подписанный членами нового Центрального комитета, документ, который был распространен по всей Германии и из которого многие и в настоящее время могут еще кое-чему научиться:

ТРЕБОВАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ГЕРМАНИИ [260]

1. Вся Германия объявляется единой, неделимой республикой.

3. Народные представители получают вознаграждение, для того чтобы и рабочий имел возможность заседать в парламенте немецкого народа.

4. Всеобщее вооружение народа.

7. Земельные владения государей и прочие феодальные имения, все рудники, шахты и т. д. обращаются в собственность государства. На этих землях земледелие ведется в интересах всего общества в крупном масштабе и при помощи самых современных научных способов.

8. Ипотеки на крестьянские земли объявляются собственностью государства. Проценты по этим ипотекам уплачиваются крестьянами государству.

9. В тех областях, где распространена аренда, земельная рента или арендная плата уплачивается государству в виде налога.

11. Государство берет в свои руки все средства транспорта: железные дороги, каналы, пароходы, дороги, почтовые станции и т. д. Они обращаются в государственную собственность и предоставляются в распоряжение неимущего класса.

14. Ограничение права наследования.

15. Введение высоких прогрессивных налогов и отмена налогов на предметы потребления.

16. Учреждение национальных мастерских. Государство гарантирует всем рабочим средства к существованию и берет на себя попечение о неспособных к труду.

17. Всеобщее бесплатное народное образование. В интересах германского пролетариата, мелкой буржуазии и мелкого крестьянства — со всей энергией добиваться проведения в жизнь указанных выше мероприятий. Ибо только с их осуществлением миллионы, которые до сих пор эксплуатировались в Германии небольшим числом лиц и которых будут пытаться и впредь держать в угнетении, смогут добиться своих прав и той власти, какая подобает им, как производителям всех богатств.

Комитет:

Карл Маркс, Карл Шаппер, Г. Бауэр,
Ф. Энгельс, И. Молль, В. Вольф.

В Париже господствовало тогда увлечение революционными легионами. Испанцы, итальянцы, бельгийцы, голландцы, поляки, немцы объединялись в отряды, чтобы идти освобождать свои отечества. Немецкий легион возглавляли Гервег, Борнштедт, Бёрнштейн. Так как все иностранные рабочие немедленно после революции не только лишились работы, но и стали подвергаться притеснениям со стороны местной публики, то наплыв в эти легионы был большой. Новое правительство рассматривало их как средство избавления от иностранных рабочих и предоставляло им l'etape du soldat, то есть квартиры по пути следования и денежное довольствие в размере 50 сантимов в день до границы, а там уж вечно готовый пролить слезу министр иностранных дел краснобай Ламартин изыскивал какую-нибудь возможность выдать их соответствующим правительствам.

Мы самым решительным образом выступили против этой игры в революцию. Произвести вторжение в Германию в разгар происходившего там тогда брожения, чтобы насильственно навязать ей революцию извне, означало подрывать дело революции в самой Германии, укреплять правительства, а самих легионеров — об этом уж заботился Ламартин — выдавать безоружными немецким войскам. С победой революции в Вене и в Берлине организация легиона стала уже совершенно бесцельной; тем не менее, раз начавшись, игра не прекращалась.

Мы основали немецкий коммунистический клуб[261] и в нем убеждали рабочих не идти в легион, а поодиночке возвращаться на родину и действовать там в интересах движения. Наш старый друг Флокон, будучи членом временного правительства, добился для отправляемых нами рабочих таких же путевых льгот, какие были обещаны легионерам. Таким способом мы отправили обратно в Германию триста—четыреста рабочих, среди которых члены Союза составляли огромное большинство.

Как легко было предвидеть, перед лицом поднявшегося теперь движения народных масс Союз оказался слишком слабым орудием воздействия. Три четверти членов Союза, которые жили раньше за границей, переменили с возвращением на родину свое местожительство; общины, в которые они до сих пор входили, были вследствие этого большей частью распущены, и всякая связь с Союзом была для них потеряна. Часть наиболее честолюбивых из них даже не пыталась восстановить эту связь, но каждый в отдельности начинал на свой собственный страх и риск создавать в месте своего пребывания маленькое сепаратное движение. Наконец, условия были настолько различны в каждом отдельном маленьком государстве, в каждой провинции, в каждом городе, что Союз был бы в состоянии давать лишь самые общие директивы; а такие директивы было гораздо лучше распространять через прессу. Словом, с того момента, как исчезли причины, которые делали необходимым тайный Союз, и самый тайный Союз, как таковой, потерял всякое значение. И это меньше всего могло удивить тех, кто только что освободил этот самый тайный Союз от последних остатков заговорщического характера.

Теперь, однако, обнаружилось, что Союз был превосходной школой революционной деятельности. На Рейне, где «Neue Rheinische Zeitung» представляла надежный центр, в Нассау, в Рейнском Гессене и т. д., — повсюду во главе крайнего демократического движения стояли члены Союза. То же было в Гамбурге. В Южной Германии этому мешало преобладание мелкобуржуазной демократии. В Бреславле с большим успехом действовал до лета 1848 г. Вильгельм Вольф; он получил в Силезии также мандат заместителя депутата Франкфуртского парламента. Наконец, наборщик Стефан Борн, бывший деятельным членом Союза в Брюсселе и Париже, основал в Берлине «Рабочее братство», которое получило значительное распространение и просуществовало до 1850 года. Борн, весьма талантливый молодой человек, несколько поспешил, однако, стать политической величиной. Он «братался» с самым разношерстным сбродом, лишь бы собрать вокруг себя толпу, но был вовсе не из тех людей, которые способны внести единство в противоречивые стремления, внести свет в хаос. В официальных публикациях его «Братства» попадается поэтому пестрое смешение взглядов «Коммунистического манифеста» с цеховыми воспоминаниями и пожеланиями, с обрывками взглядов Луи Блана и Прудона, с защитой протекционизма и т. д., — одним словом, было желание всем угодить. В особенности занималось «Братство» организацией стачек, профессиональных союзов,

кооперативных товариществ, забывая, что задача состояла прежде всего в том, чтобы путем политической победы завоевать себе сначала такую почву, на которой только и возможно прочное осуществление таких вещей. А когда успехи реакции заставили руководителей «Братства» почувствовать необходимость прямого участия в революционной борьбе, тогда, само собой разумеется, сбитая с толку масса, группировавшаяся вокруг них, покинула их. Борн принял участие в дрезденском восстании в мае 1849 г.[262] и спасся по счастливому случаю. «Рабочее братство» же осталось по отношению к великому политическому движению пролетариата совершенно обособленным союзом, который существовал большей частью на бумаге и играл столь второстепенную роль, что реакция нашла нужным закрыть его лишь в 1850 г., а его продолжавшие еще существовать ответвления — лишь несколько лет спустя. Борн, настоящая фамилия которого Буттермильх, стал не крупной политической величиной, а незначительным швейцарским профессором, который переводит теперь не Маркса на цеховой язык, а благодушного Ренана на свой собственный слащавый немецкий язык.

Тринадцатым июня 1849 г. в Париже[263], поражением майских восстаний в Германии и подавлением венгерской революции русскими закончился целый период революции 1848 года. Но победа реакции пока еще отнюдь не была окончательной. Необходима была реорганизация рассеянных революционных сил, а вместе с тем и сил Союза. Как и до 1848 г., обстоятельства делали невозможной какую бы то ни было открытую организацию пролетариата; приходилось, следовательно, опять организовываться тайно.

Осенью 1849 г. большинство членов прежних центральных комитетов и конгрессов снова собралось в Лондоне. Только Шаппера и Молля недоставало. Шаппер находился в заключении в Висбадене и после своего оправдания весной 1850 г. также прибыл в Лондон. Молль, завершив ряд опаснейших поездок с ответственными поручениями и агитационными целями, — в последнее время он занимался вербовкой среди прусской армии в Рейнской провинции верховых канониров для пфальцской артиллерии, — вступил в отряд Виллиха, в безансонскую рабочую роту и в сражении на Мурге перед Ротенфельским мостом был убит пулей в голову. Но зато на арену выступил Виллих. Виллих был одним из столь часто встречавшихся в Западной Германии начиная с 1845 г. коммунистов по чувству и уже в силу одного этого инстинктивно находился в скрытой оппозиции к нашему критическому направлению. Но мало

того. Это был настоящий пророк, убежденный в том, что ему судьбой предопределено стать освободителем немецкого пролетариата, и в качестве такового он прямо претендовал и на политическую и на военную диктатуру. Наряду с раннехристианским коммунизмом, который раньше проповедовал Вейтлинг, возникало, таким образом, нечто вроде коммунистического ислама. Впрочем, пропаганда этой новой религии пока не выходила за пределы эмигрантской казармы, которой командовал Виллих.

Итак, Союз был вновь организован, выпущено «Обращение» от марта 1850 г.[264], напечатанное в приложении (IX, № 1), и Генрих Бауэр был отправлен в Германию в качестве эмиссара. Это «Обращение», отредактированное Марксом и мной, представляет интерес и в настоящее время, потому что мелкобуржуазная демократия еще и теперь является той партией, которая при ближайшем европейском потрясении — а оно должно скоро наступить (промежутки между европейскими революциями — 1815, 1830, 1848—1852, 1870 — длятся в нашем веке от 15 до 18 лет) — в Германии безусловно должна будет сначала прийти к власти в качестве спасительницы общества от коммунистических рабочих. Следовательно, многое из сказанного там применимо и к сегодняшнему дню. Миссия Генриха Бауэра увенчалась полным успехом. Этот маленький веселый сапожник был прирожденным дипломатом. Он снова собрал в активную организацию бывших членов Союза, которые частью отошли от работы, частью действовали на собственный страх и риск; в частности, он привлек также тогдашних вождей «Рабочего братства». Союз стал играть руководящую роль в рабочих, крестьянских и гимнастических обществах в гораздо большей степени, чем до 1848 г., так что уже очередное (раз в три месяца) адресованное общинам «Обращение» от июня 1850 г. могло констатировать, что объезжавший Германию по заданию мелкобуржуазной демократии студент Шурц из Бонна (будущий американский экс-министр) «нашел уже все пригодные силы в руках Союза» (см. приложение, IX, № 2)[265]. Союз был безусловно единственной революционной организацией, имевшей значение в Германии.

Но чему должна была служить эта организация, зависело главным образом от того, оправдаются ли надежды на новый подъем революции. А это в течение 1850 г. становилось все менее вероятным, даже невозможным. Промышленный кризис 1847 г., подготовивший революцию 1848 г., был изжит; начался новый, неслыханный дотоле период промышленного процветания. Для всякого, кто имел глаза, чтобы видеть,

и пользовался ими, должно было стать ясным, что революционная буря 1848 г. постепенно сходила на нет.

«При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений, *о действительной революции не может быть и речи.* Подобная революция возможна только в те периоды, когда оба эти фактора, современные производительные силы и буржуазные формы производства, вступают между собой в противоречие. Бесконечные распри, которыми занимаются сейчас представители отдельных фракций континентальной партии порядка, взаимно компрометируя друг друга, отнюдь не ведут к новым революциям; наоборот, эти распри только потому и возможны, что основа общественных отношений в данный момент так прочна и — чего реакция не знает — так *буржуазна.* Все реакционные попытки затормозить буржуазное развитие *столь же несомненно разобьются об эту основу, как и все нравственное негодование и все пламенные прокламации демократов».* Так Маркс и я писали в «Обзоре за май — октябрь 1850 г.» в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», выпуск V—VI, Гамбург, 1850, стр. 153[266].

Это трезвое понимание положения представлялось, однако, многим ересью в то время, когда Ледрю-Роллен, Луи Блан, Мадзини, Кошут, а из менее значительных немецких светил — Руге, Кинкель, Гёгг и им подобные дюжинами создавали в Лондоне будущие временные правительства не только для своих отечеств, но и для всей Европы и когда все сводилось лишь к тому, чтобы добыть путем революционного займа в Америке необходимые средства на осуществление европейской революции и, само собой разумеется, на создание в мгновение ока ряда различных республик. Кого же может удивить то, что на эту удочку попался такой человек, как Виллих, что и Шаппер, охваченный старым революционным пылом, дал себя одурачить и что состоявшее главным образом из эмигрантов большинство лондонских рабочих последовало за ними в лагерь буржуазно-демократических делателей революции? Словом, отстаиваемая нами сдержанность была не по нутру этим людям; следовало, по их мнению, приступить к деланию революции; мы самым решительным образом отказывались от этого. Произошел раскол. О дальнейшем можно прочесть в «Разоблачениях». Затем последовал арест сначала Нотъюнга, а потом в Гамбурге Хаупта, который стал предателем, выдав членов Центрального комитета в Кёльне, и должен был фигурировать на процессе в качестве главного свидетеля; его родственники

предпочли избежать такого позора и отправили его в Рио-де-Жанейро, где он впоследствии устроился в качестве купца и в признание своих заслуг был назначен сперва прусским, а затем и германским генеральным консулом. Теперь он опять в Европе*.

Для лучшего понимания «Разоблачений» я привожу список кёльнских обвиняемых: 1) П. Г. Рёзер, рабочий-сигарочник; 2) Генрих Бюргере, впоследствии окончивший жизнь прогрессистским депутатом ландтага; 3) Петер Нотъюнг, портной, умерший несколько лет назад в Бреславле, где был фотографом; 4) В. Й. Рейф; 5) д-р Герман Беккер, ныне обер-бургомистр Кёльна и член палаты господ; 6) д-р Роланд Даниельс, врач, умерший через несколько лет после процесса от чахотки, которую нажил в тюрьме; 7) Карл Отто, химик; 8) д-р Абраам Якоби, теперь врач в Нью-Йорке; 9) д-р И. Я. Клейн, теперь врач и депутат городского самоуправления в Кёльне; 10) Фердинанд Фрейлиграт, который, однако, тогда был уже в Лондоне; 11) И. Л. Эрхардт, приказчик; 12) Фридрих Лесснер, портной, живет теперь в Лондоне. Из них суд присяжных, публичные заседания которого продолжались с 4 октября до 12 ноября 1852 г., приговорил по обвинению в государственной измене Рёзера, Бюргерса и Нотъюнга к 6 годам заключения в крепости, Рейфа, Отто и Беккера — к 5 годам, Лесснера — к 3 годам; Даниельс, Клейн, Якоби и Эрхардт были оправданы.

Кёльнским процессом заканчивается первый период немецкого коммунистического рабочего движения. Непосредственно после приговора мы распустили наш Союз; несколько месяцев спустя приказал долго жить и Зондербунд Виллиха — Шаппера[267].

* * *

Целое поколение отделяет нас от того времени. Тогда Германия была страной ремесла и домашней промышленности, основанной на ручном труде, теперь это крупная индустриальная страна, находящаяся в состоянии непрерывных промышленных преобразований. Тогда нужно было выискивать поодиночке рабочих, которые сознавали свое классовое положение и свою историко-экономическую противоположность капиталу, потому что самая эта противоположность тогда только возникала. Теперь приходится весь немецкий пролетариат подвергать действию исключительных законов, лишь бы только хоть немного замедлить процесс его развития к полному

* Шаппер умер в конце 60-х годов в Лондоне. Виллих участвовал в Гражданской войне в Америке и получил отличие; в битве при Мёрфрисборо (Теннесси), будучи бригадным генералом, был ранен в грудь, но излечился; умер он лет десять тому назад в Америке. — О других упомянутых лицах я еще замечу, что Генрих Бауэр пропал без вести в Австралии, Вейтлинг и Эвербек умерли в Америке.

осознанию своего положения как угнетенного класса. Тогда те немногие, которые достигли понимания исторической роли пролетариата, должны были работать в подполье, собираться украдкой небольшими общинами от трех до двадцати человек. Теперь же немецкий пролетариат может даже обойтись без официальной организации, и открытой, и тайной; простая, сама собой разумеющаяся связь одинаково мыслящих товарищей по классу достаточна для того, чтобы без всяких уставов, комитетов, постановлений и тому подобных осязаемых форм потрясти всю Германскую империю. Бисмарк — третейский судья в Европе, за пределами Германии; но внутри страны растет с каждым днем та все более грозная атлетическая фигура немецкого пролетариата, которую Маркс предвидел уже в 1844 г., исполин, которому уже слишком тесно становится в рассчитанном на филистера здании империи, а мощное сложение и широкие плечи которого все более крепнут до того момента, когда ему достаточно будет только подняться со своего места, чтобы превратить в развалины все здание конституции империи. Более того. Международное движение европейского и американского пролетариата теперь настолько окрепло, что не только его первая узкая форма — тайный Союз, — но и его вторая, бесконечно более широкая форма — открытое Международное Товарищество Рабочих — стали оковами для него; достаточно простого чувства солидарности, основанного на понимании своего одинакового классового положения, чтобы создать из рабочих всех стран и языков одну великую партию пролетариата и сохранять ее сплоченность. Учение, представителем которого с 1847 по 1852 г. был Союз и на которое тогда мудрые филистеры смотрели, пожимая плечами, как на нелепый бред безумцев, как на тайное учение нескольких сектантов-одиночек, это учение имеет теперь бесчисленных приверженцев во всех цивилизованных странах мира, среди узников сибирских рудников и среди золотоискателей Калифорнии; а основатель этого учения, человек, которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали его современники, Карл Маркс, к моменту своей кончины являлся для пролетариата Старого и Нового света тем советником, к которому постоянно обращались и который никогда не отказывал в помощи.

Лондон, 8 октября 1885 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в книге: Karl Marx. «Enthullungen uber den Kommunisten-Prozess zu Koln». Hottingen-Zurich, 1885 и в газете «Der Sozialdemokrat» №№ 46—48, 12, 19 и 26 ноября 1885 г.

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

Premiere annee — № 8

Samedi 17 Octobre 1885.

LE SOCIALISTE

Organe du Parti ouvrier

LE NUMERO : 10 CENTIMES

Abonnements : France, 3 m. 1 fr. 50; 6 m. 3 fr.; Un an, 6 fr.
Etranger, — 2 fr. — 4 fr. — 8 fr.

PARAISSANT LE SAMEDI

Comité de Rédaction :
G. Deville, R. Fréjac, J. Guesde, P. Lafargue, A. Le Tailleur.

RÉDACTION ET ADMINISTRATION :
17, rue du Croissant, Paris.
Annonces : au bureau du Journal

СОЗДАВШАЯСЯ ОБСТАНОВКА [268]

Лондон, 12 октября 1885 г.

... Я не считаю 4 октября поражением, если вы только не создавали себе разных иллюзий. Речь шла о том, чтобы раздавить оппортунистов, — и они были раздавлены. Но для этого нужен был нажим с двух противоположных сторон — справа и слева. Несомненно, что нажим справа оказался более сильным, чем этого можно было ожидать. Но вследствие этого создается гораздо более революционная обстановка.

Буржуа, крупный и мелкий, предпочел скрытым орлеанистам и бонапартистам орлеанистов и бонапартистов явных, людям, которые хотят обогатиться за счет нации, людей, которые уже обогатились, обворовывая ее, завтрашним консерваторам — консерваторов вчерашних. Вот и все.

Во Франции монархия невозможна, хотя бы только вследствие многочисленности претендентов. Если бы она была возможна, то это было бы признаком того, что бисмарковцы имеют основание говорить о вырождении Франции. Но вырождается только буржуазия, причем в Германии и Англии так же, как и во Франции.

Республика всегда остается правительством, которое менее всего вносит рознь в отношения трех монархистских сект[269] и позволяет им объединиться в консервативную партию. Как только возможность монархической реставрации ставится в порядок дня, консервативная партия тотчас же распадается на три секты, между тем как республиканцы вынуждены группироваться вокруг единственно возможного правительства; и в данный момент таким правительством, вероятно, может явиться министерство Клемансо.

Клемансо во всяком случае прогрессивнее Ферри и Вильсона. Очень важно, чтобы он получил власть не как защитник собственности против коммунистов, а как спаситель республики против монархии. В этом случае он был бы в большей или меньшей степени *вынужден* сдержать свои обещания, в противном случае он повел бы себя так же, как вели себя другие, которые считали себя, подобно Луи-Филиппу, «лучшей из республик»[270]: мы у власти, республика может спать спокойно; достаточно того, что министерства в наших руках, не говорите нам больше об обещанных реформах.

Я думаю, что люди, которые 4-го голосовали за монархистов, уже испугались своего собственного успеха и что 18-е даст результаты более или менее в пользу Клемансо[271]; оппортунисты будут иметь некоторый успех не из уважения, а из презрения к ним. Обыватель скажет себе: в конце концов, при таком числе роялистов и бонапартистов мне нужно и несколько оппортунистов. Впрочем, 18-го обстановка определится; Франция — страна неожиданностей, и я воздержусь высказывать окончательное мнение.

Но во всяком случае противостоять друг другу будут радикалы и монархисты. Той опасности, которая будет угрожать республике, будет достаточно для того, чтобы заставить мелкого буржуа податься несколько больше в сторону крайней левой, чего он в другом случае никогда не сделал бы. *Это именно та самая обстановка, которая нужна нам, коммунистам.* До сих пор я не вижу оснований полагать, что столь исключительно последовательный ход политического развития Франции отклонился в сторону: логика все та же, что в 1792—1794 гг., только опасность, которая угрожала тогда со стороны коалиции, теперь угрожает со стороны коалиции монархических партий внутри страны. Если ближе присмотреться к ней, то она окажется менее опасной, чем была та...

Напечатано в газете «Le Socialiste» № 8, 17 октября 1885 г.

Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

РЕДАКЦИОННОМУ КОМИТЕТУ «SOCIALISTE»

Граждане!

В номере вашей газеты от 17-го числа вы опубликовали выдержку из моего частного письма, адресованного одному из вас*. Оно было написано наспех, так что я даже не успел его перечитать, опасаясь пропустить почту. Позвольте же мне уточнить одно место из этого письма, которое выражает мою мысль недостаточно ясно.

Говоря о г-не Клемансо как о знаменосце французского радикализма, я сказал: «Очень важно, чтобы он получил власть не как защитник собственности против коммунистов, а как спаситель республики против монархии. В этом случае он был бы в большей или меньшей степени вынужден сдержать свои обещания; в противном случае он повел бы себя (здесь следует вставить: *может быть)* так же, как вели себя другие, которые считали себя, подобно Луи-Филиппу, лучшей из республик: мы у власти, республика может спать спокойно; достаточно того, что министерства в наших руках, не говорите нам больше об обещанных реформах».

Прежде всего, я не имею никакого права утверждать, что г-н Клемансо, если бы он пришел к власти обычным путем парламентских правительств, стал бы действовать непременно так, «как другие». Затем, я не принадлежу к числу тех, кто объясняет действия правительств лишь их доброй или злой волей; самая эта воля определяется причинами, от них не зависящими, — общей обстановкой. Поэтому речь идет здесь

* См. настоящий том, стр. 232—234. *Ред.*

не о доброй или злой воле г-на Клемансо. Речь идет о том, чтобы в интересах рабочей партии радикалы пришли к власти в такой обстановке, когда проведение в жизнь их программы оказалось бы для них единственным способом удержаться у власти. Будем же надеяться, что 200 монархистов в палате будет достаточно, чтобы создать такую обстановку.

Лондон, 21 октября 1885 г.

Ф. Энгельс

Напечатано в газете «Le Socialiste» № 10, 31 октября 1885 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

КАК НЕ СЛЕДУЕТ ПЕРЕВОДИТЬ МАРКСА [272]

Первый том «Капитала» — общественная собственность, поскольку дело касается его перевода на иностранные языки. Поэтому, хотя в английских социалистических кругах довольно хорошо известно, что перевод подготовляется и будет опубликован под ответственность литературных душеприказчиков Маркса, никто не имел бы права выражать недовольство, если бы до этого перевода вышел другой точный и хороший перевод.

Первые несколько страниц перевода, сделанного Джоном Бродхаусом, напечатаны в октябрьском номере «To-day». Я определенно заявляю, что он очень далек от верной передачи текста, и это потому, что г-н Бродхаус лишен всех тех данных, которыми должен обладать переводчик Маркса.

Для перевода такой книги недостаточно хорошо знать литературный немецкий язык. Маркс свободно пользуется выражениями из повседневной жизни и идиомами провинциальных диалектов; он создает новые слова, он заимствует свои примеры из всех областей науки, а свои ссылки — из литератур целой дюжины языков; чтобы понимать его, нужно в совершенстве владеть немецким языком, разговорным так же, как и литературным, и кроме того знать кое-что и о немецкой жизни.

Один пример. Когда несколько оксфордских студентов последнего курса переплывали на четырехвесельной лодке через Дуврский пролив, то в газетных отчетах сообщалось, что один из них «catch a crab»*. Лондонский корреспондент «Kolnische

* Буквально означает «поймать краба», а в переносном смысле — «слишком глубоко погрузить весло в воду». *Ред.*

Zeitung» понял эти слова буквально и добросовестно сообщил в свою газету, что «краб зацепился за весло одного из гребцов». Если человек, много лет живший в Лондоне, встретившись с техническими терминами из незнакомой ему области, способен совершить такую нелепую грубую ошибку, то чего же нам ждать от человека, который, посредственно зная только книжный немецкий язык, берется переводить одного из наиболее трудно поддающихся переводу немецких авторов, пишущих прозой? И мы действительно увидим, что г-н Бродхаус большой мастер «ловить крабов».

Но в данном случае от переводчика требуется еще кое-что. Маркс принадлежит к числу тех современных авторов, которые обладают наиболее энергичным и сжатым стилем. Чтобы точно передать этот стиль, надо в совершенстве знать не только немецкий, но и английский язык. Однако г-н Бродхаус, будучи, по-видимому, довольно способным журналистом, владеет английским языком только в том ограниченном объеме, который необходим, чтобы удовлетворить обычным литературным нормам. Для этих целей он знает язык достаточно, но это не тот английский язык, на который можно было бы переводить «Капитал». Выразительный немецкий язык следует передавать выразительным английским языком; нужно использовать лучшие ресурсы языка; вновь созданные немецкие термины требуют создания соответствующих новых английских терминов. Но как только г-н Бродхаус оказывается перед такими проблемами, у него недостает не только ресурсов, но и храбрости. Малейшее расширение его ограниченного запаса избитых выражений, малейшее новшество, выходящее за пределы обычного английского языка повседневной литературы, его пугает, и вместо того, чтобы рискнуть на такую ересь, он передает трудное немецкое слово более или менее неопределенным термином, который не режет его слуха, но затемняет мысль автора; или, что еще хуже, он переводит его, если оно повторяется, целым рядом различных терминов, забывая, что технический термин должен всегда передаваться одним и тем же равнозначащим выражением. Так, в самом заголовке первого раздела он переводит *Wertgrosse*[*] как «extent of value», игнорируя то, что *Grosse*[**] есть определенный математический термин, равнозначащий термину «magnitude», или определенное количество, тогда как «extent» может, кроме того, означать многое другое. Так, даже такое несложное новшество, как «рабочее время»

[*] — величина стоимости. *Ред.*
[**] — величина. *Ред.*

[«labour-time»] для *Arbeitszeit* слишком трудно для него; он его передает как: 1) «time-labour», выражение, означающее, если оно вообще что-нибудь означает, труд, оплачиваемый повременно, или же труд, выполняемый человеком, «отбывающим» *срок [time]* принудительных *работ* [hard *labour*], 2) «time of labour» [«время труда»], 3) «labour-time» [«рабочее время»] и 4) «period of labour» [«рабочий период»] *(Arbeitsperiode)* — термин, под которым Маркс во втором томе понимает нечто совсем другое. Между тем, как хорошо известно, «категория» рабочее время — одна из самых основных во всей книге, и переводить ее четырьмя различными терминами менее чем на десяти страницах — более чем непростительно.

Маркс начинает с анализа товара. Товар является, прежде всего, полезным предметом; как таковой его можно рассматривать или с качественной, или с количественной стороны. «Каждая такая вещь есть совокупность многих качеств и свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а следовательно, и многообразные способы употребления вещей, есть *дело исторического развития.* То же самое следует сказать об отыскании *общественных мер* для количественной стороны полезных вещей. Различия товарных мер отчасти определяются различной природой самих измеряемых предметов, отчасти же являются условными»*.

Это передано г-ном Бродхаусом в следующем виде:

«Открывать эти различные стороны и, следовательно, многообразные формы, в каких вещь может быть полезна, есть *дело времени.* То же, *следовательно,* представляет и отыскание *общественной меры* для количественной стороны полезных вещей. Различие в *массе* товаров отчасти определяется из различной природы»** и т. д.

---

* *Текст немецкого оригинала I тома «Капитала», третье издание 1883 года:* «Jedes solches Ding ist ein Ganzes vieler Eigenschaften und kann daher nach verschiedenen Seiten nutzlich sein. Diese verschiedenen Seiten und daher die mannigfachen Gebrauchsweisen der Dinge zu entdecken ist geschichtliche Tat. So ist die Findung gesellschaftlicher Masse fur die Quantitat der nutzlichen Dinge. Die Verschiedenheit der Warenmasse entspringt teils aus der verschiedenen Natur der zu messenden Gegenstande, teils aus Konvention».

Английский перевод в статье Энгельса: «Any such thing is a whole in itself, the sum of many qualities or properties, and may therefore be useful in different ways. To discover these different ways and therefore the various uses to which a thing may be put, is the *act of history. So,* too, is the finding and fixing of *socially recognised standards of measure* for the quantity of useful things. The diversity of the modes of measuring commodities arises partly from the diversity of the nature of the objects to be measured, partly from convention». *Ред.*

** *Перевод Бродхауса:* «To discover these various ways, and consequently the multifarious modes in which an object may be of use, is *a work of time.* So, *consequently, is* the finding of *the social measure* tor the quantity of useful things. The diversity in the *bulk* of commodities arises partly from the different nature», etc. *Ред.*

По Марксу отыскание различных полезных сторон вещей составляет существенную часть исторического прогресса, по г-ну Бродхаусу — только дело времени. По Марксу это же относится и к установлению общественных мер. По г-ну Бродхаусу еще одним «делом времени» является «отыскание общественной меры для количественной стороны полезных вещей»; о такого рода мере Маркс, конечно, никогда не беспокоился. И, наконец, Бродхаус ошибочно смешивает *Masse (меры) с Masse (масса)* и наделяет, таким образом, Маркса самым прекрасным из когда-либо пойманных «крабов».

Дальше Маркс говорит: «Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, *какова бы ни была его общественная форма»*[*] (специфическая форма присвоения, в которой осуществляется владение и распределение). У г-на Бродхауса:

«Потребительные стоимости составляют действительную основу богатства, *которая всегда служит их социальной формой»*[**].

Это или претенциозная пошлость, или полнейшая бессмыслица.

Второй аспект, в котором представляется товар, есть его меновая стоимость. Тот факт, что все товары могут обмениваться друг на друга в известной изменяющейся пропорции, что они обладают меновыми стоимостями, означает, что в них содержится нечто общее им всем. Я не останавливаюсь на той неряшливости, с какой г-н Бродхаус передает здесь один из тончайших анализов в книге Маркса, и сразу перехожу к тому месту, где Маркс говорит: «Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров. Их телесные свойства принимаются во внимание вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, то есть поскольку они делают товары потребительными стоимостями». И он продолжает: *«Очевидно,* с другой стороны, что меновое *отношение* товаров характеризуется как раз *отвлечением от их потребительных стоимостей. В пределах менового отношения* товаров каждая данная потребительная стоимость значит ровно столько же, как и всякая другая, если только она имеется в *надлежащей* пропорции»[***].

---

[*] *Текст немецкого оригинала:* «Gebrauchswerte bilden den stofflichen Inhalt des Reichtums, welches immer seine gesellschaftliche Form sei».

Английский перевод в статье Энгельса: «Use-values form the material out of which wealth is made up, *whatever may be the social form of that wealth». Ред.*

[**] *Перевод Бродхауса:* «Use values constitute the actual basis of wealth *which is always their social form». Ред.*

[***] *Текст немецкого оригинала:* «Dies gemeinsame kann nicht eine geometrische, physikalische, chemische oder sonstige naturliche Eigenschatt der Waren sein. Ihre korperlichen Eigenschaften kommen uberhaupt nur in Betracnt,

А г-н Бродхаус:

«Но, с другой стороны, именно *эти потребительные стоимости, рассматриваемые абстрактно, по-видимому,* характеризуют меновую *пропорцию* товаров. *Сама по себе* одна потребительная стоимость стоит ровно столько, сколько другая, если она имеется *в той же самой* пропорции»*.

Таким образом, — при этом мы оставляем в стороне менее значительные ошибки перевода, — г-н Бродхаус заставляет Маркса сказать как раз обратное тому, что он говорит на самом деле. У Маркса характерным для менового отношения товаров является тот факт, что совершается полное абстрагирование от их потребительных стоимостей, что товары рассматриваются как совершенно не имеющие потребительных стоимостей. Переводчик же Маркса заставляет его сказать, что-де для меновой *пропорции* (о которой здесь нет и речи) характерна именно их потребительная стоимость, только взятая «абстрактно»! А затем, несколькими строками дальше, он приводит фразу Маркса: «Как потребительные стоимости, товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости, они могут иметь лишь количественные различия, следовательно *не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости»,* ни абстрактной, ни конкретной. Мы вправе спросить: «Понимаешь ли ты то, что ты читаешь?»

Ответить утвердительно на этот вопрос становится невозможным, когда мы видим, что г-н Бродхаус вновь и вновь повторяет это неправильное представление. После только что цитированной фразы Маркс продолжает: «Если *отвлечься от»* (то есть абстрагироваться от) «потребительной стоимости товарных тел, то *у них* остается лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда. Но теперь и самый продукт труда приобретает совершенно новый вид. В самом деле, раз мы отвлеклись *от его потребительной стоимости,* мы вместе с тем отвлеклись также

---

soweit selbe sie nutzbar machen, also zu Gebrauchswerten. Andrerseits aber ist es gerade die Abstraktion von ihren Gebrauchswerten, was das Austauschverhaltnis der Waren augenscheinlich charakterisiert. Innerhalb desselben gilt ein Gebrauchswert grade so viel wie jeder andre, wenn er nur in gehoriger Proportion vorhanden ist».

Английский *перевод в статье Энгельса:* «This something common to all commodities cannot be a geometrical, physical, chemical or other natural property. In fact their material properties come into consideration only in so far as they make them useful, that is, in so far as they turn them into use-values. But it ia the very act *of making abstraction from their use-values* which *evidently* is the characteristic point of the exchange*relation* of commodities. *Within, this relation,* one use-value is equivalent to any other, so long as it is provided in *sufficient* proportion». *Ред.*

* *Перевод Бродхауса:* «But on the other hand, it is precisely *these use-values in the abstract* which *apparently* characterise the exchange-ratio of the commodities. *In itself.* one use-value is worth just as much as another it it exists in the same proportion». *Ред.*

от тех составных частей и форм его *товарного тела,* которые *делают его* потребительной стоимостью»*.

Это передано г-ном Бродхаусом по-английски так:

«Если мы *отделим* потребительные стоимости *от* действительного вещества товаров, то остается» (где? в потребительных стоимостях или в действительном веществе?) «только одно свойство — свойство продукта труда. Но продукт труда уже преобразился в наших руках. Если мы абстрагируем *от него его потребительную стоимость, то мы абстрагируем также основу и форму,* которые *составляют его* потребительную стоимость»**.

Еще у Маркса: «В самом меновом *отношении* товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно не зависимое от их потребительных стоимостей. Если мы действительно отвлечемся *от потребительной стоимости* продуктов труда, то получим их стоимость, как она была *только что* определена»***. Это у г-на Бродхауса звучит так:

«В меновой *пропорции* товаров их меновая стоимость представляется нам как нечто вполне независимое от их потребительной стоимости. Если мы теперь действительно абстрагируем *потребительную стоимость от продуктов труда,* то мы получаем их стоимость, как она *тогда* определяется»****.

Нет никаких сомнений. Г-н Бродхаус никогда не слышал ни о каких других путях и способах абстрагирования, кроме

---

* Текст *немецкого оригинала:* «Sieht man nun vom Gebrauchswert derWarenkorper ab, so bleibt ihnen nur noch eine Eigenschaft, die von Arbeitsprodukten. Jedoch ist uns auch das Arbeitsprodukt bereits in der Hand verwandelt. Abstrahieren wir von seinem Gebrauchswert, so abstrahieren wir auch von den korperlichen Bestandteilen und Formen, die es zum Gebrauchswert machen».

Английский перевод в статье Энгельса: «Now, if we *leave out of consideration»* (that is, make abstraction from) «the use-values of the commodities, there remains *to them* but one property: that of being the products of labour. But even this product of labour has already undergone a change in our hands. If we make abstraction *from its use-value,* we also make abstraction *from the bodily components* and forms which *make it into* a use-value». *Ред.*

** *Перевод Бродхауса:* «If we *separate* use-values *from* the actual material of the commodities, there remains» (where? with the use-values or with the actual material?) «one property only, that of the product of labour. But the product of labour is already transmuted In our hands. If we abstract *from it its use-value,* we *abstract also the stamina and form* which *constitute its* use-value». *Ред.*

*** *Текст немецкого оригинала:* «Im Austauschverhaltnis der Warenselbsterschien uns ihr Tauschwert als etwas von ihren Gebrauchswerten durchaus unabhangiges. Abstrahiert man nun wirklich vom Gebrauchswert der Arbeitsprodukte, so erhalt man ihren Wert wie er eben bestimmt ward».

Английский перевод в статье Энгельса: «In the exchange-*relation* of commodities, their exchange-value presented itself to us as something perfectly independent of their use-values. Now, if we actually make abstraction *from the use-value* of the products of labour, we arrive at their value, as *previously* determined by us». *Ред.*

**** *Перевод Бродхауса:* «In the exchange-ratio of commodities their exchange-value appears to us as something altogether independent of their use-value. It we now in effect abstract *the use-value from the labour-products,* we have their value as it is *then* determined». *Ред.*

физических, вроде абстрагирования денег из кассы или сейфа. Однако отождествлять абстрагирование и вычитание [abstraction and subtraction] совсем не подобает переводчику Маркса.

Другой образчик превращения немецкой мысли в английскую бессмыслицу. Один из тончайших анализов у Маркса — это анализ, вскрывающий двойственный характер труда. Труд, рассматриваемый как производитель потребительной стоимости, есть труд особого характера, отличающийся от того же труда, когда он рассматривается как созидатель стоимости. Один есть труд определенного рода, прядение, ткачество, пахота и т. д.; другой есть всеобщее свойство производительной деятельности человека, общее прядению, ткачеству, пахоте и т. д., охватывающее их все одним общим термином «труд». Один есть конкретный труд, другой — абстрактный труд. Один — труд в техническом смысле, другой — в экономическом. Короче: в английском языке *есть* термины для того и другого, — один есть *work* в отличие от labour; другой есть *labour* в отличие от work. После этого анализа Маркс продолжает: «Первоначально товар предстал перед нами как нечто двойственное: как потребительная стоимость и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выражен в стоимости, *уже не имеет тех признаков,* которые принадлежат ему как созидателю потребительных стоимостей»[*]. Г-н Бродхаус упорно старается доказать, что он ни слова не понял в анализе Маркса, и переводит это место так:

«Сначала мы рассматривали товар как *соединение* потребительной стоимости и меновой стоимости. Затем мы увидели, что труд, поскольку он выражен в стоимости, *обладает этим свойством лишь постольку, поскольку* он является производителем потребительной стоимости»[**].

Когда Маркс говорит: белое, г-н Бродхаус не видит основания, почему бы ему не сказать: черное.

Но довольно об этом. Возьмем более забавный пример. Маркс говорит: «В гражданском обществе господствует *fictio*

[*] *Текст немецкого оригинала:* «Ursprunglich erschien uns die *Ware* als ein Zwieschlachtiges, Gebrauchswert und Tauschwert. Spater zeigte sich, dass auch die Arbeit, soweit sie in Wert ausgedrtickt ist, nicht mehr dieselben Merkmale besitzt, die ihr als Erzeugerin von Gebrauchswerten zukommen».

Английский, перевод в статье Энгельса: «Originally a commodity presented itself to us as something duplex: Use-value and Exchange-value. Further on we saw that labour, too, as tar as it is expressed in value, does no *longer possess the same characteristics* which belong to it in its capacity as a creator of use-value». *Ред.*

[**] *Перевод Бродхауса:* «We saw the commodity first as a compound of Use-value and Exchange-value. Then we saw that labour, so far as it is expressed in value, *only possesses that character so far as* it is a generator of use-value». *Ред.*

juris[*], будто каждый человек, как покупатель товаров, обладает энциклопедическими познаниями в области товароведения»[273]. Но хотя «гражданское общество» [Civil Society] есть чисто английское выражение и «История гражданского общества» Фергюсона существует более ста лет[274], этот термин слишком труден для г-на Бродхауса. Он переводит его: «у обыкновенных людей» [«amongst ordinary people»] и таким образом превращает эту мысль в бессмыслицу. Ибо как раз «обыкновенные люди» постоянно жалуются на то, что их обманывают лавочники и т. д. вследствие незнания ими природы и стоимости товаров, которые им нужно купить.

Производство (Herstellung) потребительной стоимости переведено: *«установление [establishing]* потребительной стоимости». Когда Маркс говорит: «Если бы удалось небольшой затратой труда превращать *уголь* в алмаз, стоимость алмаза могла бы упасть ниже стоимости кирпича», г-н Бродхаус, по-видимому, не зная, что алмаз есть аллотропическая форма углерода, пишет вместо *уголь — кокс.* Подобным же образом он «весь продукт разработки бразильских алмазных копей»[**] превращает во *«всю прибыль со* всей выработки»[***]. «Первобытные общины в Индии» у него становятся *«почтенными [venerable]* общинами». Маркс говорит: «В потребительной стоимости каждого товара содержится» *(steckt,* что лучше было бы перевести: «На производство потребительной стоимости товара была затрачена») *«определенная* целесообразная *производительная деятельность* или полезный труд»[****]. Г-н Бродхаус же говорит:

> «В потребительной стоимости товара содержится известное *количество производительной силы* или полезного труда»[*****],

превращая таким образом не только качество в количество, но и затраченную производительную деятельность в производительную силу, которую следует затратить.

[*] — юридическая фикция. *Ред.*

[**] *Текст немецкого оригинала:* «Gesamtausbeute der brasilischen Diamantgruben».
Английский перевод в статье Энгельса: «Total yield of the Brazilian diamond mines». *Ред.*

[***] *Перевод Бродхауса:* «The *entire profits* of the whole yield». *Ред.*

[****] *Текст немецкого оригинала:* «In dem Gebrauchswert jeder Ware steckt eine bestimmte zweckmassig productive Tatigkeit oder nutzliche Arbeit».
Английский перевод в статье Энгельса: «In the use-value of a commodity is contained» *(steckt,* which has better be translated: For the production of the use-value of a commodity there had been spent) «a certain *productive activity,* adapted to the peculiar purpose, or a certain useful labour». *Ред.*

[*****] *Перевод Бродхауса:* «In the use-value of a commodity is contained a certain *quantity of productive power* or useful labour». *Ред.*

Но довольно. Я мог бы привести в десять раз больше примеров, чтобы показать, что г-н Бродхаус ни в каком отношении *не* является таким человеком, который был бы способен переводить Маркса, особенно потому, что он, по-видимому, совершенно не представляет себе, что такое подлинно добросовестная научная работа*.

Написано в октябре 1885 г.

Напечатано в журнале «The Commonweal» № 10, ноябрь 1885 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

* Из сказанного выше ясно, что «Капитал» не такая книга, перевод которой может быть сделан по договору. Дело перевода этой книги в прекрасных руках, но переводчики не могут посвящать ему все свое время. Такова причина задержки. Но хотя еще нельзя точно установить срок выхода книги, мы можем с уверенностью заявить что читатели получат английское издание в течение следующего года.

К ИСТОРИИ ПРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

ВВЕДЕНИЕ К БРОШЮРЕ В. ВОЛЬФА «СИЛЕЗСКИЙ МИЛЛИАРД»[275]

Для пояснения данной работы Вольфа я считаю необходимым предпослать ей несколько слов.

Германия к востоку от Эльбы и к северу от Рудных и Исполиновых гор представляет собой территорию, которая была во второй половине средних веков отнята у проникших сюда славян и вновь германизирована немецкими колонистами. Завоеватели, немецкие рыцари и бароны, которым были розданы эти земли, выступили в роли «грюндеров» деревень; они разбивали свои владения на деревенские земельные участки, из которых каждый делился на некоторое число равных по величине крестьянских наделов, или гуф. К каждой гуфе принадлежал участок для дома с двором и огородом в самой деревне. Эти гуфы распределялись по жребию между переселявшимися сюда франкскими (рейнско-франконскими и нидерландскими), саксонскими и фризскими колонистами; колонисты были обязаны за это грюндеру, то есть рыцарю или барону, очень умеренными, твердо установленными оброком и отработками. До тех пор пока крестьяне выполняли эти повинности, они были наследственными владельцами своих гуф. К тому же они имели в лесу грюндера (впоследствии помещика) такое же право на рубку леса, выпас скота, откорм свиней желудями и т. д., каким пользовались крестьяне Западной Германии в общих угодьях своей марки. Пахотные деревенские участки были подчинены принудительному севообороту и в большинстве случаев обрабатывались по трехпольной системе, делясь на озимое, яровое и паровое поля. Поля под паром и жнивье служили общим выгоном для скота, принадлежавшего как грюндеру, так и

крестьянам. Все деревенские дела решались на собрании односельчан, то есть владельцев гуф, большинством голосов. Права дворян-грюндеров ограничивались правом взыскания повинностей и участия в пользовании паром и жнивьем под выгон, правом получения всех излишков после общего пользования лесными угодьями и председательствования на собрании односельчан, которые все были лично свободными людьми. Таково в основном было положение немецких крестьян на землях, простиравшихся от Эльбы до Восточной Пруссии и Силезии, и это положение было в общем значительно более благоприятным, чем то, в котором находились в это же время крестьяне Западной и Южной Германии; последние тогда уже вели ожесточенную, постоянно возобновлявшуюся борьбу с феодалами за свои старые наследственные права, и большинству из них уже была навязана гораздо более тяжелая форма зависимости, угрожавшая их личной свободе или даже вовсе уничтожавшая ее.

Возраставшая потребность феодалов в деньгах в XIV и XV веках порождала, разумеется, и на северо-востоке попытки — в нарушение прежних договоров — закабаления и эксплуатации крестьян, но отнюдь не в таких масштабах и не с таким успехом, как в Южной Германии. Население к востоку от Эльбы было еще редким; невозделанных земель было много; распашка их, распространение земледелия, закладка новых оброчных деревень оставались здесь самым верным способом обогащения и для феодального землевладельца; к тому же здесь, на границе Германской империи с Польшей, уже образовались более крупные государства: Померания, Бранденбург, курфюршество Саксонское (Силезия принадлежала Австрии), и поэтому здесь лучше соблюдался внутренний мир, а раздоры и грабежи дворянства обуздывались более сильной рукой, чем в раздробленных областях на Рейне, во Франконии и Швабии; а ведь больше всего от этих непрерывных войн страдали все те же крестьяне.

Только по соседству с покоренными польскими и литовско-прусскими деревнями уже чаще давали себя знать попытки дворянства подчинить колонистов, поселившихся на основании германского феодального обычного права, той же крепостной зависимости, в которой находились его польские и прусские подданные. Так было в Померании и в прусских владениях Ордена[276], реже — в Силезии.

Вследствие этого более благоприятного положения ост-эльбские крестьяне почти не были затронуты могучим крестьянским движением Южной и Западной Германии в последнюю

четверть XV и первую четверть XVI века, а когда разразилась революция 1525 г., то она нашла здесь слабый отголосок лишь в Восточной Пруссии, подавленный без большого труда. Ост-эльбские крестьяне предоставили своих восставших братьев их судьбе и получили за это по заслугам. В местах, где бушевала Великая крестьянская война, крестьяне были теперь попросту превращены в крепостных, на них были взвалены неограниченные, зависевшие только от произвола феодала-землевладельца барщина и повинности, а их свободная марка была просто превращена в господскую собственность, продолжать пользоваться которой они могли только в том случае, если на то была милость феодала. Это идеальное для феодального землевладения состояние, к которому немецкое дворянство тщетно стремилось на протяжении всего средневековья и которого оно, наконец, достигло теперь, в период разложения феодального хозяйства, стало также постепенно распространяться и на ост-эльбские земли. Дело не ограничилось превращением обусловленного договором права крестьян пользоваться господским лесом — в том случае, если это право еще не было урезано раньше, — в пользование в силу милостивого соизволения феодала-землевладельца, которое тот всегда мог отменить; не ограничилось оно и противозаконным увеличением барщины и оброка. Введены были и новые повинности, как, например, лаудемии (платежи феодалу в случае смерти владельца крестьянского двора), которые считались отличительными признаками крепостной зависимости; либо же обычным традиционным повинностям придавали характер таких повинностей, которые несли только крепостные, а не свободные люди. Таким образом, менее чем за сто лет свободные ост-эльбские крестьяне были превращены в крепостных, сначала фактически, а вскоре затем и юридически.

Между тем, феодальное дворянство все более и более обуржуазивалось. Все в большей степени возрастала его задолженность городским капиталистам-ростовщикам, а в силу этого и деньги становились для него настоятельной потребностью. Но из крестьянина, своего крепостного, можно было выколотить не деньги, а прежде всего только труд или сельскохозяйственные продукты, причем крестьянское хозяйство, которое велось при крайне тяжелых условиях, давало лишь минимальный излишек этих продуктов сверх того, что было необходимо для поддержания самого скудного существования работников, владевших этими хозяйствами. Рядом же лежали обширные, доходные монастырские земли, которые обрабатывались на средства владельца, под сведущим надзором, барщинным тру-

дом зависимых или крепостных крестьян. Такой способ ведения хозяйства мелкое дворянство до того времени почти никогда не могло применять в своих владениях, да и крупные дворяне и князья могли делать это лишь в виде исключения. Теперь же ведение крупного хозяйства стало возможным повсюду, с одной стороны, в результате установления мира в стране, а с другой, поскольку дворян все более вынуждала к этому растущая потребность в деньгах. Обработка крупных поместий при помощи барщинного труда крепостных крестьян на средства феодала-землевладельца постепенно сделалась, таким образом, тем источником дохода, который должен был возместить дворянству убытки от прекращения отживших свой век рыцарских грабежей. Но откуда взять нужную земельную площадь? Дворянин, правда, был владельцем более или менее обширных земель, но они целиком, за немногими исключениями, находлились в наследственном владении крестьян-чиншевиков[277], которые до тех пор, пока они выполняли обусловленные повинности, имели такое же право на свои усадьбы и гуфы, а также и на общинные угодья, как и сам господин-помещик. Нужно было найти выход, а для этого прежде всего требовалось превратить крестьян в крепостных. В самом деле, хотя изгнание крепостных крестьян из их усадеб являлось не меньшим нарушением закона и не менее насильственным актом, чем выселение свободных чиншевиков, все же это изгнание гораздо легче было оправдать при помощи вошедшего в употребление римского права. Словом, после того как удалось превратить крестьян в крепостных, они были в потребном количестве согнаны с земли или же вновь поселены на господской земле в качестве безнадельных крестьян [Kotsassen] — батраков, имевших лишь хижину и небольшой огород. Если прежние замки-крепости дворян уступили место новым, более или менее незащищенным замкам-дворцам, то именно поэтому во много раз большее количество усадеб некогда свободных крестьян должно было уступить место жалким лачугам крепостных.

После того как господское поместье — доминиум, как оно называется в Силезии, — было организовано, оставалось только для его обработки привести в действие рабочую силу крестьян. И тут сказалась другая выгодная сторона крепостного права. Прежние, твердо установленные договором барщинные повинности крестьян совершенно не годились для этой цели. В большинстве случаев они ограничивались работами, производимыми в общественных интересах, например, сооружением дорог и мостов и т. п., а также строительными работами в господском замке, занятиями женщин и девушек в замке различными

ремеслами и личной дворовой службой. Но как только крестьянин превращался в крепостного, а этот последний юристами, исходившими из римского права, приравнивался к римскому рабу, господин-помещик начинал петь совсем на другой лад. Поддерживаемый юристами в судах, он требовал теперь от крестьянина отработок в неограниченных размерах, сколько, когда и где ему вздумается. Крестьянин должен был по первому требованию помещика отбывать барщину, возить, пахать, сеять, жать, хотя бы при этом он запускал собственное поле и оставлял собственный урожай гнить под дождем. Точно так же и платимый им зерном или деньгами оброк взвинчивался до самых крайних пределов.

Но этим дело не кончалось. Не менее благородному владетельному князю — а к востоку от Эльбы таковые были повсюду — также нужны были деньги, много денег. За то, что он позволял дворянам закабалять своих крестьян, дворяне позволяли ему облагать этих же крестьян государственными податями — сами-то дворяне были, разумеется, свободны от уплаты податей! И в довершение всего тот же владетельный князь санкционировал фактически уже происходившее превращение прежнего права феодала-землевладельца председательствовать в давно упраздненной феодальной судебной курии свободных крестьян в право творить вотчинный суд и пользоваться полицейской властью в поместье; в силу этого помещик сделался не только полицейским начальником, но и единственным судьей над своими крестьянами даже в собственном деле, так что крестьянин мог жаловаться на помещика только самому же помещику. Таким образом, последний в одном лице был и законодатель, и судья, и исполнитель приговора, являясь в своем поместье совершенно неограниченным властелином.

Это унизительное состояние, подобного которому нельзя было найти даже в России, где крестьянин все же имел свою самоуправляющуюся общину, достигло своего апогея в период между Тридцатилетней войной и спасительным поражением при Йене[278]. Бедствия, причиненные Тридцатилетней войной, позволили дворянству завершить закабаление крестьян; запустение бесчисленных крестьянских хозяйств дало возможность беспрепятственно присоединить их к доминиуму рыцарского поместья, а возвращение к оседлому положению населения, которое военными опустошениями насильственно было доведено до бродяжничества, давало дворянству удобный предлог для прикрепления сельских жителей к земле в качестве крепостных. Но и это удовлетворило дворян не надолго. Ибо едва стали кое-как зарубцовываться в течение ближайших пятидесяти лет страшные

раны, нанесенные войной, едва начали вновь обрабатываться поля и население стало увеличиваться, как у благородных феодалов-землевладельцев снова пробудился аппетит на крестьянскую землю и крестьянский труд. Господский доминиум не был достаточно велик, чтобы поглотить весь труд, который еще можно было выколотить из крепостных — в данном случае выколотить в буквальном смысле слова. Система перевода крестьян на положение безнадельных крестьян, крепостных батраков блестяще себя оправдала. С начала XVIII века эта практика приобретает все больший размах: она носит теперь название *«сгон крестьян» [«Bauernlegen»].* «Сгоняют» столько крестьян, сколько возможно, смотря по обстоятельствам; сначала еще оставляют такое их количество, которое требуется для выполнения повинностей с конной упряжкой, а остальных обращают в безнадельных крестьян (Dreschgartner, Hausler, Instleute[279] и других, носящих подобные же названия), которые за хижину и небольшое картофельное поле должны были из года в год трудиться до изнеможения в поместье, получая нищенскую поденную плату зерном и в совсем ничтожных размерах деньгами. Там, где господин-помещик был достаточно богат, чтобы пользоваться своим собственным рабочим скотом, «сгоняли» и остальных крестьян, а их гуфы присоединяли к господскому хозяйству. Таким образом, все крупное землевладение немецкого дворянства, особенно же остэльбских дворян, образовалось *из награбленной крестьянской земли,* и если эта земля будет отобрана у грабителей без всякого возмещения, то и тогда они еще не вполне получат по заслугам. Собственно говоря, с них самих следовало бы еще дополнительно взыскать возмещение.

С течением времени владетельные князья стали замечать, что эта система, столь выгодная для дворянства, совершенно не отвечает их собственным интересам. Крестьяне платили государственные подати до того, как их согнали с земли; после же присоединения гуф к свободному от податей доминиуму государство не получало с них ни полушки, а от вновь поселенных безнадельных крестьян разве только жалкие гроши. Часть согнанных с земли крестьян оказалась излишней для помещичьего хозяйства и была просто выброшена вон; эти крестьяне стали, таким образом, свободными, то есть свободными, как птицы, нищими. Сельское население сокращалось, а с тех пор как владетельный князь начал пополнять свое дорогостоящее наемное войско более дешевым рекрутским набором среди крестьян, это ему было далеко не безразлично. Так на протяжении всего XVIII века издаются, особенно

в Пруссии, один за другим указы, имеющие целью приостановить сгон крестьян с земли. Но эти указы постигла такая же участь, как и девяносто девять сотых той необозримой макулатуры, которая со времени капитуляриев Карла Великого[280] выходила из-под пера всех германских правительств; они так и оставались на бумаге; дворянство обращало на них мало внимания, и сгон крестьян с земли продолжался.

Даже грозный урок, преподанный великой французской революцией упрямому феодальному дворянству, напугал его лишь на короткий срок. Все оставалось по-старому, и то, что не удалось Фридриху II[281], тем менее могло удаться его слабому и недальновидному племяннику Фридриху-Вильгельму III. Но возмездие пришло. 14 октября 1806 г. при Йене и Ауэрштедте все прусское государство было разбито в один день, и у прусского крестьянина имеются все основания праздновать этот день, как и день 18 марта 1848 г., больше, чем все прусские победы от Мольвица до Седана[282]. Только теперь, наконец, отогнанное до самой русской границы прусское правительство начала смутно понимать, что сыновей свободных, прочно владеющих землей французских крестьян нельзя победить при помощи сыновей крепостных барщинников, находящихся под постоянной угрозой сгона со своих дворов; только теперь, наконец, оно заметило, что и крестьянин, между прочим, тоже человек. Теперь-то должны были быть приняты меры.

Но как только был заключен мир и двор с правительством вернулся в Берлин, благородные намерения снова растаяли, как лед под лучами мартовского солнца. Правда, достославный эдикт от 9 октября 1807 г. *номинально* отменял на бумаге крепостное право или наследственную зависимость (и то лишь со дня св. Мартина 1810 г.!)[283], но в действительности почти все оставалось по-старому. На этом дело и остановилось. Столь же малодушный, сколь и ограниченный король по-прежнему шел на поводу у грабившего крестьян дворянства и в такой мере, что с 1808 по 1810 г. появилось четыре указа, снова разрешавших помещикам — вопреки эдикту 1807 г. — в целом ряде случаев сгонять крестьян с земли[284]. Только когда уже надвигалась война Наполеона с Россией, снова вспомнили, что понадобятся крестьяне, и тогда был издан эдикт от 14 сентября 1811 г.[285], в котором крестьянам и помещикам *рекомендовалось* в течение двух лет вступить в полюбовное соглашение о выкупе барщины и повинностей, а также и о выкупе у помещика его верховных собственнических прав, причем по истечении этого срока королевская комиссия должна была в принудительном порядке ввести в действие это соглашение в соответствии

с установленными правилами. Согласно основному принципу, крестьянин за уступку одной трети своего земельного участка (или за уплату ее денежной стоимости) должен был стать свободным собственником сохранявшейся у него еще после этого земли. Но даже и этот выкуп, предоставлявший такие огромные выгоды дворянству, оставался музыкой будущего. Ибо дворянство тормозило дело, чтобы добиться еще большего, а через два года Наполеон снова появился в стране.

Едва только было завершено изгнание Наполеона из страны, сопровождавшееся беспрестанными обещаниями напуганного короля дать в будущем конституцию и народное представительство, как все прекрасные посулы были снова забыты. Уже 29 мая 1816 г. — не прошло еще и года после победы при Ватерлоо! — была издана декларация к эдикту 1811 г., которая звучала уже совершенно иначе[286]. Возможность выкупа феодальных повинностей была здесь уже не правилом, а исключением: она распространялась только на такие внесенные в поземельные налоговые кадастры (то есть более крупные) пахотные участки, которые наводились в пользовании крестьянских хозяйств в Силезии не позднее, чем с 1749 г., в Восточной Пруссии — с 1752 г., в Бранденбурге и Померании — с 1763 г.* и в Западной Пруссии — с 1774 года! Разрешалось также сохранять некоторые виды барщины на время посева и жатвы. А когда, наконец, в 1817 г. серьезно взялись за дело с комиссиями по выкупу, аграрное законодательство зашагало гораздо быстрее назад, чем аграрные комиссии вперед. 7 июня 1821 г. последовало новое положение о выкупах[288], в котором вновь предписывалось ограничивать право на выкуп, предоставляя его только более (Крупным крестьянским дворам, так называемым Ackernahrungen[289], а для владельцев мелких хозяйств — безнадельных крестьян, Hausler, Dreschgartner, одним словом, всех посаженных на землю батраков — недвусмысленно увековечивались барщина и другие феодальные повинности. Это и стало отныне правилом. Только с 1845 г. в виде исключения для Саксонии[290] и Силезии стал допускаться выкуп и этого рода повинностей иначе, чем путем обоюдного соглашения — для него, разумеется, закона и не требовалось — между помещиком

* Прусское коварство не знает границ. Здесь оно вновь проявляется даже в дате. Почему взят 1763 год? Только потому, что в следующем году, 12 июля 1764 г., Фридрих II издал строгий эдикт, в котором упорствующим дворянам под страхом наказания предписывалось в течение одного года вновь заселить владельцами на соответствующих условиях крестьянские дворы и участки безнадельных крестьян, подвергшиеся массовому захвату, начиная с 1740 г., особенно же с начала Семилетней войны[287]. (Результаты этого эдикта, если таковые имели место, были, таким образом, вновь уничтожены в 1816 г. к вящей выгоде дворянства.

и крестьянином[291]. Кроме того, капитализированная сумма платежа, с помощью которой можно было раз навсегда откупиться от повинностей, исчислявшихся в деньгах или в зерне, была установлена в размере двадцатипятикратной ренты; выплата должна была производиться каждый раз только суммами не ниже 100 талеров*, между тем как уже в 1809 г. на государственных землях крестьянам был разрешен выкуп в размере двадцатикратной ренты. Одним словом, столь прославленное просвещенное аграрное законодательство «государства разума»[292] преследовало только одну цель: спасти из феодализма все, что еще можно было спасти.

Практический результат соответствовал этим жалким мероприятиям. Аграрные комиссии полностью усвоили благие намерения правительства и, как это на отдельных примерах ярко показано Вольфом, позаботились о том, чтобы при выкупе надлежащим образом надуть крестьянина в интересах дворянина. С 1816 по 1848 г. было выкуплено 70582 крестьянских хозяйства с общей земельной площадью в 5158827 моргенов; это составляло шесть седьмых всех обязанных барщиной более крупных крестьянских хозяйств. Между тем из владельцев мелких хозяйств выкупили повинности только 289651 (из них свыше 228000 в Силезии, Бранденбурге и Саксонии). Число всех выкупленных барщинных дней в году составляло: конных барщинных дней — 5978295; личных барщинных дней — 16869824. За это благородное дворянство получило возмещение в следующих размерах: в счет погашения капитализированной суммы — 18544766 талеров; денежной рентой ежегодно — 1599992 талера; рожью в виде натуральной ренты — 260069 шеффелей** ежегодно; наконец, уступленной крестьянами землей — 1533050 моргенов***. Таким образом, помимо других видов возмещения прежние феодалы-землевладельцы получили еще целую треть земель, принадлежавших до сих пор крестьянам!

1848 год открыл, наконец, глаза столь же ограниченным, сколь и высокомерным прусским захолустным юнкерам. Крестьяне, в особенности в Силезии, где система латифундий и связанное с ней принудительное превращение населения в безнадельных батраков получили наибольшее развитие, нападали на замки, сжигали уже заключенные акты о выкупах

* Талер — старинная прусская серебряная монета, равная трем маркам. *Ред.*

** Шеффель — старинная мера сыпучих тел в Пруссии, равная 54,962 литра. *Ред.*

*** См. по поводу этой статистики *Мейтцен, А.* «Земля в Прусском государстве», т. I, стр. 432 и сл.[293]

и принуждали господ помещиков письменно отказываться от всяких требований повинностей в дальнейшем. Правда, эти эксцессы, на которые и стоявшая тогда у власти буржуазия смотрела как на святотатство, были подавлены военной силой и повлекли за собой суровые наказания. Но даже самые безмозглые юнкерские головы поняли тогда: барщина стала невозможной, лучше совсем от нее отказаться, чем требовать ее от этих мятежных крестьян! Теперь дело заключалось лишь в том, чтобы спасать все, что еще можно было спасти, и землевладельческое дворянство действительно имело наглость потребовать возмещения за эти ставшие нереальными повинности. И как только реакция снова почувствовала более или менее твердую почву под ногами, она удовлетворила это требование.

Однако сначала был издан еще закон 9 октября 1848 г., который приостанавливал все неоконченные до сих пор дела о выкупах и связанные с ними тяжбы, а также целый ряд других тяжб между помещиками и крестьянами[294]. Этим законом, следовательно, было осуждено все прославленное аграрное законодательство, начиная с 1807 года. Однако после того как берлинское так называемое Национальное собрание было благополучно разогнано и был успешно осуществлен государственный переворот*, феодально-бюрократическое министерство Бранденбурга — Мантёйфеля почувствовало себя достаточно сильным, чтобы сделать серьезный шаг в интересах дворянства. Оно выпустило 20 декабря 1848 г. временный указ, который восстанавливал на старых основаниях, за немногими исключениями, крестьянские повинности и т. д. впредь до дальнейшего урегулирования вопроса[295]. Этот указ и послужил нашему Вольфу поводом для того, чтобы осветить положение силезских крестьян на страницах «Neue Rheinische Zeitung».

Между тем прошло еще больше года, пока был принят новый, окончательный закон о выкупах от 2 марта 1850 года[296]. Нельзя более резко осудить еще и теперь превозносимое до небес прусскими патриотами аграрное законодательство 1807—1847 гг., чем это было сделано, разумеется против воли, в мотивировке к этому закону, — и притом устами министерства Бранденбурга — Мантёйфеля.

Короче говоря, некоторые незначительные повинности были просто отменены, выкуп других был декретирован путем их перевода в денежную ренту с капитализацией этой ренты в восемнадцатикратном размере; с целью посредничества при платеже капитализированной суммы были учреждены рентные

* См. настоящий том, стр. 206—208. *Ред.*

банки, которые посредством известных амортизационных операций должны были выплатить помещику ренту в двадцатикратном размере, в то время как крестьянин освобождался от всех обязательств лишь в результате-внесения амортизационных платежей в течение пятидесяти шести лет.

Если министерство в своей мотивировке осудило все предшествовавшее аграрное законодательство, то комиссия палаты осудила новый закон. Этот закон не должен был распространяться на левый берег Рейна, давно освобожденный французской революцией от всего этого хлама, и комиссия присоединилась к этому ограничению на том основании, что из всех 109 параграфов законопроекта там был применим самое большее только один,

«между тем как все остальные постановления совершенно не подходят для этих мест и, более того, легко могут вызвать там недоразумения и излишнее возбуждение... ввиду того, что на левом берегу Рейна в отношении отмены поземельных повинностей законодательство *пошло гораздо дальше, чем намерены пойти в настоящее время»*[297]*,*

и нельзя, дескать, все же требовать от жителей Рейнской области, чтобы они согласились оказаться вновь в идеальной обстановке обновленной Пруссии.

Теперь-то, наконец, серьезно приступили к упразднению феодальных форм труда и эксплуатации. За несколько лет были проведены крестьянские выкупные операции. С 1850 до конца 1865 г. были освобождены посредством выкупа: 1) оставшаяся часть владельцев более крупных крестьянских хозяйств — их было только 12706 с земельной площадью в 352305 моргенов; 2) владельцы мелких хозяйств, включая безнадельных крестьян, причем в то время как до 1848 г. из них было освобождено посредством выкупа около 290000, в течение последующих пятнадцати лет выкупилось 1014341. В соответствии с этим количество выкупленных конных барщинных дней, которые приходились на крупные хозяйства, равнялось 356274, число же личных барщинных дней — 6670507. Возмещение земельными участками, падавшее также только на более крупные крестьянские дворы, подобным же образом равнялось всего лишь 113071 моргену, годовая же рента, которую приходилось уплачивать рожью, — 55522 шеффелям. В то же время дворяне-землевладельцы получили 3890136 талеров новой ежегодной денежной ренты и, кроме того, при окончательном погашении крестьянами капитализированной суммы еще 19697483 талера*.

* Эти цифры составляют разницу итоговых сумм при сопоставлении обеих таблиц Мейтцена (т. I, стр. 432 и 434)[298].

Сумма, которую все прусское феодальное землевладение, включая сюда ведомство государственных имений, заставило уплатить себе из кармана крестьян за добровольный возврат им части земли, отнятой у них в прежние времена — вплоть до настоящего столетия включительно, — составляет, согласно Мейтцену (т. I, стр. 437), 213861035 талеров. Но эта цифра значительно преуменьшена. В самом деле, расчет здесь строится на том, что морген обработанной земли стоит *«только»* 20 талеров, морген лесных угодий — 10 талеров, а шеффель ржи — 1 талер, то есть гораздо меньше, чем в действительности. Кроме того, здесь учтены только «совершенно достоверные сделки», то есть совсем не приняты во внимание, по меньшей мере, все частным образом состоявшиеся соглашения между сторонами. Мейтцен и сам говорит, что приводимые им данные о выкупленных повинностях, а следовательно, и о выплаченном за них возмещении, являются только «минимальными».

Мы можем поэтому принять, что сумма, уплаченная крестьянами дворянству и казне за освобождение от противозаконно возложенных на них повинностей, составляет по крайней мере 300 миллионов талеров, а возможно, и миллиард марок.

Миллиард марок только за то, чтобы вернуть — освобожденной от повинностей — лишь самую незначительную часть той земли, которая была отнята в течение четырехсот лет1 Самую незначительную, ибо гораздо большую часть дворянство и казна и так присвоили себе в виде майоратных и других дворянских поместий и государственных имений!

Лондон, 24 ноября 1885 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в виде второго раздела введения к книге: W. Wolf. «Die Schlesische Milliarde». Hottingen-Zurich, 1886

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ РАБОТЫ К. МАРКСА «ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА ЛУИ БОНАПАРТА» [299]

Потребность в новом издании «Восемнадцатого брюмера» спустя тридцать три года после его первого появления доказывает, что это произведение до сих пор нисколько не утратило своего значения.

И действительно, это был гениальный труд. Непосредственно после события, которое точно гром среди ясного неба поразило весь политический мир, которое одни проклинали с громкими криками нравственного негодования, а другие принимали как спасение от революции и как кару за ее заблуждения, события, которое, однако, у всех вызвало только изумление и никем не было понято, — непосредственно после этого события Маркс выступил с кратким, эпиграмматическим произведением, в котором изложил весь ход французской истории со времени февральских дней в его внутренней связи и раскрыл в чуде 2 декабря[300] естественный, необходимый результат этой связи, причем для этого ему вовсе не понадобилось относиться к герою государственного переворота иначе, как с вполне заслуженным презрением. Картина была нарисована Марксом с таким мастерством, что каждое сделанное впоследствии новое разоблачение доставляло только новые доказательства того, как верно была отражена в ней действительность. Такое превосходное понимание живой истории современности, такое ясное проникновение в смысл событий в тот самый момент, когда они происходили, поистине беспримерно.

Но для этого требовалось такое глубокое знание французской истории, какое было у Маркса. Франция — та страна, в которой историческая классовая борьба больше, чем в других

странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты. Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единообразной сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии тоже выступает здесь в такой острой форме, которая другим странам неизвестна. Вот почему Маркс с особым предпочтением изучал не только прошлую историю Франции, но и следил во всех деталях за се текущей историей, собирая материал для использования его в будущем. События поэтому никогда не заставали его врасплох.

К этому присоединилось еще другое обстоятельство. Именно Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обусловливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена. Этот закон, имеющий для истории такое же значение, как закон превращения энергии для естествознания, послужил Марксу и в данном случае ключом к пониманию истории французской Второй республики. На этой истории он в данной работе проверил правильность открытого им закона, и даже спустя тридцать три года все еще следует признать, что это испытание дало блестящие результаты.

Ф. Э.

Написано в 1885 г.

Напечатано в книге.: Karl Marx. «Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte». Hamburg, 1885

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

ПРИЛОЖЕНИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ «ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ» [301]

Книга, предлагаемая вниманию говорящих по-английски читателей на их родном языке, была написана более сорока лет тому назад. Автор был тогда молод, ему было двадцать четыре года, и на его произведении лежит печать его молодости с ее хорошими и плохими чертами, но ни тех, ни других ему нечего стыдиться. Инициатива перевода этого произведения на английский язык принадлежит отнюдь не автору. Тем не менее, да будет ему дозволено сказать несколько слов, чтобы «привести оправдания», почему он не воспрепятствовал выходу в свет этого перевода.

Описанное в этой книге положение вещей, поскольку оно касается Англии, в настоящее время во многих отношениях принадлежит прошлому. Один из законов современной политической экономии, хотя в наших общепризнанных учебниках это четко и не сформулировано, состоит в том, что, чем больше развито капиталистическое производство, тем меньше может оно прибегать к тем приемам мелкого надувательства и жульничества, которые характеризуют его ранние стадии. Мелкие махинации польского еврея, представителя европейской торговли на самой низкой ступени ее развития, те самые махинации, которые так хорошо служат ему на его родине и широко практикуются там, оказываются устаревшими и неуместными, как только он попадает в Гамбург или Берлин. Точно так же какой-нибудь комиссионер из Берлина или Гамбурга, еврей или христианин, попав на несколько месяцев на манчестерскую биржу, обнаруживал, что для того чтобы дешево купить хлопчатобумажную пряжу или ткань, он должен лучше отказаться

от тех, хотя и не столь грубых, но все-таки весьма убогих хитростей и уловок, которые у него на родине считались верхом мудрости. И действительно, эти махинации уже не оправдывают себя на крупном рынке, где время — деньги и где известный уровень коммерческой честности неизбежно развивается только для того, чтобы сберечь время и труд. И точно так же обстоит дело с отношениями между фабрикантом и его рабочими. Отмена хлебных законов[302], открытие золотых россыпей в Калифорнии и Австралии, почти полное вытеснение домашнего ручного ткачества в Индии, усиливающееся проникновение на китайский рынок, быстрый рост железных дорог и пароходства во всем мире, а также и другие, менее важные причины, вызвали такое гигантское развитие английской фабричной промышленности, по сравнению с которым ее состояние в 1844 г. кажется нам теперь примитивным и незначительным. И в той же мере, в какой происходил этот рост, в фабричной промышленности, по-видимому, устанавливались какие-то нормы морали. Применяемое в конкуренции фабрикантов между собой мелкое обворовывание рабочих уже не оправдывало себя. Размах дел перерос уже эти жалкие средства добывания денег; фабриканту-миллионеру не имело смысла к ним прибегать, они годились только для поддержания конкуренции между более мелкими дельцами, которые рады были подобрать хотя бы пенни, где только могли. Так была ликвидирована система оплаты труда товарами, [truck-system], был принят билль о десятичасовом рабочем дне[303] и проведен целый ряд других, второстепенных реформ — совсем не в духе свободной торговли и неограниченной конкуренции, но зато целиком в интересах крупного капиталиста, который ведет конкурентную борьбу с находящимися в менее благоприятных условиях собратьями. Кроме того, чем больше предприятие и соответственно число занятых в нем рабочих, тем большие убытки и затруднения причинял всякий конфликт между хозяином н рабочими. И таким образом хозяева, особенно крупные, преисполнились новым духом. Они научились избегать ненужных препирательств, молчаливо признавать существование и силу тред-юнионов и, в конце концов, даже видеть в стачках, если они происходят в подходящий момент, мощное средство для осуществления своих собственных целей. Самые крупные фабриканты, задававшие раньше тон в борьбе с рабочим классом, теперь стали первыми проповедовать мир и гармонию. И на это у них были весьма веские основания. Все эти уступки справедливости и человеколюбию были на самом деле лишь средством ускорения концентрации капитала в руках немногих лиц, для которых

жалкие вымогательства прежних лет потеряли всякое значение и стали настоящей помехой; средством наиболее быстрого и надежного уничтожения своих мелких конкурентов, которые без таких побочных доходов не могли сводить концы с концами. Итак — по крайней мере в главных отраслях промышленности, ибо в менее важных это было далеко не так, — самого по себе развития производства на капиталистической основе было достаточно для того,- чтобы устранить все те мелкие притеснения, которые делали столь тяжелой судьбу рабочего на более ранних этапах этого развития. Таким образом, становится все более и более очевидным тот великий основной факт, что причину бедственного положения рабочего класса следует искать не в этих мелких притеснениях, а в самой капиталистической системе. Наемный рабочий продает капиталисту свою рабочую силу за известную плату в день. В течение нескольких часов работы он воспроизводит стоимость этой платы. Но согласно существу своего контракта он должен работать еще ряд часов, чтобы целиком заполнить рабочий день; стоимость, которую он создает в эти дополнительные часы прибавочного труда, составляет прибавочную стоимость, которая ничего не стоит капиталисту, но все же идет в его карман. Такова основа той системы, которая все более и более ведет к расколу цивилизованного общества на две части: с одной стороны, горстка Вандербилтов, собственников всех средств производства и потребления, а с другой — огромная масса наемных рабочих, не владеющих ничем, кроме своей рабочей силы. А что такой результат вызван не теми или иными незначительными притеснениями рабочих, а самой системой, — этот факт со всей отчетливостью раскрыт в ходе развития капитализма в Англии с 1847 года.

Далее. Все повторяющиеся вспышки холеры, тифа, оспы и других эпидемических заболеваний показали английскому буржуа настоятельную необходимость улучшения санитарного состояния его городов, если он хочет спасти себя и свою семью от опасности пасть жертвой этих болезней. Поэтому самые вопиющие злоупотребления, описанные в этой книге, в настоящее время или устранены, или же сделаны менее заметными. Проведена или улучшена канализация; через многие из наихудших «трущоб», которые мне приходилось описывать, проложены широкие улицы; исчезла «Малая Ирландия», на очереди «Семь стрелок»[304]. Но какое это имеет значение? Ведь целые районы, которые я в 1844 г. мог бы описать как почти идиллические, теперь, с ростом городов, пришли в такое же состояние упадка, запустения, нищеты. Не встретишь больше только свиней да куч отбросов. Буржуазия достигла дальнейших

успехов в искусстве скрывать бедствия рабочего класса. Но в отношении жилищ рабочих никакого существенного улучшения не произошло, и это вполне доказывает отчет королевской комиссии 1885 г. «о жилищных условиях бедных»[305]. И то же самое — во всех остальных отношениях. Полицейские приказы сыплются как из рога изобилия, но они могут только ограничить нищету рабочих, а не устранить ее.

Но если Англия выросла теперь из этого описанного мною юношеского возраста капиталистической эксплуатации, то другие страны только теперь достигли его. Франция, Германия и особенно Америка — вот те грозные соперницы, которые, как я это предвидел в 1844 г., все более и более подрывают промышленную монополию Англии. Их промышленность молода сравнительно с английской, но она растет гораздо более быстрым темпом; и в настоящее время — и это весьма любопытно — достигла почти той же ступени развития, на какой английская промышленность находилась в 1844 году. По отношению к Америке сравнение особенно разительно. Конечно, внешние условия жизни рабочего класса в Америке весьма отличны от этих условий в Англии, но и тут и там действуют одни и те же экономические законы, так что результаты, хотя и не во всех отношениях тождественные, должны все же быть одного и того же порядка. Вот почему мы находим в Америке ту же борьбу за более короткий рабочий день, за законодательное ограничение рабочего времени, в особенности для женщин и детей на фабриках; находим в полном расцвете систему оплаты труда товарами и систему коттеджей в сельских местностях[306], — системы, которые используются «боссами» как средство господства над рабочими. Я только что получил американские газеты с сообщениями о крупной стачке 12000 пенсильванских горняков в Коннелсвиллском округе, и мне кажется, что я читаю свое собственное описание стачки углекопов в Северной Англии в 1844 году[307]. То же самое надувательство рабочих при помощи фальшивых мер и весов; та же система оплаты труда товарами, та же попытка сломить сопротивление горняков при помощи последнего, но сокрушительного средства капиталистов — выселения рабочих из их жилищ, из коттеджей, принадлежащих компании.

Два обстоятельства долго мешали неизбежным следствиям капиталистической системы проявиться в Америке во всем своем блеске. Это — возможность легко и дешево приобретать в собственность землю и прилив иммигрантов. Это позволяло в течение многих лет основной массе коренного американского населения еще в расцвете физических сил «отказываться»

от занятия наемным трудом и становиться фермерами, торговцами или предпринимателями, между тем как тяжелая работа по найму, положение пожизненного пролетария большей частью выпадало на долю иммигрантов. Однако Америка переросла эту раннюю стадию. Безграничные девственные леса исчезли, а еще более безграничные прерии все чаще и чаще переходят из рук государства и штатов в руки частных собственников. Большой предохранительный клапан, который препятствовал образованию постоянного класса пролетариев, фактически перестал действовать. В настоящее время в Америке существует класс пожизненных и даже потомственных пролетариев. Нация в шестьдесят миллионов, упорно — и притом со всеми шансами на успех — стремящаяся стать ведущей промышленной нацией мира, такая нация не может постоянно ввозить свой собственный класс наемных рабочих, даже если иммигранты вливаются в нее в количестве полумиллиона в год. Тенденция капиталистической системы к окончательному расколу общества на два класса — горстку миллионеров, с одной стороны, и огромную массу наемных рабочих, с другой, — эта тенденция, несмотря на то, что с ней постоянно сталкиваются и ей противодействуют другие социальные факторы, нигде не проявляется с большей силой, чем в Америке; в результате образовался класс коренных американских наемных рабочих, которые, правда, составляют в рабочем классе аристократию по сравнению с иммигрантами, но которые с каждым днем все более и более сознают свою солидарность с последними и все острее чувствуют свою нынешнюю обреченность на пожизненный наемный труд, потому что они еще помнят минувшие дни, когда было сравнительно легко подняться на более высокую социальную ступень. Поэтому движение рабочего класса в Америке началось с подлинно американской энергией, а так как по ту сторону Атлантического океана события развиваются, по крайней мере, вдвое скорее, чем в Европе, то нам, может быть, еще доведется увидеть, как Америка займет ведущее положение и в этом отношении.

Для этого перевода я не пытался довести изложение книги до настоящего времени, перечислить подробно все изменения, происшедшие с 1844 года. Не делал я этого по двум причинам: во-первых, чтобы сделать это как следует, пришлось бы почти удвоить объем книги, а перевод ее оказался для меня слишком неожиданным, чтобы я мог позволить себе предпринять такой труд; а во-вторых, первый том «Капитала» Карла Маркса, английский перевод которого должен вскоре появиться, дает весьма подробное описание положения рабочего класса в Англии около 1865 г., то есть в то время, когда промышленное процве-

тание Англии достигло своего кульминационного пункта. В таком случае мне пришлось бы повторять то, что уже исследовано в знаменитом произведении Маркса.

Вряд ли необходимо отмечать, что общая теоретическая точка зрения настоящей книги в философском, экономическом и политическом отношениях не вполне совпадает с моей теперешней точкой зрения. В 1844 г. еще не существовало современного международного социализма, который с тех пор, прежде всего и почти исключительно благодаря трудам Маркса, полностью развился в науку. Моя книга представляет собой только одну из фаз его эмбрионального развития. И подобно тому как человеческий зародыш на самых ранних ступенях своего развития воспроизводит еще жаберные дуги наших предков — рыб, так и в этой книге повсюду заметны следы происхождения современного социализма от одного из его предков — немецкой философии. Так, в книге придается особое значение тому тезису, что коммунизм является не только партийной доктриной рабочего класса, но теорией, стремящейся к освобождению всего общества, включая и класс капиталистов, от тесных рамок современных отношений. В абстрактном смысле это утверждение верно, по на практике оно абсолютно бесполезно и даже хуже того. Поскольку имущие классы не только сами не испытывают никакой потребности в освобождении, но и противятся всеми силами самоосвобождению рабочего класса, постольку социальная революция должна быть подготовлена и осуществлена одним рабочим классом. Французские буржуа 1789 г. также объявляли освобождение буржуазии освобождением всего человечества; но дворянство и духовенство не пожелали с этим согласиться, и это утверждение, — хотя оно тогда, в отношении феодализма, было абстрактной исторической истиной,—скоро превратилось в чисто сентиментальную фразу и совершенно исчезло в огне революционной борьбы. И сейчас есть такие люди, которые со своей беспристрастной «высшей точки зрения» проповедуют рабочим социализм, парящий высоко над их классовыми интересами и классовой борьбой и стремящийся примирить в высшей гуманности интересы обоих борющихся классов. Но это или новички, которым нужно еще многому поучиться, или злейшие враги рабочих, волки в овечьей шкуре.

Цикл больших промышленных кризисов исчисляется в моей книге пятью годами. Такой вывод о его продолжительности вытекал, по-видимому, из хода событий с 1825 до 1842 года. Но история промышленности с 1842 до 1868 г. показала, что в действительности этот период продолжается десять лет, что промежуточные потрясения носили второстепенный характер

и стали все более и более исчезать. С 1868 г. положение вещей опять изменилось, но об этом ниже.

Я умышленно не вычеркнул из текста многие предсказания, в том числе предсказание близости социальной революции в Англии, на которое я отважился под влиянием своей юношеской горячности. Удивительно не то, что довольно многие из этих предсказаний оказались неверными, а то, что столь многие из них сбылись и что критическое положение английской промышленности, которое должна была вызвать германская и в особенности американская конкуренция, что я и предвидел тогда, — правда, имея в виду слишком короткие сроки, — теперь действительно наступило. В этом отношении я могу и обязан привести книгу в соответствие с современным положением вещей. С этой целью я воспроизвожу здесь одну мою статью, напечатанную в лондонском журнале «Commonweal» от 1 марта 1885 г. под названием «Англия в 1845 и 1885 годах»*. Эта статья дает в то же время краткий очерк истории английского рабочего класса за эти сорок лет.

Лондон, 25 февраля 1886 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в книге: F. Engels, «The Condition of the Working Class in England in 1844», New York, 1887

Печатается по тексту книги

Перевод с английского

* См. настоящий том, стр. 198—205. *Ред.*

* К ГОДОВЩИНЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ [308]

Сегодня вечером рабочие всего мира празднуют одновременно и вместе с вами годовщину самого славного и самого трагического этапа в развитии пролетариата. Впервые с тех пор как рабочий класс имеет свою историю, он в 1871 г. завладел политической властью в большом столичном городе. Но, увы! Это промелькнуло, как сон. Зажатая между наемниками бывшей французской империи, с одной стороны, и пруссаками — с другой, Коммуна была быстро задушена в результате беспримерной, неизгладимой из нашей памяти резни. Победившая реакция не знала предела; социализм, казалось, был потоплен в крови, а пролетариат обречен на вечное рабство.

Пятнадцать лет прошло с момента этого поражения. Все это время, во всех странах, власти, состоящие на службе у землевладельцев и капиталистов, не останавливались ни перед чем, чтобы покончить с последними стремлениями рабочих к восстанию. Чего же они добились?

Оглянитесь кругом. Революционный рабочий социализм, более жизнеспособный, чем когда бы то ни было, представляет в настоящее время силу, перед которой трепещут все власть имущие: французские радикалы так же, как Бисмарк, биржевые короли Америки, как царь всея Руси.

Но это еще не все.

Мы достигли того, что все наши противники, что бы они ни делали, вопреки самим себе работают на нас.

Они думали убить Интернационал. А в настоящее время интернациональное единство пролетариев, братство революционных рабочих различных стран стало в тысячу раз более прочным,

более всеохватывающим, чем накануне Коммуны. Интернационал не нуждается более в организации в узком смысле слова; он живет и растет благодаря естественно развивающемуся и искреннему сотрудничеству рабочих Европы и Америки.

В Германии Бисмарк исчерпал все средства вплоть до самых гнусных, чтобы раздавить рабочее движение. Результат: до Коммуны он имел против себя четырех социалистических депутатов; в итоге его преследований теперь их избрано двадцать пять. И немецкие рабочие смеются над великим канцлером, который не мог бы вести лучшей революционной пропаганды даже, если бы ему за это платили.

Во Франции вам навязали систему выборов по спискам[309], буржуазную по преимуществу, систему, изобретенную специально для того, чтобы обеспечить избрание исключительно адвокатов, журналистов и других политических авантюристов, глашатаев капитала. А что принесла буржуазии эта система, изобретенная богатыми? Она создала внутри французского парламента революционную социалистическую рабочую партию, одного появления которой на сцене было достаточно для внесения замешательства в ряды всех буржуазных партий.

Вот к чему мы пришли. Все события обращаются в нашу пользу. Меры, наиболее тщательно рассчитанные на то, чтобы помешать успехам пролетариата, только ускоряют его победоносное шествие. Сам враг действует, вынужден действовать нам на пользу. И он так много и так хорошо действовал в этом направлении, что сегодня, 18 марта 1886 г., из груди великого множества рабочих, от пролетариев-рудокопов Калифорнии и Аверона до каторжан-рудокопов Сибири, вырывается единодушный клич:

«Да здравствует Коммуна! Да здравствует интернациональное единство рабочих!»

Написано 15 марта 1886 г.

Напечатано в газете «Le Socialiste» № 31, 27 марта 1886 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБАХ И КОНЕЦ КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ[310]

Написано в начале 1886 г.

Напечатано в журнале «Die Neue Zeit» №№ 4 и 5, 1886 г. и отдельным изданием в Штутгарте в 1888 г.

Печатается по тексту издания 1888 г.

Перевод с немецкого

LUDWIG FEUERBACH

UND DER AUSGANG DER

KLASSISCHEN DEUTSCHEN PHILOSOPHIE

VON

FRIEDRICH ENGELS

REVIDIRTER SONDER-ABDRUCK AUS DER „NEUEN ZEIT"

MIT ANHANG:

KARL MARX ÜBER FEUERBACH
VOM JAHRE 1845.

STUTTGART
VERLAG VON J. H. W. DIETZ
1888.

Титульный лист книги «Людвиг Фейербах
и конец классической немецкой философии»

I

Рассматриваемое сочинение* возвращает нас к периоду, по времени отстоящему от нас на одно человеческое поколение, но ставшему до такой степени чуждым нынешнему поколению в Германии, как если бы он был отдален от него уже на целое столетие. И все же это был период подготовки Германии к революции 1848 г., а все, происходившее у нас после, явилось лишь продолжением 1848 г., выполнением завещания революции.

Подобно тому как во Франции в XVIII веке, в Германии в XIX веке философская революция предшествовала политическому перевороту. Но как не похожи одна на другую эти философские революции! Французы ведут открытую войну со всей официальной наукой, с церковью, часто также с государством; их сочинения печатаются по ту сторону границы, в Голландии или в Англии, а сами они нередко близки к тому, чтобы попасть в Бастилию. Напротив, немцы — профессора, государством назначенные наставники юношества; их сочинения — общепризнанные руководства, а система Гегеля — венец всего философского развития — до известной степени даже возводится в чин королевско-прусской государственной философии! И за этими профессорами, за их педантически-темными словами, в их неуклюжих, скучных периодах скрывалась революция? Да разве те люди, которые считались тогда представителями революции, — либералы — не были самыми рьяными противниками этой философии, вселявшей путаницу

* «Ludwig Feuerbach», von C. N. Starcke. Dr. phil. — Stuttgart, Ferd. Encke, 1885 [«Людвиг Фейербах». Сочинение д-ра фил. К. Н. Штарке, Штутгарт, издание Ферд. Энке, 1885].

в человеческие головы? Однако то, чего не замечали ни правительства, ни либералы, видел уже в 1833 г., по крайней мере, один человек; его звали, правда, Генрих Гейне[311].

Возьмем пример. Ни одно из философских положений не было предметом такой признательности со стороны близоруких правительств и такого гнева со стороны не менее близоруких либералов, как знаменитое положение Гегеля:

«Все действительное разумно; все разумное действительно»[312].

Ведь оно, очевидно, было оправданием всего существующего, философским благословением деспотизма, полицейского государства, королевской юстиции, цензуры. Так думал Фридрих-Вильгельм III; так думали и его подданные. Но у Гегеля вовсе не все, что существует, является безоговорочно также и действительным. Атрибут действительности принадлежит у него лишь тому, что в то же время необходимо.

«В своем развертывании действительность раскрывается как необходимость».

Та или иная правительственная мера — сам Гегель берет в качестве примера «известное налоговое установление» — вовсе не признается им поэтому безоговорочно за нечто действительное[313]. Но необходимое оказывается, в конечном счете, также и разумным, и в применении к тогдашнему прусскому государству гегелевское положение означает, стало быть, только следующее: это государство настолько разумно, настолько соответствует разуму, насколько оно необходимо. А если оно все-таки оказывается, на наш взгляд, негодным, но, несмотря на свою негодность, продолжает существовать, то негодность правительства находит свое оправдание и объяснение в соответственной негодности подданных. Тогдашние пруссаки имели такое правительство, какого они заслуживали.

Однако действительность по Гегелю вовсе не представляет собой такого атрибута, который присущ данному общественному или политическому порядку при всех обстоятельствах и во все времена. Напротив. Римская республика была действительна, но действительна была и вытеснившая ее Римская империя. Французская монархия стала в 1789 г. до такой степени недействительной, то есть до такой степени лишенной всякой необходимости, до такой степени неразумной, что ее должна была уничтожить великая революция, о которой Гегель всегда говорит с величайшим воодушевлением. Здесь, следовательно, монархия была недействительной, а революция действительной. И совершенно так же, по мере развития, все, бывшее прежде действительным, становится недействительным, утрачивает свою необходимость, свое право на существование, свою разумность.

Место отмирающей действительности занимает новая, жизнеспособная действительность, занимает мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления, — насильственно, если оно противится этой необходимости. Таким образом, это гегелевское положение благодаря самой гегелевской диалектике превращается в свою противоположность: все действительное в области человеческой истории становится со временем неразумным, оно, следовательно, неразумно уже по самой своей природе, заранее обременено неразумностью; а все, что есть в человеческих головах разумного, предназначено к тому, чтобы стать действительным, как бы ни противоречило оно существующей кажущейся действительности. По всем правилам гегелевского метода мышления, тезис о разумности всего действительного превращается в другой тезис: достойно гибели все то, что существует*.

Но именно в том и состояло истинное значение и революционный характер гегелевской философии (которой, как завершением всего философского движения со времени Канта, мы должны здесь ограничить наше рассмотрение), что она раз и навсегда разделалась со всяким представлением об окончательном характере результатов человеческого мышления и действия. Истина, которую должна познать философия, представлялась Гегелю уже не в виде собрания готовых догматических положений, которые остается только зазубрить, раз они открыты; истина теперь заключалась в самом процессе познания, в длительном историческом развитии науки, поднимающейся с низших ступеней знания на все более высокие, но никогда не достигающей такой точки, от которой она, найдя некоторую так называемую абсолютную истину, уже не могла бы пойти дальше и где ей не оставалось бы ничего больше, как, сложа руки, с изумлением созерцать эту добытую абсолютную истину. И так обстоит дело не только в философском, но и во всяком другом познании, а равно и в области практического действия. История так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества; совершенное общество, совершенное «государство», это — вещи, которые могут существовать только в фантазии. Напротив, все общественные порядки, сменяющие друг друга в ходе истории, представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей. Каждая ступень необходима и,

* Перефразированные слова Мефистофеля из трагедии Гёте «Фауст», часть I, сцена третья («Кабинет Фауста»). *Ред.*

таким образом, имеет свое оправдание для того времени и для тех условий, которым она обязана своим происхождением. Но она становится непрочной и лишается своего оправдания перед лицом новых, более высоких условий, постепенно развивающихся в ее собственных недрах. Она вынуждена уступить место более высокой ступени, которая, в свою очередь, также приходит в упадок и гибнет. Эта диалектическая философия разрушает все представления об окончательной абсолютной истине и о соответствующих ей абсолютных состояниях человечества, так же, как буржуазия посредством крупной промышленности, конкуренции и всемирного рынка практически разрушает все устоявшиеся, веками освященные учреждения. Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу. У нее, правда, есть и консервативная сторона: каждая данная ступень развития познания и общественных отношений оправдывается ею для своего времени и своих условий, но не больше. Консерватизм этого способа понимания относителен, его революционный характер абсолютен — вот единственное абсолютное, признаваемое диалектической философией.

Нам нет надобности вдаваться здесь в рассмотрение вопроса о том, вполне ли этот способ понимания согласуется с нынешним состоянием естественных наук, которые самой Земле предсказывают возможный, а ее обитаемости довольно достоверный конец и тем самым говорят, что и у истории человечества будет не только восходящая, но и нисходящая ветвь. Мы находимся, во всяком случае, еще довольно далеко от той поворотной точки, за которой начнется движение истории общества по нисходящей линии, и мы не можем требовать от гегелевской философии, чтобы она занималась вопросом, еще не поставленным в порядок дня современным ей естествознанием.

Однако здесь необходимо заметить следующее: вышеприведенные взгляды не даны Гегелем в такой резкой форме. Это вывод, к которому неизбежно приводит его метод, но этот вывод никогда не был сделан им самим с такой определенностью, и по той простой причине, что Гегель вынужден был строить систему, а философская система, по установившемуся порядку, должна была завершиться абсолютной истиной того или иного рода. И тот же Гегель, который, особенно в своей «Логике»[314], подчеркивает, что эта вечная истина есть не что иное, как сам

логический (resp.[*]: исторический) процесс, — тот же самый Гегель видит себя вынужденным положить конец этому процессу, так как надо же было ему на чем-то закончить свою систему. В «Логике» этот конец он снова может сделать началом, потому что там конечная точка, абсолютная идея, — абсолютная лишь постольку, поскольку он абсолютно ничего не способен сказать о ней, — «отчуждает» себя (то есть превращается) в природу, а потом в духе, — то есть в мышлении и в истории, — снова возвращается к самой себе. Но в конце всей философии для подобного возврата к началу оставался только один путь. А именно, нужно было так представить себе конец истории: человечество приходит к познанию как раз этой абсолютной идеи и объявляет, что это познание абсолютной идеи достигнуто в гегелевской философии. Но это значило провозгласить абсолютной истиной все догматическое содержание системы Гегеля и тем стать в противоречие с его диалектическим методом, разрушающим все догматическое. Это означало задушить революционную сторону под тяжестью непомерно разросшейся консервативной стороны, — и не только в области философского познания, по и в исторической практике. Человечество, которое в лице Гегеля додумалось до абсолютной идеи, должно было и в практической области оказаться ушедшим вперед так далеко, что для него уже стало возможным воплощение этой абсолютной идеи в действительность. Абсолютная идея не должна была, значит, предъявлять своим современникам слишком высокие практические политические требования. Вот почему мы в конце «Философии права» узнаем, что абсолютная идея должна осуществиться в той сословной монархии, которую Фридрих-Вильгельм III так упорно и так безрезультатно обещал своим подданным, то есть, стало быть, в ограниченном и умеренном косвенном господстве имущих классов, приспособленном к тогдашним мелкобуржуазным отношениям Германии. И притом нам еще доказывается умозрительным путем необходимость дворянства.

Итак, уже одни внутренние нужды системы достаточно объясняют, почему в высшей степени революционный метод мышления привел к очень мирному политическому выводу. Но специфической формой этого вывода мы обязаны, конечно, тому обстоятельству, что Гегель был немец и, подобно своему современнику Гёте, не свободен от изрядной дозы филистерства. Гёте, как и Гегель, был в своей области настоящий Зевс-олимпиец, но ни тот, ни другой не могли вполне отделаться от немецкого филистерства.

[*] — respective — соответственно. *Ред.*

Все это не помешало, однако, тому, что гегелевская система охватила несравненно более широкую область, чем какая бы то ни было прежняя система, и развила в этой области еще и поныне поражающее богатство мыслей. Феноменология духа (которую можно было бы назвать параллелью эмбриологии и палеонтологии духа, отображением индивидуального сознания на различных ступенях его развития, рассматриваемых как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием), логика, философия природы, философия духа, разработанная в ее отдельных исторических подразделениях: философия истории, права, религии, история философии, эстетика и т. д., — в каждой из этих различных исторических областей Гегель старается найти и указать проходящую через нее нить развития. А так как он обладал не только творческим гением, но и энциклопедической ученостью, то его выступление везде составило эпоху. Само собой понятно, что нужды «системы» довольно часто заставляли его здесь прибегать к тем насильственным конструкциям, по поводу которых, до сих пор поднимают такой ужасный крик его ничтожные противники. Но эти конструкции служат только рамками, лесами возводимого им здания. Кто не задерживается излишне на них, а глубже проникает в грандиозное здание, тот находит там бесчисленные сокровища, до настоящего времени сохранившие свою полную ценность. У всех философов преходящей оказывается как раз «система», и именно потому, что системы возникают из непреходящей потребности человеческого духа: потребности преодолеть все противоречия. Но если бы все противоречия были раз навсегда устранены, то мы пришли бы к так называемой абсолютной истине, — всемирная история была бы закончена и в то же время должна была бы продолжаться, хотя ей уже ничего не оставалось бы делать. Таким образом, тут получается новое, неразрешимое противоречие. Требовать от философии разрешения всех противоречий, значит требовать, чтобы один философ сделал такое дело, какое в состоянии выполнить только все человечество в своем поступательном развитии. Раз мы поняли это, — а этим мы больше, чем кому-нибудь, обязаны Гегелю, — то всей философии в старом смысле слова приходит конец. Мы оставляем в покое недостижимую на этом пути и для каждого человека в отдельности «абсолютную истину» и зато устремляемся в погоню за достижимыми для нас относительными истинами по пути положительных наук и обобщения их результатов при помощи диалектического мышления. Гегелем вообще завершается философия, с одной стороны, потому, что его система представляет собой

величественный итог всего предыдущего развития философии, а с другой — потому, что он сам, хотя и бессознательно, указывает нам путь, ведущий из этого лабиринта систем к действительному положительному познанию мира.

Нетрудно понять, какое огромное воздействие должна была произвести гегелевская система в философски окрашенной атмосфере Германии. Это было триумфальное шествие, длившееся целые десятилетия и далеко не прекратившееся со смертью Гегеля. Напротив, именно период с 1830 до 1840 г., был временем исключительного господства «гегельянщины», заразившей в большей или меньшей степени даже своих противников; именно в этот период взгляды Гегеля, сознательным или бессознательным путем, в изобилии проникали в самые различные науки и давали закваску даже популярной литературе и ежедневной печати, из которых среднее «образованное сознание» черпает свой запас идей. Но эта победа по всей линии была лишь прологом междоусобной войны.

Взятое в целом, учение Гегеля оставляло, как мы видели, широкий простор для самых различных практических партийных воззрений. А практическое значение имели в тогдашней теоретической жизни Германии прежде всего две вещи — религия и политика. Человек, придававший главное значение *системе* Гегеля, мог быть довольно консервативным в каждой из этих областей. Тот же, кто главным считал диалектический *метод,* мог и в религии и в политике принадлежать к самой крайней оппозиции. Сам Гегель, несмотря на довольно частые в его сочинениях взрывы революционного гнева, в общем, по-видимому, склонялся больше к консервативной стороне: недаром же его система стоила ему гораздо более «тяжелой работы мысли», чем его метод. К концу тридцатых годов раскол в его школе становился все более и более заметным. В борьбе с правоверными пиетистами и феодальными реакционерами левое крыло — так называемые младогегельянцы — отказывалось мало-помалу от того философски-пренебрежительного отношения к жгучим вопросам дня, которое обеспечивало до сих пор его учению терпимость и даже покровительство со стороны правительства. А когда в 1840 г. правоверное ханжество и феодально-абсолютистская реакция вступили на престол в лице Фридриха-Вильгельма IV, пришлось открыто стать на сторону той или другой партии. Борьба велась еще философским оружием, но уже не ради абстрактно-философских целей. Речь прямо шла уже об уничтожении унаследованной религии и существующего государства. И если в «Deutsche Jahrbucher»[315] практические конечные цели выступали по преимуществу

еще в философском одеянии, то в «Rheinische Zeitung»[316] 1842 г. младогегельянство выступило уже прямо как философия поднимающейся радикальной буржуазии; философский плащ служил ей лишь для отвода глаз цензуре.

Но путь политики был тогда весьма тернистым, поэтому главная борьба направлялась против религии. Впрочем, в то время, особенно с 1840 г., борьба против религии косвенно была и политической борьбой. Первый толчок дала книга Штрауса «Жизнь Иисуса», вышедшая в 1835 году[317]. Против изложенной в этой книге теории возникновения евангельских мифов выступил позднее Бруно Бауэр, доказывавший, что целый ряд евангельских рассказов сфабрикован самими авторами евангелии. Спор между Штраусом и Бауэром велся под видом философской борьбы между «самосознанием» и «субстанцией». Вопрос о том, возникли ли евангельские рассказы о чудесах путем бессознательного, основанного на традиции, создания мифов в недрах общины или же они были сфабрикованы самими евангелистами, — разросся до вопроса о том, что является главной действующей силой во всемирной истории: «субстанция» или «самосознание». Наконец, явился Штирнер, пророк современного анархизма — у него очень много заимствовал Бакунин — и перещеголял суверенное «самосознание» своим суверенным «единственным»[318].

Мы не станем подробнее рассматривать эту сторону процесса разложения гегелевской школы. Для нас важнее следующее: практические потребности их борьбы против положительной религии привели многих из самых решительных младогегельянцев к англо-французскому материализму. И тут они вступили в конфликт с системой своей школы. В то время как материализм рассматривает природу как единственно действительное, в гегелевской системе природа является всего лишь «отчуждением» абсолютной идеи, как бы ее деградацией; во всяком случае, мышление и его мыслительный продукт, идея, являются здесь первичным, а природа — производным, существующим лишь благодаря тому, что идея снизошла до этого. В этом противоречии и путались на разные лады младогегельянцы.

Тогда появилось сочинение Фейербаха «Сущность христианства»[319]. Одним ударом рассеяло оно это противоречие, снова и без обиняков провозгласив торжество материализма. Природа существует независимо от какой бы то ни было философии. Она есть та основа, на которой выросли мы, люди, сами продукты природы. Вне природы и человека нет ничего, и высшие существа, созданные нашей религиозной фантазией, это — лишь фантастические отражения пашей собственной сущности. Закля-

тие было снято; «система» была взорвана и отброшена в сторону, противоречие разрешено простым обнаружением того обстоятельства, что оно существует только в воображении. — Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы стали сразу фейербахианцами. С каким энтузиазмом приветствовал Маркс новое воззрение и как сильно повлияло оно на него, несмотря на все критические оговорки, можно представить себе, прочитав «Святое семейство»[320].

Даже недостатки книги Фейербаха усиливали тогда ее влияние. Беллетристический, местами даже напыщенный слог обеспечивал книге широкий круг читателей и, во всяком случае, действовал освежающе после долгих лет господства абстрактной и темной гегельянщины. То же следует сказать и о непомерном обожествлении любви, которое можно было извинить, хотя и не оправдать, как реакцию против ставшего невыносимым самодержавия «чистого мышления». Мы не должны, однако, забывать, что именно за обе эти слабые стороны Фейербаха ухватился «истинный социализм», который, как зараза, распространялся с 1844 г. в среде «образованных» людей Германии и который научное исследование заменял беллетристической фразой, а на место освобождения пролетариата путем экономического преобразования производства ставил освобождение человечества посредством «любви», — словом, ударился в самую отвратительную беллетристику и любвеобильную болтовню. Типичным представителем этого направления был г-н Карл Грюн.

Не следует, далее, забывать и следующего: гегелевская школа разложилась, но гегелевская философия еще не была критически преодолена. Штраус и Бауэр, взяв каждый одну из ее сторон, направили их, как полемическое оружие, друг против друга. Фейербах разбил систему и попросту отбросил ее» Но объявить данную философию ошибочной еще не значит покончить с ней. И нельзя было посредством простого игнорирования устранить такое великое творение, как гегелевская философия, которая имела огромное влияние на духовное развитие нации. Ее надо было «снять» в ее собственном смысле, то есть критика должна была уничтожить ее форму и спасти добытое ею новое содержание. Ниже мы увидим, как решена была эта задача.

Тем временем, однако, революция 1848 г. так же бесцеремонно отодвинула в сторону всякую философию, как Фейербах своего Гегеля. А вместе с тем был оттеснен на задний план и сам Фейербах.

II

Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию. Уже с того весьма отдаленного времени, когда люди, еще не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея объяснить сновидений*, пришли к тому представлению, что их мышление и ощущения есть деятельность не их тела, а какой-то особой души, обитающей в этом теле и покидающей его при смерти, — уже с этого времени они должны были задумываться об отношении этой души к внешнему миру. Если она в момент смерти отделяется от тела и продолжает жить, то нет никакого повода придумывать для нее еще какую-то особую смерть. Так возникло представление о се бессмертии, которое на той ступени развития казалось отнюдь не утешением, а неотвратимой судьбой и довольно часто, например у греков, считалось подлинным несчастьем. Не религиозная потребность в утешении приводила всюду к скучному вымыслу о личном бессмертии, а то простое обстоятельство, что, раз признав существование души, люди в силу всеобщей ограниченности никак не могли объяснить себе, куда же девается она после смерти тела. Совершенно подобным же образом вследствие олицетворения сил природы возникли первые боги, которые в ходе дальнейшего развития религии принимали все более и более облик внемировых сил, пока в результате процесса абстрагирования — я чуть было не сказал: процесса дистилляции, — совершенно естественного в ходе умственного развития, в головах людей не возникло, наконец, из многих более или менее ограниченных и ограничивающих

* Еще и теперь у дикарей и варваров низшей ступени повсеместно распространено представление, что являющиеся им во сне человеческие образы суть души, на время покинувшие тело; при этом на действительного человека возлагается ответственность за те его поступки, которые спились видевшему сон. Это заметил, например, им Турн в 1884 г. у индейцев Гвианы[321].

друг друга богов представление о едином, исключительном боге монотеистических религий.

Высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, имеет свои корни, стало быть, не в меньшей степени, чем всякая религия, в ограниченных и невежественных представлениях людей периода дикости. Но он мог быть поставлен со всей резкостью, мог приобрести все свое значение лишь после того, как население Европы пробудилось от долгой зимней спячки христианского средневековья. Вопрос об отношении мышления к бытию, о том, что является первичным: дух или природа, — этот вопрос, игравший, впрочем, большую роль и в средневековой схоластике, вопреки церкви принял более острую форму: создан ли мир богом или он существует от века?

Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, в конечном счете, так или иначе признавали сотворение мира, — а у философов, например у Гегеля, сотворение мира принимает нередко еще более запутанный и нелепый вид, чем в христианстве, — составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма.

Ничего другого первоначально и не означают выражения: идеализм и материализм, и только в этом смысле они здесь и употребляются. Ниже мы увидим, какая путаница возникает в тех случаях, когда им придают какое-либо другое значение.

Но вопрос об отношении мышления к бытию имеет еще и другую сторону: как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности? На философском языке этот вопрос называется вопросом о тождестве мышления и бытия. Громадное большинство философов утвердительно решает этот вопрос. Так, например, у Гегеля утвердительный ответ на этот вопрос подразумевается сам собой: в действительном мире мы познаем именно его мыслительное содержание, именно то, благодаря чему мир оказывается постепенным осуществлением абсолютной идеи, которая от века существовала где-то независимо от мира и прежде него. Само собой понятно, что мышление может познать то содержание, которое уже заранее является содержанием мысли. Не менее понятно также, что доказываемое положение здесь молчаливо уже содержится в самой предпосылке. Но это

никоим образом не мешает Гегелю делать из своего доказательства тождества мышления и бытия тот дальнейший вывод, что так как его мышление признает правильной его философию, то, значит, она есть единственно правильная философия и что, в силу тождества мышления и бытия, человечество должно немедленно перенести эту философию из теории в практику и переустроить весь мир сообразно гегелевским принципам. Эту иллюзию он разделяет почти со всеми другими философами.

Но рядом с этим существует ряд других философов, которые оспаривают возможность познания мира или, по крайней мере, исчерпывающего познания. К ним принадлежат среди новейших философов Юм и Кант, и они играли очень значительную роль в развитии философии. Решающее для опровержения этого взгляда сказано уже Гегелем, насколько это можно было сделать с идеалистической точки зрения. Добавочные материалистические соображения Фейербаха более остроумны, чем глубоки. Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой «вещи в себе» приходит конец. Химические вещества, образующиеся в телах животных и растений, оставались такими «вещами в себе», пока органическая химия не стала приготовлять их одно за другим; тем самым «вещь в себе» превращалась в вещь для нас, как например, ализарин, красящее вещество марены, которое мы теперь получаем не из корней марены, выращиваемой в поле, а гораздо дешевле и проще из каменноугольного дегтя. Солнечная система Коперника в течение трехсот лет оставалась гипотезой, в высшей степени вероятной, но все-таки гипотезой. Когда же Леверье на основании данных этой системы не только доказал, что должна существовать еще одна, неизвестная до тех пор, планета, но и определил посредством вычисления место, занимаемое ею в небесном пространстве, и когда после этого Галле действительно нашел эту планету[322], система Коперника была доказана. И если неокантианцы в Германии стараются воскресить взгляды Канта, а агностики в Англии — взгляды Юма (никогда не вымиравшие там), несмотря на то, что и теория и практика давно уже опровергли и те и другие, то в научном отношении это является шагом назад, а на практике — лишь стыдливой манерой тайком протаскивать материализм, публично отрекаясь от него.

Однако в продолжение этого длинного периода, от Декарта до Гегеля и от Гоббса до Фейербаха, философов толкала вперед отнюдь не одна только сила чистого мышления, как они воображали. Напротив. В действительности их толкало вперед главным образом мощное, все более быстрое и бурное развитие естествознания и промышленности. У материалистов это прямо бросалось в глаза. Но и идеалистические системы все более и более наполнялись материалистическим содержанием и пытались пантеистически примирить противоположность духа и материи. В гегелевской системе дело дошло, наконец, до того, что она и по методу и по содержанию представляет собой лишь идеалистически на голову поставленный материализм.

После всего сказанного понятно, почему Штарке в своей характеристике Фейербаха прежде всего исследует его позицию в этом основном вопросе — об отношении мышления к бытию. После краткого введения, в котором взгляды прежних философов, в особенности начиная с Канта, излагаются излишне тяжелым философским языком и в котором Гегель не получает должной оценки, так как автор с чрезмерным формализмом цепляется за отдельные места его сочинений, следует подробное изложение хода развития самой фейербаховской «метафизики», как это развитие последовательно отражалось в относящихся сюда сочинениях этого философа. Это изложение сделано старательно и отличается ясностью построения, только оно, как и вся книга Штарке, перегружено балластом философских выражений, употребление которых отнюдь не всегда неизбежно. Этот балласт является тем большей помехой, что автор не придерживается терминологии, принятой какой-нибудь одной школой или хотя бы самим Фейербахом, а перемешивает термины, принятые самыми различными направлениями, и преимущественно теми, которые именуют себя философскими и распространяются ныне подобно заразе.

Ход развития Фейербаха есть ход развития гегельянца, — правда, вполне правоверным гегельянцем он не был никогда, — к материализму. Па известной ступени это развитие привело его к полному разрыву с идеалистической системой своего предшественника. С неудержимой силой овладело им, наконец, сознание того, что гегелевское домировое существование «абсолютной идеи», «предсуществование логических категорий» до возникновения мира есть не более, как фантастический остаток веры в потустороннего творца; что тот вещественный, чувственно воспринимаемый нами мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственный действительный мир и что наше сознание и мышление, как бы ни казались они сверхчувственными,

являются продуктом вещественного, телесного органа — мозга. Материя не есть продукт духа, а дух есть лишь высший продукт материи. Это, разумеется, чистый материализм. Но, дойдя до этого, Фейербах вдруг останавливается. Он не может преодолеть обычного философского предрассудка, предрассудка не против самого существа дела, а против слова «материализм». Он говорит:

«Для меня материализм есть основа здания человеческой сущности и человеческого знания; но он для меня не то, чем он является для физиолога, для естествоиспытателя в тесном смысле, например для Молешотта, и чем он не может не быть для них сообразно их точке зрения и их специальности, то есть он для меня не само здание. Идя назад, я целиком с материалистами; идя вперед, я не с ними»[323].

Фейербах смешивает здесь материализм как общее мировоззрение, основанное на определенном понимании отношения материи и духа, с той особой формой, в которой выражалось это мировоззрение на определенной исторической ступени, именно в XVIII веке. Больше того, он смешивает его с той опошленной, вульгаризированной формой, в которой материализм XVIII века продолжает теперь существовать в головах естествоиспытателей и врачей и в которой его в 50-х годах преподносили странствующие проповедники Бюхнер, Фогт и Молешотт. Но материализм, подобно идеализму, прошел ряд ступеней развития. С каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму. А с тех пор, как и истории было дано материалистическое объяснение, здесь также открывается новый путь для развития материализма.

Материализм прошлого века был преимущественно механическим, потому что из всех естественных наук к тому времени достигла известной законченности только механика, и именно только механика твердых тел (земных и небесных), короче — механика тяжести. Химия существовала еще в наивной форме, основанной на теории флогистона. Биология была еще в пеленках: растительный и животный организм был исследован лишь в самых грубых чертах, его объясняли чисто механическими причинами. В глазах материалистов XVIII века человек был машиной так же, как животное в глазах Декарта. Это применение исключительно масштаба механики к процессам химического и органического характера, — в области которых механические законы хотя и продолжают действовать, но отступают на задний план перед другими, более высокими законами, — составляет первую своеобразную, но неизбежную тогда ограниченность классического французского материализма.

Вторая своеобразная ограниченность этого материализма заключалась в неспособности его понять мир как процесс, как такую материю, которая находится в непрерывном историческом развитии. Это соответствовало тогдашнему состоянию естествознания и связанному с ним метафизическому, то есть антидиалектическому, методу философского мышления. Природа находится в вечном движении; это знали и тогда. Но по тогдашнему представлению, это движение столь же вечно вращалось в одном и том же круге и таким образом оставалось, собственно, на том же месте: оно всегда приводило к одним и тем же последствиям. Такое представление было тогда неизбежно. Кантовская теория возникновения солнечной системы тогда только что появилась и казалась еще лишь простым курьезом. История развития Земли, геология, была еще совершенно неизвестна, а мысль о том, что нынешние живые существа являются результатом продолжительного развития от простого к сложному, вообще еще не могла тогда быть выдвинута наукой. Неисторический взгляд на природу был, следовательно, неизбежен. И этот недостаток тем меньше можно поставить в вину философам XVIII века, что его не чужд даже Гегель. У Гегеля природа, как простое «отчуждение» идеи, не способна к развитию во времени; она может лишь развертывать свое многообразие в пространстве, и, таким образом, осужденная на вечное повторение одних и тех же процессов, она выставляет одновременно и одну рядом с другой все заключающиеся в ней ступени развития. И эту бессмыслицу развития в пространстве, но вне времени, — которое является основным условием всякого развития, — Гегель навязывал природе как раз в то время, когда уже достаточно были разработаны и геология, и эмбриология, и физиология растений и животных, и органическая химия, и когда на основе этих новых наук уже повсюду зарождались гениальные догадки, предвосхищавшие позднейшую теорию развития (например Гёте и Ламарк). Но так повелевала система, и в угоду системе метод должен был изменить самому себе.

В области истории — то же отсутствие исторического взгляда на вещи. Здесь приковывала взор борьба с остатками средневековья. На средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, вызванный тысячелетним всеобщим варварством. Никто не обращал внимания на большие успехи, сделанные в течение средних веков: расширение культурной области Европы, образование там в соседстве друг с другом великих жизнеспособных наций, наконец, огромные технические успехи XIV и XV веков. А тем самым становился невозможным

правильный взгляд на великую историческую связь, и история и лучшем случае являлась готовым к услугам философов сбор-пиком примеров и иллюстраций.

Вульгаризаторы, взявшие на себя в пятидесятых годах в Германии роль разносчиков материализма, не вышли ни в чем за эти пределы учений своих учителей. Все дальнейшие успехи естественных наук служили им лишь новыми доводами против существования творца вселенной. Да они и не помышляли о том, чтобы развивать дальше теорию. Идеализм, премудрость которого к тому времени уже окончательно истощилась и который был смертельно ранен революцией 1848 г., получил, таким образом, удовлетворение в том, что материализм в это время пал еще ниже. Фейербах был совершенно прав, отклоняя от себя всякую ответственность за этот материализм; он только не имел права смешивать учение странствующих проповедников с материализмом вообще.

Впрочем, здесь надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, и при жизни Фейербаха естествознание находилось в том процессе сильнейшего брожения, который получил относительное, вносящее ясность завершение только за последние пятнадцать лет. Собрана была небывалая до сих пор масса нового материала для познания, но лишь в самое последнее время стало возможно установить связь, а стало быть, и порядок в этом хаосе стремительно нагромождавшихся открытий. Правда, Фейербах был современником трех важнейших открытий — открытия клетки, учения о превращении энергии и теории развития, названной по имени Дарвина. Но мог ли пребывавший в деревенском уединении философ в достаточной степени следить за наукой, чтобы в полной мере оценить такие открытия, которые тогда сами естествоиспытатели отчасти еще оспаривали, отчасти же не умели надлежащим образом использовать? Виноваты тут единственно жалкие немецкие порядки, благодаря которым философские кафедры замещались исключительно мудрствующими эклектическими крохоборами, между тем как Фейербах, бесконечно превосходивший всех их, вынужден был окрестьяниваться и прозябать в деревенском захолустье. Не Фейербах, следовательно, виноват в том, что ставший теперь возможным исторический взгляд на природу, устраняющий все односторонности французского материализма, остался для него недоступным.

Во-вторых, Фейербах был совершенно прав, когда говорил, что исключительно естественнонаучный материализм «составляет основу здания человеческого знания, но еще не самое здание». Ибо мы живем не только в природе, но и в человече-

ском обществе, которое не в меньшей мере, чем природа, имеет свою историю развития и свою науку. Задача, следовательно, состояла в том, чтобы согласовать науку об обществе, то есть всю совокупность так называемых исторических и философских наук, с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию. Но Фейербаху не суждено было сделать это. Здесь он, несмотря на «основу», еще не освободился от старых идеалистических пут, что признавал он сам, говоря: «Идя назад, я с материалистами; идя вперед, я не с ними». Но именно здесь, в области общественной, сам Фейербах «вперед», дальше своей точки зрения 1840 или 1844 г., и не пошел, и опять-таки главным образом вследствие своего отшельничества, в силу которого он, по своим наклонностям гораздо больше всех других философов нуждавшийся в обществе, вынужден был разрабатывать свои мысли в полном уединении, а не в дружеских или враждебных встречах с другими людьми своего калибра. Ниже мы подробнее рассмотрим, в какой большой степени он оставался идеалистом в указанной области.

Заметим еще, что Штарке видит идеализм Фейербаха не в том, в чем он действительно заключается.

«Фейербах — идеалист; он верит в прогресс человечества» (стр. 19). «Основой, фундаментом всего остается все-таки идеализм. Реализм только предохраняет нас от заблуждений в то время, когда мы следуем своим идеальным стремлениям. Разве сострадание, любовь и служение истине и праву не идеальные силы?» (стр. VIII).

Во-первых, здесь идеализмом называется не что иное, как стремление к идеальным целям. Но эти цели необходимым образом связаны разве только с кантовским идеализмом и его «категорическим императивом». Однако даже Кант назвал свою философию «трансцендентальным идеализмом» вовсе не потому, что в ней речь идет и о нравственных идеалах, а по совершенно другим причинам, небезызвестным, конечно, Штарке. Предрассудок относительно того, что вера в нравственные, то есть общественные, идеалы составляет будто бы сущность философского идеализма, возник вне философии, у немецкого филистера, который подбирал потребные ему крохи философского образования в стихотворениях Шиллера. И никто не критиковал более резко бессильный кантовский «категорический императив» (бессильный потому, что требует невозможного, следовательно, никогда не приходит ни к чему действительному), никто не осмеивал более жестоко насажденную Шиллером филистерскую наклонность помечтать о неосуществимых идеалах (см., например, «Феноменологию»[324]), — чем это делал законченный идеалист Гегель.

Во-вторых, никак не избегнуть того обстоятельства, что все, что побуждает человека к деятельности, должно проходить через его голову: даже за еду и питье человек принимается вследствие того, что в его голове отражаются ощущения голода я жажды, а перестает есть и пить вследствие того, что в его голове отражается ощущение сытости. Воздействия внешнего мира на человека запечатлеваются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, проявлений воли, словом — в виде «идеальных стремлений», и в этом виде они становятся «идеальными силами». И если данного человека делает идеалистом только то обстоятельство, что он «следует идеальным стремлениям» и что он признает влияние на него «идеальных сил», то всякий мало-мальски нормально развитой человек — идеалист от природы, и непонятным остается одно: как вообще могут быть на свете материалисты?

В-третьих, убеждение в том, что человечество, по крайней мере в данное время, двигается в общем и целом вперед, не имеет абсолютно ничего общего с противоположностью материализма и идеализма. Французские материалисты почти фанатически держались этого убеждения — не меньше деистов[325] Вольтера и Руссо — и довольно часто приносили ему величайшие личные жертвы. Если кто-нибудь посвятил всю свою жизнь «служению истине и праву» — в хорошем смысле этих слов, — то таким человеком был, например, Дидро. И когда Штарке объявляет все это идеализмом, он доказывает только то, что слово материализм, а с ним вместе и вся противоположность обоих направлений утратили здесь у него всякий смысл.

Фактически Штарке здесь делает, — хотя, может быть, и бессознательно, — непростительную уступку укоренившемуся под влиянием долголетней поповской клеветы филистерскому предрассудку против названия материализм. Под материализмом филистер понимает обжорство, пьянство, похоть, плотские наслаждения и тщеславие, корыстолюбие, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче — все те грязные пороки, которым он сам предается втайне. Идеализм же означает у него веру в добродетель, любовь ко всему человечеству и вообще веру в «лучший мир», о котором он кричит перед другими, по в который он сам начинает веровать разве только тогда, когда у него голова болит с похмелья или когда он обанкротился, словом — когда ему приходится переживать неизбежные последствия своих обычных «материалистических» излишеств. При этом он тянет свою любимую песню: Что же такое человек? Он — полузверь и полуангел.

В остальном же Штарке усердно старается защитить Фейербаха от нападений и учений тех доцентов, которые шумят теперь в Германии под именем философов. Для людей, интересующихся выродившимся потомством классической немецкой философии, это, конечно, важно; для самого Штарке это могло казаться необходимым. Но мы пощадим читателя.

III

Действительный идеализм Фейербаха выступает наружу тотчас же, как мы подходим к его философии религии и этике. Фейербах вовсе не хочет упразднить религию; он хочет усовершенствовать ее. Сама философия должна раствориться в религии.

«Периоды человечества отличаются один от другого лишь переменами в религии. Данное историческое движение только тогда достигает своей основы, когда оно глубоко проникает в сердце человека. Сердце — не форма религии, так что нельзя сказать, что религия должна быть также и в сердце; оно — сущность религии»[326] (цитировано у Штарке, стр. 168).

По учению Фейербаха, религия есть основанное на чувстве, сердечное отношение между человеком и человеком, которое до сих пор искало свою истину в фантастическом отражении действительности, — при посредстве одного или многих богов, этих фантастических отражений человеческих свойств, — а теперь непосредственно и прямо находит ее в любви между «я» и «ты». И таким образом, у Фейербаха, в конце концов, половая любовь становится одной из самых высших, если не самой высшей формой исповедания его новой религии.

Основанные на чувстве отношения между людьми, особенно же между людьми разного пола, существовали с тех самых пор, как существуют люди. Что касается половой любви, то она в течение последних восьми столетий приобрела такое значение и завоевала такое место, что стала обязательной осью, вокруг которой вращается вся поэзия. Существующие позитивные религии ограничиваются тем, что дают высшее освящение государственному регулированию половой любви, то есть законодательству о браке; они могут все хоть завтра совершенно исчезнуть, а в практике любви и дружбы не произойдет ни малейшего изменения. Во Франции между 1793 и 1798 гг. христианская религия действительно исчезла до такой степени,

что самому Наполеону не без сопротивления и не без труда удалось ввести ее снова. Однако в течение этого времени не возникло никакой потребности заменить ее чем-нибудь вроде новой религии Фейербаха.

Идеализм Фейербаха состоит здесь в том, что он все основанные на взаимной склонности отношения людей — половую любовь, дружбу, сострадание, самопожертвование и т. д. — не берет просто-напросто в том значении, какое они имеют сами по себе, вне зависимости от воспоминаний о какой-нибудь особой религии, которая и по его мнению принадлежит прошлому. Он утверждает, что полное свое значение эти отношения получат только тогда, когда их освятят словом религия. Главное для него не в том, что такие чисто человеческие отношения существуют, а в том, чтобы их рассматривали как новую, истинную религию. Он соглашается признать их полноценными только в том случае, если к ним будет приложена печать религии. Слово религия происходит от religare* и его первоначальное значение — связь. Следовательно, всякая взаимная связь двух людей есть религия. Подобные этимологические фокусы представляют собой последнюю лазейку идеалистической философии. Словам приписывается не то значение, какое они получили путем исторического развития их действительного употребления, а то, какое они должны были бы иметь в силу своего происхождения. Только для того, чтобы не исчезло из языка дорогое для идеалистических воспоминаний слово религия, в сан «религии» возводятся половая любовь и отношения между полами. Совершенно так же рассуждали в сороковых годах парижские реформисты направления Луи Блана, которым тоже человек без религии представлялся каким-то чудовищем и которые говорили нам: Donc, l'athéisme c'est votre religion!** Стремление Фейербаха построить истинную религию на основе материалистического по сути дела понимания природы можно уподобить попытке толковать современную химию как истинную алхимию. Если возможна религия без бога, то возможна и алхимия без своего философского камня. К тому же существует очень тесная связь между алхимией и религией. Философский камень обладает многими богоподобными свойствами, и египетско-греческие алхимики первых двух столетий нашего летосчисления тоже приложили свою руку при выработке христианского учения, как это показывают данные, приводимые Коппом и Бертло.

* — связывать. *Ред.*
** — Стало быть, атеизм это и есть ваша религия! *Ред.*

Совершенно неверным является утверждение Фейербаха, что «периоды человечества отличаются один от другого лишь переменами в религии». Великие исторические повороты *сопровождались* переменами в религии лишь поскольку речь идет о трех доныне существовавших мировых религиях: буддизме, христианстве, исламе. Старые стихийно возникшие племенные и национальные религии не имели пропагандистского характера и лишались всякой силы сопротивления, как только бывала сломлена независимость данных племен или народов. У германцев для этого достаточно было даже простого соприкосновения с разлагавшейся римской мировой империей и с ее христианской мировой религией, тогда только что принятой Римом и соответствовавшей его экономическому, политическому и духовному состоянию. Только по поводу этих, более или менее искусственно возникших мировых религий, особенно по поводу христианства и ислама, можно сказать, что общие исторические движения принимают религиозную окраску. Но даже в сфере распространения христианства революции, имевшие действительно универсальное значение, принимают эту окраску лишь на первых ступенях борьбы буржуазии за свое освобождение, от XIII до XVII века включительно. И это объясняется не свойствами человеческого сердца и не религиозной потребностью человека, как думает Фейербах, но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и теологию. Но когда в XVIII веке буржуазия достаточно окрепла для того, чтобы создать свою собственную идеологию, соответствующую ее классовому положению, она совершила свою великую и законченную революцию — французскую, апеллируя исключительно к юридическим и политическим идеям и думая о религии лишь постольку, поскольку эта последняя преграждала ей дорогу. Но при этом ей и в голову не приходило, что надо заменить старую религию какой-то новой. Известно, какую неудачу потерпел здесь Робеспьер.

В обществе, в котором мы вынуждены жить теперь и которое основано на противоположности классов и на классовом господстве, возможность проявления чисто человеческих чувств в отношениях к другим людям и без того достаточно жалка; у нас нет ни малейшего основания делать ее еще более жалкой, возводя эти чувства в сан религии. Точно так же ходячая историография уже достаточно затемнила нам, особенно в Германии, понимание великих исторических классовых битв, и нам нет надобности делать его совершенно невозможным, превращая историю этой борьбы в простой придаток истории церкви. Уже из этого видно, как далеко ушли мы теперь от Фейербаха. Теперь

просто невозможно больше читать те «прекраснейшие места» его сочинений, в которых превозносится эта новая религия любви.

Фейербах серьезно исследует только одну религию — христианство, эту основанную на монотеизме мировую религию Запада. Он показывает, что христианский бог есть лишь фантастическое отражение человека. Но этот бог, в свою очередь, является продуктом длительного процесса абстрагирования, концентрированной квинтэссенцией множества прежних племенных и национальных богов. Соответственно этому и человек, отражением которого является этот бог, представляет собой не действительного человека, а подобную же квинтэссенцию множества действительных людей; это — абстрактный человек, то есть опять-таки только мысленный образ. И тот же самый Фейербах, который на каждой странице проповедует чувственность и погружение в конкретный, действительный мир, становится крайне абстрактным, как только ему приходится говорить не только о половых, а о каких-либо других отношениях между людьми.

В этих отношениях он видит только одну сторону — мораль. И здесь нас опять поражает удивительная бедность Фейербаха в сравнении с Гегелем. У Гегеля этика, или учение о нравственности, есть философия права и охватывает: 1) абстрактное право, 2) мораль, 3) нравственность, к которой, в свою очередь, относятся: семья, гражданское общество, государство. Насколько идеалистична здесь форма, настолько же реалистично содержание. Наряду с моралью оно заключает в себе всю область права, экономики и политики. У Фейербаха — как раз наоборот. По форме он реалистичен, за точку отправления он берет человека; но о мире, в котором живет этот человек, у него нет ц речи, и потому его человек остается постоянно тем же абстрактным человеком, который фигурирует в философии религии. Этот человек появился на свет не из чрева матери: он, как бабочка из куколки, вылетел из бога монотеистических религий. Поэтому он и живет не в действительном, исторически развившемся и исторически определенном мире. Хотя он находится в общении с другими людьми, но каждый из них столь же абстрактен, как и он сам. В философии религии мы все-таки еще имели дело с мужчиной и женщиной, но в этике исчезает и это последнее различие. Правда, у Фейербаха попадаются изредка такие, например, положения:

«Во дворцах мыслят иначе, нем в хижинах»[327]. — «Если у тебя от голода и по бедности нет питательных веществ в теле, то и в голове твоей, в твоих чувствах и в твоем сердце пет пищи для морали»[328]. — «Политика должна стать нашей религией»[329] и т. д.

Но он совершенно не знает, что делать с этими положениями, они остаются у него голой фразой, и даже Штарке вынужден признать, что политика для Фейербаха недоступная область, а

«наука об обществе, социология, — terra incognita*»[330].

Столь же плоским является он по сравнению с Гегелем и там, где рассматривает противоположность между добром и злом.

«Некоторые думают, — замечает Гегель, — что они высказывают чрезвычайно глубокую мысль, говоря: человек по своей природе добр; но они забывают, что гораздо больше глубокомыслия в словах: человек по своей природе зол»[331].

У Гегеля зло есть форма, в которой проявляется движущая сила исторического развития. И в этом заключается двоякий смысл. С одной стороны, каждый новый шаг вперед необходимо является оскорблением какой-нибудь святыни, бунтом против старого, отживающего, но освященного привычкой порядка. С другой стороны, с тех пор как возникла противоположность классов, рычагами исторического развития сделались дурные страсти людей: жадность и властолюбие. Непрерывным доказательством этого служит, например, история феодализма и буржуазии. Но Фейербаху и в голову не приходит исследовать историческую роль морального зла. Историческая область для него вообще неудобна и неуютна. Даже его изречение:

«Когда человек только что вышел из лона природы, он тоже был лишь чисто природным существом, а не человеком. Человек, — это продукт человека, культуры, истории»[332], —

даже это изречение остается у него совершенно бесплодным.

После всего сказанного понятно, что насчет морали Фейербах может сообщить нам лишь нечто чрезвычайно тощее. Стремление к счастью прирождено человеку, поэтому оно должно быть основой всякой морали. Но стремление к счастью подвергается двоякой поправке. Во-первых, со стороны естественных последствий наших поступков: за опьянением следует похмелье, за вошедшим в привычку излишеством — болезнь. Во-вторых, со стороны их общественных последствий: если мы не уважаем в других того же стремления к счастью, они оказывают сопротивление и мешают нашему стремлению к счастью. Отсюда следует, что если мы хотим удовлетворить это свое стремление, мы должны уметь правильно оценивать последствия наших поступков и, кроме того, уважать равное право других на то же самое стремление. Разумное самоограничение в отно-

* — неизвестная земля. *Ред.*

шении самих себя и любовь — снова любовь! — в общении с другими — таковы, стало быть, основные правила фейербаховской морали, из которых выводятся все остальные. И ни остроумнейшие рассуждения Фейербаха, ни самые усиленные похвалы Штарке не в состоянии скрыть убожество и пустоту этих двух-трех положений.

Занимаясь самим собой, человек только в очень редких случаях, и отнюдь не с пользой для себя и для других, удовлетворяет свое стремление к счастью. Он должен иметь общение с внешним миром, средства для удовлетворения своих потребностей: пищу, индивида другого пола, книги, развлечения, споры, деятельность, предметы потребления и труда. Одно из двух: или фейербаховская мораль заранее предполагает, что все эти средства и предметы для удовлетворения потребностей несомненно имеются у каждого человека, или она дает только благие, но неприменимые советы, и тогда она не стоит выеденного яйца для людей, лишенных этих средств. И сам Фейербах прямо говорит об этом:

«Во дворцах мыслят иначе, чем в хижинах». «Если у тебя от голода и по бедности нет питательных веществ в теле, то и в голове твоей, в твоих чувствах и в твоем сердце нет пищи для морали».

Лучше ли обстоит дело с равным правом всех людей на счастье? Фейербах выставляет это требование как безусловно обязательное во все времена и при всяких обстоятельствах. Но с каких пор оно признано всеми? Заходила ли когда-нибудь в древности между рабами и их владельцами или в средние века между крепостными крестьянами и их баронами речь о равном праве всех людей на счастье? Разве стремление угнетенных классов к счастью не приносилось безжалостно и «па законном основании» в жертву такому же стремлению господствующих классов? — Да, приносилось, но это было безнравственно; теперь же признано это равное право. — Признано на словах, с тех пор как буржуазия в борьбе против феодализма и ради развития капиталистического производства вынуждена была уничтожить все сословные, то есть личные, привилегии и ввести юридическое равноправие личности сперва в области частного, а затем постепенно и в области государственного права. Но стремлению к счастью в наименьшей степени нужны идеальные права. Оно нуждается больше всего в материальных средствах; капиталистическое же производство заботится о том, чтобы огромное большинство равноправных лиц имело лишь самое необходимое для самой скудной жизни. Таким образом, капитализм вряд ли оказывает больше уважения равному праву большинства на счастье, чем оказывало рабство или

крепостничество. И разве лучше обстоит дело с духовными средствами, обеспечивающими счастье, со средствами получения образования? Разве сам «школьный учитель, победивший при Садове»[333], — не мифическая личность?

Более того. По фейербаховской теории морали выходит, что фондовая биржа есть храм высшей нравственности, если только там спекулируют с умом. Если мое стремление к счастью заводит меня на биржу и я там сумею настолько правильно взвесить последствия моих действий, что эти действия приносят мне только приятное и никакого ущерба, то есть если я постоянно выигрываю, то предписание Фейербаха исполнено. И при этом я вовсе не стесняю моего ближнего в его таком же стремлении к счастью, ибо он пришел на биржу так же добровольно, как и я, а заключая со мной спекулятивную сделку, он совершенно так же следует своему стремлению к счастью, как я следую моему. А если он теряет свои деньги, то этим доказывается безнравственность его действий, поскольку они были им плохо рассчитаны и, подвергая его заслуженному наказанию, я могу даже стать в гордую позу современного Радаманта. На бирже царствует также и любовь, поскольку она не просто сентиментальная фраза; ибо каждый удовлетворяет свое стремление к счастью при помощи другого, а именно это и должна делать любовь, в этом заключается ее практическое осуществление. Следовательно, если я правильно предвижу последствия своих операций, то есть если я играю с успехом, то я исполняю все строжайшие требования фейербаховской морали, а вдобавок еще и становлюсь богачом. Иначе говоря, каковы бы ни были желания и намерения Фейербаха, его мораль оказывается скроенной по мерке нынешнего капиталистического общества.

Но любовь! — Да, любовь везде и всегда является у Фейербаха чудотворцем, который должен выручать из всех трудностей практической жизни, — и это в обществе, разделенном на классы с диаметрально противоположными интересами! Таким образом из его философии улетучиваются последние остатки ее революционного характера и остается лишь старая песенка: любите друг друга, бросайтесь друг другу в объятия все, без различия пола и звания, — всеобщее примирительное опьянение!

Коротко говоря, с фейербаховской теорией морали случилось то же, что со всеми ее предшественницами. Она скроена для всех времен, для всех пародов, для всех обстоятельств и именно потому не применима нигде и никогда. По отношению к действительному миру она так же бессильна, как категорический императив Канта. В действительности каждый класс и даже

каждая профессия имеют свою собственную мораль, которую они притом же нарушают всякий раз, когда могут сделать это безнаказанно. А любовь, которая должна бы все объединять, проявляется в войнах, ссорах, тяжбах, домашних сварах, разводах и в максимальной эксплуатации одних другими.

Но каким образом могло случиться, что для самого Фейербаха остался совершенно бесплодным тот могучий толчок, который он дал умственному движению? Просто потому, что Фейербах не нашел дороги из им самим смертельно ненавидимого царства абстракций в живой, действительный мир. Он изо всех сил хватается за природу и за человека. Но и природа и человек остаются у него только словами. Он не может сказать ничего определенного ни о действительной природе, ни о действительном человеке. Но чтобы перейти от фейербаховского абстрактного человека к действительным, живым людям, необходимо было изучать этих людей в их исторических действиях. А Фейербах упирался против этого, и потому не понятый им 1848 год означал для него только окончательный разрыв с действительным миром, переход к отшельничеству. Виноваты в этом главным образом все те же немецкие общественные отношения, которые привели его к такому жалкому концу.

Но шаг, которого не сделал Фейербах, все-таки надо было сделать. Надо было заменить культ абстрактного человека, это ядро новой религии Фейербаха, наукой о действительных людях и их историческом развитии. Это дальнейшее развитие фейербаховской точки зрения, выходящее за пределы философии Фейербаха, начато было в 1845 г. Марксом в книге «Святое семейство».

IV

Штраус, Бауэр, Штирнер, Фейербах были отпрысками гегелевской философии, поскольку они не покидали философской почвы. После своей «Жизни Иисуса» и «Догматики»[334] Штраус занимался только философской и историко-церковной беллетристикой à la Ренан. Бауэр сделал нечто значительное лишь в области истории возникновения христианства. Штирнер остался простым курьезом даже после того, как Бакунин перемешал его с Прудоном и окрестил эту смесь «анархизмом». Один Фейербах был выдающимся философом. Но он не только не сумел перешагнуть за пределы философии, выдававшей себя за некую науку наук, парящую над всеми отдельными науками и связывающую их воедино, — эта философия оставалась в его глазах неприкосновенной святыней, — но даже как философ он остановился на полдороге, был материалист внизу, идеалист вверху. Он не одолел Гегеля оружием критики, а просто отбросил его в сторону как нечто негодное к употреблению; в то же время он сам не был в состоянии противопоставить энциклопедическому богатству гегелевской системы ничего положительного, кроме напыщенной религии любви и тощей, бессильной морали.

Но при разложении гегелевской школы образовалось еще иное направление, единственное, которое действительно принесло плоды. Это направление главным образом связано с именем Маркса[*].

[*] Я позволю здесь себе одно личное объяснение. В последнее время не раз указывали на мое участие в выработке этой теории. Поэтому я вынужден сказать здесь несколько слов, исчерпывающих этот вопрос. Я не могу отрицать, что и до и во время моей сорокалетней совместной работы с Марксом принимал известное самостоятельное участие как в обосновании, так и в особенности в разработке теории, о которой идет речь. Но огромнейшая часть основных руководящих мыслей, особенно в экономической и исторической области, и, еще больше, их окончательная четкая формулировка принадлежит Марксу. То, что внес я, Маркс мог легко сделать и без меня, за исключением, может быть, двух-трех специальных областей. А того, что сделал Маркс, я никогда не мог бы сделать. Маркс стоял выше, видел дальше, обозревал больше и быстрее всех нас. Маркс был гений, мы, в лучшем случае, — таланты. Без него наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она по праву носит его имя.

Разрыв с философией Гегеля произошел и здесь путем возврата к материалистической точке зрения. Это значит, что люди этого направления решились понимать действительный мир — природу и историю — таким, каким он сам дается всякому, кто подходит к нему без предвзятых идеалистических выдумок; они решились без сожаления пожертвовать всякой идеалистической выдумкой, которая не соответствует фактам, взятым в их собственной, а не в какой-то фантастической связи. И ничего более материализм вообще не означает. Новое направление отличалось лишь тем, что здесь впервые действительно серьезно отнеслись к материалистическому мировоззрению, что оно было последовательно проведено — по крайней мере в основных чертах — во всех рассматриваемых областях знания.

Гегель не был просто отброшен в сторону. Наоборот, за исходную точку была взята указанная выше революционная сторона его философии, диалектический метод. Но этот метод в его гегелевской форме был непригоден. У Гегеля диалектика есть саморазвитие понятия. Абсолютное понятие не только существует — неизвестно где — от века, но и составляет истинную, живую душу всего существующего мира. Оно развивается по направлению к самому себе через все те предварительные ступени, которые подробно рассмотрены в «Логике» и которые все заключены в нем самом. Затем оно «отчуждает» себя, превращаясь в природу, где оно, не сознавая самого себя, приняв вид естественной необходимости, проделывает новое развитие, и в человеке, наконец, снова приходит к самосознанию. А в истории это самосознание опять выбивается из первозданного состояния, пока, наконец, абсолютное понятие не приходит опять полностью к самому себе в гегелевской философии. Обнаруживающееся в природе и в истории диалектическое развитие, то есть причинная связь того поступательного движения, которое сквозь все зигзаги и сквозь все временные попятные шаги прокладывает себе путь от низшего к высшему, — это развитие является у Гегеля только отпечатком самодвижения понятия, вечно совершающегося неизвестно где, но во всяком случае совершенно независимо от всякого мыслящего человеческого мозга. Надо было устранить это идеологическое извращение. Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях отображения действительных вещей, вместо того чтобы в действительных вещах

видеть отображения тех или иных ступеней абсолютного понятия. Диалектика сводилась этим к науке об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления: два ряда законов, которые по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, поскольку человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе, — а до сих пор большей частью и в человеческой истории — они прокладывают себе путь бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей. Таким образом, диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира. Вместе с этим гегелевская диалектика была перевернута, а лучше сказать — вновь поставлена на ноги, так как прежде она стояла на голове. И замечательно, что не одни мы открыли эту материалистическую диалектику, которая вот уже много лет является нашим лучшим орудием труда и нашим острейшим оружием; немецкий рабочий Иосиф Дицген вновь открыл ее независимо от нас и даже независимо от Гегеля*.

Тем самым революционная сторона гегелевской философии была восстановлена и одновременно освобождена от тех идеалистических оболочек, которые у Гегеля затрудняли ее последовательное проведение. Великая основная мысль, — что мир состоит не из готовых, законченных *предметов,* а представляет собой совокупность *процессов,* в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в беспрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, причем поступательное развитие, при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам, в конечном счете прокладывает себе путь, — эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования. Если же мы при исследовании постоянно исходим из этой точки зрения, то для нас раз навсегда утрачивает всякий смысл требование окончательных решений и вечных истин; мы никогда не забываем, что все приобретаемые нами знания по необходимости ограничены и обусловлены теми обстоятельствами, при которых мы их приобретаем. Вместе с тем нам уже не могут больше внушать почтение такие

* См. «Сущность головной работы, изложено представителем физического труда». Гамбург, изд. Мейснера[335].

непреодолимые для старой, но все еще весьма распространенной метафизики противоположности, как противоположности истины и заблуждения, добра и зла, тождества и различия, необходимости и случайности. Мы знаем, что эти противоположности имеют лишь относительное значение: то, что ныне признается истиной, имеет свою ошибочную сторону, которая теперь скрыта, но со временем выступит наружу; и совершенно так же то, что признано теперь заблуждением, имеет истинную сторону, в силу которой оно прежде могло считаться истиной; то, что утверждается как необходимое, слагается из чистых случайностей, а то, что считается случайным, представляет собой форму, за которой скрывается необходимость, и т. д.

Старый метод исследования и мышления, который Гегель называет «метафизическим», который имел дело преимущественно с *предметами* как с чем-то законченным и неизменным и остатки которого до сих пор еще крепко сидят в головах, имел в свое время великое историческое оправдание. Надо было исследовать предметы, прежде чем можно было приступить к исследованию процессов. Надо сначала знать, что такое данный предмет, чтобы можно было заняться теми изменениями, которые с ним происходят. Так именно и обстояло дело в естественных науках. Старая метафизика, считавшая предметы законченными, выросла из такого естествознания, которое изучало предметы неживой и живой природы как нечто законченное. Когда же это изучение отдельных предметов подвинулось настолько далеко, что можно было сделать решительный шаг вперед, то есть перейти к систематическому исследованию тех изменений, которые происходят с этими предметами в самой природе, тогда и в философской области пробил смертный час старой метафизики. И в самом деле, если до конца прошлого столетия естествознание было преимущественно *собирающей* наукой, наукой о законченных предметах, то в нашем веке оно стало в сущности *упорядочивающей* наукой, наукой о процессах, о происхождении и развитии этих предметов и о связи, соединяющей эти процессы природы в одно великое целое. Физиология, которая исследует процессы в растительном и животном организме; эмбриология, изучающая развитие отдельного организма от зародышевого состояния до зрелости; геология, изучающая постепенное образование земной коры, — все эти науки суть детища нашего века.

Познание взаимной связи процессов, совершающихся в природе, двинулось гигантскими шагами вперед особенно благодаря трем великим открытиям:

Во-первых, благодаря открытию клетки как той единицы, из размножения и дифференциации которой развивается все тело растения и животного. Это открытие не только убедило нас, что развитие и рост всех высших организмов совершаются по одному общему закону, но, показав способность клеток к изменению, оно наметило также путь, ведущий к видовым изменениям организмов, изменениям, вследствие которых организмы могут совершать процесс развития, представляющий собой нечто большее, чем развитие только индивидуальное.

Во-вторых, благодаря открытию превращения энергии, показавшему, что все так называемые силы, действующие прежде всего в неорганической природе, — механическая сила и ее дополнение, так называемая потенциальная энергия, теплота, излучение (свет, resp.* лучистая теплота), электричество, магнетизм, химическая энергия, — представляют собой различные формы проявления универсального движения, которые переходят одна в другую в определенных количественных отношениях, так что, когда исчезает некоторое количество одной, на ее место появляется определенное количество другой, и все движение в природе сводится к этому непрерывному процессу превращения из одной формы в другую.

Наконец, в-третьих, благодаря впервые в общей связи представленному Дарвином доказательству того, что все окружающие нас теперь организмы, не исключая и человека, возникли в результате длительного процесса развития из немногих первоначально одноклеточных зародышей, а эти зародыши, в свою очередь, образовались из возникшей химическим путем протоплазмы, или белка.

Благодаря этим трем великим открытиям и прочим громадным успехам естествознания, мы можем теперь в общем и целом обнаружить не только ту связь, которая существует между процессами природы в отдельных ее областях, но также и ту, которая имеется между этими отдельными областями. Таким образом, с помощью фактов, доставленных самим эмпирическим естествознанием, можно в довольно систематической форме дать общую картину природы как связного целого. Дать такого рода общую картину природы было прежде задачей так называемой натурфилософии, которая могла это делать только таким образом, что заменяла неизвестные еще ей действительные связи явлений идеальными, фантастическими связями и замещала недостающие факты вымыслами, пополняя действительные пробелы лишь в воображении. При этом ею были высказаны

* — respektive — соответственно. *Ред.*

многие гениальные мысли и предугаданы многие позднейшие открытия, но не мало также было наговорено и вздора. Иначе тогда и быть не могло. Теперь же, когда нам достаточно взглянуть на результаты изучения природы диалектически, то есть с точки зрения их собственной связи, чтобы составить удовлетворительную для нашего времени «систему природы», и когда сознание диалектического характера этой связи проникает даже в метафизически вышколенные головы естествоиспытателей вопреки их воле, — теперь натурфилософии пришел конец. Всякая попытка воскресить ее не только была бы излишней, а *была бы шагом назад.*

Но то, что применимо к природе, которую мы понимаем теперь как исторический процесс развития, применимо также ко всем отраслям истории общества и ко всей совокупности наук, занимающихся вещами человеческими (и божественными). Подобно натурфилософии, философия истории, права, религии и т. д. состояла в том, что место действительной связи, которую следует обнаруживать в событиях, занимала связь, измышленная философами; что на историю, — и в ее целом и в отдельных частях, — смотрели как на постепенное осуществление идей, и притом, разумеется, всегда только любимых идей каждого данного философа. Таким образом выходило, что история бессознательно, но необходимо работала на осуществление известной, заранее поставленной идеальной цели; у Гегеля, например, такой целью являлось осуществление его абсолютной идеи, и неуклонное стремление к этой абсолютной идее составляло, по его мнению, внутреннюю связь в исторических событиях. На место действительной, еще не известной связи ставилось, таким образом, какое-то новое, бессознательное или постепенно достигающее сознания таинственное провидение. Здесь надо было, значит, совершенно так же, как и в области природы, устранить эти вымышленные, искусственные связи, открыв связи действительные. А эта задача в конечном счете сводилась к открытию тех общих законов движения, которые в качестве господствующих прокладывают себе путь в истории человеческого общества.

Но история развития общества в одном пункте существенно отличается от истории развития природы. В природе (поскольку мы оставляем в стороне обратное влияние на нее человека) действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие законы. Здесь нигде нет сознательной, желаемой цели: ни в бесчисленных кажущихся случайностях, видимых на поверхности, ни в окончательных результатах, подтверждающих наличие закономерности

внутри этих случайностей. Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели. Но как ни важно это различие для исторического исследования, — особенно отдельных эпох и событий,— оно нисколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам. В самом деле, и в этой области на поверхности явлений, несмотря на сознательно желаемые цели каждого отдельного человека, царствует, в общем и целом, по-видимому, случай. Желаемое совершается лишь в редких случаях; по большей же части цели, поставленные людьми перед собой, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по самому своему существу, частью по недостатку средств для их осуществления. Столкновения бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий приводят в области истории к состоянию, совершенно аналогичному тому, которое господствует в лишенной сознания природе. Действия имеют известную желаемую цель; но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны. А если вначале они, по-видимому, и соответствуют желаемой цели, то в конце концов они ведут совсем не к тем последствиям, которые были желательны. Таким образом, получается, что в общем и целом случайность господствует также и в области исторических явлений. Но где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы.

Каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные, сознательно поставленные цели, а общий итог этого множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир — это именно и есть история. Вопрос сводится, стало быть, также к тому, чего хочет это множество отдельных лиц. Воля определяется страстью или размышлением. Но те рычаги, которыми, в свою очередь, непосредственно определяются страсть или размышление, бывают самого разнообразного характера. Отчасти это могут быть внешние предметы, отчасти — идеальные побуждения: честолюбие, «служение истине и праву», личная ненависть или даже чисто индивидуальные прихоти всякого рода. Но, с одной стороны, мы уже видели, что действующие в истории многочисленные отдельные стремления в большинстве случаев вызывают не те последствия, которые были. желательны, а совсем другие, часто прямо про-

тивоположные тому, что имелось в виду, так что и эти побуждения, следовательно, имеют по отношению к конечному результату лишь подчиненное значение. А с другой стороны, возникает новый вопрос: какие движущие силы скрываются, в свою очередь, за этими побуждениями, каковы те исторические причины, которые в головах действующих людей принимают форму данных побуждений?

Старый материализм никогда не задавался таким вопросом. Взгляд его на историю — поскольку он вообще имел такой взгляд — был поэтому по существу прагматический: он судил обо всем по мотивам действий, делил исторических деятелей на честных и бесчестных и находил, что честные, как правило, оказывались в дураках, а бесчестные торжествовали. Из этого обстоятельства для него вытекал тот вывод, что изучение истории дает очень мало назидательного, а для нас вытекает тот вывод, что в исторической области старый материализм изменяет самому себе, считая действующие там идеальные побудительные силы последними причинами событий, вместо того чтобы исследовать, что за ними кроется, каковы побудительные силы этих побудительных сил. Непоследовательность заключается не в том, что признается существование *идеальных* побудительных сил, а в том, что останавливаются на них, не идут дальше, к их движущим причинам. Напротив, философия истории, особенно в лице Гегеля, признавала, что как выставленные напоказ, так и действительные побуждения исторических деятелей вовсе не представляют собой конечных причин исторических событий, что за этими побуждениями стоят другие движущие силы, которые и надо изучать. Но философия истории искала эти силы не в самой истории; напротив, она привносила их туда извне, из философской идеологии. Так, например, вместо того чтобы объяснять историю Древней Греции из ее собственной внутренней связи, Гегель просто-напросто объявляет, что эта история есть не что иное, как выработка «форм прекрасной индивидуальности», осуществление «художественного произведения» как такового[336]. При этом он делает много прекрасных и глубоких замечаний о древних греках, но тем не менее нас в настоящее время уже не удовлетворяют подобные объяснения, представляющие собой одни только фразы.

Когда, стало быть, речь заходит об исследовании движущих сил, стоящих за побуждениями исторических деятелей, — осознано ли это или, как бывает очень часто, не осознано, — и образующих в конечном счете подлинные движущие силы истории, то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения,

которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы. Да и здесь важны не кратковременные взрывы, не скоропреходящие вспышки, а продолжительные действия, приводящие к великим историческим переменам. Исследовать движущие причины, которые ясно или неясно, непосредственно или в идеологической, может быть, даже в фантастической форме отражаются в виде сознательных побуждений в головах действующих масс и их вождей, так называемых великих людей, — это единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще и в ее отдельные периоды или в отдельных странах. Все, что приводит людей в движение, должно пройти через их голову; но какой вид принимает оно в этой голове, в очень большой мере зависит от обстоятельств. Рабочие не разрушают теперь машин, как они делали это еще в 1848 г. на Рейне, но это вовсе не значит, что они примирились с капиталистическим применением машин.

Но если во все предшествующие периоды исследование этих движущих причин истории было почти невозможно из-за того, что связи этих причин с их следствиями были запутаны и скрыты, то в наше время связи эти до такой степени упростились, что решение загадки стало, наконец, возможным. Со времени введения крупной промышленности, то есть по крайней мере со времени европейского мира 1815 г., в Англии ни для кого уже не было тайной, что центром всей политической борьбы в этой стране являлись стремления к господству двух классов: землевладельческой аристократии (landed aristocracy), с одной стороны, и буржуазии (middle class) — с другой. Во Франции тот же самый факт дошел до сознания вместе с возвращением Бурбонов. Историки периода Реставрации, от Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно указывают на него как на ключ к пониманию французской истории, начиная со средних веков. А с 1830 г. в обеих этих странах рабочий класс, пролетариат, признан был третьим борцом за господство. Отношения так упростились, что только люди, умышленно закрывавшие глаза, могли не видеть, что в борьбе этих трех больших классов и в столкновениях их интересов заключается движущая сила всей новейшей истории, по крайней мере в указанных двух самых передовых странах.

Но как возникли эти классы? Если на первый взгляд происхождение крупного, некогда феодального землевладения могло еще быть приписано, по крайней мере в первую очередь, политическим причинам, насильственному захвату, то по отношению к буржуазии и пролетариату это было уже немыслимо. Слишком

очевидно было, что происхождение и развитие этих двух больших классов определялось чисто экономическими причинами. И столь же очевидно было, что борьба между крупными землевладельцами и буржуазией, так же, как и борьба между буржуазией и пролетариатом, велась прежде всего ради экономических интересов, для осуществления которых политическая власть должна была служить всего лишь средством. Как буржуазия, так и пролетариат возникли вследствие перемен в экономических отношениях, точнее говоря — в способе производства. Оба эти класса развились благодаря переходу сначала от цехового ремесла к мануфактуре, а затем от мануфактуры к крупной промышленности, вооруженной паром и машинами. На известной ступени развития, пущенные в ход буржуазией новые производительные силы — прежде всего разделение труда и соединение в одном общем мануфактурном предприятии многих частичных рабочих — и развившиеся благодаря им условия и потребности обмена стали несовместимыми с существующим, исторически унаследованным и освященным законом строем производства, то есть с цеховыми и бесчисленными прочими личными и местными привилегиями (которые для непривилегированных сословий были столь же бесчисленными оковами), свойственными феодальному общественному строю. В лице своей представительницы, буржуазии, производительные силы восстали против строя производства, представленного феодальными землевладельцами и цеховыми мастерами. Исход борьбы известен. Феодальные оковы были разбиты; в Англии постепенно, во Франции одним ударом, в Германии с ними все еще не разделались. Но подобно тому как мануфактура на известной ступени своего развития вступила в конфликт с феодальным строем производства, так и крупная промышленность оказалась теперь уже в конфликте с пришедшим ему на смену буржуазным строем. Связанная этим строем, скованная узкими рамками капиталистического способа производства, она, с одной стороны, ведет к непрерывно растущей пролетаризации всей огромной массы народа, а с другой — создает все увеличивающуюся массу продуктов, не находящих сбыта. Перепроизводство и массовая нищета — одно является причиной другого— таково то нелепое противоречие, к которому приходит крупная промышленность и которое с необходимостью требует избавления производительных сил от их нынешних оков посредством изменения способа производства.

Таким образом, по крайней мере для новейшей истории, доказано, что всякая политическая борьба есть борьба классовая и что всякая борьба классов за свое освобождение, невзирая

на ее неизбежно политическую форму, — ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая, — ведется, в конечном счете, из-за освобождения *экономического.* Итак, несомненно, что, по крайней мере в новейшей истории, государство, политический строй, является подчиненным, а гражданское общество, царство экономических отношений, — решающим элементом. По старому взгляду на государство, разделявшемуся и Гегелем, оно считалось, наоборот, определяющим, а гражданское общество — определяемым элементом. Видимость этому соответствует. Подобно тому как у отдельного человека, для того чтобы он стал действовать, все побудительные силы, вызывающие его действия, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждения его воли, точно так же и все потребности гражданского общества — независимо от того, какой класс в данное время господствует, — неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение. Это — формальная сторона дела, которая сама собой разумеется. Но, спрашивается, каково же содержание этой только формальной воли, — все равно, отдельного лица или целого государства, — откуда это содержание берется и почему желают именно этого, а не чего-либо другого? Ища ответа на этот вопрос, мы находим, что в новейшей истории государственная воля определяется в общем и целом изменяющимися потребностями гражданского общества, господством того или другого класса, а в последнем счете — развитием производительных сил и отношений обмена.

Но если даже в наше новейшее время с его гигантскими средствами производства и сообщения государство не составляет самостоятельной области и не развивается самостоятельно, а и в существовании своем и в своем развитии зависит, в конечном счете, от экономических условий жизни общества, то тем более это имеет силу по отношению ко всем прежним временам, когда еще не было таких богатых средств производства материальной жизни людей и когда, следовательно, необходимость этого производства неизбежно должна была в еще большей степени господствовать над людьми. Если даже теперь, в эпоху крупной промышленности и железных дорог, государство в целом является лишь выражением, в концентрированной форме, экономических потребностей класса, господствующего в производстве, то еще неизбежнее была такая его роль в ту эпоху, когда всякое данное поколение людей должно было тратить гораздо большую часть приходящегося на его жизнь времени для удовлетворения своих материальных потребностей и когда оно, стало быть, зависело от них гораздо больше,

чем зависим мы теперь. Изучение истории прежних эпох убедительнейшим образом подтверждает это, как только оно обращает серьезное внимание на эту сторону дела. Но, разумеется, здесь мы не можем пускаться в подобное исследование.

Если государство и государственное право определяются экономическими отношениями, то само собой понятно, что теми же отношениями определяется и гражданское право, роль которого в сущности сводится к тому, что оно санкционирует существующие, при данных обстоятельствах нормальные, экономические отношения между отдельными лицами. Но форма, в которой дается эта санкция, может быть очень различна. Можно, например, как это произошло в Англии в соответствии со всем ходом ее национального развития, сохранять значительную часть форм старого феодального права, вкладывая в них буржуазное содержание, и даже прямо подсовывать буржуазный смысл под феодальное наименование. Но можно также — как это произошло в континентальной Западной Европе — взять за основу первое всемирное право общества товаропроизводителей, то есть римское право, с его непревзойденной по точности разработкой всех существенных правовых отношений простых товаровладельцев (покупатель и продавец, кредитор и должник, договор, обязательство и т. д.). При этом можно — на потребу еще мелкобуржуазного и полуфеодального общества — или просто судебной практикой низвести это право до уровня этого общества (общегерманское право), или же с помощью якобы просвещенных, морализирующих юристов переработать его в особый свод законов, который соответствовал бы указанному уровню развития общества и который при этих обстоятельствах будет плох также и в юридическом отношении (прусское право). Можно, наконец, после великой буржуазной революции создать на основе все того же римского права такой классический свод законов буржуазного общества, как французский Code civile*. Если, стало быть, нормы гражданского права представляют собой лишь юридическое выражение экономических условий общественной жизни, то они, смотря по обстоятельствам, могут выражать их иногда хорошо, а иногда и плохо.

В лице государства перед нами выступает первая идеологическая сила над человеком. Общество создает себе орган для защиты своих общих интересов от внутренних и внешних нападений. Этот орган есть государственная власть. Едва возникнув,

* — Гражданский кодекс. *Ред.*

он приобретает самостоятельность по отношению к обществу и тем более успевает в этом, чем более он становится органом одного определенного класса и чем более явно он осуществляет господство этого класса. Борьба угнетенного класса против господствующего неизбежно становится политической борьбой, борьбой прежде всего против политического господства этого класса. Сознание связи этой политической борьбы с ее экономической основой ослабевает, а иногда и теряется совсем. Если же оно не совсем исчезает у самих участников борьбы, то почти всегда отсутствует у историков. Из древних историков, которые описывали борьбу, происходившую в недрах Римской республики, только Аппиан говорит нам ясно и отчетливо, из-за чего она в конечном счете велась: из-за земельной собственности.

Но, став самостоятельной силой по отношению к обществу, государство немедленно порождает новую идеологию. У политиков по профессии, у теоретиков государственного права и у юристов, занимающихся гражданским правом, связь с экономическими фактами теряется окончательно. Поскольку в каждом отдельном случае экономические факты, чтобы получить санкцию в форме закона, должны принимать форму юридического мотива и поскольку при этом следует, разумеется, считаться со всей системой уже существующего права, постольку теперь кажется, что юридическая форма — это все, а экономическое содержание — ничто. Государственное и гражданское право рассматриваются как самостоятельные области, которые имеют свое независимое историческое развитие, которые сами по себе поддаются систематическому изложению и требуют такой систематизации путем последовательного искоренения всех внутренних противоречий.

Идеологии еще более высокого порядка, то есть еще более удаляющиеся от материальной экономической основы, принимают форму философии и религии. Здесь связь представлений с их материальными условиями существования все более запутывается, все более затемняется промежуточными звеньями. Но все-таки она существует. Как вся эпоха Возрождения, начиная с середины XV века, так и вновь пробудившаяся с тех пор философия была в сущности плодом развития городов, то есть бюргерства. Философия лишь по-своему выражала те мысли, которые соответствовали развитию мелкого и среднего бюргерства в крупную буржуазию. Это ясно выступает у англичан и французов прошлого века, которые часто были столько же экономистами, сколько и философами. Относительно гегелевской школы мы показали это выше.

Бросим, однако, беглый взгляд и на религию, которая всего дальше отстоит от материальной жизни и кажется наиболее чуждой ей. Религия возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе. Но, раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке. Иначе она не была бы идеологией, то есть не имела бы дела с мыслями как с самостоятельными сущностями, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам. Тот факт, что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается этот мыслительный процесс, в конечном счете определяют собой его ход, остается неизбежно у этих людей неосознанным, ибо иначе пришел бы конец всей идеологии. Эти первоначальные религиозные представления, по большей части общие каждой данной родственной группе народов, после разделения таких групп развиваются у каждого народа своеобразно, соответственно выпавшим на его долю жизненным условиям. У одного ряда таких групп народов, именно у арийского (так называемого индоевропейского), процесс этого развития подробно исследован сравнительной мифологией. Боги, созданные таким образом у каждого отдельного народа, были национальными богами, и их власть не переходила за границы охраняемой ими национальной области, по ту сторону которых безраздельно правили другие боги. Все эти боги жили в представлении людей лишь до тех пор, пока существовала создавшая их нация, и падали вместе с ее гибелью. Старые национальности погибли под ударами римской мировой империи, экономических условий возникновения которой мы не можем здесь рассматривать. Старые национальные боги пришли в упадок, этой участи не избежали даже римские боги, скроенные по узкой мерке города Рима. Потребность дополнить мировую империю мировой религией ясно обнаруживается в попытках ввести в Риме поклонение, наряду с местными, всем сколько-нибудь почтенным чужеземным богам. Но подобным образом, императорскими декретами, нельзя создать новую мировую религию. Новая мировая религия, христианство, уже возникла в тиши из смеси обобщенной восточной, в особенности еврейской, теологии и вульгаризированной греческой, в особенности стоической, философии. Лишь путем кропотливого исследования можем мы узнать теперь, каков был первоначальный вид христианства, потому что оно перешло к нам уже в том официальном виде, какой придал ему Никейский собор, приспособивший его

к роли государственной религии[337]. Но во всяком случае, тот факт, что уже через 250 лет оно стало государственной религией, достаточно показывает, до какой степени соответствовало оно обстоятельствам того времени. В средние века, в той же самой мере, в какой развивался феодализм, христианство принимало вид соответствующей ему религии с соответствующей феодальной иерархией. А когда окрепло бюргерство, в противоположность феодальному католицизму развилась протестантская ересь, сначала у альбигойцев в Южной Франции в эпоху высшего расцвета ее городов[338]. Средние века присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму. Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде. И подобно тому как бюргерство с самого начала создало себе придаток в виде не принадлежавших ни к какому определенному сословию неимущих городских плебеев, поденщиков и всякого рода прислуги — предшественников позднейшего пролетариата, — так и религиозная ересь уже очень рано разделилась на два вида: бюргерско-умеренный и плебейски-революционный, ненавистный даже и бюргерским еретикам.

Неистребимость протестантской ереси соответствовала непобедимости поднимавшегося бюргерства. Когда это бюргерство достаточно окрепло, его борьба с феодальным дворянством, имевшая до тех пор по преимуществу местный характер, начала принимать национальные масштабы. Первое крупное выступление произошло в Германии — так называемая Реформация. Бюргерство не было еще достаточно сильно и развито, чтобы объединить под своим знаменем все прочие мятежные сословия — плебеев в городах, низшее дворянство и крестьян в деревне. Прежде всех потерпело поражение дворянство; поднялось крестьянское восстание, представляющее собой высшую точку всего этого революционного движения. Но города не поддержали крестьян, и революция была подавлена войсками владетельных князей, которые и воспользовались всеми ее выгодными последствиями. С тех пор на целых три столетия Германия исчезает из числа стран, самостоятельно и активно действующих в истории. Но наряду с немцем Лютером выступил француз Кальвин. С чисто французской остротой выдвинул он на первый план буржуазный характер реформации, придав церкви республиканский, демократический вид. Между тем как люте-

ранская реформация в Германии вырождалась и вела страну к гибели, кальвинистская реформация послужила знаменем республиканцам в Женеве, в Голландии и в Шотландии, освободила Голландию от владычества Испании и Германской империи и доставила идеологический костюм для второго акта буржуазной революции, происходившего в Англии. Здесь кальвинизм явился подлинной религиозной маскировкой интересов тогдашней буржуазии, поэтому он и не добился полного признания после революции 1689 г., окончившейся компромиссом между частью дворянства и буржуазией[339]. Восстановлена была английская государственная церковь, но уже не в прежнем своем виде, не в виде католицизма с королем, играющим роль папы: теперь она была сильно окрашена кальвинизмом. Старая государственная церковь праздновала веселое католическое воскресенье и преследовала скучное воскресенье кальвинистов. Новая, проникнутая буржуазным духом, ввела именно это последнее, еще и поныне украшающее Англию.

Во Франции в 1685 г. кальвинистское меньшинство было подавлено, обращено в католичество или изгнано[340]. Но к чему это повело? Уже тогда свободомыслящий Пьер Бейль был в расцвете своей деятельности, а в 1694 г. родился Вольтер. Насильственные меры Людовика XIV только облегчили французской буржуазии возможность осуществить свою революцию в нерелигиозной, исключительно политической форме, которая одна лишь и соответствовала развитому состоянию буржуазии. Вместо протестантов в национальных собраниях заседали свободомыслящие. Это означало, что христианство вступило в свою последнюю стадию. Оно уже не способно было впредь служить идеологической маскировкой для стремлений какого-нибудь прогрессивного класса; оно все более и более становилось исключительным достоянием господствующих классов, пользующихся им просто как средством управления, как уздой для низших классов. При этом каждый из господствующих классов использует свою собственную религию: землевладельцы-дворяне — католический иезуитизм или протестантскую ортодоксию; либеральные и радикальные буржуа — рационализм. Вдобавок на деле оказывается совершенно безразличным, верят или не верят сами эти господа в свои религии.

Мы видим, стало быть, что, раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой. Но изменения, происходящие в этом запасе представлений, определяются

классовыми, следовательно, экономическими отношениями людей, делающих эти изменения. И этого здесь достаточно.

В предшествующем изложении можно было дать только общий очерк марксова понимания истории и, самое большее, пояснить ее некоторыми примерами. Доказательства истинности этого понимания могут быть заимствованы только из самой истории, и я вправе сказать здесь, что в других сочинениях приведено уже достаточное количество таких доказательств. Но это понимание наносит философии смертельный удар в области истории точно так же, как диалектическое понимание природы делает ненужной и невозможной всякую натурфилософию. Теперь задача в той и в другой области заключается не в том, чтобы придумывать связи из головы, а в том, чтобы открывать их в самих фактах. За философией, изгнанной из природы и из истории, остается, таким образом, еще только царство чистой мысли, поскольку оно еще остается: учение о законах самого процесса мышления, логика и диалектика.

* * *

После революции 1848 г. «образованная» Германия дала отставку теории и перешла на практическую почву. Основанные на ручном труде мелкий промысел и мануфактура уступили место настоящей крупной промышленности. Германия снова появилась на мировом рынке. Новая малогерманская империя[341] устранила, по крайней мере, самые вопиющие из тех препятствий, которые создавались на пути этого развития существованием множества мелких государств, остатками феодализма и бюрократической системой управления. Но в той *же* мере, в какой спекуляция, покидая кабинеты философов, воздвигала себе храм на фондовой бирже, в той же мере и образованная Германия теряла тот великий интерес к теории, который составлял славу Германии в эпоху ее глубочайшего политического унижения, — интерес к чисто научному исследованию, независимо от того, будет ли полученный результат практически выгоден или нет, противоречит он полицейским предписаниям или нет. Правда, официальное немецкое естествознание стоит еще на высоте своего времени, особенно в области частных исследований. Но, по справедливому замечанию американского журнала «Science», решающие успехи в деле исследования великой связи между отдельными фактами и в деле обобщения этой связи в законы достигаются теперь преимущественно в Англии, а не в Германии, как прежде. Что же касается исторических наук, включая философию, то здесь вместе с классической философией совсем исчез старый дух ни перед чем

не останавливающегося теоретического исследования. Его место заняли скудоумный эклектизм, боязливая забота о местечке и доходах, вплоть до самого низкопробного карьеризма. Официальные представители этой науки стали откровенными идеологами буржуазии и существующего государства, но в такое время, когда оба открыто враждебны рабочему классу.

И только в среде рабочего класса продолжает теперь жить, не зачахнув, немецкий интерес к теории. Здесь уже его ничем не вытравишь. Здесь нет никаких соображений о карьере, о наживе и о милостивом покровительстве сверху. Напротив, чем смелее и решительнее выступает наука, тем более приходит она в соответствие с интересами и стремлениями рабочих. Найдя в истории развития труда ключ к пониманию всей истории общества, новое направление с самого начала обращалось преимущественно к рабочему классу и встретило с его стороны такое сочувствие, какого оно не искало и не ожидало со стороны официальной науки. Немецкое рабочее движение является наследником немецкой классической философии.

ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИЮ «NEW YORKER VOLKSZEITUNG» [342]

Поскольку в газете «Missouri Republican» города Сент-Луиса появилось сообщение об интервью корреспондента этой газеты со мной, я должен заявить по этому поводу следующее:

Действительно, меня посетил г-н Мак-Эннис в качестве представителя этой газеты и расспрашивал о различных вещах, обещав при этом *под честное слово* не отсылать в печать ни одной строчки, не показав предварительно мне. Однако он у меня больше не появлялся. Поэтому я настоящим заявляю, что слагаю с себя всякую ответственность за опубликованный им материал, — тем более, что я имел случай убедиться, что г-н Мак-Эннис, не обладая достаточными познаниями, при всем своем желании едва ли был бы в состоянии правильно понять сказанное мною.

Лондон

Фридрих Энгельс

Написано 29 апреля 1886 г.

Опубликовано в газете «New Yorker Volkszeitung» № 162, 8 июля 1886 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* О СТАЧКЕ РАБОЧИХ СТЕКОЛЬНОГО ЗАВОДА В ЛИОНЕ

Правительство Французской республики[343] решило, по-видимому, всячески показывать, что оно совершенно такое же правительство капиталистов, как и любое из его предшественников. Не довольствуясь тем, что оно стало на сторону горнопромышленной компании в Деказвиле[344], оно теперь выступает еще решительнее в Лионе. Там произошла стачка на стекольном заводе; несколько штрейкбрехеров продолжали работать, и в целях их безопасности они были поселены на территории завода. Когда домашний скарб одного из них — немецкого анархиста по имени Литнер — перевозили на завод, стачечники с гиканьем шли сзади. Как только повозка со скарбом въехала во двор и заводские ворота закрылись, началась стрельба из окон по людям за оградой — револьверные пули и крупная дробь летели по всем направлениям, ранив около тридцати человек. Толпа, конечно, рассеялась. Затем в дело вмешались полиция и судебные власти. Но не для того, чтобы арестовать капиталистов и их слуг, которые стреляли, о нет, они арестовали многих стачечников за посягательство на свободу труда! Этот инцидент, только что имевший место, вызвал огромное возбуждение в Париже. Деказвиль поднял число голосов, поданных за социалистов в Париже, с 30000 до 100000 с лишним[345]; а последствия кровавого дела, происшедшего в Ла-Мюлатьер, близ Лиона, будут еще внушительней.

Написано между 8 и 14 мая 1886 г.

Напечатано в журнале «The Commonweal» № 18, 15 мая 1886 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ [346]

В марте 1878 г. Дизраэли послал в Босфор четыре броненосца; одного их присутствия было достаточно, чтобы остановить триумфальный марш русских на Константинополь и порвать Сан-Стефанский договор. Берлинский мир урегулировал на некоторое время положение на Востоке[347]. Бисмарку удалось добиться соглашения между правительствами России и Австрии. Австрия негласно получила господство в Сербии, тогда как Болгария и Румелия были предоставлены преобладающему влиянию России. Это позволяло предположить, что если Бисмарк впоследствии разрешит русским взять Константинополь, то для Австрии он сохранит Салоники и Македонию.

Но кроме того, Австрии была отдана Босния, подобно тому как Россия в 1794 г. предоставила пруссакам и австрийцам самую большую часть собственно Польши, чтобы в 1814 г. отнять ее обратно[348]. Босния была для Австрии постоянной причиной кровопускания, яблоком раздора между Венгрией и Западной Австрией и, кроме того, *доказательством для Турции,* что австрийцы, так же как и русские, готовят ей судьбу Польши. Отныне Турция не могла питать доверия к Австрии; это была важная победа политики русского правительства.

В Сербии имелись славянофильские, — следовательно, русофильские, — тенденции, но со времени своего освобождения она заимствует все средства своего буржуазного развития в Австрии. Молодые люди отправляются учиться в австрийские университеты; бюрократическая система, кодекс, судопроизводство, школы — все было скопировано с австрийских образцов. Это было естественно. Но в Болгарии Россия должна была

помешать такому подражанию, она не хотела таскать каштаны из огня для Австрии. Поэтому из Болгарии была создана русская сатрапия. Управление, офицеры и унтер-офицеры, чиновники, наконец, вся система были русскими: дарованный Болгарии Баттенберг был двоюродным братом Александра III.

Господства русского правительства, сначала прямого, а затем косвенного, было достаточно, чтобы менее чем за четыре года уничтожить все симпатии болгар к России, хотя эти симпатии были огромны и выражались восторженно. Население все больше и больше сопротивлялось наглости «освободителей», и даже Баттенберг, человек мягкий, который не имел политических взглядов и не желал ничего другого, как служить царю, но требовал уважения к себе, становился все более и более непокорным.

Между тем события в России развивались; суровыми мерами правительству удалось на некоторое время рассеять и дезорганизовать нигилистов. Однако этого было недостаточно: ему нужна была поддержка общественного мнения, ему необходимо было отвлечь внимание от все растущих социальных и политических невзгод внутри страны; наконец, ему нужно было немного патриотической фантасмагории. При Наполеоне III левый берег Рейна служил для отвлечения революционных страстей к внешнеполитическим делам; точно так же русское правительство предложило недовольному и волнующемуся народу завоевание Константинополя, «освобождение» угнетаемых турками славян и объединение их в одну великую федерацию под главенством России. Но недостаточно было вызвать эту фантасмагорию, необходимо было что-то сделать, чтобы перенести ее в область реального.

Обстоятельства благоприятствовали этому. Аннексия Эльзаса и Лотарингии посеяла между Францией и Германией семена раздора, которые, казалось, должны были нейтрализовать эти две державы. Австрия одна не могла бороться против России, так как ее самое эффективное наступательное оружие — призыв к полякам — всегда было бы удержано в ножнах Пруссией. А захват Боснии, этот грабеж, создавал Эльзас между Австрией и Турцией. Италия была на стороне того, кто ей больше предлагал, то есть России, которая предлагала ей Триест и Истрию вместе с Далмацией и Триполи. А Англия? Миролюбивый русофил Гладстон внял искушающим речам России: *он оккупировал Египет* в мирное время[349]; именно это обеспечивало вечные раздоры между Англией и Францией; это обеспечивало также *невозможность союза между турками и англичанами, которые ограбили Турцию,* присвоив турецкое владение —

Египет. Кроме того, военные приготовления русских в Азии достаточно подвинулись вперед, чтобы в случае войны причинить англичанам много хлопот в Индии. Никогда на долю русских не выпадало столько удач; их дипломатия торжествовала по всей линии.

Возмущение болгар против русского деспотизма давало повод начать военные действия. Летом 1885 г. Болгарию и Румелию стали прельщать возможностью их объединения, обещанного Сан-Стефанским миром и уничтоженного Берлинским трактатом. Им говорили, что если они вновь бросятся в объятия России-освободительницы, то русское правительство выполнит свою миссию, совершив это объединение, но что для этого болгары должны сначала изгнать Баттенберга. Последний был вовремя предупрежден. Против своего обыкновения, он действовал быстро и энергично. Он осуществил, но в свою пользу, то объединение, которое Россия хотела провести против него. С этого момента началась непримиримая борьба между Баттенбергом и царем.

Эта борьба велась вначале тайно и окольными путями. Для мелких балканских государств появилась в новом издании прекрасная доктрина Луи Бонапарта, согласно которой, если народ, до тех пор разъединенный, скажем Италия или Германия, объединяется и конституируется в нацию, то другие государства, скажем Франция, имеют право на территориальные компенсации. Сербия пошла на эту приманку и объявила войну Болгарии. Успех России состоял в том, что эта война, затеянная в ее интересах, велась на глазах у всего мира под покровительством Австрии, которая не решалась помешать войне из опасения, что русская партия придет к власти в Сербии. Россия же, со своей стороны, дезорганизовала болгарскую армию, отозвав из нее всех русских офицеров, то есть весь главный штаб и всех старших офицеров, вплоть до батальонных командиров.

Но против всякого ожидания болгары, без русских офицеров, при соотношении сил два против трех, наголову разбили сербов и завоевали уважение и восхищение изумленной Европы. Эти победы были вызваны двумя причинами. Прежде всего, Александр Баттенберг, хотя и слабый политик, но хороший солдат; он вел войну так, как усвоил это в прусской школе, между тем как сербы в стратегии и тактике следовали своим австрийским образцам. Это было, следовательно, вторым изданием кампании 1866 г. в Богемии[350]. Кроме того, сербы прожили шестьдесят лет при том бюрократическом австрийском режиме, который, не дав им ни сильной буржуазии, ни независимого

крестьянства (земли крестьян все уже заложены), разрушил и дезорганизовал остатки *родового* коллективизма, составлявшего их силу в борьбе против турок. У болгар, наоборот, эти первобытные учреждения были оставлены турками в неприкосновенности; этим и объясняется их чрезвычайная храбрость.

Итак, для России это было новым поражением; приходилось начинать все сначала. Славянофильский шовинизм, подогретый в противовес революционному элементу, нарастал со дня на день и становился уже опасным для правительства. Царь отправляется в Крым, и русские газеты сообщают, что он свершит нечто великое; он старается привлечь на свою сторону султана, показывая ему, что прежние его союзники (Австрия и Англия) предают и грабят его, а Франция находится в полной зависимости от России и слепо следует за ней. Но султан прикидывается глухим, и огромные вооружения в Западной и Южной России остаются пока что без применения.

Царь возвращается из Крыма (в июне текущего года). Но за это время шовинистическая волна поднимается выше, и правительство, не будучи в состоянии пресечь это распространяющееся движение, само все более и более втягивается в него, так что приходится разрешить московскому городскому голове* в его *обращении к царю* во всеуслышание говорить о завоевании Константинополя[351]. Пресса под влиянием и *покровительством* генералов открыто говорит, что ждет от царя энергичных действий против Австрии и Германии, которые чинят ему препятствия, а у правительства недостает мужества заставить ее молчать. Славянофильский шовинизм сильнее царя; последний вынужден уступить из страха перед революцией, из опасений, что славянофилы объединятся с конституционалистами, нигилистами, наконец, со всеми недовольными.

Финансовые трудности осложняют положение. Никто не хочет давать взаймы этому правительству, которое с 1870 по 1875 г. заняло 1 млрд. 750 тыс. фр. в Лондоне и угрожает европейскому миру. Два или три года тому назад Бисмарк помог этому правительству получить в Германии заем в 375 млн. фр., но этот заем давно уже съеден, а без подписи Бисмарка немцы не дадут ни гроша. Однако эта подпись может быть получена только ценою унизительных условий. Экспедиция заготовления государственных бумаг выпустила слишком много бумажных денег, серебряный рубль стоит 4 фр., а бумажный — 2 фр. 20 сантимов. Вооружения стоят безумных денег.

* Н. А. Алексееву. *Ред.*

В конце концов приходится действовать. Или успех в вопросе о Константинополе, или революция. Гирс посетил Бисмарка и ознакомил его с положением, которое тот очень хорошо понял. В интересах Австрии Бисмарк хотел бы умерить аппетиты царского правительства, ненасытность которого его беспокоит. *Но революция в России означает падение бисмарковского режима.* Без России, этой огромной резервной армии реакции, господство юнкеров в Пруссии не продолжалось бы и одного дня. Революция в России немедленно изменила бы положение в Германии; она разрушила бы одним ударом ту слепую веру во всемогущество Бисмарка, которая обеспечивает ему поддержку господствующих классов; она способствовала бы созреванию революции в Германии.

Зная, что существование царизма служит основой для всей его системы, Бисмарк поспешно отправляется в Вену, чтобы сообщить своим друзьям, что перед лицом такой опасности следует отбросить вопросы самолюбия, что необходимо предоставить царю хоть некоторую видимость успеха и что в своих же правильно понятых интересах Австрия и Германия должны преклонить колена перед Россией. Впрочем, если господа австрийцы настаивают на своем вмешательстве в дела Болгарии, то он умоет руки; они увидят тогда, что из этого выйдет. Кальноки уступает, Александр Баттенберг принесен в жертву, и Бисмарк спешит лично известить об этой новости Гирса.

К несчастью, болгары проявили энергию и политические способности, неожиданные и недопустимые для славянской нации, которая была «освобождена святой Русью». Баттенберг был ночью арестован, но болгары арестовывают заговорщиков, назначают способное, энергичное и неподкупное правительство — качества, уже совершенно недопустимые для только что освобожденного народа. Они вновь призывают Баттенберга; последний, однако, обнаруживает всю свою слабость и бежит. Но болгары неисправимы. С Баттенбергом или без него, они сопротивляются властным приказам царя и вынуждают героического Каульбарса стать посмешищем перед всей Европой[352].

Представьте себе ярость царя. Склонить на свою сторону Бисмарка, сломить сопротивление Австрии и после этого — оказаться остановленным этим маленьким народом, который существует только со вчерашнего дня, обязан ему или его отцу[*] своей «независимостью» и не хочет понять, что эта независимость означает только слепое подчинение приказам «освободителя». Греки и сербы были неблагодарны, но болгары перешли всякие

[*] — Александру II. *Ред.*

границы. Всерьез принимать свою независимость! Какое преступление!

Чтобы спастись от революции, бедный царь вынужден сделать новый шаг вперед. Но каждый такой шаг становится все опаснее, потому что связан с риском вызвать европейскую войну, чего русская дипломатия всегда старалась избежать. Конечно, если произойдет прямая интервенция русского правительства в Болгарии и если это приведет к дальнейшим осложнениям, то наступит момент, когда враждебность русских и австрийских интересов обнаружится открыто. Тогда невозможно будет локализовать войну, она станет всеобщей. Зная благородство мошенников, правящих Европой, невозможно предвидеть состав обоих лагерей. Бисмарк способен стать на сторону России против Австрии, если не сможет иным путем задержать революцию в России. Но более вероятно, что, если вспыхнет война между Россией и Австрией, Германия придет на помощь Австрии, чтобы предотвратить ее полное крушение.

В ожидании весны, так как зимой, ранее апреля, русские не смогут начать большую кампанию на Дунае, царь старается завлечь в свои сети турок, а предательство Австрии и Англии по отношению к Турции облегчает ему эту задачу. Цель его — занять Дарданеллы и превратить таким образом Черное море в русское озеро, сделать из него неприступное убежище для организации сильного флота, который мог бы, выходя оттуда, господствовать над тем, что Наполеон называл «французским озером», над Средиземным морем. Но эта цель еще не достигнута, а его сторонники в Софии выдали его тайные замыслы.

Таково положение. Чтобы избежать революции в России, царю нужен Константинополь. Бисмарк колеблется — он хотел бы найти средство избежать и того и другого.

* * *

А Франция?

Французские патриоты, уже шестнадцать лет мечтающие о реванше, думают, что нет ничего более естественного, как воспользоваться случаем, который, может быть, представится. Но для нашей партии вопрос не столь уж прост, как не прост он и для господ шовинистов. Война ради реванша, в союзе и под эгидой России, может привести к революции или контрреволюции во Франции. В случае революции, которая поставила бы у власти социалистов, союз с Россией потерпел бы крах. Прежде всего *русские немедленно заключили бы мир с Бисмарком, чтобы вместе с немцами броситься на революционную Францию.* Затем, если бы Франция поставила у власти социалистов,

то не для того, чтобы путем войны воспрепятствовать революции в России. Такой случай, однако, почти невероятен; скорее возможна *монархическая контрреволюция.* Царь желает реставрации Орлеанов, своих близких друзей, единственного правительства, которое обещает ему прочный союз на выгодных условиях. А раз начнется война, для подготовки этой реставрации будут использованы монархистские офицеры. При малейшем частичном поражении, а таковые будут, станут кричать, что это вина республики, что в интересах победы и безоговорочной поддержки со стороны России необходимо прочное, монархическое правительство — словом, Филипп VII*. Генералы-монархисты будут действовать вяло, чтобы иметь возможность свои неудачи приписать республиканскому правительству; и вот монархия восстановлена. Если Филипп VII окажется на. престоле, короли и императоры тотчас же столкуются друг с другом и, вместо того чтобы пожирать один другого, разделят между собой Европу, поглотив мелкие государства. Уничтожив Французскую республику, созовут новый Венский конгресс, где, может быть, республиканские и социалистические грехи Франции послужат предлогом лишить ее Эльзас-Лотарингии целиком или частично. И монархи посмеются над республиканцами, которые были так наивны, что поверили в возможность искреннего союза между царизмом и республикой.

Правда ли, к тому же, будто генерал Буланже говорит всякому, кто желает его слушать: *«нужна война, чтобы помешать социальной революции»?* Если это правда, то пусть это послужит предостережением для социалистической партии. Этот добрый малый Буланже — большой хвастун, что, может быть, простительно военному, но плохо рекомендует его как политика. Не он спасет республику. Оказавшись между социалистами и орлеанистами, он, возможно, договорится с последними, если они обеспечат ему союз с Россией. Во всяком случае, *буржуазные республиканцы во Франции находятся в таком же положении, как и царь; перед ними встает призрак социальной революции, и они знают только одно средство спасения — войну.*

Во Франции, в России и в Германии события так выгодно складываются в нашу пользу, что в данный момент мы можем желать только сохранения *status quo***. Если бы в России вспыхнула революция, она создала бы совокупность самых благоприятных условий. Всеобщая же война, наоборот, отбросила бы нас в область непредвиденного. Революция в России

* — Луи Филипп Альбер Орлеанский, граф Парижский. *Ред.*
** — существующего положения. *Ред.*

и во Франции была бы отсрочена; наша партия в Германии подверглась бы участи Коммуны 1871 года. Без сомнения, в конце концов события повернулись бы в нашу пользу; но сколько бы пришлось потерять времени, принести жертв и преодолеть новых препятствий!

Велика сила, толкающая Европу к войне. Прусская военная система, принятая повсюду, требует от двенадцати до шестнадцати лет для ее полного внедрения. По прошествии этого времени кадры резерва заполняются людьми, умеющими владеть оружием. Эти двенадцать — шестнадцать лет везде уже прошли; везде имеется от двенадцати до шестнадцати годичных контингентов, прошедших через армию. Везде, таким образом, готовы к войне, и у немцев нет в этом отношении особых преимуществ. Это значит, что война, которой нам грозят, бросила бы десять миллионов солдат на поле сражения. Затем, старик Вильгельм, вероятно, умрет. Положение Бисмарка более или менее поколеблется, и *он, возможно, будет толкать к войне, чтобы таким путем удержаться самому.* А биржа повсюду действительно уверена, что война вспыхнет, как только старик закроет глаза.

Война, если она начнется, будет вестись только с целью помешать революции; в России — чтобы предупредить общее выступление всех недовольных: славянофилов, конституционалистов, нигилистов, крестьян; в Германии — чтобы поддержать Бисмарка; во Франции — чтобы подавить победоносное движение социалистов и восстановить монархию.

Для французских и немецких социалистов не существует эльзасского вопроса. Немецкие социалисты слишком хорошо знают, что аннексии 1871 г., против которых они всегда протестовали, служили точкой опоры для реакционной политики Бисмарка, как внутренней, так и внешней. Социалисты обеих стран одинаково заинтересованы в сохранении мира, так как именно им придется оплачивать все издержки войны.

Написано 25 октября 1886 г.

Напечатано в газете «Le Socialiste» № 63, 6 ноября 1886 г.

Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

ИОГАНН ФИЛИПП БЕККЕР

Снова смерть пробила брешь в рядах передовых борцов за пролетарскую революцию. 7 декабря в Женеве умер *Иоганн Филипп Беккер.*

Он родился в 1809 г. во Франкентале, в баварском Пфальце, и уже в двадцатых годах, едва выйдя из детского возраста, принял участие в политическом движении своей родины. Когда после июльской революции, в начале тридцатых годов, это движение приняло республиканский характер, Беккер стал одним из его самых деятельных и решительных участников. Его много раз арестовывали, предавали суду присяжных и оправдывали, но, в конце концов, он вынужден был бежать от победившей реакции. Он отправился в Швейцарию, поселился в Биле и приобрел право швейцарского гражданства. И здесь он не оставался бездеятельным; с одной стороны, его интересовали дела немецких рабочих союзов и революционные попытки немецких, итальянских и вообще европейских эмигрантов, с другой — борьба швейцарской демократии за власть в отдельных кантонах. Известно, что эта борьба, особенно в начале сороковых годов, вылилась в ряд вооруженных нападений на аристократические и клерикальные кантоны. В большинстве этих «путчей» Беккер был в большей или меньшей степени замешан и поэтому был, в конце концов, приговорен к десятилетнему изгнанию из своей новой родины, из кантона Берн. Эти маленькие кампании завершились, наконец, в 1847 г. войной с Зондербундом[353]; Беккер, состоявший офицером швейцарской армии, занял свой пост и в походе на Люцерн вел авангард дивизии, в которую был назначен.

Разразилась февральская революция 1848 г., за ней последовали попытки ввести республику в Бадене при помощи походов добровольческих отрядов. Во время похода Геккера[354] Беккер организовал эмигрантский легион, но успел подойти к границе только после того, как Геккер был уже снова отброшен. Этот легион, впоследствии в большей своей части интернированный во Франции, составил в 1849 г. ядро нескольких лучших частей пфальцской и баденской армий.

Когда весной 1849 г. в Риме была провозглашена республика, Беккер хотел организовать из этого легиона вспомогательный отряд для Рима. Он отправился в Марсель, сформировал кадры и приступил к набору солдат. Но, как известно, французское правительство готовилось задушить Римскую республику и вернуть папу*. Разумеется, оно воспрепятствовало переброске войск на помощь его римским противникам. Беккеру, который уж нанял корабль, было категорически заявлено, что корабль будет пущен ко дну при малейшей попытке покинуть гавань.

Но тут разразилась революция в Германии[355]. Беккер тотчас же поспешил в Карлсруэ, легион последовал за ним и в дальнейшем принял участие в бою под командой Бёнинга, между тем как другая часть старого легиона 1848 г., сформированная Виллихом в Безансоне, послужила ядром для добровольческого отряда Виллиха. Беккер был назначен начальником всего баденского народного ополчения, следовательно всех войск, за исключением линейных, и немедленно приступил к его организации. С первого же момента он натолкнулся на сопротивление зависевшего от реакционной буржуазии правительства и его главы Брентано. Приказы Беккера сталкивались с противоположными приказами, его требования оружия и предметов военного снаряжения оставлялись без внимания или прямо отвергались. Попытка запугать правительство революционной вооруженной силой, предпринятая 6 июня, в которой Беккер принимал весьма активное участие, не дала решительных результатов[356], однако Беккер и его войска были теперь спешно посланы из Карлсруэ на Неккар против неприятеля.

Здесь сражение уже понемногу началось, и развязка приближалась. Беккер со своими добровольческими отрядами и народным ополчением занял Оденвальд. Не располагая ни артиллерией, ни конницей, он вынужден был разбросать свои малочисленные войска для занятия обширной, неудобной местности, и у него не оставалось достаточно сил для перехода

* — Пия IX. *Ред.*

в наступление. Тем не менее, он 15 июня блестящей операцией освободил своих ханауских гимнастов[357], окруженных имперскими войсками Пёйкера в замке Хиршхорн.

Когда Мерославский принял верховное командование над революционной армией, Беккер стал командиром 5-й дивизии (исключительно народное ополчение и только пехота) с задачей оказать сопротивление корпусу Пёйкера, который превосходил ее по численности по меньшей мере в шесть раз. Но вскоре затем последовали — переход первого прусского корпуса через Рейн у Гермерсгейма, движение Мерославского навстречу этому корпусу, Вагхёйзельское поражение 21 июня. Беккер занимал Гейдельберг, с севера наступал второй прусский корпус фон Грёбена, с северо-востока — корпус Пёйкера, каждый в составе более 20000 человек; на юго-западе стояли пруссаки Хиршфельда, также числом более 20000 человек. И вот бежавшие из Вагхёйзеля, то есть вся огромная масса баденской армии, линейных войск и народного ополчения, хлынули на Гейдельберг, чтобы через горы длинным путем пройти в Карлсруэ и Раштатт в обход закрытого для них пути по равнине.

Это отступление должен был прикрывать Беккер со своими только что набранными, необученными людьми и, как всегда, без конницы и артиллерии. Дав отступавшим возможность уйти на достаточное расстояние, он 22-го в 8 часов вечера выступил из Гейдельберга в Неккаргемюнд, сделал там привал на несколько часов, 23-го прибыл в Зинсгейм, где в непосредственной близости от неприятеля снова дал войскам несколько часов отдыха, сохраняя боевой порядок, и в тот же вечер пришел в Эппинген, а 24-го в 8 часов вечера — через Бреттен в Дурлах, где опять был втянут в беспорядочное отступление объединенной теперь пфальцско-баденской армии. Здесь Беккер получил под свое командование еще остатки пфальцских войск и должен был уже не только прикрывать отступление Мерославского, но и удерживать Дурлах до тех пор, пока не будет эвакуирован Карлсруэ. Как всегда, его и теперь оставили снова без артиллерии, так как приданная ему артиллерия уже ушла.

Беккер укрепил Дурлах окопами, насколько это возможно было в спешном порядке, и уже на следующее утро (25 июня) был атакован с трех сторон двумя прусскими дивизиями и имперскими войсками Пёйкера. Он не только отбил все атаки, но и неоднократно переходил в наступление сам, хотя на орудийный огонь неприятеля мог отвечать только ружейным огнем; после четырехчасового боя он отступил в полном порядке, не встречая препятствий со стороны высланных обходных ко-

лонн, отступил только тогда, когда получил известие, что Карлсруэ эвакуирован и порученное ему задание выполнено.

Это, несомненно, самый блестящий эпизод во всей баденско-пфальцской кампании. С людьми, большинство которых было набрано всего за 2—3 недели до того, — причем эти совершенно неопытные рекруты, едва обученные импровизированными офицерами и унтерофицерами, не имели почти никакого представления о дисциплине, — Беккер за 48 часов сделал переход более чем в 80 километров, или 11 немецких миль, отступая в качестве арьергарда разбитых и наполовину уничтоженных армий. Начав этот переход ночью, он привел их через линию неприятеля в Дурлах в таком порядке, что они на следующее утро смогли дать пруссакам одно из немногих сражений этой кампании, в котором цель боя была революционной армией полностью достигнута. Это достижение сделало бы честь и старым войскам, а для таких молодых солдат оно было в высшей степени редким и славным делом.

Прибыв к Мургу, Беккер со своей дивизией занял позицию к востоку от Раштатта и с честью принял участие в боях 29 и 30 июня. Результат известен: в шесть раз более многочисленный неприятель обошел позицию через территорию Вюртемберга и атаковал ее с правого фланга. Теперь участь кампании была решена и формально: кампания закончилась вынужденным переходом революционной армии на швейцарскую территорию.

До сих пор Беккер выступал преимущественно как обыкновенный демократ-республиканец; с этого момента он делает значительный шаг вперед. Более близкое знакомство с немецкими «чистыми республиканцами», особенно с южногерманскими, и опыт, приобретенный в революцию 1849 г., доказали ему, что в будущем за дело надо браться иначе. Сильные симпатии к пролетариату, которые Беккер питал с юности, приняли теперь более конкретную форму; ему стало ясно, что если буржуазия повсюду составляла ядро реакционных партий, то ядро подлинно революционной силы может составить только пролетариат. Коммунист по чувству стал сознательным коммунистом.

Еще один раз попытался он организовать добровольческий отряд; это было в 1860 г., после победоносного похода Гарибальди в Сицилию. Беккер отправился из Женевы в Геную, чтобы в согласии с Гарибальди приступить к подготовительной работе. Но быстрые успехи Гарибальди и вмешательство итальянской армии, которая должна была использовать плоды победы в интересах монархии, положили конец кампании. Между тем повсюду ожидали новой войны с Австрией в ближайшем же году. Известно, что Россия хотела использовать Луи-Наполеона

и Италию, чтобы отомстить Австрии и завершить то, что ей не удалось сделать в 1859 году. Итальянское правительство послало в Геную к Беккеру одного из высших офицеров генерального штаба и предложило ему чин полковника в итальянской армии, блестящее содержание и суточные, а также командование легионом, который он должен был сам сформировать в предстоящей войне, если бы согласился вести в Германии пропаганду в пользу Италии против Австрии. Но пролетарий Беккер наотрез отказался; со службой монархам он не хотел иметь ничего общего.

Это была его последняя попытка организовать добровольческий отряд. Вскоре было основано Международное Товарищество Рабочих, и одним из его основателей был Беккер. Он присутствовал на знаменитом митинге в Сент-Мартинс-холле, с которого Интернационал ведет свое начало[358]. Он организовал немецких и местных рабочих Романской Швейцарии, основал орган этой группы «Vorbote»[359], присутствовал на всех конгрессах Интернационала и в первых рядах боролся против бакунистских анархистов из «Alliance de la Democratie socialiste»[360] и Швейцарской Юры.

После распада Интернационала Беккер имел меньше поводов выступать публично. Но, тем не менее, он всегда оставался в гуще рабочего движения и, пользуясь своей обширной перепиской и многочисленными посетителями, навещавшими его в Женеве, постоянно оказывал свое влияние на ход этого движения. В 1882 г. у него провел один день Маркс, и еще в сентябре текущего года 77-летний Беккер предпринял путешествие через Пфальц и Бельгию в Лондон и Париж, во время которого я имел счастье в течение двух недель принимать его у себя и беседовать с ним о старых и новых временах. Но не прошло и двух месяцев, как телеграф принес известие о его смерти!

Беккер был редким человеком. Его можно вполне охарактеризовать одним-единственным словом — *здоровяк.* Он был совершенно здоров телом и духом до конца своей жизни. Обладая богатырским сложением, огромной физической силой и к тому же красивой внешностью, он, благодаря счастливым задаткам и здоровой деятельности, так же гармонически, как и свое тело, развил и свой не прошедший обучения, но отнюдь не необразованный ум. Он был одним из тех немногих людей, которым достаточно следовать своим природным инстинктам, чтобы избрать правильный путь. Поэтому ему и было так легко идти в ногу с развитием революционного движения и на 78 году жизни так же бодро стоять в первых рядах, как в 18-летнем возрасте. Мальчик, который уже в 1814 г. играл с проходившими каза-

ками, а в 1820 г. видел казнь Занда, заколовшего Коцебу, неопределившийся оппозиционер двадцатых годов развивался все дальше и дальше, и еще в 1886 г. целиком стоял на высоте движения. К тому же он не был мрачным идейным невеждой, подобно большинству «серьезных» республиканцев 1848 г., — он был настоящим жизнерадостным сыном веселого Пфальца, не хуже всякого другого любившим вино, женщин и песни. Выросший на родине «Песни о Нибелунгах»[361], около Вормса, он даже в старости походил на образы нашего древнего героического эпоса, весело и насмешливо окликая врага в промежутках между ударами меча и сочиняя народные песни, когда некого было рубить: так, именно так, должен был выглядеть скрипач Фолькер.

Но безусловно самым значительным его дарованием было военное. В Бадене он сделал неизмеримо больше, чем кто-либо другой. В то время как остальные офицеры, воспитанные в школе постоянной армии, увидели здесь перед собой совершенно чуждый, почти не поддающийся управлению солдатский материал, Беккер научился всему своему организационному искусству, тактике и стратегии в примитивной школе швейцарской милиции, и народная армия не представляла для него ничего чуждого, а ее неизбежные недостатки — ничего непривычного. Там, где другие падали духом или раздражались, Беккер оставался спокойным и находил один выход за другим; он знал, как обращаться со своими людьми, умел подбодрить их шуткой и в конечном счете держал в руках. Не один прусский генерал 1870 года мог бы позавидовать его переходу из Гейдельберга в Дурлах с дивизией, состоявшей почти целиком из необученных рекрутов, которые, тем не менее, сохранили способность тотчас же вступить в бой и успешно провести его. И в этом же сражении он сумел ввести в бой приданных ему пфальцских солдат, с которыми никто ничего не мог поделать, и даже заставить их перейти в наступление в открытом поле. В лице Беккера мы потеряли единственного немецкого революционного генерала, которого имели.

Это был человек, с честью принимавший участие в освободительной борьбе трех поколений.

Рабочие будут свято хранить память о нем как об одном из своих лучших представителей.

Лондон, 9 декабря 1886 г.

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» № 51, 17 декабря 1886 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ КНИГИ «К ЖИЛИЩНОМУ ВОПРОСУ» [362]

Работа «К жилищному вопросу» представляет собой перепечатку трех моих статей, опубликованных в 1872 г. в лейпцигской газете «Volksstaat»[363]. Как раз тогда в Германию потекли французские миллиарды[364]; были уплачены государственные долги, построены крепости и казармы, обновлены запасы оружия и военного снаряжения. Свободный капитал, как и находившаяся в обращении денежная масса, внезапно возросли в огромной степени, и все это как раз в то время, когда Германия выступила на мировую арену не только как «единое государство», но и как крупная промышленная страна. Миллиарды дали мощный толчок молодой крупной промышленности; они-то прежде всего и вызвали после войны краткий, богатый иллюзиями период процветания, а вслед за тем, в 1873—1874 гг., грандиозный крах, который показал, что Германия — промышленная страна, способная выступать на мировом рынке.

Время, когда старая культурная страна совершает подобный, к тому же еще ускоренный столь благоприятными обстоятельствами переход от мануфактуры и мелкого производства к крупной промышленности, преимущественно бывает также и временем «жилищной нужды». С одной стороны, массы рабочих из деревень неожиданно оказываются стянутыми в крупные города, которые развиваются в промышленные центры; с другой стороны, планировка этих старых городов не соответствует больше условиям новой крупной промышленности и вызванному ею уличному движению; поэтому расширяют и прокладывают новые улицы, через города проводят железные дороги. Как раз тогда, когда рабочие потоками устремляются в города, там

происходит массовый снос рабочих жилищ. Отсюда внезапная жилищная нужда у рабочих, а также у мелких торговцев и ремесленников, клиентуру которых составляют рабочие. В городах, которые с самого начала возникли как промышленные центры, эта жилищная нужда почти неизвестна. Таковы Манчестер, Лидс, Брадфорд, Бармен-Эльберфельд. Напротив, в Лондоне, Париже, Берлине, Вене жилищная нужда приобрела в свое время острые формы и большей частью продолжает носить хронический характер.

Именно эта острая жилищная нужда, этот симптом совершавшейся в Германии промышленной революции, вызвала тогда в прессе широкое обсуждение «жилищного вопроса» и послужила поводом для разного рода социального шарлатанства. Ряд таких статей появился и в «Volksstaat». Анонимный автор, назвавшийся впоследствии доктором медицины г-ном А. Мюльбергером из Вюртемберга, счел обстановку подходящей для того, чтобы на этом вопросе разъяснить немецким рабочим чудодейственную силу прудоновской социальной панацеи[365]. Когда я выразил редакции свое удивление по поводу опубликования этих странных статей, мне предложено было ответить на них, что я и сделал (см. первый раздел: «Как Прудон разрешает жилищный вопрос»). К этой серии статей я вскоре добавил другую, в которой на примере сочинения д-ра Эмиля Закса[366] подверг анализу филантропически-буржуазные взгляды по этому вопросу (второй раздел: «Как буржуазия разрешает жилищный вопрос»). После длительного перерыва д-р Мюльбергер удостоил меня ответом на мои статьи[367], что вынудило меня выступить с возражением (третий раздел: «Еще раз о Прудоне и жилищном вопросе»); этим и закончились как полемика, так и мои специальные занятия этим вопросом. Такова история возникновения этих трех серий статей, вышедших также в виде отдельной брошюры. Если теперь потребовалось новое издание, то этим я, несомненно, снова обязан благосклонному попечению германского имперского правительства, которое своим запрещением вызвало, как всегда, усиленный спрос и которому я здесь почтительнейше приношу свою благодарность.

Для нового издания я просмотрел текст, сделал кое-какие добавления и примечания и исправил в первом разделе небольшую экономическую ошибку[368], поскольку мой противник д-р Мюльбергер, к сожалению, не обнаружил ее.

При этом просмотре передо мной ярко предстал гигантский прогресс международного рабочего движения за последние четырнадцать лет. Тогда еще было фактом, что «рабочие, говорящие на романских языках, на протяжении двадцати лет

не имели никакой другой духовной пищи, кроме произведений Прудона»[369] да еще разве однобокого толкования прудонизма отцом «анархизма» Бакуниным, в глазах которого Прудон был «нашим общим учителем», notre maitre a nous tous. Хотя прудонисты были во Франции всего лишь маленькой сектой среди рабочих, тем не менее только они одни имели определенно сформулированную программу и могли во время Коммуны взять на себя руководство в экономической области. В Бельгии прудонизм безраздельно господствовал среди валлонских рабочих, а в рабочем движении Испании и Италии, за очень небольшими исключениями, все те, кто не были анархистами, были решительными прудонистами. А теперь? Во Франции рабочие совершенно отвернулись от Прудона; он имеет еще приверженцев только среди радикальных буржуа и мелкой буржуазии, которые в качестве прудонистов называют себя тоже «социалистами», однако социалистические рабочие ведут с ними самую ожесточенную борьбу. В Бельгии фламандцы оттеснили валлонов от руководства движением, сместили прудонизм и очень сильно подняли движение. В Испании, как и в Италии, бурный прилив анархизма 70-х годов отхлынул и унес с собой остатки прудонизма; если в Италии новая партия пока еще находится в процессе формирования, то в Испании Новая мадридская федерация, остававшаяся верной Генеральному Совету Интернационала, из небольшого ядра развилась в сильную партию[370], которая, как это видно из самой республиканской прессы, гораздо успешнее подрывает влияние буржуазных республиканцев на рабочих, чем это когда-либо удавалось ее шумливым предшественникам — анархистам. Место забытых сочинений Прудона у романских рабочих заняли «Капитал», «Коммунистический манифест» и ряд других произведений марксовой школы, а главное требование Маркса — захват всех средств производства от имени общества пролетариатом, добившимся безраздельного политического господства, — стало теперь требованием всего революционного рабочего класса также и в романских странах.

Но если прудонизм окончательно отвергнут рабочими также и романских стран, если он теперь, в соответствии с его истинным назначением, служит лишь выражением буржуазных и мелкобуржуазных вожделений французских, испанских, итальянских и бельгийских буржуазных радикалов, — то зачем же теперь снова возвращаться к нему? Зачем снова бороться с умершим врагом, перепечатывая эти статьи?

Во-первых, потому, что эти статьи не ограничиваются одной полемикой с Прудоном и его немецкими представителями.

Вследствие разделения труда, существовавшего между Марксом и мной, на мою долю выпало представлять наши взгляды в периодической прессе, — в частности, следовательно, вести борьбу с враждебными взглядами, — для того, чтобы сберечь Марксу время для работы над его великим главным трудом. В силу этого мне приходилось излагать наши воззрения в большинстве случаев в полемической форме, противопоставляя их другим взглядам. Так было и в этом случае. Разделы первый и третий содержат не только критику прудоновского толкования вопроса, но также изложение и нашей собственной точки зрения.

Во-вторых, Прудон играл в истории европейского рабочего движения слишком значительную роль, чтобы можно было так просто предать его забвению. Опровергнутый в теории, оттесненный в сторону на практике, он продолжает сохранять исторический интерес. Кто сколько-нибудь обстоятельно изучает современный социализм, тот должен изучить также и «преодоленные точки зрения» в рабочем движении. Произведение Маркса «Нищета философии»[371] появилось несколькими годами раньше, чем Прудон предложил свои практические проекты реформы общества; Маркс мог тогда обнаружить только зародыш прудоновского обменного банка и раскритиковать его. Таким образом, в этом отношении произведение Маркса дополняется настоящей брошюрой, к сожалению, совершенно недостаточно. Маркс сделал бы все это гораздо лучше и убедительнее.

Наконец, буржуазный и мелкобуржуазный социализм имеет до настоящего времени многочисленных представителей в Германии. С одной стороны, в лице катедер-социалистов и всякого рода филантропов, у которых все еще играет большую роль желание превратить рабочих в собственников своих жилищ; по отношению к ним моя работа является, следовательно, все еще своевременной. С другой же стороны, в самой социал-демократической партии, включая сюда фракцию рейхстага, находит себе место определенного сорта мелкобуржуазный социализм. Он находит там выражение в такой форме, что основные воззрения современного социализма и требование превращения всех средств производства в общественную собственность признаются правильными, но осуществление этого признается возможным лишь в отдаленном, практически неопределенном будущем. Этим самым задача для настоящего времени определяется лишь как простое социальное штопанье и, в зависимости от обстоятельств, допускается даже сочувствие реакционнейшим стремлениям, направленным на так называемый «подъем трудовых классов». Существование подобного направления

совершенно неизбежно в Германии, стране мещанской par excellence*, и притом в такое время, когда промышленное развитие насильственно и в массовом масштабе вырывает с корнем это искони укоренившееся мещанство. Это, впрочем, совершенно не опасно для движения при поразительно здравом смысле наших рабочих, который так блестяще проявился как раз за последние восемь лет борьбы против исключительного закона о социалистах, против полиции и судей. Необходимо, однако, вполне ясно отдать себе отчет в том, что такое направление существует. И если это направление впоследствии примет более устойчивую форму и более определенные контуры, что неизбежно и даже желательно, то оно вынуждено будет при формулировании своей программы вернуться к своим предшественникам, и при этом вряд ли обойдется без Прудона.

Основой как буржуазного, так и мелкобуржуазного решения «жилищного вопроса» является собственность рабочего на его жилище. Но пункт этот, благодаря промышленному развитию Германии в течение последних двадцати лет, получил совершенно своеобразное освещение. Ни в какой другой стране нет такого большого количества наемных рабочих, собственников не только своего жилища, но и огорода или поля; наряду с ними имеется еще много других рабочих, которые располагают домом с огородом или полем в качестве арендаторов на условиях фактически довольно прочного владения. Деревенская домашняя промышленность, соединенная с огородничеством или мелким сельским хозяйством, составляет широкое основание для молодой крупной промышленности Германии; на западе рабочие — преимущественно собственники, на востоке — преимущественно арендаторы своих участков. Эта связь домашней промышленности с огородничеством и полеводством, а следовательно, и с обеспеченным жилищем повсюду встречается не только там, где ручное ткачество еще борется с механическим ткацким станком: на Нижнем Рейне и в Вестфалии, в саксонских Рудных горах и в Силезии; мы встречаем эту связь повсюду, где какая-либо отрасль домашней промышленности укоренилась как сельский промысел, например, в Тюрингенском Лесу и в Рёне. При обсуждении вопроса о табачной монополии выяснилось, что даже изготовление сигар уже приняло характер сельской домашней промышленности. И когда где-либо среди мелких крестьян появляется состояние крайней нужды, как, например, несколько лет тому назад в Эйфеле[372], буржуазная пресса тотчас поднимает шум о насаж-

* — по преимуществу. *Ред.*

дении соответствующих условиям данной местности отраслей домашней промышленности как единственного средства помощи. Действительно, как растущая среди немецких мелких крестьян нужда, так и общее положение немецкой промышленности, толкают к все более широкому распространению сельской домашней промышленности. Это особенность Германии. Нечто подобное мы встречаем во Франции лишь как исключение, например, в районах шелководства; в Англии, где нет мелких крестьян, сельская домашняя промышленность держится на труде жен и детей сельских поденщиков; только в Ирландии мы встречаем, как в Германии, настоящие крестьянские семьи, занятые в домашней промышленности по производству готового платья. Мы не говорим здесь, понятно, о России и других странах, не представленных на мировом промышленном рынке.

Итак, на обширной территории Германии промышленность находится в настоящее время в состоянии, напоминающем на первый взгляд состояние, которое господствовало повсюду до введения машин. Но это только на первый взгляд. Сельская домашняя промышленность прежних времен, связанная с огородничеством и полеводством, представляла собой, по крайней мере в промышленно развивающихся странах, основу сносного, местами даже приличного материального положения рабочего класса, но вместе с тем и основу его умственного и политического ничтожества. Продукт ручного труда и издержки его производства определяли рыночную цену; и при тогдашней производительности труда, совершенно незначительной в сравнении с современной, рынки сбыта росли, как правило, быстрее предложения. Так было в середине Прошлого столетия в Англии и отчасти во Франции, особенно в области текстильной промышленности. В Германии же, которая тогда, при самых неблагоприятных условиях, только оправлялась от опустошений, произведенных Тридцатилетней войной, дело обстояло, конечно, совершенно иначе; единственная домашняя промышленность, работавшая здесь на мировой рынок — льняное ткачество, — была настолько обременена налогами и феодальными повинностями, что крестьянин-ткач не поднимался над весьма низким уровнем жизни прочего крестьянства. Тем не менее, у рабочего сельской домашней промышленности было тогда до известной степени обеспеченное существование.

С введением машин все это изменилось. Цена стала определяться теперь продуктом машинного производства, и заработная плата рабочего домашней промышленности упала вместе с этой ценой. Но рабочий принужден был либо соглашаться с такой заработной платой, либо искать другой работы, а этого

он не мог сделать, не становясь пролетарием, то есть не расставшись со своим домиком, огородом и полем — собственным или арендуемым. А на это он шел только в очень редких случаях. Таким образом, занятие старых деревенских ручных ткачей огородничеством и полеводством стало причиной, в силу которой борьба ручного ткацкого станка с механическим повсюду так сильно затянулась и в Германии еще до сих пор не закончилась. В этой борьбе впервые обнаружилось, особенно в Англии, что то самое обстоятельство, которое прежде служило основой относительного благосостояния рабочих — владение ими средствами производства, — стало теперь для них помехой и несчастьем. В промышленности механический ткацкий станок побил их ручной станок, в сельском хозяйстве крупное земледелие одержало верх над их мелким земледелием. Но в то время как в обеих областях производства совместный труд многих и применение машин и науки сделались общественным правилом, — домик, огород, поле и ткацкий станок приковывали ткача к устарелому способу единоличного производства и ручного труда. Владение домом и огородом представляло собой теперь гораздо меньшую ценность, чем неограниченная свобода передвижения. Ни один фабричный рабочий не поменялся бы с деревенским ручным ткачом, умирающим медленной, но неизбежной голодной смертью.

Германия поздно выступила на мировом рынке; наша крупная промышленность, возникшая в сороковых годах, обязана своим первым подъемом революции 1848 г. и могла полностью развернуться только после того, как революции 1866 и 1870 гг. устранили с ее пути по крайней мере самые серьезные политические препятствия. Но она застала мировой рынок в большей его части занятым. Продукты массового потребления поставляла Англия, изысканные предметы роскоши — Франция. Германия не могла побить ни первые — ценой, ни вторые — качеством. Таким образом, ей не оставалось ничего другого, как, следуя прежними проторенными путями германского производства, сначала пролезть на мировой рынок с товарами, которые для Англии были слишком незначительны, а для Франции слишком плохи. Излюбленная немецкая практика надувательства — сперва присылать хорошие образцы, а затем скверные товары — скоро, разумеется, была достаточно жестоко наказана на мировом рынке и почти вышла из употребления; с другой стороны, конкуренция в условиях перепроизводства толкала понемногу даже солидных англичан на скользкий путь ухудшения качества и таким образом оказала помощь немцам, не имеющим соперников на этом поприще. Так мы создали, наконец, круп-

ную промышленность и стали играть определенную роль на мировом рынке. Но наша *крупная* промышленность работает почти исключительно на внутренний рынок (за исключением железоделательной промышленности, уровень производства которой значительно превышает внутренние потребности), и наш массовый вывоз состоит из огромного количества мелких предметов, для которых крупная индустрия поставляет разве только необходимые полуфабрикаты, но сами эти предметы поставляются большей частью сельской домашней промышленностью.

Тут-то и проявляется в полном блеске та «благодать», которую составляет для современного рабочего владение домиком и клочком земли. Нигде, — едва ли даже ирландская домашняя промышленность составляет исключение, — нигде нет такой чрезвычайно низкой заработной платы, как в немецкой домашней промышленности. То, что семья вырабатывает на своем огородике или поле, капиталист, пользуясь конкуренцией, вычитает из цены рабочей силы; рабочие вынуждены соглашаться на любую сдельную оплату потому, что иначе они совсем ничего не получат, а жить продуктами только своего земельного участка они не могут, и также потому, с другой стороны, что именно эта земельная собственность приковывает их к месту, мешает им искать других занятий. В этом и состоит причина сохранения Германией конкурентоспособности на мировом рынке при сбыте целого ряда мелких товаров. *Вся прибыль на капитал выколачивается путем вычета из нормальной заработной платы, а вся прибавочная стоимость может быть подарена покупателю.* Такова тайна удивительной дешевизны большей части немецких экспортных товаров.

Именно это обстоятельство, более чем любое другое, удерживает и в прочих отраслях промышленности заработную плату и жизненный уровень немецких рабочих ниже уровня рабочих западноевропейских стран. Свинцовая гиря таких цен на труд, традиционно удерживаемых значительно ниже стоимости рабочей силы, давит также на заработную плату рабочих в городах, и даже в крупных городах, опуская ее ниже стоимости рабочей силы, — тем более, что и в городах домашняя промышленность с низкой оплатой труда заняла место старого ремесла, понижая и здесь общий уровень заработной платы.

Здесь мы отчетливо видим: то, что на более ранней исторической ступени служило основой относительного благосостояния рабочего — связь земледелия с промышленностью, собственный дом, огород, земельный участок, обеспеченное жилище, — становится теперь, при господстве крупной промышленности,

не только худшими оковами для рабочего, но и величайшим несчастьем для всего рабочего класса, основой беспримерного снижения заработной платы против ее нормального уровня, притом не только в отдельных отраслях промышленности и в отдельных районах, но и во всей стране. Не удивительно, что крупная и мелкая буржуазия, живущая и обогащающаяся за счет этих непомерных вычетов из заработной платы, мечтает о сельской промышленности, о рабочих с собственными домиками и видит во введении новых отраслей домашней промышленности единственное целебное средство от всех крестьянских невзгод!

Это одна сторона дела; но оно имеет и обратную сторону. Домашняя промышленность стала широкой основой для немецкой экспортной торговли, а вместе с тем и для всей крупной промышленности. Поэтому она широко распространена в Германии, и с каждым днем распространяется все шире. Разорение мелкого крестьянина, неизбежное с того времени, когда его домашний промышленный труд для собственного потребления был уничтожен дешевизной продуктов конфекционного и машинного производства, а своего скота, и, следовательно, навоза он лишился в связи с разрушением маркового строя, общей марки и системы принудительного севооборота, — это разорение насильственно гонит опутанных ростовщиками мелких крестьян в современную домашнюю промышленность. Как в Ирландии земельная рента землевладельцев, так в Германии проценты ростовщической ипотеки могут быть уплачены не из дохода с земли, а лишь из заработной платы крестьянина, занятого в домашней промышленности. С распространением домашней промышленности крестьянство одной местности за другой втягивается в промышленное развитие современной эпохи. Это революционизирование земледельческих местностей при посредстве домашней промышленности распространяет промышленную революцию в Германии на гораздо большее пространство, чем это было в Англии и во Франции: сравнительно низкий уровень нашей промышленности делает тем более необходимым распространение ее вширь. Это объясняет, почему в Германии, в противоположность Англии и Франции, революционное рабочее движение нашло такое сильное распространение в большей части страны, вместо того чтобы ограничиваться исключительно городскими центрами. И это же объясняет спокойный, твердый, неудержимый рост этого движения. В Германии ясно само собой, что победоносное восстание в столице и других больших городах будет возможно только тогда, когда и большинство мелких городов и большая часть деревен-

ских областей созреет для переворота. При более или менее нормальном развитии мы никогда не будем в состоянии одержать победу силами только рабочих, как парижане в 1848 и 1871 гг., но именно поэтому мы и не испытаем поражений революционной столицы под ударами реакционной провинции, как это было в Париже в обоих случаях. Во Франции движение всегда исходило из столицы, в Германии же — из районов крупного производства, мануфактуры и домашней промышленности; столица была завоевана лишь впоследствии. Поэтому, может быть, и в будущем инициатива будет принадлежать французам, но решительная победа может быть одержана только в Германии.

Но эта сельская домашняя промышленность и мануфактура, которые в силу своей распространенности стали важнейшей отраслью производства в Германии и вместе с тем все более и более революционизируют немецкое крестьянство, сами служат только первой ступенью для дальнейшего переворота. Как показал уже Маркс («Капитал», т. I, 3 изд., стр. 484—495[373]), и для них на определенной ступени развития пробьет час гибели от машин и фабричного производства. И этот час, кажется, уже близок. Но уничтожение сельской домашней промышленности и мануфактуры машинами и фабричным производством означает в Германии уничтожение средств к существованию миллионов сельских производителей, экспроприацию почти половины немецкого мелкого крестьянства, превращение не только домашней промышленности в фабричную, но и крестьянского хозяйства в крупное капиталистическое земледелие и мелкого землевладения в крупные помещичьи хозяйства, означает промышленную и сельскохозяйственную революцию в интересах капитала и крупного землевладения за счет крестьян. Если Германии суждено проделать и этот переворот еще при старых общественных условиях, то он несомненно станет поворотным пунктом. Если до тех пор ни в какой другой стране рабочий класс не захватит инициативы, то атаку несомненно начнет Германия, и крестьянские сыны «славной боевой армии» окажут ей поддержку.

Таким образом, буржуазная и мелкобуржуазная утопия — дать каждому рабочему в собственность домик и приковать его таким путем на полуфеодальных началах к своему капиталисту — принимает теперь совершенно другой вид. Ее осуществление означает превращение всех мелких сельских домохозяев в рабочих домашней промышленности, уничтожение старой замкнутости и связанного с этим политического ничтожества мелких крестьян, вовлекаемых теперь в «социальный

водоворот»; означает распространение промышленной революции на деревню, а тем самым, превращение самого неподвижного, самого консервативного класса населения в рассадник революции и в довершение всего — экспроприацию занятых в домашней промышленности крестьян при посредстве машин, которые насильственно толкают их на путь восстания.

Мы охотно можем предоставить буржуазно-социалистическим филантропам наслаждаться своим идеалом, пока они в своей общественной функции капиталистов продолжают осуществлять его именно так, вопреки своим интересам, на пользу и благо социальной революции.

Лондон, 10 января 1887 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» №№ 3 и 4, 15 и 22 января 1887 г. и в книге: F. Engels. «Zur Wohnungsfrage», Hottingen-Zurich, 1887

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В АМЕРИКЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ «ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ» [374]

Десять месяцев прошло с тех пор, как я, по желанию переводчицы*, написал «Приложение»** к этой книге. За эти десять месяцев в американском обществе произошел переворот, на который во всякой другой стране потребовалось бы, по меньшей мере, десять лет. В феврале 1886 г. американское общественное мнение было почти единодушно в одном пункте, именно в том, что в Америке нет рабочего класса — в европейском смысле***, что поэтому в американской республике невозможна такая классовая борьба между рабочими и капиталистами, какая разрывает на части европейское общество, и что, следовательно, социализм — растение, ввезенное извне и не способное пустить корни на американской почве. Однако как раз в тот момент начинавшая разгораться классовая борьба уже демонстрировала свой размах стачками пенсильванских углекопов[377] и рабочих многих других отраслей промышленности, а особенно приготовлениями по всей стране к широкой кампании за восьмичасовой рабочий день, которая должна была состояться и действительно проводилась в мае[378]. Мое «Приложение» показы-

* — А. Келли-Вишневецкой. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 260—266. *Ред.*

*** Издание на английском языке моей книги, написанной в 1844 г., оправдывается как раз тем обстоятельством, что состояние, в котором находится промышленность современной Америки, почти в точности соответствует положению английской промышленности сороковых годов, то есть рассматриваемому мною периоду. В какой степени дело обстоит именно так, свидетельствуют статьи Эдуарда Эвелинга и Элеоноры Маркс-Эвелинг о «Рабочем движении в Америке», помещенные в лондонском ежемесячном журнале «Time» за март, апрель, май и июнь[375]. Я ссылаюсь на эти превосходные статьи тем более охотно, что это предоставляет мне возможность одновременно отвергнуть отвратительную клевету по адресу Эвелинга, которую не постеснялся распространить Исполнительный комитет Социалистической рабочей партии Америки[376]. *(Примечание Энгельса к отдельному оттиску 1887 года.)*

вает, что я уже тогда правильно оценил эти симптомы, что я предугадал начало движения рабочего класса в национальном масштабе. Но никто не мог тогда предвидеть, что в столь короткий срок движение развернется с такой непреодолимой силой, распространится с быстротой степного пожара и потрясет* американское общество до самых его оснований.

Но факт налицо, упрямый, неоспоримый. До какой степени поразил он ужасом американские правящие классы, я услышал в забавной форме от американских журналистов, оказавших мне прошлым летом честь своим посещением; «новый поворот» поверг их в беспомощное состояние страха и растерянности. Но тогда движение еще только начиналось; был лишь ряд неосознанных и, по-видимому, разрозненных судорожных движений того класса, который в результате уничтожения рабства негров и быстрого развития промышленности стал низшим слоем американского общества. Еще до конца года эти беспорядочные социальные конвульсии начали принимать определенное направление. Стихийные, инстинктивные движения этих огромных масс рабочих на обширной территории страны, одновременный взрыв их общего недовольства бедственным социальным положением, повсюду одинаковым и вызываемым одинаковыми причинами, привели эти массы к осознанию того факта, что они составляют новый и особый класс американского общества, класс фактически более или менее потомственных наемных рабочих — пролетариев. Это сознание привело их к тому, чтобы чисто по-американски сделать немедленно следующий шаг к своему освобождению — образовать политическую рабочую партию со своей собственной программой и с целью завоевать Капитолий и Белый дом. В мае — борьба за восьмичасовой рабочий день, волнения в Чикаго, Милуоки и пр., попытки правящего класса расправиться с начинающимся подъемом рабочего движения при помощи грубой силы и жестокой классовой юстиции; в ноябре — новая рабочая партия организована уже во всех крупных центрах, выборы в Нью-Йорке, Чикаго и Милуоки[379]. До сих пор май и ноябрь напоминали американской буржуазии только о выплате по купонам государственных облигаций Соединенных Штатов; отныне май и ноябрь будут напоминать ей также о сроках, когда американский рабочий класс предъявил к оплате *свои* купоны.

В европейских странах рабочему классу потребовались долгие годы для того, чтобы полностью убедиться в том, что он составляет особый и, при существующих общественных отноше-

* В немецком издании вместо слова «потрясет» напечатано: «уже теперь потрясает». *Ред.*

ниях, постоянный класс современного общества; и затем снова потребовались годы, пока это классовое самосознание привело его к тому, чтобы организоваться в особую политическую партию, независимую от всех старых политических партий, образованных различными фракциями правящих классов, и противостоящую* этим партиям. На более благоприятной почве Америки, где нет никаких преграждающих путь средневековых развалин, где история начинается при наличии уже сложившихся в XVII веке элементов современного буржуазного общества, рабочий класс прошел через эти две стадии своего развития в течение десяти месяцев.

Тем не менее, все это только начало. Что рабочие массы почувствовали общность своего бедственного положения и своих интересов, свою классовую солидарность в противоположность всем другим классам; что для выражения своих чувств и претворения их в действие они привели в движение политический механизм, имеющийся для этой цели в каждой свободной стране, — все это только первый шаг. Следующий шаг состоит в том, чтобы найти общее лекарство от этих общих страданий и воплотить его в программу новой рабочей партии. А этот шаг, самый важный и трудный во всем движении, еще предстоит сделать в Америке.

Новая партия должна иметь определенную положительную программу; эта программа может изменяться в деталях в связи с изменением обстановки и с развитием самой партии, но в каждый данный момент ее должна разделять вся партия. Пока такая программа не выработана или существует только в зачаточной форме, сама новая партия будет оставаться в зачаточном состоянии; она может существовать в местном масштабе, но еще не в национальном; она будет партией только в потенции, но не в действительности.

Эта программа, как бы она ни выглядела первоначально, должна развиваться в направлении, которое может быть определено заранее. Причины, образовавшие пропасть между классом рабочих и классом капиталистов, одинаковы в Америке и в Европе; средства для ее устранения также Повсюду одинаковы. Поэтому программа американского пролетариата в конце концов** совпадет в своей конечной цели с той, которая после шестидесяти лет разногласий и дискуссий стала признанной программой широких масс борющегося европейского пролета-

* В немецком издании вместо слова «противостоящую» напечатано: «и враждебно противостоящую». *Ред.*

** В немецком издании вместо слов «в конце концов» напечатано: «по мере дальнейшего развития движения». *Ред.*

риата. Конечной целью она объявит завоевание рабочим классом политической власти, с тем чтобы осуществить прямое присвоение обществом в целом всех средств производства — земли, железных дорог, рудников, машин и т. д. — для совместного использования их сообща и в общих интересах.

Но если новая американская партия, подобно всем прочим политическим партиям, уже в силу самого факта своего возникновения стремится к завоеванию политической власти, то она еще далека от единодушия в вопросе о том, что делать с этой властью, когда она будет достигнута*. В Нью-Йорке и в других больших городах Востока организация рабочего класса шла по линии профессиональных объединений путем образования в каждом городе сильного Центрального рабочего союза. В Нью-Йорке Центральный рабочий союз в ноябре истекшего года избрал своим знаменосцем Генри Джорджа, и поэтому временная избирательная платформа Союза оказалась сильно пропитанной его принципами. В больших городах Северо-Запада избирательная борьба велась на основе довольно неопределенной рабочей программы, и влияние теорий Генри Джорджа было едва заметно, если оно было заметно вообще. И в то время как в этих больших центрах сосредоточения населения и промышленности новое классовое движение приняло политический характер, мы находим по всей стране две широко распространенные рабочие организации — «Рыцарей труда»[380] и «Социалистическую рабочую партию», из которых только последняя имеет программу, совпадающую с современной европейской точкой зрения, резюмированной выше.

Из трех более или менее определенных форм, в которых, таким образом, выступает американское рабочее движение, первое, то есть движение в Нью-Йорке, возглавляемое Генри Джорджем, имеет в настоящее время преимущественно местное значение. Нью-Йорк — несомненно самый значительный город Штатов; но Нью-Йорк — не Париж, и Соединенные Штаты — не Франция. И программа Генри Джорджа в ее теперешнем виде представляется мне слишком ограниченной, чтобы служить основой для какого-либо движения, выходящего за местные рамки, или хотя бы для кратковременной фазы общего движения. Для Генри Джорджа экспроприация земли у народных масс есть великая и универсальная причина раскола населения на богатых и бедных. Но исторически это не вполне верно. В азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было рабство, то есть

* В немецком издании слова «когда она будет достигнута» отсутствуют. *Ред.*

не столько экспроприация земли у масс, сколько присвоение их личности. Когда во время упадка Римской республики у свободных италийских крестьян были экспроприированы их наделы, они образовали класс «белых бедняков», подобный тому, какой был в южных рабовладельческих штатах до 1861 года; так, при наличии рабов и «белых бедняков»* — двух классов, одинаково неспособных освободить себя, — произошел распад древнего мира. В средние века не освобождение народа *от* земли, а напротив, прикрепление его *к* земле было источником феодальной эксплуатации. Крестьянин сохранял свою землю, но был привязан к ней в качестве крепостного или зависимого и был обязан платить землевладельцу дань в форме труда или продукта. Только на заре нового времени, к концу XV века, экспроприация крестьянства в широких размерах положила начало современному классу наемных рабочих**, которые не владеют ничем, кроме своей рабочей силы, и могут жить, только продавая эту рабочую силу другим. Но если этот класс и был вызван к жизни экспроприацией земли, то только развитие в крупных масштабах капиталистического производства, современной промышленности и сельского хозяйства увековечило его существование, увеличило его численно и сделало его особым классом, с особыми интересами и с особой исторической миссией. Все это подробно изложено у Маркса («Капитал», отдел VIII. «Так называемое первоначальное накопление»[381]). Согласно Марксу, причиной современного антагонизма между классами и социальной деградации*** рабочего класса является экспроприация у последнего *всех* средств производства, в число которых, конечно, входит и земля.

Объявляя монополию на землю единственной причиной бедности и нищеты, Генри Джордж, естественно, видит панацею от них в передаче земли всему обществу в целом. Социалисты марксовой школы также требуют передачи земли всему обществу, и не только земли, но равным образом и всех других средств производства. Но даже если оставить вопрос о последних в стороне, то остается еще одно различие. Что следует делать с землей? Современные социалисты, те, представителем которых является Маркс, требуют, чтобы ею владели

* В немецком издании вместо слов «белых бедняков» напечатано: «обнищавших свободных». *Ред.*

** В немецком издании вместо слов «экспроприация крестьянства в широких размерах положила начало современному классу наемных рабочих» напечатано: «была проведена экспроприация крестьянства в широких размерах, причем на этот раз в таких исторических условиях, которые постепенно превратили оказавшихся неимущими крестьян в современный класс наемных рабочих, в людей». *Ред.*

*** В немецком издании вместо слов «социальной деградации» напечатано: «современного унижения». *Ред.*

и обрабатывали ее сообща и на общую пользу, и чтобы то же самое было сделано со всеми другими средствами общественного производства — рудниками, железными дорогами, фабриками и т. д.; Генри Джордж хочет ограничиться сдачей ее в аренду отдельным лицам, как это практикуется и теперь; но только при условии регулирования ее распределения и употребления земельной ренты не на частные нужды, как теперь, а на общественные. То, чего требуют социалисты, предполагает полный переворот во всей системе общественного производства; то, чего требует Генри Джордж, оставляет нынешний способ общественного производства нетронутым и было в сущности* предвосхищено крайним крылом буржуазных экономистов рикардианской школы, которые также требовали конфискации земельной ренты государством.

Было бы, конечно, несправедливо предполагать, что Генри Джордж сказал свое последнее слово раз навсегда. Но я вынужден брать его теорию в том виде, в каком я ее нахожу.

Второе крупное течение в американском рабочем движении представлено Рыцарями труда. Это течение, по-видимому, наиболее типичное для нынешней стадии движения и вместе с тем безусловно наиболее сильное. Огромная ассоциация, распространенная на огромной территории страны в виде бесчисленных «ассамблей», представляет все оттенки личных и местных мнений внутри рабочего класса. Все, они объединяются соответственно неопределенной программой и сплачиваются не столько практически невыполнимым уставом, сколько инстинктивным чувством того, что уже самый факт их объединения для достижения общей цели делает их великой силой в стране. Истинно американский парадокс, при котором самые современные тенденции облекаются в самый средневековый наряд, а самый демократический и даже бунтарский дух скрывается под кажущимся, но в действительности бессильным деспотизмом, — такова картина, которую Рыцари труда представляют для европейского наблюдателя. Но если нас не остановят чисто внешние странности, мы не сможем не увидеть в этом обширном объединении огромный запас потенциальной энергии, медленно, но верно развивающейся в действительную силу. Рыцари труда — первая национальная организация, созданная американским рабочим классом в целом; каковы бы ни были ее происхождение и история, ее недостатки и мелкие чудачества, ее программа и устав, — здесь перед нами фактически детище всего класса американских наемных рабочих, единст-

* В немецком издании после слов «в сущности» добавлено: «уже давно». *Ред.*

венная национальная связь, которая их объединяет, дает почувствовать их силу не только их врагам, но и им самим и внушает им гордую надежду на грядущие победы. И неправильно было бы сказать просто, что Рыцари труда способны к развитию; они непрерывно охвачены бурным процессом развития и преобразования. Это — волнующаяся, находящаяся в состоянии брожения масса, состоящая из пластического материала и ищущая формы, которая соответствовала бы ее природе. Эта форма несомненно будет найдена, так как историческое развитие, подобно развитию природы, имеет свои собственные, присущие ему законы. Безразлично, сохранят ли тогда Рыцари труда свое теперешнее название или нет, но для постороннего наблюдателя ясно, что здесь перед нами тот сырой материал, из которого должно выковываться будущее американского рабочего движения, а вместе с ним и будущее всего американского общества.

Третье течение представлено Социалистической рабочей партией. Это партия только на словах, так как нигде в Америке до настоящего времени она в сущности не была в состоянии выступить как политическая партия. Кроме того, она до известной степени чужда Америке, так как до недавних пор состояла почти исключительно из немецких иммигрантов, которые пользуются своим родным языком и в большей части мало знакомы с господствующим языком страны. Но если эта партия и вела свое происхождение от чужого корня, то она, вместе с тем, была вооружена опытом, приобретенным за долгие годы классовой борьбы в Европе, и пониманием общих условий освобождения рабочего класса*, значительно превосходящим понимание, достигнутое до сих пор американскими рабочими. Это — счастливое обстоятельство для американских пролетариев, получивших таким образом возможность усвоить и использовать интеллектуальные и моральные плоды сорокалетней борьбы своих европейских товарищей по классу и ускорить таким образом момент своей собственной победы. Ибо, как я уже сказал, не может быть никакого сомнения в том, что окончательная программа американского рабочего класса должна быть и будет в основном та же, что и программа, принятая теперь всем борющимся рабочим классом Европы, та же, что и программа немецко-американской Социалистической рабочей партии. В этом отношении эта партия призвана сыграть весьма важную роль в движении. Но чтобы достигнуть этого, она должна отбросить все остатки своего иностранного обличья.

* В немецком издании после слов «рабочего класса» вместо следующей фразы напечатано: «пониманием, которое до сих пор можно найти у американских рабочих лишь в порядке исключения». *Ред.*

Она должна стать полностью американской. Она не может рассчитывать, что американцы придут к ней; представляя собой меньшинство, и притом иммигрантов, она должна пойти к американцам, представляющим собой огромное большинство и притом коренных жителей страны. А чтобы сделать это, надо прежде всего изучить английский язык.

Процесс слияния всех этих различных элементов огромной, пришедшей в движение массы — элементов, в сущности не враждующих, но фактически изолированных друг от друга в силу различных исходных точек, — потребует некоторого времени и не обойдется без известных трений, которые обнаруживаются кое в чем уже сейчас. Рыцари труда, например, кое-где в восточных городах ведут местную борьбу с организованными профессиональными союзами. Но, с другой стороны, такие же трения происходят и в среде самих Рыцарей труда, где далеко до мира и гармонии. Это не симптомы упадка, по поводу которых могли бы торжествовать капиталисты. Это лишь признаки того, что бесчисленные массы рабочих, впервые[*] начавшие движение в общем направлении, еще не нашли ни соответствующего выражения для своих общих интересов, ни формы организации, наиболее подходящей для борьбы, ни дисциплины, необходимой для обеспечения победы[**]. Это пока лишь первый *массовый* набор для великой революционной войны, самостоятельно собранные и снаряженные на местах отряды, сосредоточивающиеся в целях образования одной общей армии, но еще без правильной организации и без общего плана кампании. Сосредоточивающиеся отряды порой преграждают друг другу путь; возникают замешательство, резкие споры, даже угроза столкновений. Но общность конечной цели побеждает в конце концов все мелкие недоразумения. Вскоре разрозненные и соперничающие батальоны будут построены в длинную боевую шеренгу и предстанут перед врагом стройным фронтом, в грозном молчании сверкая оружием, поддерживаемые смелыми застрельщиками в авангарде и непоколебимыми резервами в тылу.

Добиться этого результата, объединить различные независимые отряды в одну национальную рабочую армию с временной[***] программой, хотя бы и несовершенной, лишь бы только действительно программой рабочего класса, — таков ближайший крупный шаг, который предстоит совершить в Америке. Для достижения этой цели и выработки достойной ее программы

[*] В немецком издании вместо слова «впервые» напечатано: «теперь наконец». *Ред.*
[**] В немецком издании окончание фразы, начиная со слов «ни дисциплины», опущено. *Ред.*
[***] В немецком издании вместо слова «временной» напечатано: «общей». *Ред.*

Социалистическая рабочая партия может много сделать, если только захочет действовать в том же направлении, в каком действовали европейские социалисты тогда, когда они составляли лишь незначительное меньшинство рабочего класса. Эта тактика была впервые изложена в «Манифесте Коммунистической партии» в 1847 г. в следующих словах:

«Коммунисты», — это было имя, которое мы приняли тогда и от которого мы отнюдь не собираемся отказываться и теперь,— «коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям.

У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом.

Они не выставляют никаких особых принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение.

Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом.

Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения».

«Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения»[382].

Такова тактика, которой великий основатель современного социализма Карл Маркс, а с ним и я и социалисты всех стран, работавшие вместе с нами, следовали в течение более чем сорока лет; в результате она всюду привела к победе, и в настоящее время вся масса европейских социалистов в Германии и Франции, в Бельгии, Голландии и Швейцарии, в Дании и Швеции, равно как в Испании и Португалии борется как единая* армия под одним и тем же знаменем.

Лондон, 26 января 1887 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в книге: F. Engels. «The Condition of the Working Class in England in 1844». New York, 1887 и в переводе автора на немецкий язык в газете «Der Sozialdemokrat» №№ 24 и 25, 10 и 17 июня 1887 г.

Печатается по тексту книги, сверенному с текстом немецкого перевода

Перевод с английского

* В немецком издании после слова «единая» добавлено: «великая». *Ред.*

* ПИСЬМО ОРГАНИЗАЦИОННОМУ КОМИТЕТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАЗДНЕСТВА В ПАРИЖЕ [383]

Граждане! Мы стоим перед лицом чрезвычайной опасности. Нам угрожают войной, в которой французские и немецкие пролетарии, ненавидящие ее и имеющие одни лишь общие интересы, будут вынуждены истреблять друг друга.

Какова истинная причина этого положения вещей?

Милитаризм, введение прусской военной системы во всех крупных странах континента.

Эта система будто бы вооружает всю нацию для защиты своей территории и своих прав. Это ложь.

Прусская система вытеснила систему ограниченного рекрутского набора и заместительства, покупаемого богатыми, потому что она отдавала в распоряжение власть имущих все ресурсы страны, как людские, так и материальные. Но она не могла создать народную армию.

Прусская система делит призываемых на военную службу граждан на две категории. Первая зачисляется в линейные войска, тогда как вторая сразу же определяется в резерв или в территориальную армию. Эта последняя категория не получает никакого или почти никакого военного обучения; но первую держат два-три года под ружьем, — время, достаточное для того, чтобы сделать из нее послушную, вымуштрованную дисциплиной армию, всегда готовую к завоеваниям вовне и к жестокому подавлению народных движений внутри страны. Ибо не следует забывать, что все правительства, принявшие эту систему, гораздо больше боятся рабочего народа в своей стране, чем соперничающих с ними правительств за ее пределами.

Благодаря своей эластичности эта система способна на колоссальное расширение. В самом деле, пока еще существует хотя бы один-единственный не зачисленный в строй молодой человек, до тех пор наличные ресурсы еще не исчерпаны. Отсюда такая безудержная конкуренция между государствами за обладание самой многочисленной и самой сильной армией; каждое увеличение вооруженных сил одного государства побуждает другие делать то же самое, если не больше. И все это стоит безумных денег. Народы изнемогают под тяжестью военных расходов. Мир становится почти что более дорогим, чем война, так что, в конце концов, война представляется уже не страшным бичом, а спасительным кризисом, который положит конец невыносимому положению.

Вот что позволяет интриганам всех стран, охотникам ловить рыбу в мутной воде, толкать народы к войне.

А средство против этого?

Упразднить прусскую систему, заменить ее действительно народной армией, простой школой, в которую будет зачисляться каждый гражданин, способный носить оружие, на строго определенное время, необходимое для обучения ремеслу солдата; формировать людей, прошедших такую школу, в кадры запаса, хорошо организованные по территориальному признаку, чтобы каждый город, каждый кантон имел свой собственный батальон, составленный из людей, знающих друг друга, сплоченных, вооруженных, обмундированных и готовых к выступлению в двадцать четыре часа в случае необходимости. Это значит, что каждый будет иметь свое ружье и снаряжение у себя дома, как это делается в Швейцарии.

Народ, который первый введет эту систему, удвоит свою реальную военную силу и в то же время наполовину уменьшит свой военный бюджет. Он докажет свою любовь к миру тем, что вооружит всех своих граждан. Ибо та армия, которую составляет сам народ, настолько же мало пригодна для внешних завоеваний, насколько непобедима при защите родной территории. *И затем, какое правительство осмелится посягать на политические свободы, если у каждого гражданина будет дома ружье и пятьдесят боевых патронов?*

Лондон, 13 февраля 1887 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в газете «Le Socialiste» № 79, 26 февраля 1887 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ВВЕДЕНИЕ К БРОШЮРЕ БОРКХЕЙМА «НА ПАМЯТЬ УРА-ПАТРИОТАМ 1806—1807 ГОДОВ» [384]

Автор настоящей брошюры, Сигизмунд Боркхейм, родился 29 марта 1825 г. в Глогау. Окончив в 1844 г. гимназию в Берлине, он учился в университете сначала в Бреславле, а затем в Грейфсвальде и Берлине. Для отбывания воинской повинности ему пришлось в 1847 г. поступить в артиллерию в Глогау вольноопределяющимся с трехлетним сроком службы, так как он был слишком беден, чтобы нести расходы, связанные с одногодичной службой. После начала революции 1848 г. Боркхейм принимал участие в демократических собраниях и попал в связи с этим под следствие военного суда, от которого спасся бегством в Берлин. Здесь он, вначале не подвергаясь преследованиям, оставался активным деятелем движения и принимал энергичное участие в штурме цейхгауза[385]. Он избежал угрожавшего ему за это ареста, снова спасшись бегством, на сей раз в Швейцарию. Когда Струве в сентябре 1848 г. организовал здесь поход добровольческого отряда в баденский Шварцвальд[386], Боркхейм примкнул к нему, был взят в плен и находился в тюрьме до тех пор, пока баденская революция в мае 1849 г.[387] не освободила заключенных.

Боркхейм отправился в Карлсруэ, чтобы в качестве солдата предложить свои услуги революции. Когда Иоганн Филипп Беккер был назначен командующим всего народного ополчения, он поручил Боркхейму сформировать батарею, для которой правительство отпустило, однако, сначала одни орудия без упряжек. Упряжки все еще не были получены, когда вспыхнуло движение 6 июня[388], при помощи которого более решительные элементы хотели заставить действовать с большей энер-

гией вялое временное правительство, состоявшее частично из прямых изменников. Боркхейм вместе с Беккером также принимал участие в демонстрации, непосредственным результатом которой было только то, что Беккер со всеми его добровольческими отрядами и народным ополчением был удален из Карлсруэ и послан на театр военных действий на Неккаре. Боркхейм не мог последовать за ним со своей батареей, пока ему не были предоставлены лошади для орудий. Когда он, наконец, их получил, — так как г-н Брентано, глава правительства, был теперь всемерно заинтересован в том, чтобы отделаться от революционной батареи, — пруссаки уже завоевали Пфальц, и первая операция батареи Боркхейма состояла в том, чтобы занять позицию у Книлингенского моста для прикрытия перехода пфальцской армии на баденскую территорию.

Вместе с пфальцскими и находившимися еще в районе Карлсруэ баденскими войсками батарея Боркхейма двинулась теперь в северном направлении. 21 июня она вступила в бой у Бланкенлоха и с честью принимала участие в сражении при Убштадте (25 июня). При реорганизации армии для занятия позиции на Мурге Боркхейм со своими орудиями был придан дивизии Оборского и отличился в боях за Куппенгейм.

После отступления революционной армии на швейцарскую территорию Боркхейм направился в Женеву. Здесь он встретил своего старого начальника и друга И. Ф. Беккера, а также некоторых более молодых боевых товарищей, которые составили веселую компанию, насколько это было возможно в условиях полной невзгод эмигрантской жизни. Осенью 1849 г. я, находясь проездом в Женеве, провел с ними несколько веселых дней. Это та самая компания, которая под названием «серной банды» приобрела совершенно незаслуженную посмертную известность благодаря чудовищной лжи г-на Карла Фогта[389].

Однако развлечения продолжались недолго. Летом 1850 г. рука сурового Союзного совета настигла также и безобидную «серную банду», и большинство веселых молодых людей должно было покинуть Швейцарию, так как они принадлежали к категориям эмигрантов, подлежавшим высылке. Боркхейм направился в Париж, затем в Страсбург. Но и здесь ему нельзя было оставаться. В феврале 1851 г. он был арестован и этапным порядком препровожден в Кале для отправки на корабле в Англию. В течение трех месяцев его таскали с места на место, большей частью в кандалах, по 25 различным тюрьмам. Но повсюду, куда он попадал, республиканцев заранее предупреждали о его прибытии; они встречали этапного арестанта, в изобилии доставляли ему продукты питания, угощали и подкупали

жандармов и чиновников и, где было возможно, обеспечивали дальнейший переезд. Так он добрался, наконец, до Англии.

В Лондоне он застал, правда, гораздо более острую нужду среди эмигрантов, чем в Женеве или даже во Франции, но и здесь природная гибкость не покинула его. Он искал какого-либо занятия и нашел его сначала в ливерпульском эмигрантском предприятии, в котором требовались немецкие служащие в качестве переводчиков для многочисленных немецких эмигрантов, распрощавшихся со старым, вновь счастливо умиротворенным отечеством. В то же время он искал и других деловых связей, причем столь успешно, что ему удалось в начале Крымской войны отправить в Балаклаву пароход со всякого рода товарами и сбыть там этот груз по неслыханным ценам частью армейскому командованию, частью английским офицерам. Он вернулся с чистой прибылью в 15000 фунтов стерлингов (300000 марок). Но этот успех только побудил его к дальнейшим спекуляциям. Он связался с новым подрядом на поставки для английского правительства. Так как к этому времени уже шли мирные переговоры, то правительство внесло в договор условие, по которому оно могло отказаться от получения товаров, если в момент их прибытия предварительные условия мира будут уже приняты. Боркхейм согласился на это. Когда он со своим пароходом прибыл в Босфор, мир уже был заключен. Капитан корабля, нанятого для плавания только в один конец, мог теперь получить много выгодных обратных фрахтов и потребовал немедленной разгрузки, и так как Боркхейм в битком набитой гавани нигде не мог найти пристанища для оставшегося в его распоряжении груза, то капитан выгрузил все на берег на первое попавшееся место. Так Боркхейм и сидел со своими бесполезными ящиками, тюками и бочками и должен был беспомощно смотреть, как всякий сброд, сбежавшийся в то время со всех концов Турции и всей Европы к Босфору, разворовывал его товары. Вернувшись в Англию, он вновь оказался бедняком; все пятнадцать тысяч фунтов были потеряны. Но не потеряна была несокрушимая гибкость его натуры. Он потерял на спекуляциях свои деньги, но приобрел умение вести дела и знакомства в деловом мире. Кроме того, он обнаружил, что обладает чрезвычайно тонким пониманием качеств вина, и успешно представлял различные экспортирующие фирмы из Бордо.

Но в то же время он продолжал участвовать, насколько мог, в политическом движении. Либкнехта он знал по Карлсруэ и Женеве. С Марксом он установил контакт в связи с фогтовским скандалом[390], что послужило поводом и для моей новой встречи с ним. Не связывая себя определенной программой, Боркхейм

всегда примыкал к самой крайней революционной партии. Основной его политической деятельностью была борьба с главной опорой европейской реакции — русским абсолютизмом. Чтобы лучше следить за русскими интригами, направленными на подчинение балканских стран и на установление косвенного господства над Западной Европой, он овладел русским языком и годами изучал русскую периодическую печать и эмигрантскую литературу. Между прочим, он перевел брошюру Серно-Соловьевича «Наши русские дела»[391], в которой бичевался введенный Герценом (и затем продолженный Бакуниным) лицемерный обычай русских эмигрантов распространять о России в Западной Европе не правду, которая им была хорошо известна, а общепринятую легенду, соответствовавшую их национальным и панславистским интересам. Он написал также много статей о России в берлинском «Zukunft»[392], в «Volksstaat» и др.

Летом 1876 г., во время поездки в Германию, в Баденвейлере с ним случился апоплексический удар, парализовавший до конца жизни левую сторону его тела. Он должен был оставить свои дела. Спустя несколько лет умерла его жена. Так как он страдал болезнью легких, то ему пришлось переселиться в Гастингс, на южное побережье Англии с его мягким морским климатом. Ни паралич, ни болезнь, ни скудные, отнюдь не всегда обеспеченные средства к существованию не могли сломить его несокрушимую жизненную энергию. Его письма всегда отличались задорной веселостью, а при встречах с ним он заражал своим смехом. Его любимым чтением был цюрихский «Sozialdemokrat». 16 декабря 1885 г. он умер от воспаления легких.

«Ура-патриоты» появились в «Volksstaat» непосредственно после войны с Францией и вскоре после этого — отдельным оттиском. Они оказались прекрасно действующим противоядием против сверхпатриотического опьянения победой, в котором пребывала и еще продолжает пребывать официальная и буржуазная Германия. В самом деле, не было лучшего отрезвляющего средства, чем напоминание о том времени, когда поднятая теперь до небес Пруссия была позорно и постыдно сокрушена нападением тех самых французов, которых теперь презирают как побежденных. И это средство должно было оказать особенно большое действие, поскольку рассказ о роковых фактах был заимствован из книги, в которой прусский генерал[*], к тому же еще директор высшей военной школы [allgemeine Kriegsschule],

[*] — Эдуард фон Хёпфнер. *Ред.*

изобразил эту позорную эпоху по официальным прусским документам — и, следует признать, объективно и без прикрас[393]. Большой армии, как и всякому другому крупному общественному организму, после большого поражения лучше всего поразмыслить и покаяться в своих прежних грехах. В таком положении были пруссаки после Йены и еще раз после 1850 г., когда они, правда, не понесли большого поражения, но когда, тем не менее, и для них самих и для всего мира в результате ряда небольших походов — в Данию и в Южную Германию — и в ходе первой большой мобилизации в 1850 г. с очевидностью выяснилось их полное военное ничтожество, а также когда они сами избежали подлинного поражения только ценой политического позора Варшавы и Ольмюца[394]. Они были вынуждены подвергнуть свое собственное прошлое беспощадной критике, чтобы понять, как поправить дело. Их военная литература, которая в лице Клаузевица выдвинула звезду первой величины, но с тех пор очень резко снизила свой уровень, снова поднялась в условиях этой неизбежной проверки своих сил. И одним из плодов этой самопроверки была книга Хёпфнера, из которой Боркхейм заимствовал материал для своей брошюры.

И теперь еще необходимо постоянно напоминать об этой эпохе высокомерия и поражений, королевской бездарности, тупой хитрости прусских дипломатов, запутавшихся в своем собственном двоедушии, хвастовства офицеров-дворян, оборотной стороной которого было самое малодушное предательство, эпохе полного крушения государственного строя, совершенно чуждого народу, основанного на лжи и обмане. Немецкие мещане (к которым принадлежат также дворяне и князья) теперь проявляют при случае еще больше чванства и шовинизма, чем в то время; дипломатия стала значительно наглее, но еще сохранила прежнее двоедушие; число офицеров-дворян естественными и искусственными путями было достаточно увеличено, чтобы они снова заняли прежнее господствующее положение в армии, а государство становится все более и более чуждым интересам широких народных масс и превращается в консорциум аграриев, биржевиков и крупных промышленников для эксплуатации народа. Конечно, если дело снова дойдет до войны, то прусско-германская армия уже по одному тому, что она служила образцом организации для всех других, будет иметь значительные преимущества перед своими противниками, как и перед союзниками. Но никогда больше она не получит таких преимуществ, как во время последних двух войн[395]. Например, единство высшего командования, имевшее место тогда благодаря особым

счастливым обстоятельствам, а также соответствующее безусловное повиновение низших военачальников едва ли снова повторятся в таком виде. Господствующее в настоящий момент кумовство в деловых отношениях между аграрным, а также военным дворянством — до императорских адъютантов включительно — и биржевыми спекулянтами легко может стать роковым для снабжения армий на фронте. Германия будет иметь союзников, но она изменит им, а они изменят Германии при первом удобном случае. И, наконец, для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец, — мы не заплачем. Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки неизбежна.

Лондон, 15 декабря 1887 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в книге: S. Borkheim «Zur Erinnerung fur die deutschen Mordspatrioten. 1806—1807». Hottingen-Zurich, 1888

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» 1888 ГОДА [396]

«Манифест» был опубликован в качестве программы Союза коммунистов — рабочей организации, которая сначала была исключительно немецкой, а затем международной организацией и, при существовавших на континенте до 1848 г. политических условиях, неизбежно должна была оставаться тайным обществом. На конгрессе Союза, состоявшемся в ноябре 1847 г. в Лондоне, Марксу и Энгельсу было поручено подготовить предназначенную для опубликования развернутую теоретическую и практическую программу партии. Эта работа была завершена в январе 1848 г., и рукопись на немецком языке была отослана для издания в Лондон за несколько недель до французской революции, начавшейся 24 февраля. Французский перевод вышел в Париже незадолго до июньского восстания 1848 года. Первый английский перевод, сделанный мисс Элен Макфарлин, появился в «Red Republican»[397] Джорджа Джулиана Гарни в Лондоне в 1850 году. Вышли в свет также датское и польское издания.

Поражение парижского июньского восстания 1848 г. — этой первой крупной битвы между пролетариатом и буржуазией — на некоторое время вновь отодвинуло социальные и политические требования рабочего класса Европы на задний план. С тех пор борьбу за власть снова, как и до февральской революции, вели между собой только различные группы имущего класса; рабочий класс был вынужден бороться за политическую свободу действий и занять позицию крайнего крыла радикальной части буржуазии. Всякое самостоятельное пролетарское движение, поскольку оно продолжало подавать

PRICE TWOPENCE.

MANIFESTO

OF THE

COMMUNIST PARTY,

By KARL MARX, and FREDERICK ENGELS.

Authorized English Translation.

EDITED AND ANNOTATED BY FREDERICK ENGELS,
1888.



London:
WILLIAM REEVES, 185, FLEET STREET, E.C.

Титульный лист английского издания
«Манифеста Коммунистической партии»
1888 года.

признаки жизни, беспощадно подавлялось. Так, прусской полиции удалось выследить Центральный комитет Союза коммунистов, находившийся в то время в Кёльне. Члены его были арестованы и после восемнадцатимесячного тюремного заключения были преданы суду в октябре 1852 года. Этот знаменитый «Кёльнский процесс коммунистов» продолжался с 4 октября по 12 ноября; из числа подсудимых семь человек были приговорены к заключению в крепости на сроки от трех до шести лет. Непосредственно после приговора Союз был формально распущен оставшимися членами. Что касается «Манифеста», то он, казалось, был обречен с этих пор на забвение.

Когда рабочий класс Европы опять достаточно окреп для нового наступления на господствующие классы, возникло Международное Товарищество Рабочих. Но это Товарищество, образовавшееся с определенной целью — сплотить воедино весь борющийся пролетариат Европы и Америки, не могло сразу провозгласить принципы, изложенные в «Манифесте». Программа Интернационала должна была быть достаточно широка для того, чтобы оказаться приемлемой и для английских тред-юнионов и для последователей Прудона во Франции, Бельгии, Италии и Испании, и для лассальянцев* в Германии. Маркс, написавший эту программу так, что она должна была удовлетворить все эти партии, всецело полагался на интеллектуальное развитие рабочего класса, которое должно было явиться неизбежным плодом совместных действий и взаимного обмена мнениями. Сами по себе события и перипетии борьбы против капитала — поражения еще больше, чем победы, — неизбежно должны были довести до сознания рабочих несостоятельность различных излюбленных ими всеисцеляющих средств и подготовить их к более основательному пониманию действительных условий освобождения рабочего класса. И Маркс был прав. Когда в 1874 г. Интернационал прекратил свое существование, рабочие были уже совсем иными, чем при основании его в 1864 году. Прудонизм во Франции и лассальянство в Германии дышали на ладан, и даже консервативные английские тред-юнионы, хотя большинство из них уже задолго до этого порвало связь с Интернационалом, постепенно приближались к тому моменту, когда председатель их конгресса**, происходившего в прошлом году в Суонси, смог сказать от их

---

* Сам Лассаль всегда заверял нас, что он — ученик Маркса и, как таковой, стоит на почве «Манифеста». Но в своей публичной агитации 1862—1864 гг. он не шел дальше требования производительных товариществ, поддерживаемых с помощью государственного кредита.

** — У. Бивен. *Ред.*

имени: «Континентальный социализм больше нас не страшит»[398]. Действительно, принципы «Манифеста» получили значительное распространение среди рабочих всех стран.

Таким образом, и сам «Манифест» вновь выдвинулся на передний план. После 1850 г. немецкий текст переиздавался несколько раз в Швейцарии, Англии и Америке. В 1872 г. он был переведен на английский язык в Нью-Йорке и напечатан там в «Woodhull and Claflin's Weekly»[399]. С этого английского текста был сделан и напечатан в нью-йоркском «Le Socialiste» французский перевод[400]. После этого в Америке появилось по меньшей мере еще два в той или иной степени искаженных английских перевода, причем один из них был переиздан в Англии. Первый русский перевод, сделанный Бакуниным, был издан около 1863 г. типографией герценовского «Колокола» в Женеве[401]; второй, принадлежащий героической Вере Засулич, вышел тоже в Женеве в 1882 году[402]. Новое датское издание появилось в «Socialdemokratisk Bibliothek» в Копенгагене в 1885 году; новый французский перевод — в парижском «Le Socialiste» в 1886 году. С этого последнего был сделан испанский перевод, опубликованный в Мадриде в 1886 году[403]. О повторных немецких изданиях не приходится и говорить, их было по меньшей мере двенадцать. Армянский перевод, который должен был быть напечатан в Константинополе несколько месяцев тому назад, как мне передавали, не увидел света только потому, что издатель боялся выпустить книгу, на которой стояло имя Маркса, а переводчик не согласился выдать «Манифест» за свое произведение. О позднейших переводах на другие языки я слышал, но сам их не видел. Таким образом, история «Манифеста» в значительной степени отражает историю современного рабочего движения; в настоящее время он несомненно является самым распространенным, наиболее международным произведением всей социалистической литературы, общей программой, признанной миллионами рабочих от Сибири до Калифорнии.

И все же, когда мы писали его, мы не могли назвать его *социалистическим* манифестом. В 1847 г. под именем социалистов были известны, с одной стороны, приверженцы различных утопических систем: оуэнисты в Англии, фурьеристы во Франции, причем и те и другие уже выродились в чистейшие секты, постепенно вымиравшие; с другой стороны, — всевозможные социальные знахари, обещавшие, без всякого вреда для капитала и прибыли, устранить все социальные бедствия с помощью всякого рода заплат. В обоих случаях это были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие поддержки скорее у «образо-

ванных» классов. А та часть рабочего класса, которая убедилась в недостаточности чисто политических переворотов и провозглашала необходимость коренного переустройства общества, называла себя тогда коммунистической. Это был грубоватый, плохо отесанный, чисто инстинктивный вид коммунизма; однако он нащупывал самое основное и оказался в среде рабочего класса достаточно сильным для того, чтобы создать утопический коммунизм: во Франции — коммунизм Кабе, в Германии — коммунизм Вейтлинга. Таким образом, в 1847 г. социализм был буржуазным движением, коммунизм — движением рабочего класса. Социализм, по крайней мере на континенте, был «респектабельным», коммунизм — как раз наоборот. А так как мы с самого начала придерживались того мнения, что «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса»[404], то для нас не могло быть никакого сомнения в том, какое из двух названий нам следует выбрать. Более того, нам и впоследствии никогда не приходило в голову отказываться от него.

Хотя «Манифест» — наше общее произведение, тем не менее я считаю своим долгом констатировать, что основное положение, составляющее его ядро, принадлежит Марксу. Это положение заключается в том, что в каждую историческую эпоху преобладающий способ экономического производства и обмена и необходимо обусловливаемое им строение общества образуют основание, на котором зиждется политическая история этой эпохи и история ее интеллектуального развития, основание, исходя из которого она только и может быть объяснена; что в соответствии с этим вся история человечества (со времени разложения первобытного родового общества с его общинным землевладением) была историей борьбы классов, борьбы между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, господствующими и угнетенными классами; что история этой классовой борьбы в настоящее время достигла в своем развитии той ступени, когда эксплуатируемый и угнетаемый класс — пролетариат — не может уже освободить себя от ига эксплуатирующего и господствующего класса — буржуазии, — не освобождая вместе с тем раз и навсегда всего общества от всякой эксплуатации, угнетения, классового деления и классовой борьбы.

К этой мысли, которая, по моему мнению, должна для истории иметь такое же значение, какое для биологии имела теория Дарвина, оба мы постепенно приближались еще за несколько лет до 1845 года. В какой мере мне удалось продвинуться в этом направлении самостоятельно, лучше всего показывает

моя работа «Положение рабочего класса в Англии»*. Когда же весной 1845 г. я вновь встретился с Марксом в Брюсселе, он уже разработал эту мысль и изложил ее мне почти в столь же ясных выражениях, в каких я привел ее здесь.

Следующие строки я привожу из нашего совместного предисловия к немецкому изданию 1872 года:

«Как ни сильно изменились условия за последние двадцать пять лет, однако развитые в этом «Манифесте» общие основные положения остаются в целом совершенно правильными и в настоящее время. В отдельных местах следовало бы внести кое-какие исправления. Практическое применение этих основных положений, как гласит сам «Манифест», будет повсюду и всегда зависеть от существующих исторических условий, и поэтому революционным мероприятиям, предложенным в конце II раздела, отнюдь не придается самодовлеющего значения. В настоящее время это место во многих отношениях звучало бы иначе. Ввиду огромного развития крупной промышленности с 1848 г.** и сопутствующего ему улучшения и роста*** организации рабочего класса; ввиду практического опыта сначала февральской революции, а потом, в еще большей мере, Парижской Коммуны, когда впервые политическая власть в продолжение двух месяцев находилась в руках пролетариата, эта программа теперь местами устарела. В особенности Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» (см. «Гражданская война во Франции; воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих». Лондон, издательство Трулов, 1871, стр. 15, где эта мысль развита полнее)[405]. Далее, понятно само собой, что критика социалистической литературы для настоящего времени является неполной, так как она доведена только до 1847 года; так же понятно, что замечания об отношении коммунистов к различным оппозиционным партиям (раздел IV), если они в основных чертах правильны и для сегодняшнего дня, то все же для практического осуществления устарели уже потому, что политическое положение совершенно изменилось и большинство перечисленных там партий стерто историческим развитием с лица земли.

---

* «The Condition of the Working Class in England in 1844». By Frederick Engels. Translated by Florence K. Wishnewetzky. New York, Lovell — London, W. Reeves, 1888 [Фридрих Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии в 1844 году». Перевод Флоренс К.-Вишневецкой. Нью-Йорк, Лавелл—Лондон, У. Ривс, 1888].

** В издании 1872 г. вместо слов «о 1848 г.» напечатано: «За последние двадцать пять лет». *Ред.*

*** В издании 1872 г. вместо слов «улучшения, и роста» напечатано: «развития партийной». *Ред.*

Однако «Манифест» является историческим документом, изменять который мы уже не считаем себя вправе»[406].

Предлагаемый перевод сделан г-ном Самюэлом Муром, переводчиком большей части «Капитала» Маркса. Мы просмотрели его совместно, и я добавил несколько пояснительных примечаний исторического характера.

Лондон, 30 января 1888 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в книге: Karl Marx and Frederick Engels. «Manifesto of the Communist party». London, 1888

Печатается по тексту книги

Перевод с английского

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБАХ И КОНЕЦ КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ»*

В предисловии к своему сочинению «К критике политической экономии», Берлин, 1859, Карл Маркс рассказывает, как мы в 1845 г. в Брюсселе решили «сообща разработать наши взгляды», — а именно, выработанное главным образом Марксом материалистическое понимание истории, — «в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было осуществлено в форме критики послегегелевской философии. Рукопись — в объеме двух толстых томов в восьмую долю листа — давно уже прибыла на место издания в Вестфалию, когда нас известили, что изменившиеся обстоятельства делают ее напечатание невозможным. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что наша главная цель — уяснение дела самим себе — была достигнута»[407].

С тех пор прошло более сорока лет, и Маркс умер. Ни ему, ни мне ни разу не представился случай вернуться к названному предмету. Насчет нашего отношения к Гегелю мы по отдельным поводам высказывались, но нигде не сделали этого со всей полнотой. Что касается Фейербаха, который все же в известном отношении является посредствующим звеном между философией Гегеля и нашей теорией, то к нему мы совсем не возвращались.

Тем временем мировоззрение Маркса нашло приверженцев далеко за пределами Германии и Европы и на всех литературных языках мира. С другой стороны, классическая немецкая философия переживает за границей, особенно в Англии и в скан-

* См. настоящий том, стр. 271—317. *Ред.*

динавских странах, что-то вроде возрождения. И даже в Германии, по-видимому, наступает пресыщение той нищенской эклектической похлебкой, которая подается в тамошних университетах под именем философии.

Ввиду этого мне казалось все более и более своевременным изложить в сжатой систематической форме наше отношение к гегелевской философии, — как мы из нее исходили и как мы с ней порвали. Точно так же я считал, что за нами остается неоплаченный долг чести: полное признание того влияния, которое в наш период бури и натиска оказал на нас Фейербах в большей мере, чем какой-нибудь другой философ после Гегеля. Поэтому я охотно воспользовался случаем, когда редакция журнала «Neue Zeit» попросила меня написать критический разбор книги Штарке о Фейербахе[408]. Моя работа появилась в №№ 4 и 5 названного журнала за 1886 г., а теперь выходит отдельным, пересмотренным мной, оттиском.

Прежде чем отправить в печать эти строки, я отыскал и еще раз просмотрел старую рукопись 1845—1846 годов. Отдел о Фейербахе в ней не закончен. Готовую часть составляет изложение материалистического понимания истории; это изложение показывает только, как еще недостаточны были наши тогдашние познания в области экономической истории. В рукописи недостает критики самого учения Фейербаха; она поэтому не могла быть пригодной для данной цели. Но зато в одной старой тетради Маркса я нашел одиннадцать тезисов о Фейербахе, которые и напечатаны в качестве приложения[409]. Это — наскоро набросанные заметки, подлежавшие дальнейшей разработке и отнюдь не предназначавшиеся для печати. Но они неоценимы как первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения.

Лондон, 21 февраля 1888 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в книге: F. Engels. «Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie». Stuttgart, 1888

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

ПРОТЕКЦИОНИЗМ И СВОБОДА ТОРГОВЛИ*

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ: КАРЛ МАРКС. «РЕЧЬ О СВОБОДЕ ТОРГОВЛИ» [410]

В конце 1847 г. в Брюсселе состоялся конгресс по вопросу свободы торговли[411]. Это был стратегический маневр английских фабрикантов в их тогдашней кампании за свободу торговли. Торжествуя победу у себя дома в связи с отменой хлебных законов в 1846 г.[412], они отправились на континент, чтобы за право свободного ввоза зерна из стран континента в Англию потребовать свободного ввоза английских промышленных товаров на континентальные рынки. На этом конгрессе Маркс записался в число ораторов, но, как и следовало ожидать, дело повели так, что прежде чем до него дошла очередь, конгресс был закрыт. Таким образом, Маркс вынужден был изложить то, что он собирался сказать о свободе торговли, перед брюссельской Демократической ассоциацией, международной организацией, одним из вице-председателей которой он был[413].

Ввиду того, что вопрос — свобода торговли или протекционизм — стоит в настоящий момент в Америке в порядке дня, было признано полезным опубликовать английский перевод речи Маркса, и меня просили написать к нему предисловие.

«Система протекционизма, — говорит Маркс, — была искусственным средством фабриковать фабрикантов, экспроприиро-

* Предисловие (переведенное автором) к печатающемуся в Нью-Йорке английскому изданию речи Маркса по вопросу о свободе торговли (переведена на немецкий язык Э. Бернштейном и К. Каутским; приложение II к книге Маркса «Нищета философии», Штутгарт, изд. Диц, стр. 188 и дальше). Так как это предисловие в первую очередь рассчитано на американскую публику, то немецкая протекционистская политика могла быть затронута только мимоходом. Автору скоро, вероятно, представится также случай рассмотреть этот вопрос специально в отношении Германии. *(Примечание Энгельса к немецкому переводу.)*

вать независимых рабочих, капитализировать национальные средства производства и существования, насильственно ускорять переход от старого способа производства к современному»[414]. Таков был протекционизм в период своего возникновения в XVII веке, таким он оставался многие годы и в XIX веке. Протекционизм считался тогда нормальной политикой всякого цивилизованного государства Западной Европы. Исключение составляли только мелкие государства Германии и кантоны Швейцарии — не потому, что им не нравилась эта система, а потому, что на таких небольших территориях ее невозможно было применять.

Под крылышком протекционизма и развилась в Англии в течение последней трети XVIII века система современной промышленности — производство при помощи машин, приводимых в движение паром. И, словно покровительственных тарифов было недостаточно, войны против французской революции помогали обеспечить за Англией монополию новых промышленных методов. На двадцать с лишним лет английские военные суда отрезали промышленных соперников Англии от их колониальных рынков и в то же время насильственно открыли эти рынки для английской торговли. Отделение южно-американских колоний от их европейских метрополий, завоевание Англией всех наиболее важных французских и голландских колоний, постепенное покорение Индии превратили население всех этих огромных территорий в потребителей английских товаров. Англия дополняла таким образом протекционизм, который она применяла на внутреннем рынке, свободой торговли в отношении всех возможных потребителей ее товаров за границей. Благодаря этому удачному сочетанию обеих систем Англия к концу войн, в 1815 г., оказалась обладательницей фактической монополии мировой торговли во всех важнейших отраслях промышленности.

В течение последующих мирных лет эта монополия продолжала расширяться и укрепляться. Преимущества, приобретенные Англией во время войны, увеличивались с каждым годом; она, казалось, все больше и больше обгоняла всех своих возможных соперников. Вывоз промышленных товаров во все возрастающих количествах действительно сделался для этой страны вопросом жизни и смерти. Только два препятствия стояли, казалось, на ее пути: запретительное или протекционистское законодательство других стран и ввозные пошлины на сырье и продукты питания в Англии.

Тогда-то в стране Джона Буля приобрело популярность учение о свободе торговли классической политической

экономии — французских физиократов и их английских преемников — Адама Смита и Рикардо. Протекционизм внутри страны был не нужен фабрикантам, которые побивали всех своих иностранных соперников и самое существование которых зависело от расширения вывоза. Протекционизм внутри страны был выгоден только производителям продуктов питания и сырья, только тем, кто пользовался доходом от сельского хозяйства, то есть при существовавших в то время в Англии условиях только получателям ренты, земельной аристократии. Фабрикантам же такой протекционизм приносил вред. Ввиду обложения пошлиной сырья повышались цены на вырабатываемые из этого сырья товары; в результате обложения продуктов питания повышались цены на труд; в обоих случаях протекционизм ставил английского фабриканта в невыгодное положение по сравнению с его иностранным конкурентом. Атак как все другие страны ввозили в Англию главным образом сельскохозяйственные продукты и вывозили оттуда преимущественно промышленные изделия, то отмена английских покровительственных пошлин на хлеб и сырье вообще была одновременно призывом к другим странам, в свою очередь, отменить или, по крайней мере, снизить ввозные пошлины на английские промышленные товары.

После продолжительной и упорной борьбы победа осталась за английскими промышленными капиталистами, уже в то время фактически руководящим классом нации, классом, интересы которого считались тогда национальными интересами. Земельная аристократия вынуждена была уступить. Пошлины на хлеб и на другое сырье были отменены. Свобода торговли сделалась лозунгом дня. Ближайшая задача английских фабрикантов и их глашатаев — экономистов состояла в том, чтобы обратить все другие страны в фритредерскую веру и создать, таким образом, мир, в котором Англия была бы крупным промышленным центром, а все остальные страны — зависящими от нее земледельческими провинциями.

Таково было время Брюссельского конгресса, когда Маркс подготовил эту свою речь. Признавая, что при некоторых условиях, как, например, в Германии 1847 г., протекционизм еще может быть выгоден промышленным капиталистам; доказывая, что свободная торговля — не панацея от всех зол, от которых страдает рабочий класс, что она может даже усугубить их, он в конечном счете и в принципе высказывается за свободу торговли. Для него свобода торговли — нормальное условие современного капиталистического производства. Только при свободе торговли огромные производительные силы пара, электричества, машин могут получить полное развитие; и чем

быстрее темпы этого развития, тем скорее и полнее осуществятся его неизбежные следствия: раскол общества на два класса — капиталистов и наемных рабочих; наследственное богатство на одной стороне, наследственная нищета — на другой; предложение, превышающее спрос, неспособность рынков поглотить все возрастающую массу промышленных продуктов; неизменно повторяющиеся циклы процветания, перепроизводства, кризиса, паники, хронической депрессии и постепенного оживления производства и торговли, которое служит предвестником не длительного улучшения, а нового перепроизводства и нового кризиса; словом, рост производительных сил до такой степени, когда общественные учреждения, при которых они возникли, становятся для них невыносимыми оковами; единственно возможный выход — социальная революция, освобождающая общественные производительные силы от оков устаревшего социального строя, а подлинных производителей, широкие народные массы, — от наемного рабства. И потому что свобода торговли — естественная, нормальная атмосфера для этой исторической эволюции, экономическая среда, в которой раньше всего создадутся условия, необходимые для неизбежной социальной революции, — потому, и только потому, Маркс высказывался за свободу торговли.

Так или иначе, годы, непосредственно следовавшие за победой фритредерства в Англии, видимо, оправдали самые невероятные надежды на вызванное этой победой процветание. Британская торговля достигла сказочных размеров; промышленная монополия Англии на мировом рынке казалась более прочной, чем когда-либо раньше; повсюду возникали новые домны, новые текстильные фабрики; создавались новые отрасли промышленности. Правда, в 1857 г. наступил жестокий кризис, но он был преодолен, и скоро наступил новый бурный подъем торговли и промышленности, пока в 1866 г. не разразилась новая паника, которая на этот раз, по-видимому, знаменует новый поворотный момент в экономической истории мира.

Небывалое развитие британской промышленности и торговли между 1848 и 1866 гг. несомненно было вызвано в значительной степени отменой покровительственных пошлин на продукты питания и сырье. Но отнюдь не только этим. Одновременно произошли и другие важные перемены, которые также способствовали этому. К этим годам относится открытие и разработка калифорнийских и австралийских золотых приисков, что в таких огромных размерах увеличило массу средств обращения на мировом рынке; эти же годы отмечены окончательной победой транспортных средств с паровым двигателем

над всеми другими видами транспорта; в океанских водах пароходы вытеснили теперь парусные суда; на суше железные дороги заняли во всех цивилизованных странах первое место, шоссейные дороги — второе; перевозки сделались теперь вчетверо быстрее и вчетверо дешевле. Не удивительно, что при таких благоприятных условиях английская промышленность, работающая при помощи пара, расширяла свое господство за счет иностранной домашней промышленности, основанной на ручном труде. Но разве другие страны должны были сидеть сложа руки и покорно подчиняться этим переменам, которые низводили их на положение простых сельскохозяйственных придатков Англии, этой «мастерской мира»?

Другие страны и не сидели сложа руки. Франция в течение почти двухсот лет окружала свою промышленность настоящей китайской стеной покровительственных и запретительных пошлин и достигла в производстве всех предметов роскоши и художественных изделий такого превосходства, которое Англия даже не решалась оспаривать. Швейцария при полной свободе торговли обладала сравнительно важными отраслями промышленности, которых не могла затронуть английская конкуренция. Германия при тарифе гораздо более либеральном, чем в какой бы то ни было другой большой стране на континенте Европы, развивала свою промышленность сравнительно более быстрыми темпами, чем даже Англия. А Америка, которая во время Гражданской войны 1861 г. была неожиданно предоставлена самой себе, должна была изыскать средства удовлетворения внезапно возникшего спроса на всякого рода промышленные изделия, и она могла это сделать, только создав свою собственную отечественную промышленность. С прекращением войны прекратился также и вызванный ею спрос; но новая промышленность осталась и должна была столкнуться с английской конкуренцией. Благодаря войне в Америке созрело понимание того, что народу в тридцать пять миллионов человек, способному удвоить свою численность в течение самое большее сорока лет, обладающему такими огромными ресурсами и окруженному соседями, которые еще много лет должны будут заниматься по преимуществу земледелием, — что такому народу «предначертана миссия» («manifest destiny»)[415] стать независимым от иностранной промышленности в отношении главных предметов потребления в мирное время так же, как и в военное. И тогда Америка ввела протекционизм.

Лет пятнадцать тому назад мне пришлось ехать в вагоне железной дороги с одним интеллигентным коммерсантом из Глазго, связанным, по-видимому, с железоделательной промыш-

ленностью. Когда речь зашла об Америке, он стал потчевать меня старыми фритредерскими разглагольствованиями: «Непостижимо, что такие ловкие дельцы, как американцы, платят дань своим местным металлопромышленникам и фабрикантам, тогда как они могли бы купить те же товары, если не лучшие, гораздо дешевле в нашей стране». И он приводил мне примеры, показывавшие, какими высокими налогами обременяют себя американцы, чтобы обогащать нескольких алчных металлопромышленников. «Думаю, — отвечал я, — что в этом вопросе есть и другая сторона. Вы знаете, что Америка в отношении угля, водной энергии, железных и других руд, дешевых продуктов питания, отечественного хлопка и других видов сырья обладает такими ресурсами и преимуществами, каких не имеет ни одна европейская страна, и что эти ресурсы могут только тогда получить полное развитие, когда Америка сделается промышленной страной. Вы должны также признать, что в настоящее время такой многочисленный народ, как американцы, не может существовать только сельским хозяйством, что это было бы равносильно обречению себя на вечное варварство и подчиненное положение; ни один великий народ не может в наше время жить без собственной промышленности. Но если Америка должна стать промышленной страной и если у нее есть все шансы на то, чтобы не только догнать, но и перегнать своих соперников, то перед ней открываются два пути: или, придерживаясь свободы торговли, в течение, скажем, пятидесяти лет вести чрезвычайно обременительную конкурентную борьбу против английской промышленности, опередившей американскую почти на сто лет; или же покровительственными пошлинами преградить доступ английским промышленным изделиям, скажем, на двадцать пять лет, с почти абсолютной уверенностью в том, что по истечении этих двадцати пяти лет американская промышленность будет в состоянии занять независимое положение на свободном мировом рынке. Какой из двух путей самый дешевый и самый короткий? Вот в чем вопрос. Если вы хотите проехать из Глазго в Лондон, вы можете воспользоваться парламентским поездом[416], платя по одному пенни за милю и проезжая по двенадцать миль в час. Но вы этого не делаете. Вам время слишком дорого, вы садитесь в экспресс, платите по два пенса за милю и делаете сорок миль в час. Так вот, американцы предпочитают платить за экспресс и двигаться со скоростью экспресса». Мой шотландский фритредер не мог возразить ни слова.

Будучи средством искусственной фабрикации фабрикантов, протекционизм может поэтому оказаться полезным не только

для не вполне развитого класса капиталистов, который продолжает еще борьбу с феодализмом; он может быть также полезен восходящему капиталистическому классу в стране, подобно Америке, никогда не знавшей феодализма, но достигшей такой степени развития, когда переход от сельского хозяйства к промышленности становится необходимостью. Оказавшись в таком положении, Америка и решила перейти к протекционизму. С тех пор как это решение было принято, прошло около двадцати пяти лет, о которых я говорил своему спутнику, и если я тогда не ошибался, то протекционизм должен был уже сыграть свою роль для Америки и в настоящее время сделаться для нее помехой.

Таково с некоторого времени мое мнение. Года два тому назад я говорил одному американцу-протекционисту: «Я убежден, что если Америка введет свободу торговли, то она через десять лет побьет Англию на мировом рынке».

Протекционизм — это, в лучшем случае, бесконечный винт, и вы никогда не знаете, когда он будет завинчен до отказа. Покровительствуя одной отрасли промышленности, вы прямо или косвенно наносите вред всем остальным, и вам поэтому приходится покровительствовать и им. Этим же вы вновь причиняете ущерб той отрасли промышленности, которой вначале покровительствовали, и вам приходится возмещать ее убытки, но эта компенсация, в свою очередь, влияет, как в первом случае, на все остальные отрасли и дает им право на возмещение убытков, — и так *in infinitum*[*]. Америка в этом отношении представляет нам разительный пример того, как протекционизмом можно задушить важную отрасль промышленности. В 1856 г. общая сумма ввоза и вывоза морским путем составляла в Соединенных Штатах 641604850 долларов; из этого количества 75,2% было перевезено на американских и только 24,8% на иностранных судах. Британские океанские пароходы уже тогда начали вытеснять американские парусные суда; однако в 1860 г. из общего оборота морской торговли в 762288550 долларов на долю американских судов все еще приходилось 66,5%. Наступила Гражданская война, и протекционистская система была распространена на американское судостроение; это мероприятие оказалось столь успешным. что американский флаг в открытом море почти совершенно исчез. В 1887 г. общий оборот морской торговли Соединенных Штатов достиг 1408502979 долларов; но из этой суммы только 13,8% было перевезено на американских, а 86,2%

[*] — до бесконечности. *Ред.*

на иностранных судах. В 1856 г. на американских судах перевезено было товаров на сумму 482268274 доллара, в 1860 г. — на сумму 507247757 долларов. В 1887 г. эта сумма упала до 194356746 долларов*. Сорок лет тому назад американский флаг был самым опасным соперником британского флага и грозил превзойти его в океанских водах; теперь он безнадежно отстал. Протекционистская система в судостроении убила и судоходство, и судостроение.

Другой момент. Усовершенствования в методах производства в наше время так быстро следуют одни за другими и так внезапно и основательно меняют характер целых отраслей промышленности, что какой-либо протекционистский тариф, вчера еще суливший выгоду, сегодня уже не является таковым. Возьмем другой пример из отчета министра финансов за 1887 год:

«Усовершенствования, введенные за последние годы в гребнечесальных машинах, до такой степени изменили качество так называемых камвольных тканей, что последние в значительной степени вытеснили обыкновенные шерстяные ткани, употреблявшиеся для мужской одежды. Эти изменения... нанесли существенный ущерб нашему отечественному производству этих» (камвольных) «товаров, так как пошлина на шерсть, которая идет на их изготовление, такая же, как и на шерсть, из которой изготовляют обыкновенные шерстяные ткани; между тем, пошлина на эти последние при цене не свыше 80 центов за фунт выражается в 35 центов за фунт и 35% ad valorem**, тогда как пошлина на камвольный товар при цене, не превышающей 80 центов, составляет от 10 до 24 центов за фунт и 35% ad valorem. В некоторых случаях пошлина на шерсть, идущую на изготовление камвольных тканей, *превышает пошлину на готовый товар»*.

Таким образом, то, что вчера покровительствовало отечественной промышленности, сегодня превращается в премию для иностранного импортера, и прав министр финансов***, когда говорит:

«Есть достаточно оснований предполагать, что производство камвольных тканей в нашей стране должно будет скоро прекратиться, если тариф соответственно не будет изменен» (стр. XIX).

Но для того чтобы изменить тариф, вам придется бороться с фабрикантами обыкновенных шерстяных тканей, извлекающими выгоду из нынешнего положения вещей; вам придется вести настоящую кампанию, чтобы завоевать большинство в обеих палатах конгресса и, наконец, общественное мнение страны; но еще вопрос, окупится ли это.

* «Annual Report of the Secretary of the Treasury, etc., for the Year 1887». Washington, 1887, pp. XXVIII, XXIX [«Годовой отчет министра финансов и т. д. за 1887 год». Вашингтон, 1887, стр. XXVIII, XXIX][417].

** — со стоимости. *Ред.*

*** — Чарлз Фэрчайлд. *Ред.*

Но самое худшее в протекционизме — это то, что раз он введен, от него нелегко избавиться. Как ни трудно установить справедливый тариф, неизмеримо трудней вернуться к свободе торговли. Условия, позволившие Англии осуществить этот переход в течение немногих лет, не повторятся вновь. Но и там борьба, начавшаяся в 1823 г. (Хаскиссон), имела первый успех в 1842 г. (тариф Пиля)[418] и продолжалась еще несколько лет после отмены хлебных законов. Так, протекционизм в шелковой промышленности (единственной, которая еще должна была опасаться иностранной конкуренции) был сначала продлен на ряд лет, а затем разрешен в другой, совершенно позорной форме; тогда как другие отрасли текстильной промышленности были подчинены фабричному акту, который ограничивал рабочее время женщин, подростков и детей[419], шелковая промышленность имела преимущества в виде существенных исключений из общего правила, разрешавших брать на работу детей более раннего возраста, чем в других отраслях текстильной промышленности, и заставлять детей и подростков работать большее количество часов. Отменив монополию в интересах иностранных конкурентов, лицемерные фритредеры восстановили ее за счет здоровья и жизни английских детей.

Однако в будущем ни одна страна не сможет перейти от протекционизма к свободе торговли при таком положении, в каком находилась Англия, когда все или почти все отрасли ее промышленности могли противостоять иностранной конкуренции на свободных рынках. Необходимость такого перехода наступит задолго до того, как можно будет хотя бы надеяться на столь счастливое положение. Эта необходимость обнаружится в различных отраслях промышленности в разное время; противоречивые интересы этих отраслей породят весьма поучительные перебранки, кулуарные интриги и тайные парламентские комбинации. Владелец машиностроительного, механического или судостроительного завода может предположить, что протекционизм по отношению к владельцу железоделательного завода настолько повысит цену его товаров, что это, и только это одно, воспрепятствует его экспортной торговле; фабрикант хлопчатобумажных тканей заявит, что мог бы вытеснить английские материи с китайских и индийских рынков, если бы не высокая цена на пряжу, которую ему приходится платить вследствие того, что владелец прядильной фабрики находится под защитой протекционизма и т. д. В тот самый момент, когда какая-нибудь отрасль национальной промышленности полностью завоевывает внутренний рынок, вывоз становится для нее необходимостью. В условиях капиталистического строя

отдельные отрасли промышленности или расширяются, или приходят в упадок. Они не могут оставаться в неизменном состоянии; остановка в росте — начало разорения; прогресс изобретений в механике и химии, неизменно вытесняя труд человека и содействуя еще более быстрому увеличению и концентрации капитала, создает в каждой застойной отрасли промышленности избыток как рабочих, так и капитала, избыток, который нигде не находит применения, ибо тот же процесс происходит и во всех других отраслях. Таким образом, переход от внутренней торговли к экспортной становится вопросом жизни или смерти для соответствующих отраслей промышленности, но им противостоят установленные права и определенные интересы других, которым протекционизм представляется пока более надежным и более выгодным, чем свобода торговли. Тогда наступает продолжительная и упорная борьба между фритредерами и протекционистами; руководство этой борьбой с обеих сторон вскоре переходит из рук людей, непосредственно заинтересованных, в руки профессиональных политиков, заправил традиционных политических партий, заинтересованных не в разрешении вопроса, а в оставлении его открытым навсегда; в результате огромной потери времени, энергии и денег появляется ряд компромиссов, благоприятных то для одной, то для другой стороны и означающих медленное, хотя и отнюдь не величественное, движение в направлении свободы торговли, — если только тем временем протекционизм не сделается совершенно нестерпимым для нации, а это, по-видимому, как раз теперь и происходит в Америке.

Существует, однако, другой вид протекционизма, худший из всех, — тот, который практикуется в Германии. Германия вскоре после 1815 г. также начала ощущать необходимость более быстрого развития своей промышленности. Но первым условием для этого было создание внутреннего рынка путем уничтожения бесчисленных таможенных барьеров между мелкими немецкими государствами и разнообразия их фискального законодательства, другими словами — образование германского Таможенного союза (Zollverein)[420]. Это возможно было осуществить только на основе либерального тарифа, рассчитанного скорее на увеличение государственных доходов, чем на покровительство отечественному производству. Ни на каких других условиях нельзя было бы убедить мелкие государства присоединиться к Союзу. Таким образом, новый германский тариф, хотя до известной степени и покровительствовал некоторым отраслям промышленности, был, однако, в то время, когда его ввели, образцом фритредерского законодательства.

Таким он и оставался, несмотря на то, что уже с 1830 г. большинство немецких промышленников громко требовало перехода к протекционизму. Тем не менее, при этом чрезвычайно либеральном тарифе и несмотря на то, что немецкая домашняя промышленность, основанная на ручном труде, безжалостно подавлялась конкуренцией английских фабрик, работающих при помощи пара, переход от ручного труда к машинному производству постепенно совершался и в Германии; в настоящее время он почти закончен. Превращение Германии из земледельческой страны в промышленную происходило таким же темпом; начиная с 1866 г. этому превращению содействовали благоприятные политические события: создание сильного центрального правительства и общегерманского законодательного органа, что обеспечивало единообразие торгово-промышленного законодательства, а также единство денежной системы и системы мер и весов, и, наконец, приток французских миллиардов. Таким образом, к 1874 г. Германия по объему внешней торговли занимала на мировом рынке второе место после Великобритании*, а в промышленности и на транспорте Германия применяла больше паровых двигателей, чем какая-либо другая страна на континенте Европы. Это доказывало, следовательно, что даже теперь, несмотря на огромное преимущество, которым обладает английская промышленность, большая страна может успешно конкурировать с Англией на свободном рынке.

Но неожиданно произошла перемена фронта: Германия перешла к протекционистской системе в тот самый момент, когда свобода торговли была, казалось, для нее более чем когда-либо необходимостью. Переход этот, несомненно, был абсурдом; но его можно объяснить. Пока Германия была страной, вывозящей хлеб, все аграрии, точно так же как и все представители судоходной промышленности, были ярыми фритредерами. Но в 1874 г., вместо того чтобы экспортировать хлеб, Германия нуждалась в импорте его в большом количестве. Примерно в это же время Америка стала наводнять Европу дешевым зерном; всюду, куда только проникало это зерно, оно понижало денежные доходы с земли, а следовательно, и земельную ренту; и с этого момента аграрии во всей Европе стали громко требовать перехода к протекционизму. В то же время промышленники в Германии страдали от последствий чрезмерного перепроизводства, вызванного притоком французских миллиардов, между тем как Англия, промышленность кото-

* Общий оборот по импорту и экспорту за 1874 г. в миллионах долларов: Великобритания — 3300; Германия — 2325; Франция — 1665; Соединенные Штаты — 1245 *(Кольб.* «Статистика», 7 изд., Лейпциг, 1875, стр. 790[421]).

рой со времени кризиса 1866 г. находилась в состоянии хронической депрессии, наводняла все доступные рынки товарами, которых она не могла продать внутри страны и которые предлагала за границей по разорительно низким ценам. Тогда немецкие промышленники, хотя сами и были весьма заинтересованы в экспорте, начали смотреть на протекционизм как на средство обеспечить внутренний рынок исключительно за собой. А правительство, находившееся целиком в руках земельной аристократии и помещиков, было очень радо воспользоваться этим случаем, чтобы облагодетельствовать получателей земельной ренты предоставлением покровительственных пошлин и помещикам, и промышленникам. В 1878 г. был введен высокий протекционистский тариф как для продуктов сельского хозяйства, так и для промышленных товаров[422].

В результате экспорт германских промышленных товаров оплачивается с этих пор непосредственно за счет местных потребителей. Где только возможно было, образовывались «ринги» или «тресты» для регулирования экспортной торговли и даже самого производства. Германская железоделательная промышленность сосредоточена в руках немногих крупных фирм, большей частью акционерных компаний, которые, вместе взятые, могут производить приблизительно в четыре раза больше железа, чем страна может в среднем поглощать. Во избежание ненужной взаимной конкуренции эти фирмы образовали трест, который распределяет между ними все контракты с иностранцами и устанавливает в каждом отдельном случае ту фирму, которая должна сделать конкретное предложение. Этот трест несколько лет тому назад вошел даже в соглашение с владельцами английских железоделательных заводов, но оно более не существует. Точно так же вестфальские угольные копи (производящие около тридцати миллионов тонн ежегодно) образовали трест для регулирования производства, заказов и цен. Вообще всякий немецкий промышленник вам скажет, что покровительственные пошлины дают ему только одно — возможность компенсировать себя на внутреннем рынке за разорительные цены, по которым он вынужден продавать на внешнем рынке. Но это еще не все. Эта нелепая система покровительства промышленникам — не что иное, как подачка, брошенная промышленным капиталистам для того, чтобы заставить их поддержать еще более нелепую монополию, предоставленную аграриям. Ведь не только все сельскохозяйственные продукты облагаются высокими ввозными пошлинами, возрастающими из года в год, но и некоторые предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, создаваемые владельцами крупных поместий,

фактически субсидируются непосредственно из государственного кошелька. Свеклосахарная промышленность не только охраняется пошлинами, но получает еще огромные суммы в виде экспортных премий. Один хорошо осведомленный человек заметил что если бы весь экспортируемый сахар был выброшен в море, фабрикант все же извлек бы прибыль из правительственной премии. Точно так же, благодаря новейшему законодательству, владельцы заводов по производству спирта из картофеля получают из государственного кармана подарок приблизительно в девять миллионов долларов в год. А так как почти каждый крупный землевладелец в Северо-Восточной Германии имеет либо свеклосахарный завод, либо завод по производству спирта из картофеля, либо и тот и другой одновременно, то не удивительно, что мир буквально наводнен их продукцией.

Эта политика, разорительная при любых обстоятельствах, вдвойне разорительна для страны, промышленность которой удерживает свое место на нейтральных рынках главным образом благодаря дешевизне рабочих рук. Заработная плата, которая в Германии даже в лучшие времена держится почти на голодном уровне в силу большой численности населения (быстро растущего, несмотря на эмиграцию), должна повыситься в результате вызванного протекционизмом повышения цен на все продукты первой необходимости. Тогда немецкий промышленник не будет в состоянии, как это слишком часто случается теперь, возместить разорительно низкую цену своих товаров вычетами из нормальной заработной платы своих рабочих и будет вытеснен с рынка. Протекционизм в Германии убивает курицу, несущую золотые яйца.

Франция также страдает от последствий протекционизма. Здесь эта система, безраздельно господствовавшая в течение двух столетий, сделалась почти неотъемлемой частью жизни нации. Тем не менее, она все более и более становится помехой. Постоянные изменения в методах производства стоят в порядке дня, но протекционизм преграждает им путь. Изнанка шелкового бархата в настоящее время делается из тонких бумажных ниток; французский фабрикант должен или платить за эти нитки высокую цену, обусловленную покровительственной пошлиной, или же подвергаться такой бесконечной бюрократической волоките, которая целиком съедает правительственную экспортную надбавку к этой цене, и таким образом бархатная промышленность перекочевывает из Лиона в Крефельд, где ввозные пошлины на тонкие бумажные нитки гораздо ниже. Французский экспорт, как указано выше, состоит главным образом из предметов роскоши; в этой отрасли французский вкус до сих пор

не может быть превзойден, но главными потребителями этих изделий во всем мире являются наши современные капиталисты-выскочки, невоспитанные и не имеющие вкуса и вполне удовлетворяющиеся дешевыми и грубыми немецкими или английскими подделками, которые часто подсовывают им по более чем вздутым ценам вместо подлинного французского товара. Рынок для тех специальных изделий, которые не могут быть изготовлены нигде, кроме Франции, постоянно суживается, вывоз французских промышленных товаров с трудом поддерживается на прежнем уровне и вскоре должен снизиться. Какими новыми товарами может Франция заменить те, экспорт которых отмирает? Если здесь и можно чем-нибудь помочь, то только решительным переходом к свободе торговли, что вновь выведет французского промышленника из привычной для него тепличной атмосферы на свежий воздух конкуренции с иностранными соперниками. И действительно, французская торговля в целом давно начала бы сокращаться, если бы не слабый и нерешительный шаг к свободе торговли, каким был кобденовский договор 1860 года[423]. Но его действие уже почти прекратилось, и требуется более сильная доза того же тонизирующего средства.

О России едва ли стоит упоминать. Там пошлины должны уплачиваться золотом, а не обесцененными бумажными деньгами, обращающимися в стране, и покровительственный тариф служит прежде всего для снабжения нищего правительства звонкой монетой, необходимой ему для сделок с иностранными кредиторами; в тот самый день, когда этот тариф выполнит свою протекционистскую миссию, совершенно вытеснив иностранные товары, в этот самый день русское правительство обанкротится. И, тем не менее, это же правительство утешает своих подданных планами превращения России при помощи этого тарифа в целиком самоснабжающуюся страну, не нуждающуюся в получении от иностранцев ни продуктов питания, ни сырья, ни промышленных товаров, ни художественных изделий. Люди, верящие в эту призрачную Российскую империю, обособленную и изолированную от остального мира, стоят на одном уровне с прусским лейтенантом-патриотом, который пришел в магазин и потребовал глобус — не земного шара или небесной сферы, а глобус Пруссии.

Но вернемся к Америке. Имеется уже достаточно симптомов того, что протекционизм сделал для Соединенных Штатов все, что мог, и чем скорей ему будет дана отставка, тем лучше для всех. Один из этих симптомов — это образование «рингов» и «трестов» в покровительствуемых отраслях промышленности с целью более полного использования дарованной им монополии.

«Ринги» и «тресты» — подлинно американские организации, и там где они используют естественные преимущества, с ними в общем мирятся, хотя и неохотно. Превращение пенсильванской нефтяной промышленности в монополию «Стандард ойл компани»[424] — процесс, вполне соответствующий законам капиталистического производства. Но когда владельцы сахарорафинадных заводов пытаются превратить покровительство, оказанное им нацией для защиты против иностранной конкуренции, в монополию, направленную против отечественного потребителя, то есть против той самой нации, которая оказала это покровительство, то это уже совершенно другое дело. Тем не менее, крупные сахарозаводчики образовали «трест», цель которого именно такова[425]. И сахарный трест — не единственный в своем роде. Образование подобных трестов в покровительствуемых отраслях промышленности — самый верный признак того, что протекционизм сделал свое дело и что изменяется самый его характер; что он защищает производителя уже не от иностранного импортера, а от внутреннего потребителя; что он произвел, по крайней мере в данной отрасли, совершенно достаточно, если не слишком много фабрикантов; что те деньги, которые он кладет в кошелек этих фабрикантов, это выброшенные деньги, — совсем как в Германии.

В Америке, как и в других странах, в пользу протекционизма выдвигается тот аргумент, что свобода торговли будет выгодна лишь Англии. Лучшим доказательством обратного служит то, что в Англии не только сельские хозяева и лендлорды, но даже фабриканты становятся сторонниками протекционизма. На самой родине «манчестерской школы» фритредеров[426] 1 ноября 1886 г. Манчестерская торговая палата обсуждала следующую резолюцию:

«Напрасно прождав сорок лет в расчете, что другие страны последуют примеру Англии в отношении свободы торговли, палата считает, что наступило время пересмотреть этот вопрос».

Резолюция была, правда, отвергнута, но 22 голосами против 21! И это происходило в центре хлопчатобумажной промышленности, то есть единственной отрасли английской промышленности, превосходство которой на свободном рынке представляется все еще неоспоримым! Но дело в том, что даже в этой конкретной отрасли изобретательский гений перекочевал из Англии в Америку. Новейшие усовершенствования в прядильных и ткацких машинах для хлопчатобумажной промышленности почти все американского происхождения, и Манчестеру пришлось ввести их у себя. Во всякого рода промышленных изобретениях Америке определенно принадлежит ведущая

роль, между тем как Германия оспаривает у Англии второе место. В Англии все более растет сознание того, что ее промышленная монополия безвозвратно утрачена, что она по сравнению с другими странами неизменно теряет почву, тогда как ее соперники делают успехи, и что мало-помалу она дойдет до того, что ей придется довольствоваться положением одной из многих промышленных стран, вместо того чтобы быть, как она когда-то мечтала, «мастерской мира». И для того чтобы отвести от себя грозные удары судьбы, сыновья тех самых людей, которые сорок лет тому назад видели спасение только в свободе торговли, так страстно взывают теперь к протекционизму, плохо завуалированному требованиями «честной торговли» и карательных тарифов. Когда английские промышленники начинают находить, что свобода торговли их разоряет, и просят правительство защитить их от иностранных конкурентов, тогда именно для этих конкурентов наступает время выбросить за борт бесполезную отныне протекционистскую систему и сокрушить слабеющую промышленную монополию Англии ее собственным оружием — свободой торговли.

Однако, как я уже говорил, легко ввести протекционизм, но не так легко от него избавиться. Приняв покровительственную систему, законодательные органы создали большую заинтересованность определенных кругов в этой системе и взяли на себя ответственность за нее. И не каждая в отдельности из этих заинтересованных групп — различных отраслей промышленности — одинаково готова в данный момент выдержать открытую конкуренцию. Одни плетутся позади, тогда как другие уже не нуждаются в протекционистской няньке. Такое различие в положении вызывает обычные кулуарные интриги и уже само по себе служит надежной гарантией того, что в случае, если вопрос будет решен в пользу свободы торговли, для покровительствуемых отраслей промышленности будут созданы весьма льготные условия, так же как это было с шелковой промышленностью в Англии после 1846 года. Это при теперешних условиях неизбежно, и фритредерская партия должна будет этому подчиниться, пока переход от протекционизма к свободе торговли решен лишь в принципе.

Вопрос о свободе торговли и протекционизме вращается целиком в пределах современной системы капиталистического производства и потому не представляет непосредственного интереса для нас, социалистов, стремящихся к устранению этой системы. Косвенно, однако, он интересует и нас, поскольку мы должны желать, чтобы современная система производства развивалась и распространялась возможно быстрей и свободней,

потому что вместе с ней развиваются и те экономические явления, которые представляют собой ее неизбежные следствия и должны разрушить всю систему! нищета широких народных масс в результате перепроизводства; вызываемые этим перепроизводством периодическое переполнение рынка и кризисы, сопровождаемые паникой, или же хронический застой в производстве и торговле; разделение общества на малочисленный класс крупных капиталистов и многочисленный класс фактически наследственных наемных рабов — пролетариев, которые, хотя их число постоянно возрастает, постоянно вытесняются новыми машинами, обеспечивающими экономию труда; словом, — общество, зашедшее в тупик, из которого нет иного выхода, кроме полного преобразования того экономического строя, который составляет основу этого общества. С этой точки зрения Маркс сорок лет тому назад и высказался в принципе за свободу торговли как за более прогрессивную систему, то есть такую, которая скорее заведет капиталистическое общество в этот тупик. Но если на этом основании Маркс высказывался за свободу торговли, то не служит ли это каждому стороннику современного общественного порядка основанием высказываться против свободы торговли? Если установлено, что свободная торговля революционна, то не долиты ли все добропорядочные граждане подавать голос за протекционизм как консервативную систему?

Если в наши дни какая-либо страна введет свободу торговли, то, конечно, не для того, чтобы доставить удовольствие социалистам. Это будет сделано потому, что свобода торговли стала необходимостью для промышленных капиталистов. Но если эта страна откажется от свободы торговли и будет цепляться за протекционизм, для того чтобы обмануть надежды социалистов на ожидаемую социальную катастрофу, то это ни в коей мере не повредит перспективам социализма в данной стране[*]. Протекционизм — система искусственной фабрикации фабрикантов и поэтому также система искусственной фабрикации наемных рабочих. Нельзя создавать одних, не создавая других. Наемный рабочий всюду следует по стопам фабриканта; он подобен «мрачной заботе» Горация, которая сидит позади всадника и от которой тот не может избавиться, куда бы он ни поехал[427]. Нельзя уйти от своей судьбы, — другими словами, нельзя уйти от неизбежных последствий своих собственных действий. Система производства, основанная на эксплуатации

[*] В немецком тексте вместо слов «то это ни в коей мере не повредит перспективам социализма в данной стране» напечатано: «то никто не будет обманут в большей мере, чем сама эта страна». *Ред.*

наемного труда, система, при которой богатство возрастает пропорционально числу занятых и эксплуатируемых рабочих, такая система неизбежно увеличивает численность класса наемных рабочих, то есть класса, который призван в один прекрасный день разрушить эту самую систему. В то же время ничего не поделаешь; приходится развивать капиталистическую систему, ускорять производство, накопление и централизацию капиталистического богатства, а вместе с тем и производство революционного класса рабочих. В конце концов безразлично, какой путь будет избран — протекционизм или свобода торговли, едва ли это изменит конечный результат. Задолго до этого дня протекционизм превратится в невыносимые оковы для всякой страны, которая с перспективами на успех стремится к независимому положению на мировом рынке.

Фридрих Энгельс

Написано в апреле—начале мая 1888 г.

Напечатано в переводе автора на немецкий язык в журнале «Die Neue Zeit» № 7, июль 1888 г., а на английском языке в еженедельнике «Labor Standard» в августе 1888 г. и в брошюре: Karl Marx. «Free Trade», Boston, 1888

Печатается по тексту брошюры, сверенному с немецким переводом

Перевод с английского

* СТАЧКА РУРСКИХ ГОРНЯКОВ 1889 ГОДА [428]

Стачка немецких горняков является для нас огромным событием. Подобно английским горнякам времен чартизма, шахтеры Германии вступают в движение последними, и это их первый шаг. Движение началось на севере вестфальского угольного бассейна — в районе, где добывается 45 млн. тонн угля в год и который не разработан даже наполовину, ибо уголь там приходится извлекать из глубины в 500 ярдов. Горняки этого района до сих пор были добрыми подданными, патриотичными, покорными и религиозными; они поставляли в VII армейский корпус превосходную пехоту (я их хорошо знаю, мой родной город расположен лишь в 6 или 7 милях к югу от этого угольного бассейна). Теперь они возбуждены до предела притеснениями со стороны местных капиталистов. В то время как шахты — почти все акционерные предприятия — выплачивали огромные дивиденды, *реальная* заработная плата рабочих постоянно снижалась. При этом номинальная недельная заработная плата сохранялась на прежнем уровне, а в некоторых случаях даже как будто повышалась, вследствие того, что рабочих заставляли очень много времени работать сверхурочно: каждая смена продолжалась вместо 8 часов от 12 до 16 часов, что составляло 9—12 смен в неделю. Широко были распространены хозяйские лавки [truck-shops], под видом «кооперативных». Как правило, рабочих надували при подсчете количества добытого угля; браковались целые вагонетки как якобы нагруженные недоброкачественным углем или недостаточно наполненные. Начиная с прошлой зимы, рабочие несколько раз предупреждали, что, если положение не улучшится,

они объявят забастовку. Однако все осталось по-прежнему, и в конце концов они забастовали, причем предупредили о своем намерении заранее; отрицая этот факт, шахтовладельцы лгут. Через неделю бастовало 70 тыс. человек. *Хозяевам пришлось даже оказать поддержку стачке:* поскольку они платили рабочим только раз в месяц, в их распоряжении всегда оставалась месячная заработная плата, и *теперь им пришлось раздать ее бастующим.* Таким образом, хозяева сами попались в свои собственные сети. Затем рабочие направили знаменитую депутацию к императору* — этому тщеславному, самодовольному, фатоватому мальчишке, — который принял ее угрожающей речью: если они повернут в сторону социал-демократии и нанесут оскорбление властям, он велит их расстрелять без всякой пощады[429]. (Это на деле уже попытались сделать в Бохуме, где лейтенант, *19-летний юнец,* приказал своим солдатам стрелять по бастующим, однако большинство выстрелило в воздух.) Но тем не менее перед этими стачечниками трепетала вся империя. В район забастовки отправился командующий войсками округа**, а также министр внутренних дел***; были пущены в ход все средства, чтобы убедить шахтовладельцев пойти на уступки. Император даже предложил им раскошелиться и заявил в совете министров: «Мои солдаты находятся там для поддержания порядка, а не для того, чтобы обеспечивать шахтовладельцам большие прибыли».

В результате вмешательства либеральной оппозиции (которая теряет в парламенте одно место за другим, поскольку рабочие переходят к нам) был достигнут компромисс, и горняки вернулись на работу. Но как только они приступили к работе, хозяева нарушили свое слово: уволили некоторых зачинщиков (хотя обещали не делать этого), отказались — вопреки достигнутой договоренности — организовывать сверхурочные работы только по согласованию с рабочими и т. д. Возникла угроза возобновления стачки. Конфликт еще не улажен, но я уверен, что правительство, которое страшно напугано, заставит хозяев уступить, по крайней мере на время. Затем стачка распространилась на угольные бассейны №№ II и III. В этот район «социалистическая зараза» пока еще не проникла, потому что каждый, кто отправлялся туда в целях агитации, получал, если попадал в сети закона, столько же лет тюремного заключения, сколько в любом другом месте Германии получил бы месяцев. Правительство, со своей стороны, сделало рабочим уступки, но

* — Вильгельму II. *Ред.*
** — Альбедиль. *Ред.*
*** — Херфурт. *Ред.*

окажется ли этого достаточно, будет еще видно. Примеру вестфальских горняков последовали рабочие саксонского угольного бассейна, а также двух силезских, расположенных восточнее. Таким образом, за последние три недели в Германии бастовало по меньшей мере 120000 шахтеров. От них «зараза» перешла к бельгийским и богемским горнякам, а в Германии работа прекратилась в тех отраслях промышленности, в которых забастовки готовились еще весной этого года[430]. Итак, нет сомнения в том, что немецкие шахтеры присоединились к своим братьям в их борьбе против капитала; это важное пополнение наших рядов, так как они замечательные люди и притом почти все прошли военную службу. Их вера в императора и священника поколеблена, и никакое правительство, что бы оно ни делало, не может удовлетворить требования рабочих, не затрагивая капиталистическую систему, а германское правительство и не может, и не хочет даже попытаться сделать это. Впервые в Германии правительство вынуждено делать вид, будто оно занимает беспристрастную позицию по отношению к забастовке. Следовательно, оно навсегда утратило свою невинность в этом отношении, и как Вильгельму, так и Бисмарку пришлось склониться перед стотысячной армией бастующих рабочих. Уже одно это — замечательный результат.

Написано в конце мая 1889 г.

Напечатано в журнале «The Labour Leader» vol. I, № V, июнь 1889 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС» № 6, 1960 г.

ПОССИБИЛИСТСКИЕ МАНДАТЫ [431]

Сторонники парижского конгресса поссибилистов — небезызвестный г-н Смит Хединли в газете «Star»[432], г-н Г. Бароуз и г-жа Безант в еженедельной прессе — без конца повторяют, что их конгресс являлся подлинно представительным, тогда как конгресс марксистов состоял из людей, представлявших только самих себя и поэтому не осмелившихся принять требование поссибилистов — предъявить им свои мандаты. Английские делегаты конгресса марксистов, несомненно, будут искать и найдут возможность доказать лживость возводимых на них обвинений, поэтому мы можем пока не касаться этой части вопроса; заметим только, что поссибилисты вряд ли могли бы нанести конгрессу марксистов большее оскорбление, чем они сделали, потребовав от них признания недействительной проверки их собственных мандатов, завершенной уже на второй (или на третий?) день, и нового рассмотрения этих мандатов; между тем, сами поссибилисты в своей резолюции по этому вопросу тщательно избегали обязательства представить свои мандаты для проверки марксистам.

Что сказанное выше правильно освещает вопрос и что у поссибилистов было гораздо больше оснований, чем у марксистов, предъявить свои мандаты только своим друзьям, доказывает сообщение д-ра Адлера на конгрессе марксистов о том, что ему стало известно об «австрийских» делегатах поссибилистов. Так как это сообщение характеризует тот способ, каким поссибилисты фабриковали «подлинно представительных» делегатов, его следует предать гласности.

В поссибилистском списке делегатов, в рубрике «Австрия» представлены следующие организации: «Венский союз

булочников», «Федерация Верхней Австрии и Зальцбурга», «Федерация рабочих Богемии, Моравии и Силезии». Д-р Адлер, который в течение последних трех лет с удивительной энергией, тактом и настойчивостью занимался реорганизацией социалистического движения в Австрии и знает каждое рабочее общество в любом австрийском городе, сообщил конгрессу, что у всех этих обществ, каковы бы ни были их иные достоинства, есть один роковой недостаток — *они не существуют.*

Когда в Париже стало известно, что в воскресенье открылся конгресс марксистов и что там присутствуют делегаты из Австрии, в понедельник на этот конгресс явились два австрийца и увиделись с д-ром Адлером. Они рассказали ему, что они — булочники, с некоторого времени работающие в Париже, и что один венгерский булочник, по фамилии Добоши, пригласил их в качестве «делегатов» на рабочий конгресс; тот ли самый это конгресс? Адлер расспросил их и выяснил следующее: они приглашены на конгресс поссибилистов, для участия в котором у них были билеты; при этом они сказали тем, кто их приглашал, что они не представляют абсолютно никого, кроме самих себя, но в ответ им было сказано, что это ничего не значит, так как, поскольку Австрия — деспотическая страна, настоящих мандатов не требуется; теперь они узнали, что подлинные австрийские делегаты присутствуют на другом конгрессе; как же им теперь поступить? Австрийские делегаты сказали им, что у них нет оснований разыгрывать роль делегатов ни на том, ни на другом конгрессе. Они условились относительно следующего свидания. Через день или два они снова пришли, присутствовали на заседании конгресса марксистов и затем заявили, что сами видят необходимость выйти из этого ложного положения, — но как? Им посоветовали вернуть мандаты. У них таковых не оказалось. Тогда верните ваши билеты. Они обещали так поступить и вернулись сказать, что они так и сделали.

Таков пример того, что поссибилисты и их английские сторонники называют «подлинным представительством». А венгерские общества, во внушительном списке которых названия так искусно скрыты опечатками, что только в отношении нескольких можно узнать местность, где они якобы находятся, эти общества, по словам настоящих венгерских делегатов конгресса марксистов, также существуют только в пределах страны чудес, созданной воображением поссибилистов; слишком уж вопиющие здесь стряпают небылицы. «Кружки по изучению социального вопроса и федерация Хорватии, Славонии, Далмации, Триеста и Фиуме» — на этом громком названии лежит слишком замет-

ная печать его парижского происхождения, И подумать только, что за всем этим нет даже трех портных с Тули-стрит[433]!

Нам, далее, говорят, будто абсолютно неверно, что конгресс поссибилистов был только тред-юнионистским конгрессом. Г-н Герберт Бароуз крайне возмущен такой клеветой: за исключением нескольких английских тред-юнионистов, «все делегаты» были революционными социалистами и, как таковые, представляли свои соответствующие общества. Хорошо, приведем только один пример. Что говорит мадридская газета «El Socialista»[434] (от 26 июля) об испанских делегатах-поссибилистах? Что «они говорят, будто представляют 20 тысяч социалистов, на самом же деле являются только делегатами от таких обществ, куда допускаются как карлисты[435], так и революционные социалисты», от клубов, которые совершенно не занимаются политикой, то есть фактически от таких организаций, которые в Англии называются тред-юнионами.

Написано в начале августа 1889 г.

Напечатано в газете «The Labour Elector» vol. II, № 32, 10 августа 1889 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* ПО ПОВОДУ СТАЧКИ ЛОНДОНСКИХ ДОКЕРОВ[436]

Я завидую вам, вашему участию в стачке докеров. Это движение является наиболее многообещающим из всех тех, которые мы имели за последние годы, и я горжусь и радуюсь, что мне довелось увидеть его. О, если бы Маркс был жив и сам видел это! Если эти несчастные, угнетенные люди, опустившиеся на самое дно слои пролетариата, оставшиеся за бортом люди всех профессий, буквально дерущиеся каждое утро у ворот доков за получение работы, если *они* могут объединяться *и* своей решительностью устрашать могущественные доковые компании, тогда действительно нам незачем впадать в отчаяние по поводу какой бы то ни было части рабочего класса. Это событие означает начало настоящей жизни в Ист-Энде[437] и в случае успеха изменит весь его характер. Ведь о его обитателях, бедняках, прозябающих в глубокой нищете, вследствие их неуверенности в себе и отсутствия у них организации, можно сказать — *lasciate ogni speranza...*[*] Если докеры организуются, за ними последуют и другие категории рабочих... Это замечательное движение, и я еще раз завидую тем, кто может участвовать в нем.

Написано между 20 и 26 августа 1889 г.

Напечатано в газете «The Labour Elector» vol. II, № 35, 31 августа 1889 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

[*] — «оставь всякую надежду...» (Данте. «Ад». Песнь III). *Ред.*

ОТСТАВКА БУРЖУАЗИИ [438]

Среди буржуазии всех наций английская буржуазия несомненно в наибольшей степени сохранила до сего времени свое классовое, то есть политическое, сознание. Наша немецкая буржуазия глупа и труслива; она даже не сумела овладеть политической властью, завоеванной для нее в 1848 г. рабочим классом, и удержать ее в своих руках; в Германии рабочий класс должен сначала вымести остатки феодализма и патриархального абсолютизма, с которыми наша буржуазия давно обязана была покончить. Французская буржуазия, наиболее корыстолюбивая и падкая до наслаждений по сравнению с буржуазией других стран, ослеплена своим корыстолюбием и не видит своих собственных, будущих интересов; она живет только сегодняшним днем; в бешеной погоне за наживой она идет на самый скандальный подкуп, объявляет подоходный налог государственной изменой социалистов, каждую забастовку встречает не иначе как ружейными залпами, и тем самым приводит к тому, что в республике со всеобщим избирательным правом у рабочих почти не остается иного средства для достижения победы, кроме насильственной революции. Английская буржуазия не так глупо жадна, как французская, и не так глупо труслива, как немецкая. В период своих величайших триумфов она постоянно делала рабочим уступки; даже наиболее

ограниченная ее часть, консервативная земельная и финансовая аристократия, не побоялась предоставить городским рабочим избирательное право в таких масштабах, что только по вине самих рабочих у них с 1868 г. нет 40—50 представителей в парламенте. А с тех пор вся буржуазия — консервативная и либеральная вместе — распространила расширенное избирательное право и на сельские районы, приблизительно уравняла размеры избирательных округов и таким образом предоставила в распоряжение рабочего класса по меньшей мере тридцать новых избирательных округов. В то время как немецкая буржуазия никогда не обладала способностью вести за собой и представлять нацию в качестве господствующего класса, в то время как французская буржуазия каждый день доказывает — и только что вновь доказала на выборах[439], — что совершенно потеряла эту способность, которой она когда-то обладала в большей степени, чем буржуазия любой другой страны, в то же время английская буржуазия (включая растворившуюся в ней так называемую аристократию) обнаруживала еще до последнего времени известную способность выполнять, хотя бы до некоторой степени, роль руководящего класса.

Но теперь это положение, по-видимому, все больше и больше изменяется.

В Лондоне все, что связано со старым городским управлением, — с устройством и управлением собственно Сити, — представляет собой еще чистейшее средневековье. Сюда же относится и лондонский порт, первый порт в мире. Владельцы пристаней (wharfingers), разгрузочных судов (lightermen) и лодочники (watermen) образуют настоящие цехи с особыми привилегиями, а частично даже и со средневековыми костюмами. Эти старинные цеховые привилегии в течение последних семидесяти лет увенчивала монополия доковых компаний; тем самым весь огромный лондонский порт был передан в руки незначительного числа привилегированных корпораций, которые беспощадно эксплуатируют его. И все это привилегированное уродливое создание увековечивается и становится, так сказать, неприкосновенным вследствие бесконечного ряда запутанных и противоречивых парламентских актов, которые его создали и вырастили, так что этот юридический лабиринт стал его лучшей защитой. Но в то время как по отношению к торговым кругам эти корпорации кичатся своими средневековыми привилегиями и делают Лондон самым дорогим портом в мире, члены этих корпораций превратились в настоящих буржуа, которые, кроме своих клиентов, самым бесстыдным образом эксплуатируют и своих рабочих, используя таким путем одновременно выгоды

и средневекового цехового общества, и современного капиталистического.

Так как, однако, эта эксплуатация совершалась в рамках современного капиталистического общества, то, несмотря на средневековый наряд, она была подчинена законам этого общества. Большие пожирали малых или, по крайней мере, приковывали их к своей триумфальной колеснице. Крупные доковые компании стали господами над цехами владельцев пристаней, разгрузочных судов и лодок, следовательно, над всем лондонским портом. Тем самым перед ними открывалась перспектива неограниченных прибылей. Эта перспектива ослепляла их. Они выбрасывали миллионы на нелепые предприятия; а так как таких компаний было несколько, то они начали между собой конкурентную войну, которая стоила новых миллионов, вызвала новые бессмысленные постройки и поставила компании на грань банкротства, пока, наконец, около двух лет тому назад они не объединились.

Между тем, торговля Лондона уже прошла через свой кульминационный пункт. Гавр, Антверпен, Гамбург, а с проведением нового морского канала и Амстердам привлекали к себе все возраставшую долю торговли, центр которой находился прежде в Лондоне. Ливерпуль, Гулль и Глазго также получили свою долю. Вновь построенные доки пустовали, дивиденды уменьшались и частью совсем исчезали, акции падали; директора доков, упрямые, избалованные добрыми старыми временами, высокомерные денежные тузы, не видели никакого выхода. Подлинных причин относительного и абсолютного упадка торгового оборота лондонского порта они не хотели признавать. А этими причинами, в той степени, в какой они носят местный характер, являются исключительно их собственное бессмысленное высокомерие и его источник — их привилегированное положение, средневековое, давно отжившее устройство Сити и лондонского порта, устройство, которому по закону место в Британском музее, рядом с египетскими мумиями и ассирийскими каменными чудовищами.

Ни в каком другом месте в мире не потерпели бы подобного сумасбродства. В Ливерпуле, где подобное положение начало создаваться, оно было устранено еще в зародыше, а все устройство порта модернизировано. В Лондоне же торговый мир страдает, брюзжит, но терпеливо сносит все это. Буржуазия, масса которой должна оплачивать эти нелепости, склоняется перед монополией, — с неохотой, правда, но склоняется. У нее нет больше энергии для того, чтобы стряхнуть с себя этот

кошмар, который угрожает задушить со временем жизнь во всем Лондоне.

Но вот вспыхивает стачка докеров[440]. Бунт поднимает не буржуазия, ограбленная доковыми компаниями, а эксплуатируемые ими рабочие; беднейшие из бедных, низшие слои пролетариев Ист-Энда, бросили вызов магнатам доков. И тогда, наконец, буржуазия вспоминает, что магнаты доков — это и ее враги, что бастующие рабочие начали борьбу не только в своих собственных интересах, но косвенно и в интересах буржуазного класса. В этом тайна симпатии публики к забастовке и небывалой до сих пор щедрой денежной помощи со стороны буржуазных кругов. Но этим все и ограничилось. Рабочие ринулись в бой, сопровождаемые криками одобрения и рукоплесканиями буржуазии; рабочие выиграли сражение и не только доказали, что гордых магнатов доковых компаний можно победить, но своей борьбой и победой так взбудоражили все общественное мнение, что доковая монополия и феодальное устройство порта не смогут теперь дольше сохраняться и в скором времени, вероятно, будут отправлены в Британский музей.

Эту задачу давно должна была выполнить буржуазия. Но она этого не могла или не хотела сделать. Теперь рабочие взяли дело в свои руки, и оно будет теперь выполнено. Другими словами, в данном случае буржуазия сама отказалась от своей собственной роли в пользу рабочих.

А вот другая картина. Из средневекового лондонского порта отправимся на современные бумагопрядильные фабрики Ланкашира. В настоящий момент здесь урожай хлопка 1888 г. исчерпан, а урожай 1889 г. еще не поступил на рынок, следовательно, это момент, когда спекуляция сырьем имеет наилучшие перспективы. Богатый голландец по имени Стинстранд вместе с другими подобными дельцами образовал «ринг» для закупки всего имеющегося хлопка и соответственного взвинчивания цен. Бумагопрядильные фабриканты могут сопротивляться этому только сокращая потребление, то есть приостанавливая работу на своих фабриках на несколько дней в неделю или совсем, пока не появится новый хлопок. Такие попытки они и предпринимали в течение шести недель. Дело, однако, не ладится, как никогда не ладилось и прежде в таких случаях: ведь среди этих фабрикантов многие настолько обременены долгами, что частичная или полная приостановка работы поставит их на край гибели. Другие же хотят даже, чтобы большая часть фабрик приостановила работу и таким образом были бы подняты цены на пряжу; сами же они намерены продолжать работу и извлекать прибыль из этих повышенных цен. За десять

с лишним лет уже выяснилось, что есть только одно средство заставить полностью прекратить работу на хлопчатобумажных фабриках — безразлично для какой конечной цели, — а именно: снижение заработной платы, скажем, на 5%. Тогда происходит стачка или же остановка фабрик самими фабрикантами, среди которых в борьбе против рабочих воцаряется безусловное единство; останавливают свои машины даже те из них, которые не знают, будут ли они в состоянии когда-либо снова пустить их в ход.

При создавшемся положении вещей снижение заработной платы нецелесообразно. Но как же, не прибегая к этому, добиться прекращения работ на всех фабриках, без чего владельцы бумагопрядилен будут на шесть недель выданы спекулянтам, связанные по рукам и ногам? Шаг, сделанный для этой цели, — единственный в своем роде в истории современной промышленности.

Фабриканты через свой центральный комитет «официально» обращаются к центральному комитету профессиональных союзов рабочих с просьбой о том, чтобы организованные рабочие, в общих интересах, посредством устройства стачек *заставили* сопротивляющихся фабрикантов приостановить работу. Господа фабриканты, признавая свою неспособность к совместным действиям, просят столь ненавистные им ранее профессиональные союзы рабочих соблаговолить применить меры принуждения к ним самим, к фабрикантам, чтобы их, фабрикантов, горькая нужда заставила, наконец, действовать единодушно, как класс, в интересах своего собственного класса. Вынужденные рабочими, так как сами они на это не способны!

Рабочие соблаговолили. И достаточно было одной только угрозы с их стороны. Через 24 часа «ринг» хлопковых спекулянтов был разбит. Это показывает, что могут сделать фабриканты и что — рабочие.

Итак, здесь, в этой самой современной из всех современных крупных отраслей промышленности, буржуазия обнаруживает такую же неспособность отстоять свои собственные классовые интересы, как и в средневековом Лондоне. И более того. Она открыто это признает и, обращаясь к организованным рабочим с просьбой отстоять основные классовые интересы фабрикантов, действуя принуждением против самих же фабрикантов, не только сама заявляет о своей отставке, но и признает в организованном рабочем классе своего преемника, способного и призванного прийти к власти. Она сама провозглашает, что если каждый отдельный фабрикант и может еще руководить своей собственной фабрикой, то только одни организованные рабочие в состоянии взять в свои руки руководство всей хлопчатобумажной

промышленностью. А это в переводе на обыкновенный язык означает, что у фабрикантов нет иного призвания, как только поступить платными руководителями предприятий на службу к организованным рабочим.

Написано в конце сентября — начале октября 1889 г.

Напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» № 40, 5 октября 1889 г.

Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА

Ф. ЭНГЕЛЬСА

*ОБ АССОЦИАЦИИ БУДУЩЕГО [441]

Существовавшие до сих пор ассоциации, естественно сложившиеся или же искусственно созданные, служили, в сущности, экономическим целям, но эти цели были завуалированы и скрыты идеологическими аксессуарами. Античный полис[442], средневековый город или цех, феодальный союз дворян-землевладельцев — все имели побочные идеологические цели, святость которых они чтили и которые у патрицианского родового союза и у цеха возникали из воспоминаний, традиций и символов родового общества в не меньшей степени, чем у античного полиса. Только капиталистические торговые общества — совершенно трезвы и практичны, но зато и вульгарны.

Ассоциация будущего соединит трезвость последних с заботой древних ассоциаций об общем благе членов общества и таким путем достигнет своей цели.

Написано в 1884 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XVI, ч. I. 1937 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

*О РАЗЛОЖЕНИИ ФЕОДАЛИЗМА И ВОЗНИКНОВЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ [443]

В то время как неистовые битвы господствующего феодального дворянства заполняли средневековье своим шумом, незаметная работа угнетенных классов подрывала феодальную систему во всей Западной Европе, создавала условия, в которых феодалу оставалось все меньше и меньше места. Правда, в деревне благородные господа хозяйничали еще вовсю, истязали крепостных, роскошествовали за счет их пота, копытами своих лошадей вытаптывали их посевы, насиловали их жен и дочерей. Но кругом уже поднялись города: в Италии, Южной Франции, на Рейне возродились из пепла древнеримские муниципии; в других местах, особенно внутри Германии, создавались новые города; всегда обнесенные защитными стенами и рвами,, они представляли собой крепости гораздо более мощные, чем дворянские замки, так как взять их можно было только с помощью значительного войска. За этими стенами и рвами развилось средневековое ремесло, — правда, достаточно пропитанное бюргерски-цеховым духом и ограниченностью, — накоплялись первые капиталы, возникла потребность в торговых сношениях городов друг с другом и с остальным миром, а вместе с потребностью в торговых сношениях постепенно создавались также и средства для их защиты.

В XV веке городские бюргеры стали уже более необходимы обществу, чем феодальное дворянство. Правда, земледелие было все еще главной отраслью производства, в нем была занята громадная масса населения. Но небольшое количество отдельных свободных крестьян, уцелевших еще кое-где вопреки посягательствам дворянства, достаточно убедительно доказы-

вало, что в земледелии самым главным является не тунеядство и вымогательства дворянина, а труд крестьянина. Да к тому же потребности и самого дворянства настолько выросли и изменились, что даже ему стали необходимы города: ведь свое единственное орудие производства — свои доспехи и свое оружие — оно получало из городов! Сукна, мебель и украшения местного производства, итальянские шелка, брабантские кружева, северные меха, арабские благовония, восточные фрукты, индийские пряности — все, за исключением мыла, оно покупало у горожан. Развилась в некотором роде мировая торговля; итальянцы плавали по Средиземному морю и за его пределами вдоль берегов Атлантического океана до Фландрии; ганзейцы, несмотря на усиливающуюся конкуренцию со стороны голландцев и англичан, все еще господствовали на Северном и Балтийском морях. Между северными и южными центрами морской торговли связь поддерживалась по суше; пути, по которым осуществлялась эта связь, проходили через Германию. В то время как дворянство становилось все более и более излишним и мешало развитию, городские бюргеры стали классом, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и торговых сношений, образования, социальных и политических учреждений.

Все эти успехи производства и обмена имели, правда, по теперешним понятиям очень ограниченный характер. Производство оставалось скованным формами чисто цехового ремесла, следовательно, само сохраняло еще феодальный характер; торговля шла в пределах европейских вод и не распространялась дальше левантийских прибрежных городов, в которых происходил обмен на продукты более отдаленных стран Востока. Но как бы мелки и ограниченны ни были ремесла, а вместе с ними и бюргеры-ремесленники, у последних хватило силы совершить переворот в феодальном обществе, и они, по крайней мере, находились в движении, в то время как дворянство коснело в неподвижности.

Притом у городского бюргерства было могучее оружие против феодализма — *деньги.* В образцовом феодальном хозяйстве раннего средневековья для денег почти вовсе не было места. Феодал получал от своих крепостных все, что ему было нужно, или в форме труда или в виде готового продукта; женщины пряли и ткали лен и шерсть и шили одежду; мужчины обрабатывали поля, дети пасли скот господина, собирали для него грибы и ягоды, птичьи гнезда, подстилку для скота; кроме того, вся семья должна была доставлять еще зерно, плоды, яйца, масло, сыр, птицу, молодняк скота и многое

другое. Каждое феодальное хозяйство само удовлетворяло свои нужды целиком, даже военные поставки взыскивались продуктами. Торговых сношений, обмена не было, деньги были излишни. Европа была низведена до такого низкого уровня, ей настолько приходилось начинать все сначала, что деньги обладали тогда в гораздо меньшей мере общественной функцией, чем чисто политической: они служили для *уплаты налогов* и добывались главным образом *грабежом.*

Теперь все это совершенно изменилось. Деньги снова стали всеобщим средством обмена, и в силу этого масса их значительно увеличилась. И дворянство тоже уже не могло обходиться без них. А так как у него очень мало или даже вовсе ничего не было для продажи и так как грабить теперь стало тоже не очень-то легко, — то ему приходилось решаться брать взаймы у городского ростовщика. Еще задолго до того, как стены рыцарских замков были пробиты ядрами новых орудий, их фундамент был подорван деньгами. Фактически порох был, так сказать, простым судебным исполнителем на службе у денег. Деньги были великим средством политического уравнивания в руках бюргерства. Всюду, где личное отношение было вытеснено денежным отношением, а натуральная повинность — денежной, там место феодального отношения заступало буржуазное. Правда, в большинстве случаев в деревне продолжало существовать старинное грубое натуральное хозяйство; но были уже целые области, где, как, например, в Голландии, Бельгии, на Нижнем Рейне, крестьяне вместо барщины и оброка натурой платили господам деньги, где господа и подданные сделали уже первый решительный шаг к превращению в землевладельцев и арендаторов, где, следовательно, и в деревне политические учреждения феодализма теряли свою общественную основу.

До какой степени в конце XV века деньги уже подточили и разъели изнутри феодальную систему, ясно видно по той жажде золота, которая в эту эпоху овладела Западной Европой. *Золото* искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; *золото* было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; *золото* — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег. Но эта тяга к далеким путешествиям и приключениям в поисках золота, хотя и осуществлялась сначала в феодальных и полуфеодальных формах, была, однако, уже по самой своей природе несовместима с феодализмом; основой последнего было земледелие, и завоевательные походы его по существу имели целью *приобретение*

земель. К тому же мореплавание было определенно *буржуазным* промыслом, который наложил печать своего антифеодального характера также и на все современные военные флоты.

В XV веке во всей Западной Европе феодальная система находилась, таким образом, в полном упадке; повсюду в феодальные области вклинивались города с антифеодальными интересами, с собственным правом и с вооруженным бюргерством. Повсюду они уже отчасти поставили феодалов с помощью денег в зависимость от себя в общественном, а кое-где даже и в политическом отношении; даже в деревне, там, где в силу особо благоприятных условий земледелие достигло более высокого уровня, старые феодальные путы стали ослабевать под воздействием денег; только во вновь завоеванных землях, как например, в остэльбской Германии, или в иных отсталых, удаленных от торговых путей областях продолжало процветать старое господство дворян. Но повсюду, как в городах, так и в деревне, увеличилось количество таких элементов населения, которые прежде всего требовали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры между феодалами, приводившие к непрерывной междоусобной войне даже в тех случаях, когда в стране был внешний враг, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжалось в течение всего средневековья. Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку со стороны главы всего феодального порядка — в королевской власти. И здесь мы подходим к тому пункту, когда рассмотрение общественных отношений ведет нас к рассмотрению отношений государственных, когда мы из области экономики переходим в область политики.

Из смешения народов, происходившего в раннем средневековье, постепенно развивались новые национальности, процесс, при котором, как известно, в большинстве бывших римских провинций побежденное население, крестьяне и горожане, ассимилировало победителя — германского властелина. Следовательно, современные национальности также являются продуктом угнетенных классов. Каким образом в одном месте происходило слияние, в другом — размежевание, об этом нам дает наглядное представление карта округов средней Лотарингии, составленная Менке*. Стоит только проследить

* Spruner-Menke. «Hand-Atlas fur die Geschichte des Mittelalters und der neueren Zeit». 3. Aufl., Gotha, 1874, Karte № 32 [Шпрунер- Менке. «Учебный атлас по истории средних веков и нового времени». 3 изд., Гота, 1874, Карта № 32].

на этой карте границу между романскими и германскими названиями мест, чтобы убедиться, что она в Бельгии и Нижней Лотарингии в общем совпадает с существовавшей сотни лет границей между французским и немецким языком. Кое-где еще встречается узкая спорная территория, где оба языка борются за преобладание; но в общем совершенно ясно, что должно остаться германским, что романским. Древненижнефранкская и древневерхненемецкая форма большинства названий мест на карте доказывает, что они относятся к IX, самое позднее к X веку, что, следовательно, граница в главных чертах была проведена уже в конце каролингского периода. На романской стороне можно найти, в особенности поблизости от языковой границы, смешанные названия, составленные из германского собственного имени и романского обозначения местности, например западнее Мааса, близ Вердена: Eppone curtis, Rotfridi curtis, Ingolini curtis, Teudegisilo-villa, ныне Иппекур, Рекур-ле-Крё, Амбленкур-сюр-Эр, Тьервиль. Это были франкские поместья феодалов, мелкие германские колонии на романской земле, которые рано или поздно подверглись романизации. В городах и в отдельных сельских местностях находились более крупные германские колонии, которые более продолжительное время сохраняли свой язык; из такой колонии, например, еще в конце IX века вышла «Песнь о Людовике»[444]; однако то, что еще раньше большая часть франкских феодалов была романизирована, доказывают формулы клятвы верности королей и знати от 842 г., в которых романский язык уже выступает как официальный язык Франкского королевства[445].

Как только произошло разграничение на языковые группы (оставляя в стороне позднейшие завоевательные и истребительные войны, которые велись, например, против полабских славян[446]), стало естественным, что эти группы послужили определенной основой образования государств, что национальности начали развиваться в нации. Насколько силен был этот стихийный процесс уже в IX веке, доказывает быстрый распад смешанного государства Лотарингия[447]. Правда, в течение всего средневековья границы распространения языка далеко не совпадали с границами государств; но все же каждая национальность, за исключением, пожалуй, Италии, была представлена в Европе особым крупным государством, и тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее, является одним из важнейших рычагов прогресса в средние века.

В каждом из этих средневековых государств король представлял собой вершину всей феодальной иерархии, верховного

главу, без которого вассалы не могли обойтись и по отношению к которому они одновременно находились в состоянии непрерывного мятежа. Основное отношение всего феодального порядка — отдача земли в ленное владение за определенную личную службу и повинности — даже в своем первоначальном, простейшем виде давало достаточно материала для распрей, в особенности когда столь многие были заинтересованы в том, чтобы находить поводы для усобиц. А каково было во времена позднего средневековья, когда ленные отношения во всех странах образовывали клубок прав и обязанностей, пожалованных, отнятых, снова возобновленных, отобранных за проступки, измененных или как-либо иначе обусловленных, — клубок, который невозможно было распутать? Карл Смелый, например, был в одной части своих земель ленником императора, а в другой — ленником короля Франции; с другой стороны, король Франции, его сюзерен, был в то же время в известных областях ленником Карла Смелого, своего собственного вассала. Как тут было избежать конфликтов? — Вот в чем причина той длившейся столетия переменчивой игры силы притяжения вассалов к королевской власти как к центру, который один был в состоянии защищать их от внешнего врага и друг от друга, и силы отталкивания от центра, в которую постоянно и неизбежно превращается эта сила притяжения; вот причина непрерывной борьбы между королевской властью и вассалами, дикий шум которой в течение этого долгого периода, когда грабеж был единственным достойным свободного мужчины занятием, заглушает решительно все; вот причина той бесконечной, непрерывно продолжающейся вереницы измен, предательских убийств, отравлений, коварных интриг и всяческих низостей, какие только можно вообразить, всего того, что скрывалось за поэтическим именем рыцарства, но не мешало ему постоянно твердить о чести и верности.

Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним. Союз королевской власти и бюргерства ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов, — ведь в течение всех средних веков развитие не шло непрерывно в одном направлении, — и вновь возобновлялся, становясь все крепче, все могуще-

ственнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, а королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника.

Как короли, так и бюргеры нашли могущественную поддержку в нарождавшемся сословии *юристов.* Когда было вновь открыто римское право, установилось разделение труда между попами — юридическими консультантами феодальной эпохи — и учеными юристами, не имевшими духовного звания. Эти новые юристы, разумеется, по самому существу своему принадлежали к бюргерскому сословию; да к тому же и то право, которое они изучали сами, которому учили других и которое применяли, по характеру своему было в сущности антифеодальным и в известном отношении буржуазным. Римское право является настолько классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений. Но бюргерская собственность средних веков была еще сильно переплетена с феодальными ограничениями, состояла, например, главным образом из привилегий. Таким образом, в этом смысле римское право по сравнению с тогдашними гражданскими отношениями ушло далеко вперед. Дальнейшее историческое развитие бюргерской собственности могло состоять, однако, только в том, что она, как это и случилось, стала превращаться в чистую частную собственность. И это развитие должно было найти могучий рычаг в римском праве, в котором содержалось уже в готовом виде все то, к чему бюргерство позднего средневековья стремилось пока еще только бессознательно.

Правда, во множестве отдельных случаев римское право давало предлог к еще большему угнетению крестьян дворянством, тогда, например, когда крестьяне не могли представить никаких письменных доказательств своей свободы от обычных повинностей, — но по существу это не меняло дела. Дворянство и без римского права нашло бы сколько угодно таких предлогов и ежедневно их находило. Во всяком случае, огромным прогрессом было введение в действие такого права, которое абсолютно не признает феодальных отношений и которое полностью предвосхитило современную частную собственность.

Мы видели, каким образом в обществе позднего средневековья феодальное дворянство в экономическом отношении начало становиться излишним, даже прямой помехой; каким образом и политически оно так же являлось препятствием развитию городов и национального государства, которое

тогда было возможно только в монархической форме. Несмотря на все это, его поддерживало то обстоятельство, что за ним до сих пор сохранялась монополия в военном деле, что без него невозможно было вести войны, невозможно было давать сражения. Это тоже должно было измениться; надо было сделать последний шаг, чтобы показать феодальному дворянству, что наступил конец периоду его господства в обществе и в государстве, что в нем не нуждаются больше даже и на поле битвы в качестве рыцарей.

Вести борьбу против феодальных порядков с помощью войска, которое само было феодальным, в котором солдаты были более тесно связаны со своими непосредственными сюзеренами, чем с командующими королевской армией, — это, очевидно, означало вращаться в порочном кругу и не сдвинуться с места. С начала XIV века короли стремятся поэтому освободиться от этого феодального войска, создать собственное войско. С этого времени мы в королевских армиях встречаем постоянно увеличивающуюся часть, состоящую из навербованных или нанятых войск. Сначала — это по большей части пехота, состоявшая из городских подонков и беглых крепостных: ломбардцев, генуэзцев, немцев, бельгийцев и т. д.; их использовали в качестве гарнизонов городов и для ведения осады; в открытом бою они вначале были мало пригодны. Но уже к концу средних веков мы встречаем также рыцарей, которые, вместе со своими, неизвестно каким путем набранными дружинами, поступали на службу к иностранным государям, что было признаком окончательного крушения феодальной военной системы.

Одновременно в лице горожан и свободных крестьян, там, где последние еще имелись или стали вновь появляться, создавалось основное условие для образования способной вести войну пехоты. До тех пор рыцари вместе со своими конными дружинниками составляли не столько ядро войска, сколько самое войско; толпы крепостных пеших ратников, сопровождавших их в походе, в счет не шли; на поле битвы они находились, казалось, только для того, чтобы обращаться в бегство или грабить. Пока продолжался период расцвета феодализма, до конца XIII века, кавалерия вела все сражения и решала их исход. С этого момента дело меняется и притом в различных местах одновременно. Постепенное исчезновение крепостничества в Англии создало многочисленный класс свободных крестьян, землевладельцев (йоменов) или арендаторов — сырой материал для новой пехоты, умевшей владеть луком, английским национальным оружием того времени. Появление этих стрелков из лука, которые сражались всегда пешими, независимо от того, пользовались

ли они во время переходов лошадьми или нет, послужило толчком к существенному изменению в тактике английского войска. Начиная с XIV века, английское рыцарство предпочитало сражаться в пешем строю там, где местность и прочие условия это допускали. Позади стрелков из лука, которые начинают сражение и вносят расстройство в ряды врага, замкнутая фаланга спешившихся рыцарей выжидает вражеской атаки или подходящего момента для того, чтобы самой обрушиться на врага, тогда как только часть рыцарей остается на конях, чтобы фланговыми атаками оказывать поддержку в решающий момент. Непрерывные победы англичан во Франции[448] в то время в значительной степени были обусловлены как раз тем, что в войске восстановлен был элемент обороны. Сражения эти по большей части были оборонительными, сочетавшимися с наступательным контрударом, подобно сражениям Веллингтона в Испании и Бельгии. С того времени как французы усвоили новую тактику, — по-видимому, с тех пор как наемные итальянские арбалетчики стали у них играть роль английских стрелков из лука, — победам англичан был положен конец.

Точно так же в начале XIV века пехота фландрских городов отваживалась — и часто с успехом — выступать против французского рыцарства в открытом бою, а император Альбрехт своей попыткой предательски отдать вольных имперских крестьян Швейцарии в руки эрцгерцога австрийского, которым он сам же был, впервые дал толчок к созданию современной пехоты, завоевавшей себе славу во всей Европе[449]. В результате тех побед, которые одержали швейцарцы над австрийцами и в особенности над бургундцами, пехота нанесла окончательное поражение закованным в латы рыцарям, конным или спешенным, только что возникшее современное войско разбило наголову феодальное войско, горожанин и свободный крестьянин победили рыцаря. И швейцарцы, для того чтобы с самого начала подтвердить буржуазный характер своей республики, первой независимой республики в Европе, сейчас же *обратили в деньги* свою военную славу. Все политические соображения исчезли; кантоны превратились в конторы по вербовке наемников для поступления на службу к тому, кто больше платит. Треск барабанов вербовщиков раздавался и в других местах, особенно в Германии, но цинизм швейцарского правительства, которое существовало как бы только для торговли своими подданными, не имел себе равного до тех пор, пока во времена глубочайшего национального унижения Германии его не превзошли немецкие князья.

Далее, в том же XIV веке, арабы через Испанию ввели в Европе употребление пороха и артиллерии. До конца средних веков ручное огнестрельное оружие не имело большого значения, что понятно, так как лук английского стрелка при Креси стрелял так же далеко, как и гладкоствольное ружье пехотинца при Ватерлоо, а может быть, даже более метко, хотя и не с одинаковой силой действия[450]. Полевые орудия также находились еще в своем младенческом состоянии; напротив, тяжелые пушки уже много раз пробивали бреши в ничем не прикрытых каменных стенах рыцарских замков и возвестили феодальному дворянству, что с появлением пороха пришел конец его царству.

Распространение книгопечатания, возродившийся интерес к изучению античной литературы, все культурное движение, которое с 1450 г. становится все более сильным, все более всеобщим, — все это послужило на пользу бюргерству и королевской власти в борьбе против феодализма.

Совместное действие всех этих причин, которое усиливалось из года в год вследствие их возрастающего взаимного влияния друг на друга, все более ускорявшего развитие в одном и том же направлении, обеспечило во второй половине XV века победу над феодализмом, хотя еще и не бюргерства, но королевской власти. Повсюду в Европе, вплоть до отдаленных окраин, которые не прошли еще до конца через феодальный строй, повсюду королевская власть восторжествовала одновременно. На Пиренейском полуострове два тамошних народа, принадлежащих к романской языковой группе, объединились в королевство Испанское, и говоривший по-провансальски Арагон подчинился кастильскому литературному языку[451]; третий народ объединил область (за исключением Галисии), в которой был распространен его язык, в королевство Португальское, в иберийскую Голландию; оно отделилось от остальной части страны и своей деятельностью на море доказало свое право на отдельное существование.

Во Франции Людовику XI после падения бургундского промежуточного государства[452] удалось, наконец, на тогда еще очень урезанной французской территории, настолько восстановить национальное единство, представителем которого была королевская власть, что уже его преемник* был в состоянии вмешаться в итальянские смуты[453], и единство это всего лишь однажды, вследствие реформации, на непродолжительное время было поставлено под вопрос[454].

* — Карл VIII. *Ред.*

Англия прекратила, наконец, свои донкихотские завоевательные войны во Франции, в которых она, если бы они продолжались дольше, истекла бы кровью; феодальное дворянство попыталось вознаградить себя войнами Роз[455] и получило больше, чем искало: оно было истреблено в междоусобной борьбе, и на трон была возведена династия Тюдоров, которая могуществом своей власти превзошла и всех своих предшественников и всех своих преемников. Скандинавские страны были объединены уже давно. Польша, королевская власть которой еще не ослабела, со времени своего объединения с Литвой[456] шла навстречу периоду своего блеска, и даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III. Во всей Европе оставались еще только две страны, в которых не было ни королевской власти, ни немыслимого тогда без нее национального единства, или они существовали только на бумаге: этими странами были Италия и Германия.

Написано в конце 1884 г.

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Пролетарская революция» № 6, 1936 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

К «КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ» [457]

Реформация — лютеранская и кальвинистская — это буржуазная революция № 1 с Крестьянской войной в качестве критического эпизода. Разложение феодализма, а также развитие городов; оба процесса вызывали децентрализацию, отсюда возникла прямая необходимость в абсолютной монархии как в силе, скрепляющей национальности. Она *должна была* быть абсолютной именно вследствие центробежного характера всех элементов. Но ее абсолютистский характер нужно понимать не в вульгарном смысле; [она развивалась][*] в постоянной борьбе то с сословным представительством, то с мятежными феодалами и городами; сословия нигде не были ею упразднены; таким образом, ее следует обозначать скорее как *сословную* монархию (все еще феодальную, но разлагающуюся феодальную и в зародыше буржуазную).

Революция № 1, — которая была более европейской, чем английская, и стала европейской гораздо быстрее, чем французская, — победила в Швейцарии, Голландии, Шотландии, Англии, а также в известной мере в Швеции, уже при Густаве Ваза, и в Дании — здесь, в ортодоксально-абсолютистской форме, только в 1660 году.

I[**]. Причины в Германии. История Германии от начала. После героических времен переселения народов Германии

[*] Пояснительные слова в квадратных скобках принадлежат редакции. *Ред.*

[**] Текст, обозначенный Энгельсом римской цифрой I, расположен в рукописи после текста, обозначенного цифрой II. *Ред.*

пришел конец. Только от Франции исходило ее восстановление, осуществленное Карлом Великим. Вместе с этим — идея римской империи. Вновь вызвана к жизни Оттоном. Она — в большей мере не немецкая, чем немецкая. Разорение Германии при Гогенштауфенах в результате этой политики — грабежа итальянских городов. Вследствие этого усиливается раздробленность — excepto casu revolutionis*. Развитие Германии в период от «междуцарствия»[458] до XV века. Расцвет городов. Упадок никогда не достигавшей в Германии полного развития феодальной системы под гнетом князей (император в качестве владетельного князя — *противник* имперских рыцарей, но как император — их *сторонник).* Постепенное освобождение крестьян, вплоть до начала обратного процесса в XV веке. В экономическом отношении Германия вполне на уровне современных ей стран. — Решающим явилось то, что в Германии, раздробленной на провинции и *избавленной на длительный срок от вторжений,* не ощущалось вследствие этого такой сильной потребности в национальном единстве, как во Франции (Столетняя война), в Испании, которая только что была отвоевана у мавров, в России, недавно изгнавшей татар, в Англии (война Роз); решающим было также и то, что императоры как раз в это время были в таком жалком положении.

II. [Начать] с Возрождения в том виде, какой оно приняло в Европе на основе всеобщего упадка феодализма и расцвета городов. Потом абсолютные национальные монархии — повсюду, за исключением Германии и Италии.

III. Характер Реформации как единственно возможного *популярного* выражения общих стремлений и т. д.

Написано в конце 1884 г.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. X, 1948 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — не говоря уже о случаях мятежей. *Ред.*

РОЛЬ НАСИЛИЯ В ИСТОРИИ [459]

*Написано в конце декабря 1887 —
марте 1888 г.*

*Впервые опубликовано в журнале
«Die Neue Zeit», Bd. I, №№ 22-26,
1895—1896 г.*

*Печатается по рукописи (в той части,
где рукопись не сохранилась, —
по тексту журнала)*

Перевод с немецкого

Применим теперь нашу теорию к современной немецкой истории и к ее насильственной практике крови и железа. Мы ясно увидим из этого, почему политика крови и железа должна была временно иметь успех и почему она в конце концов должна потерпеть крушение.

Венский конгресс в 1815 г. так поделил и распродал Европу, что весь мир убедился в полной неспособности монархов и государственных мужей. Всеобщая война народов против Наполеона была ответной реакцией национального чувства, которое Наполеон попирал ногами у всех народов. В благодарность за это государи и дипломаты Венского конгресса еще более грубо попрали это национальное чувство. Самая маленькая династия имела большее значение, чем самый большой народ. Германия и Италия были снова раздроблены на мелкие государства. Польша была в четвертый раз разделена, Венгрия осталась порабощенной. И нельзя даже сказать, что с народами поступили несправедливо: почему они это допустили и зачем приветствовали русского царя* как своего освободителя?

Но так долго продолжаться не могло. С конца средних веков история ведет к образованию в Европе крупных национальных государств. Только такие государства и представляют нормальную политическую организацию господствующей европейской буржуазии и являются вместе с тем необходимой предпосылкой для установления гармонического интернационального

* — Александра I. *Ред.*

сотрудничества народов, без которого невозможно господство пролетариата. Чтобы обеспечить международный мир, надлежит прежде всего устранить все, какие только возможно, национальные трения, каждый народ должен обладать независимостью и быть хозяином в своем собственном доме. И действительно, с развитием торговли, земледелия, промышленности, а вместе с тем и социального могущества буржуазии, начинался повсюду подъем национального чувства, а раздробленные и угнетенные нации требовали объединения и самостоятельности.

Революция 1848 г. везде, кроме Франции, была направлена поэтому на удовлетворение национальных требований наряду с требованиями свободы. Но позади буржуазии, которая в результате первого штурма оказалась победительницей, везде уже поднималась грозная фигура пролетариата, руками которого фактически была одержана победа, и это толкнуло буржуазию в объятия только что побежденного врага, в объятия монархической, бюрократической, полуфеодальной и военной реакции, от которой революция и потерпела поражение в 1849 году. В Венгрию, где обстоятельства сложились иначе, вступили русские и подавили революцию. Не довольствуясь этим» русский царь приехал в Варшаву и стал вершить там суд в качестве арбитра Европы. Он назначил свою послушную креатуру, Кристиана Глюксбургского, наследником датского престола. Он так унизил Пруссию, как она еще никогда не бывала унижена, запретив ей даже самые робкие поползновения к использованию в своих интересах стремлений немцев к единству, заставив ее восстановить Союзный сейм и подчиниться Австрии[460]. Весь итог революции свелся, таким образом, на первый взгляд к тому, что в Австрии и Пруссии установился конституционный по форме, но старый по духу образ правления и что русский царь стал властелином Европы в большей мере, чем когда-либо раньше.

В действительности, однако, революция могучим ударом выбила буржуазию из старой традиционной рутины даже в раздробленных странах, особенно в Германии. Буржуазия получила известную, хотя и скромную долю политической власти, а каждый свой политический успех она использует для промышленного подъема. «Безумный год»[461], благополучно оставшийся позади, наглядно доказал буржуазии, что старой спячке и апатии должен быть раз и навсегда положен конец. Вследствие калифорнийского и австралийского золотого дождя и других обстоятельств наступило небывалое расширение мировых торговых связей и невиданное оживление в делах — следовало только не упускать случая и обеспечить себе свою

долю. Крупная промышленность, основы которой были заложены с 1830 и особенно с 1840 г. на Рейне, в Саксонии, в Силезии, в Берлине и в отдельных городах Юга, стала теперь быстро развиваться и расширяться; домашняя промышленность сельских округов получала все большее распространение, шло ускоренными темпами железнодорожное строительство, а возросшая при этом до огромных размеров эмиграция создала германское трансатлантическое пароходство, не нуждавшееся ни в каких субсидиях. Немецкие купцы стали в больших, чем когда-либо ранее, масштабах обосновываться на всех заморских рынках, начали играть все большую роль в мировой торговле и постепенно обслуживать сбыт не только английских, по и немецких промышленных изделий.

Но для этого могучего подъема промышленности и связанной с ней торговли раздробленность Германии на мелкие государства, с их самыми разнообразными торгово-промышленными законодательствами, должна была скоро превратиться в невыносимые оковы. Через каждые несколько миль иное вексельное право, иные условия для промышленной деятельности, повсюду каждый раз особые придирки, бюрократические и фискальные рогатки, а часто еще и цеховые барьеры, против которых не помогали даже официальные патенты! А к тому же еще многочисленные различные законодательства о правах местных уроженцев[462] и ограничения в выдаче видов на жительство, лишавшие капиталистов возможности перебрасывать находящуюся в их распоряжении рабочую силу в достаточном количестве туда, где наличие руды, угля, водной энергии и других благоприятных естественных условий само побуждало основывать промышленные предприятия! Возможность беспрепятственной массовой эксплуатации отечественной рабочей силы была первым условием промышленного развития, но повсюду, куда патриотический фабрикант стягивал рабочих со всех концов, полиция и попечительство о бедных противились водворению пришельцев. Единое общегерманское гражданство и полная свобода передвижения для всех граждан страны, единое торгово-промышленное законодательство были теперь уже не патриотическими фантазиями экзальтированных студентов, а необходимым условием существования промышленности.

К тому же в каждом, в том числе и карликовом, государстве были разные деньги, разные системы мер и весов, часто даже по две и по три системы в одном государстве. И из всех этих бесчисленных разновидностей монет, мер и весов ни одна не была признана на мировом рынке. Неудивительно поэтому, что купцам и фабрикантам, имевшим дело с мировым рынком

или вынужденным конкурировать с импортными товарами, приходилось наряду с большим числом своих монет, мер и весов пользоваться еще и иностранными; что хлопчатобумажная пряжа развешивалась на английские фунты, шелковые материи отмеривались на метры, счета для заграницы составлялись в фунтах стерлингов, долларах и франках! И как же могли возникнуть крупные кредитные учреждения на основе валютных систем с таким ограниченным распространением? Здесь — банкноты в гульденах, там — в прусских талерах, рядом золотой талер, талер «новые две трети», банковская марка, марка, находящаяся в обращении, двадцатигульденовая монетная система, двадцатичетырехгульденовая монетная система, — и все это при бесконечных перерасчетах и колебаниях курса[463].

Если даже и удавалось в конце концов все это преодолеть, то сколько тратилось при всех этих трениях усилий, сколько терялось денег и времени! Между тем, и в Германии начали, наконец, понимать, что в наши дни время — деньги.

Молодая германская промышленность должна была показать себя на мировом рынке: вырасти она могла только на экспорте. Но для этого она должна была пользоваться на чужбине защитой международного права. Английский, французский, американский купец мог за границей позволить себе даже больше, чем дома. За него вступалось его посольство, а в случае необходимости и несколько военных кораблей. А немец? Австриец мог еще до известной степени рассчитывать на свое посольство на Ближнем Востоке — в других местах оно ему не очень-то помогало. Когда же прусский купец обращался на чужбине к своему послу с жалобой на причиненную обиду, то почти всегда получал ответ: «Так вам и надо! Чего вы здесь ищете? Сидели бы спокойно дома!» А подданный какого-нибудь мелкого государства и вовсе был повсюду совершенно бесправен. Куда бы ни приезжали немецкие купцы, они везде прибегали к иностранному покровительству — французскому, английскому, американскому — или должны были поскорее натурализоваться на новой родине*. Впрочем, даже если бы их послы и пожелали вступиться за них, какой был бы от этого толк? С самими-то немецкими послами в заморских странах обходились, как с чистильщиками сапог.

Отсюда видно, что стремление к единому «отечеству» имело весьма материальную подоплеку. Это уже не были туманные порывы членов буршеншафтов на вартбургском празднестве[464], когда «отвагой души немцев пламенели» и когда, как поется

* Пометка Энгельса на полях карандашом: «Веерт». *Ред.*

на французский мотив, «стремился юноша в кипучий бой, чтоб голову сложить за край родной»*, за восстановление романтического величия средневековой империи, — а на склоне лет сей пламенный юноша превращался в самого обычного ханжу, в преданного абсолютизму холопа своего государя. Это не был также уже гораздо более земной призыв к единству, провозглашенный адвокатами и прочими буржуазными идеологами гамбахского празднества[465], которые воображали, что любят свободу и единство ради них самих, и не видели, что превращение Германии в кантональную республику по швейцарскому образцу, к чему сводились идеалы наиболее трезвых из них, так же невозможно, как и гогенштауфенская империя[466] вышеупомянутых студентов. Нет, это было выросшее из непосредственных деловых потребностей стремление практического купца и промышленника вымести весь исторически унаследованный хлам мелких государств, стоявший на пути свободного развития торговли и промышленности, устранить все излишние помехи, которые немецкому коммерсанту приходилось преодолевать у себя дома, если он хотел выступить на мировом рынке, и от которых были избавлены все его конкуренты. Германское единство сделалось экономической необходимостью. И люди, которые его теперь требовали, знали, чего они хотят. Они воспитывались на торговле и для торговли, умели торговать и сторговываться. Они знали, что нужно побольше запрашивать, но и с готовностью идти на уступки. Они распевали об «отечестве немца» вместе со Штирией, Тиролем и «Австрийской державой, богатой победами и славой»**, а также:

«От Мааса и до Мемеля,
От Эча и до Бельта самого
Германия всего превыше,
На свете выше ты всего»***.

Но за уплату наличными они готовы были уступить изрядную долю — процентов 25—30 — того самого отечества, которое должно было становиться все шире[467]. План объединения был у них готов и мог быть немедленно осуществлен.

Но единство Германии было не только германским вопросом. Со времени Тридцатилетней войны уже ни одно общегерманское дело не решалось без весьма ощутимого иностранного вмешательства****. Фридрих II завоевал в 1740 г. Силезию

* Обе цитаты взяты из стихотворения Н. Хинкеля «Песнь Союза». *Ред.*
** Из стихотворения Э. М. Арндта «Отечество немца». *Ред.*
*** Из «Песни немцев» Гофмана фон Фаллерслебена. *Ред.*
**** Пометка Энгельса на полях карандашом: «Вестфальский и Тешенский мир»[468]. *Ред.*

с помощью французов[469]. Реорганизация Священной римской империи в 1803 г., проведенная по решению имперской депутации, была буквально продиктована Францией и Россией[470]. Затем Наполеон установил в Германии такие порядки, которые отвечали его интересам. И, наконец, на Венском конгрессе* под влиянием прежде всего России, а также Англии и Франции, она была снова раздроблена на тридцать шесть государств, включавших в себя двести с лишним обособленных больших и малых клочков земли, причем немецкие монархи, совсем как на Регенсбургском имперском сейме 1802—1803 гг.[471], добросовестно помогали этому и еще более усилили раздробленность страны. Вдобавок, отдельные куски Германии были отданы иноземным государям. Германия оказалась, таким образом, не только бессильной и беспомощной, раздираемой внутренними распрями, обреченной на жалкое прозябание в политическом, военном и даже промышленном отношении, но, что еще гораздо хуже, Франция и Россия в силу укоренившегося обычая приобрели право на расчленение Германии, точно так же как Франция и Австрия присвоили себе право следить за тем, чтобы Италия оставалась раздробленной. Этим мнимым правом и воспользовался царь Николай в 1850 г., когда, бесцеремоннейшим образом воспрепятствовав всякому самовольному изменению конституции, заставил восстановить Союзный сейм, этот символ бессилия Германии.

Итак, единство Германии приходилось завоевывать не только в борьбе против германских монархов и других внутренних врагов, но и против заграницы. Или же — с помощью заграницы. Каково же было тогда положение за пределами Германии?

Во Франции Луи Бонапарт использовал борьбу между буржуазией и рабочим классом, чтобы с помощью крестьян подняться на президентское кресло, а затем с помощью армии — на императорский престол. Однако новый, возведенный на престол армией император Наполеон в границах Франции 1815 г. — это была мертворожденная затея. Воскресшая наполеоновская империя означала расширение Франции до Рейна, осуществление традиционной мечты французского шовинизма. Но на первых порах захват Рейна был не по силам Луи Бонапарту: всякая попытка в этом направлении привела бы к образованию европейской коалиции против Франции. Между тем, представился удобный случай поднять престиж Франции

* В рукописи над этой строчкой рукой Энгельса написано: «Германия — Польша». *Ред.*

и покрыть армию новыми лаврами, предприняв с одобрения почти всей Европы войну против России, которая использовала революционный период в Западной Европе для того, чтобы втихомолку оккупировать Дунайские княжества и подготовить новую завоевательную войну против Турции. Англия заключила союз с Францией, Австрия доброжелательно относилась к обеим, и только героическая Пруссия продолжала целовать русскую розгу, которой ее еще вчера секли, и сохраняла дружественный России нейтралитет. Но ни Англия, ни Франция не хотели серьезной победы над противником, и война закончилась поэтому лишь незначительным унижением России и образованием русско-французского союза против Австрии*.

Крымская война сделала Францию руководящей европейской державой, а авантюриста Луи-Наполеона — героем дня, для чего, правда, не слишком много требовалось. Но Крымская война не принесла Франции увеличения территории и была поэтому чревата новой войной, в которой Луи-Наполеону предстояло осуществить свое истинное призвание — стать «приумножателем земель империи»**. Эта новая война уже

* Крымская война была единственной в своем роде колоссальной комедией ошибок, в которой перед каждой новой сценой спрашиваешь себя: кто же на этот раз будет обманут? Но эта комедия стоила несметных затрат и более миллиона человеческих жизней. Едва началась война, как Австрия вступила в Дунайские княжества; русские отступили перед австрийцами, и, таким образом, пока Австрия оставалась нейтральной, война с Турцией на сухопутной русской границе сделалась невозможной. Однако привлечь к войне на этой границе Австрию в качестве союзника было бы возможно только в том случае, если бы война велась серьезно, с целью восстановить Польшу и надолго отодвинуть назад западную границу России. Тогда вынуждена была бы примкнуть и Пруссия, через которую Россия еще получала все свои импортные товары; Россия оказалась бы блокированной и с суши, и с моря и скоро была бы побеждена. Но это не входило в расчеты союзников. Они были, наоборот, довольны тем, что миновала всякая опасность серьезной войны. Пальмерстон предложил перенести театр военных действий в Крым, чего желала сама Россия, и Луи-Наполеон очень охотно пошел на это. Война в Крыму могла остаться лишь показной, и в таком случае все главные участники были бы удовлетворены. Но император Николай вбил себе в голову мысль о необходимости вести там войну серьезную, забыв при атом, что если это место было наиболее благоприятным для показной войны, то для серьезной воины оно было самым неблагоприятным. То, что составляет силу России при обороне — огромная протяженность ее редко населенной, бездорожной и бедной вспомогательными ресурсами территории, — при всякой наступательной войне России обращается против нее самой и нигде это не проявляется в большей степени, чем именно в направлении Крыма. Южнорусские степи, которые должны были стать могилой вторгшегося неприятеля, стали могилой русских армий, которые Николай с жестокой и тупой беспощадностью гнал одну за другой в Севастополь вплоть до середины зимы. И когда последняя, наспех собранная, кое-как снаряженная и нищенски снабжаемая продовольствием армия потеряла в пути около двух третей своего состава (в метелях гибли целые батальоны), а остатки ее оказались не в силах прогнать неприятеля с русской земли, тогда надменный пустоголовый Николай жалким образом пал духом и отравился. С этого момента война опять превратилась в показную и вскоре закончилась миром.

** Энгельс употребляет здесь выражение «Mehrer des Reiches», являвшееся частью титула императоров Священной римской империи в средние века. *Ред.*

была подготовлена во время первой тем, что Сардинии разрешено было примкнуть к союзу западных держав в качестве сателлита императорской Франции и специально в качестве ее форпоста против Австрии; война была, далее, подготовлена при заключении мира соглашением Луи-Наполеона с Россией[472], которой больше всего хотелось наказать Австрию.

Луи-Наполеон стал теперь кумиром европейской буржуазии. Не только за совершенное им 2 декабря 1851 г. «спасение общества», которым он, правда, уничтожил политическое господство буржуазии, но лишь для того, чтобы спасти ее социальное господство; не только потому, что он показал, как всеобщее избирательное право можно при подходящих условиях превратить в орудие угнетения масс; не только потому, что в его правление торговля и промышленность, а особенно спекуляция и биржевые махинации достигли небывалого расцвета. А прежде всего потому, что буржуазия признала в нем первого «великого государственного мужа», который был плотью от ее плоти, костью от ее кости. Он был выскочкой, как и всякий настоящий буржуа. «Прошедший сквозь огонь и воду» заговорщик-карбонарий в Италии, артиллерийский офицер в Швейцарии, обремененный долгами знатный бродяга и специальный констебль в Англии[473], но всегда и везде претендент на престол, — он своим авантюристским прошлым и тем, что морально скомпрометировал свое имя во всех странах, подготовил себя к роли императора французов и вершителя судеб Европы, подобно тому как классический образец буржуа — американец — рядом подлинных и фиктивных банкротств готовит себя в миллионеры. Став императором, он не только подчинил политику интересам капиталистической наживы и биржевых махинаций, по и в самой политике всецело придерживался правил фондовой биржи и спекулировал на «принципе национальностей»[474]. Раздробленность Германии и Италии была для прежней французской политики неотчуждаемым сеньориальным правом Франции; Луи-Наполеон тотчас же приступил к розничной распродаже этого сеньориального права за так называемые компенсации. Он готов был помочь Италии и Германии избавиться от раздробленности при условии, что Германия и Италия за каждый свой шаг к национальному объединению заплатят ему территориальными уступками. Это не только давало удовлетворение французскому шовинизму и приводило к постепенному расширению империи до границ 1801 г.[475], но и снова ставило Францию в исключительное положение просвещенной державы, освободительницы народов, а Луи-Наполеона — в положение защитника угнетенных национальностей. И вся

просвещенная, воодушевленная национальной идеей буржуазия, — поскольку она была живо заинтересована в устранении с мирового рынка всех препятствий для торговли, — единодушно приветствовала эту просвещенную деятельность, несущую освобождение всему миру.

Начало было положено в Италии*. Здесь с 1849 г. неограниченно властвовала Австрия, а Австрия была в то время козлом отпущения для всей Европы. Жалкие результаты Крымской войны приписывались не нерешительности западных держав, желавших только показной войны, а колеблющейся позиции Австрии, позиции, в которой, однако, никто не был более виновен, чем сами западные державы. Россия же была так оскорблена продвижением австрийцев к Пруту — благодарность за русскую помощь в Венгрии в 1849 г. (хотя именно это продвижение и спасло ее), — что была рада всякому нападению на Австрию. Пруссию не принимали больше в расчет и уже на Парижском мирном конгрессе ее третировали en canaille**. Итак, война за освобождение Италии «до Адриатики», затеянная при содействии России, была начата весной 1859 г. и уже летом закончена на Минчо. Австрия не была выброшена из Италии, Италия не стала «свободной до Адриатики» и не была объединена, Сардиния увеличила свою территорию, но Франция приобрела Савойю и Ниццу и тем самым достигла своих границ с Италией 1801 года[476].

Но это не удовлетворило итальянцев. В Италии тогда еще господствовало чисто мануфактурное производство, крупная промышленность была в пеленках. Рабочий класс был далеко не полностью экспроприирован и пролетаризирован; в городах он владел еще собственными орудиями производства, в деревне промышленный труд был побочным промыслом мелких крестьян-собственников или арендаторов. Поэтому энергия буржуазии еще не была подорвана существованием противоположности между нею и современным, осознавшим свои классовые интересы пролетариатом. А так как раздробленность Италии сохранялась только в результате иноземного австрийского владычества, под покровительством которого злоупотребления монархических правительств дошли до крайнего предела, то и крупное землевладельческое дворянство и городские народные массы стояли на стороне буржуазии как передового борца за национальную независимость. Но иноземное владычество в 1859 г. было сброшено повсюду, кроме Венеции; дальнейшему

* Пометка Энгельса на полях карандашом: «Орсини». *Ред.*
** — без всякого стеснения. *Ред.*

вмешательству Австрии в итальянские дела был положен конец Францией и Россией, — никто этого больше не боялся. А в лице Гарибальди Италия имела героя античного склада, способного творить и действительно творившего чудеса. С тысячей волонтеров он опрокинул все Неаполитанское королевство, фактически объединил Италию, разорвал искусную сеть бонапартовой политики. Италия была свободна и по существу объединена, — но не происками Луи-Наполеона, а революцией.

Со времени Итальянской войны внешняя политика Второй империи уже ни для кого не была тайной. Победители великого Наполеона должны были понести кару, но l'un après l'autre — один после другого. Россия и Австрия уже получили свою долю, на очереди стояла теперь Пруссия. А Пруссию презирали теперь больше, чем когда-либо раньше; ее политика во время Итальянской войны была трусливой и жалкой, совсем как во время Базельского мира 1795 года[477]. «Политика свободных рук»[478] довела Пруссию до того, что она оказалась совершенно изолированной в Европе, что все ее большие и малые соседи только радовались, предвкушая, как она будет разбита наголову, и что руки у нее оказались свободными только для того, чтобы уступить Франции левый берег Рейна.

Действительно, в первые годы после 1859 г. повсюду, и в первую очередь на самом Рейне, было распространено убеждение в том, что левый берег Рейна безвозвратно перейдет к Франции. Правда, перехода этого не очень-то желали, но его считали неотвратимым, как рок, и, откровенно говоря, не особенно боялись. У крестьян и городских мелких буржуа воскресали старые воспоминания о временах французского владычества, которое действительно принесло им свободу; а в рядах буржуазии финансовая аристократия, особенно кёльнская, была уже сильно запутана в мошеннических операциях парижского «Crédit Mobilier»[479] и других дутых бонапартистских компаний и громко требовала аннексии[*].

Однако потеря левого берега Рейна означала бы ослабление не только Пруссии, но и Германии. А Германия была расколота в еще большей мере, чем когда-либо. Отчужденность между Австрией и Пруссией достигла крайней степени из-за нейтралитета Пруссии во время Итальянской войны; мелко-княжеское отребье боязливо и вместе с тем с вожделением посматривало на Луи-Наполеона как на будущего покровителя

[*] Что таково было тогда всеобщее настроение на Рейне, в этом Марксу и мне не раз приходилось убеждаться на месте. Левобережные рейнские промышленники спрашивали меня, между прочим, как отразится на их предприятиях переход к французскому таможенному тарифу.

возобновленного Рейнского союза[480], — таково было положение официальной Германии. И это в такой момент, когда только объединенные силы всей нации в состоянии были предотвратить опасность раздробления.

Но как объединить силы всей нации? Три пути оставались возможными после того, как попытки 1848 г., почти все без исключения носившие туманный характер, потерпели неудачу, и в силу именно этой неудачи туман несколько рассеялся.

Первый путь был путем подлинного объединения, посредством уничтожения всех отдельных государств, то. есть это был открыто революционный путь. Такой путь только что привел к цели в Италии; Савойская династия присоединилась к революции и таким образом присвоила себе итальянскую корону. Но на столь смелый шаг наши немецкие савойцы, Гогенцоллерны, и даже их наиболее решительные Кавуры a la Бисмарк были абсолютно неспособны. Все пришлось бы совершить самому народу, — и в войне за левый берег Рейна он, конечно, сумел бы сделать все необходимое. Неизбежное отступление пруссаков за Рейн, длительная осада рейнских крепостей и предательство южногерманских государей, которое затем, без сомнения, последовало бы, — этого было бы достаточно, чтобы вызвать такое национальное движение, перед которым разлетелся бы в прах весь этот династический порядок. И тогда Луи-Наполеон первым вложил бы шпагу в ножны. Вторая империя могла воевать только с реакционными государствами, по отношению к которым она выступала как преемница французской революции, как освободительница народов. Против народа, который сам был охвачен революцией, она была бессильна; к тому же победоносная германская революция могла дать толчок к низвержению всей Французской империи. Это был бы наиболее благоприятный случай; в худшем же случае, если бы владетельные князья оказались во главе движения, левый берег Рейна был бы временно отдан Франции, активное или пассивное предательство монархов было бы разоблачено перед всем миром, и создалось бы критическое положение, из которого для Германии не оставалось бы другого выхода, кроме революции, изгнания всех государей и установления единой германской республики.

При существовавших условиях на этот путь объединения Германия могла бы вступить только в том случае, если бы Луи-Наполеон начал войну за установление границ по Рейну. Но этой войны не произошло — по причинам, о которых будет сказано ниже. А вместе с тем и вопрос о национальном объединении переставал быть неотложным жизненным вопросом,

который следовало разрешить немедленно, под страхом гибели. Нация могла до поры до времени ждать.

Второй путь заключался в объединении под главенством Австрии. Австрия с готовностью сохранила в 1815 г. свое положение государства с компактной, округленной территорией, навязанное ей наполеоновскими войнами. Она не претендовала более на свои прежние отделенные от нее владения в Южной Германии и довольствовалась присоединением старых и новых территорий, которые можно было географически и стратегически связать с уцелевшим еще ядром монархии. Обособление немецкой Австрии от остальной Германии, начатое введением Иосифом II покровительственных пошлин, усиленное полицейским режимом Франца I в Италии и доведенное до крайних пределов ликвидацией Германской империи[481] и образованием Рейнского союза, фактически сохранялось еще в силе и после 1815 года. Меттерних создал между своим государством и Германией настоящую китайскую стену. Таможенные пошлины не пропускали материальной немецкой продукции, цензура — духовной; невероятнейшие паспортные ограничения сводили личные сношения до крайнего минимума. Внутри страна была застрахована от всякого, даже самого слабого, политического движения абсолютистским произволом, единственным в своем роде даже в Германии. Таким образом, Австрия оставалась совершенно чуждой всему буржуазно-либеральному движению Германии. В 1848 г. рухнули, в большей своей части, по крайней мере, духовные преграды между ними; но события этого года и их последствия отнюдь не могли способствовать сближению Австрии с остальной Германией; наоборот, Австрия все более и более кичилась своим положением независимой великой державы. И поэтому, хотя австрийских солдат в союзных крепостях[482] любили, а прусских ненавидели и осмеивали, и хотя на всем преимущественно католическом Юге и Западе Австрия все еще была популярна и пользовалась уважением, никто все-таки серьезно не думал об объединении Германии под австрийским главенством, кроме разве нескольких коронованных правителей из мелких и средних германских государств.

Да иначе и не могло быть. Австрия сама ничего другого не хотела, хотя втихомолку и продолжала лелеять романтические мечты об империи. Австрийская таможенная граница стала с течением времени единственной материальной преградой, уцелевшей внутри Германии, и тем острее она ощущалась. Политика независимой великой державы не имела никакого смысла, если она не означала принесения в жертву интересов

Machtgebiet völlig beibehalten. Seine ehemaligen 15.
abgetretenen Besitzungen in Süddeutschland beanspruchte
es nicht wieder; es begnügte sich mit der Aneignung alter
venetianischen Landstriche, die sich geographisch & strategisch
an den noch übrigen Kern der Monarchie anschließen
ließen. Die durch die Schutzzölle Josephs II eingeleitete,
durch die italienische Polizeiwirthschaft Franz I verschärfte,
durch die Auflösung des deutschen Reichs & den Rheinbund
auf die Spitze getriebene Scheidung Deutsch-Österreichs vom
übrigen Deutschland blieb auch nach 1815 ~~wirklich~~ faktisch
in Kraft. Metternich umgab seinen Staat nach der
deutschen Seite hin mit einer förmlichen chinesischen
Mauer. ~~Deutschland~~ Die Zölle hielten die stofflichen,
die Censur die geistigen Produkte Deutschlands draußen,
~~Paßchikanen~~ die unmenschlichsten Paßchikanen beschränk-
ten den persönlichen Verkehr auf das nothwendigste Minimum.
Im Innern ~~schützte~~ schützte eine selbst in Deutschland einzig
dastehende absolutistische Willkür vor jeder auch der leisesten
politischen Regung. So hatte Österreich der ganzen
bürgerlich-liberalen Bewegung Deutschlands absolut fern gestanden.
Mit 1848 fiel wenigstens die geistige Scheidewand großentheils
hinweg, aber die Ereignisse ~~des~~ jenes Jahres & ihre Folgen
waren wenig geeignet, Österreich dem übrigen Deutschland
näher zu bringen, im Gegentheil, Österreich pochte mehr &
mehr auf seine unabhängige Großmachtstellung. Und so
kam es, daß, obwohl die österreichischen Soldaten der Bundes-
festungen beliebt, die preußischen dagegen verhaßt waren,
obwohl Österreich im ganzen vorwiegend katholischen Süden
& Westen noch immer populärer & angesehener war, dennoch niemand
ernstlich an eine Einigung Deutschlands unter österreichischer
Vorherrschaft dachte, außer etwa ein paar deutsche Klein- &
Mittelstaatsfürsten.

Страница рукописи «Роли насилия в истории»

Германии специфически австрийским, то есть касающимся Италии, Венгрии и т. д. Как до революции, так и после нее Австрия оставалась самым реакционным государством Германии, наиболее неохотно вступавшим на путь современного развития; к тому же она была единственной сохранившейся специфически католической великой державой. Чем больше послемартовское правительство[483] стремилось восстановить старое хозяйничанье попов и иезуитов, тем более невозможной становилась его гегемония над страной, на одну-две трети протестантской. И, наконец, объединение Германии под главенством Австрии было бы возможно только в результате разгрома Пруссии. Но если это последнее событие само по себе и не означало бы несчастья для Германии, то все же разгром Пруссии Австрией был бы не менее гибелен, чем разгром Австрии Пруссией накануне предстоящей победы революции в России (после которой этот разгром сделался бы ненужным, так как тогда Австрия стала бы ненужной и сама должна была бы распасться).

Короче говоря, германское единство под сенью Австрии было романтической мечтой, что и обнаружилось, когда германские мелкие и средние государи собрались во Франкфурте в 1863 г., чтобы провозгласить австрийского Франца-Иосифа германским императором. Король прусский просто не явился, и эта комедия жалким образом провалилась[484].

Оставался третий путь: объединение под прусским верховенством. И этот путь, которым действительно пошла история, возвращает нас из области умозрений на твердую, хотя и довольно грязную почву практической «реальной политики»[485].

Со времен Фридриха II Пруссия видела в Германии, как и в Польше, лишь территорию для завоеваний, территорию, от которой урывают, что возможно, но которой, само собой разумеется, приходится делиться с другими. Раздел Германии при участии иностранных государств и в первую очередь Франции — такова была «германская миссия» Пруссии, начиная с 1740 года. «Je vais, je crois, jouer votre jeu; si les as me viennent, nous partagerons» (я, кажется, сыграю вам на руку; если ко мне придут козыри, мы поделимся) — таковы были прощальные слова Фридриха французскому послу, когда он отправлялся в свой первый военный поход[486]. Верная этой «германской миссии», Пруссия предала Германию в 1795 г. при заключении Базельского мира, заранее согласилась (договор от 5 августа 1796 г.) уступить левый берег Рейна французам за обещание территориальных приращений и действительно получила награду за свое предательство империи по решению имперской депутации, продиктованному Францией

и Россией[487]. В 1805 г. она еще раз совершила предательство, изменив своим союзникам, России и Австрии, едва только Наполеон поманил ее Ганновером — на такую приманку она шла всегда, — но так запуталась в своей собственной глупой хитрости что была втянута в войну с Наполеоном и понесла под Йеной заслуженное наказание[488]. Продолжая находиться под впечатлением этих ударов, Фридрих-Вильгельм III даже после побед 1813 и 1814 гг. хотел отказаться от всех западногерманских форпостов, ограничиться владениями в Северо-Восточной Германии, отойти, подобно Австрии, как можно дальше от германских дел, — что превратило бы всю Западную Германию в новый Рейнский союз под русским или французским протекторатом. План не удался: вопреки воле короля ему были навязаны Вестфалия и Рейнская провинция, а с ними и новая «германская миссия».

С аннексиями теперь временно было покончено, не считая покупок отдельных мелких клочков земли. Внутри страны постепенно снова расцвели старые юнкерско-бюрократические порядки; обещания ввести конституцию, сделанные народу в момент крайнего обострения положения, упорно нарушались. Но при всем том значение буржуазии все больше возрастало и в Пруссии, так как без промышленности и торговли даже надменное прусское государство было теперь нулем. Медленно, упорствуя, гомеопатическими дозами приходилось делать экономические уступки буржуазии. Но, с другой стороны, эти уступки давали Пруссии основание рассчитывать на то, что ее «германская миссия» будет поддержана, когда она в целях устранения чужих таможенных границ между обеими своими половинами предложила соседним немецким государствам создать таможенное объединение. Так возник Таможенный союз, который до 1830 г. оставался лишь благим пожеланием (в него вошел тогда только Гессен-Дармштадт), но в дальнейшем, по мере некоторого ускорения политического и экономического развития, экономически присоединил к Пруссии большую часть внутренних областей Германии[489]. Непрусские приморские земли оставались еще вне Союза и после 1848 года.

Таможенный союз был крупным успехом Пруссии. То, что он означал победу над австрийским влиянием, было еще далеко не самым важным. Главное заключалось в том, что он привлек на сторону Пруссии всю буржуазию средних и мелких германских государств. За исключением Саксонии ни в одном германском государстве промышленность не достигла хотя бы приблизительно такого уровня развития, как в Пруссии; и это было следствием не только естественных и исторических предпо-

сылок, но и большего размера таможенной территории и внутреннего рынка. И чем больше расширялся Таможенный союз, втягивая мелкие государства в этот внутренний рынок, тем больше поднимавшаяся буржуазия этих государств привыкала смотреть на Пруссию как на свой экономический, а в будущем и политический форпост. Но что задумают буржуа, то скажут профессора. Если в Берлине гегельянцы философски обосновывали призвание Пруссии стать во главе Германии, то в Гейдельберге то же самое доказывали с помощью исторических ссылок ученики Шлоссера, в особенности Гейсер и Гервинус. При этом, конечно, предполагалось, что Пруссия изменит всю свою политическую систему, что она выполнит требования идеологов буржуазии[*].

Все это делалось, впрочем, не из какой-либо особой симпатии к прусскому государству, как, например, было у итальянских буржуа, которые признали ведущую роль Пьемонта, после того как он открыто стал во главе национального и конституционного движения. Нет, это делалось неохотно; буржуа выбирали Пруссию как меньшее зло, потому что Австрия не допускала их на свои рынки и потому что Пруссия, по сравнению с Австрией, все же имела, уже в силу своей скаредности в финансовых делах, до некоторой степени буржуазный характер. Два хороших института составляли преимущество Пруссии перед другими крупными государствами: всеобщая воинская повинность и всеобщее обязательное школьное обучение. Она ввела их в период крайней нужды, а в лучшие времена довольствовалась тем, что, осуществляя их кое-как и намеренно искажая, лишила их опасного при известных условиях характера. Но на бумаге они продолжали существовать, и тем самым Пруссия сохраняла возможность развязать в один прекрасный день дремлющую в народных массах потенциальную энергию в таких масштабах, каких при такой же численности населения нельзя было достигнуть нигде в другом месте. Буржуазия приспособилась к обоим этим институтам; от личного отбывания воинской повинности вольноопределяющимся, то есть буржуазным сынкам, можно было около 1840 г. легко и довольно дешево избавиться за взятку, тем более что в самой армии не очень ценили тогда офицеров ландвера[490], набранных из купеческих и промышленных кругов. А наличие

[*] «Rheinische Zeitung» обсуждала в 1842 г. с этой точки зрения вопрос о прусской гегемонии. Гервинус говорил мне уже летом 1843 г. в Остенде: Пруссия должна стать во главе Германии, но для этого необходимы три условия: Пруссия должна дать конституцию, ввести свободу печати и проводить более определенную внешнюю политику.

бесспорно остававшегося еще в Пруссии — благодаря обязательному школьному обучению — довольно значительного числа лиц с известным запасом элементарных знаний было для буржуазии в высшей степени полезно; по мере роста крупной промышленности оно стало даже, в конце концов, недостаточно*. Жалобы на большие расходы по содержанию обоих этих институтов, выражавшиеся в высоких налогах**, раздавались главным образом среди мелкой буржуазии; входившая в силу крупная буржуазия рассчитала, что неприятные, правда, но неизбежные издержки, связанные с будущим положением страны как великой державы, с избытком окупятся возросшими прибылями.

Словом, немецкие буржуа не строили себе никаких иллюзий насчет прусской обходительности. И если с 1840 г. идея прусской гегемонии стала пользоваться среди них влиянием, то лишь по той причине и постольку, поскольку прусская буржуазия благодаря своему более быстрому экономическому развитию становилась экономически и политически во главе немецкой буржуазии и поскольку Роттеки и Велькеры давно уже имевшего конституции Юга стали оттесняться на задний план Кампгаузенами, Ганземанами и Мильде прусского Севера, адвокаты и профессора — купцами и фабрикантами. И в самом деле, среди прусских либералов последних лет перед 1848 г., особенно на Рейне, чувствовались совсем иные революционные веяния, чем среди либералов-кантоналистов Южной Германии[492]. Тогда появились две лучшие со времени XVI века политические народные песни: песня о бургомистре Чехе и песня о баронессе фон Дросте-Фишеринг[493], нечестивым духом которых теперь, на старости лет, возмущаются люди, в 1846 г. весело распевавшие:

И случилось же на грех,
Что наш бургомистр Чех, —
В этакого толстяка
Не попал за два шага!

Но все это очень скоро должно было измениться. Разразилась февральская революция, за ней мартовские дни в Вене и берлинская революция 18 марта. Буржуазия победила без серьезной борьбы; бороться серьезно, когда до этого дело дошло, она вовсе и не хотела. Ибо та самая буржуазия, которая

* Даже во времена «культуркампфа»[491] рейнские фабриканты жаловались мне, что не могут назначать надсмотрщиками превосходных во всех отношениях рабочих из-за отсутствия у них достаточных школьных знаний. Это особенно относилось к католическим местностям.

** Пометка Энгельса на полях: «Средние школы для буржуазии». *Ред.*

еще так недавно кокетничала с тогдашним социализмом и коммунизмом (особенно на Рейне), вдруг заметила теперь, что она вырастила не только отдельных рабочих, но и рабочий *класс,* — хотя и наполовину еще дремавший, но уже постепенно пробуждавшийся, революционный по самой своей природе пролетариат. И этот пролетариат, повсюду завоевавший победу для буржуазии, уже предъявлял — особенно во Франции — требования, несовместимые с существованием всего буржуазного порядка; в Париже 23 июня 1848 г. дело дошло до первой страшной битвы между обоими классами; после четырехдневного боя пролетариат потерпел поражение. С этого момента масса буржуазии во всей Европе перешла на сторону реакции, объединилась с только что свергнутыми ею с помощью рабочих бюрократами-абсолютистами, феодалами и попами против «врагов общества», то есть против тех же рабочих.

В Пруссии это выразилось в том, что буржуазия предала ею же самой избранных представителей и со скрытым или откровенным злорадством наблюдала, как правительство разогнало их в ноябре 1848 года. Юнкерско-бюрократическое министерство, на целых десять лет утвердившееся теперь в Пруссии, вынуждено было, правда, править в конституционных формах, но мстило за это целой системой мелочных, небывалых до сих пор даже в Пруссии придирок и притеснений, от которых больше всех страдала буржуазия[494]. Но последняя смиренно ушла в себя, безропотно принимала градом сыпавшиеся на нее удары и пинки как наказание за свои былые революционные поползновения и постепенно привыкала теперь к мысли, которую впоследствии и высказала: а все-таки мы собаки!

Затем наступил период регентства. Чтобы доказать свою преданность престолу, Мантёйфель окружил наследника[*], нынешнего императора, шпионами совершенно так же, как Путкамер теперь окружает ими редакцию «Sozialdemokrat». Как только наследник сделался регентом, Мантёйфеля, естественно, выставили вон, и началась «новая эра»[495]. Это была только перемена декораций. Принц-регент соизволил разрешить буржуазии опять стать либеральной. Буржуа с удовольствием воспользовались этим разрешением, но вообразили, что они теперь господа положения, что прусское государство должно плясать под их дудку. Но это совсем не входило в планы «авторитетных кругов», выражаясь языком рептильной прессы. Реорганизация армии должна была быть той ценой, которой либеральным буржуа надлежало оплатить «новую эру».

[*] — принца Вильгельма, впоследствии императора Вильгельма I. *Ред.*

Правительство при этом требовало только фактического проведения в жизнь всеобщей воинской повинности в тех размерах, в каких она осуществлялась около 1816 года. С точки зрения либеральной оппозиции против этого нельзя было привести решительно ни одного возражения, которое не находилось бы в вопиющем противоречии с ее же собственными фразами о престиже и германской миссии Пруссии. Но либеральная оппозиция поставила как условие своего согласия законодательное ограничение срока военной службы двумя годами. Само по себе это было вполне рационально; вопрос был только в том, можно ли этого добиться, готова ли либеральная буржуазия страны отстаивать это условие до конца, ценой любых жертв. Правительство твердо настаивало на трех годах военной службы, палата — на двух; разразился конфликт[496]. А вместе с конфликтом в военном вопросе внешняя политика снова приобретала решающее значение также и для внутренней политики.

Мы видели, как Пруссия окончательно лишилась всякого уважения в результате своего поведения во время Крымской и Итальянской войн. Эта жалкая политика отчасти находила себе оправдание в плохом состоянии прусской армии. Так как уже и до 1848 г. без согласия сословий нельзя было вводить новые налоги или заключать займы, а созывать для этого сословных представителей тоже не хотели, то на армию никогда не хватало денег, и от безграничной скаредности она пришла в полный упадок. Укоренившийся при Фридрихе-Вильгельме III дух парадности и шагистики довершил остальное. Какой беспомощной оказалась эта воспитанная на парадах армия в 1848 г., на полях сражений в Дании, можно прочесть у графа Вальдерзее. Мобилизация 1850 г. была полнейшим провалом: не хватало всего, а то, что имелось, большей частью никуда не годилось[497]. Вотированные палатами кредиты, правда, помогли делу; армия была выбита из старой рутины; полевая служба, по крайней мере в большинстве случаев, стала вытеснять парады. Но численность армии оставалась та же, что и около 1820 г., в то время как все другие великие державы, особенно Франция, со стороны которой как раз теперь угрожала опасность, значительно увеличили свои вооруженные силы. Между тем, в Пруссии существовала всеобщая воинская повинность; каждый пруссак был на бумаге солдатом, но при увеличении населения с $10^1/_2$ миллионов (1817 г.) до $17^3/_4$ миллиона (1858 г.) установленный контингент армии не позволял принять на службу и обучить больше одной трети годных к военной службе лиц. Теперь правительство требовало уве-

личения армии, почти в точности соответствовавшего приросту населения с 1817 года. Но те же самые либеральные депутаты, которые беспрестанно требовали от правительства, чтобы оно встало во главе Германии, охраняло престиж Германии по отношению к иностранным государствам, восстановило ее международный авторитет, — эти самые люди теперь скряжничали и торговались и ни за что не хотели дать свое согласие иначе, как на основе двухгодичного срока службы. Были ли они, однако, достаточно сильны, чтобы осуществить свое желание, на котором они так упорно настаивали? Стоял ли за ними народ или хотя бы только буржуазия, готовые к решительным действиям?

Отнюдь нет. Буржуазия приветствовала их словесные бои с Бисмарком, но в действительности она организовала движение, которое, хотя и бессознательно, фактически было направлено против политики большинства прусской палаты. Покушение Дании на конституцию Гольштейна, попытки насильственной данизации Шлезвига приводили в негодование немецкого буржуа[498]. К третированию со стороны великих держав он привык, но пинки со стороны маленькой Дании вызывали у него возмущение. Был основан Национальный союз[499]; его силу составляла как раз буржуазия мелких государств. А Национальный союз, при всем своем либерализме, прежде всего требовал национального объединения под руководством Пруссии, по возможности либеральной Пруссии, в крайнем случае — Пруссии как она есть. Добиться, наконец, того, чтобы было ликвидировано жалкое положение немцев на мировом рынке как людей второго разряда, обуздать Данию и показать зубы великим державам в Шлезвиг-Гольштейне — вот чего прежде всего требовал Национальный союз. При этом требование прусского верховенства было теперь освобождено от всех тех неясностей и иллюзий, которые были еще свойственны ему до 1850 года. Было точно известно, что это требование означает изгнание Австрии из Германии, фактическое уничтожение суверенитета мелких государств и что и то и другое неосуществимо без гражданской войны и раздела Германии. Но гражданской войны больше не боялись, а раздел только подводил итог запретительной таможенной политике Австрии. Немецкая промышленность и торговля настолько развились, сеть немецких торговых фирм, охватывавшая мировой рынок, так расширилась и сделалась настолько густой, что система мелких государств у себя дома и бесправие и беззащитность за границей не могли быть долее терпимы. И в то самое время, когда сильнейшая политическая организация,

какой только немецкая буржуазия когда-либо располагала, фактически выносила берлинским депутатам вотум недоверия, последние продолжали торговаться из-за срока военной службы!

Таково было положение, когда Бисмарк решил активно вмешаться во внешнюю политику.

Бисмарк — это Луи-Наполеон, французский авантюристский претендент на корону, перевоплотившийся в прусского захолустного юнкера и немецкого студента-корпоранта. Как и Луи-Наполеон, Бисмарк — человек большого практического ума и огромной изворотливости, прирожденный и тертый делец, который при других обстоятельствах мог бы потягаться на нью-йоркской бирже с Вандербилтами и Джеями Гулдами; да он и в самом деле весьма недурно устроил свои частные делишки. С таким развитым умом в области практической жизни часто бывает, однако, связана соответствующая ограниченность кругозора, и в этом отношении Бисмарк превосходит своего французского предшественника. Этот последний все же сам в годы своего бродяжничества выработал себе свои «наполеоновские идеи»[500] — правда, они и были по его мерке скроены, — между тем, у Бисмарка, как мы увидим, никогда не было даже намека на какую-нибудь оригинальную политическую идею, он только посвоему комбинировал готовые чужие идеи. Но эта ограниченность и была как раз его счастьем. Без нее он никогда не умудрился бы рассматривать всю мировую историю со специфически прусской точки зрения; и будь в этом его ультрапрусском миросозерцании хоть какаянибудь брешь, сквозь которую проникал бы дневной свет, он запутался бы во всей своей миссии и его славе наступил бы конец. И в самом деле, едва он выполнил на своей манер свою особую, предписанную ему извне миссию, как оказался в тупике; и мы увидим, какие скачки он вынужден был делать вследствие абсолютного отсутствия у него рациональных идей и его неспособности понять им же самим созданную историческую ситуацию.

Если Луи-Наполеона его прошлое приучило не стесняться в выборе средств, то Бисмарка история прусской политики, особенно политики так называемого великого курфюрста[*] и Фридриха II, научила действовать с еще меньшей щепетильностью, причем он мог сохранять облагораживающее сознание того, что остается в этом верен отечественной традиции. Свойственное ему практическое чутье учило его в случае нужды отодвигать на задний план свои юнкерские вожделения; когда

[*] — Фридриха-Вильгельма. *Ред.*

же казалось, что надобность в этом исчезала, они снова резко выступали наружу; это было, конечно, признаком упадка. Его политическим методом был метод корпоранта: до смешного дословное толкование пивных обычаев, при помощи которых в студенческих кабачках принято выпутываться из затруднений, он бесцеремонно применял в палате по отношению к прусской конституции; все новшества, которые он ввел в дипломатию, заимствованы им из обихода корпорантского студенчества. Но если Луи-Наполеон в критические моменты часто колебался, как, например, во время государственного переворота 1851 г., когда Морни пришлось положительно силой заставить его довершить начатое дело, или накануне войны 1870 г., когда своей нерешительностью он испортил свое положение, то с Бисмарком, нужно признать, этого никогда не случалось. Сила воли никогда не покидала его, скорей она выливалась в прямую грубость. И в этом, прежде всего, кроется тайна его успехов. У всех господствующих классов Германии, у юнкеров, как и у буржуа, в такой степени иссякли последние остатки энергии, в «образованной» Германии настолько вошло в обычай не иметь воли, что единственный человек среди них, который действительно еще обладал волей, именно поэтому стал их величайшим человеком и тираном; он властвовал над всеми ими и перед ним они, вопреки рассудку и совести, по их собственному выражению, с готовностью «прыгали через палочку». Во всяком случае, в «необразованной» Германии так далеко дело еще не зашло: рабочий народ показал, что у него есть воля, с которой не справиться даже сильной воле Бисмарка.

Блестящее поприще открывалось перед нашим бранденбургским юнкером, которому нужно было только смело и умно взяться за дело. Разве Луи-Наполеон не потому стал кумиром буржуазии, что разогнал ее парламент, увеличив зато ее барыши? А Бисмарк разве не обладал теми же талантами дельца, которыми так восхищались буржуа в лже-Наполеоне? Разве не тянулся он к своему Блейхрёдеру, как Луи-Наполеон к своему Фульду? Разве в Германии в 1864 г. не было противоречия между буржуазными представителями в палате, желавшими из скупости урезать срок военной службы, и буржуа вне палаты, в Национальном союзе, которые жаждали национальных подвигов во что бы то ни стало — подвигов, для которых нужна армия? Разве не точно такое же противоречие было во Франции в 1851 г. между буржуа в палате депутатов, обуздывавшими власть президента, и буржуа вне палаты, жаждавшими спокойствия и сильного правительства, спокойствия во что бы то ни стало, и разве Луи-Наполеон не разрешил это

противоречие, разогнав парламентских крикунов и обеспечив спокойствие массе буржуазии? Разве положение в Германии не было еще более благоприятным для смелого удара? Разве план реорганизации армии не был уже в совершенно готовом виде представлен буржуазией и разве сама она не выражала во всеуслышание желания, чтобы появился энергичный прусский государственный муж, который осуществил бы ее план, исключил бы Австрию из Германии, объединил бы мелкие германские государства под главенством Пруссии? И если бы пришлось при этом не слишком деликатно обойтись с прусской конституцией и отстранить парламентских и внепарламентских идеологов, воздав им по заслугам, то разве нельзя было бы, подобно Луи Бонапарту, опереться на всеобщее избирательное право? Что могло быть демократичнее, чем введение всеобщего избирательного права? Не доказал ли Луи-Наполеон его полной безопасности — при надлежащем с ним обращении? И не представляло ли как раз это всеобщее избирательное право такого средства, при помощи которого можно апеллировать к широким народным массам и слегка пококетничать с зарождающимся социальным движением в случае, если буржуазия проявит упорство?

Бисмарк взялся за дело. Надлежало повторить государственный переворот Луи-Наполеона, наглядно показать немецкой буржуазии действительное соотношение сил, насильственно рассеять ее либеральный самообман, но выполнить ее национальные требования, которые совпадали со стремлениями Пруссии. Повод для действия подал прежде всего Шлезвиг-Гольштейн. Со стороны внешней политики почва была подготовлена. Русского царя[*] Бисмарк привлек на свою сторону полицейскими услугами, оказанными ему в 1863 г. в борьбе против восставших поляков[501]; Луи-Наполеон также был обработан и мог оправдывать свое равнодушие, если не молчаливое содействие, по отношению к бисмарковским планам своим излюбленным «принципом национальностей»; в Англии премьер-министром был Пальмерстон, поставивший маленького лорда Джона Рассела во главе ведомства иностранных дел с единственной целью сделать его посмешищем. Австрия же была соперницей Пруссии в борьбе за гегемонию в Германии и именно в этом деле меньше всего была склонна уступить первое место Пруссии, тем более, что в 1850 и 1851 гг. она выступала в Шлезвиг-Гольштейне в качестве жандарма императора Николая, действуя фактически еще подлее, чем сама

[*] — Александра II. *Ред.*

Пруссия[502]. Положение было, таким образом, в высшей степени благоприятным. Как ни ненавидел Бисмарк Австрию и как ни хотела бы Австрия, со своей стороны, сорвать свой гнев на Пруссии, все же после смерти датского короля Фредерика VII им не оставалось ничего другого, как совместно выступить против Дании — с молчаливого разрешения Франции и России. Успех был заранее обеспечен, пока Европа оставалась нейтральной; так и случилось: герцогства были завоеваны и уступлены по мирному договору[503].

У Пруссии в этой войне была еще и другая цель — испытать на поле брани свою армию, которая с 1850 г. обучалась по-новому, а после 1860 г. была реорганизована и увеличена. Армия сверх всяких ожиданий хорошо выдержала испытание, и притом в самой разнообразной военной обстановке. Что игольчатое ружье намного превосходит ружье, заряжающееся с дула, и что им умеют неплохо пользоваться, доказала стычка под Люнгбю в Ютландии, где 80 расположившихся за живой изгородью пруссаков своим частым огнем обратили в бегство втрое большее число датчан. Вместе с тем представлялся случай подметить, что австрийцы извлекли из Итальянской войны и из французского способа ведения боя только тот урок, что стрельба ничего не стоит и что настоящий солдат должен сразу же опрокинуть неприятеля штыком; это намотали себе на ус, так как более благоприятной неприятельской тактики перед дулами ружей, заряжающихся с казенной части, и желать нельзя было. И чтобы дать австрийцам возможность поскорее убедиться в этом на практике, завоеванные герцогства были по мирному договору переданы под общий суверенитет Австрии и Пруссии; таким образом было создано временное положение, которое не могло не стать источником бесконечных конфликтов и давало поэтому Бисмарку полную возможность избрать по своему усмотрению момент для использования одного из этих конфликтов как повода к генеральному выступлению против Австрии. При традиционной прусской политике — «без колебаний использовать до конца» благоприятную ситуацию, как выражается г-н фон Зибель, — было вполне естественно, что под предлогом освобождения немцев от датского гнета к Германии были присоединены около 200000 датских жителей северного Шлезвига. С пустыми руками остался только кандидат мелких германских государств и немецкой буржуазии на шлезвиг-гольштейнский престол герцог Аугустенборгский.

Так Бисмарк выполнил в герцогствах волю немецкой буржуазии против ее же воли. Он прогнал датчан, бросил вызов иностранным державам — и державы не шелохнулись. Но

с только что освобожденными герцогствами стали обращаться, как с завоеванной страной, совершенно не интересуясь их желаниями: их просто временно поделили между Австрией и Пруссией. Пруссия снова стала великой державой, она уже не являлась пятым колесом в европейской колеснице; осуществление национальных чаяний буржуазии происходило успешно, но путь, избранный для этого, не был либеральным путем буржуазии. Прусский военный конфликт поэтому продолжался и становился даже все менее разрешимым. Предстоял второй акт бисмарковского лицедейства.

* * *

Датская война осуществила часть национальных чаяний. Шлезвиг-Гольштейн был «освобожден», Варшавский и Лондонский протоколы, в которых великие державы запечатлели унижение Германии перед Данией[504], были разорваны и брошены им под ноги, а они даже не пикнули. Австрия и Пруссия снова были вместе, их войска сражались плечом к плечу и победили, и ни один властелин и не думал больше посягать на германскую территорию. Вожделения Луи-Наполеона относительно Рейна, которые до сих пор отодвигались на задний план другими делами — итальянской революцией, польским восстанием, датскими осложнениями, наконец, экспедицией в Мексику[505], — теперь не имели никаких видов на успех. Для консервативного прусского государственного деятеля международная ситуация с точки зрения внешней политики, таким образом, не оставляла желать ничего лучшего. Но Бисмарк до 1871 г. вовсе не был консервативен, и менее всего в этот момент, а немецкая буржуазия отнюдь не была удовлетворена.

Немецкая буржуазия по-прежнему находилась во власти старого противоречия. С одной стороны, она требовала исключительного политического господства для себя, то есть для министерства, избранного из либерального большинства палаты; а такому министерству пришлось бы вести десятилетнюю борьбу со старой системой, представленной короной, прежде чем его новая власть была бы окончательно признана, это означало бы внутреннее ослабление страны на десяток лет. Но, с другой стороны, буржуазия требовала революционного преобразования Германии, осуществимого только путем насилия, следовательно, только посредством фактической диктатуры. А между тем с 1848 г. буржуазия снова и снова в каждый решающий момент давала доказательство того, что у нее нет и следа необходимой энергии, чтобы провести в жизнь хотя бы одно из этих требований, не говоря уже об обоих. В политике

существуют только две решающие силы: организованная сила государства, армия, и неорганизованная, стихийная сила народных масс. Апеллировать к массам буржуазия отучилась в 1848 году; она боялась их еще больше, чем абсолютизма. Армия же отнюдь не была в ее распоряжении. Она, разумеется, была в распоряжении Бисмарка.

В продолжавшемся еще конституционном конфликте Бисмарк самым решительным образом боролся против парламентских требований буржуазии. Но он горел желанием осуществить ее национальные требования; они ведь совпадали с самыми сокровенными стремлениями прусской политики. Если бы он теперь еще раз выполнил волю буржуазии против ее же воли, если бы он претворил в жизнь объединение Германии в том виде, как это было формулировано буржуазией, то конфликт был бы сам собою улажен и Бисмарк сделался бы таким же кумиром буржуазии, как и его прообраз — Луи-Наполеон.

Буржуазия указала ему цель, Луи-Наполеон — путь к цели; Бисмарку оставалось только осуществление ее.

Чтобы поставить Пруссию во главе Германии, следовало не только силой изгнать Австрию из Германского союза, но и подчинить мелкие германские государства. Такие «бодрые веселые войны»[506] немцев против немцев искони были для прусской политики главным средством территориального расширения; таких вещей не боялся ни один бравый пруссак. Столь же мало сомнений вызывало и второе основное средство — союз с заграницей против немцев. Сентиментальный русский царь Александр всегда был к услугам. Луи-Наполеон никогда не отрицал призвания Пруссии сыграть в Германии роль Пьемонта и был вполне готов войти в сделку с Бисмарком. Он предпочитал, если было возможно, получить то, что ему было нужно, мирным путем, в форме компенсаций. К тому же ему вовсе не нужен был весь левый берег Рейна сразу; если бы его давали по частям, по куску за каждое новое продвижение Пруссии, то это не так бросалось бы в глаза и, тем не менее, вело бы к цели. А в глазах французских шовинистов одна квадратная миля на Рейне была равноценна всей Савойе и Ницце. Итак, начались переговоры с Луи-Наполеоном, и было получено его разрешение на увеличение Пруссии и создание Северогерманского союза. Что ему за это был предложен кусок германской территории на Рейне, не подлежит никакому сомнению[*]; в переговорах с Говоне Бисмарк вел речь

[*] Пометка Энгельса на полях карандашом: «Раздел — линия по Майну» (см. настоящий том, стр. 452). *Ред.*

о рейнской Баварии и рейнском Гессене[507]. Правда, впоследствии он от этого отрекался. Но дипломат, особенно прусский, имеет свои собственные взгляды относительно того, в какой мере он имеет право или даже обязан совершить некоторое насилие над истиной. Ведь истина — женщина и, значит, по юнкерским представлениям, ей это, собственно, даже весьма приятно. Луи-Наполеон не был так глуп, чтобы допустить расширение Пруссии без обещания компенсации в его пользу с ее стороны; скорей Блейхрёдер согласился бы ссудить деньги без процентов. Но он недостаточно знал своих пруссаков и в конце концов все-таки остался в дураках. Словом, сделав его безопасным, заключили союз с Италией для «удара в сердце».

Филистеры различных стран глубоко возмущались этим выражением. Совершенно напрасно! A la guerre comme a la guerre*. Это выражение доказывает только, что Бисмарк считал немецкую гражданскую войну 1866 г.[508] тем, чем она была в действительности, то есть *революцией,* и что он был готов провести эту революцию революционными средствами. Он это и сделал. Его образ действий по отношению к Союзному сейму был революционным. Вместо того чтобы подчиниться конституционному решению союзного органа, он обвинил его в нарушении союзного договора — явная увертка! — взорвал Союз, провозгласил новую конституцию с рейхстагом, избранным на основе революционного всеобщего избирательного права, и выгнал, в заключение, Союзный сейм из Франкфурта[509]. В Верхней Силезии он сформировал венгерский легион под командой революционного генерала Клапки и других революционных офицеров; солдаты этого легиона, венгерские перебежчики и военнопленные, должны были воевать против своего собственного законного главнокомандующего**. После завоевания Богемии Бисмарк издал прокламацию «К жителям славного королевства Богемия», содержание которой также резко противоречило легитимистским традициям[510]. Уже после заключения мира он отобрал в пользу Пруссии все владения трех законных монархов — членов Германского союза — и одного вольного города[511], причем это изгнание монархов, которые были не в меньшей мере «государями божьей милостью», чем прусский король, не вызвало никаких угрызений его христианской и легитимистской совести. Короче говоря, это была полная революция, проведенная революционными средствами. Мы, разумеется, далеки от того, чтобы упрекать его

* — На войне, как на войне. *Ред.*

** Пометка Энгельса на полях карандашом: «Присяга!». *Ред.*

за это. Напротив, мы упрекаем его в том, что он был недостаточно революционен, что он был только прусским революционером сверху; что он затеял целую революцию с таких позиций, с каких мог осуществить ее только наполовину; что, раз вступив на путь аннексий, он удовольствовался четырьмя жалкими мелкими государствами.

Но тут приплелся Наполеон Малый и потребовал своего вознаграждения. Во время войны он мог бы взять на Рейне все, что хотел: не только вся территория, но и крепости были беззащитны. Он колебался; он ожидал затяжной войны, изматывающей обе стороны, а тут последовали эти быстрые удары: Австрия была сломлена в восемь дней. Он потребовал сначала то, что Бисмарк назвал генералу Говоне как возможную компенсацию, — рейнскую Баварию и рейнский Гессен с Майнцем. Но этого Бисмарк теперь уже не мог бы дать, даже если бы захотел. Огромные военные успехи возложили на него новые обязанности. С того момента как Пруссия взяла на себя защиту и охрану Германии, она уже не могла продать иностранцам ключ к Среднему Рейну — Майнц. Бисмарк ответил отказом. Луи-Наполеон был готов поторговаться; он потребовал только Люксембург, Ландау, Саарлуи и Саарбрюккенский угольный район. Но и этого Бисмарк теперь уже не мог уступить, тем более, что на этот раз претензии были предъявлены и на прусскую территорию. Почему Луи-Наполеон сам не совершил захвата в подходящий момент, когда пруссаки были прикованы к Богемии? Так или иначе, но из компенсации в пользу Франции ничего не вышло. Что в дальнейшем это означало войну с Францией, Бисмарк знал, но как раз этого-то он и хотел.

При заключении мира Пруссия не использовала на этот раз благоприятной ситуации так бесцеремонно, как она обычно это делала в момент удачи. Для этого были достаточные основания. Саксония и Гессен-Дармштадт были втянуты в новый Северогерманский союз и уже поэтому были пощажены. К Баварии, Вюртембергу и Бадену следовало отнестись снисходительно потому, что Бисмарк собирался заключить с ними тайные оборонительные и наступательные союзы. А Австрия — разве Бисмарк не оказал ей услуги тем, что рассек мечом традиционные путы, связывавшие ее с Германией и Италией? Разве не создал он ей впервые, наконец, столь долгожданное независимое положение великой державы? Разве он в самом деле не лучше самой Австрии понимал, что пойдет ей на пользу, когда победил ее в Богемии? Разве Австрия, здраво рассуждая, не должна была убедиться, что географическое положение и территориальная близость обеих стран превращали объединенную

Пруссией Германию в ее необходимую и естественную союзницу?

Так в первый раз за все время своего существования Пруссия смогла окружить себя ореолом великодушия, — потому что отказывала себе в колбасе ради ветчины.

На богемских полях сражений была разбита не только Австрия, но и немецкая буржуазия. Бисмарк доказал ей, что он лучше ее самой знает, что для нее выгоднее. О продолжении конфликта со стороны палаты нечего было и думать. Либеральные притязания буржуазии были похоронены надолго, зато ее национальные требования выполнялись с каждым днем все в большей мере. С удивлявшей ее самое быстротой и точностью Бисмарк осуществлял ее национальную программу. И, показав ей осязательно in corpore vili — на ее собственном мерзком теле — ее дряблость и отсутствие энергии и вместе с тем ее полную неспособность реализовать свою собственную программу, он, разыграв великодушие и по отношению к ней, вошел в палату, теперь фактически обезоруженную, с законопроектом о снятии ответственности за антиконституционное правление во время конфликта. Растроганная до слез палата одобрила этот, теперь уже неопасный прогресс[512].

Тем не менее, буржуазии напомнили, что при Кёниггреце[513] была побеждена и она. Конституция Северогерманского союза была скроена по шаблону прусской конституции, в том истинном ее толковании, которое она получила в конституционном конфликте. Отказ от вотирования налогов был воспрещен. Союзный канцлер и его министры назначались прусским королем независимо от какого-либо парламентского большинства. Утвердившаяся благодаря конфликту независимость армии от парламента была сохранена и по отношению к рейхстагу. Зато у членов этого рейхстага было горделивое сознание, что они избраны на основе всеобщего избирательного права. Об этом обстоятельстве напоминал им также, правда неприятным образом, вид двух социалистов, которые сидели среди них*. Впервые социалистические депутаты, представители пролетариата, появились в составе парламента. Это было грозное предзнаменование.

На первых порах все это не имело значения. Теперь задача состояла в том, чтобы закрепить и использовать в интересах буржуазии вновь обретенное государственное единство — пусть только Северной Германии — и посредством этого заманить в новый союз и южногерманских буржуа. Союзная конституция изъяла важнейшие в экономическом отношении отрасли

* — А. Бебеля и В. Либкнехта. *Ред.*

законодательства из компетенции отдельных государств и передала их в ведение Союза, а именно: единое гражданство на всей территории Союза и свобода передвижения по этой территории, право на жительство, законодательство в области промышленности, торговли, таможенных пошлин, судоходства, монетного дела, мер и весов, железных дорог, водных путей сообщения, почты и телеграфа, патентов, банков, всей иностранной политики, консульств, охраны торговли за границей, санитарной полиции, уголовного права, судопроизводства и т. д. Большая часть этих вопросов была теперь быстро урегулирована законодательным путем и в общем в либеральном духе. Так были уничтожены, наконец, — наконец-то! — наиболее уродливые проявления системы мелких государств, больше всего мешавшие капиталистическому развитию, с одной стороны, и властолюбивым замыслам Пруссии — с другой. Но это было отнюдь не всемирно-историческим достижением, как громогласно трубил об этом становившийся теперь шовинистом буржуа, а лишь очень, очень запоздалым и несовершенным подражанием тому, что было сделано французской революцией еще семьдесят лет тому назад и что все другие культурные государства давно осуществили. Вместо того чтобы хвастать, следовало бы стыдиться того, что «высокообразованная» Германия пришла к этому после всех.

За весь этот период существования Северогерманского союза Бисмарк охотно шел навстречу буржуазии в экономической области и даже при обсуждении вопросов о компетенции парламента показывал железный кулак только в бархатной перчатке. Это была его лучшая пора; временами даже можно было усомниться в его специфически прусской ограниченности, в его неспособности понять, что в мировой истории имеются также и другие, более мощные силы, чем армии и опирающиеся на них дипломатические интриги.

Что мир с Австрией был чреват войной с Францией, это Бисмарк не только знал, — он этого и хотел. Именно эта война и должна была предоставить средства для того, чтобы завершить создание прусско-германской империи, которого требовала от него германская буржуазия*. Попытки постепенно

* Еще до войны с Австрией на вопрос министра одного из средних германских государств по поводу его, Бисмарка, демагогической немецкой политики последний ответил, что он, вопреки всем фразам, выбросит Австрию из Германии и взорвет Германский союз. — «И что же, вы думаете, что средние германские государства будут спокойно смотреть на это?» — «Вы, средние германские государства, не сделаете ровно ничего». — «А что станется после этого с немцами?» — «Я поведу их тогда в Париж и объединю их там». (Рассказано в Париже накануне войны с Австрией упомянутым министром и опубликовано во время этой войны в газете «Manchester Guardian»[514] ее парижской корреспонденткой г-жой Крофорд.)

преобразовать таможенный парламент[515] в рейхстаг и мало-помалу втянуть таким образом южные государства в Северный союз провалились, встретив громкий возглас южногерманскнх депутатов; никакого расширения компетенции! Настроение правительств, только что потерпевших поражение на яоде сражения, было не более благоприятно. Лишь новое, наглядное доказательство того, что Пруссия не только намного сильнее их, но и достаточно сильна, чтобы их защитить, — следовательно, только новая общегерманская война могла быстро привести их к капитуляции. И к тому же пограничная линия по Майну[516], о которой заранее состоялся тайный сговор между Бисмарком и Луи-Наполеоном, после победы казалась навязанной Пруссии этим последним; объединение с Южной Германией было поэтому нарушением формально признанного на этот раз за французами права на раздробление Германии, было поводом к войне.

Между тем Луи-Наполеон должен был поискать, не найдется ли где-нибудь у германской границы клочок земли, который он мог бы забрать в качестве компенсации за Садову. При образовании Северогерманского союза Люксембург не был включен в него, так что теперь это было государство, находившееся в личной унии с Голландией, вообще же вполне независимое. При этом Люксембург был почти так же офранцужен, как и Эльзас, и гораздо больше тяготел к Франции, чем к Пруссии, которую положительно ненавидел.

Люксембург — разительный пример того, что стало с немецко-французскими пограничными землями вследствие политического убожества Германии с конца средних веков, пример тем более разительный, что до 1866 г. Люксембург номинально принадлежал к Германии. Хотя до 1830 г. он был наполовину французским и наполовину немецким, тем не менее и немецкая часть уже рано подчинилась влиянию более высокой французской культуры. Германские императоры Люксембургской династии[517] были по языку и образованию французами. Со времени включения Люксембурга в бургундские земли (1440 г.) он, подобно остальным Нидерландам, оставался только номинально связанным с Германией; в этом отношении ничего не изменило и принятие его в Германский союз в 1815 году. После 1830 г. его французская половина и изрядная часть немецкой отошли к Бельгии. Но и в остававшейся еще немецкой части Люксембурга все сохранялось на французский лад: в судах, в правительственных учреждениях, в палате вся процедура происходила на французском языке; все официальные и частные документы, все торговые книги велись

по-французски; по-французски же велось преподавание во всех средних школах; языком образованных людей был и остался французский язык — разумеется, французский язык, которому туго приходилось от верхненемецкого передвижения согласных. Словом, в Люксембурге говорили на двух языках — на рейнско-франкском народном диалекте и на французском языке, а верхненемецкий оставался чужим языком. Наличие прусского гарнизона в столице скорее ухудшало, чем улучшало положение. Все это достаточно позорно для Германии, по таковы факты. И это добровольное офранцужение Люксембурга проливает истинный свет на подобные же явления в Эльзасе и немецкой Лотарингии.

Голландский король*, суверенный герцог Люксембурга, которому наличные деньги были весьма кстати, изъявил готовность продать герцогство Луи-Наполеону. Люксембуржцы безусловно одобрили бы присоединение к Франции: это доказала их позиция во время войны 1870 года. Пруссия ничего не могла возразить с точки зрения международного права, так как сама содействовала исключению Люксембурга из Германии. Ее войска находились в люксембургской столице в качестве союзного гарнизона крепости Германского союза; с того момента, как Люксембург перестал быть таковой, они утратили на это всякие права. Почему же они не ушли, почему Бисмарк не мог допустить этой аннексии?

Да просто потому, что теперь выступили наружу те противоречия, в которых он запутался. *До* 1866 г. Германия была для Пруссии только территорией для аннексий, которую приходилось делить с заграницей. *После* 1866 г. Германия стала для Пруссии *охраняемой территорией,* которую надо было защищать от иностранных посягательств. Правда, в интересах Пруссии целые германские области не были включены во вновь основанную так называемую Германию. Но право немецкой нации на всю ее собственную территорию возлагало теперь на прусскую корону обязанность не допускать включения этих частей прежней союзной территории в состав иностранных государств и не закрывать двери для их присоединения в будущем к новому прусско-германскому государству. Поэтому Италия была остановлена у тирольской границы[518] и поэтому Люксембург теперь не должен был перейти в руки Луи-Наполеона. Подлинно революционное правительство могло бы открыто заявить об этом, но не королевско-прусский революционер, которому удалось, наконец, превратить Германию

* — Вильгельм III. *Ред.*

в меттерниховское «географическое понятие»[519]. С точки зрения международного права он сам поставил себя в положение нарушителя и мог выйти из затруднения, лишь применив свое излюбленное корпорантско-кабацкое толкование международного права.

Если его при этом попросту не подняли на смех, то только потому, что весной 1867 г. Луи-Наполеон еще совсем не был готов к большой войне. На Лондонской конференции состоялось соглашение. Пруссаки очистили Люксембург; крепость была срыта, герцогство объявлено нейтральным[520]. Война была снова отсрочена.

Луи-Наполеон не мог на этом успокоиться. Он согласен был на усиление могущества Пруссии, но только при условии соответствующих компенсаций на Рейне. Он был готов довольствоваться малым и даже из этого еще уступил бы кое-что, но он ровно ничего не получил, был кругом обманут. Однако существование бонапартистской империи во Франции было возможно лишь при условии, чтобы французская граница постепенно подвигалась к Рейну и Франция оставалась — в действительности или хотя бы в воображении — арбитром Европы. Отодвинуть границу не удалось, положение арбитра уже было под угрозой, бонапартистская пресса громко кричала о реванше за Садову; чтобы сохранить за собой престол, Луи-Наполеон должен был остаться верен своей роли и добыть силой то, чего он не получил добром, несмотря на все оказанные услуги.

Итак, с обеих сторон начались деятельные приготовления к войне, дипломатические и военные. И тут произошел следующий дипломатический инцидент.

Испания искала кандидата на престол. В марте[*] французский посол в Берлине Бенедетти узнает по слухам о притязаниях на этот трон принца Леопольда Гогенцоллерна и получает из Парижа поручение проверить это. Помощник статс-секретаря фон Тиле заверяет его честным словом, что прусскому правительству об этом ничего не известно. Во время своего приезда в Париж Бенедетти узнает мнение императора: «эта кандидатура явно антинациональна, страна не согласится на нее, ее нельзя допустить».

Этим Луи-Наполеон, между прочим, доказал, что его положение уже сильно пошатнулось. В самом деле, что могло быть лучшей «местью за Садову», чем прусский принц на королевском троне в Испании, неизбежно вытекающие отсюда

[*] — 1869 г. *Ред.*

неприятности, вовлечение Пруссии во внутренние взаимоотношения испанских партий и даже, может быть, война, поражение карликового прусского флота и во всяком случае в высшей степени комическое положение Пруссии в глазах Европы? Но Луи Бонапарт уже не мог позволить себе подобного спектакля. Его кредит был уже настолько подорван, что он вынужден был считаться с традиционной точкой зрения, согласно которой немецкий монарх на испанском троне поставил бы Францию между двух огней и, следовательно, не мог быть терпим, — точка зрения, ставшая после 1830 г. детски наивной.

Итак, Бенедетти посетил Бисмарка, чтобы получить дальнейшие разъяснения и изложить ему позицию Франции (11 мая 1869 года). Он не узнал от Бисмарка ничего определенного. Зато Бисмарк узнал от него то, что хотел узнать, — что выставление кандидатуры Леопольда означало бы немедленную войну с Францией. Бисмарк получил, таким образом, возможность начать войну, когда ему будет угодно.

Действительно, в июле 1870 г. снова всплывает кандидатура Леопольда и немедленно приводит к войне, как ни противился этому Луи-Наполеон. Он не только увидел, что попался в ловушку. Он знал также, что дело идет о его императорской власти, и мало верил в честность своей бонапартистской серной банды[521], уверявшей его, что готово все, до последней пуговицы на гетрах, и еще меньше верил в ее военные и административные способности. Но логические последствия его собственного прошлого толкали его к гибели; сами его колебания ускоряли его падение.

Напротив, Бисмарк был не только полностью подготовлен в военном отношении, но на этот раз за ним действительно стоял народ, который за всей обоюдной дипломатической ложью видел лишь одно: речь идет о войне не только за Рейн, но и за национальное существование. Резервисты и солдаты ландвера — впервые после 1813 г. — с боевым пылом и готовностью вновь стекались под знамена. Не важно было, как все это произошло, не важно, какая часть национального наследства двухтысячелетней давности была или не была самовольно обещана Бисмарком Луи-Наполеону, — дело шло о том, чтобы раз и навсегда внушить загранице, что ей нечего вмешиваться во внутренние немецкие дела и что Германия не призвана поддерживать шаткий трон Луи-Наполеона уступкой немецкой территории. И перед этим национальным подъемом исчезли все классовые различия, рассеялись все помыслы южногерманских дворов о Рейнском союзе, все реставраторские поползновения изгнанных монархов.

Обе стороны искали себе союзников. Луи-Наполеон был уверен в Австрии и Дании и — до некоторой степени — в Италии. На стороне Бисмарка стояла Россия. Но Австрия была, по обыкновению, не готова и не могла активно выступить до 2 сентября, — а 2 сентября Луи-Наполеон был уже германским военнопленным; к тому же Россия уведомила Австрию, что нападет на нее, как только Австрия нападет на Пруссию. В Италии же Луи-Наполеон расплачивался за свою двуличную политику: он хотел поднять национально-объединительное движение, но в то же время оградить папу от этого национального единства; он продолжал занимать Рим войсками, которые были ему теперь нужны дома, но которых он не мог вывести, не обязав предварительно Италию соблюдать суверенные права Рима и папы, а это, в свою очередь, мешало Италии прийти к нему на помощь. Наконец, Дания получила от России приказ вести себя смирно.

Однако решительнее всех дипломатических переговоров влияли на локализацию войны быстрые удары германского оружия от Шпихерна и Вёрта до Седана[522]. Армия Луи-Наполеона терпела поражение в каждом бою и перекочевала, наконец, на три четверти в германский плен. В этом были повинны не солдаты, которые дрались достаточно храбро, а руководители и управление. Но тот, кто подобно Луи-Наполеону создал свою империю с помощью шайки проходимцев, кто в течение восемнадцати лет удерживал в своих руках власть над этой империей только тем, что предоставлял этой самой шайке эксплуатировать Францию, кто на все важнейшие посты в государстве ставил людей из этой шайки, а на все второстепенные места — их подручных, тот не должен затевать борьбу не на жизнь, а на смерть, если не хочет оказаться в безвыходном положении. Меньше чем в пять недель рухнуло здание империи, долгие годы вызывавшее восторг европейского филистера. Революция 4 сентября[523] только убрала обломки, а Бисмарк, начавший войну с намерением основать малогерманскую империю, оказался в одно прекрасное утро в роли учредителя Французской республики.

Согласно прокламации самого Бисмарка, война велась не против французского народа, а против Луи-Наполеона. С падением последнего отпадал, следовательно, всякий повод к войне. Так воображало и правительство 4 сентября — в других вопросах далеко не столь наивное — и было крайне удивлено, когда Бисмарк внезапно обернулся прусским юнкером.

Никто в мире не питает такой ненависти к французам, как прусские юнкеры. Дело было не только в том, что юнкеру,

ранее свободному от налогов, пришлось жестоко пострадать во время расправы, учиненной над ним французами в 1806— 1813 гг. и вызванной его же собственной заносчивостью; гораздо хуже было то, что безбожные французы своей нечестивой революцией поселили такую смуту в умах, что от былого юнкерского величия большей частью ничего не осталось даже в старой Пруссии, а за последние остатки этого величия бедным юнкерам приходилось из года в год вести упорную борьбу, и большая их часть уже опустилась до уровня жалкого паразитирующего дворянства. За это следовало отомстить Франции, и об этом позаботились юнкеры-офицеры в армии под руководством Бисмарка. Были составлены списки французских военных контрибуций, взысканных с Пруссии, и по ним установлены размеры военной контрибуции, подлежавшей взысканию с отдельных городов и департаментов Франции, — разумеется с учетом гораздо большего богатства Франции. Съестные припасы, фураж, одежда, обувь и т. д. реквизировались с демонстративной беспощадностью. Один мэр в Арденнах, заявивший, что не может выполнить поставку, получил без дальнейших разговоров двадцать пять палочных ударов; парижское правительство опубликовало официальные доказательства этого. Франтиреры, действовавшие в таком точном соответствии с прусским «Положением о ландштурме» 1813 г.[524], словно они специально его изучали, безжалостно расстреливались на месте. Верны также рассказы про отсылавшиеся на родину стенные часы: «Kolnische Zeitung» сама сообщала об этом. Только, по понятиям пруссаков, эти часы считались не украденными, а найденными как бесхозяйное имущество в покинутых виллах под Парижем и аннексированными в пользу родных и близких на родине. Таким образом, юнкеры под руководством Бисмарка позаботились о том, чтобы, несмотря на безупречное поведение как солдат, так и значительной части офицерства, сохранить специфически прусский характер войны и силой втолковать это французам; зато последние возложили ответственность за мелкие низости юнкеров на всю армию.

И все же этим самым юнкерам выпало на долю воздать французскому народу такие почести, равных которым до сих пор не знала история. Когда все попытки заставить противника снять осаду Парижа потерпели неудачу, все французские армии были отброшены, и последнее большое наступление Бурбаки на коммуникационную линию немцев тоже не увенчалось успехом; когда вся европейская дипломатия предоставила Францию ее собственной участи, не ударив палец о палец, тогда изголодавшийся Париж вынужден был в конце концов

капитулировать[525]. И как сильно забились сердца юнкеров, когда им представилась, наконец, возможность с триумфом вступить в это гнездо безбожников и полностью отомстить парижским мятежникам, чего им не позволили сделать в 1814 г. русский император Александр, а в 1815 г. — Веллингтон; теперь они вволю могли насладиться расправой с очагом и родиной революции.

Париж капитулировал, он уплатил 200 миллионов контрибуции; форты были переданы пруссакам; гарнизон сложил оружие к ногам победителей и выдал свои полевые орудия; пушки парижского крепостного вала были сняты с лафетов; все средства сопротивления, принадлежавшие государству, были выданы одно за другим. Но подлинные защитники Парижа — национальная гвардия, вооруженный парижский народ — остались неприкосновенными; у них никто не посмел потребовать выдачи оружия — ни их ружей, ни их пушек*. И чтобы возвестить всему миру, что победоносная немецкая армия почтительно остановилась перед вооруженным народом Парижа, победители не вошли в Париж, а удовольствовались позволением занять на три дня Елисейские поля — общественный парк! — где они находились под охраной и надзором окружавших их со всех сторон сторожевых постов парижан! Ни один немецкий солдат не вступил в парижскую ратушу, ни один не прошелся по бульварам, а те несколько человек, которых допустили в Лувр для осмотра сокровищ искусства, должны были просить на это разрешение — чтобы не нарушать условий капитуляции. Франция была разгромлена, Париж изнемогал от голода, но парижский народ завоевал себе своим славным прошлым *такое* уважение, что ни один из победителей не осмелился даже потребовать его разоружения, ни один не дерзнул учинить обыски в его домах и осквернить триумфальным шествием эти улицы, арену стольких революций. Словно новоиспеченный германский император** обнажил голову перед живыми революционерами Парижа, как некогда его брат*** обнажил ее перед трупами мартовских бойцов Берлина[526], и словно вся германская армия, стоя позади императора, отдавала им честь.

Но это была также и единственная жертва, на которую пришлось пойти Бисмарку. Под предлогом, будто во Франции

* Именно эти пушки, принадлежавшие национальной гвардии, а не государству, и потому не сданные пруссакам, Тьер приказал 18 марта 1871 г. выкрасть у парижан, что и послужило поводом к восстанию, из которого возникла Коммуна.

** — Вильгельм I. *Ред.*

*** — Фридрих-Вильгельм IV. *Ред.*

нет правительства, которое могло бы заключить с ним мир, — что было в такой же степени верно, в какой и неверно, как 4 сентября, так и 28 января, — он использовал свои успехи чисто по-прусски, до последней капли, и согласился на заключение мира лишь после того, как Франция была окончательно повержена. При заключении мира он снова по доброй старопрусской манере «без колебания использовал благоприятную ситуацию». Не только была выжата неслыханная сумма в 5 миллиардов репараций, но сверх того две провинции, Эльзас и немецкая Лотарингия, с Мецем и Страсбургом, были отторгнуты от Франции и включены в состав Германии[527]. С этой аннексией Бисмарк впервые выступил как независимый политик, который не просто выполняет своими методами предписанную ему извне программу, но претворяет в жизнь продукт своей собственной мозговой деятельности; и тут он совершил свой первый колоссальный промах[*].

Эльзас был в основном завоеван Францией еще в Тридцатилетнюю войну. Ришелье тем самым изменил надежному принципу Генриха IV:

«Та земля, где говорят по-испански, пусть принадлежит испанцам, где говорят по-немецки — немцам, но земля, где говорят по-французски, принадлежит мне».

Ришелье опирался при этом на принцип естественной границы по Рейну, исторической границы древней Галлии. Это была глупость; но Германская империя, в состав которой входили области Лотарингии и Бельгии, где говорили по-французски, и даже Франш-Конте, не имела права упрекать Францию в захвате земель, где говорили по-немецки. И если Людовик XIV в 1681 г. в мирное время захватил Страсбург с помощью франкофильской партии города[528], то не Пруссии приходить от этого в негодование, после того как она в 1796 г. учинила, хотя и без успеха, точно такое же насилие над вольным имперским городом Нюрнбергом, куда ее во всяком случае не приглашала никакая прусская партия[**].

[*] Дальнейший текст до слов «Бисмарк был у цели» (см. настоящий том, стр. 465), ввиду отсутствия соответствующих страниц рукописи, воспроизводится по тексту журнала «Neue Zeit», Bd. I, № 25, 1895—1896, S. 772—776. *Ред.*

[**] Людовика XIV упрекают в том, что он в самое мирное время напустил свои «присоединительные палаты»[529] на немецкие области, которые ему не принадлежали. О пруссаках же самые злостные их завистники не могут, дескать, сказать ничего подобного. Напротив. Заключив в 1795 г. сепаратный мир с Францией[530], что было прямым нарушением конституции империи, и объединив вокруг себя своих столь же вероломных мелких соседей за демаркационной линией в первый северогерманский союз, они использовали для захватнических попыток во Франконии затруднительное положение южногерманских имперских чинов, которым пришлось одним продолжать войну в союзе с Австрией. Они учредили в Ансбахе и Байрёйте (которые были тогда прусскими) «присоединительные палаты» по образцу Людовика и предъявили притязания на целый ряд соседних

Лотарингия была в 1735 г. продана Австрией по Венскому мирному трактату Франции[531], а в 1766 г. окончательно перешла во владение французов. В течение веков она только номинально входила в Германскую империю» ее герцоги были во всех отношениях французами и почти всегда находились в союзе с Францией.

В Вогезах вплоть до французской революции существовало множество мелких сеньоров, которые по отношению к Германии вели себя как непосредственно подчиненные императору имперские чины, а по отношению к Франции признавали над собой ее суверенитет; они извлекали выгоды из этого двойственного положения, и если Германская империя это терпела, вместо того чтобы привлечь владетельных князей к ответственности, то ей нечего было жаловаться, когда Франция, в силу своих суверенных прав, взяла под защиту жителей этих территорий против изгнанных князей.

В общем, эта немецкая территория до революции почти совсем не была офранцужена. Немецкий язык оставался там языком школы и официальных учреждений, по крайней мере в Эльзасе. Французское правительство покровительствовало немецким провинциям, которые после долголетних опустошительных войн теперь, с начала XVIII века, не видели больше врага на своей земле. Раздираемая вечными внутренними войнами, Германская империя действительно не могла возбуждать в эльзасцах желание вернуться обратно в материнское лоно; у них, по крайней мере, воцарились мир и спокойствие, было известно, как обстоят дела, и задававшие тон филистеры видели в этом неисповедимые пути господни. К тому же, они были не одиноки в своей судьбе: ведь жители Гольштейна также находились под чужеземным датским владычеством.

Но вот разразилась французская революция. То, чего Эльзас и Лотарингия не смели и надеяться получить от Германии, было им подарено Францией. Феодальные оковы были разбиты. Крепостной, обязанный барщиной крестьянин стал свободным человеком, во многих случаях свободным собствен-

территорий под такими предлогами, по сравнению с которыми юридические аргументы Людовика были верхом ясности и убедительности. Когда же немцы были затем разбиты и отступили, а французы вступили во Франконию, спасители-пруссаки заняли всю территорию вокруг Нюрнберга, включая пригороды до самой городской стены, и хитростью вынудили трепетавших от страха нюрнбергских мещан подписать договор (2 сентября 1796 г.), по которому город подчинялся прусскому господству при условии, чтобы в пределы городской черты никогда не допускались евреи. Но вслед за этим эрцгерцог Карл опять перешел в наступление в разбил французов при Вюрцбурге 3 и 4 сентября 1796 г., а вместе с тем провалилась, не оставив после себя никаких следов, и эта попытка Пруссии силой вбить нюрнбержцам в голову представление о своей германской миссии.

ником своей усадьбы и поля. Господство патрициата и цеховые привилегии в городах исчезли. Дворян прогнали, а во владениях мелких князей и баронов крестьяне следовали примеру соседей, изгоняя владетельных особ, правительственные палаты и дворян, и объявляли себя свободными французскими гражданами. Нигде во Франции народ не присоединился к революции с большим энтузиазмом, чем в провинциях с говорящим по-немецки населением. Когда же Германская империя объявила войну революции, когда обнаружилось, что немцы не только продолжают покорно влачить собственные цепи, но дают еще себя использовать для того, чтобы снова навязать французам старое рабство, а эльзасским крестьянам — только что прогнанных господ феодалов, тогда было покончено с принадлежностью эльзасцев и лотарингцев к немецкой нации, тогда они научились ненавидеть и презирать немцев, тогда в Страсбурге была сочинена, положена на музыку и впервые пропета эльзасцами «Марсельеза» и тогда немецкие французы, невзирая на язык и прошлое, на полях сотен сражений в борьбе за революцию слились в единый народ с исконными французами.

Разве великая революция не совершила такое же чудо с фламандцами Дюнкерка, с кельтами Бретани, с итальянцами Корсики? И когда мы жалуемся на то, что то же самое случилось с немцами, не забываем ли мы всю нашу историю, которая сделала это возможным? Неужели мы забыли, что весь левый берег Рейна, хотя он и принимал только пассивное участие в революции, был настроен в пользу французов, когда в 1814 г. туда снова вторглись немцы, и оставался таким до 1848 г., когда революция реабилитировала немцев в глазах населения рейнских областей? Неужели мы забыли, что восторженность Гейне по отношению к французам и даже его бонапартизм были только отголоском общего настроения народных масс на левом берегу Рейна?

Во время своего продвижения в 1814 г. союзники как раз в Эльзасе и немецкой Лотарингии встретили наиболее враждебное отношение, наиболее сильное сопротивление со стороны самого народа, так как здесь чувствовали опасность, что придется опять стать немецкими гражданами. А между тем в то время в этих областях еще говорили почти исключительно по-немецки. Когда же опасность отторжения от Франции миновала, когда аннексионистским вожделениям немецких шовинистов-романтиков был положен конец, тогда увидели необходимость более тесного слияния с Францией также и в отношении языка, и с этих пор началось такое же офранцужение школы, какое провели у себя, по собственной воле,

и люксембуржцы. И все-таки преобразовательный процесс протекал очень медленно; лишь нынешнее поколение буржуазии действительно офранцужено, между тем как крестьяне и рабочие говорят по-немецки. Положение приблизительно такое же, как в Люксембурге: литературный немецкий язык вытеснен французским, за исключением отчасти церковной кафедры, но народный немецкий диалект вышел из обихода только на языковой границе и в быту употребляется гораздо более, чем в большинстве местностей Германии.

Такова та страна, которую Бисмарк и прусские юнкеры, поддерживаемые неотделимым, по-видимому, от всех немецких начинаний возрождением шовинистической романтики, вознамерились вновь сделать немецкой. Намерение превратить Страсбург, родину «Марсельезы», в немецкий город было такой же нелепостью, как и желание офранцузить родину Гарибальди — Ниццу. Но в Ницце Луи-Наполеон соблюдал, по крайней мере, приличие, поставив вопрос об аннексии на голосование, — и маневр ему удался. Не говоря уже о том, что пруссаки не без серьезных оснований питают отвращение к подобным революционным методам, — еще не было случая, чтобы где-нибудь народные массы захотели присоединения к Пруссии, — слишком хорошо было известно, что именно здесь население более единодушно привязано к Франции, чем сами исконные французы. И отторжение было произведено путем голого насилия. Это была своего рода месть за французскую революцию; был оторван один из кусков, сросшихся с Францией воедино именно благодаря революции.

С военной точки зрения аннексия Эльзас-Лотарингии преследовала, во всяком случае, определенную цель. Завладев Мецем и Страсбургом, Германия приобретает исключительно сильную линию обороны. Пока Бельгия и Швейцария сохраняют нейтралитет, французы могут начать массовое наступление только на узкой полосе между Мецем и Вогезами, и, к тому же, Кобленц, Мец, Страсбург и Майнц образуют самый сильный и самый крупный в мире четырехугольник крепостей. Но и этот четырехугольник, как и австрийский в Ломбардии[532], расположен наполовину в неприятельской стране и служит там цитаделью для того, чтобы держать в повиновении население. Более того: чтобы замкнуть четырехугольник, нужно было выйти за пределы области распространения немецкого языка, нужно было аннексировать четверть миллиона исконных французов.

Крупная стратегическая выгода, следовательно, — единственный момент, который может оправдать аннексию. Но

идет ли этот выигрыш в какое бы то ни было сравнение с тем вредом, который ею причинен?

С крупным моральным ущербом, который нанесла себе молодая Германская империя, открыто и беззастенчиво провозгласив грубое насилие своим основным принципом, прусский юнкер не считается. Наоборот, непокорные, насильственно подавляемые подданные ему необходимы; они являются доказательством увеличения прусского могущества; да в сущности других у него никогда и не было. Но с чем он обязан был считаться — это с политическими последствиями аннексии. А они были совершенно ясны. Еще до того как аннексия вступила в законную силу, Маркс громко, на весь мир возвестил о ней в воззвании Интернационала: *аннексия Эльзаса и Лотарингии делает Россию арбитром Европы*[533]. И социал-демократы достаточно часто повторяли это с трибуны рейхстага до тех пор, пока истины этих слов не признал, наконец, сам Бисмарк в своей речи в рейхстаге 6 февраля 1888 г., пресмыкаясь перед всемогущим царем, вершителем судеб в вопросах войны и мира[534].

В самом деле, это было ясно, как день. Оторвав от Франции две до фанатизма патриотические провинции, ее толкали в объятия всякого, кто подавал ей надежду на их возвращение, и делали ее своим вечным врагом. Правда, Бисмарк, который в этом отношении достойно и добросовестно представляет немецкого филистера, требует от французов, чтобы они отказались от Эльзас-Лотарингии не только в государственно-правовом смысле, но и морально, да еще даже радовались тому, что эти два куска революционной Франции «возвращены старому отечеству», о котором они и знать не хотят. Но французы, к сожалению, этого не делают, так же как и немцы во время наполеоновских войн морально не отказывались от левого берега Рейна, хотя и эта область отнюдь не стремилась тогда вернуться к ним. Пока эльзасцы и лотарингцы хотят вернуться к Франции, до тех пор Франция будет и должна добиваться их возвращения и искать средств для этого, следовательно, между прочим, и союзников. А естественный союзник ее против Германии — Россия.

Если обе крупнейшие и сильнейшие нации западного континента взаимно нейтрализуют друг друга враждой, если к тому же лежащее между ними вечное яблоко раздора втравливает их во взаимную борьбу, то выигрывает от этого только Россия, у которой тогда еще больше развязываются руки, — Россия, которая в своих завоевательных стремлениях тем меньше может встретить препятствий со стороны Германии,

чем больше у нее оснований рассчитывать на безусловную поддержку со стороны Франции. Разве Бисмарк не поставил Францию в такое положение, что она должна умолять Россию о союзе и любезно предоставить ей Константинополь, если только Россия пообещает ей возвращение утраченных провинций? Если же, несмотря на это, мир не нарушался в течение семнадцати лет, то не потому ли, что введенная во Франции и в России система ландвера требует, по меньшей мере, шестнадцати, а после недавнего немецкого нововведения — даже двадцати пяти лет, чтобы дать полное число обученных годовых контингентов? И разве аннексия Эльзас-Лотарингии, которая была в течение последних семнадцати лет основным фактом, определяющим всю европейскую политику, не является и сейчас главной причиной кризиса, угрожающего войной нашей части света? Устраните один этот факт — и мир обеспечен!

Эльзасский буржуа, говорящий по-французски с верхненемецким акцентом, этот ублюдочный хлыщ, который щеголяет французскими манерами, как какой-нибудь коренной француз, который смотрит на Гёте сверху вниз и восторгается Расином, но который все-таки не может избавиться от мучительного сознания тайны своего немецкого происхождения и именно потому должен в презрительном тоне болтать обо всем немецком, так что не годится даже в посредники между Германией и Францией, этот эльзасский буржуа — бесспорно весьма презренное существо, будь он мюльгаузенским фабрикантом или парижским журналистом. Но кто же сделал его таким, если не немецкая история последних трехсот лет? Разве не были еще совсем до недавнего времени теми же эльзасцами почти все немцы за границей, особенно купцы, которые отрекались от своего немецкого происхождения, мучительно, подвергая себя настоящему самоистязанию, подделывались под чужую национальность своей новой родины и при этом добровольно ставили себя, по меньшей мере, в такое же смешное положение, как эльзасцы, которые все же более или менее вынуждены к этому обстоятельствами? В Англии, например, все немецкие купцы, переселившиеся туда между 1815 и 1840 гг., были почти сплошь англизированы, говорили между собой почти исключительно по-английски, и теперь еще на манчестерской бирже, например, толчется немало старых немецких филистеров, которые отдали бы половину своего состояния, лишь бы сойти за настоящих англичан. Только после 1848 г. и в этом отношении наступила перемена, а с 1870 г., когда даже лейтенанты запаса приезжают в Англию и когда Берлин присылает сюда

свои контингенты, прежнее низкопоклонство сменяется прусской заносчивостью, которая делает нас в глазах иностранцев не менее смешными.

И разве для эльзасцев объединение с Германией стало после 1871 г. привлекательнее? Напротив. Их подчинили диктатуре, между тем как рядом, во Франции, была республика. У них ввели педантически докучливую прусскую систему ландратов, по сравнению с которой система строго регулируемого законом вмешательства пресловутых французских префектов — настоящая благодать. С последними остатками свободы печати, права собраний и союзов было быстро покончено, строптивые муниципальные советы были распущены и в качестве бургомистров назначены немецкие бюрократы. Зато «нотаблям», то есть насквозь офранцузившимся дворянам и буржуа, всячески угождали, защищая их эксплуататорские интересы против хотя и не по-немецки настроенных, но все же по-немецки говорящих крестьян и рабочих, представлявших единственный элемент, с которым можно было бы еще попытаться примириться. И чего же этим достигли? Достигли того, что в феврале 1887 г., когда вся Германия дала себя запугать и послала в рейхстаг большинство из бисмарковского картеля[535], Эльзас-Лотарингия выбрала одних лишь рьяных франкофилов, отвергнув всех, кого можно было заподозрить хотя бы в малейших симпатиях к немцам.

И если эльзасцы именно таковы, какие они есть, имеем ли мы право этим возмущаться? Ни в коем случае. Их отвращение к аннексии — исторический факт, который нуждается в объяснении, а не в брани по этому поводу. И тут мы должны спросить себя: сколь же многочисленные и колоссальные исторические прегрешения должна была совершить Германия, чтобы в Эльзасе стало возможным такое настроение? И какой должна выглядеть наша новая Германская империя со стороны, если после семнадцатилетних попыток вновь онемечить эльзасцев они в один голос заявляют нам: оставьте нас в покое? Имеем ли мы право воображать, что двух удачных военных походов и семнадцати лет бисмарковской диктатуры достаточно, чтобы уничтожить все последствия трехсотлетней позорной истории?

Бисмарк был у цели. Его новая прусско-германская империя была официально провозглашена в Версале, в парадном зале Людовика XIV[536]. Франция лежала беззащитная у его ног; непокорный Париж, который он сам не осмелился тронуть, был доведен Тьером до восстания Коммуны и затем разгромлен возвращенными из плена солдатами бывшей императорской армии. Все европейские филистеры восхищались теперь

Бисмарком, как в 50-х годах восхищались его прообразом — Луи Бонапартом. Германия сделалась с помощью России первой державой в Европе, а вся власть в Германии была сосредоточена в руках диктатора Бисмарка. Теперь все зависело от того, как сумеет он воспользоваться этой властью. Если он до сих пор осуществлял объединительные планы буржуазии, хотя и не буржуазными, а бонапартистскими средствами, то теперь эта задача была в достаточной мере разрешена; теперь надо было создать собственные планы, показать, какие идеи способна породить его собственная голова. И это должно было обнаружиться при внутреннем устройстве новой империи.

Немецкое общество состоит из крупных землевладельцев, крестьян, буржуа, мелких буржуа и рабочих; все они, в свою очередь, группируются в три главных класса.

Крупное землевладение сосредоточено в руках немногих магнатов (преимущественно в Силезии) и значительного числа помещиков средней руки, которых больше всего в старопрусских провинциях к востоку от Эльбы. Именно эти прусские юнкеры играют более или менее главенствующую роль во всем классе крупных землевладельцев. Они сами — сельские хозяева, поскольку ведут хозяйство в своих имениях, большей частью через управляющих, и, кроме того, очень часто являются собственниками винокуренных и свеклосахарных заводов. Там, где это позволили обстоятельства, их земли закреплены за родом как майоратные. Младшие сыновья поступают в армию или на гражданскую государственную службу, и, таким образом, за этим землевладельческим мелким дворянством тянется еще более мелкое офицерское и чиновничье дворянство, которое кроме того пополняется за счет усиленной фабрикации дворян из среды буржуазного высшего офицерства и чиновничества. В низших слоях всей этой дворянской породы, естественно, образуется многочисленное паразитическое дворянство, дворянский люмпен-пролетариат, который живет долгами, сомнительной игрой, назойливым попрошайничеством и политическим шпионажем. Вся эта компания в своей совокупности составляет прусское юнкерство и служит одной из главных опор старопрусского государства. Но землевладельческое ядро этого юнкерства само очень непрочно стоит на ногах. Необходимость вести образ жизни, подобающий этому сословию, обходится с каждым днем все дороже; поддержка младших сыновей до получения ими чина лейтенанта или асессора, выдача дочерей замуж — все это стоит денег; а так как перед выполнением этих обязанностей должны отступить все другие соображения,

то не удивительно, что доходов не хватает и приходится подписывать векселя или даже закладывать имения под ипотеку. Словом, все юнкерство постоянно находится на краю пропасти: всякое бедствие, будь то война, неурожай или торговый кризис, грозит ему крахом, и не удивительно поэтому, что за последние сто с лишним лет его спасала от гибели только государственная помощь в разных видах; да и в действительности оно продолжает существовать только благодаря помощи государства. Этот лишь искусственно поддерживаемый класс обречен на гибель; никакие государственные субсидии не смогут долго сохранить его существование. Но вместе с ним исчезнет и старое прусское государство.

Крестьянин — политически малоактивный элемент. Пока он сам остается собственником, он все более и более разоряется вследствие неблагоприятных условий производства в парцелльном крестьянском хозяйстве, насильственно лишенном старинных общих угодий марки или общего выгона, без которого у крестьянина нет возможности держать скот. Как арендатор он находится в еще худшем положении. Мелкое крестьянское производство предполагает преимущественно натуральное хозяйство, при денежном хозяйстве оно гибнет. Отсюда растущая задолженность, массовая экспроприация кредиторами, дающими ссуду под ипотеку, необходимость прибегать к домашним промыслам, чтобы только не лишиться окончательно своего клочка земли. В политическом отношении крестьянство большей частью индифферентно или реакционно: на Рейне оно настроено ультракатолически из-за своей старой ненависти к пруссакам; в других местностях оно проникнуто партикуляризмом или протестантским консерватизмом. Религиозное чувство все еще служит у этого класса выражением общественных или политических интересов.

О *буржуазии* мы уже говорили. С 1848 г. она переживала небывалый экономический подъем. Германия принимала все возрастающее участие в колоссальном развитии промышленности, наступившем после торгового кризиса 1847 г. под влиянием созданного в это время океанского пароходства, огромного расширения железнодорожной сети и открытия золотых сокровищ Калифорнии и Австралии. Именно стремление буржуазии устранить созданные раздробленностью на мелкие государства препятствия к свободным сношениям и добиться на мировом рынке равноправного положения со своими иностранными конкурентами и вызвало революцию Бисмарка. Теперь, когда Германию наводнили французские миллиарды, перед буржуазией открылся новый период лихорадочной предпринимательской

деятельности и тут она впервые — посредством краха в национально-германском масштабе[537] — доказала, что является великой промышленной нацией. Буржуазия тогда уже была экономически наиболее сильным классом населения, ее экономическим интересам должно было подчинять свою политику государство; революция 1848 г. дала государству внешнюю конституционную форму, при которой буржуазия имела возможность господствовать также и политически и расширять это свое господство. Тем не менее, она была еще далека от действительной политической власти. Из конфликта с Бисмарком она не вышла победительницей; ликвидация конфликта путем осуществления в Германии революции сверху еще более показала ей, что исполнительная власть находится пока что, в лучшем случае, только в очень слабой косвенной зависимости от нее, что она не может ни отстранять министров, ни влиять на их назначение, ни распоряжаться армией. К тому же, она была труслива и слаба перед лицом энергичной исполнительной власти; но такими же были и юнкеры, а для нее это было более извинительно ввиду прямого экономического антагонизма между нею и революционным промышленным рабочим классом. Не подлежало, однако, никакому сомнению, что она постепенно должна уничтожить юнкерство экономически, что из всех имущих классов только она имела еще виды на будущее.

Мелкая буржуазия состояла, во-первых, из остатков средневековых ремесленников, которые в Германии, долгое время отстававшей в своем развитии, составляли гораздо большую массу, чем в остальной Западной Европе; во-вторых, из разорившихся буржуа и, в-третьих, из элементов неимущего населения, выбившихся в мелкие торговцы. С расширением крупной промышленности существование всей мелкой буржуазии лишалось последних остатков своей устойчивости; смена занятий и периодические банкротства сделались правилом. Этот ранее столь устойчивый класс, составлявший основное ядро немецкого филистерства, живший в довольстве и отличавшийся смирением, раболепием, благочестием и благопристойностью, опустился теперь до состояния полнейшей растерянности и недовольства ниспосланной ему богом судьбой. Уцелевшие ремесленники громко требовали восстановления цеховых привилегий, другие — частью становились кроткими демократами-прогрессистами[538], частью сближались даже с социал-демократией и местами прямо примыкали к рабочему движению.

Наконец, рабочие. Сельские рабочие, во всяком случае в Восточной Германии, все еще находились в полукрепостной зависимости и не могли приниматься в расчет. Зато среди

городских рабочих социал-демократия сделала быстрые успехи и росла, по мере того как крупная промышленность пролетаризировала народные массы и тем самым обостряла до крайности классовую противоположность между капиталистами и рабочими. Если социал-демократические рабочие и были некоторое время еще расколоты на две борющиеся между собой партии[539], то после появления «Капитала» Маркса принципиальные разногласия между этими партиями почти совершенно исчезли. Правоверное лассальянство с его специфическим требованием «производительных ассоциаций с государственной помощью» постепенно сходило на нет и все больше и больше обнаруживало свою неспособность создать ядро бонапартистско-государственно-социалистической рабочей партии. То, в чем навредили в этом отношении отдельные вожди, было выправлено благодаря здоровому чутью масс. Объединение обоих социал-демократических направлений, которое еще тормозилось из-за вопросов почти исключительно личного характера, было обеспечено в ближайшем будущем. Но еще во время раскола и вопреки ему движение стало достаточно мощным, чтобы нагнать страх на промышленную буржуазию и парализовать ее борьбу против правительства, все еще независимого от нее; впрочем, вообще с 1848 г. немецкая буржуазия не могла уже освободиться от красного призрака.

Это деление на классы лежало в основе деления на партии в парламенте и ландтагах. Крупные землевладельцы и часть крестьянства составляли массу консерваторов[540]; промышленная буржуазия составляла правое крыло буржуазного либерализма — национал-либералов[541], тогда как левое его крыло — ослабленная демократическая, или так называемая прогрессистская партия — состояло из мелкой буржуазии, поддерживаемой частью буржуазии, а также и рабочих. Наконец, рабочие в лице социал-демократии имели свою самостоятельную партию, в которую входили также и мелкие буржуа.

Человек в положении Бисмарка и с его прошлым должен был бы при некотором понимании сложившейся обстановки сказать себе, что юнкерство в том виде, в каком оно было, не представляло жизнеспособного класса, что из всех имущих классов только буржуазия могла претендовать на будущее (мы не касаемся здесь рабочего класса, понимания исторической миссии которого мы не собираемся требовать от Бисмарка) и что поэтому его новой империи обеспечена тем большая прочность, чем в большей мере он подготовит ее постепенное преобразование в современное буржуазное государство. Не будем от него требовать того, что при данных обстоятельствах

для него было невозможно. Немедленный переход к парламентарному правлению с решающей властью рейхстага (вроде той, которой обладает английская палата общин) был невозможен и в тот момент даже неблагоразумен; диктатура Бисмарка в парламентарных формах должна была ему самому представляться пока что еще необходимой; мы отнюдь не ставим ему в вину, что он на первых порах ее сохранил; мы спрашиваем только, для какой цели ее следовало использовать. Едва ли можно сомневаться в том, что положить начало порядку, аналогичному английской конституции, было единственным путем, на котором открывалась перспектива обеспечить новой империи прочное основание и спокойное внутреннее развитие. Предоставив большую часть юнкерства, все равно обреченную на гибель, ее неизбежной участи, еще казалось возможным образовать из остальной его части и из новых элементов класс независимых крупных землевладельцев, который сам был бы только декоративной верхушкой буржуазии и которому буржуазия, даже обладая всей полнотой власти, должна была бы предоставить официальное представительство в государстве, а вместе с тем наиболее доходные посты и весьма сильное влияние. Делая буржуазии политические уступки, в которых со временем ей все равно нельзя было бы отказать (так, по крайней мере, следовало рассуждать с точки зрения имущих классов), делая ей эти уступки постепенно и даже изредка, и в малых дозах, можно было бы, по крайней мере, направить новую империю на путь, на котором она могла бы догнать остальные, политически далеко опередившие ее государства Западной Европы, освободиться, наконец, от последних остатков феодализма и еще очень сильной в бюрократических кругах филистерской традиции, а главное — приобрести способность стоять на собственных ногах к тому времени, когда ее уже отнюдь не молодые основатели распростились бы с бренным существованием.

К тому же, это было вовсе не так уж трудно. Ни юнкерство, ни буржуазия не отличались даже посредственной энергией. Юнкеры доказали это за последние шестьдесят лет, когда государство постоянно проводило меры в их же интересах вопреки оппозиции этих Дон-Кихотов. У буржуазии, которую долгая предшествовавшая история также приучила к уступчивости, еще сильно болели бока после конфликта; с тех пор успехи Бисмарка еще больше надломили силу ее сопротивления, а остальное довершил страх перед грозно нарастающим рабочим движением. При таких условиях человек, осуществивший национальные вожделения буржуазии, мог бы без труда

соблюдать любой угодный ему темп в осуществлении ее политических требований, в общем и так весьма скромных. Он должен был только ясно представлять себе цель.

С точки зрения имущих классов, это был единственный разумный путь. С точки зрения рабочего класса было ясно, что уже слишком поздно для установления прочного господства буржуазии. Крупная промышленность, а вместе с ней буржуазия и пролетариат образовались в Германии в такое время, когда пролетариат мог почти одновременно с буржуазией самостоятельно выступить на политическую арену, когда, следовательно, борьба между обоими классами началась еще до того, как буржуазия завоевала исключительное или преобладающее политическое господство. Но если даже для спокойного и прочного господства буржуазии в Германии время уже прошло, то в 1870 г. все еще самой правильной политикой, с точки зрения имущих классов вообще, был курс на это господство буржуазии. В самом деле, только таким путем можно было устранить массу тех пережитков времен загнивающего феодализма, которые продолжали процветать в законодательстве и управлении; только таким способом можно было постепенно пересадить на германскую почву все достижения великой французской революции, словом — отрезать у Германии се предлинную старомодную косу и направить ее сознательно и окончательно на путь современного развития, привести ее политический строй в соответствие с ее промышленным развитием. Когда же впоследствии развернулась бы, наконец, неизбежная борьба между буржуазией и пролетариатом, она протекала бы, по крайней мере, в нормальных условиях, при которых каждый мог бы видеть, из-за чего идет эта борьба, а не в обстановке путаницы, неясности, перекрещивающихся интересов и растерянности, какую мы наблюдали в Германии в 1848 году. Разница лишь в том, что на этот раз растерянностью были бы охвачены исключительно имущие классы; рабочий класс знает, чего он хочет.

При том положении вещей, какое создалось в Германии в 1871 г., такому человеку, как Бисмарк, действительно приходилось прибегать к политике лавирования между различными классами. В этом его не приходится упрекать. Речь шла лишь о том, какую цель преследовала эта политика. Если она сознательно и твердо стремилась, все равно какими темпами, к установлению, в конечном счете, господства буржуазии, то она соответствовала историческому развитию, насколько это вообще было возможно для политики, проводившейся с позиций имущих классов. Если же она стремилась к сохранению

старопрусского государства, к постепенному опруссачению Германии, то она была реакционна и, в конце концов, обречена на провал. Если она стремилась лишь к сохранению власти Бисмарка, то она была бонапартистской и должна была окончиться так же, как и всякий бонапартизм.

* * *

Ближайшей задачей была конституция империи. В качестве материала имелись конституция Северогерманского союза, с одной стороны, и договоры с южногерманскими государствами[542] — с другой. Факторами, с помощью которых Бисмарку предстояло создать конституцию, были, с одной стороны, представленные в Союзном совете династии[543], а с другой — представленный в рейхстаге народ. Притязаниям династий были поставлены определенные рамки конституцией Северогерманского союза и договорами. Народ, наоборот, претендовал на значительное увеличение своей доли в политической власти. Свою независимость от иностранного вмешательства и объединение (поскольку можно было говорить об объединении), он завоевал на поле сражения, и именно он в первую очередь должен был бы решать, как воспользоваться этой независимостью, как конкретно осуществить и использовать это объединение. И если бы даже народ признал правовые начала, лежащие в основе конституции Северогерманского союза и договоров, то это нисколько не препятствовало тому, чтобы он получил по новой конституции большую долю власти, чем по прежней. Рейхстаг был единственным учреждением, действительно воплощавшим новое «единство». Чем больший вес приобретал голос рейхстага, чем независимее была бы конституция империи по отношению к конституциям отдельных земель, тем теснее должна была сплотиться новая империя, тем полнее баварец, саксонец, пруссак должны были раствориться в немце.

Для всякого, кто видел дальше своего носа, это должно было быть совершенно ясно. Но Бисмарк был иного мнения. Напротив, он использовал усилившийся после войны патриотический угар как раз для того, чтобы склонить большинство рейхстага отказаться не только от расширения, но даже от ясного определения прав народа и ограничиться простым воспроизведением в конституции империи правовых начал, которые лежали в основе конституции Северогерманского союза и договоров. Все попытки мелких партий отразить в конституции право народа на политические свободы были отверг-

нуты — в том числе даже предложение католической партии центра о включении в нее статей прусской конституции, гарантирующих свободу печати, союзов и собраний, а также независимость церкви. Таким образом, прусская конституция, какой бы она ни была куцей и урезанной, все же оставалась более либеральной, чем конституция империи. Налоги не вотировались ежегодно, а устанавливались раз навсегда «по закону», так что для рейхстага была исключена возможность отказывать правительству в утверждении налогов. Таким путем в Германии была применена непостижимая для внегерманского конституционного мира прусская доктрина, согласно которой народные представители имеют право только отклонять расходы на бумаге, между тем как правительство собирает в казну доходы в звонкой монете. Но в то время как рейхстаг был таким образом лишен лучших средств борьбы и низведен до жалкого положения прусской палаты, сломленной пересмотрами конституции 1849 и 1850 гг.[544], мантёйфелевщиной, конституционным конфликтом и Садовой, в это время Союзный совет пользуется в основном всей полнотой власти, которой старый Союзный сейм владел номинально, и пользуется ею на деле, так как он освобожден от тех пут, которые связывали Союзный сейм. Союзный совет не только имеет решающий голос в законодательстве наряду с рейхстагом, но он же, вместе с тем, является и высшей административной инстанцией, поскольку издает инструкции о проведении в жизнь имперских законов и, кроме того, выносит решения «о недостатках, которые возникают при проведении в жизнь имперских законов...», то есть о недостатках, которые в других цивилизованных странах могут быть устранены только новым законом (статья 7, абз. 3, весьма напоминающая казуистические случаи в юриспруденции) .

Итак, Бисмарк искал для себя главную опору не в рейхстаге, представлявшем национальное единство, а в Союзном совете, представителе партикуляристской раздробленности. У него, хотя он и разыгрывал из себя поборника национальной идеи, не хватило мужества действительно встать во главе нации или ее представителей; демократия должна была служить ему, а не он ей; он полагался не на народ, а, скорее, на темные закулисные интриги, на свое умение дипломатическими средствами, с помощью кнута и пряника, сколотить, хотя бы и строптивое, большинство в Союзном совете. Узость кругозора и низменность взглядов, которые здесь перед нами обнаруживаются, вполне отвечают характеру этого человека, каким мы его знали до сих пор. Тем не менее, нельзя не удивляться

тому, что его большие успехи не помогли ему хотя бы на мгновение подняться выше своего собственного уровня.

Однако при сложившемся положении все свелось к тому, чтобы дать конституции империи единственную крепкую ось, а именно — имперского канцлера. Союзный совет нужно было поставить в такое положение, при котором не могло бы быть иной ответственной исполнительной власти, кроме власти имперского канцлера, а в силу этого исключалась возможность существования ответственных имперских министров. Действительно, всякая попытка урегулировать управление империей путем назначения ответственного министерства рассматривалась как покушение на права Союзного совета и наталкивалась на непреодолимое сопротивление. Конституция, как вскоре обнаружилось, была «скроена по мерке» Бисмарка. Она была дальнейшим шагом на пути к его единоличному господству, осуществляемому путем балансирования между партиями в рейхстаге и между партикуляристскими государствами в Союзном совете, — дальнейшим шагом по пути бонапартизма.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы новая конституция империи, не считая отдельных уступок Баварии и Вюртембергу, прямо представляла собой шаг назад. Но это и есть лучшее, что можно о ней сказать. Экономические потребности буржуазии были в основном удовлетворены, а ее политическим притязаниям, поскольку она их еще предъявляла, были поставлены те же преграды, что и в период конституционного конфликта.

Поскольку буржуазия еще предъявляла политические притязания! В самом деле, нельзя отрицать, что в устах национал-либералов эти притязания сократились до очень скромных размеров и с каждым днем все больше сокращались. Эти госиода не только не требовали, чтобы Бисмарк облегчил им сотрудничество с ним, но, наоборот, старались угождать ему, где это было возможно, а очень часто и там, где это не было возможно или было недопустимо. То, что Бисмарк их презирал, ему в вину никто не поставит, — но разве его юнкеры были хоть на волосок лучше и мужественнее?

Другая область, в которой предстояло установить единство империи, область денежного обращения, была упорядочена монетным и банковским законодательством 1873—1875 годов. Введение золотой валюты было значительным прогрессом, но вводилась она медленно и с большими колебаниями и до сих пор еще не упрочилась окончательно. Принятая денежная система, в основу которой была положена под названием марки одна треть талера, взятая за единицу с десятичным деле-

нием, была еще в конце 30-х годов предложена Зётбером; фактически денежной единицей являлась золотая двадцатимарковая монета. Посредством почти незаметного изменения ее стоимости можно было сделать ее совершенно равноценной либо английскому соверену, либо золотой монете в 25 франков, либо американской золотой монете в 5 долларов и приобщиться таким образом к одной из трех главных денежных систем мирового рынка. Однако предпочли создать свою особую денежную систему, затруднив этим без нужды торговлю и курсовые расчеты. Законы об имперских казначейских билетах и банках ограничивали спекуляцию мелких государств и их банков ценными бумагами и ввиду наступившего тем временем краха предусматривали соблюдение некоторой осторожности, вполне уместной для Германии, не искушенной еще в этой области. И тут экономические интересы буржуазии были, в общем, соответствующим образом приняты во внимание.

Наконец, надо было еще ввести согласованное единое законодательство в области судебного права. Сопротивление, оказанное средними германскими государствами распространению компетенции империи на материальное гражданское право, было преодолено, но гражданский кодекс все еще находится в процессе составления, между тем как в уголовном кодексе, уголовном и гражданском процессе, торговом праве, конкурсном уставе и судоустройстве уже было установлено единообразие. Устранение действовавших в мелких государствах пестрых правовых норм, формальных и материальных, было уже само по себе настоятельной потребностью для дальнейшего развития буржуазного общества, и в этом устранении главная заслуга новых законов, — гораздо большая, чем в их содержании.

Английский юрист опирается на такое историческое развитие права, которое пронесло через средневековье и сохранило значительную долю древнегерманской свободы, которое не знает полицейского государства, в зародыше задушенного двумя революциями XVII века, и которое достигает своей высшей точки в двухвековом непрерывном развитии гражданской свободы. Французский юрист опирается на великую революцию, которая, полностью уничтожив феодализм и абсолютистский полицейский произвол, перевела экономические условия жизни только что возникшего современного общества на язык юридических норм в своем классическом кодексе, провозглашенном Наполеоном. А какова историческая основа, на которую опираются наши немецкие юристы? Не что иное, как растянувшийся на столетия, пассивный, большей частью подгоняемый

ударами извне и до сих пор еще не завершившийся процесс разложения остатков средневековья; экономически отсталое общество, в котором феодальный юнкер и цеховой мастер бродят как призраки в поисках нового воплощения; правопорядок, в котором, несмотря на упразднение в 1848 г. тайной юстиции монархов, полицейский произвол до сих пор с каждым днем пробивает брешь за брешью. Из этой наихудшей из всех плохих школ вышли творцы новых имперских кодексов, и каковы были авторы, таковой оказалась и их работа. Не говоря о чисто юридической стороне, политической свободе в этих кодексах пришлось довольно туго. Если суды шеффенов[545] предоставляют буржуазии и мелкой буржуазии возможность участвовать в обуздании рабочего класса, то от опасности возрождения буржуазной оппозиции государство по возможности обеспечивает себя ограничением компетенции судов присяжных. Политические статьи уголовного кодекса часто настолько неопределенны и растяжимы, словно они скроены по мерке нынешнего имперского суда, а этот суд — по их мерке. Само собой разумеется, что новые кодексы представляют шаг вперед по сравнению с прусским правом — сводом законов, чудовищнее которого не мог бы в наши дни состряпать и Штёккер, даже если бы он подвергся обрезанию. Но те провинции, в которых до сих пор действовало французское право, слишком остро чувствуют различие между полинявшей копией и классическим оригиналом. И именно отречение национал-либералов от своей программы сделало возможным это усиление государственной власти за счет гражданских свобод, этот первый действительный шаг назад.

Следует еще упомянуть об имперском законе о печати. Относящееся сюда материальное право в основных чертах было уже регламентировано уголовным кодексом; установление единообразных формальных определений для всей империи и уничтожение существовавших еще кое-где залогов и штемпельных сборов составляло, таким образом, главное содержание этого закона и, вместе с тем, единственный достигнутый в этой области прогресс.

Чтобы Пруссия еще раз могла себя показать как образцовое государство, в ней было введено так называемое самоуправление. Задача заключалась в том, чтобы устранить наиболее вопиющие остатки феодализма и в то же время на деле оставить по возможности все как было. Для этого послужило положение об округах[546]. Сеньориальная полицейская власть господ юнкеров стала анахронизмом. Она была отменена на словах, как феодальная привилегия, но фактически снова восстановлена

созданием самостоятельных земских округов [Gutsbezirke], внутри которых помещик или сам выступает в качестве земского начальника [Gutsvorsteher] с полномочиями сельского общинного старосты [landlicher Gemeindevorsteher], или же назначает такого начальника; эта власть юнкеров была фактически восстановлена также благодаря передаче всей полицейской власти и полицейской юрисдикции в пределах административного округа [Amtsbezirk] окружному начальнику (Amtsvorsteher], каковым в сельской местности, разумеется, почти всегда без исключения был крупный землевладелец; под- его надзор попадали таким образом и сельские общины. Феодальные привилегии были отняты у отдельных лиц, но связанное с ними полновластие было передано всему классу. При помощи аналогичного мошеннического приема английские крупные землевладельцы стали мировыми судьями и господами в сельской администрации, полиции и низших судебных органах, обеспечив себе таким образом под новым, модернизированным титулом дальнейшее пользование всеми важнейшими постами в управлении, которые им уже нельзя было сохранить за собой в старой феодальной форме. Но в этом единственное сходство между английским и немецким «самоуправлением». Хотел бы я видеть английского министра, который посмел бы предложить в парламенте, чтобы выборные местные должностные лица подлежали утверждению, чтобы в случае неугодных выборов вместо этих лиц правительство в принудительном порядке назначало заместителей, чтобы вводились должности государственных чиновников с полномочиями прусских ландратов, членов окружных управлений и обер-президентов, чтобы осуществлялось предусмотренное положением об округах право государственных органов управления вмешиваться во внутренние дела общин, мелких административных единиц и округов и, наконец, чтобы применялось совершенно неслыханное в странах английского языка и английского права запрещение прибегать к правовой защите, как это мы встречаем почти на каждой странице положения об округах. И в то время как окружные собрания и провинциальные ландтаги все еще составляются по старому феодальному способу из представителей трех сословий — крупных землевладельцев, городов и сельских общин, — в Англии даже самое архиконсервативное министерство вносит билль о передаче всего управления графствами в руки органов, избираемых почти всеобщим голосованием[547].

Проект положения об округах для шести восточных провинций (1871 г.) был первым признаком того, что Бисмарк

отнюдь не собирается растворить Пруссию в Германии, а, наоборот, намерен еще сильнее укрепить эти шесть восточных провинций, твердыню старого пруссачества. Под измененным названием юнкеры сохранили за собой все важнейшие позиции, обеспечивающие их господство, а илоты Германии, сельскохозяйственные рабочие этих местностей, как батраки, так и поденщики, остались по-прежнему фактически крепостными, допущенными к выполнению только двух общественных функций: быть солдатами и служить юнкерам в качестве голосующего стада на выборах в рейхстаг. Услуга, которую Бисмарк оказал этим революционной социалистической партии, не поддается описанию и заслуживает всяческой благодарности.

Но что сказать о тупоумии господ юнкеров, которые, точно избалованные дети, стали отбиваться руками и ногами от этого положения об округах, выработанного исключительно в их же собственных интересах, в интересах дальнейшего сохранения их феодальных привилегий лишь под слегка модернизованным названием? Прусская палата господ, или, вернее, палата юнкеров, сначала отвергла этот проект, с которым канителили в течение почти целого года, и приняла его только после того, как последовало «обновление палаты пэров» путем назначения 24 новых «господ». Прусские юнкеры в этом деле снова показали себя мелочными, косными, неисправимыми реакционерами, не способными образовать ядро большой самостоятельной партии, которая могла бы играть историческую роль в жизни нации, как это действительно делают английские крупные землевладельцы. Они этим доказали полное отсутствие ума; Бисмарку оставалось только продемонстрировать перед всем миром полное отсутствие у них также и характера, и мало-мальски умелый нажим превратил их в партию Бисмарка sans phrase[*]. Для этого должен был послужить «культуркампф».

Осуществление плана прусско-германской империи должно было вызвать в качестве контрудара объединение в одну партию всех антипрусских элементов, опиравшихся на прежнее обособленное развитие. Эти пестрые элементы нашли общее знамя в ультрамонтанстве[548]. Возмущение простого здравого смысла даже среди многочисленных ортодоксальных католиков против нового догмата о непогрешимости папы, с одной стороны, уничтожение церковной области и так называемое пленение папы в Риме[549] — с другой, заставили теснее сплотиться все воинствующие силы католицизма. Таким образом, еще во время

[*] — без оговорок. *Ред.*

войны, осенью 1870 г., в прусском ландтаге образовалась специфически католическая партия центра; в первый германский рейхстаг 1871 г. она провела только 57 человек, но затем усиливалась с каждыми новыми выборами, пока не перевалила за сто. Она состояла из самых разнородных элементов. В Пруссии главную ее силу составляли рейнские мелкие крестьяне, все еще смотревшие на себя как на «пруссаков поневоле»; затем — католические помещики и крестьяне вестфальских епископств Мюнстера и Падерборна и католической Силезии. Второй крупный контингент вербовался из южногерманских католиков, особенно из баварцев. Сила центра заключалась, однако, не столько в католической религии, сколько в том, что он выражал неприязнь народных масс к специфическому пруссачеству, притязавшему теперь на господство в Германии. Эта неприязнь была особенно ощутима в католических местностях; вместе с тем там чувствовались симпатии по отношению к Австрии, выброшенной теперь за пределы Германии. В соответствии с этими обоими популярными веяниями центр занял решительно партикуляристскую и федералистскую позицию.

Этот антипрусский в своей основе характер центра был тотчас же распознан остальными мелкими фракциями рейхстага, которые были настроены против Пруссии из местных соображений, а не как социал-демократы по причинам национального и общего характера. Не только католики—поляки и эльзасцы, — но даже протестанты-вельфы[550] вступили в тесный союз с партией центра. И хотя буржуазно-либеральные фракции никогда не могли вполне уяснить себе подлинного характера так называемых ультрамонтанов, они все же обнаружили известное понимание истинного положения вещей, когда называли центр «не знающим отечества» и «враждебным империи»...[*]

[*] На этом рукопись обрывается. *Ред.*

НАБРОСОК ПРЕДИСЛОВИЯ К БРОШЮРЕ «РОЛЬ НАСИЛИЯ В ИСТОРИИ»

Настоящая работа представляет собой перепечатку части моего труда «Переворот в науке, произведенный господином Е. Дюрингом» и содержит три главы, носящие там название «Теория насилия»[551]. Они уже раньше появились отдельно в русском переводе в качестве приложения к русскому изданию моей работы «Развитие социализма от утопии к науке»[552]. В предлагаемом издании сделаны лишь самые необходимые изменения и добавления. Но для отдельного издания требуется и особое дополнение.

Если я выпускаю в свет на немецком языке брошюру на тему о «роли насилия в истории», то немецкий читатель вправе требовать, чтобы я не скрыл своего взгляда на ту весьма значительную роль, какую сыграло насилие за последние тридцать лет в истории его же собственной страны. Поэтому я добавил еще одну, четвертую главу, которая, разумеется, содержит лишь освещение основных моментов. Может быть, впоследствии мне когда-либо удастся подробнее разработать эту тему.

Написано в конце декабря 1887— марте 1888 г.

Впервые опубликовано в журнале «Die Neue Zeit», Bd. I, № 22, 1895—1896

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ПЛАН ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЫ БРОШЮРЫ «РОЛЬ НАСИЛИЯ В ИСТОРИИ»

1) 1848 год. Требование [создания][*] национальных государств. Италия, Германия, Польша, Венгрия.
2) Явная завоевательная политика Бонапарта: национальные требования в обмен на компенсацию. Италия.
3) В ответ — реорганизация [прусской] армии. Конфликт. Бисмарк. Политика не оригинальна.
4) Положение в Германии. Объединение; 1) осуществленное революцией, 2) осуществленное Австрией, 3) осуществленное Пруссией (Таможенный союз).
5) Войны 1864 и 1866 годов. Революционные средства.
6) Лучшая пора Бисмарка — до 1870 года.
7) Война с Францией[**]. Империя. Аннексия Эльзас-Лотарингии. Россия — арбитр.
8) Бисмарк под конец становится реакционером, тупеет. Культуркампф (гражданский брак). Протекционизм и союз аграриев с буржуазией. — Колониальная горячка. Оскорбления Бисмарка. — Закон против социалистов[553]. — Подавление союзов. — Социальные реформы. — Милитаризм, обусловленный аннексией Эльзаса. — Юнкер [в Бисмарке] выступает на первый план за отсутствием других идей.

Написано в конце декабря 1887 — марте 1888 г.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. X, 1948 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

---

[*] Пояснительные слова в квадратных скобках принадлежат редакции. *Ред.*

[**] К этому пункту относятся также следующие написанные на том же листке и перечеркнутые Энгельсом (по-видимому, после того, как они были использованы им в работе) заметки: «1. Методы ведения войны. Контрибуции. Франтиреры. [Кражи] стенных часов. Наказание палками. Жестокость юнкерской мести — от высших сфер до низших. — 2. Падение [Второй] империи. — 3. Шапки долой перед Парижем! — 4. Миллиарды и Эльзас-Лотарингия». *Ред.*

ПЛАН ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЫ БРОШЮРЫ «РОЛЬ НАСИЛИЯ В ИСТОРИИ»

I. 3 класса; два — паршивых, из которых один переживает упадок, а другой — подъем, и рабочие, которые хотят от буржуазии только fairplay*. Важно, таким образом, лавирование между двумя последними — но не тут-то было! Политика: вообще укреплять государственную власть, и *в особенности* сделать ее независимой в финансовом отношении (огосударствление железных дорог, монополии). Полицейское государство и принципы прусского права в юстиции.

Двойственная, «либеральная» и «национальная», природа 1848 г. дает себя знать и в Германии 1870—1888 годов.

Бисмарку следовало опираться на рейхстаг и на народ, а для этого, — хотя бы ради ориентировки, — необходима полная свобода печати, слова, собраний и союзов.

II. 1. Устройство [империи]

a. Экономически — скверная монетная реформа уже главное достижение.

b. Политически — восстановление полицейского государства и антибуржуазное судебное законодательство 1876 г., скверная копия французского. — Неопределенность в гражданском кодексе. — Имперский суд как завершающее звено. 1879 год.

* — игры в открытую, честной игры. *Ред.*

2. Скудость мысли, проявившаяся в политике заигрывания и [в процессах об] оскорблении Бисмарка.

Партия Бисмарка sans phrase*.

a. Культуркампф. Католический поп — это не жандарм и не полицейский. Ликование буржуазии. — Бесперспективность. — Хождение в Каноссу[554]. Единственный рациональный результат — гражданский брак!

3. Учредительская горячка и крах. Его участие в ней. Паршивые консервативные юнкеры столь же бесчестны как и буржуа.

4. Окончательное превращение [Бисмарка] в юнкера.

a. Протекционизм и т. п.; коалиция буржуа и юнкеров, львиная доля достается последним. b. Попытки ввести в 1882 г. табачную монополию потерпели неудачу.

c. Колониальная горячка.

5. Социальная политика a la Бонапарт.

a. Закон против социалистов; рабочие союзы и кассы под сапогом.

b. Дерьмо в виде социальных реформ [Sozialreformscheisse].

III. 6. Внешняя политика. Угроза воины, результат аннексии. Увеличение армии. Септеннат[555]. Когда призывники всех сроков полностью были завербованы, снова взялись за призывные возрасты до периода 1870 г., дабы еще на некоторое время сохранить перевес.

IV. Результат:

a. Внутреннее положение, которое со смертью этой парочки** придет к развалу; нет империи без императора! Пролетариат, толкаемый на революцию, небывалый рост социал-демократии, который наступит с падением закона против социалистов, — хаос.

b. В итоге всего — в лучшем случае мир, более скверный, чем война, а то и мировая война.

Написано в конце декабря 1887 — марте 1888 г.

Впервые опубликовано в журнале «Die Neue Zeit», Bd. I, № 26, 1895—1896

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

---

* — без оговорок. *Ред.*

** — Бисмарка и императора Вильгельма I. *Ред.*

* ИЗ ПУТЕВЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ ОБ АМЕРИКЕ [556]

Мы обычно представляем себе Америку, как Новый свет, новый не только по времени его открытия, но и по всем своим учреждениям, далеко опередивший нас, старомодных, сонных европейцев, благодаря своему презрению ко всему унаследованному и традиционному, новый мир, выстроенный на девственной почве совершенно заново современными людьми, на основе исключительно современных, практических, рациональных принципов. Со своей стороны, и американцы делают все, чтобы укрепить нас в этом мнении. Они смотрят на нас презрительно, сверху вниз, как на медлительных, погрязших в различных устарелых предрассудках, непрактичных людей, испытывающих страх перед всем новым, в то время как они, наиболее бурно развивающаяся нация (the most go ahead nation), тотчас же испытывают каждый новый проект усовершенствований попросту с точки зрения его практической пользы и, если только он признан хорошим, его немедленно, почти на следующий же день, проводят в жизнь. Все в Америке должно быть новым, все рациональным, все практичным, все, следовательно, иным, чем у нас.

На пароходе «Сити оф Берлин» я встретился впервые с довольно многочисленной группой американцев. В большинстве своем это были очень милые люди, мужчины и дамы, более общительные, нежели англичане, порой немного слишком прямые в разговоре, в остальном, однако, примерно такие же, какими бывают всюду более или менее хорошо одетые люди. Самое большее, что их отличало, это своеобразная мелкобуржуазная манера держаться, но не та, которая характеризует робкого,

неуверенного немецкого мелкого буржуа или его английского собрата; эта манера, которая благодаря тому, что она сочетается с большой уверенностью в поведении и выглядит как нечто само собой разумеющееся, представляется как бы врожденным свойством. Более молодые дамы в особенности производили впечатление некоторой наивности, какую в Европе можно встретить только в небольших городах; когда они под руку друг с другом или с мужчиной энергично и почти стремительно шагали по палубе, у них была в точности такая же припрыгивающая походка и такая же целомудренная манера придерживать свои юбки во время порыва ветра, как у наших невинных деревенских красоток. Более всего они напоминали мне шведок — такие же здоровые и рослые, как и последние — и мне все время казалось, что они вот-вот начнут делать реверансы, как это делают шведки. Свою долю физической и духовной неуклюжести, которая является общей наследственной чертой германской расы, унаследовали и мои американские спутники и ничуть ее не преодолели. Одним словом, мое первое впечатление от американцев отнюдь не говорило об их национальном превосходстве над европейцами или о том, что предо мной был совершенно новый, молодой национальный тип; напротив, у меня сложилось мнение, что это были люди, которые еще упорно придерживались унаследованных мелкобуржуазных привычек, считающихся в Европе устаревшими, что в этом отношении мы, европейцы, являемся по сравнению с американцами тем же, чем парижане по сравнению с провинциалами.

В Нью-Йорке, в своей первой же спальне, я обнаружил мебель такого допотопного образца, какой только можно себе представить: комоды с латунными кольцами или дугами в качестве ручек на ящиках, как это было модно в начале этого столетия и в Европе еще сохранилось только в деревнях; по соседству же предметы более нового фасона в английском или французском стиле, однако также достаточно устарелые и большей частью поставленные не на месте; самым новым из всех вещей было огромнейшее кресло-качалка, описывающее дугу в 240° и тоже уже вышедшее из моды. И такая картина всюду; стулья, столы и шкафы по большей части выглядят так, будто они достались по наследству от прежних поколений. Повозки на нью-йоркских улицах имеют весьма устарелый вид, и на первый взгляд кажется, что ни в одном крестьянском дворе Европы не сыскать телеги такого образца. Правда, приглядевшись поближе, можно заметить, что эти повозки значительно усовершенствованы, очень удобны, снабжены превосходными рессорами, чрезвычайно легки и построены из весьма крепкого

дерева, но все же при всех этих улучшениях старомодная модель осталась неприкосновенной. В Лондоне еще в начале сороковых годов существовали наемные кареты, в которые пассажиры входили сзади и рассаживались друг против друга, как в омнибусе, по правую и по левую сторону; после 1850 г. такие кареты исчезли. В Бостоне же — этом единственном, насколько мне известно, американском городе, где действительно пользуются наемными каретами, —еще и сегодня процветают эти ящики на колесах. Современные американские гостиницы с их роскошным оборудованием и сотнями комнат всем своим чисто американским устройством показывают, что они выросли из расположенных в слабо заселенной местности уединенных крестьянских дворов, которые еще и теперь при случае предоставляют за плату путешественникам (к этому я еще возвращусь) ночлег и пищу. Отсюда характерные особенности этих гостиниц, которые кажутся нам не только странными, но прямо-таки допотопными. И. многое в таком же духе.

Тот, кто пожелал бы насладиться поездкой, какую приходилось проделывать в Европе во времена Тридцатилетней войны, должен отправиться в какую-либо американскую горную местность, доехать до конечного пункта железной дороги и оттуда — на дилижансе дальше, в глушь. Мы вчетвером проделали подобную прогулку в Адирондак и никогда так не хохотали, как там, на крыше этого дилижанса. Старая колымага непередаваемой формы, по сравнению с которой знаменитые прусские дорожные повозки времен царя Гороха показались бы роскошными каретами, с подобными же сидениями для шести или девяти человек на крыше и на козлах — вот что представлял собой этот экипаж. Ну, а затем шоссе. Впрочем, прошу прощения, это было не шоссе, вряд ли его можно было назвать и простой дорогой: две проделанные колесами в песчано-глинистой почве глубокие колеи, тянущиеся то под гору, то в гору...*

Написано в конце сентября 1888 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVIII, 1940 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* На этом рукопись обрывается. *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ ПИСЬМА Г. А. ЛОПАТИНА М. Н. ОШАНИНОЙ [557]

Лондон, 20 сентября 1883 г.

... Не могу не поделиться с Вами результатом моего первого свидания с Энгельсом, думая, что некоторые из его мнений будут приятны для Вас.

Мы много говорили о русских делах, о том, как пойдет, вероятно, дело нашего политического и социального возрождения. Как и следовало ожидать, сходство взглядов оказалось полнейшее; каждый из нас то и дело договаривал мысли и фразы другого. Он тоже считает (как и Маркс, как и я), что задача *революционной* партии или партии *действия* в России в данную минуту не в пропаганде нового социалистического идеала и даже не в стремлении осуществить этот далеко еще не выработанный идеал с помощью составленного из наших товарищей временного правительства, а в направлении всех сил к тому, чтобы 1) или принудить государя созвать Земский собор, 2) или же путем устрашения государя и т. п. вызвать такие глубокие беспорядки, которые привели бы иначе к созыву этого Собора или чего-либо подобного. Он верит, как и я, что подобный Собор *неизбежно* приведет к радикальному, не только политическому, но и социальному переустройству. Он верит в громадное значение избирательного периода, в смысле несравненно более успешной пропаганды, чем все книжки и сообщения на ухо. Он считает невозможной чисто либеральную конституцию, без глубоких экономических перестроек, и потому не боится этой опасности. Он верит, что в *фактических* условиях народной жизни накопилось достаточно материала для перестройки общества на новых началах. Конечно, он не верит в моментальное осуществление коммунизма или чего-либо подобного, но лишь того, что уже

назрело в жизни и в душе народа. Он верит, что народ сумеет найти себе красноречивых выразителей своих нужд и стремлений и т. д. Он верит, что, раз начавшись, это переустройство, или революция, не может быть остановлено никакими силами. Важно поэтому только одно: разбить роковую силу застоя, выбить на минуту народ и общество из состояния косности и неподвижности, произвести такой беспорядок, который принудил бы правительство и народ заняться внутренним переустройством, который всколыхнул бы спокойное народное море и вызвал бы всенародное внимание и всенародный *энтузиазм* к делу полного общественного переустройства. А результаты явятся сами собой, и именно те, которые возможны, желательны и осуществимы для данной эпохи.

Все это чертовски кратко, но обстоятельнее я теперь писать не могу. К тому же все это, быть может, не вполне понравится Вам, а потому спешу передать Вам с буквальной точностью другие его мнения, которые очень лестны для русской революционной партии. Вот они:

«Все зависит теперь от того, что будет сделано в ближайшем будущем в Петербурге, на который устремлены ныне глаза всех мыслящих, дальновидных и проницательных людей целой Европы».

«Россия, это — Франция нынешнего века. Ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива *нового* социального переустройства».

«... Гибель царизма, уничтожив последний оплот монархизма в Европе, упразднив «агрессивность» России, ненависть к ней Польши и многое другое, поведет к совершенно иной комбинации держав, расшибет вдребезги Австрию и вызовет во всех странах могучий толчок в сторону внутреннего переустройства».

«... Едва ли Германия решится воспользоваться русскими беспорядками, чтобы двинуть свои войска в Россию для поддержания царизма. Но если бы она сделала это, тем лучше. Это было бы гибелью ее нынешнего правительства и началом новой эры. Присоединение к ней балтийских провинций бессмысленно и неосуществимо. Подобные захваты противоположных (?) или прилежащих узких побережий и клочков и получившиеся отсюда нелепые формы государств были возможны только в XVI и XVII веках, а не теперь. К тому же ни для кого не тайна, что немцы составляют там ничтожное реакционное меньшинство». (Прибавляю этот пункт для Ю. П. ввиду ее ультрапатриотических мнений по этому пункту.)

«И я, и Маркс находим, что письмо Комитета к Александру III[558] положительно прекрасно по своей политичности

и спокойному тону. Оно доказывает, что в рядах революционеров находятся люди с государственной складкой ума».

Надеюсь, что все это достаточно лестно и приятно для Вас и что Вы поблагодарите меня за эти строки? Помните, я говорил, что сам Маркс никогда не был марксистом? Энгельс рассказывал, что во время борьбы Брусса, Малона и К° с другими Маркс говорил смеясь: «Могу сказать только одно: что я *не марксист!»...*[559]

Впервые напечатано в книге: «Основы теоретического социализма и их приложение к России». Женева, март 1893 г.

Печатается по тексту книги

МАЙСКОЕ ВОССТАНИЕ 1849 ГОДА [560]

Восстание в мае 1849 г., охватившее рейнские области и юг Германии, было вызвано отказом большей части правительств малых государств признать конституцию, принятую Национальным собранием во Франкфурте. Это Собрание никогда не располагало материальной силой и, что еще хуже, пренебрегало принятием необходимых мер для того, чтобы обеспечить себе эту силу; к тому времени, когда оно завершило составление своей оставшейся на бумаге конституции, оно потеряло последние остатки своего морального влияния. Конституция, хотя и имела налет романтики, была единственным знаменем, вокруг которого можно было сплотиться для того, чтобы попытаться начать новое движение, тем более, что ее и не собирались проводить в жизнь после победы.

Восстание началось в Дрездене 3 мая; спустя несколько дней оно распространилось на баварский Пфальц и великое герцогство Баденское. Великий герцог* поспешил бежать, увидев, что войска братаются с народом.

Прусское правительство, которое в ноябре 1848 г. подавило революционное движение, разоружило Берлин и ввело в Пруссии осадное положение, взяло на себя роль защитника правительств других государств. Оно немедленно направило в Дрезден войска, сломившие в четырехдневной борьбе героическое сопротивление повстанцев.

Но для покорения Пфальца и герцогства Баденского нужна была армия: чтобы сформировать ее, Пруссия вынуждена была

* — Леопольд. *Ред.*

призвать под ружье ландвер. В Изерлоне (Вестфалия) и Эльберфельде (Рейнская Пруссия) солдаты ландвера отказались выступить. Были посланы войска. Города забаррикадировались и отказались впустить воинские части. Изерлон был взят только после двухдневной борьбы. В Эльберфельде, где не имелось достаточно средств для сопротивления, повстанцы, число которых достигало почти тысячи человек, решили пробиться сквозь окружающие их войска и добраться до юга, где восстание было в разгаре. Они были разбиты наголову, их командир Мирбах был взят в плен. Однако значительной части повстанцев, которым помогали местные жители, удалось достичь юга. Энгельс был адъютантом Мирбаха, но последний, еще до осуществления своего плана, послал его с поручением в Кёльн, который находился в руках прусской армии. Дело в том, что Мирбах не хотел иметь в своем отряде известного коммуниста, чтобы не отпугнуть буржуазию тех мест, через которые он рассчитывал пройти.

Между тем восстание распространилось по всему югу Германии, но революционеры совершили ту же роковую ошибку, что и в 1871 г. в Париже — они не перешли в наступление. Войска соседних мелких государств были деморализованы и искали лишь предлога, чтобы присоединиться к восстанию: они решили не выступать против народа. Повстанцы могли бы поднять и увлечь за собой население этих государств, объявив, что они идут освобождать Франкфуртское собрание, окруженное прусскими и австрийскими войсками. Энгельс и Маркс после закрытия «Новой Рейнской газеты» направились в Мангейм, чтобы предложить руководителям восстания двинуться на Франкфурт. Их отказались слушать. Отговоркой служили ссылки на то, что войска дезорганизованы бегством прежних офицеров, что не хватает боевых припасов и т. д.

В то время как повстанцы выжидали с оружием в руках, пруссаки, объединившиеся с баварцами и усиленные за счет войск мелких государств, которых восставшие при более смелом образе действий могли бы привлечь на свою сторону, начали форсированным маршем наступать на районы восстания. Тридцатишеститысячная контрреволюционная армия в течение недели очистила Пфальц от занимавших его 8—9 тысяч повстанцев; следует указать, что две крепости в Пфальце оставались и раньше в руках сил реакции. Революционная армия имела в своих рядах теперь лишь вооруженные силы Бадена, насчитывавшие около 10 тыс. линейных войск и 12 тыс. волонтеров. Произошло четыре крупных сражения, причем контрреволюционным войскам удалось одержать победу лишь благодаря

численному превосходству и нарушению границ Вюртемберга, что позволило им в решающий момент обойти революционную армию. После шестинедельных боев на открытой местности остатки повстанческой армии были вынуждены отступить в Швейцарию.

Во время этой последней кампании Энгельс был адъютантом полковника Виллиха, командира одного из отрядов волонтеров-коммунистов. Он участвовал в трех сражениях и в последнем решающем бою на Мурге. Полковник Виллих, эмигрировавший в Соединенные Штаты, умер в чине генерала, который он получил во время Гражданской войны.

То упорное сопротивление в боях на открытой местности, которое оказывали несколько тысяч повстанцев без достаточной организации и почти без артиллерии хорошо дисциплинированной прусской армии, показывает, на что будут способны наши друзья-социалисты по ту сторону Рейна в тот день, когда в Европе прозвучит набат революции.

Написано в середине ноября 1885 г.

Напечатано в газете «Le Socialiste» № 13, 21 ноября 1885 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

ЮРИДИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ [561]

Мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим. Европейский мир, фактически лишенный внутреннего единства, был объединен христианством против общего внешнего врага — сарацин. Западноевропейский мир, представлявший собой группу народов, развитие которых происходило в условиях постоянно изменявшихся взаимоотношений, объединялся католицизмом. Это теологическое единство было не только идейным. Оно действительно существовало и не только в лице папы, монархического средоточия этого единства, но прежде всего в лице церкви, организованной на феодальных и иерархических началах. Владея в каждой стране приблизительно третьей частью всех земель, церковь обладала внутри феодальной организации огромным могуществом. Церковь с ее феодальным землевладением являлась реальной связью между различными странами; своей феодальной организацией церковь давала религиозное освящение светскому государственному строю, основанному на феодальных началах. Духовенство было к тому же единственным образованным классом. Отсюда само собой вытекало, что церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви.

Однако в недрах феодализма развивалось могущество бюргерства. Новый класс выступил против крупных землевладельцев. Городские бюргеры были прежде всего исключительно товаропроизводителями и торговцами, между тем как феодальный способ производства покоился по преимуществу на

собственном потреблении продуктов, произведенных внутри узкого круга, — на потреблении частью самими производителями, частью феодалами, облагавшими их поборами. Скроенное по мерке феодализма католическое мировоззрение не могло больше удовлетворять этот новый класс, так как оно не соответствовало созданным им новым условиям производства и обмена. Тем не менее и этот класс еще долгое время оставался в оковах всемогущей теологии. Все реформационные движения и связанная с ними борьба, происходившая с XIII до XVII столетия под религиозной вывеской, были по своему теоретическому содержанию лишь многократными попытками бюргерства, городских плебеев и поднимавшегося вместе с ними на восстания крестьянства приспособить старое теологическое мировоззрение к изменившимся экономическим условиям и жизненному укладу новых классов. Но так не могло долго продолжаться. Религиозное знамя развевалось в последний раз в Англии в XVII веке, а менее пятидесяти лет спустя новое мировоззрение выступило во Франции уже без всяких прикрас и это *юридическое мировоззрение* должно было стать классическим мировоззрением буржуазии.

Это было теологическое мировоззрение, которому придали светский характер. Место догмы, божественного права заняло право человека, место церкви заняло государство. Экономические и общественные отношения, которые ранее, будучи санкционированы церковью, считались созданием церкви и догмы, представлялись теперь основанными на праве и созданными государством. Поскольку товарообмен в масштабе общества и в своем наиболее развитом виде вызывает, особенно благодаря системе авансирования и кредита, сложные договорные отношения и тем самым предъявляет требование на общепризнанные правила, которые могут быть даны только обществом в целом, — на правовые нормы, установленные государством, — постольку создалось представление, будто эти правовые нормы обязаны своим возникновением не экономическим фактам, а формальным установлениям, вводимым государством. А так как конкуренция — эта основная форма взаимосвязи свободных товаропроизводителей — является величайшей уравнительницей, то равенство перед законом стало основным боевым кличем буржуазии. Тот факт, что борьба этого нового восходящего класса против феодалов и защищавшей их тогда абсолютной монархии должна была, как всякая классовая борьба, стать политической борьбой, борьбой за обладание государственной властью, и вестись за *правовые требования,* — этот факт способствовал упрочению юридического мировоззрения.

Но буржуазия породила своего антипода, пролетариат, а с ним и новую классовую борьбу, которая началась еще раньше, чем буржуазия окончательно завоевала политическую власть. Так же как в свое время буржуазия в борьбе против дворянства еще долго придерживалась по традиции теологического мировоззрения, так и пролетариат вначале перенял от противника юридический способ мышления и в нем искал оружие против буржуазии. Первые пролетарские партийные объединения, как и их теоретические представители, оставались всецело на юридической «правовой почве», только они себе сконструировали не такую «правовую почву», какая была у буржуазии. С одной стороны, требование равенства было расширено в том смысле, что юридическое равенство должно быть дополнено общественным равенством. С другой стороны, из положений Адама Смита, гласящих, что труд является источником всякого богатства, но что рабочий, однако, должен поделиться продуктом своего труда с землевладельцем и капиталистом, был сделан вывод о несправедливости такого раздела и необходимости совершенно упразднить его, либо, по крайней мере, видоизменить в пользу рабочего. Однако уже наиболее выдающиеся мыслители среди ранних социалистов — Сен-Симон, Фурье и Оуэн — почувствовали, что, оставаясь в этом вопросе на чисто юридической «правовой почве», нельзя устранить бедствий, порожденных буржуазно-капиталистическим способом производства и, особенно, современной крупной промышленностью, и это побудило их совершенно покинуть юридически-политическую область и объявить бесплодной всякую политическую борьбу.

Обе эти точки зрения были одинаково непригодны для того, чтобы послужить точным и всесторонним выражением освободительных стремлений рабочего класса, вызванных его экономическим положением. Требование равенства не менее, чем требование полного трудового дохода, приводило к неразрешимым противоречиям, когда нужно было дать им конкретную юридическую формулировку, причем суть дела, преобразование способа производства, оставалась более или менее не затронутой. Отказ великих утопистов от политической борьбы был одновременно отказом от классовой борьбы, то есть единственно возможного способа проявления жизнедеятельности того класса, в интересах которого они выступали. Обе точки зрения абстрагировались от тех исторических условий, которым они были обязаны своим существованием, обе апеллировали к чувству: одни к чувству справедливости, другие — к чувству человечности. Обе облекали свои требования в форму благочестивых

пожеланий, о которых нельзя было сказать, почему они должны быть осуществлены именно теперь, а не на тысячу лет раньше или позже.

Рабочий класс, который вследствие превращения феодального способа производства в капиталистический был лишен всякой собственности на средства производства и для которого под воздействием механизма капиталистического способа производства это отсутствие собственности стало состоянием, неизменно передающимся по наследству всем последующим поколениям, — этот класс не может в юридической иллюзии буржуазии найти исчерпывающее выражение своих жизненных условий. Он может сам вполне осознать эти свои жизненные условия только в том случае, если будет рассматривать вещи такими, какие они есть в действительности, а не сквозь юридически окрашенные очки. А в этом помог ему Маркс своим материалистическим пониманием истории, доказав, что все юридические, политические, философские, религиозные и тому подобные представления людей в конечном счете определяются экономическими условиями их жизни, их способом производства и обмена продуктов. Тем самым было выдвинуто мировоззрение, отвечающее условиям жизни и борьбы пролетариата; отсутствию собственности у рабочих могло соответствовать только отсутствие иллюзий в их головах. И это пролетарское мировоззрение совершает теперь свое победное шествие по всему миру.

Борьба обоих мировоззрений, само собой разумеется, еще продолжается, и не только между пролетариатом и буржуазией, но и между свободно мыслящими рабочими и рабочими, находящимися еще во власти старых традиций. В общем старое мировоззрение защищают обычные политики, с помощью обычных аргументов. Однако существуют еще и так называемые ученые юристы, делающие из юриспруденции особое призвание*.

До сих пор эти господа считали ниже своего достоинства заниматься теоретической стороной рабочего движения. Мы

* Сравни по этому поводу статью *Фр. Энгельса* о *«Людвиге Фейербахе»* в «Neue Zeit» IV, стр. 206 [см. настоящий том, стр. 312. *Ред.*]: «У политиков по профессии, у теоретиков государственного права и у юристов, занимающихся гражданским правом, связь с экономическими фактами теряется окончательно. Поскольку в каждом отдельном случае экономические факты, чтобы получить санкцию в форме закона, должны принимать форму юридического мотива и поскольку при этом следует, разумеется, считаться со всей системой уже существующего права, постольку теперь кажется, что юридическая форма — это все, а экономическое содержание — ничто. Государственное и гражданское право рассматриваются как самостоятельные области, которые имеют свое независимое историческое развитие, которые сами по себе поддаются систематическому изложению и требуют такой систематизации путем последовательного искоренения всех внутренние противоречий».

должны быть, таким образом, особенно признательными, когда, наконец, настоящий профессор права г-н д-р Антон Менгер снисходит настолько, чтобы «подробнее осветить в догматическом аспекте» историю социализма с точки зрения «философии права»[*].

В самом деле, социалисты до сих пор заблуждались. Они игнорировали как раз то, что является самым важным.

«Только тогда, когда социалистические идеи будут очищены от бесконечных *народнохозяйственных* и филантропических рассуждений... и будут превращены в трезвые правовые понятия» (стр. III), только тогда, когда будет устранено все «политико-экономическое обрамление» (стр. 37), только тогда может быть предпринята «юридическая переработка социализма» — эта «важнейшая задача философии права наших дней».

Однако в «социалистических идеях» речь идет именно о народнохозяйственных отношениях, прежде всего об отношении между наемным трудом и капиталом, и тут народнохозяйственные рассуждения, по-видимому, представляют собой нечто большее, чем просто «обрамление», которое надо устранить. Притом и политическая экономия относится к так называемым наукам и к тому же с несколько большим основанием, чем философия права, ибо она занимается фактами, а не как последняя, одними лишь представлениями. Но для юриста-профессионала это совершенно безразлично. Экономические исследования имеют в его глазах одинаковую ценность с филантропическими декламациями. Fiat justitia, pereat mundus[**].

Далее, «политико-экономическое обрамление» у Маркса представляет собой — и это особенно, удручает нашего юриста — не только чисто экономическое исследование. Оно носит по преимуществу исторический характер. Оно показывает ход общественного развития от феодального способа производства средних веков до современного развитого капиталистического способа производства, исчезновение прежних классов и классовых противоположностей и образование новых классов с новыми противоположными интересами, которые, между прочим, выражаются и в новых правовых требованиях. Слабое понимание этого как будто пробуждается и у нашего юриста, когда он на стр. 37 делает открытие, что современная

«философия права... есть по существу только отражение исторически унаследованного правопорядка», что ее можно было бы «назвать *буржуазной философией права»,* рядом с которой «в лице социализма возникает *философия права неимущих классов народа».*

[*] Dr. *Anton Menger.* «Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung». Stuttgart, Cotta, 1886, X, 171 S. [Д-р *Антон Менгер.* «Право на полный трудовой доход в историческом освещении». Штутгарт, Котта, 1886, X, 171 стр.].

[**] — Пусть погибнет мир, но торжествует правосудие. *Ред.*

Но если это так, то чем это объясняется? Откуда появились эти «буржуа» и эти «неимущие классы народа», обладающие особой соответствующей классовому положению каждой из сторон философией права? Возникли ли они из права или из экономического развития? А разве Маркс говорит что-либо иное, кроме того, что правовые воззрения отдельных крупных общественных классов обусловливаются в каждый данный момент классовым положением последних? Каким образом Менгер оказался среди марксистов?

Однако это только недосмотр, непроизвольное признание силы новой теории, которое вырвалось у строгого юриста и которое мы поэтому также только регистрируем. Напротив, там, где наш корифей права стоит на своей собственной правовой почве, он проявляет пренебрежение к экономической истории. Гибнущая Римская империя является его излюбленным примером.

«Никогда еще средства производства не были так централизованы», — рассказывает он нам, — «как в то время, когда половина африканской провинции находилась в собственности шести лиц..., никогда страдания рабочих классов не были более сильны, чем тогда, когда почти каждый производительный рабочий был рабом. Не было недостатка также — особенно у отцов церкви — в резкой критике существующего общественного строя, которую можно было бы сравнить с лучшими современными социалистическими сочинениями, и все же за падением Западной Римской империи последовал отнюдь не социализм, а средневековый правопорядок» (стр. 108).

А почему это произошло? Потому, что

«перед нацией не стояло ясной, свободной от всякого преувеличения, картины будущего строя».

Г-н Менгер полагает, что во времена упадка Римской империи существовали уже *экономические* предпосылки современного социализма, недоставало только его юридической формулировки. Поэтому-то вместо социализма появился феодализм и материалистическое понимание истории таким образом сведено ad absurdum![*]

То, что юристы Римской империи времен упадка так искусно привели в систему, было не *феодальное,* а римское право, право общества, состоящего из товаропроизводителей. Так как г-н Менгер исходит из той предпосылки, что юридические представления являются движущей силой истории, то он предъявляет здесь римским юристам невероятное требование, согласно которому они должны были бы, вместо создания системы права существующего римского общества, создать ее прямую противоположность, а именно «ясную, свободную от всякого преуве-

[*] — к абсурду. *Ред.*

личения картину» фантастического общественного строя. Вот к чему сводится менгеровская философия права, примененная к *римскому* праву! Но уж совсем нелепо утверждение Менгера, будто еще никогда экономические условия не были так благоприятны для социализма, как во времена римских императоров. Социалисты, которых Менгер намеревается опровергнуть, видят залог успеха социализма в развитии самого производства. С одной стороны, благодаря развитию механизированных крупных предприятий в промышленности и в сельском хозяйстве, процесс производства все более приобретает общественный характер, а производительность труда колоссально возрастает. Это делает необходимым уничтожение классовых различий и превращение товарного производства на частных предприятиях в производство, осуществляемое непосредственно самим обществом и для общества. С другой стороны, современный способа производства порождает класс, который во все возрастающей степени набирает силы для претворения в жизнь такого развития и становится все более заинтересованным в нем — свободный, работающий пролетариат.

Сравните теперь с этим условия императорского Рима, где ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве не было и речи о крупном машинном производстве. Конечно, мы встречаем там концентрацию земельной *собственности,* но надо быть юристом, чтобы отождествлять это с развитием общественной формы труда на крупных предприятиях. Если мы предложим г-ну Менгеру три примера землевладения: ирландского лендлорда, который владеет 50 тыс. акров земли, обрабатываемых в мелких хозяйствах 5 тыс. арендаторов по 10 акров каждое в среднем; шотландского лендлорда, превратившего 50 тыс. акров в заповедник для охоты, и американскую гигантскую ферму в 10 тыс. акров, где пшеница выращивается методами крупнопромышленного производства, то Менгер объявит, что в первых двух случаях концентрация средств производства в пять раз выше, чем в последнем.

Развитие римского сельского хозяйства во времена императоров вело, с одной стороны, к расширению пастбищного хозяйства на огромные пространства и к обезлюдению страны, а с другой — к раздроблению имений на мелкие арендные участки, передававшиеся колонам, то есть к созданию карликовых хозяйств зависимых мелких крестьян, предшественников позднейших крепостных, к утверждению, следовательно, такого способа производства, в котором в зародыше уже содержался способ производства, господствовавший в средние века. И помимо всего прочего, уже только в силу этого, почтеннейший

г-н Менгер, Римскую империю сменил «средневековый правопорядок». Правда, иногда в отдельных провинциях попадались и крупные сельскохозяйственные предприятия, но это были не хозяйства, основанные на машинном производстве со свободными рабочими, а *плантационные* хозяйства с *рабами,* варварами самых различных национальностей, часто не понимавшими друг друга. Этим последним противостояли свободные пролетарии, но не *работающие,* а *люмпен*-пролетарии. В наше время общество во все возрастающей степени держится на труде пролетариев, они становятся все более необходимыми для его существования. Римские же люмпен-пролетарии были паразитами, не только бесполезными, но даже вредными для общества, и поэтому они не являлись решающей силой.

А г-ну Менгеру представляется, что способ производства и народ никогда еще не были так зрелы для социализма, как во времена императоров! Отсюда можно видеть, какое преимущество приобретаешь, когда держишься возможно дальше от экономического «обрамления».

Отцов церкви мы оставим ему, так как он умалчивает, в чем именно их «критику существующего общественного строя можно было бы сравнить с лучшими современными социалистическими сочинениями». Отцам церкви мы обязаны некоторыми интересными сведениями о римском обществе времен упадка, но *критикой* этого общества они, как правило, не занимались, а довольствовались тем, что просто *порицали* его, и притом в таких резких выражениях, что в сравнении с ними самый резкий язык современных социалистов и даже негодующие крики анархистов кажутся весьма кроткими. Имеет ли г-н Менгер в виду это их «превосходство»?

С тем же пренебрежением к историческим фактам, которое мы только что отмечали, Менгер на стр. 2 утверждает, что привилегированные классы получают свой доход, *не давая лично обществу ничего взамен.* Тот факт, что господствующие классы в период своего восходящего развития выполняют вполне определенные социальные функции и именно благодаря этому становятся господствующими, — этот факт ему, следовательно, совершенно неизвестен. В то время как социалисты признают историческое право на существование этих классов в течение известного периода, Менгер объявляет здесь присвоение ими прибавочного продукта воровством. Поэтому его может только удивлять, что эти классы, как он констатирует на стр. 122, 123, с каждым днем все более теряют *силу,* позволяющую им защищать свое право на этот доход. А то, что эта сила заключается в выполнении социальных функций и что с уничто-

жением этих функций в ходе дальнейшего развития она исчезает — остается для этого великого мыслителя чистой загадкой.

Довольно. Господин профессор берется трактовать социализм в духе философии права, то есть свести его к нескольким кратким юридическим формулам, к социалистическим «основным правам», к новому изданию прав человека для XIX века. Такие основные права имеют, правда, лишь

«незначительную практическую силу воздействия», но «для науки они не бесполезны» — как *«лозунги»* (стр. 5, 6).

Таким образом, мы дошли уже до того, что имеем теперь дело только с *лозунгами.* Сначала устраняется историческая связь и историческое содержание огромного движения, чтобы очистить место для одной лишь «философии права», а потом и эта философия права сводится к лозунгам, которые, по признанию самого автора, практически ни гроша не стоят! Было, действительно, из-за чего огород городить!

Господин профессор делает открытие, что *весь социализм* можно юридически свести к *трем* таким лозунгам, к трем основным правам, а именно:

1) право на полный трудовой доход,

2) право на существование,

3) право на труд.

Право на труд есть только временное требование, «первая неуклюжая формула, в которой резюмируются революционные требования пролетариата» (Маркс)[562]. Это требование, следовательно, к данному случаю вообще не относится. Зато забыто требование *равенства,* которое господствовало во всем французском революционном социализме от Бабёфа до Кабе и Прудона. Этому требованию, однако, г-н Менгер вряд ли сможет придать юридическую формулировку, несмотря на то, или может быть именно благодаря тому, что оно является самым юридическим из всех упомянутых. Таким образом, в качестве квинтэссенции остаются только тощие положения 1 и 2, которые к тому же еще противоречат друг другу, о чем Менгер догадывается, наконец, на стр. 27, но это отнюдь не мешает ему утверждать, что всякая социалистическая система должна вращаться в рамках этих положений (стр. 6). Очевидно, однако, что втискивание разнообразнейших социалистических учений самых различных стран и ступеней развития в эти два «лозунга» должно вести к фальсификации всей картины. То своеобразие каждого отдельного учения, которое именно и составляет его историческое значение, не только отбрасывается здесь в сторону, как нечто второстепенное, но попросту отвергается, как нечто

ложное, поскольку отклоняется от лозунга или противоречит ему.

Рассматриваемое сочинение касается только № 1, права на полный трудовой доход.

Право рабочего на полный трудовой доход, то есть право каждого отдельного рабочего на *его* индивидуальный трудовой доход, — есть идея, которую мы в такой определенной форме находим только в учении Прудона. Совершенно иным является требование, чтобы средства производства и продукты производства принадлежали совокупности трудящихся. Это требование является коммунистическим и идет значительно *дальше* требования № 1, — открытие, которое Менгер делает на стр. 48 и которое приводит его в немалое смущение. Он вынужден поэтому то помещать коммунистов под рубрику лозунга № 2, то всячески коверкать и перевертывать основное право № 1, чтобы как-нибудь подвести их под эту рубрику. Это происходит на стр. 7. Здесь предполагается, что после уничтожения товарного производства последнее все же продолжает существовать. Г-ну Менгеру кажется вполне естественным, что и в социалистическом обществе будут производиться *меновые стоимости,* следовательно, товары для продажи, а также будут впредь существовать *цены на труд,* и что, следовательно, рабочая сила будет по-прежнему продаваться как товар. Единственный вопрос, который он при этом ставит перед собой, таков: будут ли в социалистическом обществе сохранены с определенной надбавкой исторически унаследованные цены на труд или должен возникнуть

«совершенно новый принцип определения цены труда».

Последнее, по его мнению, потрясло бы общество в еще большей степени, чем само установление социалистического общественного строя! Эта путаница понятий вполне естественна, ибо наш ученый на стр. 94 говорит *о социалистической теории стоимости,* следовательно, воображает, подобно известным образцам, будто марксова теория стоимости должна служить масштабом распределения в будущем обществе. Более того, на стр. 56 рассказывается, что полный трудовой доход не есть нечто определенное, так как он может быть вычислен на основании по меньшей мере *трех* различных масштабов, и, наконец, на стр. 161, 162 мы узнаем, что он образует «естественный принцип распределения» и возможен только в таком обществе, где будет существовать общая собственность, но с индивидуальным пользованием, следовательно, в обществе, которое ни один из современных социалистов не выдвигает в качестве своей конечной

цели! Замечательное основное право! Замечательный философ права рабочего класса!

Этим Менгер облегчил себе задачу «критического» изложения истории социализма. Три слова заветных я вам назову и если они даже из уст в уста и не переходят*, то все же их совершенно достаточно для того экзамена на аттестат зрелости, которому подвергаются здесь социалисты. Итак сюда, Сен-Симон, сюда, Прудон, сюда, Маркс, и как вы там еще называетесь: клянетесь ли вы номером 1 или номером 2, или номером 3? Сюда, на мое прокрустово ложе, и все, что выходит за его пределы, я отсекаю, как экономическое и филантропическое обрамление!

Здесь важно только одно: у кого впервые встречаются эти три основных права, октроированные Менгером социализму; кто первый выдвинул одну из этих формул, тот великий человек. Понятно, что при этом не обходится без забавных промахов, несмотря на весь наукообразный аппарат. Так, он полагает, что у сен-симонистов термин oisifs означает имущие, а термин travailleurs — трудящиеся классы (стр. 67), и даже в заглавии сен-симонистского сочинения «Les oisifs et les travailleurs. — Fermages, loyers, interets, salaires» («Тунеядцы и трудящиеся. — Аренда, сдача в наем, проценты, заработная плата»)[563], где уже отсутствие упоминания о *прибыли* должно было бы показать ему его заблуждение. На той же странице Менгер сам цитирует характерное место из «Globe», органа сен-симонизма, где в противовес oisifs, наряду с учеными и художниками прославляются, как благодетели человечества, и industriels, то есть *фабриканты,* и где выдвигается требование только упразднения дани в пользу oisifs, то есть *рантье,* тех, которые получают доход от аренды, сдачи в наем помещений и процентов. *Прибыль* снова отсутствует в этом перечне. Фабрикант занимает в сен-симонистской системе выдающееся положение, как влиятельный и хорошо оплачиваемый уполномоченный общества, и г-ну Менгеру следовало бы основательнее изучить это положение прежде, чем он в будущем переработает его в духе философии права.

На стр. 73 мы узнаем, что Прудон в своих «Экономических противоречиях»[564] обещал, «*правда, довольно неясно,* новое решение социального вопроса» при сохранении товарного производства и конкуренции. То, что г-ну профессору кажется *довольно неясным* еще в 1886 г., Маркс разглядел уже в 1847 г., показав, что все это весьма старо, и смог предсказать Прудону то банкротство, которое тот потерпел в 1849 году[565].

* Перефразированные строки из стихотворения Шиллера «Слова веры». *Ред.*

Однако довольно. Все, о чем мы до сих пор говорили, является для г-на Менгера, а также для его публики лишь второстепенным. Если бы Менгер писал только историю прав а № 1, его сочинение осталось бы незамеченным. Для его книги эта история является только предлогом, цель ее — *развенчать Маркса.* И читают это сочинение только потому, что в нем речь идет о Марксе. Уже давно стало не так легко критиковать Маркса, с тех пор как понимание его системы проникло в широкие круги, и критик не может больше спекулировать на неосведомленности публики. Только одно еще остается: чтобы развенчать Маркса, его заслуги приписывают другим социалистам, которыми теперь никто не интересуется, которые уже сошли со сцены, утратили какое-либо политическое и научное значение. Таким способом надеются разделаться с основателем пролетарского мировоззрения и с самим этим мировоззрением. Это и предпринял г-н Менгер. Не напрасно ведь он профессор. Надо же и совершить что-нибудь.

Задача решается очень просто.

Современный общественный строй предоставляет землевладельцу и капиталисту «право» на часть — наибольшую — произведенного рабочим продукта. Основное право № 1 гласит, что это право есть несправедливость и что рабочему должен принадлежать весь трудовой доход. Этим исчерпывается все содержание социализма, если отвлечься от основного права № 2. Следовательно, кто первым сказал, что современное право владельцев земли и других средств производства на часть трудового дохода есть *несправедливость,* тот великий человек, *основатель «научного» социализма!* Такими были *Годвин, Холл и Томпсон,* Отбросив все «бесконечные народнохозяйственные обрамления», Менгер находит у Маркса в виде юридического остатка только это же самое утверждение. Следовательно, Маркс списал у старых англичан, особенно у Томпсона, и старательно замолчал свой источник. Доказательство налицо.

Мы отказываемся от всякой попытки объяснить нашему недогадливому юристу, *что Маркс нигде не выдвигает требования трава на полный трудовой доход»,* что в своих теоретических произведениях он вообще не выдвигает никаких требований правового характера. Даже у нашего юриста пробуждается отдаленное понимание этого, когда он упрекает Маркса в том, что тот нигде не дал

«серьезного обоснования права на полный трудовой доход» (стр. 98).

В теоретических исследованиях Маркса юридическое право, являющееся всегда только отражением экономических условий

определенного общества, играет лишь самую второстепенную роль. Напротив, первое место в этих исследованиях занимает раскрытие исторических причин существования в определенные эпохи известных порядков, способов присвоения, общественных классов. Изучение этих проблем и интересует в первую очередь всякого, кто видит в истории отличающийся внутренней связью, хотя часто и противоречивый процесс развития, а не, как это считали в XVIII веке, только беспорядочное нагромождение глупостей и зверств. Маркс признает историческую неизбежность, следовательно, и обусловленность существования античных рабовладельцев, средневековых феодалов и т. д. в ограниченные определенными рамками исторические периоды, в течение которых они являлись рычагами развития человечества. Маркс, таким образом, признает для определенного периода историческую обусловленность эксплуатации, присвоения другими продукта труда рабочего, но одновременно он доказывает не только то, что эта историческая обусловленность теперь перестала существовать, но и то, что дальнейшее сохранение эксплуатации в какой бы то ни было форме, вместо того, чтобы способствовать общественному развитию, с каждым днем все больше тормозит его и приводит ко все более острым коллизиям. И попытка Менгера втиснуть эти составившие эпоху исторические исследования в свое узкое юридическое прокрустово ложе доказывает только его собственную полную неспособность понимать вещи, выходящие за пределы узкого юридического горизонта. Его основное право № 1 в такой формулировке для Маркса вообще не существует.

Но вот и самое важное!

Г-н Менгер открыл у Томпсона термин *«прибавочная стоимость»,* surplus value. Сомнений нет, Томпсон, следовательно, открыл прибавочную стоимость, а Маркс — только жалкий плагиатор:

«В этих рассуждениях Томпсона мы сразу узнаем тот ход мыслей, даже тот способ выражения, которые позже вновь встречаются у столь многих социалистов, в частности также у *Маркса* и *Родбертуса»* (стр. 53).

Томпсон, таким образом, бесспорно является «самым выдающимся основателем научного социализма» (стр. 49). А в чем состоит этот научный социализм?

Тот взгляд, «что земельная рента и прибыль на капитал представляют собой вычеты, производимые собственниками земли и капитала из полного трудового дохода, ни в коем случае не является *свойственным только социализму,* так как некоторые представители буржуазной политической экономии, например, Адам Смит, *исходят из той же самой точки зрения,* Томпсон и его последователи *оригинальны лишь в том отношении,* что

они рассматривали земельную ренту и прибыль на капитал как *несправедливые* вычеты, противоречащие праву рабочего на полный трудовой доход» (стр. 53, 54).

Научный социализм, таким образом, состоит не в том, чтобы открыть какой-либо экономический факт, ибо это, согласно Менгеру, уже было сделано экономистами ранее, а просто в том, чтобы объявить этот факт *несправедливым.* Таково мнение г-на Менгера. Если бы социалисты в самом деле так легко смотрели на свою задачу, они давно могли бы прекратить всякую деятельность и г-н Менгер был бы избавлен от позора со своей философией права. Но такова уж судьба тех, кто пытается свести всемирно-историческое движение к юридическим лозунгам, умещающимся в жилетном кармане.

Однако как же быть с украденной у Томпсона прибавочной стоимостью? Тут дело обстоит следующим образом:

В своем «Исследовании принципов распределения богатства и т. д.»[566], гл. I, отд. 15, Томпсон рассматривает,

«какую относительную часть продукта своего труда рабочие должны» («ought» — дословно «обязаны», следовательно, «должны по праву») «заплатить за статью, именуемую капиталом, владельцам последнего, именуемым капиталистами?» Капиталисты утверждают, что «без этого капитала, без машин, сырья и т. д. труд сам по себе ничего бы не произвел, и поэтому вполне справедливо, что рабочий оплачивает чем-либо пользование им». И Томпсон продолжает: «Несомненно, рабочий должен что-либо заплатить за пользование капиталом, если он, к своему несчастью, сам не владеет им. Вопрос только в том, какая часть продукта его труда должна (ought) быть удержана за это пользование?» (стр. 128, издание, подготовленное Пэром, 1850).

Это уже совсем не похоже на «право на полный трудовой доход». Напротив, Томпсон считает в порядке вещей, чтобы рабочий уступил часть своего трудового дохода, как плату за пользование субсидированным ему капиталом. Вопрос для него только в размерах этой части. И для этого существуют «два масштаба, — масштаб рабочего и масштаб капиталиста». А каков масштаб рабочего?

«Уплата суммы, которая возмещала бы изнашиваемость капитала, его стоимость, если он полностью потреблен, и кроме того включала бы такое *добавочное вознаграждение* его собственника и управляющего (superintendent), которое обеспечило бы последним *такие же жизненные удобства,* какими пользуются действительно занятые (more actively employed) производительным трудом рабочие».

Таково, по Томпсону, требование *рабочего,* и всякий, кто сразу не «узнает» здесь «ход мыслей и даже способ выражения Маркса», тот без всякого снисхождения будет провален на экзамене по философии права у г-на Менгера.

Однако прибавочная стоимость, — где же остается прибавочная стоимость? Терпение, любезный читатель, мы сейчас к этому подходим.

«Масштабом капиталиста была бы та *дополнительная стоимость,* которую *производит* то же количество труда *благодаря использованию машин* или другого капитала, так что *вся эта прибавочная стоимость* была бы получена капиталистом в силу его умственного превосходства и ловкости, при помощи которых он накопил свой капитал и предоставил его рабочим или передал им его в пользование» (Томпсон, стр. 128).

Это место, взятое буквально, совершенно непонятно. Без средств производства невозможно никакое производство. Средства же производства здесь предполагаются в форме капитала, то есть во владении капиталистов. Если таким образом рабочий производит без «использования машин или другого капитала», то он пытается сделать невозможное и ничего, соответственно, не производит. Если же он производит с использованием капитала, то *весь* его продукт будет тем, что здесь называется прибавочной стоимостью. Пойдем поэтому дальше. И вот на стр. 130 Томпсон заставляет того же капиталиста говорить следующее:

«До изобретения машин, до создания мастерских и фабрик, какова была тогда величина продукта, произведенного рабочим своими силами, без вспомогательных средств? Какой бы она ни была, рабочий должен получать продукт сполна и впредь... Но тому, кто построил здания или машины, или приобрел их путем добровольного обмена, тому должна принадлежать вся *прибавочная стоимость* произведенных товаров, как вознаграждение», и т. д.

Капиталист Томпсона высказывает здесь только то, что составляет повседневную иллюзию фабриканта, а именно, будто бы рабочее время рабочего, производящего при помощи машин и т. д., создает большую *стоимость,* чем создавало рабочее время простого ремесленника, работавшего вручную, до изобретения машин. Эту иллюзию порождает *чрезвычайная* «прибавочная стоимость», присваиваемая капиталистом, который с новоизобретенной машиной, монополизированной им одним или, может быть, еще несколькими другими капиталистами, вторгается в область, где господствовал до того ручной труд. Цена продукта ручного труда определяет в этом случае рыночную цену всего продукта этой отрасли промышленности; продукт же машинного производства стоит, может быть, лишь четвертую часть этого труда и приносит, следовательно, фабриканту «прибавочную стоимость» в размере 300 процентов себестоимости этого продукта.

Конечно, всеобщее распространение новой машины быстро кладет конец такого рода «прибавочной стоимости», но тогда капиталист видит, что в той же мере, в какой продукт машинного

производства начинает определять рыночную цену, и эта пена все более и более снижается до уровня его действительной стоимости, в той же мере падает также и цена продукта ручного труда, опускаясь ниже его первоначальной стоимости, и что таким образом машинный труд и теперь еще производит известную «прибавочную стоимость» в сравнении с ручным трудом. Этот самый обыкновенный самообман Томпсон вкладывает здесь в уста своему фабриканту. Но как мало Томпсон сам разделяет этот самообман, видно из того, что он ясно говорит непосредственно перед этим, на стр. 127:

«Сырье, здания, заработная плата — все эти вещи ничего не могут прибавить к своей стоимости: *дополнительная стоимость* возникает только благодаря труду».

При этом мы извиняемся перед нашими читателями в том, что считаем нужным здесь исключительно для пользы и блага г-на Менгера еще специально подчеркнуть, что и эта «дополнительная стоимость» Томпсона ни в коем случае не совпадает с прибавочной стоимостью Маркса, а охватывает *всю* стоимость, прибавленную трудом к сырью, следовательно, равняется сумме стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости в марксовом смысле.

Только теперь, после этих неизбежных «народнохозяйственных обрамлений» мы можем вполне оценить смелость г-на Менгера, с которой он на стр. 53 утверждает:

«По мнению Томпсона... *всякую* разницу между *жизненно необходимыми потребностями рабочих* и действительным доходом от их труда, ставшего более производительным благодаря машинам и другим затратам капитала, капиталисты рассматривают... как прибавочную стоимость (surplus value, additional value), которая должна принадлежать собственникам земли и капитала».

И это выдается за немецкое «вольное» изложение приведенной нами выше цитаты из Томпсона, стр. 128. Но у томпсоновского капиталиста речь идет только о разнице между продуктом того же количества труда (the same quantity of labour), в зависимости от того, применяется ли этот труд с использованием иди без использования капитала, о разнице между продуктами равного количества ручного и машинного труда. «Жизненно необходимые потребности рабочих» г-н Менгер может ввести только контрабандным путем, прямо фальсифицируя Томпсона.

Констатируем таким образом: «прибавочная стоимость» томпсоновского капиталиста не есть «прибавочная стоимость» или «дополнительная стоимость» Томпсона, в еще гораздо меньшей степени какая-либо из них тождественна с «прибавоч-

ной стоимостью» г-на Менгера, и менее всего какая-либо из этих трех совпадает с «прибавочной стоимостью» Маркса.

Но это ни в малейшей степени не смущает г-на Менгера. Он продолжает на стр. 53:

«Земельная рента и прибыль на капитал являются поэтому не чем иным, как вычетами из полного трудового дохода, которые — к невыгоде рабочего — может производить собственник земли и капитала в силу своего установленного законом господствующего положения» (мысль, которая в полном своем объеме имеется уже у Адама Смита). И после этого г-н Менгер с триумфом восклицает: «В этих рассуждениях *Томпсона* мы сразу узнаем вновь тот ход мыслей, даже тот способ выражения, которые позже вновь встречаются у столь многих социалистов, в частности также у Маркса и Родбертуса».

Другими словами: г-н Менгер открыл у Томпсона *термин* surplus value (также additional value), «прибавочная стоимость», причем он только путем прямой передержки может скрыть, что surplus value или additional value встречаются у Томпсона в двух совершенно различных значениях, а оба эти значения. в свою очередь, совершенно отличны от того смысла, в котором употребляет термин «прибавочная стоимость» Маркс.

Вот все содержание его великого открытия! Какой жалкий результат в сравнении с помпезным заявлением в предисловии:

«Я в этом сочинении *докажу,* что *Маркс* и *Родбертус* свои важнейшие социалистические теории позаимствовали у более старых английских и французских теоретиков, не называя источников своих воззрений».

Как печально выглядит теперь сравнение, предшествующее этой фразе:

«Если бы кто-нибудь спустя тридцать лет после появления труда Адама Смита о богатстве народов снова «открыл» учение о разделении труда или если бы в наши дни какой-нибудь писатель захотел изложить теорию развития Дарвина как свою духовную собственность, то его сочли бы *невеждой* или *шарлатаном.* Только в области социальных наук, еще почти полностью лишенных какой-либо исторической традиции, возможны успешные попытки такого рода».

Мы оставим здесь в стороне тот факт, что Менгер все еще полагает, будто Адам Смит «открыл» разделение труда, между тем как уже Петти, за восемьдесят лет до Смита, всесторонне разработал этот вопрос. То, что сказано Менгером о Дарвине, поворачивается здесь, до известной степени, в противоположную сторону. Ионийский философ Анаксимандр еще в шестом столетии до нашей эры высказал тот взгляд, что человек путем развития произошел от рыбы, а, как известно, такова точка зрения и современного эволюционного естествознания. Но если бы кто-нибудь захотел выступить с заявлением, что уже в этом можно увидеть ход мыслей и даже способ выражения Дарвина и что Дарвин является лишь плагиатором Анаксимандра,

старательно скрывавшим свой источник, то он поступил бы в отношении Дарвина и Анаксимандра так же, как фактически поступает г-н Менгер в отношении Маркса и Томпсона. Г-н профессор прав: «Только в области социальных наук» можно рассчитывать на то невежество, которое делает «возможными успешные попытки такого рода».

Так как наш великий знаток социалистической и экономической литературы придает такое значение словечку «прибавочная стоимость» независимо от того, какое понятие с ним связывается, то мы ему откроем секрет, что не только у Рикардо уже встречается термин surplus produce* (в главе о заработной плате)[567], но что рядом с употребляемым Сисмонди mieux-value** в повседневной деловой жизни Франции с незапамятных времен общепринято выражение plus-value для обозначения всякого увеличения стоимости, которое ничего не стоит владельцу товаров. После этого может показаться сомнительным, насколько сделанное Менгером открытие относительно того, что Томпсон или, вернее, томпсоновский капиталист открыл прибавочную стоимость, будет иметь какое-нибудь значение даже для философии права.

Г-н Менгер, однако, далеко еще не разделался с Марксом. Слушайте:

«Характерно, что Маркс и Энгельс вот уже сорок лет *неправильно цитируют* этот *основной труд* английского социализма» (а именно Томпсона) (стр. 50).

Мало того, что Маркс эту свою тайную Эгерию замалчивает в течение сорока лет, ему понадобилось еще ее и неправильно цитировать! И не однажды, а в течение сорока лет. И не только Маркс, но и Энгельс! Какое нагромождение умышленной низости!

Бедный Луйо Брентано, ты, который уже двадцать лет ищешь тщетно у Маркса хоть одну-единственную неверную цитату, ты, который в этой погоне не только пострадал сам, но и вверг в несчастье своего легковерного друга Седли Тейлора в Кембридже[568], ты должен повеситься, Луйо, что не ты до этого додумался. А в чем состоит эта ужасная, сорок лет упорно продолжающаяся и к тому еще «характерная» фальсификация, которая в силу преступного, также сорокалетнего сотрудничества Энгельса уже принимает характер злонамеренного заговора?

«... неверно цитируют, указывая как год появления книги 1827».

А книга вышла уже в 1824 году!

* — прибавочный продукт. *Ред.*
** — прибавочная стоимость. *Ред.*

«Характерно», в самом деле, — для г-на Менгера. Но это, однако, далеко не единственный — заметь себе, Луйо! — не единственный случай фальсификации цитат со стороны Маркса и Энгельса, которые, по-видимому, промышляют этой фальсификацией может быть даже как странствующие ремесленники. В «Нищете философии», которая появилась в 1847 г., Маркс спутал *Годскина с Гопкинсом,* и 40 лет спустя (сорок лет какой-то провиденциальный срок для этих злонамеренных людей) Энгельс совершает то же преступление в предисловии к немецкому переводу «Нищеты»[569]. Ввиду столь тонкого чутья г-на профессора ко всяким опечаткам и опискам, можно считать потерей для человечества, что он не стал корректором в какой-нибудь типографии. Однако нет, мы вынуждены взять этот комплимент назад. Г-н Менгер не годится и в корректоры, ибо и он неверно списывает, следовательно, неверно цитирует. Это случается с ним не только в отношении английских, но и в отношении немецких заглавий. Так, он, например, ссылается на «энгельсовский перевод этого сочинения», именно «Нищеты». Перевод этот, как свидетельствует титульный лист, не принадлежит Энгельсу. Цитату из Маркса с упоминанием Гопкинса Энгельс приводит в указанном предисловии *дословно,* он был, следовательно, обязан оставить в своей цитате и эту неточность, если он не хотел неправильно цитировать Маркса. Но эти люди не смогут никогда угодить г-ну Менгеру.

Однако довольно об этих пустяках, в которых с таким наслаждением копается наш философ права. Для этого человека, как и для всех людей подобного сорта, «характерно» то, что он, который вообще узнал обо всей этой литературе только из произведений Маркса — он не цитирует ни одного английского автора, которого не цитировал бы уже Маркс, за исключением разве Холла и таких всемирно-известных писателей, как Годвин, тесть Шелли, — считает своим долгом продемонстрировать свое знакомство сверх того с двумя-тремя книгами, которых не знал Маркс «сорок лет тому назад», в 1847 году. Тот, кто, имея в кармане одни только заглавия цитированных Марксом сочинений и пользуясь современными справочными пособиями и удобствами Британского музея, не в состоянии сделать более важного открытия в этой области, чем то, что «Распределение» Томпсона появилось в 1824 г., а не в 1827 г.,тому действительно нечего хвастать своей библиографической ученостью.

К г-ну Менгеру относится то же, что и ко многим другим социал-реформаторам нашего времени: громкие слова и пустяковые — если они вообще есть — дела. Обещают доказать, что Маркс — плагиатор, а доказывают, что *один термин*,

«прибавочная стоимость», употреблялся *уже* до Маркса, хотя и в другом смысле!

Точно так же обстоит дело с юридическим социализмом г-на Менгера. В предисловии г-н Менгер заявляет, что

«в юридической переработке социализма» он видит «важнейшую задачу философии права *нашего времени»*. «Правильное разрешение этой задачи будет существенно содействовать тому, чтобы неизбежные изменения нашего правопорядка совершались путем мирной реформы. Только тогда, когда социалистические идеи будут превращены в трезвые юридические понятия, практические государственные мужи будут в состоянии понять, насколько необходимо преобразование существующего правопорядка в интересах страдающих народных масс»[570].

И он хочет содействовать этой реформе путем изображения социализма как правовой системы.

А к чему сводится эта юридическая переработка социализма? В «заключительных замечаниях» говорится:

«Не подлежит никакому сомнению, что разработка такой правовой системы, которая всецело руководствовалась бы этими фундаментальными правовыми идеями» (основные права №№ 1 и 2) «есть *дело отдаленного будущего»* (стр. 163).

То, что в предисловии выступает, как важнейшая задача «нашего времени», в заключении отодвигается в «отдаленное будущее».

«Необходимые изменения» (существующего правопорядка) «последуют путем долгого исторического развития, подобно тому, как наш современный общественный строй в течение веков настолько разложил и разрушил феодальную систему, *что в конечном счете достаточно было лишь одного толчка, чтобы полностью устранить* ее» (стр. 164).

Очень хорошо сказано, но к чему тогда философия права, если «историческое развитие» общества само приведет к необходимым изменениям? Согласно предисловию, именно юристы призваны указывать путь общественному развитию; теперь же, когда юрист подходит к выполнению своих обещаний, ему изменяет храбрость, и он что-то бормочет об историческом развитии, которое все само устроит.

«Направлено ли, однако, наше социальное развитие на осуществление права на полный трудовой доход или права на существование?»

Г-н Менгер заявляет, что не знает этого. Так позорно предает он теперь свои социалистические «основные права». Но если эти основные права не в состоянии никого соблазнить, если они не определяют и не осуществляют социальное развитие, а наоборот, сами определяются и осуществляются этим развитием, то к чему тогда все эти старания свести весь социализм к основным правам? К чему тогда старания лишить социализм его экономического и исторического «обрамления», если мы вслед

за этим должны узнать, что это «обрамление» составляет его действительное содержание? Почему нам только в конце заявляют, что все это исследование не имеет никакого смысла, так как цель социалистического движения можно познать не путем превращения социалистических идей в трезвые юридические понятия, а только путем изучения социального развития и его побудительных причин?

Мудрость г-на Менгера сводится, в конечном счете, к его заявлению о том, что он, мол, не может сказать, какое направление примет социальное развитие, но одно для него несомненно — не следует *искусственно* усугублять «изъяны современного социального строя» (стр. 166), и он рекомендует в целях содействия дальнейшему сохранению этих «изъянов» придерживаться *свободы торговли* и избегать дальнейших *долгов* со стороны государства и общин!

Эти советы являются единственным осязательным результатом философии права Менгера, выступившей с таким шумом и самовосхвалением! Жаль только, что г-н профессор не открывает нам секрета, как современные государства и общины могут управиться со своими делами без «государственных и муниципальных долгов». Если он обладает этим секретом, то пусть не сохраняет его для себя. Это проложило бы ему дорогу «ввысь», к министерскому креслу еще скорее, чем его достижения в области «философии права».

Какой бы прием, однако, последние не встретили во «влиятельных сферах», во всяком случае мы считаем себя вправе высказать уверенность, что все социалисты, нынешние и будущие, оставят г-ну Менгеру все его основные права или откажутся от всякой попытки оспаривать у него этот его «полный трудовой доход».

Сказанное, конечно, не означает, что социалисты отказываются от выставления *определенных требований правового характера.* Активная социалистическая партия без таких требований невозможна, как вообще всякая политическая партия. Требования, вытекающие из общих интересов какого-либо класса, могут быть осуществлены только путем завоевания этим классом политической власти, после чего он придает своим притязаниям всеобщую силу в форме законов. Каждый борющийся класс должен, поэтому, формулировать свои притязания как *требования правового характера* в виде программы. Но притязания каждого класса меняются в ходе общественных и политических преобразований, они различны в каждой отдельной стране, в зависимости от ее особенностей и уровня ее социального развития. Поэтому и требования правового характера,

выдвигаемые отдельными партиями, при всей общности их конечной цела не во всякое время и не у всякого народа полностью одинаковы. Они представляют собой переменный элемент и время от времени пересматриваются, как это можно наблюдать у социалистических партий различных стран. При таких пересмотрах принимаются в расчет *фактические отношения;* в то же время ни одной из существующих социалистических партий не приходило в голову сделать из своей программы новую философию права, и этого не произойдет и в будущем. По крайней мере то, что совершил г-н Менгер в этой области, способно только отпугнуть от такого начинания.

Такова единственная полезная сторона его сочиненьица.

Написано в ноябре — начале декабря 1886 г.

Напечатано в журнале «Die Neue Zeit», № 2 г. 1887 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

ПОПРАВКИ Ф. ЭНГЕЛЬСА К ПРОГРАММЕ СЕВЕРОАНГЛИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ [571]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СЕВЕРОАНГЛИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

(ОСНОВАНА В НОРТАМБЕРЛЕНДЕ В МАЕ 1887 ГОДА)

ПРИНЦИПЫ[*]

Североанглийская социалистическая федерация основана с целью воспитывать и организовывать народные массы в целях достижения экономического освобождения труда.

Полностью сочувствуя и содействуя любым усилиям наемных рабочих, направленным на достижение лучших условий жизни при существующем строе. Социалистическая федерация стремится к уничтожению класса капиталистов и крупных землевладельцев, ***а также класса наемных рабочих,*** и к объединению <рабочих всего обществ> ***всех членов общества*** в ассоциацию, основанную на кооперации.

Строй, при котором класс предпринимателей монополизирует все средства, служащие для приобретения и создавания богатств, а класс наемных рабочих вынужден работать <в первую очередь> ради прибылей этих предпринимателей, является строем тирании и рабства.

Антагонизм обоих этих классов <приводит к> ***выражается в*** ожесточенной конкуренции — из-за работы среди рабочих и из-за рынков среди капиталистов. Это <порождает классовую ненависть и классовую распрю> ***раскалывает самое нацию, разделяет ее на два враждебных лагеря*** и разрушает действительную независимость, свободу и счастье.

При современном строе тунеядцы пользуются досугом и роскошью, на долю рабочих достается труд и бедность, а на долю всех — общий упадок; этот строй по существу своему

[*] Слова, вычеркнутые Энгельсом в программе, даны в угловых скобках, добавленный им текст напечатан полужирным курсивом. *Ред.*

несправедлив и должен быть уничтожен. И он может быть уничтожен, ибо теперь производительность труда настолько возросла, что никакое расширение рынков не может поглотить избыток продукции; самое изобилие жизненных средств и благ становится, таким образом, причиной застоя промышленности, безработицы и, следовательно, нищеты миллионов трудящихся.

Наша цель состоит в установлении социалистического строя, который предоставит всем здоровую и полезную работу, материальную обеспеченность, досуг и истинную полную свободу.

Все приглашаются оказать содействие Социалистической федерации в этом великом деле. Присоединяющиеся должны признавать основой своего отношения друг к другу и ко всем людям — правду, справедливость и нравственность. Они должны признать, что *нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав.*

Написано между 14 и 23 июня 1887 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XVI, ч. I, 1937 г.

Печатается по тексту программы с рукописными поправками Энгельса

Перевод с английского

Wage-workers of all Countries—Unite!

THE NORTH OF ENGLAND

SOCIALIST FEDERATION.

(FOUNDED IN NORTHUMBERLAND, MAY, 1887.)

PRINCIPLES.

The North of England Socialist Federation has been formed to educate and organize the people to achieve the economic emancipation of labour.

While fully sympathising with and helping every effort of the wage-earners to win better conditions of life under the present system, the Socialist Federation aims at abolishing the Capitalist and Landlord class and forming the workers of society into a Co-operative Commonwealth.

An employing class monopolising all the means of getting and making wealth, and a wage-earning class compelled to work primarily for the profit of these employers, is a system of tyranny and slavery.

The antagonism of these two classes brings about fierce competition—for employment amongst the workers and for markets amongst the capitalists. This gives rise to class hatred and class strife and destroys real independence, liberty, and happiness.

The present system gives ease and luxury to the idlers, toil and poverty to the workers, and degradation to all; it is essentially unjust and should be abolished.

Our aim is to bring about a Socialist System which will give healthy and useful labour to all, ample wealth and leisure to all, and the truest and fullest freedom to all.

All are invited to help the Socialist Federation in this great cause. Adherents shall acknowledge truth, justice, and morality as the basis of their conduct towards each other and towards all men. They shall acknowledge NO RIGHTS WITHOUT DUTIES: NO DUTIES WITHOUT RIGHTS.

PROGRAMME.

The Socialist Federation seeks to gain its ends by working on the following lines:—

(1) Forming and helping other Socialist bodies to form a National and International Socialist Labour Party.

(2) Striving to conquer political power by promoting the election of Socialists to Parliament, Local governments, School Boards, and other administrative bodies.

(3) Helping Trade Unionism, Co-operation, and every genuine movement for the good of the workers.

(4) Promoting a scheme for the National and International Federation of Labour.

All who agree with these objects are invited to become members. For Rules see other side.

as well as the wage-working class

all members of society

manifests itself, in

divides the nation against itself, forms it into two hostile camps

And it can be abolished, now that the productiveness of labour has become so vast that no extension of markets can absorb its overflowing produce, the very superabundance of the means of life and of enjoyment thus becoming the cause of stagnation of trade, want of employment & consequent misery of the toiling millions.

Программа Североанглийской социалистической федерации с поправками Ф. Энгельса

ИНТЕРВЬЮ, ДАННОЕ ЭНГЕЛЬСОМ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «NEW YORKER VOLKSZEITUNG» [572]

Вопрос. Успешно ли развивается в Англии социализм, то есть приемлют ли английские рабочие организации в большей мере, чем раньше, социалистическую критику экономического развития и стремятся ли они — в сколько-нибудь значительных масштабах — к социалистическим «конечным целям»?

Энгельс. Я вполне доволен успехами социализма и рабочего движения в Англии; но эти успехи состоят главным образом в росте пролетарского сознания *масс*. Официальные рабочие организации, тред-юнионы, которые местами грозили стать реакционными, вынуждены плестись в хвосте, подобно австрийскому ландштурму.

Вопрос. Как обстоит в этом отношении дело в Ирландии? Есть ли там что-нибудь — помимо национального вопроса, — на что могли бы возлагать надежды социалисты?

Энгельс. В Ирландии еще долго придется ждать чисто социалистического движения. Там люди прежде всего хотят стать мелкими крестьянскими земельными собственниками, а когда они этого достигнут, появится ипотека и разорит их еще раз. Тем не менее, это не значит, что мы не должны помочь им освободиться от лендлордов, то есть перейти от полуфеодальных условий к капиталистическим.

Вопрос. Каково отношение английских рабочих к ирландскому движению?

Энгельс. Массы *за* ирландцев. Организации, как и вообще рабочая аристократия, заодно с Гладстоном и либеральной буржуазией и не идут дальше их.

Вопрос Что Вы думаете о России? В какой мере Вы изменили свою точку зрения, которая была высказана Вами и Марксом лег шесть тому

назад во время моего* тогдашнего пребывания в Лондоне, и согласно которой вследствие успехов, достигнутых в то время нигилистами-террористами, толчок для революционного движения в Европе мог бы, вероятно, исходить из России?[573]

Энгельс. Я и теперь еще целиком того мнения, что революция в России или даже лишь созыв там какого-либо национального собрания вызвали бы переворот во всем политическом положении в Европе. Но в настоящий момент это уже не ближайшая возможность. Ведь у нас теперь другой Вильгельм**.

На вопрос, как бы он охарактеризовал современное положение в Европе, Энгельс ответил: У меня уже семь недель не было в руках ни одной европейской газеты, и потому я не в состоянии дать характеристику каким-либо происходящим там событиям.

На этом беседа закончилась.

Напечатано в газете «New Yorker Volkszeitung» № 226, 20 сентября 1888 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — представителя газеты «New Yorker Volkszeitung» Т. Куно. *Ред.*

** — Вильгельм II. *Ред.*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ КОНГРЕСС 1889 ГОДА

ОТВЕТ ГАЗЕТЕ «JUSTICE»[574]

В своем номере от 16 марта 1889 г. «Justice», *«орган социал-демократии»,* нападает на позицию, которую заняли в отношении вышеназванного конгресса те, кого она называет «официальными немецкими социал-демократами» (кто бы они ни были) вообще и «официальным органом немецких социал-демократов»— речь идет о лондонской газете «Sozialdemokrat» — в частности.

«Sozialdemokrat» перестал быть «официальным» органом с тех самых пор, как решением верховного суда Германской империи наши немецкие друзья были лишены возможности иметь такой официальный орган, не будучи обвиненными в принадлежности к «тайному обществу»[575]. С тех пор газета, как и показывает ее название, претендует на роль даже не «органа социал-демократии», а всего лишь «органа социал-демократов, говорящих по-немецки». Тем не менее «Sozialdemokrat» гордится тем, что пользуется полным доверием германской социал-демократической партии, партии, сила которой далеко не исчерпывается 770000 избирателей, проголосовавших за нее в 1887 году.

По мнению «Justice»,

> «немецкие социал-демократы не только в Великобритании, по также и в Америке затрудняют пропаганду нашего дела, издавая свои газеты на языке, непонятном даже одному из каждых десяти тысяч окружающих их людей, хотя сами они, в Соединенных Штатах во всяком случае, обязаны изучить английский язык. Более того, они строго ограничивают свою деятельность своими национальными клубами».

Упрек совершенно беспрецедентный! Согласно «Justice», немцы, живущие в чужой стране, должны отказаться от своего

родного языка, единственного доступного им орудия пропаганды среди своих соотечественников, и превратиться всего лишь в придаток любого движения, какое могло возникнуть в избранной ими для проживания стране.

«Sozialdemokrat» — немецкая газета, предназначенная для читателей, говорящих по-немецки. Девять десятых ее тиража отсылается непосредственно в Германию. Ее приходится печатать в Англии, потому что чрезвычайное законодательство, худшее, чем то, которое Англия применяет по отношению к Ирландии, вынудило редакцию перенести свою деятельность за границу, а швейцарское правительство под давлением Бисмарка изгнало всех ее сотрудников из Швейцарии.

«Londoner Freie Presse»[576] — местная газета на немецком языке. Она существует уже более трех лет, что достаточно доказывает наличие потребности в таком органе. Впрочем, защиту ее можно предоставить ей самой.

То же относится и к американским немцам. Но для характеристики обвинений, которые выдвигает против них «Justice», мы можем заметить, что у Социалистической рабочей партии Америки[577], хотя она состояла вначале и состоит даже теперь главным образом из немцев, имеется целый ряд ненемецких секций — англо-американская, славянская, скандинавская и т. д.; что помимо своих многочисленных немецких газет, которые все целиком или почти целиком окупают себя, она издает английский орган «Workmen's Advocate»[578] и покрывает значительный дефицит, до сих пор имеющийся в его балансе (см. нью-йоркский «Sozialist» от 2 марта 1889 г., отчет Национального исполнительного комитета); что она за свой счет обеспечивает агитатора для англо-американских рабочих — профессора Гарсайда; что в Америке ей бросают упреки в том, что она является кучкой непрошенных иностранцев, вмешивающихся в американские дела, которые их не касаются и в которых они ничего не смыслят. И это им говорят несмотря на то, что американские немцы либо уже приняли американское подданство, либо намереваются принять его и навсегда остаться в Америке. И если бы немцы, живущие в Англии и в большинстве своем являющиеся там лишь временными жителями, последовали наставлениям, которые дает им «Justice», если бы они стали издавать английские газеты для английских читателей, принимать деятельное участие в публичной агитации среди англичан, вмешиваться в политическую жизнь Англии, выполнять все обязанности англичан и претендовать на все их права, — им в лицо был бы брошен тот же упрек, причем возможно, что среди обвинителей была бы и «Justice».

Что же касается утверждения, будто американские немцы «обязаны изучить английский язык», то я могу лишь сказать. что таково и мое желание. Но, к сожалению, дело обстоит далеко не так.

Где бы ни находились немецкие социалисты, они неизменно по мере своих возможностей принимали деятельное и активное участие в социалистической агитации. Ни в Америке, ни в Швейцарии, ни в Восточной и Северной Европе социал-демократия не занимала бы нынешнего своего положения, если бы не деятельность проживающих в этих странах немцев. Всегда и везде они первые устанавливали взаимные связи между социалистами различных национальностей, а Просветительное общество немецких рабочих (ныне помещающееся на 49, Тоттенхем-стрит, Тоттенхем Корт Род) еще в 1840 г. было первой международной социалистической организацией[579]. Если «Justice» эти факты и не известны, то международная полиция и международный капитал отлично о них осведомлены. Из каждых четырех зарубежных социалистов, которых преследовала, травила или высылала континентальная полиция, трое были немцами; и законопроект о запрещении иммиграции иностранных социалистов, который рассматривает сейчас американский конгресс, направлен, главным образом, против немцев.

«Justice» продолжает:

«Теперь о предстоящем конгрессе. На Парижском конгрессе в 1886 г., где немцы имели своих представителей, и на Лондонском конгрессе 1888 г. партии поссибилистов была единогласно поручена организация конгресса в 1889 году. Никаких возражений против этого в то время не высказывалось... Поэтому были основания надеяться, что все мелкие личные обиды последних лет прекратились. Однако с тех пор и до настоящего времени официальный орган немецких социал-демократов упорно высмеивает и поносит поссибилистов, и нападки его закончились тайным сборищем, состоявшимся 28 февраля в редакции «Recht voor Allen»[580] и напоминающим гнусные интриги, которые развалили старый «Интернационал». На этой неделе «Sozialdemokrat» опять взялся за свое, —он цитирует из нью-йоркского «Der Sozialist» нападки на наших французских товарищей. Но это уж, действительно, слишком. Несомненно, наш товарищ Раков и все независимые немецкие социал-демократы объединятся с нами в честной попытке положить конец этим мелочным и злобным пререканиям и интригам».

Чтобы понять все это, необходимо знать кое-какие факты из истории французского социалистического движения после 1871 года. Французские социалисты, разбитые в дни Коммуны 1871 г., постепенно оправились и снова выступили на сцену на съезде в Марселе в 1879 г., где они организовались в Рабочую партию; но в 1882 г., на съезде в Сент-Этьенно, произошел раскол. Каждая фракция называла себя Рабочей партией Франции

(Parti ouvrier), однако их удобнее всего обозначить названиями, которые они дали друг другу, а именно: поссибилисты и марксисты. Помимо этих двух групп существовала еще группа бланкистов, имевшая свою отдельную организацию, хотя в общем она сотрудничала сначала с Рабочей партией, а после раскола — с так называемыми марксистами. В сфере влияния каждой из этих различных фракций находился целый ряд профессиональных союзов (chambres syndicales) и других рабочих объединений. В общем поссибилисты имели наибольшее влияние в Париже, тогда как в провинции почти целиком господствовали так называемые марксисты. В существо разногласий между этими отдельными группировками я сейчас не вхожу; достойно сожаления, что эти разногласия существуют. Но ни английские социалисты, тоже разделенные на несколько различных групп, ни немецкие социалисты, объединившиеся лишь в 1875 г., не имеют права ставить французам в упрек такое отсутствие единства.

Поссибилисты, чтобы добиться признания в качестве единственной во Франции подлинной рабочей партии, стали созывать международные конференции и конгрессы — первую в 1883 г. в Париже, затем в 1884 г. (здесь из иностранных делегатов присутствовали главным образом английские тред-юнионисты) и третью в 1886 г., когда присутствовало также несколько делегатов и из других стран. На этой последней конференции было решено созвать в Париже в 1889 г. международный конгресс, и организация его была поручена поссибилистам. Но ни *немецкий делегат* Гримпе, ни австрийский делегат *не голосовали за эту резолюцию.* Так или иначе, это постановление конференции, на которой, кроме поссибилистов и английских тред-юнионистов, присутствовала только горсточка бельгийцев, один австралиец, один немец, один делегат от немецкого Общества в Лондоне, один швед и один австриец, имеет значение лишь как пожелание. Что люди, представленные на этой конференции, вовсе не считали для себя обязательными принятые на ней резолюции, доказали английские тред-юнионы, когда они на своем конгрессе в Гулле отказались признать многие из этих резолюций.

В сентябре 1887 г. в Санкт-Галлене, в Швейцарии, состоялся съезд представителей германской социал-демократической партии. На этом съезде было, между прочим, принято решение о созыве в 1888 г. международного рабочего конгресса. Когда примерно в то же самое время тред-юнионы объявили о созыве конгресса в Лондоне, немецкая рабочая партия изъявила готовность отказаться от собственного конгресса, если

ее членов допустят — только допустят! — на конгресс в Лондоне.

Созывая свой конгресс, тред-юнионы объявили, что на него могут быть допущены только *bona fide*[*] делегаты *bona fide* рабочих организаций. Но ведь в Германии при нынешних исключительных законах правительство немедленно разогнало бы всякую профессиональную организацию, рискнувшую избрать делегата и отправить его в Лондон, и конфисковало бы ее фонды. Условие, поставленное Советом тред-юнионов, было равносильно закрытию доступа на конгресс всем немецким делегатам. Тогда немецкая рабочая партия делегировала в Лондон А. Бебеля, нашего известного члена рейхстага, в сопровождении автора данной брошюры. Он посетил секретаря Парламентского комитета[581] и Совета тред-юнионов и беседовал с представителями Социал-демократической федерации и Социалистической лиги[582]. Затем последовала долгая переписка, путем которой немцы пытались добиться изменения условий участия в конгрессе. Однако решение Парламентского комитета Совета тред-юнионов осталось в силе, и доступ на конгресс нам был сознательно закрыт. После этого правление нашей партии опубликовало протест против такого конгресса.

Конгресс состоялся. Никогда еще во всей истории рабочего движения рабочий конгресс не собирался при таких унизительных условиях. Все ранее созывавшиеся рабочие конгрессы считали себя суверенными. Организаторы их могли вырабатывать предварительные правила, но каждый делегат мог не согласиться с ними, и тогда окончательное решение принимал сам конгресс. На этот же раз условия участия, регламент, правила процедуры и голосования, вопросы, подлежащие обсуждению, — фактически все было заранее продиктовано Парламентским комитетом, этим антисоциалистическим органом антисоциалистического лондонского Совета тред-юнионов. И все же делегаты-социалисты подчинились такому унижению потому, что иначе Совет тред-юнионов, снимавший помещение, попросту выгнал бы их и потому, что они считали — и совершенно правильно, — что главная их задача — доказать миру существование в рядах английских профессиональных организаций сильного социалистического меньшинства. Но им надлежало выразить протест, а они этого не сделали.

Решения такого конгресса едва ли могут считаться обязательными даже для тех, кто посылал на него представителей, и сами инициаторы его — Парламентский комитет —

[*] — доверенные, официальные. *Ред.*

отреклись от этих решений, когда отказались провести в жизнь хотя бы одно из них (доклад от ноября 1888 г., стр. 2)[583]. Считать их обязательными для тех, кто не только не был представлен на конгрессе, но сознательно был исключен и протестовал против этого, просто нелепо. Как бы там ни было, конгресс постановил, что в 1889 г. в Париже созывается международный конгресс, и поручил организацию его парижским поссибилистам.

Одновременно с Лондонским конгрессом французские профессиональные союзы, связанные с французскими так называемыми марксистами, провели в Бордо свой съезд, который тоже постановил организовать в 1889 г. в Париже международный рабочий конгресс. Из Бордо на Лондонский конгресс был послан делегат, но он попал в Лондон лишь к самому концу.

Далее, французские поссибилисты созвали свой, национальный рабочий съезд в Тру а в декабре прошлого года. Но местные организаторы из Труа — члены их же партии — заявили, что считают своим долгом пригласить на такой съезд делегатов от *всех* социалистических и рабочих организаций Франции. Тогда поссибилисты отреклись от собственного съезда, и съезд без их участия был организован так называемыми марксистами и бланкистами, которые подтвердили принятую в Бордо резолюцию о созыве международного конгресса в Париже в 1889 году. Это было сделано просто в порядке самозащиты, ибо они слишком хорошо знали, что Лондонский конгресс, доверяя организацию *своего* конгресса в Париже поссибилистам, фактически, хоть и не сознавая того, подготовлял исключение из числа его участников всех французских рабочих, не находящихся под влиянием поссибилистов.

Таким образом в Париже в 1889 г. должны были собраться два конгресса-соперника. И хотя «Justice» держала своих читателей в полном неведении относительно того, что большие группы французских рабочих собирались осенью 1888 г. в Бордо и Труа (в Бордо 63 делегата представляли 250 местных объединений Марселя, Лилля, Лиона, Рубе и других городов; в Труа 36 делегатов представляли 327 различных организаций, местных профессиональных союзов и социалистических кружков) и постановили созвать конгресс, где и они были бы представлены, — факты эти все же дошли до сведения германской социал-демократической партии. Тогда немцы сочли своим долгом приложить все усилия к тому, чтобы предотвратить проведение этих двух конкурирующих конгрессов, зная, что они будут враждовать друг с другом и оба обречены на провал, а также попытаться создать из этих двух куцых конгрессов один настоящий.

С этой целью немцы — члены рейхстага, из которых состоит Правление нашей партии, — предложили созвать международную конференцию и пригласили на нее обе фракции французских социалистов, а также те другие ненемецкие социалистические организации, с которыми они поддерживали отношения и переписку. Эта конференция состоялась в Гааге (Голландия) 28 февраля, и я присутствовал на ней не как делегат, а лишь в качестве наблюдателя. Приглашены были обе французские партии, но поссибилисты не явились. Марксистов представлял Лафарг. Среди делегатов были два немца (Бебель и Либкнехт), два голландца (Домела Ньюрвенгейс и Кроль), два бельгийца (Ансель и Вольдерс) и два швейцарца (Рейхель и Шеррер).

Надлежало уладить три основных вопроса: во-первых, мероприятия для созыва объединенного конгресса; во-вторых, выработка таких условий участия в нем, при которых не могла бы быть отстранена ни одна из групп, пожелавших быть на нем представленными; в-третьих, суверенность конгресса в отношении его внутренних дел. Надо сказать, что поссибилисты, следуя по стопам Парламентского комитета тред-юнионов, уже заранее опубликовали инструкции и правила, которыми они собирались связать конгресс. Не только был полностью заготовлен порядок дня, но еще имелось, кроме того, правило, что проверять и утверждать мандаты делегатов должен не конгресс в целом, а каждая национальная группа в отдельности. Впоследствии конгресс мог принять или отклонить и этот порядок дня и этот способ проверки мандатов, но, во всяком случае, право конгресса давать или не давать свое согласие безусловно следовало за ним сохранить, тем более что способ проверки мандатов, предписанный поссибилистами, фактически давал им возможность допустить на конгресс только тех французских делегатов, которые были им желательны. Вспомним, что несколько английских социалистов — делегатов на Лондонский конгресс— чуть не были исключены комиссией по выработке регламента, в которой английские тред-юнионы имели лишь незначительное большинство по сравнению с иностранцами. А Париж является оплотом поссибилистов, которые к тому же намерены обратиться к парижскому муниципальному совету с просьбой о предоставлении им для нужд конгресса 50000 франков (2000 фунтов стерлингов), которыми они могли бы распоряжаться.

Итак, Гаагская конференция единогласно приняла следующую резолюцию:

«Мы, нижеподписавшиеся, предлагаем Федерации социалистических рабочих Франции» (то есть поссибилистской федерации), «в силу полномочий, данных ей Лондонским конгрессом 1888 г., созвать Парижский

международный конгресс в согласии с рабочими и социалистическими организациями Франции и других стран.

Воззвание о созыве конгресса, подписанное всеми представителями рабочих и социалистических организаций, следует возможно скорее довести до сведения рабочего класса и социалистов Европы и Америки.

В этом воззвании должно быть заявлено:

1) Что Парижский международный конгресс должен состояться с 14 по 21 июля 1889 года;

2) Что в нем могут участвовать рабочие и социалисты различных стран, на условиях, которые должны учитывать политические законы каждой страны;

3) Что конгресс будет суверенным в отношении проверки мандатов и установления порядка дня.

Для обсуждения намечаются предварительно следующие вопросы:

a) Международное рабочее законодательство — законодательное регулирование рабочего дня (дневная работа, ночная работа, соблюдение праздничных дней, труд взрослых мужчин, а также женщин и детей);

b) Инспекция фабрик и мастерских, а также домашней промышленности;

c) Пути и средства, гарантирующие выполнение этих требований.

Гаага, 28 февраля 1889 г.

Делегаты	от	Германии:	***А. Бебель, В. Либкнехт***
»	»	Швейцарии:	***А. Рейхель, Г. Шеррер***
»	»	Голландии:	***Ф.*** *Д.* ***Ньювенгейс, К. Кроль***
»	»	Бельгии:	***Э. Ансель, Ж. Вольдерс***
»	»	Франции:	***Поль Лафарг».***

Таким образом, конференция всячески пошла на уступки поссибилистам. В согласии с решением Лондонского конгресса подготовка и организация конгресса поручались им, а их соперники во Франции были отстранены от этой работы. Их просили лишь об одном — подписать совместное воззвание о созыве конгресса, которое подписали бы также все другие заинтересованные партии и в котором было бы указано: 1) дата созыва конгресса; 2) основные условия участия в нем и 3) суверенность конгресса в отношении регламента и порядка дня. Такая форма совместного воззвания, накладывающего определенные обязательства на все подписавшие его организации, являлась лучшим, вернее, единственным средством обеспечить действительно всеобщий и международный характер конгресса. Предложенные в нем основные условия участия предотвращали повторение скандальных фактов недопущения немецких, австрийских и русских делегатов, в силу чего на Лондонском конгрессе пролетарское движение наших дней было представлено так неполно. Требование особо отметить суверенность конгресса в отношении всех его внутренних дел стало необходимым после того, как Парламентский комитет попытался создать прецедент и поссибилисты последовали его примеру. Оно касалось только

того, что было само собой разумеющимся и ни в малейшей степени не отнимало у поссибилистов полномочий, возложенных на них Лондонским конгрессом, ибо Лондонский конгресс никого в мире не уполномочил и не мог уполномочить устанавливать правила, обязательные для последующих конгрессов.

Гаагская резолюция была принята вовсе не из духа противоречия по отношению к Лондонскому конгрессу; это доказывает то обстоятельство, что двое из делегатов, согласившихся с ней и подписавших ее, — *Ансель* из *Гента* и *Кроль* из *Гааги,* — были также делегатами в Лондоне в ноябре 1888 г., и притом не просто делегатами, а членами президиума от иностранцев. Это доказывается далее тем, что оба немца, не допущенные на Лондонский конгресс, и те французы, которые не были на нем представлены, согласны сохранить за поссибилистами все полномочия, какие там могли быть и были им даны. Они требуют одного: чтобы им была обеспечена возможность участия в Парижском конгрессе на равных началах с другими делегатами и чтобы, когда этот конгресс соберется, он сам мог окончательно решать свои внутренние дела. И за то, что Гаагская конференция отважилась действовать в таком примирительном духе, «Justice» называет ее «тайным сборищем»!

Поссибилисты отказались от сотрудничества, которое им предлагали. Они согласны, чтобы воззвание о созыве конгресса подписали вместе с ними иностранные социалисты, но ни один из французских социалистов, не состоящий в их партии, не должен поставить свою подпись. Таким образом, они претендуют на роль *единственной* социалистической организации во Франции и рассчитывают на то, что мы, иностранцы, признаем их таковой. Кроме того они не согласны предоставить конгрессу в целом установление способа проверки мандатов: существуют-де инструкции и правила, заранее предписанные поссибилистами, и конгресс должен принять их беспрекословно.

Эти обстоятельства кладут конец всяким надеждам на то, что конгресс, созыв которого был решен в ноябре прошлого года в Лондоне и организация которого была поручена поссибилистам, не окажется лишь пародией на конгресс. Посмотрим же, что предпримут теперь группы, представленные в Гааге; во всяком случае, они твердо решили действовать сообща.

Что же касается «Sozialdemokrat», то «Justice» утверждает, будто бы эта газета после Лондонского конгресса «упорно высмеивает и поносит поссибилистов». «Justice» призывает всех независимых немецких социал-демократов «объединиться с нами в честной попытке положить конец этим мелочным и злобным пререканиям и интригам».

«Justice» в особом, присущем ей тоне уже много лет критикует слова и поступки немецких социал-демократов, однако «Sozialdemokrat» ни разу не жаловался на высмеивания и поношения или на мелочные и злобные пререкания и интриги. Мы, немцы, привыкли к очень откровенной критике как внутри нашей партии, так и по отношению к другим национальным секциям пролетарского движения. Мы слишком хорошо понимаем, что превратить это движение в общество взаимного восхваления или в страховую корпорацию агитаторов друг за друга значило бы как нельзя более удачно сыграть на руку нашим врагам. Поэтому мы теперь достаточно толстокожи и можем, не дрогнув, стерпеть выпады «Justice». Но ведь не для того мы приехали в Англию, чтобы отказаться от права свободной критики, которое мы сохранили перед лицом Бисмарка и которое англичане завоевали в славных революционных боях прошлого, чем они справедливо гордятся; и мы позволим себе всякий раз, когда сочтем это необходимым, высказывать свое мнение о «пререканиях и интригах» французских, а если на то пошло, так и английских социалистов.

Политическая линия, которую последнее время проводят поссибилисты, отнюдь не всегда встречает общее одобрение со стороны социал-демократов других национальностей, а позиция, занятая ими во время последних парижских выборов, не заслуживает никакого оправдания. Под предлогом спасения республики от Буланже они объединились с самыми продажными элементами буржуазного республиканизма, с оппортунистами[584], которые вот уже десять лет обогащаются тем, что сосут кровь Франции; они ратовали и голосовали за кандидата правительства, винокура-капиталиста, «скверного кандидата — французского Джона Джемсона» («Justice» от 19 января 1889 г.). А когда социалист и рабочий Буле, тот, который организовал недавно крупную забастовку землекопов, был выдвинут в противовес как Буланже, так и Жаку, они присоединились к хору буржуазии: не сейте раздора в рядах великой республиканской партии! В таких же выражениях великая либеральная партия здесь, в Англии, не раз заявляла свой протест против кандидатов, выдвинутых «Justice». Разве борьба против Буланже не будет успешнее, если дать рабочим возможность голосовать за одного из их собственных представителей, вместо того чтобы ставить их перед выбором — голосовать либо за Буланже, либо за одного из тех капиталистов, чье алчное стремление перекачать богатство Франции себе в карман (как очень правильно заметил г-н Гайндман в «Justice» от 2 февраля 1889 г.) только и могло сделать Буланже тем, чем он сейчас является.

Надо отдать справедливость «Justice»*, она не защищала ни эти действия поссибилистов, ни «их в известной мере компрометирующую связь с буржуазной партией» («Justice» от 28 января); но она также ни словом не обмолвилась своим читателям о том, что орган поссибилистов «Parti Ouvrier»[585] в своей ярости на Буланже требовал чрезвычайных мер против «чудовищной свободы печати»** и свободы союзов. «Justice» приняла все меры к тому, чтобы утаить от своих читателей и этот факт, и борьбу вокруг кандидата от рабочих, и то, что он все же получил 17 тыс. голосов. И за то, что мы открыто говорим об этих позорных действиях поссибилистов, та самая газета, которая не осмеливается защищать поступки своих поссибилистских друзей, обвиняет нас в том, что мы занимаемся высмеиванием и поношениями, мелочными и злобными пререканиями и интригами.

Дело в том, что поссибилисты представляют собой сейчас по существу правительственную партию — *министерских социалистов* и пользуются всеми выгодами этого положения. В то время как съезд в Бордо был запрещен властями, подвергался преследованиям полиции и мог состояться лишь благодаря тому, что нашел себе приют в ратуше соседнего городка с революционно настроенным мэром; в то время как на съезд в Труа полиция совершила несколько налетов с целью воспрепятствовать вывешиванию красного флага, — факты, которые не были ни осуждены, ни даже упомянуты в газетах поссибилистов, — сами эти «глубоко порядочные» социалисты отлично спелись с парижскими Чарлзами Уорренами. И когда парижские власти запретили демонстрацию с требованием восьмичасового рабочего дня, подготовленную независимыми социалистами *и* профессиональными союзами, они не только не протестовали, но открыто *приветствовали* этот шаг.

Итак, если в Париже в этом году состоятся два конгресса, одному из них обеспечена не только защита, но и покровительство со стороны полиции. К нему будут благосклонно относиться правительство, власти департамента, парижский муниципальный совет. Его будут чествовать и всячески ублажать. На него распространятся все выгоды и преимущества, какими пользуются в буржуазной республике официальные гости из-за границы.

---

* Игра слов: «Justice» — «справедливость»; «Justice» — название газеты. *Ред.*

** «Мы должны неустанно повторять, что в переживаемое нами критическое время эту свободу печати следует отменить» — «Parti Ouvrier» от *18* марта 1889 г. (именно в этот день!).

Другого конгресса благонамеренные республиканцы будут сторониться, власти будут бдительно за ним следить, и в лучшем случае его оставят в покое. И если на нем будут присутствовать английские делегаты, они в один прекрасный день рискуют, не покидая Парижа, очутиться на своем родном Трафальгар-сквере.

Написано в марте 1889 г.

Напечатано в виде брошюры в Лондоне в марте 1889 г. и в газете «Der Sozialdemokrat» №№ 13 и 14, 30 марта и 6 апреля 1889 г.

Печатается по тексту брошюры

Перевод с английского

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «THE LABOUR ELECTOR» [586]

Наблюдая постоянный интерес, который вы проявляете к вопросам, возникшим в связи с предстоящим международным рабочим конгрессом, я полагаю, что вы разрешите французу, члену так называемой Организации французских марксистов (Agglomeration Parisienne) сказать несколько слов в ответ на циркуляр, опубликованный в бюллетене парижской Палаты труда и перепечатанный на английском языке в «Justice» от 27 апреля.

В настоящее время парижская Палата труда является организацией, полностью находящейся в руках поссибилистов. Они захватили ее с помощью оппортунистов и радикалов[587] — членов парижского муниципального совета, и каждый профессиональный союз, который осмеливается открыто выступать против принципов и тактики поссибилистов, тотчас же подвергается исключению. Этот вышеупомянутый циркуляр, хотя и опубликован от имени 78-ми парижских профессиональных организаций, является поэтому в такой же мере произведением поссибилистов, как если бы он был издан самим поссибилистским комитетом.

Этот циркуляр призывает «все организации рабочего класса Франции безразлично каких — республиканских или социалистических — воззрений» объединиться в конгрессе, созываемом поссибилистами. Казалось бы, все делается на справедливых началах. И поскольку наша фракция французских социалистов полностью вытеснила поссибилистов в провинции, так что они не осмелились присутствовать на своем собственном съезде в Труа, как только услышали о нашем допуске туда, поскольку

наши организации в провинциях гораздо более многочисленны, чем все поссибилистские организации во Франции, вместе взятые, мы, несомненно, имели бы большинство французских делегатов даже на поссибилистском конгрессе, если бы была обеспечена справедливая основа представительства. Но в этом-то и загвоздка. Хотя поссибилистский комитет нагромоздил для своего конгресса целую груду предписаний, именно этот важнейший вопрос никогда даже не упоминался. Никому не известно, сколько делегатов должна послать каждая группа — одного, двух или более, должно ли число ее делегатов находиться в зависимости от числа ее членов. И вот, поскольку поссибилисты, как известно, являются наиболее сильной организацией в Париже, они могут послать двух или трех делегатов от каждой группы, в то время как мы, по своей простоте, посылаем всего лишь одного. Они могут сфабриковать столько делегатов, сколько хотят. Они имеют их под рукой в готовом виде в Париже, нужно только назначить их. И таким образом со всей этой кажущейся справедливостью французская секция конгресса превратилась бы в теплую компанию поссибилистов, которые могли бы обращаться с нами, как им было бы угодно, и чтобы избежать этого, нам нужно было бы апеллировать к конгрессу.

Уже из одних этих соображений мы не могли отказаться от суверенитета конгресса в отношении всех его внутренних дел, если вообще возможно отречься от этого первейшего и основного принципа. Я думаю, в Лондоне еще не совсем забыли, как Парламентский комитет в ноябре прошлого года дал совершенно ясно почувствовать тогдашнему конгрессу, что помещение снято им и поэтому конгресс находился там с его милостивого соизволения. Мы не хотим, чтобы это повторилось в Париже.

Написано в конце апреля 1889 г.

Напечатано в газете «The Labour Elector», vol. I, № 18, 4 мая 1889 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РАБОЧИЙ КОНГРЕСС

14—21 ИЮЛЯ 1889 ГОДА

ВОЗЗВАНИЕ К РАБОЧИМ И СОЦИАЛИСТАМ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ [588]

В октябре 1888 г. в Бордо происходил национальный съезд, на котором были представлены более 200 профессиональных союзов — рабочих синдикальных палат и отраслевых групп. Этот съезд принял решение, что во время Всемирной выставки должен состояться международный конгресс.

Такое же решение было принято на состоявшемся в Труа в декабре 1888 г. национальном съезде, на котором были представлены все фракции социалистической партии Франции.

Национальному совету, образованному на съезде в Бордо, и Исполнительной комиссии, образованной на съезде в Труа, было поручено договориться относительно совместной организации международного конгресса и пригласить на него всех, без различия фракций, рабочих и социалистов Европы и Америки, стремящихся к освобождению труда. Это и было выполнено.

28 февраля 1889 г. в Гааге состоялась международная конференция, на которой были представлены делегаты социалистических партий Германии, Швейцарии, Бельгии, Голландии и Франции. Английская Социалистическая лига и датские социалисты просили извинить их за отсутствие и заранее заявили о своем присоединении ко всем решениям, которые будут приняты.

Гаагская конференция постановила:

1. Что Парижский международный конгресс должен состояться с 14 по 21 июля 1889 года;

2. Что в нем могут участвовать рабочие и социалисты различных стран, на условиях, которые должны учитывать политические законы каждой страны;

3. Что конгресс будет суверенным в отношении проверки мандатов и установления порядка дня.

Предварительно намечается следующий порядок дня:

а) Международное рабочее законодательство — законодательное регулирование рабочего дня (дневная работа, ночная работа, соблюдение праздничных дней, труд взрослых мужчин, а также женщин и детей);

b) Инспекция фабрик и мастерских, а также домашней промышленности;

c) Пути и средства, гарантирующие выполнение этих требований.

Исходя из этого, в силу полномочий, возложенных на нас съездами в Бордо и Труа, и в соответствии с решениями конференции в Гааге:

1) Мы созываем в Париже международный конгресс, который должен состояться с 14 по 21 июля 1889 года;

2) Порядок дня — установленный Гаагской конференцией;

3) Мы приглашаем социалистические и рабочие организации Европы и Америки на этот конгресс, который должен заложить основы объединения всех рабочих и социалистов Старого и Нового света.

Мы назначили в Париже Исполнительную комиссию, которой поручена окончательная организация международного конгресса и подготовка приема иностранных делегатов.

Шлем наш братский привет рабочим и социалистам мира.

Да здравствует освобождение рабочих во всем мире!

От Национального совета в Бордо: генеральный секретарь ***Р. Лавинь****,* 16, улица Сюлливан.

От Исполнительной комиссии в Труа: генеральный секретарь ***Ж. Батис***.

Исполнительная комиссия в Париже:

От Федерации парижских синдикальных палат:

Буле, Бессе, Фелин, Монсо, Руссель.

От социалистических организаций Парижа:

Вайян, Гед, Девиль, Жаклар, Крепен, Лафарг.

От социалистической группы

парижского муниципального совета:

Дома, Лонге, Шовьер, Вайян — муниципальные советники.

От социалистической группы палаты депутатов:

Ферруль, Планто — депутаты.

Адреса: Бессе, секретарь для Франции, бюро профессионального союза сапожников, Биржа труда, Париж, улица Ж. Ж. Руссо.

Поль Лафарг, секретарь для связи с другими странами, Ле-Перре, предместье Парижа.

Напечатано в виде отдельной листовки в Лондоне, в газетах «Berliner Volksblatt» № 109, 10 мая 1889 г., «Der Sozialdemokrat» № 19, 11 мая 1889 г., «The Labour Elector» vol. I, № 20, 18 мая 1889 г. и в журнале «The Commonweal» № 176, 25 мая 1889 г.

Печатается по тексту газеты «Der Sozialdemokrat»

Перевод с немецкого

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ КОНГРЕСС 1889 ГОДА

II. ОТВЕТ НА «МАНИФЕСТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»[589]

Этот манифест, опубликованный в «Justice» от 25 мая 1889 г., претендует на то, чтобы объявить всему миру «очевидные истины», касающиеся вышеназванного конгресса. Ответственность за эти «очевидные истины» взяли на себя «Международная комиссия Социал-демократической федерации» и «Генеральный совет Социал-демократической федерации». Нам неизвестно, какие лица входят в состав этих двух органов. Не указано ни одного имени. И это кажется странным, если принять во внимание, что авторы его без конца жалуются на гаагское «тайное сборище», участники которого, во всяком случае, ни от кого не скрывали своих имен. Но совет или комиссия Социал-демократической федерации — вообще явления совершенно непонятные. Кое-кто, возможно, помнит, что 23 октября 1888 г. Генеральный совет Социал-демократической федерации большинством в семь голосов против двух вынес вотум порицания г-ну Гайндману за то, что он «проституирует» «Justice»; г-н Гайндман отнесся к этому вотуму с полным презрением («Justice» от 27 октября 1888 г.), назвал его «случайным» и вскоре добился его отмены таким же, если не еще более значительным большинством голосов. После этого нечего удивляться, что этот Генеральный совет не приводит имен, рискуя даже тем, что его самого назовут «тайным сборищем»; и, в сущности, после этого не так уж и важно, приведены имена или нет. Манифест начинается так:

«Решение одной из групп наших товарищей, французских социалистов, действующих в согласии с другими, не являющимися социалистами, — созвать в Париже конгресс в противовес тому, который созвали

и организуют наши товарищи из поссибилистской партии, — требует разъяснения истинного положения вещей со стороны Социал-демократической федерации, самой многочисленной и самой мощной социалистической организации в Великобритании».

Кто такие упомянутые здесь «не являющиеся социалистами» — это скрывается столь же тщательно, как и имена людей, перу которых принадлежит вышеприведенное утверждение; поэтому невозможно определить, в какой мере оно является или не является «очевидной истиной». Но такое утверждение — либо сознательный поклеп, либо вообще лишено смысла и звучит довольно странно в устах представителей организации, состоящей в тесном наступательно-оборонительном союзе с теми самыми поссибилистами, которым никогда еще не удавалось собрать ни одного конгресса без помощи «других, не являющихся социалистами». На первой их конференции в Париже, в 1883 г., присутствовали из иностранцев только лидеры английских тред-юнионистов во главе с самим г-ном Бродхёрстом, и г-н Бродхёрст был весьма доволен произнесенными речами и принятыми резолюциями. Вторая их конференция по своему составу мало чем отличалась от первой, а Лондонский конгресс 1888 г. был даже созван Парламентским комитетом конгресса тред-юнионов, члены которого, как известно, «не социалисты», а совсем наоборот.

Но оставим это. Авторы манифеста пользуются случаем напомнить нам, что Социал-демократическая федерация является «самой многочисленной и самой мощной социалистической организацией в Великобритании». Эта новость уже почти шесть лет из недели-в неделю сообщается нам в каждом номере «Justice», и все же находятся люди, достаточно испорченные, чтобы усомниться в величии и мощи Социал-демократической федерации; они даже решаются утверждать, что эти заверения в собственном величии и мощи становятся особенно частыми, громогласными и назойливыми как раз в такие периоды, когда действительное величие и сила Социал-демократической федерации находятся на ущербе. Они ссылаются на тот факт, что *в* конце прошлого года формат «Justice» уменьшился наполовину «только на время праздников», но праздники эти длятся и по сей день, и есть люди, знакомые с положением дел в газете, утверждающие, будто бы тираж этой газеты, превышавший 4000 экземпляров, сейчас едва достигает трети этого количества; что существуют отделения Федерации, которые никогда не собираются даже для проформы, а в ряде больших промышленных городов эту газету вообще не читают. И нужно сказать, что такие отчеты, как отчет Болтонского отделения («Labour

Elector» от 28 мая 1888 г.), — не анонимный, подобно нашему манифесту, а подписанный восемью членами Федерации, — весьма способствуют подтверждению этих заявлений. Можно что угодно говорить в защиту военной хитрости, когда противнику сообщают преувеличенные данные о собственных силах, но не может быть двух мнений в ее оценке, когда она применяется с целью пустить пыль в глаза своим же союзникам и товарищам. И, без преувеличений, только с фонарем Диогена можно найти в Соединенном королевстве хотя бы одного-единственного человека, которого могли бы обмануть эти наскучившие хвастливые заверения Социал-демократической федерации.

Мне очень жаль, что я вынужден говорить в таком тоне об организации, которая сделала немало хорошего, которая могла бы сделать еще больше и в составе которой имеются прекрасные элементы. Но пока она будет допускать, чтобы ею помыкали так, как сейчас, ей нечего и надеяться занять место, на которое она претендует.

Далее, авторы манифеста заявляют, что они, со своей стороны, приложили все усилия для достижения соглашения, но поскольку это оказалось бесполезным, они теперь решили ограничиться «изложением очевидных фактов, которые никем никогда не оспаривались». Этих очевидных фактов насчитывается четырнадцать.

1. «Французская поссибилистская партия... была уполномочена Парижским международным конгрессом профессиональных союзов 1886 г. созвать... международный конгресс рабочих в Париже в 1889 году. Представителем немцев на этом Парижском конгрессе 1886 г. был Гримпе».

Этот «очевидный факт» действительно никем не оспаривается; только собрание 1886 г. в то время именовалось просто «конференцией», теперь же, чтобы придать ему больший вес, его превратили в настоящий «конгресс». Затем имеется одно важное упущение: Гримпе *не* голосовал за эту резолюцию, и поэтому его присутствие на конференции ни в коем случае нельзя отождествлять с согласием «немцев» на выданный поссибилистам мандат.

2. «Парламентский комитет английских тред-юнионов совершенно неправильно и несправедливо не допустил представителей от немцев и австрийцев на Лондонский международный конгресс профессиональных союзов в 1888 году. После этого немцы объявили конгресс «куцым», а Бебель, Либкнехт и другие лица, в настоящее время организующие конкурирующий конгресс в Париже, стали призывать представителен других национальностей не принимать участия в Лондонском конгрессе, потому что сами они не были на него допущены».

Против этого возражений нет.

3. «Лондонский международный конгресс профессиональных союзов 1888 г. тем не менее состоялся и прошел очень удачно. Особо близкие союз-пики парламентских немецких социалистов, французские так называемые марксисты или гедисты, были представлены Фаржа. Этот конгресс *единогласно* уполномочил поссибилистов созвать и соответственно подготовить международный конгресс рабочих в Париже в 1889 году. Фаржа вместе с остальными голосовал за эту резолюцию, Ансель, представитель бельгийцев, и голландец* согласились с ней. Несмотря на это, и Ансель и Кроль приняли участие в гаагском сборище».

Утверждение, что Фаржа представлял «так называемых марксистов или гедистов», не точно. Фаржа был послан в Лондон съездом французских профессиональных союзов, открывшимся в Бордо за несколько дней до Лондонского конгресса. 250 местных союзов, представленных в Бордо 63 делегатами, можно назвать «марксистскими или гедистскими» только, если понимать под этим названием всех французских рабочих, не являющихся поссибилистами. Съезд в Бордо тоже единогласно постановил «созвать и соответственно подготовить международный конгресс рабочих в Париже в 1889 г.», причем сделал он это за несколько дней до того, как была вынесена резолюция Лондонского конгресса. Но поскольку люди, представленные в Бордо, были все до одного отвергнуты поссибилистами, которые относились к ним, как к врагам, им в голову не могло прийти уполномочить на созыв конгресса этих самых поссибилистов; поэтому утверждать, будто «Фаржа голосовал за эту резолюцию», просто нелепо, так же нелепо, как заявлять, что «марксисты» должны считать себя связанными этим голосованием Фаржа, который вовсе и не голосовал, а если бы и сделал это, то только по ошибке, а, следовательно, это не связывает даже его самого.

То обстоятельство, что Ансель и Кроль, голосовавшие за вышеупомянутую лондонскую резолюцию, все же «приняли участие в гаагском сборище», действительно может показаться невероятным всякому, кто удовольствовался бы «очевидными истинами» и «неоспоримыми фактами» разбираемого нами манифеста. Но из приложения к настоящему ответу** видно, что Ансель и Кроль нашли нужным не только поехать в Гаагу, но и вовсе отстраниться от конгресса поссибилистов и оказать поддержку созыву контрконгресса; так поступили не только Ансель и Кроль, но и другие лондонские делегаты, а вместе с ними огромное большинство представителей европейского

* — К. Кроль. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 558—560. *Ред.*

социализма. «Очевидные истины» манифеста были им всем давно известны, и все же — такова врожденная испорченность человеческой природы! — они сделали выводы как раз обратные тем, которые так усердно навязывали им органы Социал-демократической федерации.

4. «Получив один за другим эти два мандата, поссибилисты, представляющие собой безусловно сильнейшую социалистическую партию Франции как в Париже (где они получили 50 тыс. голосов), так и в провинции, приступили — считая это своим долгом — к созыву и организации международного конгресса рабочих в конце июля 1889 года».

На муниципальных выборах поссибилисты действительно получили около 50 тыс. голосов, многие из которых были поданы их противниками, коллективистами (так называемыми марксистами), последние были достаточно благородны, чтобы, где только возможно, отбрасывать фракционные разногласия. Но утверждение, будто поссибилисты представляют собой «безусловно сильнейшую социалистическую партию Франции как в Париже, так и в провинции»,— это прямая ложь. Даже в Париже, который, как хорошо известно, является их оплотом, положение поссибилистов сильно ухудшилось с тех пор, как они открыто вступили в союз не только с буржуазными радикалами, но также с оппортунистами, этой партией биржевых спекулянтов, воплощающих в себе всю продажность нынешних официальных кругов Франции. Тот факт, что поссибилисты, под предлогом борьбы с Буланже, побратались с теми самыми людьми, должностные преступления которых как раз и создали популярность Буланже и заставили сотни тысяч людей из всех классов во всеуслышание заявить: «Лучше Буланже, лучше сам черт, только не эта продажная система, высасывающая всю нашу кровь!», — этот факт отпугнул многих, ранее бывших их искренними последователями; а когда они на январских выборах поддержали *буржуа* Жака (неизменно голосовавшего в муниципальном совете против всех резолюций, благоприятных для рабочего класса) и фактически выступили против кандидата рабочего класса Буле, признаки недовольства в их рядах стали множиться. Одного из их ораторов, Рети, ратовавшего за Жака на собрании, рабочие, сторонники Буле, забросали вопросами и репликами; он в ярости покинул трибуну, воскликнув: «Да! Я буду голосовать за Жака, но я отомщу тем, кто заставил меня совершить эту низость!» И Буле, несмотря на неистовое противодействие поссибилистов, все же получил голоса 18 тысяч рабочих.

После этого не приходится удивляться, что в партии поссибилистов в Париже появились симптомы распада. 16 апреля

группа 14-го парижского округа была исключена советом делегатов, из которых против исключения высказались только двое. Когда же Аллеман 23 апреля потребовал заставить двух членов партии отдать кое-какие письма, которые в противном случае могли быть использованы во вред некоторым из лидеров, это предложение было поставлено на голосование в двадцати шести группах. Но пятнадцать групп высказались против него, а три воздержались, и вследствие этого важнейшие организации 13-го округа вышли из федерации, заявив:

«союзники Ферри, Клемансо и Ранка больше не вправе претендовать на место в партии, которая основывает свою деятельность на классовой борьбе. Они дезертировали из этой партии, изменив своим обязательствам перед рабочим классом; сейчас они являются лишь опорой правления буржуазии».

И хотя это еще только начало, можно не сомневаться в том, что даже в Париже господство поссибилистских лидеров серьезно пошатнулось.

Что же касается утверждения, будто поссибилисты являются «безусловно сильнейшими» в провинции, то оно не только не является «очевидной истиной» и «неоспоримым фактом», — оно просто нелепо. Во всех больших городах и промышленных центрах Франции социалистические организации не входят в состав федерации поссибилистов и враждебны ей. Возьмем, например, Лион (5 членов муниципального совета — социалисты), Марсель (1 член департаментского совета — социалист), Рубе (2 члена муниципального совета), Армантьер (5 членов муниципального совета), Монлюсон (2 члена муниципального совета), Коммантри (все члены муниципального совета и мэр — социалисты), Кале (2 члена муниципального совета), Лилль (4 тыс. голосов за социалистов-непоссибилистов на последних муниципальных выборах), Бурж, Вьерзон, Роанн, Бордо, Нарбонн, Алес и пр. и пр. — среди членов этих муниципальных и департаментских советов нет ни одного поссибилиста. Во всех этих городах все социалистические и рабочие организации бесспорно находятся в руках их противников.

Действительно, за последние годы поссибилисты не рискуют и показываться в провинции. В 1887 г., когда они выбирали место, где могли бы хоть с какими-то шансами на успех устроить свой национальный съезд, им пришлось остановить свой выбор на глухом городке в Арденнах, который вряд ли кто сумеет отыскать на карте. А прошлой зимой, когда они объявили о созыве своего съезда в Труа, где, как им казалось, могли положиться на представителей местных рабочих, местный комитет заявил, что на этот раз доступ на съезд будет действительно,

а не только по видимости, открыт для всех социалистических и рабочих организаций Франции. Когда главари поссибилистов в Париже поняли, что это не шутка, они предпочли *лучше отказаться от собственного съезда,* чем встречаться с коллективистами и бланкистами, которые съехались в Труа и провели съезд, созванный поссибилистами, но брошенный ими и, в сущности, отвоеванный у них.

Итак, «очевидную истину», что поссибилисты безусловно являются сильнейшими, нужно расценивать так же, как и громогласные заявления манифеста о величии и мощи Социал-демократической федерации.

Однако вне зависимости от того, сильны они или нет, они «считали своим долгом созвать конгресс в Париже».

Это ставит перед нами вопрос о действительности предоставленных им для этой цели полномочий.

На Парижской конференции 1886 г. присутствовало так мало делегатов от других стран, — вообще ее трудно назвать представительным собранием, — что ее резолюция имеет значение лишь как пожелание; она могла быть обязательной в лучшем случае для тех, кто голосовал за нее, то есть для поссибилистов и английских тред-юнионистов. Эти последние разделались с парижскими резолюциями уже на своем ближайшем конгрессе в Гулле. Следовательно, остается лишь тот факт, что в Париже в 1886 г. поссибилисты уполномочили самих себя созвать конгресс в Париже в 1889 году.

Перейдем теперь к Лондонскому конгрессу.

Лондонский конгресс не был общерабочим конгрессом, это был конгресс тред-юнионов, созванный тред-юнионами и принципиально не включивший никого, кроме тред-юнионистов. Как могут решения такого конгресса быть обязательными для рабочих, не являющихся тред-юнионистами, или для всех социалистов, — это для меня тайна. Конгресс тред-юнионов может созвать другой конгресс тред-юнионов, но ничего более. Созывая конгресс рабочих, он превысил свои полномочия; сам по себе этот акт мог бы вызвать с нашей стороны сочувствие, поскольку он знаменовал собою победу над устарелыми тред-юнионистскими предрассудками, но факт остается фактом: созыв конгресса не входил в компетенцию лондонских делегатов и поэтому имеет лишь значение пожелания.

Несомненно, что и съезд в Бордо был также лишь съездом профессиональных союзов, а следовательно, и его решение созвать международный рабочий конгресс в той же мере недействительно. Но в декабре того же года это решение было утверждено социалистическим съездом в Труа, против резолюций

которого не могут обоснованно возражать даже поссибилисты, ибо они сами его созвали, и если они на нем не присутствовали, то вина в этом их самих.

Что из-за сознательного недопущения на Лондонский конгресс делегатов от Германии и Австрии — стран, в которых имеется почти столько же социалистов, сколько во всей остальной Европе, — конгресс получился куцый, это «очевидная истина», действительно «неоспоримый факт»; даже манифест его не оспаривает, он только жалуется, что немцы дали ему такое название, назвали вещь своим именем.

К тому же куцый конгресс (меньшинство которого, впрочем, оказало большие услуги делу социализма в Англии) не был свободен в своих действиях. При первом же серьезном разногласии между английскими шиптонистскими тред-юнионами и социалистами шиптонисты устами самого Шиптона заявили, что, если так пойдет дальше, они закроют конгресс; это сделать в их власти, потому что помещение снято ими. Таким образом, социалистам с самого начала дали почувствовать, что они находятся в положении ирландских арендаторов и что их лендлорд Шиптон готов, если понадобится, осуществить свое право выселения с помощью вооруженных сил ее величества.

Социалисты подчинились и при сложившихся обстоятельствах поступили правильно; но они не выразили формального протеста, и это было ошибкой. Однако они все же не забыли, какому обращению подвергли их в награду за проявленное ими доверие, и, как явствует из приложения к этой брошюре, твердо решили, что подобный случай не повторится.

Кроме того, Парламентский комитет подготовил для конгресса свод правил и инструкций, с помощью которых он надеялся заткнуть социалистам рот и удержать их в повиновении. Проверка мандатов, порядок дня, способ голосования — фактически весь регламент был заранее выработан шиптонистами и навязан участникам конгресса под угрозой немедленного изгнания. Лондонский конгресс был свободен не в большей степени, чем рабочий, нанимающийся на работу к капиталисту, или ирландский крестьянин, арендующий три-четыре акра земли у кровососа-лендлорда и стоящий перед выбором: либо принять его условия, либо умереть с голоду. Достаточно позорно уже и то, что конгресс, проведенный в такой обстановке, будет фигурировать в летописях рабочего движения; но допустить. чтобы на таких же или подобных условиях был созван еще один конгресс, — ни за что!

Несмотря на все это, социалистическое меньшинство конгресса так отделало шиптонистское большинство, что

Парламентский комитет быстро охладел к этой затее. Он публично обошелся с резолюциями конгресса и в первую очередь с резолюцией о созыве Парижского конгресса, как с клочком бумаги.

Итак, мандат, полученный поссибилистами от Лондонского конгресса, был порочен, во-первых, потому, что он был дан конгрессом тред-юнионов, который не властен связать обязательствами рабочих, не входящих в тред-юнионы, или социалистов вообще; во-вторых, потому, что Лондонский конгресс, вследствие недопущения на него немцев и других, стал куцым конгрессом; в-третьих, потому, что он не был свободен в своих действиях, и, в-четвертых, потому, что лица, созвавшие конгресс и составлявшие его большинство, первые аннулировали этот мандат.

Я вообще не вступал бы в эту дискуссию, если бы поссибилисты и их союзники из Социал-демократической федерации не твердили нам постоянно о мандате Лондонского конгресса как о чем-то священном и безупречном. Этот мандат ставится превыше всего; он, разумеется, перечеркивает ранее принятое решение съезда в Бордо, утвержденное затем съездом в Труа; он обязателен не только для тех, кто на Лондонском конгрессе голосовал за него, но и для тех, кто не присутствовал там, и даже для тех, кто умышленно не был туда допущен. А когда выдвигаются такие претензии, установление истинной ценности этого мандата становится уже безусловно обязательным.

Надо сказать, что, хотя лондонский мандат по самой сути своей был недействителен, хотя он явился откровенной пощечиной для остальных французских социалистов и, для съезда в Бордо, — пощечиной, правда, непреднамеренной со стороны большинства тех, кто голосовал за него, — все же, как мы увидим, люди, не причастные к его вручению, отнеслись к нему с величайшим уважением, и, в конце концов, он был бы фактически принят всеми, если бы не беспринципное поведение самих поссибилистов.

Первый же циркуляр, в котором поссибилисты объявляли о созыве конгресса, показал, что они не только не осуждают способ, каким Парламентский комитет связал свободу Лондонского конгресса, но придали этому самоуправству значение *прецедента* и претендуют на те же права, которые узурпировал Парламентский комитет. Они заранее установили порядок дня, способ голосования и проверки мандатов, причем проверять мандаты должна была каждая национальная группа в отдельности. Ни слова не было сказано о том, что все это носит лишь временный характер и подлежит утверждению конгресса.

Но Лондонский конгресс не мог дать поссибилистам каких-либо полномочий, которых сам не имел. Никакой конгресс

не может выносить резолюции, которые последующий конгресс был бы не властен отменить. Следовательно, Лондонский конгресс не имел права уполномочить поссибилистов выработать правила и инструкции, обязательные для Парижского конгресса. Да он и не сделал ничего подобного. Но поссибилисты претендовали на такие полномочия. Эти-то бессовестные притязания поссибилистов и вызвали все последующие разногласия и споры, а их нежелание в ясных и четких выражениях отказаться от этих притязаний привело к расколу и созыву второго конгресса. Большинство европейских социалистов не желает вторично — и на этот раз с открытыми глазами — попасть в ловушку.

Итак, предметом спора является не столько лондонский мандат, — тут было бы не трудно сговориться, — сколько то, как его использовали поссибилисты, их претензии диктовать законы, обязательные для конгресса, и тем самым возвести самоуправство Парламентского комитета по отношению к Лондонскому конгрессу в прецедент для всех последующих конгрессов.

5. «Марксисты, хотя и связанные голосом Фаржа, протестовали против этого и побуждали к протесту немцев, потому что, по их словам, у поссибилистов было намерение не допускать своих противников на конгресс и использовать его в собственных целях. Это обвинение было ими высказано, хотя до сих пор поссибилисты никогда не отстраняли от участия в каком бы то ни было съезде ни одной группы социалистов, и ничто решительно не указывает на их намерение поступить так в данном случае. Приглашения были разосланы всем социалистическим организациям».

Основная часть этой «очевидной истины» нами уже опровергнута. Но утверждение, будто бы «до сих пор поссибилисты никогда не отстраняли от участия в каком бы то ни было съезде ни одной группы социалистов, и ничто решительно не указывает на их намерение поступить так в данном случае», — это либо грандиозная сознательная ложь, либо доказательство того, что авторы манифеста пребывают в счастливом неведении относительно того, о чем пишут. На третьем региональном съезде Федерального союза центра (Франции) в мае 1882 г. поссибилисты объявили, что доступ на съезд открыт всем социалистам. Но когда тридцать коллективистов (так называемых марксистов), поверив этому заявлению, явились на съезд, их безжалостно изгнали под тем смехотворным предлогом, что они, назвавшись «Federation du Centre»*, вступили в нечестную конкуренцию с поссибилистским «Union Federative»**. Когда на восьмой региональный съезд этого же Союза, в 1887 г., прибыли двенадцать делегатов от коллективистов, в соответствии

* — «Федерацией центра». *Ред.*
** — «Федеральным союзом». *Ред.*

с многократными заявлениями о том, что приглашаются все социалисты, их встретили выкриками и насмешками и они были вынуждены покинуть съезд, причем было вынесено решение «никогда не допускать марксистов ни на один из наших съездов». И еще того лучше: в 1888 г., когда местный комитет, которому была поручена организация национального съезда поссибилистов в Труа, пригрозил на этот раз претворить в жизнь вечно повторяемую фразу о допущении на конгресс всех социалистов, поссибилисты, как мы уже видели, предпочли покинуть свой собственный съезд, лишь бы только не выполнить своих хвастливых обещаний.

Надо ли после всего этого удивляться уверенности коллективистов в том, что «у поссибилистов было намерение не допускать их на конгресс и использовать его в собственных целях».

6. «Как бы там ни было, Лафарг, Гед и другие марксисты, действуя в согласии с немцами из партии в рейхстаге и их друзьями, созвали конференцию в Нанси. Поссибилисты были приглашены на эту конференцию последними, всего за неделю до того, как она должна была собраться».

Конференция в Нанси была созвана немцами, а не Лафаргом, который, напротив, возражал против времени и места ее созыва и сделал все возможное, чтобы добиться ее отмены, что ему и удалось. Поссибилисты были приглашены не «последними», а одновременно со всеми остальными. Таким образом, «очевидная истина» № 6 — ложь с начала до конца; но даже если бы все это было правдой, что бы это доказывало?

7. «Конференция в Нанси не состоялась, а вместо нее была созвана конференция в Гааге. На нее поссибилисты тоже были приглашены последними. В ответ на приглашение они написали несколько писем, содержавших ряд весьма важных вопросов. Ответов на эти письма так и не последовало, и конференция была проведена немедленно и без их участия».

И снова утверждение, будто поссибилисты были приглашены последними, является ложью. Они были приглашены одновременно со всеми остальными; мы специально выяснили этот вопрос, хотя сам по себе он не имеет большого значения. Конференция была назначена на 28 февраля, и поссибилисты 17 февраля на собрании своего национального комитета уже имели не только приглашение, но также ответ Либкнехта на их письма, содержащие «ряд весьма важных вопросов», то есть на те самые письма, на которые, по словам манифеста, «ответа так и не последовало». Они сами говорят, что Либкнехт «не ответил на их вопросы относительно порядка дня конференции»*. Насколько

* См. их официальный орган «Prolеtariat»[590] от 23 февраля.

мне известно, он сообщил им, что ответ на эти вопросы они получат на самой конференции. Поссибилистам, возможно, желательно было бы затеять длинную переписку о предварительных условиях и тем оттянуть конференцию до конца самого конгресса, но тем, кто серьезно стремился к соглашению, одинаково почетному для всех заинтересованных сторон, это было совсем нежелательно. Так или иначе, поссибилисты после этого не явились на конференцию и вследствие этого ее пришлось провести действительно без их участия.

8. «Эта конференция состоялась при отсутствии представителей от Великобритании, Италии, Испании и нескольких других стран. Социал-демократическая федерация даже не была поставлена в известность о ее предстоящем созыве. Приглашение получили только лица, заведомо враждебные поссибилистам. Единственным представителем Франции был сам Лафарг, хотя у него с поссибилистами имелась многолетняя жестокая распря личного характера! Полный отчет о конференции не был опубликован ни в то время, ни впоследствии».

9. «Такая конференция, как эта, является не чем иным, как тайным сборищем, преследующим, как нам сдается, недобрые цели. Наш благородный товарищ Домела Ньювенгейс, как мы с глубоким сожалением должны сообщить, говорит в своем письме Социал-демократической федерации, что эта конференция была задумана как *тайная*».

Поскольку Гаагская конференция была созвана немцами, они пригласили тех иностранных социалистов, с которыми поддерживали связи, то есть голландцев, бельгийцев, датчан и швейцарцев, а также обе французские партии, между которыми им предстояло выступить в качестве посредника. Социалистическая лига в лице У. Морриса была приглашена Лафаргом, и точно таким же путем поссибилисты могли пригласить Социал-демократическую федерацию; во всяком случае здесь, в Лондоне, никому не было известно, кто был и кто не был приглашен, и кто был уполномочен кого пригласить. Что приглашены были только лица, заведомо враждебные поссибилистам, — неправда. Бельгийцы годами поддерживали с ними дружеские отношения и на своем национальном съезде, состоявшемся в этом году на пасху, доказали, что меньше всего желают чем-либо вызвать их неудовольствие[591]. Голландцы, датчане и швейцарцы тоже не относятся к ним враждебно и уж во всяком случае не «заведомо». Если Лафарг оказался единственным представителем Франции, то повинны в этом исключительно поссибилисты, не пожелавшие принять приглашения. Неправда, что «многолетняя жестокая распря» Лафарга с поссибилистами носила личный характер. Лафарг, Гед, Девиль и многочисленная группа социалистов и профессиональных организаций откололись от большинства партии потому, что оно

отреклось от своей программы и предпочло основать партию, *вовсе не имеющую программы.*

Единственное правильное положение в параграфах 8 и 9 это то, что конференция была «тайной», поскольку она не была открытой. Публика и представители печати, конечно, не были на нее приглашены. Если она оказалась «тайной» для поссибилистов, то лишь потому, что они не сочли нужным на нее явиться. Но резолюции конференции были вынесены специально для того, чтобы поссибилисты о них узнали, и немедленно были им сообщены Вольдерсом. Что же в таком случае означает это брюзжание о «тайной» конференции? Она, бесспорно, была куда менее «тайной», чем собрания двух загадочных органов, взявших на себя ответственность за манифест. Миру известны не только ее резолюции, поскольку они могут интересовать публику, но даже фамилии делегатов. А пригласить представителей печати на конференцию, ставившую себе целью посредничество между двумя несогласными группами социалистов, было бы, конечно, нелепо.

10. «Это тайное сборище, заседавшее, таким образом, при закрытых дверях, приняло ряд резолюций, не вызывающих серьезных возражений. Однако Вольдерс был направлен в Париж, чтобы навязать эти решения поссибилистам, словно это были по меньшей мере указы вселенского собора, а Бернштейн писал в том же духе в Лондоне. Письма немецких лидеров, которые мы, надо надеяться, не будем вынуждены опубликовать, также написаны в очень злобном и властном тоне и содержат угрозу созвать конкурирующий конгресс в случае, если их приказания не будут немедленно исполнены».

После всех этих зловещих инсинуаций по поводу подтасованного состава конференции и тайного сборища читатель имеет все основания ждать потрясающих разоблачений относительно позорных преступлений и гнусных злодеяний этого собрания заговорщиков, «преследующего, как нам сдается, недобрые цели». А какова развязка? В Гааге был принят «ряд резолюций, не вызывающих серьезных возражений»! Неужели у Международной комиссии и у Генерального совета Социал-демократической федерации не осталось ни капли чувства юмора?

Наши авторы пытаются отделаться от этих резолюций возможно скорее. Ведь в них содержалось гораздо больше уступок, чем поссибилисты могли надеяться получить. И немцы, которые не были допущены на Лондонский конгресс, и французские коллективисты, которых он игнорировал, выразили готовность *признать лондонский мандат,* допустить, что в силу этого аннулируются решения, принятые в Бордо и Труа, и сохранить за поссибилистами их полномочия по созыву и организации конгресса при условии, что они в ясных и четких словах отка-

жутся от всех претензий на предписывание правил, обязательных для этого конгресса, и на «использование его в своих целях». Все же необходимо отметить, что даже манифест не смог придраться к гаагским резолюциям.

Но ведь главное-то зло таится не в самих резолюциях, а в том, как поссибилистов пытались заставить их принять. И здесь опять начинается вымысел. Вольдерс был послан, чтобы «навязать эти решения поссибилистам». Вольдерс, которого направили туда потому, что из всех других делегатов Гаагской конференции он наиболее энергично выступал в их Защиту! То, что «писал Бернштейн», не обязательно ни для кого, кроме него самого, и авторам манифеста пора бы это знать. И хотя я не имею права говорить от имени «немецких лидеров», я уверен, что они не отреклись бы от меня, если бы я предложил Социал-демократической федерации и ее парижским союзникам опубликовать любое полученное от них письмо.

Гаагские резолюции обнародованы, и поссибилисты были предупреждены, что если они их не примут, то организации, представленные на конференции, созовут другой конгресс, тот самый, о созыве которого были вынесены резолюции в Бордо и Труа. Это могло показаться поссибилистам «очень злобным и властным», но это было единственное средство образумить их, если это вообще было возможно.

А дальше следует самое лучшее — поистине перл всего манифеста.

11. «Тем не менее поссибилисты фактически признали все резолюции, вынесенные и предложенные им вышеуказанным образом».

12. «Несмотря на это признание и на то, что конгресс, созываемый поссибилистами, будет и при всех обстоятельствах был бы суверенным в отношении своих внутренних дел, несмотря на то, что каждая сторона может представить любой спорный случай на разрешение всего конгресса, приверженцы гаагского тайного сборища созывают теперь в Париже второй конгресс».

Участники Гаагской конференции заявили, что они готовы присоединиться к тайному сборищу поссибилистов на двух условиях. Во-первых, поссибилисты должны созвать конгресс в согласии с рабочими и социалистическими организациями Франции и других стран, делегаты которых должны вместе с поссибилистами подписать извещение о созыве конгресса. Выполнить это условие поссибилисты отказались наотрез; пусть подписывает кто угодно, только не представители соперничающей с ними французской группировки. Если авторы манифеста не знают об этом, пусть обратятся за справкой к редактору «Justice»*, которому это очень хорошо известно.

* — Гайндману. *Ред.*

Второе условие гласило, что конгресс должен быть суверенным в отношении проверки мандатов и установления порядка дня. Этого условия поссибилисты тоже не признали ни «фактически», ни как-либо еще. Вначале они постановили, что проверять мандаты будет каждая национальная группа в отдельности. На заявление противной стороны, что решение по этому вопросу следует предоставить конгрессу в целом, поссибилисты ответили, что исключительные случаи можно будет передавать на разрешение конгрессу, ни словом не пояснив, какие случаи будут считаться исключительными. Нет, они продолжают пререкаться о том, какие права дать конгрессу, а каких не давать, и, только получив циркуляр о созыве «конкурирующего конгресса», оказались, наконец, вынужденными ясно и без обиняков заявить, что конгресс будет разрешать все случаи, когда мандаты будут оспариваться национальной группой. Заяви они об этом своевременно, главная трудность была бы преодолена; теперь же, конечно, слишком поздно.

К подобным уверткам они прибегали и в вопросе о порядке дня. Они не смотрели на себя как на лиц, уполномоченных наметить для облегчения работы конгресса временные мероприятия и предложения, которые конгресс будет волен утвердить или отвергнуть; напротив, они действовали как носители некоей мистической и в сущности неограниченной власти над будущим конгрессом, которые, если будет на то их воля, могли поступиться частью своих прав из любезности к иностранным организациям, а последние за это должны были признать остальные их притязания на власть над конгрессом. Взять хотя бы их самые последние резолюции от 13 мая, когда циркуляр о созыве контрконгресса уже был ими получен (смотри «Justice» от 25 мая). Они все еще торгуются с датчанами о порядке дня, словно им или датчанам предоставлено право решать вопрос, входящий в компетенцию только самого конгресса. Затем они милостиво соглашаются принять предложение комитета протеста английских тред-юнионов о включении в порядок дня правил созыва и организации будущих конгрессов. К этому «Justice» наивно добавляет, что, если даже и есть еще основания для недовольства, «наши немецкие и другие товарищи могут на этот раз с этим примириться». Сделайте по-нашему «только на этот раз», а в следующий раз можете поступать, как хотите, — предложение, конечно, заманчивое, но, к сожалению, такую же линию пытались проводить в прошлом году в Лондоне, и «в тот раз» этого оказалось более чем достаточно.

Поссибилистам стоило сказать лишь одно слово, и соглашение было бы достигнуто, — им следовало вставить во все

свои правила и инструкции слово «временный», «подлежащий утверждению конгресса». Но этого-то и не удалось от них добиться никакими силами, и, таким образом, второй конгресс стал необходимостью для всех тех, кто не желал быть вторично ошиптоненным [shiptonized].

Поскольку большая часть этой дискуссии велась на страницах «Justice», совершенно очевидно, что люди, заявившие от имени Социал-демократической федерации то, что содержится в § 12, либо не читают своего собственного официального органа, либо умышленно утверждают то, что противоречит фактам.

13. «Они назначили для своего конгресса то же самое время, что и поссибилисты для своего, хотя в Гааге они единогласно вынесли резолюций, где говорится, что конец июля — самое неподходящее и неудобное время для организации рабочего конгресса в Париже, и хотя Ансель в письме к Социал-демократической федерации утверждал, что, если второй конгресс будет созван, он состоится в сентябре, а Либкнехт говорил, что он состоится либо в этом году, либо в будущем».

Выходит, следовательно, что делегаты Гаагской конференции дали, якобы, поссибилистам торжественное обещание созвать свой конгресс не в июле, а «в сентябре», или «либо в этом году, либо в будущем». Но ведь третья неделя июля безусловно будет «в этом году», так что Либкнехта, во всяком случае, упрекнуть не в чем. Из уважения к нашим читателям мы не будем вступать в дискуссию по поводу таких ребяческих претензий. Впрочем, я могу сказать, что время от 14 до 21 июля было выбрано, во-первых, чтобы удовлетворить единогласное требование французов, а во-вторых, потому, что единственное еще не испробованное средство добиться слияния обоих конгрессов, если таковое вообще возможно, — это заставить их заседать одновременно.

14. «Главными зачинщиками гаагского тайного сборища и конкурирующего конгресса в Париже являются Лафарг, Гед, г-жа Элеонора Маркс-Эвелинг (на сестре которой, дочери Карла Маркса, женат Лафарг), Бернштейн (редактор газеты «Sozialdemokrat»), Бебель и Либкнехт. Полное одобрение их образу действий высказывает Фридрих Энгельс».

В этой последней «очевидной истине» действительно есть, наконец, хотя бы доля истины. Никто не оспаривает того факта, что сестра г-жи Элеоноры Маркс-Эвелинг — дочь Карла Маркса и жена Лафарга; впрочем, авторы манифеста сформулировали эту мысль так, что можно понять, будто г-жа Лафарг — дочь Карла Маркса, а ее сестра — нет. И хотя абсолютно неверно, что Бернштейн или кто-либо еще в Лондоне в какой бы то ни было мере являются «зачинщиками Гаагской конференции», к созыву и определению состава которой они не имели ни

малейшего отношения, ни одно из перечисленных выше лиц не будет, я думаю, отрицать, что они содействовали созыву «конкурирующего конгресса в Париже», но они поступили так лишь после того, как поведение поссибилистов сделало это содействие неизбежным. Авторам манифеста должно быть известно, что г-жа Э. Маркс-Эвелинг и Бернштейн побывали у г-на Гайндмана в начале апреля, как только тон «Justice» стал немного менее «злобным» и «личным», с целью заручиться его поддержкой в деле смягчения существующих разногласий, и что г-н Гайндман обещал им эту поддержку.

В конце манифеста имеется следующее небольшое примечание:

«Вышеприведенный текст будет переведен на несколько европейских языков и разослан во все страны».

Подписи под прилагаемым документом доказывают, что почти во всех странах Европы вопрос, в сущности, уже решен. Огромное большинство социалистов на континенте высказалось за конгресс, созываемый коллективистами и бланкистами, и против конгресса, созываемого поссибилистами. Единственной страной, где социалисты и вообще рабочие до сих пор еще расходятся во мнениях, является Англия. Поэтому настоящий ответ не будет переведен ни на один иностранный язык.

Резюмирую:

1. В 1889 г. в Париже должны состояться два конгресса:

первый — по решению съезда французских профессиональных союзов в Бордо в октябре — ноябре 1888 г., утвержденному на рождество съездом французских социалистов в Труа; второй — по решению, вынесенному неделей позже Лондонским международным конгрессом профессиональных союзов, причем организация его была поручена поссибилистам.

2. Слияние этих двух конгрессов осуществилось бы почти беспрепятственно, если бы поссибилисты уже в первых извещениях о созыве конгресса не стали претендовать на полномочия, которых Лондонский конгресс не имел сам, а следовательно, и не мог дать им, именно — на право руководить внутренними делами конгресса, заранее предписывать способ проверки мандатов, порядок дня и весь регламент, иными словами на те же права, на которые претендовал и которые осуществлял Парламентский комитет на Лондонском конгрессе.

3. Поскольку действия поссибилистов в прошлом и в настоящее время совершенно лишили остальные группы французских социалистов возможности участвовать в созываемом ими конгрессе, немецкие социалисты — депутаты рейхстага попытались посредничать между обеими партиями с помощью руководителей тех национальных рабочих партий, с которыми они поддержи-

вали связь. Так возникла Гаагская конференция (28 февраля), резолюции которой, даже по мнению разбираемого нами манифеста, «принципиально не вызывают серьезных возражений».

4. В этих резолюциях мандат, выданный поссибилистам Лондонским конгрессом, был полностью признан и утвержден с условием, однако, что поссибилисты откажутся от своих притязаний на власть над будущим конгрессом. Бельгийцы, голландцы, немцы, швейцарцы и даже французы-непоссибилисты выразили готовность участвовать в конгрессе, созываемом поссибилистами, при условии, если это будет *свободный* конгресс. Таким образом, они поставили всего одно условие, но разумность его была самоочевидна и бесспорна.

5. Несмотря на это, поссибилисты отказываются признать эти резолюции и в последующих циркулярах предлагают лишь формальные уступки, в действительности сводящиеся к нулю. По основному вопросу — о суверенности конгресса в отношении его внутренних дел — они стоят на своем; переговоры ведутся до конца апреля, но ни к чему не приводят.

6. Наконец, видя, что поссибилисты не желают дать ясного и обязывающего ответа, который гарантировал бы от повторения скандального обращения инициаторов Лондонского конгресса с его участниками, французские коллективисты с одобрения нескольких национальных организаций назначают на 14 июля конгресс, решение о котором было принято в Бордо и в Труа.

7. Как явствует из приложения, за этот конгресс высказалось значительное большинство социалистических организаций и представителей социалистов Европы, не пожелавших вторично явить миру печальное зрелище — рабочий конгресс, заседающий с чьего-то милостивого соизволения и скованный правилами, навязанными ему его организаторами.

Лондонский мандат, признанный Гаагской конференцией, разорвали в клочки сами поссибилисты, претендовавшие не только на организацию будущего конгресса, но и на то, чтобы контролировать его и распоряжаться на нем.

А теперь разрешите закончить словами Манифеста:

«Товарищи и сограждане, факты вам известны. Вам самим надлежит позаботиться о том, чтобы вашему делу, делу рабочих всего мира, не нанесли сознательного ущерба люди, которые первыми должны были бы поступиться личными интересами ради социализма».

1 июня 1889 г.

Напечатано в виде брошюры в Лондоне в июне 1889 г.

Печатается по тексту брошюры

Перевод с английского

ИЗВЕЩЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КОМИССИИ О СОЗЫВЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАБОЧЕГО КОНГРЕССА [592]

Рабочие и социалисты Европы и Америки!

Рабочий съезд в Бордо в составе делегатов от более чем 200 синдикальных палат из всех промышленных центров Франции и съезд в Труа в составе делегатов от трехсот рабочих и социалистических групп, представляющих объединенные силы французского рабочего класса и революционного социализма, постановили созвать в Париже во время Всемирной выставки международный конгресс, в котором могли бы принять участие пролетарии всего мира.

Это решение с радостью приветствовали социалисты Европы и Америки, которые с удовлетворением восприняли возможность собраться и ясно сформулировать требования рабочего класса в области международного рабочего законодательства — вопроса, который будет обсуждаться на конференции в Берне, созываемой представителями европейских правительств в сентябре этого года.

Капиталисты приглашают богачей и власть имущих на Всемирную выставку любоваться и восторгаться произведениями труда рабочих, обреченных на нищету среди величайшего богатства, каким когда-либо владело человеческое общество. Мы, социалисты, стремящиеся к освобождению труда, к уничтожению системы наемного рабства и созданию такого общественного строя, при котором все рабочие, без различия пола и национальности, будут иметь право на богатства, созданные их совместным трудом, — мы приглашаем подлинных производителей этих богатств встретиться с нами 14 июля в Париже.

Мы призываем их крепить узы братства, которые, объединяя усилия пролетариев всех стран, ускорят начало нового мира.

«Пролетарии всех стран,соединяйтесь!»

Германия* — от Социал-демократической партии: **А. *Бебель, Диц, Фроме, Грилленбергер, Харм, Кюн, В. Либкнехт, Мейстер, Забор, Шумахер, Зингер*** — социалистические депутаты рейхстага.

Эльзас-Лотарингия — от Социалистического республиканского общества: ***Жаклар.***

Америка — от социалистических групп Буэнос-Айреса: ***Александр Пейре***.

Англия — от Социалистической лиги: ***У. Моррис, Ф. Китц;*** от Рабочей ассоциации: ***Р. Б. Каннингем-Грехем,*** социалистический депутат палаты общин, ***У. Парнелл, Дж. Бейтман, Г. Чампион, Том Манн;*** от Эрширского союза горняков: *Дж.* ***Кейр Гарди.***

Австрия — от Социалистической рабочей партии**: *Ю. Попп, В. Адлер, Э. Кралик, А. Цинрам, Н. Хофман, А. Крейцер, Винциг, Г. Поппер*** (Вена); ***Макарт, Г. Флёккингер, К. Замс* (Инсбрук); *А. Вейгуни, Зигль*** (Линц); ***А. Фримель, Т. Хейнц, Винер, А. Бочек*** (Штирия); ***К. Шнеевейс, А. Клофач, А. Соботка, Й. Гибеш*** (Брюнн)**; *Штурц, Ф. Дошек, Т. Немечек*** (Прага); ***Т. Зедничек, Р. Загалка*** (Просниц); ***А. Герин, К. Уцекар, Лакс*** (Триест); ***Данилюк*** (Львов); ***Ф. Аденау*** (Клагенфурт); ***Э. Ригер*** (Кратцау); ***Циммерман*** (Егерндорф).

Бельгия — от Социалистической партии Гента: ***Ансель, Ван-Беверен***.

Испания — от Социалистической рабочей партии: ***Пабло Иглесиас, Франсиско Диего***.

Франция — от Федерации синдикальных палат и отраслевых групп Франции: ***Р. Лавинь****;* от Социалистической федерации Франции: ***Батис***.

Греция — от группы социалистов-эллинов: ***Платон****,* ***Э. Дракулис****,* редактор социалистического органа в Афинах «Арден».

Голландия — от Социал-демократической партии: ***Домела Ньювенгейс*** — депутат, ***Кроль***.

Венгрия — от Социалистической рабочей партии; ***Лео Франкель.***

Италия — ***Амилькаре Чиприани****,* ***Альдиссио Саммито*** (социалистические группы Сицилии); ***Джузеппе Дефранчески,***

* В извещении перечень стран дан в порядке алфавита согласно их названиям на французском языке. *Ред.*

Филиппо Турати, Энрико Сесана, Ньокки-Виани (социалистические группы Милана).

Норвегия — ***Карл Йеппесен*** от Социал-демократической партии Норвегии.

Польша — ***С. Мендельсон*** (группа «Классовая борьба»); ***Л. Анелевский*** (Рабочий комитет группы «Пролетариат» в Варшаве).

Португалия — ***Карвалью*** (социалистические рабочие общества).

Россия — от Союза русских социал-демократов: ***Вера Засулич, Плеханов, Аксельрод, Степняк.*** От общества русских рабочих в Париже, от русского социалистического издательского товарищества в Цюрихе, от редакции русского журнала «Социалист», от группы социалистов-революционеров Петербурга, от группы «Народная Воля», находящейся за границей: ***Петр Лавров.***

Швеция — от Социал-демократической партии: ***Август Пальм, Яльмар Брантинг, Аксель Даниельссон.***

Швейцария — ***Брандт,*** вице-председатель союза Грютли; от Социалистической рабочей партии: ***А. Рейхель, А. Штек.*** От профессиональных союзов Швейцарии: ***Мерк.***

Организационная комиссия по созыву Конгресса:

От Федерации синдикальных палат Парижа: ***Буле, Бессе, Руссель, Фелин.***

От социалистических организаций Парижа: ***Вайян, Гед, Девиль, Жаклар, Малон, Лафарг.***

От социалистической группы парижского муниципального совета: ***Дома, Альфонс Юмбер, Лонге, Шовьер, Вайян, Крепен*** — муниципальные советники.

От социалистической группы палаты депутатов: ***Басли, Камелина, Буайе, Клюзере, Ферруль.***

Напечатано в начале июня 1889 г. в виде листовок на английском и французском языках, а также в социалистических газетах разных стран и в брошюре: «Congrès International ouvrier Socialiste de Paris». Paris, 1889

Печатается по тексту брошюры

Перевод с французского

ПРИМЕЧАНИЯ

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. ЭНГЕЛЬСА

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Издание «Манифеста Коммунистической партии» (см. настоящее издание, т, 4, стр. 419—459), к которому написано данное предисловие, было третьим немецким авторизованным изданием, первым изданием, просмотренным Энгельсом после смерти Маркса. — *1.*

[2] См. настоящее издание, т. 2, стр. 231—517. — *2.*

[3] Настоящая статья Ф. Энгельса была написана в конце мая 1883 г. и опубликована в газете «Sozialdemokrat» 7 июня 1883 г. под заголовком ««Песня подмастерья» Георга Веерта (1846 г.)». Еще в 1856 г., вскоре после смерти Веерта, Маркс собирался написать некролог о нем, но не осуществил своего намерения ввиду того, *что* опубликование такого некролога было невозможно в обстановке реакции, царившей в 50-х годах в Германии. Одним из мотивов для написания этой статьи служило стремление Энгельса пробудить интерес у немецких рабочих и социал-демократов к революционному прошлому немецкого рабочего движения. Заглавие статьи изменено Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в соответствии с ее содержанием.

«Der Sozialdemokrat» («Социал-демократ») — немецкая еженедельная газета, центральный орган социал-демократической партии Германии, выходивший в период действия исключительного закона против социалистов, с сентября 1879 по сентябрь 1888 г. в Цюрихе и с октября 1888 по 27 сентября 1890 г. в Лондоне. В 1879—1880 гг. газета выходила под редакцией Г. Фольмара, а с 1881 по 1890 г. под редакцией Э. Бернштейна. Маркс, а также Энгельс, который сотрудничал в газете в течение всего периода ее издания, активно помогали редакции газеты проводить партийную пролетарскую линию, критиковали и выправляли ее отдельные ошибки и колебания. — *3.*

[4] G. Weerth. «Leben und Thaten des beruhmten Ritters Schnapphahnski». Hamburg, 1849; в «Neue Rheinische Zeitung» это произведение Веерта печаталось в виде серии фельетонов без подписи в августе — сентябре, декабре 1848 и в январе 1849 года.

«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie» («Новая Рейнская газета. Орган демократии») выходила ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года. В состав редакции входил Энгельс, а также В. Вольф, Г. Веерт, Ф. Вольф, Э. Дронке, Ф. Фрейлиграт и Г. Бюргерс. Боевой орган пролетарского крыла демократии, «Neue Rheinische Zeitung» играла роль воспитателя народных масс, поднимала их на борьбу с контрреволюцией. Передовые статьи, определявшие позицию газеты по важнейшим вопросам германской и европейской революции, писались, как правило, Марксом и Энгельсом.

Несмотря на все преследования и полицейские рогатки, «Neue Rheinische Zeitung» мужественно отстаивала интересы революционной демократии, интересы пролетариата. В мае 1849 г., в обстановке всеобщего наступления контрреволюции, прусское правительство, воспользовавшись тем, что Маркс не полудил прусского подданства, отдало приказ о высылке его из пределов Пруссии. Высылка Маркса и репрессии против других редакторов «Neue Rheinische Zeitung» послужили причиной прекращения выхода газеты. Последний, 301-й номер «Neue Rheinische Zeitung», напечатанный красной краской, вышел 19 мая 1849 года. — *4.*

[5] Именем *Сулука,* президента республики Гаити, объявившего себя 26 августа 1849 г. императором и прославившегося своей жестокостью и тщеславием, антибонапартистская печать называла Наполеона III. — *4.*

[6] В статье *«Книга откровения»* (имеется в виду «Откровение Иоанна», по-гречески «Апокалипсис», одна из книг библии) Ф. Энгельс рассматривает некоторые проблемы истории раннего христианства, к которым он, по его собственным словам, проявлял интерес еще с 1841 г. и которые были уже частично затронуты им в статье «Бруно Бауэр и первоначальное христианство» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 306—314). Более подробное изложение этих проблем Энгельс дал позднее, в 1894 г., в работе «К истории первоначального христианства» (см. настоящее издание, т. 22). Статья была напечатана в журнале «Progress».

«Progress» («Прогресс») — английский ежемесячный журнал по вопросам науки, политики и литературы, выходил в Лондоне с 1883 по 1887 год. Одно время был близок к социалистическим кругам. В журнале сотрудничали Элеонора Маркс и Эдуард Эвелинг. — *7.*

[7] Здесь речь идет о *Тюбингенской теологической школе* — школе исследователей и критиков библии, основанной Ф. Х. Бауром в первой половине XIX века. Приверженцы этой школы критиковали противоречия и исторические несообразности книг Нового завета, но стремились сохранить некоторые положения библии как якобы исторически достоверные. Однако помимо своей воли эти исследователи содействовали подрыву авторитета библии. — *7.*

[8] Имеются в виду вторая и третья главы «Откровения Иоанна». — *8.*

[9] *Стоики* — представители философской школы, возникшей в Древней Греции в конце IV в. до н. э. и просуществовавшей до VI в. н. э.; представители этой школы колебались между материализмом и идеализмом. В эпоху Римской империи философия стоиков превратилась в реакционное религиозно-идеалистическое учение. Проявляя особый

интерес к моральным проблемам, стоики трактовали их в духе мистицизма и фатализма; они отстаивали внетелесное существование души, культ покорности человека судьбе, непротивление злу, самоотречение и аскетизм и т. п.; учение стоиков оказало значительное влияние на формирование христианской религии. — *9.*

[10] Ириней. «Пять книг против ересей», кн. V, гл. 28—30.

В ссылке на Тацита у Энгельса, по-видимому, вкралась известная неточность: в указанном месте сочинения Тацита «Анналы» о Нероне говорится, но по другому поводу; об упоминаемых же фактах сказано в другом сочинении Тацита — «Истории», кн. II, гл. 8. — *11.*

[11] В своей работе «К истории первоначального христианства», написанной в 1894 г. (см. настоящее издание, т. 22), Энгельс уточнил вопрос о предводителях восставших легионов. — *12.*

[12] Статья *«Маркс и «Neue Rheinische Zeitung»»)* была написана Ф. Энгельсом для газеты «Sozialdemokrat» к первой годовщине со дня смерти К. Маркса. — *14.*

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 437); курсив в настоящей цитате принадлежит Ф. Энгельсу. — *15.*

[14] См. настоящее издание, т. 4, стр. 459. — *15.*

[15] Здесь и ниже под *кодексом Наполеона* Энгельс имеет в виду не один лишь Гражданский кодекс, принятый при Наполеоне в 1804 г. и известный под названием «Кодекс Наполеона», а в широком смысле всю систему буржуазного права, представленную пятью кодексами (гражданским, гражданским процессуальным, торговым, уголовным и уголовно-процессуальным), принятыми при Наполеоне в 1804— 1810 годах. Эти кодексы были введены в завоеванных наполеоновской Францией областях Западной и Юго-Западной Германии и продолжали действовать в Рейнской провинции и после присоединения ее к Пруссии в 1815 году. Французский Гражданский кодекс (собственно «Кодекс Наполеона») Энгельс назвал «классическим сводом законов буржуазного общества» (см. настоящий том, стр. 311). — *17.*

[16] Немецкий студент-демократ Г. А. Шлёффель, издававший в Берлине после мартовской революции 1848 г. газету «Volksfreund» («Друг народа»), был в апреле 1848 г. привлечен к суду и осужден на 6 месяцев заключения в крепости по обвинению в подстрекательстве к мятежу в связи с опубликованием в № 5 газеты от 19 апреля двух его статей, в которых он выступил в защиту прав трудящихся масс. — *17.*

[17] *«Kreuz-Zeitung»* («Крестовая газета») — так называли немецкую ежедневную газету «Neue Preusische Zeitung» («Новая прусская газета»), которая издавалась в Берлине с июня 1848 по 1939 год; была органом контрреволюционной придворной камарильи и прусского юнкерства, затем крайних правых кругов германской консервативной партии; имела в заголовке изображение креста — эмблемы ландвера. — *18.*

[18] Имеется в виду статья Ф. Энгельса «Франкфуртское собрание» (см. настоящее издание, т. 5, стр. 10—14). — *18.*

[19] Энгельс имеет в виду статьи в «Neue Rheinische Zeitung», посвященные критике франкфуртского и берлинского Национальных собраний, известная часть которых была написана Марксом (см. настоящее издание, тт. 5 и 6); в обобщенном виде эта критика была также приведена Энгельсом в его работе «Революция и контрреволюция в Германии» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 92). — *19.*

[20] A. Bougeart. «Marat, l'Ami du Peuple». T. I — II, Paris, 1865 (А. Бужар. «Марат, друг народа». Тт. I — II, Париж, 1865).

«L'Ami du Peuple» («Друг народа») — газета, которую издавал один из вождей якобинцев Жан Поль Марат с 12 сентября 1789 до 14 июля 1793 года; под данным названием газета выходила с 16 сентября 1789 до 21 сентября 1792 года; на газете стояла подпись: Marat, l'Ami du Peuple. — *20.*

[21] Речь идет о статье К. Маркса «Июньская революция» (см. настоящее издание, т. 5, стр. 138—142). — *20.*

[22] *24 февраля* 1848 г. — день свержения монархии Луи-Филиппа во Франции.

24 февраля по старому стилю (7 марта) 1848 г. Николай I, по получении им известия о победе февральской революции во Франции, отдал приказ военному министру о проведении ластичной мобилизации в России для подготовки к борьбе против революции в Европе. — *20.*

[23] Серия статей друга и соратника Маркса и Энгельса Вильгельма Вольфа «Die schlesische Milliarde» была опубликована в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 252, 255, 256, 258, 264, 270—272 и 281, с 22 марта по 25 апреля 1849 года. В 1886 г. эти статьи с некоторыми изменениями были выпущены отдельной брошюрой с введением Энгельса (см. настоящий том, стр. 246—257). Подробный разбор этих статей Энгельс дал в своей работе «Вильгельм Вольф» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 55—97). — *21.*

[24] См. настоящее издание, т. 6, стр. 428—459. — *21.*

[25] См. статью «К кёльнским рабочим» в «Neue Rheinische Zeitung» № 301» 19 мая 1849 г. за подписью редакции (настоящее издание, т. 6» стр. 564). — *22.*

[26] *«Kolnische Zeitung»* («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, под данным названием выходила с 1802 года; в период революции 1848—1849 гг. и наступившей вслед за тем реакции отражала трусливую и предательскую политику прусской либеральной буржуазии; вела постоянную ожесточенную борьбу против «Neue Rheinische Zeitung». — *22.*

[27] *13 июня 1849 г.* в Париже мелкобуржуазная партия Горы организовала мирную демонстрацию протеста против посылки французских войск для подавления революции в Италии в нарушение конституции Французской республики, запрещавшей применять французские войска против свободы другого народа. Провал этой демонстрации,

разогнанной войсками, подтвердил банкротство мелкобуржуазной демократии во Франции. После 13 июня многие лидеры Горы, а также связанные с ними иностранные мелкобуржуазные демократы подверглись арестам и высылке или были вынуждены эмигрировать из Франции. — *22.*

[28] Об участии Энгельса в баденско-пфальцском восстании 1849 г. в рядах добровольческого отряда Виллиха см. его работу «Германская кампания за имперскую конституцию» (настоящее издание, т. 7, стр. 111—207). — *22.*

[29] *«Происхождение семьи, частной собственности и государства»* — одно из основных произведений марксизма. В этой работе дан научный анализ истории человечества на ранних этапах его развития, раскрыт процесс разложения первобытнообщинного строя и образования классового общества, основанного на частной собственности, показаны общие характерные черты этого общества, выяснены особенности развития семейных отношений в различных общественно-экономических формациях, вскрыты происхождение и сущность государства и доказана историческая неизбежность его отмирания с окончательной победой бесклассового коммунистического общества.

Книга «Происхождение семьи, частной собственности и государства» была написана Энгельсом в течение двух месяцев — с конца марта до конца мая 1884 года. Разбирая рукописи Маркса, Энгельс обнаружил подробный конспект книги прогрессивного американского ученого Л. Г. Моргана «Древнее общество», составленный Марксом в 1880—1881 гг. и содержащий много его критических замечаний и собственных положений, а также дополнений из других источников. Ознакомившись с этим конспектом и убедившись в том, что книга Моргана подтверждает выработанное Марксом и им материалистическое понимание истории и сложившиеся у них взгляды на первобытное общество, Энгельс счел необходимым написать специальную работу, широко использовав замечания Маркса, а также некоторые выводы и фактический материал, содержащиеся в книге Моргана. Энгельс рассматривал это как «в известной мере выполнение завещания» Маркса. При работе над книгой Энгельс привлек многочисленные и разнообразные дополнительные материалы своих собственных исследований по истории Греции и Рима, древней Ирландии, древних германцев ц т. д. (см. работы Энгельса «Марка», «К истории древних германцев» и «Франкский период», напечатанные в 19 томе настоящего издания, и др.).

Первоначально Энгельс предполагал напечатать свою работу в легальном теоретическом журнале германской социал-демократии «Neue Zeit» («Новое время»), но в дальнейшем отказался от этого плана, считая, что по своей политической направленности это произведение не может быть напечатано в Германии в условиях действия исключительного закона против социалистов. Книга вышла в свет в Цюрихе в начале октября 1884 года. В первое время германские власти чинили препятствия ее распространению, но впоследствии эти трудности были преодолены и два последующих издания книги (второе — в 1886 и третье — в 1889 г.) были выпущены уже в Штутгарте. Никаких изменений по сравнению с первым изданием в них внесено не было. Первые переводы книги на иностранные языки — польский, румынский и итальянский — появились в 1885 г., причем итальянский перевод был отредактирован самим Энгельсом. Энгельс отредакти-

ровал также датский перевод, вышедший в 1888 году. Первое издание было переведено и на сербский язык.

В 1890 г., в связи с накоплением нового материала по истории первобытного общества, Энгельс приступил к подготовке нового издания своей книги. В ходе работы над ним он изучил всю новейшую литературу вопроса, в частности работы русского ученого М. М. Ковалевского, внес в первоначальный текст много изменений и поправок, а также значительные дополнения, особенно в главу о семье, учитывая новейшие достижения археологии и этнографии (в настоящем томе наиболее существенные изменения, внесенные в 4-е издание, оговорены под строкой). Однако эти изменения и уточнения не затронули выводов Энгельса, которые в новых данных науки получили новое подтверждение. Эти выводы полностью сохранили свое значение и в дальнейшем; последующее развитие науки показало всю правильность основных положений работы Энгельса, хотя некоторые детали, взятые из книги Моргана, нуждаются, в свете новых научных данных, в известном уточнении (например, моргановская периодизация первобытной истории, примененная им в связи с этим терминология и т. д.).

Четвертое, исправленное и дополненное издание книги Энгельса вышло в Штутгарте в конце 1891 г. и в дальнейшем уже не подвергалось никаким изменениям; Энгельс написал для него также новое предисловие, опубликованное и в виде отдельной статьи под заглавием «К истории первобытной семьи» (см. настоящее издание, т. 22).

При жизни Энгельса вышло еще два издания — пятое (1892) и шестое (1894), представлявшие собой простую перепечатку четвертого издания. С этого издания были сделаны первые переводы на французский (1893 г., перевод был отредактирован Лаурой Лафарг и просмотрен Энгельсом), болгарский (1893), испанский (1894) языки; на английском языке книга вышла лишь в 1902 году. На русском языке книга Энгельса была издана впервые в Петербурге в 1894 г., в переводе, сделанном с четвертого немецкого издания; это было первое произведение Энгельса, изданное в России легально. До Октябрьской революции, в 1894—1910 гг., книга выдержала в России десять изданий. Впоследствии книга неоднократно издавалась на русском и других языках, ряд ее изданий был подготовлен Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — *23.*

[30] Имеется в виду составленный К. Марксом «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»»; опубликован в книге «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, 1941, стр. 1—192. — *25.*

[31] Имеется в виду книга E. A. Freeman. «Comparative Politics». London, 1873 (Э. О. Фриман. «Сравнительная политика». Лондон, 1873). — *27.*

[32] См. L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 19, а также «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 4. — *28.*

[33] *Пуэбло* — название группы индейских племен Северной Америки, живших на территории Новой Мексики (в настоящее время — Юго-Запад США и Северная Мексика) и объединенных общностью истории и культуры. Это название, происходящее от испанского слова pueblo (народ, селение, община), было дано им испанскими завоевателями в связи с особым характером их селений, которые представляли собой большие общинные дома-крепости до 5—6 этажей, вмещавшие до

тысячи человек; оно применялось также по отношению к селениям этих племен. — *31.*

[34] Энгельс имеет в виду сочинения Гая Юлия Цезаря «Записки о галльской войне» и Публия Корнелия Тацита «Германия». — *33.*

[35] При работе над первым изданием своего труда Энгельс пользовался следующими книгами Мак-Леннана: «Primitive Marriage. An Inquiry, into the Origin of the Form of Capture in Marriage Ceremonies». Edinburgh, 1865 («Первобытный брак. Исследование о происхождении обряда похищения в свадебных церемониях». Эдинбург, 1865); «Studies in Ancient History comprising a Reprint of «Primitive Marriage. An Inquiry into the Origin of the Form of Capture in Marriage Ceremonies»». London, 1876 («Очерки по древней истории, включающие перепечатку книги «Первобытный брак. Исследование о происхождении обряда похищения в свадебных церемониях»». Лондон, 1876); в дальнейшем, при подготовке четвертого издания (1891), Энгельс учел также вышедшее в Лондоне и Нью-Йорке в 1886 г. новое издание последней книги Мак-Леннана. — *35.*

[36] L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 435. — *36.*

[37] К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 21). — *36.*

[38] Имеется в виду книга: J. J. Bachofen. «Das Mutterrecht. Eine Untersuchung uber die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiosen und rechtlichen Natur». Stuttgart, 1861 (И. Я. Бахофен. «Материнское право. Исследование гинекократии древнего мира на основе его религиозной и правовой природы». Штутгарт, 1861). — *37.*

[39] Ch. Letourneau. «L'evolution du mariage et de la famille». Paris, 1888. — *37.*

[40] Это высказывание Соссюра приводится в книге: A. Giraud-Teulon. «Les origines du mariage et de la famille». Geneve, Paris, 1884, p. XV (А. Жиро-Тёлон. «Происхождение брака и семьи». Женева, Париж, 1884, стр. XV). — *38.*

[41] E. Westermarck. «The History of Human Marriage». London and New York, 1891. — *38.*

[42] Ch. Letourneau. «L'evolution du mariage et de la famille». Paris, 1888, p. 41. — *38.*

[43] A. Espinas. «Des societes animales». Paris, 1877; Энгельс цитирует Эспинаса по стр. 518 книги Жиро-Тёлона (см. примечание 40), в которой в качестве приложения помещен отрывок из этой работы. — *38.*

[44] H. H. Bancroft. «The Native Races of the Pacific States of North America». Vol. I — V, New York, 1875. — *40.*

[45] См. E. Westermarck. «The History of Human Marriage». London and New York, 1891, p. 70—71. —*41.*

[46] Это письмо Маркса до нас не дошло. Энгельс упоминает о нем в письме Каутскому от 11 апреля 1884 года. — *42*.

[47] Речь идет о тексте оперной тетралогии Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга», написанном самим композитором на основе скандинавского эпоса «Эдда» и немецкого эпоса «Песнь о Нибелунгах». См. R. Wagner. «Der Ring des Nibelungen, erster Tag, die Walkure», zweiter Aufzug (Р. Вагнер. «Кольцо Нибелунга, день первый, Валькирия», акт второй).

«Песнь о Нибелунгах» — крупнейший памятник немецкого народного героического эпоса, созданный на основе древних германских мифов и сказаний периода так называемого великого переселения народов (III — V вв.). В дошедшем до нас виде эта эпическая поэма сложилась около 1200 года. — *42.*

[48] *«Эдда»* — собрание мифологических и героических сказаний и песен скандинавских народов; сохранилось в виде рукописи XIII в., открытой в 1643 г. исландским епископом Свейнсоном (так называемая «Старшая Эдда»), и в виде трактата о поэзии скальдов, составленного в начале XIII в. поэтом и летописцем Снорри Стурлусоном («Младшая Эдда»). Песни «Эдды» отразили состояние скандинавского общества в период разложения родового строя и переселения народов. В них встречаются образы и сюжеты из народного творчества древних германцев.

«Эгисдрекка» — одна из песен «Старшей Эдды», относящаяся к более поздним текстам сборника. Энгельс приводит здесь места из строф 32 и 36 этой песни. — *42.*

[49] *Асы* и *ваны* — две группы богов в скандинавской мифологии.

«Сага об Инглингах» — первая сага из книги о норвежских королях (с древнейших времен до XII в.) средневекового исландского поэта и летописца Снорри Стурлусона «Heimskringla» («Земной круг»), составленной в первой половине XIII в. на основе исторических хроник о норвежских королях и исландских и норвежских родовых саг. Энгельс приводит место из 4-й главы этой саги. — *42.*

[50] L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 425. — *43.*

[51] См. J. J. Bachofen. «Das Mutterrecht». Stuttgart, 1861, S. XXIII, 385 и др. — *45.*

[52] К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 187). — *45.*

[53] Цезарь. «Записки о галльской войне», кн. V, гл. 14. — *45.*

[54] «The People of India». Edited by J. F. Watson and J. W. Kaye. Vol. I—VI, London, 1868—1872 («Население Индии». Издано Дж. Ф. Уотсоном и Дж. У. Кеем. Тт. I—VI, Лондон, 1868—1872); Энгельс приводит цитату из II тома этого издания, стр. 85. — *45.*

[55] Речь идет о брачных классах, или секциях — особых группах, на которые делилось большинство австралийских племен. Мужчины каждой группы могли вступать в брак только с женщинами определенной другой группы; в каждом племени имелось 4—8 таких групп. — *46.*

[56] L. H. Morgan. «Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family». Washington, 1871 (Л. Г. Морган. «Системы родства и свойства человеческой семьи». Вашингтон, 1871). — *47.*

[57] Результаты исследований Файсона, проведенных им совместно с Хауиттом, изложены в книге: L. Fison and A. W. Howitt. «Kamilaroi and Kurnai». Melbourne, Sydney, Adelaide, and Brisbane, 1880 (Л. Файсон и А. У. Хауитт. «Камиларои и курнаи». Мельбурн, Сидней, Аделаида и Брисбен, 1880). — *47.*

[58] См. L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 459; Энгельс приводит эту цитату в изложении Маркса (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 28). — *51.*

[59] Энгельс цитирует письмо А. Райта по выдержке, приведенной в книге Моргана (см. L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 455, а также «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 26—27). Полный текст этого письма (его точная дата — 19 мая 1874 г., у Моргана указан 1873 г.) был опубликован в журнале «American Anthropologist». New Series. Menasha, Wisconsin, U. S. A., 1933, № 1, p. 138—140 («Американский антрополог». Новая серия. Менаша, Висконсин, США, 1933, № 1, стр. 138—140). — *53.*

[60] H. H. Bancroft. «The Native Races of the Pacific States of North America». Vol. I, New York, 1875, p. 352—353. — *54.*

[61] *Сатурналии* — ежегодные празднества в Древнем Риме в честь бога Сатурна, устраивавшиеся в период зимнего солнцестояния в связи с окончанием земледельческих работ. Во время этих празднеств устраивались массовые пиры и оргии; в сатурналиях принимали участие и рабы, которым разрешалось сидеть за одним столом со свободными. В дни сатурналий царила свобода половых отношений. Слово «сатурналии» сделалось нарицательным для обозначения разгульных пиршеств и оргий. — *54.*

[62] Речь идет о книге Л. Агассиса, написанной им совместно с его женой: Professor and Mrs. Louis Agassiz. «A Journey in Brazil». Boston and New York, 1886; первое издание этой работы вышло в 1868 году. — *55.*

[63] Имеется в виду так называемая «Гвадалупская сентенция» от 21 апреля 1486 г. — третейское решение испанского короля Фердинанда V Католика, принятое им под давлением крестьянского восстания в Каталонии; король выступал здесь в качестве арбитра между восставшими крестьянами и феодалами. Решение предусматривало отмену прикрепления крестьян к земле и уничтожение целого ряда наиболее ненавистных крестьянству феодальных повинностей, в том числе права первой ночи; за это крестьяне должны были внести крупный выкуп. — *56.*

[64] S. Sugenheim. «Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Horigkeit in Europa bis um die Mitte des neunzehnten Jahrhunderts». St. Petersburg, 1861 (С. Зугенхейм. «История отмены крепостного права и личной зависимости в Европе вплоть до середины XIX столетия». С.-Петербург, 1861). — *56.*

[65] К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 111). — *60.*

[66] К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 112). — *60.*

[67] M. Kovalevsky. «Tableau des origines et de l'evolution de la familla et de la propriete». Stockholm, 1890. — *60.*

[68] См. L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 465—466, а также «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 29. — *61.*

[69] См. L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 470, а также «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 31. — *61.*

[70] К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 31). — *61.*

[71] Имеется в виду работа М. М. Ковалевского «Первобытное право, выпуск I. Род». М., 1886. В этой работе Ковалевский ссылается на данные относительно семейной общины в России, сообщенные Оршанским в 1875 г. и А. Я. Ефименко в 1878 году. — *62.*

[72] *«Правдой» Ярослава* называют первую часть древнейшей редакции «Русской Правды» — сборника законов Древней Руси, возникшего в XI — XII вв. на основе обычного права того времени и отражавшего экономические и социальные отношения тогдашнего общества. — *62.*

[73] *Далматинские законы* — сборник законов, действовавших в XV— XVII вв. в Полице (часть Далмации); известен под названием Полицкого статута. — *62.*

[74] См. A. Heusler. «Institutionen des Deutschen Privatrechts». Bd. II, Leipzig, 1886, S. 271 (А. Хёйслер. «Основные начала германского частного права». Т. II, Лейпциг, 1886, стр. 271). — *62.*

[75] Упоминаемое сообщение Неарха см. в книге: Страбон. «География», кн. XV, гл. I. — *63.*

[76] *Calpullis* — семейные общины у индейцев Мексики в период ее завоевания испанцами; каждая семейная община (calpulli), все члены которой имели общее происхождение, владела общим участком земли, который не подлежал ни отчуждению, ни разделу между наследниками. Calpullis описаны Алонсо де Сурита в его работе «Rapport sur les differentes classes de chefs de la Nouvelle-Espagne, sur les lois, les moeurs des habitants, sur les impots etablis avant et depuis la conquete, etc., etc.» («Донесение относительно различных категорий вождей в Новой Испании, о законах, нравах жителей, о налогах, установленных до и со времени завоевания, и т. д., и т. д.»), впервые опубликованной в книге: «Voyages, relations et memoires originaux pour servir a l'histoire de la decouverte de l'Amerique, publies pour la premiere fois en francais, par H. Ternaux-Compans». Vol. 11, Paris, 1840, pp. 50—64 («Путешествия, подлинные донесения и мемуары, относящиеся к истории открытия Америки, впервые публикуемые на французском языке А. Терно-Комланом». Т. 11, Париж, 1840, стр. 50—64). — *63.*

[77] Имеется в виду статья Г. Кунова «Die altperuanischen Dorf- und Markgenossenschaften» («Древнеперуанские деревенские и марковые общины»), напечатанная в журнале «Ausland» 20 и 27 октября и 3 ноября 1890 года.

«Das Ausland» («Зарубежные страны») — немецкий журнал по вопросам географии, этнографии и естествознания, вначале ежедневный, с 1853 г. еженедельный, издавался в 1828—1893 годах; с 1873 г. выходил в Штутгарте. — *63.*

[78] Речь идет о статье 230 Гражданского кодекса, принятого при Наполеоне в 1804 году. — *65.*

[79] См. К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» («Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 32). — *65.*

[80] Гомер. «Одиссея», песнь первая. — *65.*

[81] Эсхил. «Орестея. Агамемнон». — *66.*

[82] Плутарх. «Изречения лакедемонянок», глава V; см. также G. F. Schoemann. «Griechische Alterthumer». Bd. I, Berlin, 1855, S. 268 (Г. Ф. Шёман. «Греческие древности». Т. I, Берлин, 1855, стр. 268). — *66.*

[83] *Спартиаты* — полноправные граждане Древней Спарты.

Илоты — бесправные жители Древней Спарты, прикрепленные к земле и обязанные нести в пользу землевладельцев-спартиатов определенные повинности. Положение илотов по существу ничем не отливалось от положения рабов. — *66.*

[84] Аристофан. «Женщины на празднике Фесмофорий». — *67.*

[85] Геродот. «История», кн. VIII, гл. 105; см. также W. Wachsmuth. «Hellenische Alterthumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staates». Th. II, Abth. II, Halle, 1830, S. 77 (В. Ваксмут. «Изучение эллинской древности с точки зрения ее государственности», Ч. II, отдел II, Галле, 1830, стр. 77). — *67.*

[86] Еврипид. «Орест». — *67.*

[87] Энгельс приводит мысль, высказанную в работе Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» (см. настоящее издание, т. 3, стр. 30). — *68.*

[88] L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 504. — *69.*

[89] *Гиеродулы* — в Древней Греции и греческих колониях рабы и рабыни, принадлежавшие храмам. Женщины-гиеродулы во многих местах, особенно в городах Передней Азии и в Коринфе, занимались храмовой проституцией. — *69.*

[90] См. Тацит. «Германия», главы 18—19. — *71.*

[91] Аммиан Марцеллин. «История в 31 книге», кн. XXXI, гл. 9; Прокопий Кесарийский. «Война с готами», кн. II, гл. 14 (Книга VI «Истории войн Юстиниана с персами, вандалами и готами»). — *72.*

[92] Имеется в виду поэзия трубадуров Южной Франции конца XI — начала XIII веков. — *73.*

[93] Энгельс перефразирует здесь место из произведения Ш. Фурье. «Theorie de l'unite universelle», vol. III, 2-me ed.; Oeuvres completes, t. IV, Paris, 1841, p. 120 (Ш. Фурье. «Теория всемирного единства», т. III, 2-е изд.; Полное собрание сочинений, т. IV, Париж, 1841, стр. 120); первое издание этого произведения вышло под заглавием: «Traite de l'association domestique-agricole». T. I — II, Paris — Londres, 1822 («Трактат о домоводческо-земледельческой ассоциации». Тт. I — II, Париж—Лондон, 1822). — *74.*

[94] *Дафнис и Хлоя* — герои древнегреческого романа II — III веков; об авторе его, Лонге, не сохранилось никаких сведений. — *79.*

[95] См. «Песнь о Нибелунгах», песнь десятая. — *80.*

[96] *«Гудрун»* (также «Кудрун») — средневековая немецкая эпическая поэма XIII века. — *80.*

[97] H. S. Maine. «Ancient Law: its Connection with the Early History of Society, and its Relation to Modern Ideas» (Г. С. Мейн. «Древнее право: его связь с ранней историей общества и его отношение к современным правовым понятиям»); первое издание этой работы вышло в Лондоне в 1861 году; упоминаемое Энгельсом место см. на стр. 170 этого издания. — *82.*

[98] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии», глава первая (настоящее издание, т. 4, стр. 424—429). — *82.*

[99] L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 491—492. — *85.*

[100] См. примечание 56. — *86.*

[101] L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 85—86; Энгельс излагает цитату в соответствии с «Конспектом книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» Маркса (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 71). — *90.*

[102] Речь идет о завоевании Мексики испанскими конкистадорами в 1519— 1521 годах. — *92.*

[103] L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 115. — *93.*

[104] Здесь и далее Энгельс имеет в виду сочинение Тацита «Германия». — *94.*

[105] *Новомексиканцы* — см. примечание 33. — *95.*

[106] Имеются в виду работы Г. Л. Маурера: «Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadt-Verfassung und der offentlichen Gewalt». Munchen, 1854 («Введение в историю маркового, подворного, сельского и городского устройства и публичной власти». Мюнхен, 1854); «Geschichte der Markenverfassung in Deutschland». Erlangen, 1856 («История маркового устройства в Германии». Эрланген, 1856); «Geschichte

der Fronhofe, der Bauernhofe und der Hofverfassung in Deutschland». Bd. I — IV, Erlangen, 1862—1863 («История господских дворов, крестьянских дворов и подворного устройства в Германии». Тт. I — IV, Эрланген, 1862—1863); «Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland». Bd. I — II, Erlangen, 1865—1866 («История сельского устройства в Германии». Тт. I — II, Эрланген, 1865—1866); «Geschichte der Stadteverfassung in Deutschland». Bd. I — IV, Erlangen, 1869—1871 («История городского устройства в Германии». Тт. I — IV, Эрланген, 1869— 1871). — *97.*

[107] *«Нейтральная нация»* — так назывался в XVII в. военный союз нескольких родственных ирокезам индейских племен, живших на северном берегу озера Эри. Такое название было дано этому союзу французскими колонистами ввиду того, что он сохранял нейтралитет в войнах между племенами собственно ирокезов и гуронов. — *98.*

[108] Имеется в виду национально-освободительная борьба зулусов и нубийцев против английских колонизаторов. Зулусы, на которых англичане напали в январе 1879 г., во главе со своим вождем Кетчвайо в течение полугода оказывали исключительно стойкое сопротивление войскам английских колонизаторов. Последним удалось добиться победы только после ряда сражений благодаря огромному превосходству в вооружениях. Окончательно подчинить зулусов своему господству англичане смогли лишь позднее, в 1887 г., использовав спровоцированную ими и продолжавшуюся несколько лет междоусобную войну между различными зулусскими племенами.

Национально-освободительное восстание нубийцев, арабов и других народностей Судана во главе с мусульманским проповедником Мухаммедом-Ахмедом, называвшим себя «махди», т. е. «спасителем», началось в 1881 г. и достигло особых успехов в 1883—1884 гг., когда от войск английских колонизаторов, проникновение которых в Судан происходило с 70-х годов, была освобождена почти вся территория Судана. В ходе восстания образовалось самостоятельное централизованное махдистское государство. Лишь к 1899 г. войска английских колонизаторов, используя внутреннее ослабление этого государства в результате непрекращающихся войн и межплеменной розни, а также опираясь на подавляющее превосходство в вооружении, завоевали Судан. — *98.*

[109] G. Grote. «A History of Greece». Vol. I — XII (Дж. Грот. «История Греции». Тт. I — XII); первое издание этой работы вышло в Лондоне в 1846—1856 годах; приводимое здесь место см. стр. 54—55 тома третьего, вышедшего в Лондоне в 1869 году. — *100.*

[110] Имеется в виду судебная речь Демосфена против Эвбулида. В этой речи упоминается о древнем обычае хоронить в родовых гробницах только лиц данного рода. — *101.*

[111] К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 134). — *101.*

[112] Упоминаемый здесь Энгельсом отрывок из не дошедшего до нас сочинения древнегреческого философа Дикеарха приводится в книге Ваксмута «Hellenische Alterthumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staates». Th. 1, Abth. 1, Halle, 1826, S. 312. — *101.*

[113] W. A. Becker. «Charikles. Bilder altgriechischer Sitte. Zur genaueren Kenntniss des griechischen Privatlebens». Th. II, Leipzig, 1840, S. 447 (В. А. Беккер. «Харикл. Картины древнегреческих нравов, для более подробного ознакомления с частной жизнью греков». Ч. II, Лейпциг, 1840, стр. 447). — *101.*

[114] К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» («Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 136). — *102.*

[115] G. Grote. «A History of Greece». A New Ed., vol. III, London, 1869. p. 66 (Дж. Грот. «История Греции». Новое изд., т. III, Лондон, 1869, стр. 66). — *102.*

[116] К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 137). — *102.*

[117] G. Grote. «A History of Greece». A New Ed., vol. III, London, 1869, p. 60. Цитата приведена Марксом (с замечаниями в скобках) в его «Конспекте книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 138). — *103.*

[118] К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 138—139). — *103.*

[119] G. Grote. «A History of Greece». A New Ed., vol. III, London, 1869, p. 58—59. — *104.*

[120] Гомер. «Илиада», песнь вторая. — *104.*

[121] Имеется в виду работа: Fustel de Coulanges. «La cite antique», livre III, chap. I (Фюстель де Куланж. «Древняя гражданская община», кн. III, гл. I); первое издание этой книги вышло в Париже — Страсбурге в 1864 году. — *104.*

[122] Дионисий Галикарнасский. «Римская древняя история», кн. II, гл. 12. — *105.*

[123] Эсхил. «Семеро против Фив». — *105.*

[124] G. F. Schoemann. «Griechische Alterthumer». Bd. I, Berlin, 1855, . S. 27. — *105.*

[125] Имеется в виду книга: W. E. Gladstone. «Juventus Mundi. The Gods and Men of the Heroic Age», chap. 11 (У. Ю. Гладстон. «Юность мира. О богах и людях героической эпохи», гл. 11); первое издание этой работы вышло в Лондоне в 1869 году. — *106.*

[126] К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 143); цитируется место из книги: L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 248. — *106.*

[127] Гомер. «Илиада», песнь вторая. — *106.*

[128] См. К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» («Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 144—145). — *107.*

[129] Фукидид. «История Пелопоннесской войны», кн. I, гл. 13. — *107.*

[130] Аристотель. «Политика», кн. III, гл. 10. — *107.*

[131] Речь идет о предоставлении четвертому классу афинских граждан — фетам (свободным, но неимущим людям) права занятия гражданских должностей, что часть источников приписывает Аристиду (V в. до н. э.). — *116.*

[132] Имеются в виду так называемые метэки — чужеземцы, поселившиеся в Аттике на постоянное жительство; будучи свободными, они не имели прав афинских граждан (права занимать общественные должности, участвовать в народном собрании, владеть недвижимым имуществом и т. д.). Они занимались главным образом ремеслом и торговлей, были обязаны платить особый налог и иметь «покровителей» из числа полноправных граждан, через которых могли обращаться к органам управления. — *117.*

[133] В 510—507 гг. до н. э. представитель рода Алкмеонидов Клисфен возглавил борьбу афинского демоса против господства старой родовой знати; в результате оно было свергнуто и проведены реформы, направленные на ликвидацию остатков родового строя. — *117.*

[134] См. L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 271. — *117.*

[135] В 560 г. до н. э. власть в Афинах захватил представитель обедневшего аристократического рода Писистрат, установивший режим единоличного правления — тирании. Этот режим существовал с перерывами (Писистрат дважды изгонялся из Афин и вновь возвращался) до смерти Писистрата в 527 г. и после этого до 510 г., когда его сын Гиппий был изгнан и вскоре в Афинах установилось господство рабовладельческой демократии во главе с Клисфеном. Деятельность Писистрата, направленная на защиту интересов мелких и средних землевладельцев против родовой аристократии, не внесла серьезных изменений в политическую структуру афинского государства. — *119.*

[136] *Законы Двенадцати таблиц* — древнейший памятник римского права. Были составлены в середине V в. до н. э. в результате борьбы плебеев против патрициев и заменили ранее действовавшее в Риме обычное право; эти законы отразили процессы имущественного расслоения римского общества, развития рабства и формирования рабовладельческого государства; законы были записаны на двенадцати досках (таблицах). — *121.*

[137] Имеется в виду битва в *Тевтобургском лесу* (9 г. н. э.) между восставшими против римских завоевателей германскими племенами и римскими войсками, которыми командовал Вар. Битва закончилась разгромом римлян и гибелью их полководца. — *121.*

[138] *Аппий Клавдий* был избран на 451 и 450 г. до н. э. в комиссию десяти (децемвиров), которой было поручено составление законов, ставших известными как законы Двенадцати таблиц; на это время комиссия была облечена всей полнотой власти; по истечении данного срока Аппий Клавдий вместе с другими децемвирами пытался путем узурпации продлить власть комиссии и на 449 год; однако произвол и насилия децемвиров, особенно Аппия Клавдия, вызвали восстание плебеев,

приведшее к низложению децемвиров; Аппий Клавдий был заключен в тюрьму, где вскоре и умер.

Вторая Пуническая война (218—201 гг. до н. э.) — одна из войн, которые вели между собой два крупнейших рабовладельческих государства древности — Рим и Карфаген — за установление господства в Западном Средиземноморье, за захват новых территорий и приобретение рабов. Война закончилась поражением Карфагена. — *122.*

[139] Здесь Энгельс снова приводит замечание, сделанное Марксом по поводу греческого рода (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 134). — *122.*

[140] Th. Mommsen. «Romische Forschungen». 2. AufL, Bd. **I**, Berlin, 1864. — *122.*

[141] Тит Ливий. «История Рима от основания города». — *123.*

[142] В своей книге «Romische Alterthumer». Bd. I, Berlin, 1856, S. 195, Ланге ссылается на диссертацию: Ph. E. Huschke. «De Privilegiis Feceniae Hispalae senatusconsulto concessis (Liv. XXXIX, 19)». Gottingae, 1822 (Ф. Э. Хушке. «О предоставлении постановлением сената привилегии Фецении Гиспале (Лив. XXXIX, 19)». Гёттинген, 1822). — *125.*

[143] B. G. Niebuhr. «Romische Geschichte». Th. I — III (Б. Г. Нибур. «История Рима». Ч. I — III); Энгельс приводит место из первой части, первое издание которой вышло в Берлине в 1811 году. — *126.*

[144] Th. Mommsen. «Romische Geschichte». Bd. I, Buch I, Kap. 6 (Т. Моммзен. «История Рима». Т. I, кн. I, гл. 6); первое издание первого тома этой работы вышло в Лейпциге в 1854 году. — *127.*

[145] Dureau de La Malle. «Economie politique des Romains». T. I — II, Paris, 1840 (Дюро де Ла Маль. «Политическая экономия римлян». Тт. I — II, Париж, 1840). Имеются в виду сравнительные таблицы древних и новых мер, а также денежных единиц, помещенные в конце первого тома. — *128.*

[146] J. F. M'Lennan. «Primitive Marriage». Edinburgh, 1865.— *130.*

[147] M. Kovalevsky. «Tableau des origines et de l'evolution de la famille et de la propriete». Stockholm, 1890. — *130.*

[148] Завоевание Уэльса англичанами было завершено в 1283 г., однако Уэльс продолжал после этого сохранять автономию; полностью он был объединен с Англией в середине XVI столетия. — *130.*

[149] В 1869—1870 гг. Энгельс работал над большим трудом, посвященным истории Ирландии, который остался незаконченным (написанный Энгельсом отрывок этого труда см. в настоящем издании, т. 16, стр. 479—524, часть подготовительных материалов к нему см. «Архив Маркса и Энгельса», т. **X**, 1948, стр. 100—263), и в связи с изучением истории кельтов исследовал также и древнеуэльсские законы. — *131.*

[150] Энгельс цитирует книгу: «Ancient Laws and Institutes of Wales». Vol. I, 1841, p. 93 («Древние законы и установления Уэльса». Т. I, 1841, стр. 93). — *131.*

[151] В сентябре 1891 г. Энгельс совершил поездку по Шотландии и Ирландии. — *133.*

[152] В 1745—1746 гг. в Шотландии произошло восстание горных кланов против притеснений и обезземеливания, осуществлявшихся в интересах англо-шотландской земельной аристократии и буржуазии; горцы боролись за сохранение старинной родовой организации. Недовольством горцев воспользовалась часть дворянства горной Шотландии, заинтересованная в сохранении феодально-патриархальной клановой системы и выдвинувшая в качестве цели восстания восстановление на английском престоле династии Стюартов. После первоначальных кратковременных успехов армия повстанцев была разбита. В результате подавления восстания клановая система в горной Шотландии была разрушена, остатки родового землевладения ликвидированы, усилился процесс сгона шотландских крестьян с земли, были отменены родовые суды, запрещены некоторые родовые обычаи. — *133.*

[153] L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 357, 358. — *133.*

[154] Beda Venerabilis. «Historia ecclesiastica gentis Anglorum» (Беда Достопочтенный. «Церковная история англов»), кн. I, гл. I. — *134.*

[155] Цезарь. «Записки о галльской войне», кн. VI, гл. 22. — *134.*

[156] *«Алеманнская правда»* — свод обычного права германского племенного союза алеманнов (аламанов), занимавшего с V в. территорию современного Эльзаса, современной Восточной Швейцарии и Юго-Западной Германии; относится к концу VI — началу VII вв. и VIII веку. Энгельс ссылается здесь на закон LXXXI (LXXXIV) «Алеманнской правды». — *134.*

[157] Речь идет о работах М. М. Ковалевского «Первобытное право. Выпуск 1. Род». М., 1886 и «Tableau des origines et de l'evolution de la famille et de la propriete». Stockholm, 1890. — *134.*

[158] *«Песнь о Хильдебранде»* — героическая поэма, памятник древнегерманской эпической поэзии VIII в., сохранившийся в отрывках. — *135.*

[159] Тацит. «Германия», гл. 7. — *136.*

[160] Диодор Сицилийский. «Историческая библиотека», кн. IV, гл. 34, 43—44. — *136.*

[161] *«Voluspa»* («Вещание провидицы») — одна из песен «Старшей Эдды» (см. примечание 48). — *137.*

[162] Имеются в виду следующие работы: A. Ch. Bang. «Voluspa og de sibyllinske orakler». 1879 (А. К. Банг. «Вещание провидицы и сивиллины прорицания». 1879) и S. Bugge. «Studier over de nordiske Gude- og Heltesagns Oprindelse». Kristiania, 1881—1889 (С. Бугге. «Очерки по

вопросу о происхождении скандинавских саг о богах и героях». Христиания, 1881—1889). — *137.*

[163] G. L. Maurer. «Geschichte der Stadteverfassung in Deutschland». Bd. I, Erlangen, 1869. — *137.*

[164] Восстание германских и галльских племен под предводительством Цивилиса против римского владычества, вызванное ростом податей, усиленными наборами в армию и злоупотреблениями римских чиновников, происходило в 69—70 гг. (по некоторым источникам 69—71 гг.), охватило значительную часть Галлии и подвластных Риму германских областей, создав для Рима угрозу потери этих территорий. После первоначальных успехов восставшие потерпели несколько поражений и были вынуждены заключить мир с Римом. — *138.*

[165] Цезарь. «Записки о галльской войне», кн. IV, гл. 1. — *139.*

[166] Тацит. «Германия», гл. 26. — *139.*

[167] *«Codex Laureshamensis»* («Лоршский картулярий») — сборник копий дарственных грамот и привилегий Лоршского монастыря, основанного во второй половине VIII в. во Франкском государстве, недалеко от города Вормса и представлявшего собой крупное феодальное владение в Юго-Западной Германии; сборник, составленный в XII в., является одним из важнейших источников по истории крестьянского и феодального землевладения VIII — IX веков. — *140.*

[168] Плиний. «Естественная история в 37 книгах», кн. XVIII, гл. XVII. — *141.*

[169] Плиний. «Естественная история в 37 книгах», кн. IV, гл. XIV. — *146.*

[170] Лиутпранд Кремонский. «Воздаяние», кн. VI, гл. 6. — *149.*

[171] Сальвиан Марсельский. «De gubernatione dei» («Об управлении божьем»), кн. V, гл. 8. — *150.*

[172] *Бенефиций* (beneficium, буквально: «благодеяние») — форма земельного пожалования, получившая широкое распространение во Франкском государстве в первой половине VIII века. Передававшийся в форме бенефиция участок земли с жившими на нем зависимыми крестьянами переходил в пожизненное пользование получателя (бенефициария) на условиях выполнения определенных служб, чаще всего военной. В случае смерти жалователя или бенефициария, а также в случае невыполнения последним обязательств и запущенности его хозяйства, бенефиций подлежал возврату собственнику или его наследникам и для возобновления бенефициальных отношений требовалось повторное пожалование. К раздаче бенефициев прибегала не только королевская власть, но и церковь, а также крупные магнаты. Бенефициальная система способствовала формированию класса феодалов, особенно мелкого и среднего дворянства, закрепощению крестьянских масс, развитию вассальных отношений и феодальной иерархии. Впоследствии бенефиции стали превращаться в наследственные лены (феоды). Роль бенефициальной системы в истории формирования феодализма раскрыта Энгельсом в работе «Франкский период» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 495—546). — *151.*

173 *Графы округов* (Gaugrafen) — во Франкском государстве королевские виновники, поставленные во главе округов или графств. Каждый граф был наделен судебной властью в своем округе, собирал в нем налоги и ведал войском, которым командовал во время походов. За свою службу он пользовался третью королевских доходов, получаемых в данном округе, и вознаграждался земельными пожалованиями. Впоследствии графы стали постепенно превращаться из назначаемых королевских должностных лиц в крупных феодальных сеньоров, обладающих суверенной властью, особенно после 877 г., когда официально была установлена передача графской должности по наследству. — *152.*

174 Имеется в виду составленный в IX в. полиптик (опись земельных владений, населения и доходов) монастыря Сен-Жермен-де-Пре, известный под названием «Полиптик аббата Ирминона». Энгельс приводит данные из полиптика, по-видимому, по книге: P. Roth. «Geschichte des Beneficialwesens von den altesten Zeiten bis ins zehnte Jahrhundert». Erlangen, 1850, S. 378 (П. Рот. «История бенефициальной системы с древнейших времен до десятого века». Эрланген, 1850, стр. 378). — *152.*

175 *Ангарии* — повинности, возлагавшиеся в Римской империи на жителей и обязывавшие последних предоставлять лошадей и носильщиков для обслуживания правительственных транспортов; впоследствии приобрели более широкий характер, являясь тяжелым бременем для населения. — *153.*

176 *Коммендация* — одна из распространенных в Европе, начиная с VIII— IX веков, форм перехода крестьян под «покровительство» феодалов, или мелких феодалов под «покровительство» крупных на определенных условиях (несение военной службы и других служб в пользу «покровителя», передача ему своей земли с получением ее обратно в виде условного держания). Означая для крестьян, которые часто принуждались к этому акту силой, утрату личной свободы, а для мелких феодалов — вступление в вассальные отношения с крупными, коммендация способствовала, с одной стороны, закрепощению крестьянства, а с другой — закреплению феодальной иерархии. — *154.*

177 Ch. Fourier. «Theorie des quatre mouvements et des destinees generales»» 3-me ed.; Oeuvres completes, t. I, Paris, 1846, p. 220 (Ш. Фурье. «Теория четырех движений и всеобщих судеб», 3-е изд.; Полное собрание сочинений, т. I, Париж, 1846, стр. 220); первое издание книги вышло анонимно в Лионе в 1808 году. — *155.*

178 *«Песнь о Хильдебранде»* — см. примечание 158.

При Гастингсе в 1066 г. произошло сражение войск герцога Нормандии Вильгельма, вторгшихся в Англию, с англосаксами. Англосаксонские войска, сохранявшие в своей военной организации пережитки общинного строя и имевшие примитивное вооружение, были разбиты, король англосаксов Гарольд погиб в бою, а Вильгельм стал королем Англии под именем Вильгельма I Завоевателя. — *163.*

179 К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» («Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 153—154). — *165.*

180 *Дитмаршен* — область в юго-западной части современного Шлезвиг-Гольштейна. В древности была населена саксами, в VIII в. завоевана

Карлом Великим, впоследствии находилась во владении различных духовных и светских феодалов. С середины XII в. население Дитмаршена, среди которого преобладали свободные крестьяне, стало постепенно добиваться самостоятельности и с начала XIII до середины XVI в. фактически пользовалось независимостью, успешно отражая неоднократные попытки датских королей и гольштейнских герцогов покорить эту область. Общественное развитие Дитмаршена протекало весьма своеобразно: старое местное дворянство к XIII в. фактически исчезло, в период независимости Дитмаршен представлял собой совокупность самоуправляющихся крестьянских общин, основой которых являлись во многих случаях старые крестьянские роды. До XIV в. верховная власть в Дитмаршене принадлежала собранию всех свободных землевладельцев, затем она перешла к трем выборным коллегиям. В 1559 г. войска датского короля Фредерика II и гольштейнских герцогов Иоганна и Адольфа сломили сопротивление населения Дитмаршена и область была поделена между победителями. Однако общинное устройство и частичное самоуправление продолжали сохраняться в Дитмаршене вплоть до второй половины XIX века. — *169.*

[181] G. W. F. Hegel. «Grundlinien der Philosophie des Rechts», §§ 257 и 360 (Г. В. Ф. Гегель. «Основы философии права», §§ 257 и 360); первое издание этой работы вышло в Берлине в 1821 году. — *170.*

[182] P. Lassalle. «Das System der erworbenen Rechte». Th. II. «Das Wesen des Romischen und Germanischen Erbrechts in historisch-philosophischer Entwickelung» (Ф. Лассаль. «Система приобретенных прав». Ч. II. «Сущность римского и германского наследственного права в историко-философском развитии»); первое издание этой работы вышло в Лейпциге в 1861 году. — *176.*

[183] Цитируемое место частично приводится Марксом в его «Конспекте книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 56—57). — *178.*

[184] Настоящее замечание было написано Энгельсом в связи с переизданием в 1884 г. работы Маркса «Наемный труд и капитал» (см. настоящее издание, т. 6, стр. 428—459); в 1891 г. Энгельс целикам включил его в своевведение к новому изданию этой работы Маркса (см. настоящее издание, т. 22). — *179.*

[185] *Немецкое рабочее общество* в Брюсселе было основано Марксом и Энгельсом в конце августа 1847 г. с целью политического просвещения немецких рабочих, проживавших в Бельгии, и пропаганды среди них идей научного коммунизма. Под руководством Маркса и Энгельса и их соратников Общество сделалось легальным центром объединения немецких революционных пролетариев в Бельгии и поддерживало прямую связь с фламандскими и валлонскими рабочими клубами. Лучшие элементы Общества входили в брюссельскую общину Союза коммунистов. Деятельность Немецкого рабочего общества в Брюсселе прекратилась вскоре после февральской буржуазной революции 1848 г. во Франции в связи с арестом и высылкой его членов бельгийской полицией. — *179.*

[186] Настоящая работа была написана Энгельсом в качестве предисловия к первому немецкому изданию произведения К. Маркса «Нищета

философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 65—185), которое было написано и издано на французском языке в 1847 г. и при жизни Маркса полностью не переиздавалось. Энгельс написал также для этого издания ряд примечаний в отредактировал перевод. Книга вышла во второй половине января 1885 г. под названием: «Das Elend der Philosophie. Antwort auf Proudhons «Philosophie des Elends»». Stuttgart, 1885; еще в начале января того же года предисловие было по инициативе Энгельса опубликовано в журнале «Neue Zeit» под заглавием «Маркс и Родбертус». Предисловие было включено также во второе немецкое издание книги, которое вышло в свет в 1892 году; к этому изданию Энгельсом также было написано небольшое специальное предисловие (см. настоящее издание, т. 22). На русском языке предисловие было впервые напечатано в переводе В. Засулич в первом русском издании, этой работы Маркса, выпущенном группой «Освобождение труда» в Женеве в 1886 году.

«Die Neue Zeit» («Новое время») — теоретический журнал германской социал-демократии, выходил в Штутгарте с 1883 до октября 1890 г. ежемесячно, затем до осени 1923 г. еженедельно. Редактором журнала с 1883 до октября 1917 г. был К. Каутский, с октября 1917 до осени 1923 г. — Г. Кунов. В 1885—1894 гг. Ф. Энгельс опубликовал в журнале ряд своих статей, постоянно помогая своими советами редакции журнала и нередко критикуя ее за допускавшиеся в журнале отступления от марксизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую позицию, фактически поддерживая социал-шовинистов.—*180.*

187 P. J. Proudhon. «Systeme des contradictions economiques, ou Philosophie de la misere». T. I — II, Paris, 1846. — *180.*

188 Речь идет о статье Маркса «О Прудоне (письмо И. Б. Швейцеру)» (см. настоящее издание, т. 16, стр. 24—31).

«Social-Demokrat» («Социал-демократ») — орган лассальянского Всеобщего германского рабочего союза. Под данным названием газета издавалась в Берлине с 15 декабря 1864 по 1871 год; в 1864—1865 гг. редактировалась И. Б. Швейцером. — *180.*

189 Заявление Маркса и Энгельса о прекращении их сотрудничества в «Social-Demokrat» было направлено ими в редакцию этой газеты в феврале 1865 года; благодаря принятым Марксом мерам заявление вскоре было опубликовано во многих немецких газетах. В связи с этим Швейцер был вынужден напечатать его в «Social-Demokrat» 3 марта 1865 г. (см. настоящее издание, т. 16, стр. 79). — *180.*

190 Энгельс имеет в виду свое предисловие к первому немецкому изданию второго тома «Капитала» Маркса, которое он закончил 5 мая 1885 г. (см. настоящее издание, т. 24, стр. 3—23). — *181.*

191 Эти клеветнические обвинения по адресу Маркса содержатся в письмах Родбертуса к Р. Мейеру от 29 ноября 1871 г. (в книге: «Briefe und Socialpolitische Aufsatze von Dr. Rodbertus-Jagetzow. Herausgegeben von Dr. R. Meyer». Bd. I, Berlin, S. 134. — «Письма и социально-политические сочинения д-ра Родбертуса-Ягецова. Изданы д-ром Р. Мейером». Т. I, Берлин, стр. 134) и к Й. Целлеру от 14 марта 1875 г.

(в «Zeitschrift fur die gesammte Staatswissenschaft». Bd. 35, Tubingen, 1879, S. 219 — «Журнал по вопросам общего государствоведения». Т. 35. Тюбинген, 1879, стр. 219). — *181.*

[192] Rodbertus-Jagetzow. «Zur Erkenntnis unsrer staatswirthschaftlichen Zustande». Neubrandenburg und Friedland, 1842 (Родбертус-Ягецов. «К познанию нашего экономического строя». Нёй-Бранденбург и Фридланд, 1842). — *181.*

[193] Энгельс имеет в виду три отдельные работы Родбертуса, изданные в Берлине в 1850 и 1851 гг. под общим заглавием: «Sociale Briefe an von Kirchmann» («Социальные письма к фон Кирхману»). — *181.*

[194] Rodbertus. «Sociale Briefe an von Kirchmann. Zweiter Brief: Kirchmann's sociale Theorie und die meinige». Berlin, 1850, S. 54 (Родбертус. «Социальные письма к фон Кирхману. Письмо второе: Социальная теория Кирхмана и моя социальная теория». Берлин, 1850, стр. 54). — *181.*

[195] D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». London, 1817 (Д. Рикардо. «Начала политической экономии и налогового обложения». Лондон, 1817). — *181.*

[196] В 1821 г. в Лондоне вышел анонимный памфлет под заглавием: «The Source and Remedy of the National Difficulties, deduced from Principles of Political Economy, in A Letter to Lord John Russell». London, 1821 («Источник и разрешение национальных трудностей, выведенные из основных положений политической экономии. Письмо лорду Джону Расселу». Лондон, 1821). Характеристика этого памфлета дана в предисловии Энгельса к первому немецкому изданию второго тома «Капитала» (см. настоящее издание, т. 24, стр. 15—17). — *181.*

[197] См. К. Маркс. «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудоне» (настоящее издание, т. 4, стр. 102); курсив и слова в скобках принадлежат Энгельсу. — *182.*

[198] См. настоящее издание, т. 13, стр. 1—167. — *182.*

[199] См. настоящее издание, т. 13, стр. 48, — *183.*

[200] D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». В первом издании книги, вышедшем в Лондоне в 1817 г., отсутствовало приводимое Энгельсом деление глав на отделы; это деление Рикардо ввел только начиная со второго издания, вышедшего в 1819 году; в 1821 г. вышло третье издание книги, значительно переработанное автором. — *185.*

[201] J. Gray. «The Social System: A Treatise on the Principle of Exchange». Edinburgh, 1831 (Дж. Грей. «Социальная система. Трактат о принципе обмена». Эдинбург, 1831). — *185.*

[202] В 1871 г. Родбертус опубликовал статью «Der Normal-Arbeitstag» («Нормальный рабочий день»); статья была напечатана в журнале «Berliner Revue» («Берлинское обозрение») 16, 23 и 30 сентября, а затем вышла отдельной брошюрой в Берлине в том же году. — *186.*

[203] Речь идет о группе лиц, принимавших участие в издании литературного наследства Родбертуса-Ягецова, в частности его работы «Das Kapital. Vierter socialer Brief an von Kirchmann». Berlin, 1884 («Капитал. Четвертое социальное письмо к фон Кирхману». Берлин, 1884); издателем этой работы и автором введения к ней был Т. Козак; предисловие написал немецкий вульгарный экономист А. Вагнер. — *186.*

[204] Имеется в виду отрывок из работы К. Маркса «К критике политической экономии», в котором дается критика взглядов Дж. Грея (см. настоящее издание, т. 13, стр. 67—70). Этот отрывок был включен в первое немецкое издание «Нищеты философии» в качестве одного из приложений. — *186.*

[205] Rodbertus-Jagetzow. «Zur Erkenntnis unsrer staatswirthschaftlichen Zustande». Neubrandenburg und Friedland, 1842, S. 61. — *186.*

[206] Имеется в виду следующее место в предисловии А. Вагнера к работе Родбертуса «Капитал. Четвертое социальное письмо к фон Кирхману»: «Родбертус обнаруживает здесь такую силу абстрактного мышления, которая свойственна только величайшим умам» (см. С. Rodbertus-Jagetzow. «Das Kapital. Vierter socialer Brief an von Kirchmann». Berlin, 1884, S. VII—VIII). — *186.*

[207] Rodbertus-Jagetzow. «Zur Erkenntnis unsrer staatswirthschaftlichen Zustande». Neubrandenburg und Friedland, 1842, S. 62. Ниже также разбирается и цитируется эта работа. — *186.*

[208] Параграф 110 Уголовного кодекса Германской империи, вступившего в силу в 1871 г., предусматривал денежный штраф в размере до 600 марок или тюремное заключение на срок до 2-х лет за публичный призыв в письменной форме к неподчинению законам или указам, действовавшим в Германской империи. — *192.*

[209] Имеется в виду второе французское издание «Нищеты философии», подготовлявшееся в это время дочерью Маркса Лаурой Лафарг; однако подготовка этого издания затянулась и оно вышло в Париже лишь после смерти Энгельса, в 1896 году. — *193.*

[210] См. настоящее издание, т. 4, стр. 404—418. — *194.*

[211] Настоящая статья была написана Энгельсом 25 января 1885 г. для газеты «Sozialdemokrat». Приблизительно в тот же день он направил П. Лафаргу письмо, содержавшее — в несколько иных выражениях и в более сжатой форме — те же факты и мысли. Лафарг передал это письмо Ж. Геду, и последний положил его в основу своей статьи, опубликованной в качестве передовой газеты «Cri du Peuple» 31 января 1885 года. В статье Гед привел большую выдержку из письма Энгельса, не указывая его фамилии, но отметив, что это письмо было получено им из Лондона от «одного из ветеранов наших великих социальных битв».

«Le Cri du Peuple» («Клич народа») — французская ежедневная социалистическая газета, выходила в Париже в феврале — мае 1871 г. с перерывом, а затем с октября 1883 до февраля 1889 года. — *195.*

[212] Имеется в виду обмен нотами 13 (1) января 1885 г. между Россией и Пруссией о взаимной выдаче лиц, обвиняемых в преступлениях

или проступках против монарха той или иной из договаривающихся сторон или членов его семьи, а также лиц, обвиняемых в изготовлении или хранении взрывчатых веществ. — *196.*

213 Во время сербо-черногорско-турецкой войны 1876 г. и русско-турецкой войны 1877—1878 гг., происходивших в обстановке подъема национально-освободительного движения балканских славян против турецкого ига в 70-х годах, русская публицистка О. А. Новикова, проживавшая в Лондоне в 1876—1877 гг. и располагавшая связями в правящих кругах России, а также в руководящих кругах либеральной партии Англии, в тесном контакте с Гладстоном активно участвовала в развернувшейся в Англии и в России кампании против попыток консервативного правительства Дизраэли втянуть Англию в войну против России на стороне Турции. Эта кампания сыграла известную роль в том, что Англия не вступила в эту войну. Упоминаемая Энгельсом статья О. А. Новиковой называлась «Русификация Англии».

«The Pall Mall Gazette» («Газета Пэл-Мэл») — английская ежедневная газета, выходила в Лондоне с 1865 по 1920 год; в 60—70-х годах придерживалась консервативного направления. Маркс и Энгельс поддерживали связь с этой газетой с июля 1870 по июнь 1871 года. В 1870—1871 гг. в газете были опубликованы серия статей Энгельса о франко-прусской войне, первое воззвание и выдержки из второго воззвания Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне. Как отмечал Маркс, «Pall Mall Gazette» в течение некоторого времени являлась «единственной непродажной газетой в Лондоне». Однако в конце июня 1871 г. газета включилась в общую кампанию клеветы на I Интернационал, поднятую буржуазной печатью в связи с революцией в Париже. Это обстоятельство заставило Маркса и Энгельса порвать с газетой всякие связи. — *195.*

214 Эта брошюра была издана на русском языке. — *196.*

215 E. Regnault. «Histoire politique et sociale des principautеs danubiennes». Paris, 1855. — *196.*

216 Статья *«Англия в 1845 и 1885 годах»* была написана Энгельсом для журнала «Commonweal»; затем она была переведена им на немецкий язык и напечатана в журнале «Neue Zeit», июнь 1885 года. Впоследствии Энгельс включил ее целиком в приложение к напечатанному в 1887 г. американскому изданию (см. настоящий том, стр. 260—266), а в 1892 г. — в предисловия к английскому и второму немецкому изданиям своей работы «Положение рабочего класса в Англии» (см. настоящее издание, т. 22).

«The Commonweal» («Общее благо») — английский еженедельный журнал, выходил в Лондоне в 1885—1891, 1893—1894 годах; орган Социалистической лиги; в 1885—1886 гг. Энгельс поместил в журнале несколько статей. — *198.*

217 *Народная хартия,* содержавшая требования чартистов, была опубликована 8 мая 1838 г. в качестве законопроекта, предназначенного для внесения в парламент; она состояла из шести пунктов: всеобщее избирательное право (для мужчин, достигших 21 года), ежегодные выборы в парламент, тайное голосование, уравнение избирательных округов, отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты парламента, вознаграждение депутатов. Три петиции чартистов с требованием

принятия Народной хартии, поданные в парламент, были отклонены им в 1839, 1842 и 1849 годах. — *198.*

218 На *10 апреля 1848* г. в Лондоне чартистами была назначена массовая демонстрация, которая должна была направиться к зданию парламента с целью подачи третьей петиции о принятии Народной хартии. Правительство запретило демонстрацию, войска и полиция были стянуты в Лондон, чтобы воспрепятствовать ее проведению. Руководители чартистов, среди которых многие проявили колебания, решили отказаться от проведения демонстрации и уговорили массы демонстрантов разойтись. Неудача демонстрации была использована силами реакции для наступления на рабочих и репрессий против чартистов. — *199.*

219 Речь идет о реформе избирательного права, билль о которой был принят английской палатой общин в 1831 г. и окончательно утвержден палатой лордов в июне 1832 года. Реформа была направлена против политической монополии земельной и финансовой аристократии и открыла доступ в парламент представителям промышленной буржуазии. Пролетариат и мелкая буржуазия, которые являлись главной силой, в борьбе за реформу, были обмануты либеральной буржуазией и не получили избирательных прав. — *199.*

220 *Хлебные пошлины* взимались в Англии на основании так называемых хлебных законов, направленных на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы и введенных в интересах крупных землевладельцев-лендлордов. Борьба между промышленной буржуазией и земельной аристократией из-за хлебных законов закончилась принятием в 1846 г. билля об их отмене. Эта мера и связанное с ней снижение хлебных цен, вызвав некоторое удешевление жизни, привели в конечном счете *к* снижению заработной платы рабочих и увеличению прибылей буржуазии. Отмена хлебных законов явилась сильным ударом по земельной аристократии и способствовала ускорению развития капитализма в Англии. — *199.*

221 Здесь и далее словами, взятыми в кавычки, Энгельс передает содержание основных требований Народной хартии. — *200.*

222 В *1867 г.* в Англии под давлением массового рабочего движения была проведена вторая парламентская реформа. Активное участие в движении за реформу принял Генеральный Совет I Интернационала. По новому закону имущественный ценз для избирателей в графствах был понижен для арендаторов до 12 ф. ст. арендной платы в год, в городах право голоса было предоставлено всем домовладельцам и арендаторам домов, а также квартиронанимателям, прожившим в данном месте не менее года и вносившим квартирную плату размером не менее 10 фунтов стерлингов. В результате реформы 1867 г. число избирателей в Англии увеличилось более чем в два раза, избирательное право получила также известная часть квалифицированных рабочих.

В *1884 г.* в Англии под давлением массового движения в сельских районах была проведена третья парламентская реформа, в результате которой на сельские округа были распространены те же условия получения права голоса, которые в 1867 г. были установлены для населения городских округов. После третьей избирательной реформы в Англии все еще не имели избирательного права значительные слои

населения: сельский пролетариат и городская беднота, а также все женщины. — *200.*

223 *Ист-Энд* (East-End) — восточная часть Лондона, включающая кварталы, населенные пролетариатом и беднотой. — *202.*

224 См. «Report of the Fifty-Third Meeting of the British Association for the Advancement of Science; held at Southport in September 1883». London, 1884, p. 608—609 («Отчет о пятьдесят третьем собрании Британской ассоциации содействия развитию науки, состоявшемся в Саутпорте в сентябре 1883 года». Лондон, 1884, стр. 608—609).

Британская ассоциация содействия развитию науки была основана в 1831 г. и существует в Англии до настоящего времени; материалы ежегодных собраний общества публикуются в виде отчетов. — *204.*

225 Брошюра «Карл Маркс перед судом присяжных в Кёльне. Процесс против Рейнского окружного комитета демократов по обвинению в призыве к вооруженному сопротивлению». Хоттинген-Цюрих, 1885 («Karl Marx vor den Kolner Geschwornen. Prozes gegen den Ausschus der rheinischen Demokraten wegen Aufrufs zum bewaffneten Widerstand». Hottingen-Zurich, 1885) была напечатана в начале октября 1885 г. в качестве второго выпуска «социал-демократической библиотеки», издававшейся на немецком языке в Цюрихе, а затем в Лондоне в 1885—1890 годах. В брошюру был включен газетный отчет о процессе, перепечатанный из «Neue Rheinische Zeitung» №№ 226 и 231—233 от 19, 25, 27 и 28 февраля 1849 года. — *206.*

226 Имеется в виду воззвание Рейнского окружного комитета демократов от 18 ноября 1848 г. об отказе от уплаты налогов (см. настоящее издание, т. 6, стр. 33). — *207.*

227 *«Прусское верховенство»* («preusische Spitze») — выражение, употребленное прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV в речи от 20 марта 1848 г., в которой он заявил о своей готовности стать «для спасения Германии во главе (an die Spitze) всего отечества». В период борьбы за объединение Германии это выражение употреблялось для обозначения стремления Пруссии объединить страну под своей гегемонией. — *207.*

228 На судебном процессе «Neue Rheinische Zeitung» 7 февраля 1849 г. Марксу как главному редактору, Энгельсу как соредактору и Г. Корфу как ответственному издателю газеты было предъявлено обвинение в том, что в статье «Аресты», напечатанной в «Neue Rheinische Zeitung» № 35 от 5 июля 1848 г. (см. настоящее издание, т. 5, стр. 172—174), якобы содержалось оскорбление обер-прокурора Цвейфеля и клевета на жандармов, производивших аресты Готшалька и Аннеке. Хотя судебное следствие было начато 6 июля, судебный процесс был назначен впервые только на 20 декабря, а затем отложен. Защитником Маркса и Энгельса на судебном процессе 7 февраля выступал адвокат Шнейдер II, защитником Корфа — адвокат Хаген. Суд присяжных оправдал обвиняемых, что, как отмечено в отчете о процессе, «вызвало громкое ликование со стороны присутствующей публики». Речи Маркса и Энгельса на этом процессе см. в настоящем издании, т. 6, стр. 235—253. — *208.*

[229] Процесс против Рейнского окружного комитета демократов состоялся 8 февраля 1849 года. Перед судом присяжных в Кёльне предстали К. Маркс, К. Шаппер и адвокат Шнейдер II; им было предъявлено обвинение в подстрекательстве к мятежу в связи с воззванием этого комитета от 18 ноября 1848 г. об отказе от уплаты налогов (см. настоящее издание, т. 6, стр. 33). Суд присяжных оправдал обвиняемых. Защитительную речь Маркса на этом процессе см. в настоящем издании, т. 6, стр. 254—272. — *208.*

[230] *«Frankfurter Zeitung und Handelsblatt»* («Франкфуртская газета и торговый листок») — немецкая ежедневная газета, выходила во Франкфурте-на-Майне с 1856 (под данным названием с 1866) по 1943 год; в 80-х годах орган мелкобуржуазной демократической партии Юго-Западной Германии — Немецкой народной партии. — *209.*

[231] Имеются в виду австро-прусская война 1866 г. и франко-прусская война 1870—1871 годов; в результате первой войны, в которой Пруссия выступала против большинства членов Германского союза (см. примечание 232), вместо последнего был создан в 1867 г. Северогерманский союз — союзное германское государство под главенством Пруссии; создание Северогерманского союза явилось шагом вперед по пути к национальному единству Германии. Франко-прусская война явилась завершающим этапом объединения Германии «сверху», путем династических войн и политики «железа и крови».

Национал-либералы — партия немецкой, в первую очередь прусской буржуазии, образовавшаяся осенью 1866 г. в результате раскола буржуазной партии прогрессистов. Национал-либералы отказались от притязаний буржуазии на политическое господство ради удовлетворения экономических интересов этого класса и ставили своей основной целью объединение немецких государств под главенством Пруссии; их политика отражала капитуляцию немецкой либеральной буржуазии перед Бисмарком. После объединения Германии национал-либеральная партия окончательно сложилась как партия крупной буржуазии и промышленных магнатов. Внутренняя политика национал-либералов приобретала все более верноподданнический характер, при этом национал-либералы фактически отказались от выдвинутых ими ранее либеральных требований, в том числе требования программы 1866 г. о необходимости «прежде всего отстаивать бюджетное право». — *209.*

[232] Речь идет о Германском союзе — объединении немецких государств, созданном в 1815 г. Венским конгрессом и первоначально включавшем 34 государства и 4 вольных города. Союз не имел ни централизованной армии, ни финансовых средств и сохранял все основные черты феодальной раздробленности; его центральный орган — Союзный сейм — заседал под председательством представителя Австрии. Не выполняя функции центрального правительства, этот орган играл контрреволюционную роль и вмешивался во внутренние дела германских государств лишь с целью подавления возникавшего в них революционного движения. Распавшийся во время революции 1848—1849 гг. Германский союз был в 1850 г. восстановлен. Союз окончательно прекратил свое существование во время австро-прусской войны 1866 года. — *209.*

[233] Имеются в виду следующие действия правительства Бисмарка в связи с австро-прусской войной 1866 года:

Заключение 8 апреля 1866 г. тайного союзного договора между Пруссией и Италией, согласно которому Италия обязалась выступить против Австрии в том случае, если Пруссия в течение ближайших трех месяцев начнет против последней военные действия;

Переговоры Бисмарка с Наполеоном III в конце 1865 г. и в начале 1866 г., в ходе которых он, желая заручиться нейтралитетом Франции в подготовлявшейся им войне, старался создать у Наполеона III впечатление, что война будет для Пруссии крайне изнурительной, и в неопределенной форме дал намек на возможность территориального расширения Франции за счет Бельгии и Люксембурга, а также некоторых прусских владений на Рейне;

Организация в июле 1866 г. в Силезии легиона из венгерских солдат, служивших в австрийской армии и взятых в плен пруссаками в ходе войны, под командованием участника революции 1848—1849 гг. венгерского генерала Д. Клапка и других венгерских офицеров, участников революции, специально прибывших в это время из эмиграции в Пруссию для участия в войне; легион перешел венгерскую границу, однако вскоре вернулся в Силезию и затем был распущен в связи с окончанием войны;

Аннексия и включение в состав Пруссии по закону от 20 сентября 1866 г. королевства Ганновер, курфюршества Гессен-Кассель, герцогства Нассау и вольного города Франкфурт-на-Майне, участвовавших в войне на стороне Австрии. — *210.*

[234] Имеется в виду конституция Северогерманского союза (Союз охватывал 19 государств и 3 вольных города), утвержденная 17 апреля 1867 г. Учредительным рейхстагом Союза и закреплявшая фактическое господство в нем Пруссии. Прусский король был объявлен президентом Союза и главнокомандующим союзными вооруженными силами, ему передавалось руководство внешней политикой. Законодательные полномочия рейхстага Союза, избиравшегося на основе всеобщего избирательного права, были сильно ограничены: принятые им законы вступали в силу после одобрения их реакционным по своему составу Союзным советом и утверждения президентом. Конституция Союза впоследствии легла в основу конституции Германской империи. Саксония, принимавшая участие в австро-прусской войне 1866 г. на стороне Австрии, была вынуждена в 1866 г., после окончания войны, вступить в Северогерманский союз и затем согласиться на эту конституцию.

Тильзитский мир — мирные договоры, заключенные 7 и 9 июля 1807 г. между наполеоновской Францией и участниками четвертой антифранцузской коалиции, Россией и Пруссией, потерпевшими поражение в войне. Условия мира были крайне тяжелыми для Пруссии, которая лишалась значительной части своей территории (в том числе всех владений к западу от Эльбы). Россия не понесла никаких территориальных потерь, но была вынуждена признать усиление позиций Франции в Европе и присоединиться к блокаде Англии (так называемой континентальной блокаде). Продиктованный Наполеоном I грабительский Тильзитский мир породил острое недовольство среди населения Германии, подготовив тем самым почву для развернувшегося в 1813 году освободительного движения против наполеоновского господства. — *210.*

[235] Имеется в виду исключительный закон против социалистов, введенный правительством Бисмарка при поддержке большинства рейхстага

21 октября 1878 г. в целях борьбы против социалистического и рабочего движения. Этот закон поставил социал-демократическую партию Германии в нелегальное положение; были запрещены все организации партии, массовые рабочие организации, социалистическая и рабочая печать, конфисковывалась социалистическая литература, социал-демократы подвергались репрессиям. Однако социал-демократической партии, которая при активной помощи Маркса и Энгельса сумела преодолеть и оппортунистические и «ультралевые» элементы в своих рядах, удалось за время действия исключительного закона, правильно сочетая нелегальную работу с использованием легальных возможностей, значительно укрепить и расширить свое влияние в массах. Под давлением массового рабочего движения исключительный закон был отменен 1 октября 1890 года. Оценку этого закона Энгельсом см. в статье «Бисмарк и германская рабочая партия» (настоящее издание, т. 19, стр. 289—291). — *210.*

[236] *4 июля* 1776 г., во время войны английских колоний в Северной Америке за независимость, конгресс представителей 13 английских колоний. который заседал в то время в Филадельфии, принял составленную Т. Джефферсоном «Декларацию независимости»; в этом документе было провозглашено отделение североамериканских колоний от Англии и образование независимой республики — Соединенных Штатов Америки, а также сформулирован ряд буржуазно-демократических принципов. — *210.*

[237] В 1618 г. курфюршество Бранденбургское объединилось с герцогством Прусским (Восточной Пруссией), образованным в начале XVI в. из владений Тевтонского ордена и находившимся в ленной зависимости от Речи Посполитой. Бранденбургские курфюрсты в качестве герцогов Прусских оставались вассалами Польши до 1657 г., когда, воспользовавшись ее затруднениями в войне со Швецией, курфюрст Фридрих-Вильгельм добился признания за ним суверенных прав на прусские владения. — *211.*

[238] В октябре 1801 г. между Францией и Россией была заключена секретная конвенция, предусматривавшая урегулирование территориальных вопросов в прирейнской Германии в интересах наполеоновской Франции под предлогом компенсации тех германских государств, владения которых на левом берегу Рейна были захвачены Францией в результате ее войн против первой и второй коалиций. В результате осуществления положений конвенции было упразднено 112 германских государств (почти все духовные владения и имперские города) с общим населением 3 млн. человек, их владения в значительной части были переданы целиком зависевшим от наполеоновской Франции Баварии, Вюртембергу и Бадену, а также Пруссии. Формально эти мероприятия были проведены в соответствии с решением так называемой имперской депутации,—комиссии из представителей государств Германской империи, избранной имперским сеймом еще в октябре 1801 г., — которое было принято ею после долгих прений и под давлением представителей Франции и России лишь 25 февраля 1803 года. — *211.*

[239] Бавария и Вюртемберг, принимавшие участие в войне наполеоновской Франции против третьей коалиции, по условиям мирного договора, заключенного между Францией и Австрией в Пресбурге (Братислава) 26 декабря 1805 г., получили права независимых королевств. Баден, также выступавший в этой войне на стороне Франции,

в 1806 г., после упразднения Священной римской империи, стал независимым великим герцогством. — *212.*

[240] Энгельс приводит фразу из выступления прусского офицера князя Ф. Лихновского по польскому вопросу во франкфуртском Национальном собрании 25 июля 1848 г. (см. также настоящее издание, т. 5, стр. 375). — *212.*

[241] Настоящее письмо было написано Энгельсом по совету Н. Ф. Даниельсона, который сообщил ему о возможности напечатать в журнале «Северный вестник» неопубликованное письмо Маркса в редакцию «Отечественных Записок» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 116—121). Однако в этом журнале письмо Маркса не появилось и оно впервые было напечатано на русском языке в 1886 г. в Женеве в журнале «Вестник Народной Воли» № 5, а в русской легальной печати — в октябре 1888 г. в журнале «Юридический вестник».

«Северный вестник» — ежемесячный литературно-научный и политический журнал, издавался в Петербурге в 1885—1898 годах; до середины 1891 г. — либерально-народнического направления, затем перешел в руки декадентов; в конце 80-х годов в журнале печатались статьи П. Лафарга и других западноевропейских социалистов. — *213.*

[242] Работа Энгельса «*К истории Союза коммунистов»* была написана им в качестве введения к третьему немецкому изданию памфлета Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 423—491) и впервые напечатана в газете «Sozialdemokrat» №№ 46, 47 и 48, 12, 19 и 26 ноября 1885 г., а также в брошюре: K. Marx. «Enthullungen uber den Kommunisten-Prozess zu Koln. Neuer Abdruck mit Einleitung von Friedrich Engels und Dokumenten». Hottingen-Zurich, 1885 (К. Маркс. «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов. Новое издание с введением Фридриха Энгельса и документами». Хоттинген-Цюрих, 1885), вышедшей во второй половине ноября 1885 года. Помимо памфлета Маркса, в эту книгу были включены также четвертое приложение («Кёльнский процесс коммунистов») к работе Маркса «Господин Фогт» (см. настоящее издание, т. 14, стр. 669—677), послесловие Маркса ко второму немецкому изданию памфлета (см. настоящее издание, т. 18, стр. 549— 552), а также обращения Центрального комитета к Союзу коммунистов от марта и от июня 1850 г. (см. настоящее издание, т. 7, стр. 257—267 и 322—328). — *214.*

[243] Wermuth — Stieber. «Die Communisten-Verschworungen des neunzehnten Jahrhunderts». Berlin, Erster Theil, 1853, Zweiter Theil, 1854. В приложениях к первой части книги, в которой излагалась «история» рабочего движения в качестве руководства для полицейских, были перепечатаны некоторые попавшие в руки полиции документы Союза коммунистов. Вторая часть представляла собой «черный список» с биографическими сведениями о лицах, связанных с рабочим и демократическим движением. — *214.*

[244] *Бабувизм* — одно из течений утопического уравнительного коммунизма, основанное французским революционером конца XVIII в. Гракхом Бабёфом и его сторонниками. — *215.*

[245] *Societe des Saisons* (Общество времен года) — тайная республиканско-социалистическая заговорщическая организация, действовавшая

в Париже в 1837—1839 гг. под руководством О. Бланки и А. Барбеса.

Восстание *12 мая 1839 г.* в Париже, в котором главную роль играли революционные рабочие, было подготовлено Обществом времен года; восстание, не опиравшееся на широкие массы, было разгромлено правительственными войсками и национальной гвардией. — *215.*

[246] Шаппер был арестован сразу же после восстания 12 мая 1839 г. и после семи месяцев тюремного заключения выслан из Франции; Бауэр продолжал свою революционную деятельность в Париже, был арестован позднее, в 1842 г., и также подвергся высылке. — *215.*

[247] Речь идет об одном из эпизодов борьбы немецких демократов против реакции в Германии, установившейся после Венского конгресса (этот эпизод получил название Франкфуртского покушения); группа радикальных элементов, главным образом из студенческих кругов, попыталась 3 апреля 1833 г. путем выступления против центрального органа Германского союза — Союзного сейма во Франкфурте-на-Майне вызвать переворот в стране и провозгласить всегерманскую республику; войска подавили это плохо подготовленное выступление. — *215.*

[248] В феврале 1834 г. итальянский буржуазный демократ Мадзини организовал поход членов основанного им в 1831 г. общества «Молодая Италия», а также группы иностранных революционных эмигрантов из Швейцарии в Савойю, входившую в Сардинское королевство (Пьемонт), с целью поднять там народное восстание для объединения Италии и создания независимой буржуазной итальянской республики; вторгшийся в Савойю отряд был разбит пьемонтскими войсками. — *215.*

[249] *«Демагогами»* реакционные круги в Германии называли с 1819 г. участников оппозиционного движения из числа немецкой интеллигенции и студенческих гимнастических обществ, которые выступали в период, последовавший за войнами с наполеоновской Францией, против реакционного строя в немецких государствах и организовывали политические манифестации с требованиями объединения Германии. Реакционные власти подвергали «демагогов» преследованиям. — *216.*

[250] Лондонское *Коммунистическое просветительное общество немецких рабочих* было основано К. Шаппером, И. Моллем и другими деятелями Союза справедливых. После организации Союза коммунистов руководящая роль в Обществе принадлежала местным общинам Союза. Активное участие в деятельности Общества в 1847 и 1849—1850 гг. принимали Маркс и Энгельс. 17 сентября 1850 г. Маркс, Энгельс и ряд их сторонников вышли из Общества в связи с тем, что в борьбе между руководимым Марксом и Энгельсом большинством Центрального комитета Союза коммунистов и сектантско-авантюристским меньшинством (фракцией Виллиха-Шаппера) большая часть Общества стала на сторону меньшинства. С конца 50-х годов Маркс и Энгельс вновь приняли участие в деятельности Общества. С основанием I Интернационала Общество, одним из руководителей которого был Ф. Лесснер, вошло в Международное Товарищество Рабочих. Лондонское просветительное общество продолжало существовать до 1918 г., когда оно было закрыто английским правительством. В XX в. Общество посещалось многими русскими политическими эмигрантами. — *216.*

[251] Энгельс цитирует статью Маркса «Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа»» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 443—444).

«Vorwarts!» («Вперед!») — немецкая газета, выходила в Париже с января по декабрь 1844 г. два раза в неделю. В газете сотрудничали Маркс и Энгельс. Под влиянием Маркса, который с лета 4844 г. стал принимать близкое участие в редактировании газеты, она начала приобретать коммунистический характер; газета развернула острую критику реакционных порядков в Пруссии. По требованию прусского правительства министерство Гизо в январе 1845 г. издало распоряжение о высылке Маркса и некоторых других сотрудников газеты из Франции, после него издание «Vorwarts!» прекратилось. — *217.*

[252] *«Deutsch-Franzosische Jahrbucher»* («Немецко-французский ежегодник») издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 года. В нем были опубликованы произведения К. Маркса: «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение», а также произведения Ф. Энгельса: «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 382—413, 414—429, 544—571, 572—597). Эти работы знаменуют окончательный переход Маркса и Энгельса от революционного демократизма к материализму и коммунизму. Главной причиной прекращения издания журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге. — *220.*

[253] *«Deutsche-Brusseler-Zeitung»* («Немецкая брюссельская газета»), основанная немецкими политическими эмигрантами в Брюсселе, выходила с января 1847 по февраль 1848 года. Первоначально направление газеты определялось стремлением ее редактора, мелкобуржуазного демократа Борнштедта, примирить различные течения радикального и демократического лагеря. Однако уже с лета 1847 г. газета, благодаря выступлениям на ее страницах Маркса и Энгельса и их соратников, все больше становилась рупором революционно-демократических и коммунистических идей. С сентября 1847 г. Маркс и Энгельс сделались постоянными сотрудниками газеты и стали оказывать непосредственное влияние на ее направление, фактически сосредоточив в последние месяцы 1847 г. в своих руках ее редакционные дела. Под руководством Маркса и Энгельса газета стала органом формировавшейся революционной партии пролетариата — Союза коммунистов. — *221.*

[254] *«The Northern Star»* («Северная звезда») — английская еженедельная газета, центральный орган чартистов, основана в 1837 году; выходила до 1852 г., сначала в Лидсе, а с ноября 1844 г. в Лондоне. Основателем и редактором газеты был Ф. O'Коннор, в редакцию входил также Дж. Гарни. С 1843 по 1850 г. в газете печатались статьи и заметки Энгельса. — *221.*

[255] *Демократическая ассоциация,* основанная в Брюсселе осенью 1847 г., объединяла в своих рядах пролетарских революционеров, преимущественно из числа немецких революционных эмигрантов, и передовые элементы буржуазной и мелкобуржуазной демократии. Активную

роль в создании Ассоциации сыграли Маркс и Энгельс и руководимое ими брюссельское Немецкое рабочее общество. 15 ноября 1847 г. Маркс был избран ее вице-председателем, на пост председателя был выдвинут бельгийский демократ Л. Жотран. Благодаря влиянию Маркса брюссельская Демократическая ассоциация сделалась одним из крупных центров международного демократического движения. В дни февральской буржуазной революции во Франции пролетарское крыло брюссельской Демократической ассоциации добивалось вооружения бельгийских рабочих и развертывания борьбы за демократическую республику. Однако после высылки Маркса из Брюсселя в начале марта 1848 г. и расправы бельгийских властей с наиболее революционными элементами Ассоциации бельгийские буржуазные демократы не сумели возглавить антимонархическое движение трудящихся масс. Деятельность Демократической ассоциации приобрела более узкий, чисто местный характер и уже в 1849 г. фактически прекратилась.

«La Reforme» («Реформа») — французская ежедневная газета, орган мелкобуржуазных демократов-республиканцев и мелкобуржуазных социалистов; издавалась в Париже с 1843 по 1850 год. С октября 1847 до января 1848 г. Энгельс опубликовал в этой газете ряд статей. — *221.*

[256] Имеется в виду «Der Volks-Tribun» («Народный трибун») — еженедельная газета, основанная немецкими «истинными социалистами» в Нью-Йорке; выходила с 5 января по 31 декабря 1846 года.

«Циркуляр против Криге» — см. настоящее издание, т. 4 стр. 1—16. — *222.*

[257] W. Weitling. «Das Evangelium eines armen Sunders». Bern. 1845. — *222.*

[258] См. настоящее издание, т. 4, стр. 451—453. — *223.*

[259] Энгельс цитирует статью первую Устава Союза коммунистов (см. настоящее издание, т. 4, стр. 524). — *224.*

[260] *«Требования Коммунистической партии в Германии»* (см. настоящее издание, т. 5, стр. 1—3) были написаны Марксом и Энгельсом в Париже между 21 и 29 марта 1848 года. Они явились политической платформой Союза коммунистов в начавшейся германской революции. «Требования Коммунистической партии в Германии» были напечатаны около 30 марта отдельной листовкой и в начале апреля опубликованы в ряде демократических газет. «Требования» вручались в качестве директивного документа членам Союза коммунистов, возвращавшимся на родину. В ходе революции Маркс, Энгельс и их сторонники стремились пропагандировать этот программный документ среди народных *масс.* Не позже 10 сентября 1848 г. «Требования» были напечатаны в Кёльне в виде листовки и распространялись членами кёльнского Рабочего союза в ряде мест Рейнской провинции. На втором демократическом конгрессе в Берлине в октябре 1848 г. делегат кёльнского Рабочего союза Бейст выступил от имени комиссии по решению социального вопроса с предложением принять программу мероприятий, почти целиком заимствованную из «Требований». В ноябре и декабре 1848 г. на заседаниях кёльнского Рабочего союза обсуждались отдельные пункты «Требований». В конце 1848 или в начале 1849 г.

«Требования» были также опубликованы отдельной брошюрой в Лейпциге в сокращенном виде. Энгельс цитирует этот документ не полностью. — *225.*

[261] Речь идет о Клубе немецких рабочих, основанном в Париже 8—9 марта 1848 г. по инициативе руководителей Союза коммунистов. Руководящую роль в этом обществе играл Маркс. Целью создания Клуба было сплочение немецких рабочих-эмигрантов в Париже и разъяснение им тактики пролетариата в буржуазно-демократической революции. — *226.*

[262] Вооруженное *восстание в Дрездене* произошло 3—8 мая 1849 года. Поводом к восстанию послужили отказ саксонского короля признать имперскую конституцию и назначение им крайнего реакционера Чинского на пост премьер-министра. Буржуазия и мелкая буржуазия почти не участвовали в борьбе, главную роль в баррикадных боях сыграли рабочие и ремесленники. Восстание было подавлено правительственными и прибывшими в Саксонию прусскими войсками. Дрезденское восстание положило начало вооруженной борьбе в защиту имперской конституции. Эта борьба происходила в Южной и Западной Германии в течение мая — июля 1849 г. и закончилась поражением демократических сил. — *228.*

[263] *Тринадцатое июня 1849 г.* — см. примечание 27. — *228.*

[264] Имеется в виду «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Март 1850» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 257—267). — *229.*

[265] Имеется в виду «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Июнь 1850» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 322—328). — *229.*

[266] Энгельс цитирует здесь статью «Третий международный обзор. С мая по октябрь» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 467).

«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение») — журнал, основанный Марксом и Энгельсом в декабре 1849 г. и издававшийся ими до ноября 1850 года. Журнал являлся теоретическим и политическим органом Союза коммунистов, продолжением издававшейся Марксом и Энгельсом во время революции 1848—1849 гг. «Neue Rheinische Zeitung» (см. примечание 4). Всего с марта по ноябрь 1850 г. вышло в свет шесть номеров журнала, в том числе один сдвоенный номер (5—6). Редактировался журнал в Лондоне, печатался в Гамбурге. На обложке был указан также Нью-Йорк, так как Маркс и Энгельс рассчитывали на распространение журнала и среди немецких эмигрантов в Америке. Подавляющая часть материалов (статьи, обзоры, рецензии) писалась Марксом и Энгельсом, которые также привлекали к сотрудничеству своих сторонников — В. Вольфа, И. Вейдемейера, Г. Эккариуса. Из произведений основоположников марксизма в журнале были опубликованы «Классовая борьба во Франции» Маркса, «Германская кампания за имперскую конституцию» и «Крестьянская война в Германии» Энгельса, а также ряд других работ. В работах, опубликованных в журнале, подводился итог революции 1848—1849 гг., содержалась дальнейшая разработка теории и тактики революционной пролетарской партии. Журнал прекратил свое существование вследствие полицейских притеснений в Германии и отсутствия материальных средств. — *230.*

[267] *Зондербундом* (Особым союзом), по аналогии с сепаратным объединением реакционных католических кантонов в Швейцарии в 40-х годах XIX в., Маркс и Энгельс иронически называли сектантско-авантюристскую фракцию Виллиха-Шаппера, обособившуюся после раскола Союза коммунистов 15 сентября 1850 г. в самостоятельную организацию со своим собственным Центральным комитетом. Своей деятельностью фракция способствовала раскрытию прусской полицией нелегальных общин Союза коммунистов в Германии и дала ей повод сфабриковать судебный процесс против видных деятелей Союза коммунистов в Кёльне в 1852 году. — *231.*

[268] Настоящая заметка Энгельса представляет собой отрывок из письма Полю Лафаргу, посвященного анализу внутриполитического положения во Франции после состоявшегося 4 октября 1885 г. первого тура выборов в палату депутатов. Находившаяся у власти с 1879 г. партия умеренных буржуазных республиканцев (так называемых «оппортунистов»), отражавших интересы крупной буржуазии, потеряла доверие значительной части избирателей вследствие дефицита государственного бюджета, роста налогов, расточительных займов, невыполнения ею большинства своих обещаний (упразднение сената, отделение церкви от государства, введение прогрессивно-подоходного налога и т. д.), а также в результате непопулярных в народе колониальных авантюр, особенно во Вьетнаме. Многие руководящие деятели партии к тому же оказались замешанными в нечистоплотных финансовых махинациях и коррупции, что было использовано монархистами в предвыборной кампании. В числе избранных в первом туре оказалось большинство монархистов. В связи с тем, что французские социалисты расценили эти результаты как поражение, Энгельс и написал это письмо. Соответствующий отрывок из письма был напечатан в газете «Socialiste» 17 октября под редакционным заголовком «Создавшаяся обстановка» («La Situation»). В связи с этим Энгельс обратился в редакцию газеты «Socialiste» с письмом, которое было помещено в газете 31 октября 1885 г. (см. настоящий том, стр. 235—236).

«Le Socialiste» («Социалист») — французская еженедельная газета, основана Ж. Гедом в Париже в 1885 г., до 1902 г. — орган Рабочей партии, с 1902 до 1905 г. — орган Социалистической партии Франции, с 1905 г. — орган Французской социалистической партии; в 80—90-х годах в газете сотрудничал Ф. Энгельс. — *238.*

[269] Имеются в виду орлеанисты, бонапартисты и легитимисты. — *233.*

[270] В этих словах выразила свое отношение к июльской монархии во Франции комиссия парижского муниципалитета в своем рапорте новому королю Луи-Филиппу вскоре после его вступления на престол в 1830 году. — *234.*

[271] Ввиду того, что в результате выборов 4 октября 1885 г. большое число кандидатов не получило необходимого для избрания количества голосов, на 18 октября был назначен второй тур, в ходе которого было избрано подавляющее большинство республиканских кандидатов. В результате в составе французской палаты депутатов оказалось 372 республиканца, среди которых было много радикалов, и 202 монархиста.

Радикалы — в 80—90-х годах парламентская группа во Франции, отколовшаяся от буржуазной партии умеренных республиканцев

(«оппортунистов»), продолжала отстаивать ряд буржуазно-демократических требований, которые были фактически отброшены этой партией: отмена сената, отделение церкви от государства, введение прогрессивно-подоходного налога и т. д., в целях привлечения на свою сторону массы избирателей требовала также ограничения рабочего дня, пенсионного обеспечения инвалидов и некоторых других мероприятий социально-экономического характера. Лидером радикалов был Клемансо. В 1901 г. радикалы организационно оформились в партию, отражавшую интересы главным образом средней и мелкой буржуазии. — *234.*

[272] В настоящей статье подвергается критическому разбору перевод первого и части второго разделов первой главы I тома «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 43—52), напечатанный в журнале «To-day», vol. 4, № 22, октябрь 1885 г., стр. 429—436. Перевод был сделан руководителем Социал-демократической федерации Г. М. Гайндманом, выступавшим под псевдонимом Джон Бродхаус. После статьи Энгельса Гайндман продолжал печатать свой перевод в журнале «To-day» по май 1889 года; всего было опубликовано семь глав и большая часть восьмой главы I тома. Первый научный английский перевод I тома «Капитала», сделанный С. Муром и отредактированный Энгельсом, вышел в свет в 1887 году.

«To-day» («Сегодня») — английский ежемесячный журнал социалистического направления; выходил в Лондоне с апреля 1883 по июнь 1889 года; с июля 1884 до 1886 г. редактором журнала был Г. М. Гайндман. — *237.*

[273] См. настоящее издание, т. 23, стр. 44. Энгельс переводит здесь выражение «in der burgerlichen Gesellschaft» словами «в гражданском обществе»; во французском авторизованном издании 1872—1875 гг. и в английском издании I тома «Капитала», вышедшем в 1887 г. под редакцией Энгельса, это выражение переведено иначе: «в буржуазном обществе»). — *244.*

[274] A. Ferguson. «An Essay on the History of Civil Society». Edinburgh, 1767 (А. Фергюсон. «Опыт истории гражданского общества». Эдинбург, 1767). — *244.*

[275] Работа Энгельса *«К истории прусского крестьянства»* написана им в качестве второго раздела введения к вышедшему по его инициативе отдельному изданию серии статей В. Вольфа о положении крестьянства в Силезии (см. примечание 23). Первым разделом введения послужила значительно сокращенная Энгельсом для данного издания его статья «Вильгельм Вольф», напечатанная в 1876 г. (см. настоящее издание, т. 19, стр. 55—97). — *246.*

[276] Тевтонский *орден* — немецкий рыцарский духовный орден, основанный в 1190 г. во время крестовых походов. Орден захватил в Германии и в других странах многочисленные земли. В XIII в. под владычество ордена перешла завоеванная путем покорения и истребления прибалтийских племен пруссов и частично литовцев огромная территория между устьями рек Вислы и Немана, которая стала оплотом агрессии ордена против Польши, Литвы и русских княжеств. После поражения на Чудском озере в 1242 г. (Ледовое побоище) и в битве при Грюнвальде в 1410 г. орден пришел в упадок и в дальнейшем сохранил лишь небольшую часть своих владений. — *247.*

[277] *Крестьяне-чиншевики* — зависимые крестьяне, пользовавшиеся личной свободой, но обязанные платить за свой земельный надел, находившийся в их наследственном владении, определенную плату (чинш) деньгами или натуральными, повинностями. — *249.*

[278] *Тридцатилетняя война* 1618—1648 гг. — общеевропейская война, вызванная борьбой между протестантами и католиками. Германия сдвигалась главной ареной этой борьбы, объектом военного грабежа и захватнических притязаний участников войны и претерпела ряд вторжений иноземных завоевателей, соперничавших друг с другом. Война закончилась в 1648 г. заключением Вестфальского мира, закрепившего политическую раздробленность Германии.

Поражение при Йене — разгром прусской армии 14 октября 1806 **г.**, повлекший за собой капитуляцию Пруссии перед наполеоновской Францией и показавший всю гнилость социально-политического строя феодальной монархии Гогенцоллернов. — *250.*

[279] Имеются в виду некоторые категории зависимых крестьян, не владевших пахотной землей.

Dreschgartner — так назывались в некоторых местностях Германии, в частности в Силезии, зависимые крестьяне, которые получали от помещика клочок огородной земли с хижиной и должны были выполнять работу на помещика (главным образом обмолот урожая) за ничтожную плату натурой или деньгами.

Hausler — зависимые крестьяне, которые получали от помещика хижину и примыкавший к ней небольшой участок земли, не обеспечивавший ведения собственного хозяйства, достаточного, чтобы прокормить семью, что вынуждало таких крестьян работать у помещика поденщиками.

Instleute — поденщики, работавшие на помещика по контракту, заключенному на определенное число лет, и получавшие за свой труд на этот срок жилище, клочок земли в пользование и крайне незначительную плату натурой и деньгами. — *251.*

[280] *Капитулярии Карла Великого* — королевские указы, являющиеся одним из основных памятников законодательства Франкского государства. — *252.*

[281] В целях обеспечения для прусского государства поступления материальных средств, а также набора рекрутов прусский король Фридрих II издал ряд законов, направленных против сгона помещиками крестьян с их наделов; однако эти законы проводились в жизнь лишь в незначительной мере. — *252.*

[282] *18 марта 1848 г.* в Берлине произошло вооруженное восстание, которое явилось началом буржуазно-демократической революции 1848— 1849 гг. в Германии.

При *Мольвице* (деревня в Силезии) во время войны за Австрийское наследство (1740—1748) армия прусского короля Фридриха II нанесла 10 апреля 1741 г. поражение австрийской армии. В районе *Седана* (город в Северо-Восточной Франции) 1 сентября 1870 г. произошло одно из крупнейших сражений франко-прусской войны (1870—1871), в результате которого 2 сентября французская армия капитулировала, что ускорило крах Второй империи. — *252.*

[283] См. «Sammlung der fur die Koniglichen Preusischen Staaten erschienenen Gesetze und Verordnungen von 1806. bis zum 27sten Oktober 1810». Berlin, 1822, S. 170—173 («Собрание законов и указов для Прусского королевства, изданных с 1806 по 27 октября 1810 года». Берлин, 1822, стр. 170—173). — *252.*

[284] Имеются в виду указы от 14 февраля 1808 г., от 27 марта 1809 г., от 8 апреля 1809 г. и от 9 января 1810 г. (см. издание, указанное в примечании 283, стр. 189—193. 552—555, 557—561, 626—629); в указе от 8 апреля 1809 г. разъяснялось, что отмена личной наследственной зависимости не должна пониматься как отмена исполнения крестьянами феодальных повинностей. — *252.*

[285] См. «Gesetz-Sammlung fur die Koniglich-Preusische Staaten. 1811». Berlin, S. 281—299 («Собрание узаконений для Прусского королевства. 1811». Берлин, стр. 281—299). — *252.*

[286] См. «Gesetz-Sammlung fur die Koniglichen Preusischen Staaten. 1816». Berlin, S. 154—180.

Победа англо-голландских и прусских войск над наполеоновской армией при *Ватерлоо* (Бельгия) была одержана 18 июня 1815 года. — *253.*

[287] *Семилетняя война* (1756—1763) — общеевропейская война, вызванная захватническими стремлениями феодально-абсолютистских держав и колониальным соперничеством Франции и Англии. Англия в союзе с Пруссией выступала против коалиции Австрии, Франции, России, Саксонии и Швеции. В результате войны Франция вынуждена была уступить Англии свои крупнейшие колонии (Канаду, владения в Ост-Индии и т. д.); Пруссия, Австрия и Саксония сохранили довоенные границы. — *253.*

[288] См. «Gesetz-Sammlung fur die Koniglichen Preusischen Staaten. 1821)». Berlin, S. 77—83. — *253.*

[289] *Ackernahrung* — так называлось в Пруссии крестьянское хозяйство, обладавшее таким количеством земли и орудий производства, что члены семьи, ведущей его, могли прокормиться за счет собственного труда, не прибегая ни к найму чужой рабочей силы, ни к каким-либо побочным занятиям. — *253.*

[290] Речь идет о прусской провинции Саксония. — *253.*

[291] См. «Gesetz-Sammlung fur die Koniglichen Preusischen Staaten. 1845». Berlin, S. 502—505, 682—684. — *254.*

[292] *«Государство разума»* — вошедшее в поговорку выражение, обозначавшее прусское государство и употреблявшееся часто в ироническом смысле; ведет свое происхождение от высказанного Гегелем во вступительной речи к его курсу лекций по истории философии в Гейдельбергском университете 28 октября 1816 г. мнения о том, что именно прусское государство построено на разуме. — *254.*

[293] A. Meitzen. «Der Boden und die landwirthschaftlichen Verhaltnisse des Preussischen Staates nach dem Gebietsumfange vor 1866». Bd. I — IV, Berlin, 1868—1871 (А. Мейтцен. «Земля и аграрные отношения в Прус-

ском государстве в границах до 1866 года». Тт. I — IV, Берлин, 1868-1871). — *254.*

[294] См. «Gesetz-Sammlung fur die Koniglichen Preusischen Staaten. 1848». Berlin, S. 276—279. — *255.*

[295] См. «Gesetz-Sammlung fur die Koniglichen Preusischen Staaten. 1848». Berlin, S. 427—441. — *255.*

[296] См. «Gesetz-Sammlung fur die Koniglichen Preusischen Staaten. 1850». Berlin, S. 77—111. — *255.*

[297] Энгельс цитирует доклад аграрной комиссии прусской второй палаты по проекту закона о выкупе феодальных повинностей, изданного 2 марта 1850 года; доклад был вынесен на обсуждение палаты на заседании 23 ноября 1849 года; см. «Stenographische Berichte uber die Verhandlungen der durch die Allerhochste Verordnung vom 30. Mai 1849 einberufenen Zweiten Kammer». Neunundfunfzigste Sitzung, 23. November 1849 («Стенографические отчеты о дебатах второй палаты, созванной на основании высочайшего указа от 30 мая 1849 г.», пятьдесят девятое заседание, 23 ноября 1849 года); курсив дан Энгельсом. — *256.*

[298] Энгельс имеет в виду две таблицы из книги Мейтцена, в первой из которых приводятся итоги выкупных операций с 1816 по 1848 г., а во второй — с 1816 по конец 1865 года. — *256.*

[299] См. настоящее издание, т. 8, стр. 115—217. — *258.*

[300] Имеется в виду государственный переворот во Франции 2 декабря 1851 г., совершенный Луи Бонапартом, занимавшим с 10 декабря 1848 г. пост президента Французской республики: Законодательное собрание и государственный Совет были распущены, многие депутаты арестованы, в 32-х департаментах объявлено военное положение, социалистические и республиканские лидеры высланы из Франции. 14 января 1852 г. была принята новая конституция, согласно которой вся власть сосредоточивалась в руках президента, а 2 декабря 1852 г. Луи Бонапарт был провозглашен императором Франции под именем Наполеона III. — *258.*

[301] Настоящая статья была написана Энгельсом в связи с подготовкой к изданию в США его работы «Положение рабочего класса в Англии» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 231—517), которое являлось первым переводом этого произведения на английский язык. Первоначально Энгельс предполагал поместить статью в этом издании в качестве предисловия или послесловия, однако, поскольку выход книги значительно задержался, так как издателя сразу найти не удалось, Энгельс счел необходимым предпослать ей новое предисловие (см. настоящий том, стр. 345—353), а настоящая статья была помещена в ней в качестве приложения. В 1892 г. Энгельс включил эту статью почти целиком в предисловия к английскому и второму немецкому изданиям этой своей работы (см. настоящее издание, т. 22). — *260.*

[302] См. примечание 220. — *261.*

[303] *Truck-system* — система оплаты труда рабочих товарами. Характеристика этой системы дана Энгельсом в его работе «Положение рабочего класса в Англии» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 408—409).

Закон, запрещавший применение этой системы, был принят в 1831 году; однако многие фабриканты нарушали его.

Закон о *десятичасовом рабочем дне,* распространявшийся только на подростков и женщин-работниц, был принят английским парламентом 8 июня 1847 года. — *261.*

304 *«Малая Ирландия»* («Little Ireland») — заселенный главным образом ирландцами рабочий квартал на южной окраине Манчестера; подробное описание его см. в работе Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (настоящее издание, т. 2, стр. 296—298).

«Семь стрелок» («Seven Dials») — рабочий квартал в центре Лондона. — *262.*

305 Имеется в виду «Report of the Royal Commission on the Housing of the Working Classes. England and Wales». 1885 («Отчет королевской комиссии о жилищных условиях трудящихся классов. Англия и Уэльс». 1885). — *263.*

306 *Система коттеджей* — предоставление фабрикантом рабочему помещения для жилья на кабальных условиях с вычетом квартирной платы из заработной платы рабочего (подробнее об этом см. настоящее издание, т. 2, стр. 409—410). — *263.*

307 Речь идет о забастовке свыше 10000 горнорабочих в штате Пенсильвания (США), происходившей с 22 января по 26 февраля 1886 года. В ходе забастовки рабочие доменных и коксовых печей, требовавшие повышения заработной платы и улучшения условий труда, добились частичного удовлетворения своих требований.

О стачке углекопов в Северной Англии в 1844 г. — см. настоящее издание, т. 2, стр. 475—481. — 263.

308 Настоящее письмо было написано Энгельсом в ответ на просьбу французских социалистов выразить публично свою солидарность с ними в связи с 15-летней годовщиной Парижской Коммуны. Письмо было напечатано в «Le Socialiste» 27 марта 1886 г. под заглавием «Письмо Энгельса». — *267.*

309 До 1885 г. во Франции действовала избирательная система «по малым округам», когда от каждого избирательного округа избирался один представитель в палату депутатов. В июне 1885 г. по инициативе умеренных буржуазных республиканцев была введена система выборов по департаментским спискам. По этой системе, действовавшей до 1889 г., мелкие избирательные округа сводились в более крупные, каждый из которых соответствовал департаменту. В этом округе избиратель голосовал по списку, включавшему в себя кандидатов от различных партий, но при этом обязан был голосовать за такое общее число кандидатов, которое подлежало избранию в депутаты от данного департамента из расчета один депутат от 70 тыс. жителей. Депутат считался избранным в первом туре в том случае, если получал абсолютное большинство всех поданных голосов; во втором туре для избрания достаточно было относительного большинства. — *268.*

310 Работа Ф. Энгельса *«Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»* — одно из основных произведений марксизма. В ней раскрыто отношение марксизма к его философским предшественникам

в лице крупнейших представителей немецкой классической философии Гегеля и Фейербаха и дано систематическое изложение основ диалектического и исторического материализма. Работа была напечатана первоначально в теоретическом журнале германской социал-демократии «Neue Zeit», а затем вышла отдельным изданием, для которого Энгельсом было написано специальное предисловие (см. настоящий том, стр. 370—371). В 1889 г. в петербургском журнале «Северный вестник» №№ 3 и 4 под названием «Кризис философии классического идеализма в Германии» был напечатан русский перевод работы Энгельса, но без указания автора и с многочисленными добавлениями и отступлениями от текста; под статьей стояла подпись Г. Л., принадлежавшая переводчику Г. Ф. Львовичу. В 1892 г. в Женеве группой «Освобождение труда» был издан отдельной книгой полный перевод этой работы, сделанный Г. В. Плехановым; в том же году вышел и перевод ее на болгарский язык. В 1894 г. она была напечатана в парижском журнале «Ere nouvelle» №№ 4 и 5 в переводе Лауры Лафарг, просмотренном Энгельсом. При жизни Энгельса других изданий этой работы не выходило; в дальнейшем она неоднократно переиздавалась в Германии, а также на русском и многих других языках.

«L'Ere nouvelle» («Новая эра») — ежемесячный французский социалистический журнал, выходил в Париже в 1893—1894 годах; в журнале сотрудничали Ж. Гед, Ж. Жорес, П. Лафарг, Г. В. Плеханов и другие. — *269.*

311 Энгельс имеет в виду высказывания Гейне о немецкой философской революции, содержащиеся в его работах «К истории религии и философии в Германии», опубликованной в 1834 г. и представлявшей собой продолжение обзора событий немецкой духовной жизни, часть которого была напечатана в 1833 году; в этих высказываниях Гейне проводил мысль о том, что философская революция в Германии, завершающим этапом которой была тогда философия Гегеля, является прологом к предстоящей демократической революции в Германии. — *274.*

312 Энгельс перефразирует здесь место из работы Гегеля «Grundlinien der Philosophie des Rechts». Vorrede («Основы философии права». Предисловие). Первое издание этой работы вышло в Берлине в 1821 году. — *274.*

313 См. G. W. F. Hegel. «Encyclopadie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Erster Teil. Die Logik», § 147; § 142, Zusatz (Г. В. Ф. Гегель. «Энциклопедия философских наук в сжатом очерке. Часть первая. Логика», § 147; § 142, добавление). Первое издание этой книги вышло в Гейдельберге в 1817 году. — *274.*

314 G. W. F. Hegel. «Wissenschaft der Logik». Nurnberg, 1812—1816 (Г. В. Ф. Гегель. «Наука логики». Нюрнберг, 1812—1816). Это произведение состоит из трех частей; 1) объективная логика, учение о бытии (год изд. 1812); 2) объективная логика, учение о сущности (год изд. 1813); 3) субъективная логика, или учение о понятии (год изд. 1816). — *276.*

315 *«Deutsche Jahrbucher»* — сокращенное название литературно-философского журнала младогегельянцев *«Deutsche Jahrbucher fur Wissenschaft und Kunst»* («Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства»).

Журнал издавался в виде ежедневных листков в Лейпциге» Под этим названием журнал выходил с июля 1841 по январь 1843 года; ранее (1838—1841) выходил под названием «Hallische Jahrbucher fur deutsche Wissenschaft und Kunst» («Галлеский ежегодник по вопросам немецкой науки и искусства»); до июня 1841 г. журнал редактировался А. Руге и Т. Эхтермейером в Галле, а с июля 1841 г. — А. Руге в Дрездене. Перенесение местопребывания редакции из прусского города Галле в Саксонию и перемена названия журнала были вызваны угрозой запрещения «Hallische Jahrbucher» в пределах Пруссии. Но и под новым названием журнал просуществовал недолго. В январе 1843 г. журнал «Deutsche Jahrbucher» был закрыт саксонским правительством и запрещен постановлением Союзного сейма на всей территории Германии. — *279.*

[316] *«Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe»* («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые младогегельянцы. С апреля 1842 г. К. Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с октября того же года — одним из ее редакторов. В «Rheinische Zeitung» был опубликован также ряд статей Ф. Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать все более определенный революционно-демократический характер. Правительство ввело для «Rheinische Zeitung» особо строгую цензуру, а затем закрыло ее. — *280.*

[317] D. F. Straus. «Das Leben Jesu». Bd. 1—2, Tubingen, 1835— 1836 (Д. Ф. Штраус. «Жизнь Иисуса». Тт. 1—2, Тюбинген, 1835— 1836). — *280.*

[318] Речь идет о книге: М. Stirner. «Der Einzige und sein Eigenthum». Leipzig, 1845 (М. Штирнер. «Единственный и его собственность». Лейпциг, 1845). — *280.*

[319] L. Feuerbach. «Das Wesen des Christenthums». Leipzig, 1841. — *280.*

[320] См. настоящее издание, т. 2, стр. 3—230. — *281.*

[321] Энгельс, по-видимому, имеет в виду книгу: E. F. im Thurn. «Among the Indians of Guiana». London, 1883, p. 344—346 (Э. Ф. им Турн. «Среди индейцев Гвианы». Лондон, 1883, стр. 344—346). — *282.*

[322] Речь идет о планете Нептун, открытой в 1846 г. немецким астрономом Иоганном Галле. — *284.*

[323] Энгельс цитирует здесь афоризмы Фейербаха. Эта цитата приводится в книге Штарке «Ludwig Feuerbach». Stuttgart, 1885, на стр. 166. Она взята из книги: К. Grim. «Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass sowie in seiner Philosophischen Charakterentwicklung». Bd. II, Leipzig und Heidelberg, 1874, S. 308 (К. Грюн. «Людвиг Фейербах, его переписка и литературное наследство, а также анализ его философского воззрения». Т. II, Лейпциг и Гейдельберг, 1874, стр. 308). — *286.*

[324] G. W. F. Hegel. «Phanomenologie des Geistes» (Г. В. Ф. Гегель. «Феноменология духа»). Первое издание этой работы вышло в Бамберге и Вюрцбурге в 1807 году. — *289.*

[325] *Деисты* — сторонники религиозно-философского учения, признающего бога как безличную разумную первопричину мира, но отрицающего его вмешательство в жизнь природы и общества. В условиях господства феодально-церковного мировоззрения деизм нередко выступал с рационалистических позиций, критикуя средневековое теологическое мировоззрение, разоблачая паразитизм и шарлатанство духовенства. Однако деисты в то же время шли на компромисс с религией, выступая за сохранение ее для народных масс в рациональной форме. — *290.*

[326] Эта цитата взята из работы Фейербаха «Grundsatze der Philosophie. Nothwendigkeit einer Veranderung» («Основные положения философии. Необходимость изменения»), опубликованной в книге: K. Grun. «Ludwig Feuerbach». Bd. I, Leipzig und Heidelberg, 1874, S. 407. — *292.*

[327] Эта цитата взята из работы Фейербаха: «Wider den Dualismus von Leib und Seele, Fleisch und Geist» («Против дуализма тела и души, плоти и духа»). См. «Ludwig Feuerbach's sammtliche Werke». Bd. II, Leipzig, 1846, S. 363 («Полное собрание сочинений Людвига Фейербаха». Т. II, Лейпциг. 1846, стр. 363). — *295.*

[328] Эта цитата приводится в книге Штарке «Ludwig Feuerbach». Stuttgart, 1885, на стр. 254. Она взята из работы Фейербаха «Noth meistert alle Gesetze und hebt auf» («Нужда преодолевает все законы и упраздняет их»), опубликованной в книге: K. Grun. «Ludwig Feuerbach». Bd. II, Leipzig und Heidelberg, 1874, S. 285—286. — *295.*

[329] Эта цитата приводится в книге Штарке «Ludwig Feuerbach». Stuttgart, 1885, на стр. 280. Она взята из работы Фейербаха «Grundsatze der Philosophie. Nothwendigkeit einer Veranderung» («Основные положения философии. Необходимость изменения»), опубликованной в книге: K. Grun. «Ludwig Feuerbach». Bd. I, Leipzig und Heidelberg, 1874, S. 409. — *295.*

[330] C. N. Starcke. «Ludwig Feuerbach». Stuttgart, 1885, S. 280. — *296.*

[331] Энгельс резюмирует здесь мысли Гегеля, высказанные в основном в его работах: «Grundlinien der Philosophie des Rechts», §§ 18, 139, а также «Vorlesungen uber die Philosophie der Religion». Dritter Theil, II, 3 («Лекции по философии религии». Часть третья, II, 3). Первое издание этой работы вышло в Берлине в 1832 году. — *296.*

[332] См. работу Л. Фейербаха: «Fragmente zur Charakteristik meines philosophischen Curriculum, vitae» (Л. Фейербах. «Фрагменты к характеристике моей философской биографии») в книге: «Ludwig Feuerbach's sammtliche Werke». Bd. II, Leipzig, 1846, S. 411). — *296.*

[333] Ходячее выражение немецкой буржуазной публицистики после победы пруссаков при Садове (в австро-прусской войне 1866 г.), согласно смыслу которого победа Пруссии была обусловлена якобы преимуществами прусской системы народного образования; ведет свое

происхождение от высказывания О. Пешеля, редактора выходившего в Аугсбурге журнала «Ausland», в его статье «Die Lehren der jungsten Kriegsgeschichte» («Уроки истории недавней войны»), помещенной в № 29 этого журнала от 17 июля 1866 года. — *298.*

[334] Речь идет о книге Д. Ф. Штрауса: «Die christliche Glaubenslehre in ihrer geschichtliehen Entwicklung und im Kampfe mit der modernen Wissenschaft». Bd. I — II, Tubingen — Stuttgart, 1840—1841 («Христианское вероучение в его историческом развитии и в борьбе с современной наукой». Тт. I—II, Тюбинген—Штутгарт, 1840—1841); вторая часть книги, бо̲льшая по объему, носит название «Der materiale Inbegriff der christlichen Glaubenslehre *(Dogmatik)»* («Материальное содержание христианского вероучения *(Догматика)»). — 300.*

[335] Энгельс имеет в виду книгу И. Дицгена: «Das Wesen der menschlichen Kopfarbeit. Dargestellt von einem Handarbeiter. Eine abermalige Kritik der reinen und praktischen Vernunft». Hamburg, 1869 («Сущность головной работы человека. Изложено представителем физического труда. Новая критика чистого и практического разума». Гамбург, 1869). — *302.*

[336] См. G. W. F. Hegel. «Vorlesungen uber die Philosophie der Geschichte». Zweiter Theil, zweiter Abschnitt (Г. В. Ф. Гегель. «Лекции по философии истории». Вторая часть, второй отдел). Первое издание этой книги вышло в Берлине в 1837 году. — *307.*

[337] *Никейский собор* — первый так называемый вселенский собор епископов христианской церкви Римской империи, созванный в 325 г. императором Константином I в г. Никее в Малой Азии; собор выработал обязательный для всех христиан символ веры (основные положения вероучения ортодоксальной христианской церкви), непризнание которого каралось как государственное преступление. — *314.*

[338] *Альбигойцы* — религиозная секта, широко распространенная в XII — XIII вв. в городах Южной Франции и Северной Италии. Главным очагом ее был южнофранцузский город Альби. Альбигойцы, выступавшие против пышных католических обрядов и церковной иерархии, выражали в религиозной форме протест торгово-ремесленного населения городов против феодализма. К ним присоединилась часть южнофранцузского дворянства, стремившегося секуляризировать церковные земли. Папа Иннокентий III организовал в 1209 г. крестовый поход против альбигойцев. В результате двадцатилетней войны и свирепых репрессий их движение было подавлено. — *314.*

[339] Речь идет о государственном перевороте 1688 г. в Англии, приведшем к изгнанию Якова II Стюарта и провозглашению в 1689 г. английским королем штатгальтера Голландской республики Вильгельма III Оранского; с 1689 г. в Англии утвердилась конституционная монархия, основанная на компромиссе между земельной аристократией и крупной буржуазией. — *316.*

[340] В 1685 г. в обстановке усилившихся с 20-х годов XVII в. политических и религиозных преследований гугенотов (протестантов-кальвинистов) Людовик XIV отменил изданный в 1598 г. Нантский эдикт,

предоставлявший свободу вероисповедания и богослужения гугенотам; в результате отмены Нантского эдикта несколько сот тысяч гугенотов эмигрировали из Франции. — *315*.

[341] Имеется в виду Германская империя, основанная в январе 1871 г. под гегемонией Пруссии и не включавшая в свой состав Австрию. — *316.*

[342] *Заявление в редакцию «New Yorker Volkszeitung»* было написано Энгельсом в конце апреля 1886 г. в связи с посещением его корреспондентом одной из газет демократической партии США «Missouri Republican» («Миссурийский республиканец»), выходившей в Сент-Луисе, Мак-Эннисом. Будучи уверенным в том, что Мак-Эннис не сумеет правильно передать его слова, Энгельс попросил Зорге в случае появления интервью в печати опубликовать это заявление в одной из американских социалистических газет.

«New Yorker Volkszeitung» («Нью-йоркская народная газета») — ежедневная американская социалистическая газета, издавалась на немецком языке с 1878 по 1932 год. — *318.*

[343] Имеется в виду правительство Фрейсине (7 января — 3 декабря 1886 г.), состоявшее в основном из буржуазных радикалов и умеренных республиканцев в отличие от большинства предшествовавших кабинетов, по отношению к которым, как правило, радикалы находились в оппозиции. — *319.*

[344] В конце января 1886 г. в г. Деказвиле (на юге Франции) началась стачка 2000 углекопов, вызванная жестокой эксплуатацией рабочих капиталистами Аверонского общества угольных копей и литейных заводов; правительство направило в Деказвиль войска. Стачка продолжалась до середины июня и вызвала широкий отклик в стране; под влиянием стачки в палате депутатов образовалась небольшая рабочая фракция, выступившая в защиту классовых требований рабочих. — *319.*

[345] Имеются в виду дополнительные выборы в палату депутатов в Париже 2 мая 1886 г., когда социалистический кандидат Эрнест Рош получил 100795 голосов. — *319.*

[346] Статья *«Политическое положение в Европе»* представляет собой письмо Энгельса Лафаргу от 25 октября 1886 г. с небольшими сокращениями и редакционными изменениями. Статья была перепечатана в переводе на немецкий язык в нью-йоркской газете «Sozialist» 20 и 27 ноября и 4 декабря 1886 г. и в переводе на румынский язык в журнале «Revista Sociala» № 2, декабрь 1886 г., а также в сокращенном виде в переводе на немецкий язык в газете «Sozialdemokrat» 12 декабря 1886 года.

«Der Sozialist» («Социалист») — еженедельная газета, орган Социалистической рабочей партии Северной Америки, выходила в Нью-Йорке на немецком языке с 1885 по 1892 год.

«Revista Sociala» («Социальное обозрение») — румынский журнал, выходил в Яссах с 1884 по 1887 г. под редакцией социалиста И. Нэдежде. — *320.*

[347] *Сан-Стефанский* прелиминарный мирный договор между Россией и Турцией был заключен 3 марта (19 февраля) 1878 г. в Сан-Стефано

(близ Константинополя) в результате окончания русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Этот договор означал усиление влияния России на Балканах и вызвал резкий протест со стороны Англии и Австро-Венгрии при негласной поддержке Германии. Под давлением дипломатических и военных угроз русское правительство было вынуждено передать договор для пересмотра его международному конгрессу, который состоялся в Берлине с 13 июня по 13 июля 1878 года; на конгрессе присутствовали представители России, Германии, Австро-Венгрии, Франции, Великобритании, Италии и Турции; в результате конгресса был заключен *Берлинский* трактат, согласно которому условия Сан-Стефанского договора были резко изменены в ущерб России и славянским народам Балканского полуострова. Территория самоуправляющейся Болгарии, предусмотренная Сан-Стефанским договором, была урезана более чем вдвое; из болгарских областей к югу от Балкан была образована автономная провинция «Восточная Румелия», остававшаяся под властью султана; значительно урезана была территория Черногории. Берлинский трактат подтвердил предусмотренное Сан-Стефанским договором возвращение России части Бессарабии, отторгнутой от нее в 1856 г., и в то же время санкционировал оккупацию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Накануне конгресса Англия захватила Кипр. Решения Берлинского конгресса способствовали созданию на Балканах очага новых международных противоречий, чреватого новыми войнами. — *320.*

[348] В результате подавления в Речи Посполитой национально-освободительного восстания 1794 г. произошел третий раздел ее — между Россией, Австрией и Пруссией — в 1795 году. По решению Венского конгресса (1814—1815) в составе Российской империи было создано Царство Польское, в которое вошла большая часть земель, захваченных Пруссией и Австрией по третьему разделу Речи Посполитой. — *321.*

[349] В 70-х годах XIX в., воспользовавшись финансовыми затруднениями египетского правительства, Англия и Франция установили финансовый контроль над Египтом; египетский народ повел борьбу против экспансии иностранного капитала за сохранение своей национальной независимости. В 1882 г. Англия спровоцировала конфликт с Египтом, начала военные действия и захватила Египет, превратив его по существу в свою колонию. — *320.*

[350] Имеется в виду австро-прусская война 1866 г., завершившаяся победой Пруссии; главным театром военных действий была Богемия (Чехия).

С этой кампанией Энгельс сравнивает военные действия Болгарии в войне с Сербией, начавшейся 2 ноября 1885 года. Война была вызвана притязаниями поощряемых правительством Австро-Венгрии сербских правящих кругов на территориальную компенсацию за счет Болгарии в связи с воссоединением Восточной Румелии с Болгарией, происшедшем в сентябре 1885 года. В первый же месяц войны болгарские войска нанесли поражение сербской армии и вскоре вступили на территорию Сербии. Под давлением Австро-Венгрии Болгария прекратила дальнейшее продвижение своих войск и 3 марта 1886 г. в Бухаресте был заключен мир на основе признания границ объединенной Болгарии. — *322.*

[351] При встрече в Москве 13 (25) мая 1886 г. возвращавшегося из Крыма Александра III московский городской голова Алексеев в своем привет-

ственном обращении заявил: «Крепнет наша вера, что крест Христов засияет на святой Софии» (Алексеев имел в видя храм св. Софии в Константинополе). — *323.*

[352] После отказа под давлением царской России Александра Баттенберга от болгарского престола и образования регентства царское правительство послало туда в сентябре 1886 г. в качестве военного комиссара генерала Н. В. Каульбарса с целью восстановления русского влияния в Болгарии и подготовки почвы для избрания русского кандидата на болгарский престол; миссия Каульбарса оказалась безуспешной, одной из причин этого явилась позиция, занятая в болгарском вопросе западноевропейскими державами во главе с Англией; в ноябре того же года Каульбарс был отозван; одновременно царское правительство порвало дипломатические отношения с Болгарией. — *324.*

[353] *Зондербунд* — сепаратный союз семи экономически отсталых католических швейцарских кантонов, заключенный в 1843 г. с целью сопротивления прогрессивным буржуазным преобразованиям в Швейцарии и защиты привилегий церкви и иезуитов. Реакционные поползновения Зондербунда встретили противодействие со стороны буржуазных радикалов и либералов, получивших в середине 40-х годов перевес в большинстве кантонов и в швейцарском сейме. Постановление швейцарского сейма в июле 1847 г. о роспуске Зондербунда послужило поводом к открытию Зондербундом в начале ноября военных действий против остальных кантонов. 23 ноября 1847 г. армия Зондербунда была разбита войсками союзного правительства. — *328.*

[354] Речь идет о республиканском восстании в Бадене в апреле 1848 г. под руководством мелкобуржуазных демократов Ф. Геккера и Г. Струве; к концу апреля это недостаточно подготовленное и плохо организованное восстание было подавлено. — *329.*

[355] Речь идет о восстаниях в защиту имперской конституции, принятой франкфуртским Национальным собранием 27 марта 1849 г., но отвергнутой рядом немецких государств во главе с Пруссией. Восстания произошли в Саксонии и в Рейнской провинции в мае 1849 г., а также в баварском Пфальце и в Бадене в мае — июле 1849 года. Народные массы видели в имперской конституции единственное еще не уничтоженное завоевание революции. Но восстания, во главе которых стояли главным образом лидеры мелкобуржуазной демократии, носили разобщенный, стихийный характер и были подавлены к середине июля 1849 года. О характере и ходе этих восстаний, в которых Энгельс принимал личное участие, см. его работу «Германская кампания за имперскую конституцию» (настоящее издание, т. 7, стр. 111— 207). — *329.*

[356] 5 июня 1849 г. левые демократы в Бадене, недовольные капитулянтской политикой правительства Брентано и усилением в нем правых элементов, предложили Брентано распространить революцию за пределы Бадена и Пфальца и пополнить состав правительства радикальными деятелями. Получив отрицательный ответ, они попытались *6 июня* воздействовать на правительство угрозой вооруженной демонстрации. Однако правительство заставило их капитулировать, воспользовавшись поддержкой буржуазного гражданского ополчения и других вооруженных частей. — *329.*

[357] Речь идет о добровольческом отряде гимнастического общества города Ханау (близ Франкфурта-на-Майне), принимавшем участие в баденско-пфальцском восстании 1849 года. — *330.*

[358] 28 сентября 1864 г. в *Сент-Мартинс-холле* в Лондоне состоялось большое международное собрание рабочих, подготовленное руководителями лондонских тред-юнионов и группой парижских рабочих-прудонистов при участии представителей проживавших в то время в Лондоне немецких, итальянских и других рабочих и ряда деятелей европейской мелкобуржуазной и революционно-демократической эмиграции. Собрание приняло резолюцию об основании Международного Товарищества Рабочих, впоследствии известного как I Интернационал. — *332.*

[359] «*Der Vorbote*» («Предвестник») — ежемесячный журнал, официальный орган немецких секций I Интернационала в Швейцарии; издавался на немецком языке в Женеве с 1866 по 1871 год; ответственным редактором был И. Ф. Беккер. Журнал в общем проводил линию Маркса и Генерального Совета, систематически публикуя документы Интернационала и давая информацию о деятельности секций Товарищества в различных странах. — *332.*

[360] *«Alliance de la Democratie socialiste»* («Альянс социалистической демократии») был основан М. Бакуниным в Женеве в октябре 1868 г. как между народная организация анархистов, в которую был включен созданный им ранее тайный заговорщический союз; Альянс имел свои секции в слабо развитых в промышленном отношении областях Италии, Испании, Швейцарии и на юге Франции. В 1869 г. Альянс обратился в Генеральный Совет с просьбой о приеме его в I Интернационал. Генеральный Совет согласился принять секции Альянса при условии роспуска его как самостоятельной организации. Вступив в Интернационал, Бакунин по существу не подчинился этому решению и ввел Альянс в интернационал под видом Женевской секции Интернационала, сохранившей название Альянс. Ведя открытую в тайную подрывную деятельность против Интернационала, бакунисты стремились захватить в свои руки Генеральный Совет и подчинить таким образом себе международное рабочее движение; отрицание анархистами диктатуры пролетариата и необходимости создания массовых независимых рабочих партий вело к прямому подчинению рабочего движения буржуазии. Маркс и Энгельс и Генеральный Совет Интернационала решительно боролись против Альянса, разоблачая его как враждебную рабочему движению секту, стремящуюся расколоть рабочее движение и свернуть его с пути самостоятельного развития. На Гаагском конгрессе I Интернационала (1872) бакунистам был нанесен сокрушительный удар, Бакунин был исключен из Интернационала, марксизм одержал идейную и организационную победу над домарксовскими мелкобуржуазными сектантскими формами социализма. — *332.*

[361] *«Песнь о Нибелунгах»* — см. примечание 47. — *333.*

[362] См. настоящее издание, т. 18, стр. 203—284. — *334.*

[363] *«Der Volksstaat»* («Народное государство») — центральный орган немецкой Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев), издавался в Лейпциге со 2 октября 1869 по 29 сентября 1876 г. (сначала

два раза в неделю, с июля 1873 г. — три раза). Газета выражала взгляды представителей революционного течения в рабочем движении Германии. За свои смелые революционные выступления газета подвергалась постоянным правительственным я полицейским преследованиям. Состав ее редакции непрерывно менялся в связи с арестами редакторов, но общее руководство газетой оставалось в руках В. Либкнехта. Значительную роль в газете сыграл А. Бебель, заведовавший издательством «Volksstaat».

Маркс и Энгельс поддерживали тесный контакт с редакцией газеты, на ее страницах систематически печатались их статьи. Придавая большое значение деятельности «Volksstaat», Маркс и Энгельс внимательно следили за ней и критиковали ее за отдельные промахи и ошибки, выправляли линию газеты, которая благодаря этому была одной-из лучших рабочих газет 70-х годов XIX века. —*334*.

[364] Речь идет о контрибуции в 5 млрд. франков, которая была наложена на Францию по Франкфуртскому мирному договору 1871 г., заключенному после окончания франко-прусской войны. — *334*.

[365] Шесть статей Мюльбергера под заглавием «Die Wohnungsfrage» («Жилищный вопрос») были опубликованы без подписи в газете «Volksstaat» 3, 7, 10, 14, 21 февраля и 6 марта 1872 года. — *335*.

[366] E. Sax. «Die Wohnungszustande der arbeitenden Classen und ihre Reform». Wien, 1869 (Э. Закс. «Жилищные условия трудящихся классов и их реформа». Вена, 1869). — *335*.

[367] Ответ Мюльбергера на статьи Энгельса был опубликован в газете «Volksstaat» 26 октября 1872 г. под заглавием «Zur Wohnungsfrage (Antwort an Friedrich Engels von A. Mulberger)» — «К жилищному вопросу (Ответ А. Мюльбергера Фридриху Энгельсу)». — 335.

[368] См. настоящее издание, т. 18, стр. 225 и примечание 231 к этому тому. — 335.

[369] См. настоящее издание, т. 18, стр. 227. — *336*.

[370] *Новая мадридская федерация* была образована 8 июля 1872 г. членами редакции газеты «La Emancipacion», исключенными анархистским большинством из Мадридской федерации в связи с разоблачением газетой деятельности тайного Альянса социалистической демократии в Испании. Активное участие в организации и деятельности Новой мадридской федерации принимал П. Лафарг. После отказа Испанского федерального совета принять ее, Новая мадридская федерация обратилась к Генеральному Совету, который 15 августа 1872 г. признал ее в качестве федерации Интернационала. Новая мадридская федерация вела решительную борьбу с распространением анархистского влияния в Испании, пропагандировала идеи научного социализма, боролась за создание самостоятельной пролетарской партии в Испании. В ее органе, газете «Emancipacion», сотрудничал Энгельс. Члены Новой мадридской федерации явились организаторами основанной в 1879 г. Социалистической рабочей партии Испании. — *336*.

[371] См. настоящее издание, т. 4, стр. 65—185. — *337*.

[372] Район *Эйфель* (Рейнская провинция Пруссии), имевший гористый ландшафт и обширные площади болот и пустошей, обладал мало благоприятными почвенно-климатическими условиями для сельского хозяйства; сельскохозяйственное производство в этом районе велось мелкими маломощными крестьянскими хозяйствами при помощи отсталой агротехники; все это вызывало периодические неурожаи и обострение нужды мелкого крестьянства; в данной статье Энгельса речь идет о событиях, происшедших в 1882 г., когда после ряда неурожаев и падения цен на сельскохозяйственную продукцию в предшествующие годы в районе Эйфель наступил голод. — *338.*

[373] См. настоящее издание, т. 23, стр. 481—491. — *343.*

[374] Настоящая статья Энгельса была напечатана в качестве предисловия к американскому изданию его работы «Положение рабочего класса в Англии», вышедшему в Нью-Йорке в мае 1887 года. В том же году статья под заголовком «Рабочее движение в Америке» была напечатана в переводе автора на немецкий язык в газете «Sozialdemokrat» 10 и 17 июня, затем в июле в виде отдельных оттисков на немецком и английском языках в Нью-Йорке и в переводе на французский язык — в газете «Socialiste» 9, 16 и 23 июля. Еще до выхода книги статья без ведома и согласия Энгельса была переведена на немецкий язык и напечатана в газете «New Yorker Volkszeitung» в апреле 1887 г., что вызвало официальный протест со стороны Энгельса, который был недоволен качеством перевода. — *345.*

[375] Имеется в виду серия статей Эдуарда Эвелинга и Элеоноры Маркс-Эвелинг, опубликованных в журнале «Time» в 1887 году.

«Time» («Время») — английский ежемесячный журнал социалистического направления; издавался в Лондоне в 1879—1891 годах. — *345.*

[376] Энгельс имеет в виду клеветнические обвинения по адресу английского социалиста Эдуарда Эвелинга со стороны Исполнительного комитета Социалистической рабочей партии Северной Америки, в состав которого входил ряд лассальянцев. Эвелинга обвиняли в том, что он, совершая в сентябре—декабре 1886 г. совместно со своей женой — дочерью Маркса Элеонорой — и немецким социалистом В. Либкнехтом агитационную поездку по США, якобы предъявлял Исполкому для оплаты подложные счета; Энгельс в течение ряда месяцев вел переписку по этому вопросу и помог Эвелингу доказать полную абсурдность и клеветнический характер этих обвинений.

Социалистическая рабочая партия Северной Америки была создана в 1876 г. на объединительном съезде в Филадельфии в результате слияния американских секций I Интернационала и других социалистических организаций США. Большинство членов партии составляли иммигранты (в основном немцы), слабо связанные с коренными рабочими Америки. Внутри партии происходила борьба между реформистским руководством, состоявшим в основном из лассальянцев, и марксистским крылом, возглавлявшимся соратником Маркса и Энгельса Ф. А. Зорге. Партия провозгласила своей программой борьбу за социализм, однако в результате сектантской политики ее руководства, игнорировавшего работу в массовых организациях американского пролетариата, ей так и не удалось стать подлинно революционной массовой марксистской партией. — *345.*

[377] См. примечание 307. — *345.*

[378] Речь идет о всеобщей стачке в США 1 мая 1886 г. и в последующие дни, проходившей под лозунгом борьбы за 8-часовой рабочий день; забастовка охватила основные промышленные центры страны — Нью-Йорк, Филадельфию, Чикаго, Луисвилл, Сент-Луис, Милуоки, Балтимор; в результате забастовки около 200000 рабочих добились сокращения рабочего дня. Однако предприниматели сразу же начали контрнаступление: в Чикаго 4 мая с провокационной целью была брошена бомба в отряд полиции, что дало ей повод применить оружие против рабочих и арестовать несколько сот человек. Был организован судебный процесс, на котором были вынесены суровые приговоры руководителям чикагского рабочего движения; четверо из них были в ноябре 1887 г. повешены; в последующие годы успехи, завоеванные американскими рабочими в майской забастовке 1886 г., были сведены предпринимателями на нет. В честь этой забастовки Международный социалистический рабочий конгресс 1889 г. в Париже принял решение о ежегодном праздновании рабочими всего мира дня 1 Мая. — *345.*

[379] Во время подготовки к муниципальным выборам в Нью-Йорке осенью 1886 г. была основана для совместных политических действий рабочего класса Объединенная *рабочая партия.* Инициатором создания партии явился нью-йоркский *Центральный рабочий союз* — объединение профессиональных союзов города, возникшее в 1882 году. По примеру, Нью-Йорка такие же партии были созданы в целом ряде других городов. Выступая на *выборах в Нью-Йорке, Чикаго и Милуоки* под руководством новых рабочих партий, рабочий класс добился серьезных успехов: кандидат в мэры Нью-Йорка от Объединенной рабочей партии Генри Джордж получил 31% всех голосов; в Чикаго сторонники рабочей партии провели в законодательное собрание штата одного сенатора и девять членов нижней палаты, кандидат рабочей партии в Конгресс США недобрал только 64 голоса; в Милуоки рабочая партия провела своего кандидата в мэры города, одного в сенат и шесть в нижнюю палату законодательного собрания штата, а также одного представителя в Конгресс США. — *346.*

[380] *«Рыцари труда»* — сокращенное название «Ордена рыцарей труда», организации американских рабочих, основанной в 1869 г. в Филадельфии и до 1878 г. носившей характер тайного общества; Орден объединял главным образом неквалифицированных рабочих, в том числе много негров; он ставил целью устройство кооперативов и организацию взаимопомощи и принял участие в целом ряде выступлений рабочего класса. Однако руководство Ордена по существу отвергало участие рабочих в политической борьбе и стояло на позиции сотрудничества классов; в 1886 г. руководство Ордена противодействовало общенациональной стачке, запретив его членам участвовать в ней; несмотря на это рядовые члены Ордена приняли участие в стачке; после этого Орден стал терять свое влияние в рабочих массах и к концу 90-х годов распался. — *348.*

[381] См. настоящее издание, т. 23, стр. 725—773. Упоминаемая Энгельсом глава в третьем издании I тома «Капитала» входила в VIII отдел, а начиная с четвертого издания входит в VII отдел. — *349.*

[382] См. настоящее издание, т. 4, стр. 437 и 458. — *353.*

[383] Настоящее письмо было написано Энгельсом в связи с международным празднеством братства, проводившимся в Париже 19 февраля 1887 г. по инициативе ряда организаций иностранных социалистов во Франции; в нем принимали участие немецкие, скандинавские, польские и русские социалисты-эмигранты. Целью празднества было выражение протеста против гонки вооружений и подготовки войны в Европе. Письмо Энгельса было зачитано на празднестве и напечатано в газете «Socialiste» 26 февраля и в переводе на немецкий язык в газете «Sozialdemokrat» 11 марта, а также в нью-йоркской газете «Sozialist» 19 марта того *же* года. — *354.*

[384] S. Borkheim. «Zur Erinnerung fur die deutschen Mordspatrioten. 1806— 1807». Hottingen-Zurich, 1888. Брошюра была издана по инициативе Энгельса в качестве XXIV выпуска «Социал-демократической библиотеки». Вторая половина «Введения» еще до выхода брошюры была напечатана в газете «Sozialdemokrat» 15 января 1888 г. под заголовком «Что предстоит Европе». — *356.*

[385] 14 июня 1848 г. рабочие и ремесленники Берлина, возмущенные отречением прусского Национального собрания от мартовской революции (см. об этом статью Ф. Энгельса «Берлинские дебаты о революции», настоящее издание, т. 5, стр. 63—78), штурмом захватили *цейхгауз,* чтобы посредством вооружения народа отстоять завоевания революции и двинуть ее вперед. Однако выступление берлинских рабочих было стихийным и неорганизованным. Подоспевшим воинским подкреплениям совместно с отрядами буржуазного гражданского ополчения быстро удалось оттеснить и разоружить народ. — *356.*

[386] Имеется в виду республиканское восстание в Бадене, происходившее в конце сентября 1848 года; восстание было поднято группой немецких эмигрантов во главе с Густавом Струве, вступившей 21 сентября на баденскую территорию из Швейцарии. При поддержке вооруженных отрядов баденских демократов и местного гражданского ополчения Струве провозгласил Германскую республику. Через несколько дней восстание было подавлено баденскими войсками, а Струве и ряд других участников восстания были арестованы и приговорены к длительному тюремному заключению. — *356.*

[387] См. примечание 355. — *356.*

[388] *Движение 6 июня* — см. примечание 356. — *356.*

[389] *«Серная банда»* — первоначально название студенческого объединения в Йенском университете в 70-х годах XVIII в., пользовавшегося дурной славой из-за дебошей, учинявшихся его членами; впоследствии выражение «серная банда» стало нарицательным для обозначения всякой компании из преступных и подозрительных элементов.

Мелкобуржуазный демократ, платный бонапартистский агент К. Фогт в 1859 г. выпустил клеветническую брошюру «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»», направленную против Маркса и возглавляемых им пролетарских революционеров. В этой брошюре, извращая факты, Фогт называл Маркса и его партийных товарищей «серной бандой», которую он изображал как общество, занимающееся грязными политическими делами. В действительности же под шуточным названием «серной банды» был известен существовавший в Женеве в 1849—1850 гг.

кружок немецких эмигрантов, членом которого был и Боркхейм. Маркс и его единомышленники не имели никакого отношения к этому кружку; к тому же сам кружок не носил политического характера и объединял безобидную веселую компанию гуляк.

Маркс дал сокрушительный отпор Фогту в своем памфлете «Господин Фогт», написанном в 1860 году (см. настоящее издание, т. 14, стр. 395—691); одновременно он опроверг и вымысел Фогта относительно «серной банды». — *357.*

[390] В феврале 1860 г. Маркс обратился к С. Боркхейму с просьбой сообщить ему сведения о женевской «серной банде». Ответ Боркхейма от 12 февраля Маркс использовал для разоблачения Фогта в своем памфлете (см. настоящее издание, т. 14, стр. 403—406). — *358.*

[391] В русском издании брошюра А. Серно-Соловьевича носит заглавие: «Наши домашние дела. Ответ г. Герцену на статью «Порядок торжествует» (III. Колокол № 233)». Vevey, 1867. В переводе Боркхейма брошюра издана под заглавием: «Unsere Russischen Angelegenheiten. Antwort auf den Artikel des Herrn Herzen: «Die Ordnung herrscht!» (Kolokol Nr 233)». Leipzig, 1871. Немецкое издание состоит из введения Боркхейма и текста брошюры Серно-Соловьевича под заголовком «Unsere hauslichen Angelegenheiten». — *359.*

[392] *«Die Zukunft»* («Будущее») — немецкая буржуазно-демократическая газета, орган Народной партии; издавалась с 1867 г. в Кёнигсберге, а с 1868 по 1871 г. в Берлине. — *359.*

[393] Речь идет о книге: E. Hopfner. «Der Krieg von 1806 und 1807. Ein Beitrag zur Geschichte der Preusischen Armee nach den Quellen des Kriegs-Archivs bearbeitet». 2. Aufl., Bd. I—IV, Berlin, 1855 (Э. Хёпфнер. «Война 1806 и 1807 годов. Очерк по истории прусской армии, написанный на основании источников из военных архивов». 2 изд., тт. I—IV, Берлин, 1855). — *360.*

[394] Говоря о *походах в Данию* в 1850 г., Энгельс имеет в виду заключительный этап военных действий Пруссии против Дании во время войны с ней из-за герцогств Шлезвиг и Гольштейн. Во время революции 1848 г. население Шлезвига и Гольштейна, добивавшееся объединения с Германией, подняло национально-освободительное восстание против датского господства. Под давлением общественного мнения Германии прусские правительственные круги начали показную войну против Дании совместно с другими государствами Германского союза; однако они на каждом шагу предавали революционную шлезвиг-гольштейнскую армию и заключили 26 августа 1848 г. перемирие на 7 месяцев, условия которого сводили на нет все демократические завоевания в Шлезвиге и Гольштейне. Война возобновилась в конце марта 1849 года. Военные действия, проходившие с переменным успехом, закончились новым предательством Пруссии, заключившей 2 июля 1850 г. мир с Данией и предоставившей населению Шлезвига и Голь-штейна продолжать войну собственными силами. В июле 1850 г. шлезвиг-гольштейнская армия была разбита датскими войсками, и герцогства остались в составе Датского королевства.

Под *походом Пруссии в Южную Германию* в 1850 г. Энгельс имеет в виду вступление прусских войск в курфюршество Гессен-Кассель (Кургессен) в ноябре 1850 г. в связи с обострением борьбы между Прус-

сией и Австрией за гегемонию в Германии после революции 1848— 1849 годов.

Революционные выступления в Кургессене осенью 1850 г. дали повод Австрии и Пруссии для вмешательства в его внутренние дела, причем каждая из сторон претендовала на роль усмирителя движения в качестве главной германской державы.

В ответ на вступление австро-баварских войск в Кургессен прусское правительство объявило в начале ноября 1850 г. *мобилизацию* и послало, в свою очередь, туда войска. 8 ноября произошла незначительная стычка между австро-баварскими и прусскими передовыми отрядами при Бронцелле. Серьезные недостатки военной системы и устаревшее вооружение прусской армии, вскрытые мобилизацией, а также энергичное противодействие России, поддерживавшей в германском конфликте Австрию, вынудили Пруссию отказаться от военных действий и капитулировать перед Австрией. Еще до вступления прусских войск в Кургессен, в октябре 1850 г. на совещании в *Варшаве* русский император Николай I выступил как арбитр между Австрией и Пруссией против попыток создания объединения германских государств под прусским главенством. 29 ноября в г. *Ольмюце* (чешское название — Оломоуц) было подписано соглашение между Австрией и Пруссией, по которому Пруссия должна была отказаться от своих планов объединения Германии и вступить в восстановленный Австрией Германский союз. — *360.*

[395] Имеются в виду австро-прусская война 1866 г. и франко-прусская война 1870-1871 годов. — *360.*

[396] Текст «Манифеста Коммунистической партии» см. настоящее издание, т. 4, стр. 419—459. — *362.*

[397] «*The Red Republican*» («Красный республиканец») — чартистский еженедельник, издававшийся Дж. Гарни в июне — ноябре 1850 года. «Манифест Коммунистической партии» был в сокращенном виде опубликован в №№ 21—24 этого еженедельника. — *862.*

[398] Энгельс приводит слова из выступления председателя совета тред-юнионов города Суонси Бивена на ежегодном конгрессе тред-юнионов в 1887 г., заседавшем в этом городе; отчет об этом выступлении был напечатан в газете «Commonweal» 17 сентября 1887 года. — *366.*

[399] *«Woodhull and Claflin's Weekly»* («Еженедельник Вудхалл и Клафлин») — американский еженедельник, издавался в 1870—1876 гг. в Нью-Йорке буржуазными феминистками В. Вудхалл и Т. Клафлин.

«Манифест Коммунистической партии» был опубликован (с пропуском) в этом еженедельнике 30 декабря 1871 года. — *366.*

[400] *«Le Socialiste»* («Социалист») — еженедельная газета, издавалась с октября 1871 по май 1873 г. на французском языке в Нью-Йорке, с декабря 1871 до октября 1872 г. являлась органом французских секций I Интернационала в США, поддерживала раскольнические буржуазные и мелкобуржуазные элементы в его Североамериканской федерации; после Гаагского конгресса порвала с Интернационалом.

«Манифест Коммунистической партии» был опубликован (с пропуском) в этой газете в январе—феврале 1872 года. —*366.*

[401] *«Колокол»* — русская революционно-демократическая газета, издавалась в 1857—1867 гг. А. И. Герценом и Н. П. Огарёвым в основанном

Герценом издательстве «Вольная русская типография» на русском языке и в 1868—1869 гг. на французском языке с русскими приложениями; выходила до 1865 г. в Лондоне, затем в Женеве.

«Манифест Коммунистической партии» был выпущен в Женеве в 1869 г. издательством «Вольная русская типография», которую Герцен в 1867 г. передал в собственность сотруднику издательства Чернецкому. — *366.*

[402] В послесловии к статье «О социальном вопросе в России» (см. настоящее издание, т. 22) Энгельс называет упомянутый перевод переводом Плеханова; сам Плеханов в издании «Манифеста» 1900 г. тоже указывает, что перевод сделан им. — *366.*

[403] Упоминаемый датский перевод — K. Marx og F. Engels «Det. Kommunistiske Manifest». Kobenhavn, 1885 — содержал некоторые пропуски и неточности, что было отмечено Энгельсом в предисловии к четвертому немецкому изданию «Манифеста» (см. настоящее издание, т. 22). Французский перевод был опубликован в газете «Socialiste» 29 августа — 7 ноября 1885 г., а также перепечатан в качестве приложения к книге Mermeix. «La France sociatiste». Paris, 1886 (Мерме. «Социалистическая Франция». Париж, 1886). Испанский перевод был опубликован в газете «Socialista» в июле—августе 1886 г., а также вышел отдельным изданием — «Manifesto de Partido Conimunista» par Carlos Marx y F. Engels. Madrid, 1886. — *366.*

[404] Эта идея высказывалась Марксом и Энгельсом в ряде их работ, начиная с 40-х годов XIX века; в данной формулировке — в «Уставе Международного Товарищества Рабочих» (см. настоящее издание, т. 16, стр. 12 и т. 17, стр. 445). — *367.*

[405] См. настоящее издание, т. 17, стр. 339. — *368.*

[406] См. настоящее издание, т. 18, стр. 89—90. — *369.*

[407] См. настоящее издание, т. 13, стр. 8; в данной цитате речь идет о работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология» (см. настоящее издание, т. 3, стр. 7—544). — *370.*

[408] C. N. Starcke. «Ludwig Feuerbach». Stuttgart, 1885 (К. Н. Штарке. «Людвиг Фейербах». Штутгарт, 1885). — *371.*

[409] См. настоящее издание, т. 3, стр. 1—4. — *371.*

[410] Настоящая статья была написана Энгельсом на английском языке в качестве предисловия к американскому изданию речи Маркса о свободе торговли, произнесенной в Брюсселе 9 января 1848 г. (см. настоящее издание, т. 4, стр. 404—418). Энгельс просмотрел также рукопись перевода речи, сделанного Ф. Келли-Вишневецкой, и перевел свое предисловие на немецкий язык, на котором оно и было впервые опубликовано в журнале «Neue Zeit» № 7, июль 1888 года. Во второй половине августа 1888 г. оно было опубликовано в английском оригинале в Нью-Йорке в «Labor Standard». Издание речи Маркса отдельной брошюрой задержалось, поскольку многие издатели отказывались печатать ее, и она вышла лишь в сентябре 1888 г. в издательстве Ли и Шепхард, Бостон. Заключительная часть статьи была, кроме

того, опубликована на немецком языке в нью-йоркской газете «Sozialist» 27 октября 1888 года.

«The Labor Standard» («Знамя труда») — еженедельник социалистического направления, издававшийся в Нью-Йорке в 1876—1900 годах. — *372.*

[411] О брюссельском *конгрессе по вопросу свободы торговли* — см. статьи Ф. Энгельса, настоящее издание, т. 4, стр. 249—253 и 257—267. — *372.*

[412] См. примечание 220. — *372.*

[413] См. примечание 255. — *372.*

[414] К. Маркс. «Капитал», т. I (см. настоящее издание, т. 23, стр. 767). — *373.*

[415] *«Manifest destiny»* («Предначертанная миссия») — выражение, широко употреблявшееся в XIX в. идеологами экспансионистской политики правящих кругов США для оправдания этой политики. Впервые было употреблено редактором журнала «U. S. Magazine and Democratic Review» Дж. О'Салливеном в этом журнале за июль — август 1845 г., т. XVII, стр. 5. — *376.*

[416] *Парламентскими поездами* в Англии в XIX в. иронически называли особые поезда третьего класса, введенные законом в 1844 году; согласно этому закону, каждая железнодорожная компания была обязана отправлять ежедневно один такой поезд по всем своим дорогам со скоростью не менее 12 миль в час при плате за проезд не более 1 пенни за милю. — *377.*

[417] «Annual Report of the Secretary of the Treasury on the State of the Finances for the Year 1887». Washington, 1887, pp. XXVIII, XXIX («Годовой отчет министра финансов о состоянии финансов за 1887 год» Вашингтон, 1887, стр. XXVIII, XXIX). — *379.*

[418] В 1823 г. английским министром торговли стал *У. Хаскиссон,* по инициативе которого в течение 20-х годов был проведен ряд мероприятий по реорганизации устаревшей таможенной системы, отменены или снижены ввозные пошлины на некоторые виды сырья, продовольствия и других товаров, запретительная пошлина на зерно заменена скользящей шкалой хлебных пошлин, согласно которой ввозная пошлина поднималась с падением цен на хлеб внутри страны и понижалась с их повышением.

В 1842 г. правительство *Р. Пиля* провело дальнейшее снижение таможенных тарифов. — *380.*

[419] Имеется в виду закон о десятичасовом рабочем дне, принятый английским парламентом 8 июня 1847 г. и распространявшийся только на подростков и женщин-работниц. — *380.*

[420] *Таможенный союз* был окончательно оформлен в 1834 г. под главенством Пруссии. До этого времени Пруссии, начиная с 1819 г., удалось заключить таможенные соглашения лишь с несколькими небольшими германскими государствами, из которых самым крупным был Гессен-Дармштадт. Союз, установивший общую таможенную границу, со

временем охватил почти все германские государства; вне Союза оставались Австрия, ганзейские вольные города (Любек, Гамбург, Бремен) и некоторые мелкие государства Северной Германии. Вызванный к жизни необходимостью создания общегерманского рынка, Таможенный союз способствовал политическому объединению Германии, завершенному в 1871 году. — *381.*

[421] Имеется в виду книга: G. F. Kolb. «Handbuch der vergleichenden Statistik der Volkerzustands- und Staatenkunde». 7. Aufl., Leipzig, 1875 (Г. Ф. Кольб. «Справочник по сравнительной статистике состояния народов и их государственной жизни». 7 изд., Лейпциг, 1875); в книге Кольба сумма оборота приводится в миллионах талеров. — *382.*

[422] Заявление о необходимости реформы таможенного тарифа в сторону повышения ввозных пошлин как на промышленные товары, так и на продукты сельского хозяйства было сделано группой депутатов рейхстага в октябре 1878 года. В декабре 1878 г. Бисмарк предложил специально созданной комиссии свой первоначальный проект реформы. С мая 1879 г. окончательный проект обсуждался в рейхстаге и 12 июля 1879 г. был принят. Новый таможенный тариф предусматривал значительное повышение ввозных пошлин на железо, машины, текстиль, а также на зерно, скот, жиры, лен, древесину и т. д. — *383.*

[423] Речь идет о торговом договоре между Англией и Францией, подписанном 23 января 1860 г., при заключении которого главным уполномоченным от Англии был фритредер Р. Кобден. В этом договоре Франция отступала от запретительной таможенной политики и заменяла ее введением пошлин, которые не могли превышать 30% стоимости товаров. В договоре Франции предоставлялось право беспошлинного ввоза большинства французских товаров в Англию. Последствием заключения этого договора было резкое усиление конкуренции на внутреннем рынке в результате притока товаров из Англии, что вызвало недовольство французских промышленников. — *385.*

[424] Компания *«Стандард ойл»* была основана Дж. Д. Рокфеллером в штате Огайо в 1870 г. с капиталом в 1 млн. долларов. В течение 70-х годов компания, широко прибегая к спекулятивным махинациям, монополизировала транспортировку и переработку нефти и подчинила своему контролю почти всю нефтяную промышленность США. В 1882 г. компания была преобразована в одноименный трест, который уже контролировал капиталы общим размером в 75 млн. долларов. Впоследствии «Стандард ойл» сделалась одной из крупнейших мировых капиталистических монополий, одним из вдохновителей реакционной внутренней и агрессивной внешней политики американского империализма. — *386.*

[425] Сахарный трест, или Компания сахаро-рафинадных заводов, был создан в 1887 г. и в 1891 г. преобразован в Американскую сахаро-рафинадную компанию. В первые годы своего существования трест монополизировал почти всю сахарную промышленность США. В дальнейшем, несмотря на образование ряда сильных конкурирующих компаний, трест, устанавливая на основании системы участий контроль над одними и связи с другими из них, продолжал оставаться крупнейшей монополией в этой отрасли промышленности. — *386.*

[426] *Манчестерская школа* — направление в экономической мысли, отражавшее интересы промышленной буржуазии. Сторонники этого направления, фритредеры, отстаивали свободу торговли и невмешательство государства в экономическую жизнь. Центр агитации фритредеров находился в Манчестере, где во главе этого движения стали два текстильных фабриканта — Кобден и Брайт, организовавшие в 1838 г. Лигу против хлебных законов. В 40—50-х годах фритредеры являлись особой политической группировкой, впоследствии составившей левое крыло либеральной партии Англии. — *386.*

[427] Энгельс имеет в виду первую оду из третьей книги од Горация. — *388.*

[428] Настоящая статья представляет собой письмо Энгельса редактору журнала «Labour Leader» Джемсу Кейру Гарди и была опубликована в этом журнале без заголовка в разделе «Заметки о горняках».

Стачка немецких горняков в Руре — одно из крупнейших событий германского рабочего движения конца XIX в. — началась 4 мая 1889 г. в Гельзенкирхенском горнопромышленном округе, а затем охватила весь район Дортмунда. В период наибольшего размаха стачки в ней участвовало до 90 тысяч человек. Некоторая часть стачечников находилась под влиянием социал-демократов. Основными требованиями стачечников были: повышение заработной платы; сокращение рабочего дня до восьми часов, включая спуск в шахту и подъем на поверхность; признание рабочих комитетов. Под воздействием правительственных органов, напуганных размахом стачки, предприниматели дали обещание выполнить некоторые требования рабочих, в результате чего в середине мая работа частично была возобновлена. Однако вследствие нарушения шахтовладельцами своих обещаний делегатское собрание горняков 24 мая приняло решение о продолжении стачки. Лишь под давлением репрессивных мер, с одной стороны, и новых обещаний, данных шахтовладельцами, с другой, стачка в начале июня была прекращена. Требования рабочих были выполнены лишь в незначительной мере, однако стачка способствовала росту классовой сознательности и организованности горняков, усилению значения социал-демократии. Она оказала серьезное влияние на дальнейшее развитие рабочего движения в Германии.

«The Labour Leader» («Рабочий лидер») — английский ежемесячный журнал, выходил с 1887 г., сначала под названием «Miner» («Горняк»), а с 1889 г. под данным названием в качестве органа Шотландской рабочей партии; с 1893 г. — орган Независимой рабочей партии. С 1894 г. выходил еженедельно. До 1904 г. его редактором был Джемс Кейр Гарди. — *390.*

[429] Делегация бастующих горняков в составе трех человек была сформирована усилиями некоторых либеральных депутатов рейхстага, стремившихся не допустить роста влияния социал-демократии на шахтеров и использовавших недостаточный уровень политической сознательности части горняков. Делегация была принята Вильгельмом II 14 мая. — *391.*

[430] в середине мая 1889 г. стачечное движение горняков распространилось на Верхнюю и Нижнюю Силезию, где забастовка охватила бо̲льшую часть шахт (20 тысяч человек) и продолжалась с 14 по 24 мая, а также на Саксонию, где в этот период бастовало 10 тысяч человек. В Саарской области забастовки горняков отдельных шахт начались 14—16 мая,

23 мая число бастующих достигло 12 тысяч человек; еще ранее начали бастовать горняки горнопромышленного округа Вурм, где бастовало около 8 тысяч. Работы были возобновлены только 31 мая. Крупная стачка горняков произошла также в Чехии, в районе Кладно, 24 мая 1889 года.

В конце мая забастовки с требованием повышения заработной платы, а в отдельных случаях и сокращения рабочего дня происходили в различных городах и районах Германии. Так, в Берлине к 25 мая бастовало около 20 тысяч каменщиков; во Фрейенвальде бастовали железнодорожники, в Штеттине и Кёнигсберге — маляры и плотники и т. д. — *392.*

431 Статья *«Поссибилистские мандаты»* была написана Энгельсом в связи с кампанией, поднятой оппортунистическими группами — поссибилистами во Франции и их сторонниками из Социал-демократической федерации в Англии — с целью дискредитировать Международный социалистический рабочий конгресс, происходивший в Париже с 14 по 21 июля 1889 г. при преобладающем влиянии марксистских партий европейских стран. Первоначально поссибилисты пытались взять в свои руки подготовку к конгрессу и занять на нем руководящую роль, но, потерпев провал, созвали в Париже параллельный конгресс, на котором присутствовало лишь незначительное число иностранных делегатов, причем представительство большинства из них было чисто фиктивным. Попытка объединить оба конгресса успеха не имела, поскольку поссибилистский конгресс выдвинул в качестве условия требование новой проверки мандатов делегатов конгресса марксистов. Подробнее об истории подготовки Международного социалистического ,рабочего конгресса 1889 г. см. настоящий том, стр. 523—555. Статья была напечатана в газете «Labour Elector» № 32, 10 августа 1889 года.

«The Labour Elector» («Рабочий избиратель») — английская еженедельная газета социалистического направления, выходила в Лондоне с июня 1888 по июль 1894 года.

Поссибилисты — оппортунистическое течение во французском социалистическом движении, возглавлявшееся Бруссом, Малоном и другими, которые вызвали в 1882 г. раскол в Рабочей партии Франции. Лидеры этого течения провозгласили реформистский принцип добиваться лишь «возможного» («possible»); отсюда название поссибилисты. Подробнее об этом течении см. настоящий том, стр. 523—524, 530—531, 542—544. — *393.*

432 *«The Star»* («Звезда») — английская ежедневная газета, орган либеральной партии, выходила в Лондоне с 1888 года; в первые годы своего существования была близка к Социал-демократической федерации. — *393.*

433 *«Три портных с Тули-стрит»* — ходячее выражение, в основе которого лежат слова английского государственного деятеля Дж. Каннинга о том, что три портных с лондонской улицы Тули-стрит обратились в палату общин с петицией, начинавшейся словами: «Мы, народ Англии». — *395.*

434 *«El Socialista»* («Социалист») — еженедельная газета, центральный орган Социалистической рабочей партии Испании, выходила в Мадриде с 1885 года. — *395.*

[435] *Карлисты* — реакционная клерикально-абсолютистская группировка в Испании, поддерживавшая, начиная с 30-х годов XIX в., претендента на испанский престол дон-Карлоса, а впоследствии его потомков; опиралась на военщину, католическое духовенство и часть помещиков. — *395.*

[436] Настоящая заметка представляет собой отрывок из письма Энгельса, адресованного, по-видимому, Элеоноре Маркс. Отрывок был опубликован в газете «Labour Elector», а также в переводе на немецкий язык перепечатан в газетах «New Yorker Volkszeitung» 25 сентября 1889 г. и «Berliner Volks-Tribune» 26 октября 1889 года.

Стачка лондонских докеров, происходившая с 12 августа по 14 сентября 1889 г., явилась одним из крупнейших событий английского рабочего движения конца XIX века. В ней участвовало 30 тысяч докеров и свыше 30 тысяч рабочих других профессий; большинство из них составляли неквалифицированные рабочие, не входившие ни в один из тред-юнионов. В результате своей стойкости и организованности стачечники добились удовлетворения своих требований о повышении заработной платы и улучшении условий труда. Стачка докеров способствовала упрочению пролетарской солидарности (в стачечный фонд было собрано около 50 тысяч фунтов стерлингов), а также дальнейшему росту организованности рабочего класса: был создан союз докеров и другие союзы, объединившие большое число неквалифицированных рабочих, общее число членов тред-юнионов за следующий год увеличилось более чем вдвое.

«Berliner Volks-Tribune» («Берлинская народная трибуна») — социально-политический еженедельник германских социал-демократов, близкий к полуанархистской группе «молодых»; выходил с 1887 по 1892 год. — *396.*

[437] *Ист-Энд* — см. примечание 223. — *396.*

[438] Статья Энгельса *«Отставка буржуазии»,* помещенная в газете «Sozialdemokrat», вызвала большой интерес в социалистических кругах различных стран: 11 октября 1889 г. она была перепечатана в венской газете «Arbeiter-Zeitung», 12 октября 1889 г. в переводе на английский язык (с небольшими сокращениями) в газете «Labour Elector», 26 октября (с незначительными редакционными изменениями и под заголовком: «Чего не может буржуазия и что могут рабочие») в газете «Berliner Volks-Tribune»; была опубликована также в некоторых других газетах Германии и США. В 1890 г. статья была переведена на русский язык и напечатана в журнале «Социаль-демократ» № 1 за 1890 год.

«Arbeiter-Zeitung» («Рабочая газета») — орган австрийской социал-демократии, основана в Вене в 1889 году.

«Социаль-демократ» — литературно-политический журнал, издавался группой «Освобождение труда» в Женеве в 1890—1899 годах; выходил нерегулярно, всего вышло четыре номера. — *397.*

[439] Имеется в виду первый тур выборов во французскую палату депутатов 22 сентября 1889 г., во время которого республиканцы получили всего 215 мест, а различные монархические группировки (легитимисты, бонапартисты и буланжисты) — 140 мест. — *398.*

[440] См. примечание 436. — *400.*

441 Данный отрывок был написан Энгельсом, по-видимому, в связи с его работой над книгой «Происхождение семьи, частной собственности и государства». По содержанию он примыкает к тому месту IX главы этой книги, в котором говорится о сохранении пережитков родового строя в средневековых дворянских, патрицианских и крестьянских объединениях (см. настоящий том, стр. 169). Однако, ввиду отсутствия каких-либо других данных, датировка этого рукописного фрагмента остается лишь предположительной. Отрывок написан на отдельном листке. Заглавие дано Институтом марксизма-ленинизма. — *405.*

442 *Полис* — город-государство, одна из форм социально-экономической и политической организации рабовладельческого общества, сложившаяся в наиболее типичных чертах в Древней Греции в VIII—VI вв. до н. э. Каждый полис представлял собой общину, состоявшую из самого города с примыкавшей к нему небольшой территорией. Полноправными гражданами полиса были лишь коренные его жители, обладавшие земельной собственностью и владевшие рабами. — *405.*

443 Настоящая незаконченная работа Энгельса написана, по-видимому, в последние месяцы 1884 г. в связи с подготовкой задуманного им нового издания книги «Крестьянская война в Германии». Как явствует из писем Энгельса, в частности из его письма к Ф. А. Зорге от 31 декабря 1884 г., он намеревался подвергнуть коренной переработке свою книгу, имея в виду представить крестьянскую войну 1525 г. как «краеугольный камень всей немецкой истории», а для этого в начале и в конце ее сделать значительные исторические добавления. Судя по содержанию рукописи, она должна была служить, вероятно, частью введения или вводного раздела нового издания книги. С этим же замыслом, по всей вероятности, связаны публикуемые ниже (см. настоящий том, стр. 417—418) наброски, примыкающие по содержанию к данной рукописи и названные Энгельсом «К «Крестьянской войне»». Работая над добавлением к этой книге, Энгельс использовал также свои прежние наброски по истории Германии, в частности, рукопись «Заметки о Германии» (см. настоящее издание, т. 18, стр. 571—578). Однако, в силу загруженности другими занятиями, Энгельс не смог осуществить своего намерения в отношении нового, переработанного издания книги «Крестьянская война в Германии», хотя возвращался к этому замыслу и позднее, в 90-х годах. Заглавие работы дано Институтом марксизма-ленинизма. — *406.*

444 *«Песнь о Людовике»* — стихотворение неизвестного средневекового поэта, написанное в конце IX в. на франкском диалекте. Стихотворение представляет собой панегирик западнофранкскому королю Людовику III, прославлявший его победу над норманнами в 881 году. — *410.*

445 Имеются в виду сохранившиеся тексты — на древневерхненемецком и романском (старофранцузском) языках — клятвы верности, данной друг другу восточнофранкским королем Людовиком Немецким и западнофранкским королем Карлом Лысым, а также вассалами каждого из них в Страсбурге в 842 году. — *410.*

446 *Полабские славяне* — большая группа западнославянских племен, живших на территории Центральной Европы от реки Лабы (Эльба) до реки Одры (Одер). Полабские славяне, отражавшие частые

вторжения германских племен, с X в. подвергались систематическим нападениям немецких феодалов, которые в результате кровавых завоевательных войн, несмотря на упорное сопротивление полабских славян, в XII в, захватили их земли; славянское население было частью истреблено, частью закрепощено немецкими завоевателями и насильственно онемечивалось. — *410.*

[447] Речь идет о среднефранкском государстве, образовавшемся из земель между Шельдой, Рейном, Маасом и Соной, выделенных в середине IX в. императором Лотарем I своему сыну Лотарю II, и получившем по имени последнего название *Лотарингия;* после смерти Лотаря II в 870 г. Лотарингия была поделена (примерно по языковой границе) между его братьями — восточнофранкским королем Людовиком Немецким и западнофранкским королем Карлом Лысым. — *410.*

[448] Имеются в виду победы англичан во время Столетней войны между Англией и Францией (1337—1453). Война была вызвана захватническими стремлениями феодальной знати обеих стран, в частности, борьбой между Францией и Англией за овладение торгово-промышленными городами Фландрии — главной потребительницы английской шерсти, а также притязаниями английских королей на французский престол. В течение войны англичане не раз захватывали значительные территории Франции, но в конечном счете были изгнаны с французской земли; в руках англичан остался лишь порт Кале. — *414.*

[449] Энгельс имеет в виду отказ германского императора Альбрехта I из дома австрийских Габсбургов признать вольности, подтвержденные его предшественником Адольфом Нассауским швейцарским кантонам, составлявшим ядро Швейцарского союза, и его стремление удержать эти кантоны под властью австрийских герцогов. В XIV—XV вв. в ходе дальнейшей борьбы за свою независимость кантонам удалось разгромить войска австрийских феодалов и закрепить за собой положение государства, свободного от австрийского господства и лишь формально подчиненного Германской империи. — *414.*

[450] При *Креси* (Северо-Восточная Франция) 26 августа 1346 г. произошло одно из крупных сражений Столетней войны; английские войска, ядро которых составляла пехота, навербованная из свободных крестьян, нанесли поражение французам, главной силой которых была недисциплинированная рыцарская конница.

О сражении при *Ватерлоо* — см. примечание 286. — *415.*

[451] Объединение королевств Арагона и Кастилии произошло в 1479 году. — *415.*

[452] Герцогство *Бургундское,* образовавшееся в IX в. в Восточной Франции, в районе верхнего течения Сены и Луары и позднее присоединившее значительные территории (Франш-Конте, часть Северной Франции, Нидерланды), стало в XIV—XV вв. самостоятельным феодальным государством, которое достигло наибольшего могущества во второй половине XV в. при герцоге Карле Смелом. Герцогство Бургундское, стремившееся к расширению своих владений, служило препятствием к образованию централизованной французской монархии; бургундская феодальная знать в союзе с французскими феодалами противодействовала централизаторской политике французского ко-

роля Людовика XI и вела завоевательную войну против швейцарцев и Лотарингии. Людовику XI удалось добиться образования коалиции из швейцарцев и лотарингцев против Бургундии. Б войне против коалиции (1474—1477) войска Карла Смелого были разгромлены и сам он убит в битве при Нанси (1477). Его владения были разделены между Людовиком XI и сыном германского императора Максимилианом Габсбургом. — *415.*

[453] Используя политическую раздробленность Италии и распри между итальянскими государствами, французский король Карл VIII в 1494 г. вторгся на территорию Италии и захватил Неаполитанское королевство. Однако в следующем же году французские войска были изгнаны коалицией итальянских государств при поддержке германского императора Максимилиана I и испанского короля Фердинанда II. Походом Карла VIII было положено начало так называемым итальянским войнам (1494—1559), в ходе которых Италия подвергалась неоднократным вторжениям французских, испанских и немецких завоевателей и сделалась ареной длительной борьбы между ними за господство над Апеннинским полуостровом. — *415.*

[454] Говоря о *реформации* во Франции, Энгельс имеет в виду движение гугенотов, развернувшееся в XVI в. под религиозными лозунгами кальвинизма, но по существу чуждое буржуазному содержанию последнего. Движение, в котором участвовали разные социальные слои, в том числе крестьяне и ремесленники, было использовано феодальной знатью и дворянством, недовольными централизаторской политикой складывающегося абсолютистского государства и стремившимися восстановить свои средневековые провинциальные «вольности». В результате так называемых гугенотских войн, продолжавшихся с перерывами с 1562 до 1594 г., феодалы и буржуазия, напуганные размахом народного движения, принявшего антифеодальный характер, объединились вокруг бывшего вождя гугенотов Генриха Наваррского, представителя новой династии Бурбонов, который, приняв католичество, стал королем под именем Генриха IV. — *415.*

[455] Имеется в виду война (1455—1485) между представителями двух боровшихся за престол английских феодальных родов: Йорков, на гербе которых была изображена белая роза, и Ланкастеров, носивших на гербе алую розу. Вокруг Йорков группировались: часть крупных феодалов более развитого в экономическом отношении Юга, рыцарство и горожане; Ланкастеров поддерживала феодальная аристократия северных графств. Война привела к почти полному истреблению старинных феодальных родов и завершилась приходом к власти новой династии Тюдоров, установившей в Англии абсолютизм. — *416.*

[456] Первая попытка объединения Польши и Литвы была сделана в 1385 г., когда между обоими государствами была заключена Кревская уния, имевшая целью главным образом совместную оборону против возраставшей агрессии со стороны Тевтонского ордена. До середины XV в. уния несколько раз распадалась и возобновлялась. Постепенно уния превращалась из оборонительного союза в союз польских и литовских феодалов против украинского и белорусского народов. В 1569 г. была заключена Люблинская уния, согласно которой Польша и Литва образовали одно государство под названием Речь Посполитая; Литва сохраняла автономию. — *416.*

[457] Данные наброски написаны Энгельсом в связи с намерением переработать книгу «Крестьянская война в Германии» (см. примечание 443) и представляют собой, по-видимому, фрагмент и наметки плана к задуманному им введению (или вводному разделу) к новому изданию этой книги. Наброски написаны на отдельном листке. — *417.*

[458] *Междуцарствие* — последовавший за прекращением в 1254 г. династии Гогенштауфенов и продолжавшийся до 1273 г. период борьбы за императорскую корону между различными претендентами; этот период отличался непрерывными смутами и распрями между князьями, рыцарями и городами; в 1273 г. на престол Германской империи (так называемой Священной римской империи) был избран один из князей — Рудольф Габсбургский. — *418.*

[459] Настоящая работа представляет собой часть задуманной, но не завершенной Энгельсом брошюры на тему: «Роль насилия в истории». Первоначально, в конце 1886 г., Энгельс имел в виду переработать для отдельного издания три главы второго отдела «Анти-Дюринга», объединенные одним названием «Теория насилия» и посвященные критике этой теории у Дюринга, а также изложению — в противовес ей — материалистических взглядов на соотношение между экономикой и политикой; к этим главам Энгельс намеревался добавить, тоже в переработанном виде, еще две главы из первого отдела той же работы, касающиеся морали и права, — «Вечные истины» и «Равенство» (см. настоящее издание, т. 20). Энгельс предполагал назвать эту книгу «О праве и насилии во всемирной истории». В дальнейшем Энгельс изменил свой план, решив ограничиться изданием брошюры из первых упомянутых трех глав с добавлением к ним новой, четвертой главы, посвященной конкретизации основных высказанных в них положений на примере истории Германии с 1848 до 1888 г., проанализированной с точки зрения критики «всей бисмарковской политики». Брошюру предполагалось озаглавить «Роль насилия в истории». Работу над этой главой Энгельс начал приблизительно в конце 1887 г. и продолжал в первые месяцы 1888 года. Однако, в силу загруженности другими делами, он прервал эту работу в марте 1888 г. и, по-видимому, более к ней не возвращался. После смерти Энгельса в его архиве в особом конверте с надписью «Теория насилия» были обнаружены три вышеуказанные главы из «Анти-Дюринга», незаконченная рукопись четвертой главы предполагавшейся брошюры и набросок предисловия к ней, план четвертой главы в целом и план заключительной ее части, которая так и не была написана, а также хронологические выписки по истории Германии 70-х и 80-х годов XIX в., в частности из книги C. Bulle. «Geschichte der neuesten Zeit. 1815—1885». 2. Aufl., Bd. I—IV, Berlin, 1888 (К. Булле. «История новейшего времени. 1815—1885». 2 изд., тт. I—IV, Берлин, 1888).

Рукопись незаконченной главы, набросок предисловия и некоторые подготовительные материалы были впервые опубликованы Э. Бернштейном в журнале «Neue Zeit» №№ 22—26, 1895—1896 под названием «Сила и экономика при создании новой Германской империи». Работа Бернштейна по подготовке к печати рукописи является одним из примеров бесцеремонного обращения правых социал-демократов с рукописным наследством Энгельса: не удосужившись снять с рукописи копию, Бернштейн своей рукой расчленил ее на отдельные разделы, снабдив каждый из них придуманным им самим подзаголовком, расставил номерки примечаний, сделал собственные вставки в текст

Энгельса. Не исключено, что в результате недопустимо небрежного отношения Бернштейна часть страниц рукописи (см. настоящий том, стр. 459—465) была утрачена. В 1896 г. рукопись в переводе на французский язык была опубликована в журнале «Devenir Social» («Социальное становление») №№ 6—9 вместе с тремя вышеуказанными главами из «Анти-Дюринга». В 1899 г. работа Энгельса вышла в Риме на итальянском языке отдельным изданием, которое представляло собой полную перепечатку немецкой публикации ее в «Neue Zeit». На русском языке эта работа в неполном виде была напечатана в 1898 г. в Петербурге в журнале «Научное обозрение» № 5. Первое отдельное русское издание в том же объеме вышло в Киеве в 1905 году. В издании, выпущенном в Москве в 1923 г. под заглавием «Сила и экономика в образовании Германской империи», помимо рукописи четвертой главы, впервые на русском языке была напечатана та часть подготовительных материалов к брошюре, которая была опубликована в «Neue Zeit».

В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (т. XVI, ч. I, 1937) работа Энгельса впервые была напечатана не по публикации в «Neue Zeit», а по самой рукописи, причем из текста были устранены все наслоения, принадлежащие Бернштейну (расчленение на разделы, подзаголовки и т. д.). Заглавие было также приведено в соответствие с замыслом Энгельса. Подготовительные материалы и выписки к работе были впервые полностью опубликованы на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. **X**, 1948.

В настоящем издании наряду с рукописью четвертой главы брошюры «Роль насилия в истории» публикуются также набросок предисловия к брошюре, план всей четвертой главы и план заключительной части этой главы, раскрывающий содержание того раздела работы, который остался незавершенным. — *419.*

[460] О переговорах в *Варшаве* в 1850 г. и об исходе борьбы в это время между Пруссией и Австрией за гегемонию в Германии — см. примечание 394.

О *Союзном сейме* — см. примечание 232. — *422.*

[461] *«Безумный год»* («das tolle Jahr») — так некоторые немецкие реакционные литераторы и историки называли 1848 год. Выражение было заимствовано у писателя Людвига Бехштейна, выпустившего в 1833 г. под таким названием роман, который был посвящен волнениям в Эрфурте в 1509 году. — *422.*

[462] *Законодательство о правах местных уроженцев* (Heimatgesetzgebung) устанавливало право граждан государства постоянно жить в определенной местности, а также право обедневших семей на получение материальной помощи от общин, членами которых они являлись. — *423.*

[463] *Прусский талер* составлял $^{1}/_{14}$ весовой марки чистого серебра; был введен в Пруссии в 1750 г. и в первой половине XIX в. (до 1857 г.) принят и северогерманскими, а также некоторыми другими государствами; деление прусского талера на зильбергроши, шиллинги и пфенниги было в различных германских государствах разное.

Золотой талер — денежная единица вольного города Бремена, сохранившего (вплоть до 1872 г.) в отличие от всех других валютных систем Германии золотой стандарт; равнялся приблизительно 3,32 марки.

Талер «новые две трети» — серебряная монета, имевшая хождение в Ганновере, Мекленбурге и некоторых других северогерманских государствах, равнялась приблизительно 2,34 марки.

Банковская марка (Mark Banko) — монета, введенная гамбургским банком для расчетов при оптовой торговле и долгое время принимавшаяся как международная счетная единица. *Марка, находящаяся в обращении* (Mark Courant) — ходовая монета; с XVII в. так назывались серебряные деньги достоинством до 0,5 марки в противоположность золотым монетам, мелкой разменной монете и бумажным деньгам.

Двадцатигульденовая монетная система (Zwanzig-Guldenfus) — система, при которой из одной весовой марки чистого серебра чеканилось 20 гульденов или $13^{1}/_{3}$ талера; была введена в Австрии в 1748 г. и вскоре принята в Баварии, курфюршестве Саксонском и в ряде государств Западной и Южной Германии; в Австрии эта система существовала до 1857 года.

Двадцатичетырехгульденовая монетная система (Vierundzwanzig-Guldenfus) — система, при которой из весовой марки чистого серебра чеканилось 24 гульдена; была принята с 1776 г. в Баварии, Бадене, Вюртемберге и других южногерманских государствах. — *424.*

464 *Вартбургское празднество* состоялось 18 октября 1817 г. в связи с 300-летием Реформации и 4-ой годовщиной Лейпцигской битвы 1813 года. Инициаторами празднества были *буршеншафты* — немецкие студенческие организации, возникшие под влиянием освободительной войны против Наполеона и выступавшие за объединение Германии. Празднество вылилось в демонстрацию оппозиционно настроенного студенчества против реакционного меттерниховского режима и за единство Германии. — *424.*

465 *Гамбахское празднество* — политическая манифестация 27 мая 1832 г. у замка Гамбах в баварском Пфальце, организованная представителями немецкой либеральной и радикальной буржуазии. Участники празднества выступали с призывами к единству всех немцев против немецких государей во имя борьбы за буржуазные свободы и конституционные преобразования. — *425.*

466 Речь идет о средневековой Священной римской империи, основанной в 962 году; при династии Гогенштауфенов (1138—1254) в состав империи, представлявшей собой непрочное объединение феодальных княжеств и вольных городов, входила Германия и ряд других стран Центральной Европы, часть Италии и некоторые владения в Восточной Европе, захваченные у славян немецкими феодалами. — *425.*

467 Здесь Энгельс иронически перефразирует один из рефренов известного стихотворения Эрнста Морица Арндта «Отечество немца», написанного в 1813 г. и призывавшего немцев к объединению всех стран, «где речь немецкая звучит». У Арндта этот рефрен гласит: «Отечество пусть станет шире». — *425.*

468 О *Тридцатилетней войне* и *Вестфальском мире* — см. примечание 278.

Тешенский мир — мирный договор между Австрией, с одной стороны, и Пруссией и Саксонией, с другой, заключенный в Тешене 24 мая 1779 г. и завершивший войну за Баварское наследство (1778— 1779). Согласно этому договору Пруссия и Австрия получили некото-

рые части территории Баварии, а Саксония — денежную компенсацию. Посредником при заключении договора выступала Россия, которая вместе с Францией являлась также гарантом договора. — *425.*

[469] Захват прусским королем Фридрихом II Силезии был осуществлен в результате войны за Австрийское наследство (1740—1748), которая была вызвана притязаниями ряда европейских феодальных государств, в первую очередь Пруссии, на владения австрийских Габсбургов, доставшиеся после смерти императора Карла VI его дочери Марии-Терезии ввиду отсутствия прямых наследников по мужской линии. В декабре 1740 г. прусский король Фридрих II напал на принадлежавшую Австрии Силезию. Франция и Бавария заняли по отношению к Пруссии позицию благожелательного нейтралитета, а после нескольких поражений австрийских войск открыто присоединились к ней. На стороне Австрии выступила Англия — торговый соперник Франции, военную и дипломатическую поддержку австрийцам оказывали Сардиния, Голландия и Россия. Фридрих II в этой войне дважды изменял своим союзникам, заключая сепаратный мир с Австрией (в 1742 и 1745 гг.); в 1742 г. за Пруссией была закреплена большая часть Силезии, а после окончания войны — вся Силезия. — *426.*

[470] См. примечание 238. — *426.*

[471] Имеется в виду обсуждение и утверждение *Регенсбургским имперским сеймом* — высшим органом Священной римской империи, состоявшим из представителей германских государств, — продиктованного Францией и Россией решения об урегулировании территориальных вопросов в прирейнской Германии (см. примечание 238). — *426.*

[472] Энгельс имеет в виду заключение 3 марта (19 февраля) 1859 г. в Париже тайного договора между Россией и Францией, направленного против Австрии. По этому договору Россия обязалась занять позицию благожелательного нейтралитета по отношению к Франции в случае войны между Францией и Сардинией, с одной стороны, и Австрией — с другой. Франция же давала обещание поднять вопрос о пересмотре тех статей завершившего Крымскую войну Парижского мирного договора 1856 г., которые ограничивали суверенитет России на Черном море. В дальнейшем, однако, ввиду уклонения Наполеона III от выполнения своих обещаний и в связи с разногласиями по другим вопросам, произошло охлаждение во взаимоотношениях между обеими странами. — *428.*

[473] 10 апреля 1848 г. проживавший в Англии Луи Бонапарт участвовал в срыве чартистской демонстрации, находясь в рядах особых полицейских отрядов, так называемых специальных констеблей. — *428.*

[474] *«Принцип национальностей»* был выдвинут правящими кругами Второй империи и широко использован ими в качестве идеологического прикрытия завоевательных планов и внешнеполитических авантюр. Выставляя себя в фальшивой роли «защитника национальностей», Наполеон III спекулировал на национальных интересах угнетенных народов с целью укрепления гегемонии Франции и расширения ее границ. Не имея ничего общего с признанием права наций на самоопределение, «принцип национальностей» был направлен на разжигание национальной розни, на превращение национального движения, особенно

движения малых народов, в орудие контрреволюционной политики соперничающих между собой крупных государств. Разоблачение бонапартистского «принципа национальностей» см. в памфлете К. Маркса «Господин Фогт» (настоящее издание, т. 14, стр. 502—551) и в работе Ф. Энгельса «Какое дело рабочему классу до Польши?» (настоящее издание, т. 16, стр. 156—166). — *428.*

475 Речь идет о границах Франции, установленных Люневильским миром, который был заключен между Францией и Австрией 9 февраля 1801 г. после поражения войск второй антифранцузской коалиции. Мирный договор закрепил расширение границ Франции, осуществленное в результате войн с первой и второй коалициями, в частности присоединение левого берега Рейна, Бельгии и Люксембурга, а также санкционировал ее фактическое господство над созданными в 1795—1798 гг. зависимыми от Франции республиками: Батавской, Гельветической, Лигурийской и Цизальпинской. — *428.*

476 Война Франции и Сардинии (Пьемонта) против Австрии была развязана Наполеоном III, стремившимся под флагом «освобождения» Италии (в манифесте о войне Наполеон III демагогически обещал сделать ее «свободной до Адриатического моря») к территориальным захватам и укреплению бонапартистского режима во Франции посредством внешних авантюр. Итальянская крупная буржуазия и либеральное дворянство надеялись в результате войны осуществить объединение Италии под властью правившей в Пьемонте Савойской династии. Война началась 29 апреля 1859 года. После решающего сражения при Сольферино (24 июня 1859 г.), в котором австрийские войска потерпели поражение и отступили к реке Минчо, Наполеон III, напуганный размахом национально-освободительного движения в Италии и не желая способствовать созданию единого независимого итальянского государства, заключил 11 июля сепаратно, за спиной Сардинии, прелиминарный мирный договор с Австрией в городе Виллафранка. По этому договору Венеция оставалась во владении Австрии, Ломбардия Переходила к Франции, которая позднее передала ее Пьемонту в обмен на Савойю и Ниццу. Условия Виллафранкского договора в целом были положены в основу окончательного мирного договора, подписанного в Цюрихе 10 ноября 1859 года. — *429.*

477 *Базельский мир 1795 г. с* Французской республикой был сепаратно заключен 5 апреля Пруссией, которая таким образом изменила своим союзникам по первой антифранцузской коалиции. — *430.*

478 Так прусский министр иностранных дел фон Шлейниц характеризовал в 1859 г. внешнюю политику Пруссии в период войны Франции и Пьемонта против Австрии. Согласно официальному толкованию правящих кругов, эта политика должна была состоять в том, чтобы не примыкать ни к одной из воюющих сторон, но и не объявлять о нейтралитете. — *430.*

479 *«Credit Mobilier»,* полное название «Societe Generale du Credit Mobilier», — крупный французский акционерный банк, созданный в 1852 году. Главным источником доходов банка была спекуляция ценными бумагами учрежденных им акционерных обществ. «Credit Mobilier» был тесно связан с правительственными кругами Второй империи, В 1867 г. общество обанкротилось и в 1871 г. было ликвиди-

ровано. Сущность «Crēdit Mobilier» Маркс раскрыл в ряде статей, опубликованных в газете «New-York Daily Tribune» (см. настоящее издание, т. 12, стр. 21—37, 209—217, 300—303). — *420.*

[480] *Рейнский союз* — объединение государств Южной и Западной Германии, основанное под протекторатом Наполеона I в июле 1806 года. Создание такого военно-политического оплота в Германии удалось Наполеону в результате разгрома Австрии в 1805 году. В состав Союза первоначально вошло 16 (Бавария, Вюртемберг, Баден и др.), а затем еще 5 государств (Саксония, Вестфалия и др.), которые стали фактически вассалами Франции. Союз распался в 1813 г. в результате поражения наполеоновской армии. — *431.*

[481] После разгрома Австрии наполеоновской Францией в июле 1805 г. и образования Рейнского союза немецких государств, заявивших о своем разрыве с Германской империей, 6 августа 1806 г., Франц II, еще до этого принявший титул императора Австрии под именем Франца I, отказался от германской имперской короны и таким образом так называемая Священная римская империя германской нации, или Германская империя, прекратила свое существование. — *432.*

[482] Имеются в виду крепости Германского союза, расположенные главным образом вблизи французской границы; гарнизоны этих крепостей формировались из вооруженных сил более крупных государств Союза, преимущественно из австрийских и прусских войск. — *432.*

[483] Имеется в виду реакционное правительство князя Шварценберга, образовавшееся в ноябре 1848 г. после поражения буржуазно-демократической революции, начало которой было положено народным восстанием 13 марта 1848 г, в Вене. — *435.*

[484] В августе 1863 г. по инициативе австрийского императора Франца-Иосифа во Франкфурте-на-Майне было созвано совещание немецких государей для обсуждения проекта реформы Германского союза, предусматривавшей фактическую гегемонию Австрии. Прусский король Вильгельм I отказался принять участие в совещании; полной поддержки Австрии не оказали и некоторые второстепенные государства, вследствие чего совещание не дало никаких результатов. — *435.*

[485] Выражение *«реальная политика»* употреблялось для характеристики политики Бисмарка, которую современники расценивали как основанную на расчете. — *435.*

[486] Речь идет о беседе Фридриха II с французским чрезвычайным посланником в Берлине Бово перед началом войны за Австрийское наследство (о войне см. примечание 469). — *435.*

[487] 5 августа 1796 г. между Пруссией и Французской республикой был заключен секретный договор в Берлине. По этому договору прусский король в обмен на обещанные территориальные компенсации соглашался на сохранение за Францией занятых ее войсками территорий на левом берегу Рейна, которые ранее принадлежали в основном духовным княжествам, входившим в состав Германской империи. При урегулировании территориальных вопросов действовавшей до указке

Наполеона так называемой имперской депутацией (см. примечание 238) в 1803 г. Пруссия получила в качестве компенсации секуляризированное Мюнстерское епископство и некоторые другие владения в Западной Германии. — *436.*

[488] В третьей коалиции европейских государств (Англия, Австрия, Россия, Швеция, Неаполитанское королевство) против наполеоновской Франции, сформированной в 1805 г., Пруссия отказалась принять участие, заявив о своем нейтралитете; в ноябре 1805 г. она заключила в Потсдаме договор с Россией, обещав выступить против Наполеона в том случае, если попытки ее посредничества между Францией и третьей коалицией будут отклонены. Однако 15 декабря 1805 г. Пруссия заключила договор с Францией, согласно которому взамен небольших территориальных уступок по Рейну и в других местах получала курфюршество Ганноверское. После установления гегемонии Наполеона в Западной и Южной Германии в результате его победы над третьей коалицией Пруссия все же была вынуждена в сентябре 1806 г. вступить в войну на стороне четвертой коалиции (Англия, Россия, Пруссия, Швеция) против наполеоновской Франции; 14 октября 1806 г. в двух одновременных сражениях, при Йене и Ауэрштедте, прусская армия была уничтожена, прусское государство оказалось полностью разгромленным. — *436.*

[489] См. примечание 420. — *436.*

[490] *Ландвер* — составная часть прусских военно-сухопутных сил. Ландвер, возникший в Пруссии в 1813 г. как народное ополчение в борьбе против наполеоновских войск, охватывал военнообязанных старших возрастов, отбывших свой срок в постоянной армии и ее резерве. В мирное время проводились только отдельные учебные сборы частей ландвера. Во время войны ландвер первого призыва (военнообязанные в возрасте от 26 до 32 лет) использовался для пополнения действующей армии; ландвер второго призыва (военнообязанные в возрасте от 32 до 39 лет) — для несения гарнизонной службы. — *437.*

[491] *«Культуркампф»* — получившее широкое распространение название, данное буржуазными либералами системе мероприятий правительства Бисмарка в 70-х годах XIX в., проведенных под флагом борьбы за светскую культуру и направленных против католической церкви и партии центра, которые поддерживали сепаратистские и антипрусские тенденции помещиков, буржуазии и частично крестьянства католических районов Пруссии и государств Юго-Западной Германии. Под предлогом борьбы против католичества правительство Бисмарка усилило также национальное угнетение польских земель, попавших под господство Пруссии. Эта политика Бисмарка имела также целью путем разжигания религиозных страстей отвлечь рабочих от классовой борьбы. В начале 80-х годов в условиях роста рабочего движения Бисмарк в целях сплочения реакционных сил отменил большую часть этих мероприятий. — *438.*

[492] Так Энгельс иронически называет либералов — сторонников превращения Германии в федеративное государство, подобное Швейцарии, разделенной на самоуправляющиеся кантоны. — *428.*

[493] *Песня о бургомистре Чехе* — сатирическая народная песня, высмеивавшая прусского короля Фридриха-Вильгельма IV в связи с неудачным покушением на него 26 июля 1844 г. бывшего бургомистра города Шторкова Г. Чеха.

Песня о баронессе фон Дросте-Фишеринг — сатирическая народная песня, направленная против католического духовенства; в песне высмеивались проделки организаторов так называемых «чудес исцеления», якобы совершавшихся в 40-х годах в Трире. — *438.*

[494] Речь идет о государственном перевороте в Пруссии в ноябре—декабре 1848 г. и о последовавшем затем периоде реакции. 1 ноября 1848 г. к власти пришло контрреволюционное министерство Бранденбурга — Мантёйфеля; 9 ноября 1848 г. указом короля заседания прусского Национального собрания были перенесены из Берлина в захолустный городок Бранденбург; большинство Собрания, продолжавшее заседать в Берлине, было 15 ноября 1848 г. разогнано войсками генерала Врангеля; государственный переворот завершился роспуском Собрания 5 декабря 1848 г. и опубликованием так называемой октроированной конституции, согласно которой вводилась двухпалатная система и за королем признавалось право не только отменять решения палат, но и пересматривать отдельные статьи самой конституции. Однако в этой конституции сохранялись еще некоторые демократические завоевания, в частности всеобщее избирательное право. В апреле 1849 г. Фридрих-Вильгельм распустил палату, избранную на основании октроированной конституции, и 30 мая 1849 г. издал новый избирательный закон, устанавливавший трехклассную систему выборов, основанную на высоком имущественном цензе и неравном представительстве различных слоев населения. Опираясь на раболепное большинство новой палаты представителей, король добился принятия еще более реакционной конституции, вступившей в действие 31 января 1850 года. В Пруссии сохранялась верхняя палата, составлявшаяся преимущественно из представителей феодальной знати («палата господ»). Конституция предоставляла правительству право создавать особые суды для рассмотрения дел о государственной измене. В декабре 1850 г. на смену министерству Бранденбурга—Мантёйфеля пришло министерство Мантёйфеля, в период правления которого, до ноября 1858 г., в Пруссии продолжалась крайняя политическая реакция. — *439.*

[495] В связи с неизлечимым психическим заболеванием прусского короля Фридриха-Вильгельма IV его брат, принц Вильгельм, был назначен сначала (в 1857 г.) его заместителем, а с октября 1858 г. регентом. Период регентства продолжался до смерти Фридриха-Вильгельма IV в январе 1861 г., когда регент стал королем под именем Вильгельма I. В 1858 г. принц-регент дал отставку министерству Мантёйфеля и призвал к власти умеренных либералов; в буржуазной печати этот курс получил громкое название *«новой эры»;* на деле же политика Вильгельма была направлена исключительно на укрепление позиций прусской монархии и юнкерства. «Новая эра» фактически подготовила диктатуру Бисмарка, пришедшего *к* власти в сентябре 1862 года. — *439.*

[496] В феврале 1860 г. буржуазное большинство нижней палаты (палаты представителей) прусского ландтага отказалось утвердить внесенный военным министром фон Рооном проект реорганизации армии. Однако правительство вскоре добилось от палаты утверждения ассигнований на «поддержание боевой готовности армии», что означало

фактически начало осуществления задуманной реорганизации. Когда же в марте 1862 г. либеральное большинство палаты отказалось утвердить военные расходы и потребовало ответственного перед ландтагом министерства, правительство распустило ландтаг и назначило новые выборы. В конце сентября 1862 г. было сформировано министерство Бисмарка, которое в октябре того же года снова распустило ландтаг и начало проводить военную реформу, расходуя на это средства без утверждения ландтага. Этот так называемый конституционный конфликт между прусским правительством и буржуазно-либеральным большинством ландтага разрешился лишь в 1866 г., когда после победы Пруссии над Австрией прусская буржуазия капитулировала перед Бисмарком. — *440.*

[497] О войне Пруссии против *Дании* в 1848—1850 гг. и *мобилизации 1850 г.* см. примечание 394. — *440.*

[498] Согласно Лондонскому протоколу о целостности Датской монархии, который был подписан 8 мая 1852 г. Россией, Австрией, Англией, Францией, Пруссией и Швецией совместно с представителями Дании, герцогство Гольштейн оставалось в Германском союзе и входило в то же время в состав Дании; герцогство Шлезвиг входило в состав Датского королевства, сохранив некоторые особые права, которые, однако, не соблюдались господствующими классами Дании. Последние продолжали попытки полностью подчинить себе оба герцогства; в 1855 г. была опубликована единая для всех частей Датского королевства конституция, распространявшаяся на оба эти герцогства; лишь под давлением германского Союзного сейма датское правительство в 1858 г. согласилось изъять из сферы действия конституции Гольштейн, но при условии участия герцогства в национальных расходах; Шлезвиг же целиком остался в составе Датского королевства. 13 ноября 1863 г. датский парламент принял новую конституцию, провозглашавшую полнее присоединение Шлезвига к Дании. — *441.*

[499] *Национальный союз* был основан 15—16 сентября 1859 г. на съезде буржуазных либералов немецких государств во Франкфурте-на-Майне. Организаторы Национального союза, представлявшие интересы немецкой буржуазии, ставили целью объединение всей Германии, за исключением Австрии, под главенством Пруссии. После австро-прусской войны и образования Северогерманского союза, 11 ноября 1867 г., Союз объявил о своем самороспуске. — *441.*

[500] Намек на книгу Луи Бонапарта «Наполеоновские идеи», вышедшую в Париже в 1839 г. (Napoleon-Louis Bonaparte. «Des idees napoleoniennes». Paris, 1839). — *442.*

[501] 8 февраля 1863 г., во время национально-освободительного восстания в Польше, по инициативе Бисмарка министром иностранных дел России Горчаковым и представителем правительства Пруссии генералом Альвенслебеном в Петербурге была подписана конвенция, предусматривавшая совместные действия войск обоих государств против восставших, вплоть до предоставления войскам права перехода государственной границы. Еще до подписания конвенции прусские войска оцепили границу с целью не допустить перехода повстанцев на терри-

торию Пруссии. Хотя конвенция не была ратифицирована, заключение ее значительно облегчило царскому правительству подавление восстания в Польше. — *444.*

[502] Энгельс имеет в виду контрреволюционную роль Австрии в шлезвиг-гольштейнском вопросе во время национально-освободительной войны Шлезвиг-Гольштейна против Дании 1848—1850 гг., когда на стороне герцогств выступали Пруссия и некоторые другие государства Германского союза (см. примечание 394). Австрия оказывала поддержку Датской монархии вместе с другими европейскими державами; под их давлением Пруссия в июле 1850 г. заключила мир с Данией, после чего шлезвиг-гольштейнская армия была разбита. По инициативе Австрии зимой 1850—1851 гг. в Гольштейн были направлены австрийские и прусские войска с целью ускорить разоружение шлезвиг-гольштейнской армии. — *445.*

[503] После смерти датского короля Фредерика VII Австрия и Пруссия 16 января 1864 г. предъявили правительству Дании ультиматум об отмене конституции 1863 г., провозглашавшей полное присоединение Шлезвига к Дании. Дания отказалась принять ультиматум, тогда Австрия и Пруссия начали военные действия, и к июлю 1864 г. датские войска были разбиты. Франция и Россия сохраняли в течение всей войны дружественный нейтралитет по отношению к Австрии и Пруссии. Согласно мирному договору, заключенному в Вене 30 октября 1864 г., территория герцогств, включая и те ее части, в которых преобладало ненемецкое население, была объявлена совместным владением Австрии и Пруссии, а после австро-прусской войны 1866 г. была целиком присоединена к Пруссии. — *445.*

[504] Согласно *Варшавскому протоколу* от 5 июня (24 мая) 1851 **г.**, подписанному представителями России и Дании, а также *Лондонскому протоколу* от 8 мая 1852 г. (см. примечание 498), устанавливался принцип нераздельности владений датской короны, включая герцогства Шлезвиг и Гольштейн. — *446.*

[505] *Экспедиция в Мексику* — вооруженная интервенция Франции, предпринятая в 1862—1867 годах, первоначально совместно с Англией и Испанией; преследовала цель подавления мексиканской революции и превращения Мексики в колонию европейских государств. Англия и Франция стремились также, захватив Мексику, использовать ее территорию в качестве плацдарма для вмешательства в Гражданскую войну в США на стороне рабовладельческого Юга. Хотя французским войскам удалось занять столицу Мексики Мехико и провозгласить «империю» во главе со ставленником Наполеона III — австрийским эрцгерцогом Максимилианом, в результате героической освободительной борьбы мексиканского народа французские интервенты потерпели поражение и были вынуждены в 1867 г. отозвать из Мексики свои войска. Мексиканская экспедиция, стоившая Франции огромных затрат, нанесла Второй империи серьезный ущерб. — *446.*

[506] Выражение *«бодрая веселая война»* («ein frischer frohlicher Krieg») — было впервые употреблено реакционным историком и публицистом Г. Лео в июне 1853 г. в «Volksblatt fur Stadt und Land» («Народный листок для города и деревни») № 61 и применялось в последующие годы тоже в милитаристском и шовинистическом духе. — *447.*

507 Речь идет о дипломатической подготовке Бисмарком австро-прусской войны 1866 года. В начале марта 1866 г. в результате переговоров с Наполеоном III прусскому послу в Париже фон дер Гольцу удалось добиться от французского императора заявления о том, что он будет соблюдать благожелательный нейтралитет по отношению к Пруссии в случае ее войны с Австрией и поддержит ее притязания на ведущую роль в объединении северогерманских государств при условии определенных компенсаций в пользу Франции. Одновременно Бисмарк вел в Берлине переговоры с итальянским генералом Говоне о совместном выступлении Италии и Пруссии в войне против Австрии. В беседе с Говоне Бисмарк, рассчитывавший на то, что содержание разговора станет известно Наполеону III, дал понять, что не будет возражать против передачи Франции немецкой территории между Рейном и Мозелем в случае, если Франция не будет препятствовать образованию прусско-итальянской коалиции против Австрии. Переговоры с Говоне завершились 8 апреля 1866 г. подписанием секретного договора между Пруссией и Италией об оборонительно-наступательном союзе. Договор предусматривал передачу Италии Венеции в случае победы над Австрией. — *448.*

508 В австро-прусской войне 1866 г. на стороне Австрии выступали Саксония, Ганновер, Бавария, Баден, Вюртемберг, курфюршество Гессен, Гессен-Дармштадт и другие члены Германского союза; на стороне Пруссии — Мекленбург, Ольденбург и другие северогерманские государства, а также три вольных города. — *448.*

509 Весной 1866 г. Австрия обратилась в Союзный сейм с жалобой на нарушение Пруссией соглашения о совместном управлении герцогствами Шлезвиг и Гольштейн; Бисмарк отказался подчиниться решению Сейма, который по предложению Австрии объявил Пруссии войну. В ходе войны, в связи с успехами прусских войск, Союзный сейм был вынужден перебраться из Франкфурта в Аугсбург, где 24 августа 1866 г. заявил о прекращении своей деятельности. — *448.*

510 Прокламация «*К жителям славного королевства Богемия»* была напечатана в «Koniglich Preusischer Staats-Anzeiger» («Королевско-прусский государственный вестник») № 164, 11 июля 1866 года. — *448.*

511 По окончании австро-прусской войны был подписан 23 августа 1866 г. мирный договор в Праге.

Об аннексии Пруссией трех королевств и одного вольного города см. примечание 233. — *448.*

512 В сентябре 1866 г. прусская палата представителей 230 голосами против 75 приняла внесенный Бисмарком законопроект об освобождении правительства от ответственности за расходование средств, которое не было утверждено законодательным порядком в период конституционного конфликта (см. примечание 496) — так называемый закон об индемнитете. Тем самым конфликт окончился полной капитуляцией буржуазной оппозиции. — *450.*

513 Речь идет о решающем сражении австро-прусской войны, имевшем место 3 июля 1866 г. в Чехии у города *Кёниггрец* (в настоящее время

Градец-Кралове), неподалеку от деревни Садова. Сражение при Садове закончилось крупным поражением австрийских войск. — *450.*

514 *«The Manchester Guardian»* («Манчестерский страж») — английская буржуазная газета, орган сторонников свободной торговли (фритредеров), позже орган либеральной партии; основана в Манчестере в 1821 году. — *451.*

515 *Таможенный парламент* — руководящий орган Таможенного союза, преобразованного после войны 1866 г. и заключения 8 июля 1867 г. Пруссией договора с южногерманскими государствами, согласно которому предусматривалось создание этого органа. Парламент состоял из членов рейхстага Северогерманского союза и специально избранных депутатов южногерманских государств — Баварии, Бадена, Вюртемберга и Гессена. Он должен был заниматься исключительно вопросами торговли и таможенной политики; стремление Бисмарка постепенно расширить его компетенцию, распространив ее на другие, политические, вопросы натолкнулось на упорное сопротивление представителей Южной Германии. — *452.*

516 По реке Майну проходила граница между Северогерманским союзом и южногерманскими государствами. — *452.*

517 *Императоры Люксембургской династии,* первоначально владевшей только небольшим графством Люксембург, занимали престол Священной римской империи (Германской империи) с перерывами с 1308 по 1437 год; одновременно эта династия владела также чешской (1310— 1437) и венгерской (1387—1437) коронами. — *452.*

518 Согласно заключенному в Вене 3 октября 1866 г. мирному договору с Австрией, Италии, участвовавшей в австро-прусской войне на стороне Пруссии, была возвращена Венеция, но в результате противодействия Пруссии ее претензии на передачу ей принадлежавших Австрии южного Тироля и Триеста не были удовлетворены. — *453.*

519 *Меттерниховское «географическое понятие»* — выражение австрийского канцлера Меттерниха в применении к Италии («Италия — географическое понятие»), употребленное им в депеше послу в Париже графу Апоньи от 6 августа 1847 г. и впоследствии применявшееся им также в отношении Германии. — *454.*

520 *Лондонская конференция* дипломатических представителей Австрии, России, Пруссии, Франции, Италии, Нидерландов и Люксембурга по люксембургскому вопросу проходила под председательством английского министра иностранных дел с 7 по 11 мая 1867 года. Согласно подписанному 11 мая договору, герцогство Люксембург (герцогский титул по-прежнему постоянно сохранялся за королем Нидерландов) было объявлено нейтральным государством, его нейтралитет гарантировался государствами, подписавшими договор; Пруссия обязывалась немедленно вывести свой гарнизон из Люксембургской крепости, а Наполеон III должен был отказаться от притязаний на присоединение Люксембурга к Франции. — *454.*

521 См. примечание 389. — *455.*

[522] В сражениях при *Шпихерне* (Лотарингия) и при *Вёрте* (Эльзас) прусские войска 6 августа 1870 г. нанесли поражение нескольким французским корпусам; выигрыш этих сражений на начальной стадии франко-прусской войны 1870—1871 гг. позволил прусскому командованию развернуть наступательные действия, в ходе которых французская армия подверглась расчленению, а затем окружению и разгрому по частям.

О сражении при *Седане* см. примечание 282. — *456.*

[523] *4 сентября* 1870 г. в Париже, после получения сообщения о разгроме французской армии под Седаном, произошло революционное выступление народных масс, приведшее к падению режима Второй империи и провозглашению республики. Однако в состав образовавшегося временного правительства вошли, помимо умеренных республиканцев, и монархисты. Это правительство во главе с военным губернатором Парижа Трошю (его фактическим вдохновителем был лидер орлеанистской фракции монархистов реакционер Тьер, первоначально не занимавший официальных правительственных постов), отражая капитулянтские настроения буржуазно-помещичьих кругов Франции и их страх перед народными массами, встало на путь национальной измены и предательского сговора с внешним врагом. — *456.*

[524] *«Положение о ландштурме»* — закон, принятый в Пруссии 21 апреля 1813 г. и предусматривавший создание отрядов волонтеров («вольных стрелков»), не имеющих военной формы и действующих методами партизанской войны в тылу и на флангах наполеоновской армии. В отряды ландштурма призывалось записываться все не состоящее в рядах армии боеспособное мужское население.

О зверских расправах прусской армии с французскими франтирерами см. серию статей Энгельса «Заметки о войне» (настоящее издание, т. 17, стр. 168—172, 206—210). — *457.*

[525] Энгельс имеет в виду сражение при Эрикуре (близ Бельфора) 15—17 января 1871 г. между немецкими войсками и французской Восточной армией под командованием Бурбаки, наступавшей в район южных Вогезов с целью нанесения отсюда флангового удара по основной коммуникационной линии германской армии, осаждавшей Париж. Атаки Восточной армии были отбиты немцами, и она была вынуждена начать отступление, в ходе которого была прижата к швейцарской границе и интернирована на территории Швейцарии. Пока происходило это отступление, представителем правительства Национальной обороны Фавром 28 января 1871 г. была подписана конвенция с Бисмарком о перемирии и капитуляции Парижа. — *468.*

[526] Имеется в виду следующий эпизод из мартовских событий 1848 г. в Пруссии: после победоносного народного восстания 18 марта в Берлине восставшие заставили прусского короля Фридриха-Вильгельма IV утром 19 марта выйти на балкон дворца и обнажить голову перед трупами погибших на баррикадах бойцов. — *458.*

[527] После заключения *28 января* 1871 г. конвенции о перемирии и капитуляции Парижа военные действия между Францией и Пруссией не возобновились. Капитулянтские правящие круги Франции во главе с Тьером поспешили подписать 26 февраля 1871 г. прелиминарный

мирный договор на условиях, продиктованных Бисмарком. Окончательный мирный договор был подписан 10 мая 1871 г. во Франкфурте, подтвердив аннексию Германией Эльзаса и восточной Лотарингии. Согласно Франкфуртскому договору были ухудшены условия выплаты Францией контрибуции в 5 миллиардов франков и продлены сроки оккупации немецкими войсками французской территории, что явилось ценой помощи, оказанной Бисмарком версальскому правительству в подавлении Коммуны. — *459.*

[528] По Вестфальскому миру, которым закончилась общеевропейская Тридцатилетняя война (1618—1648), Страсбург оставался в составе Германской империи, хотя Эльзас стал составной частью Франции. По приказу Людовика XIV 30 сентября 1681 г. город, как принадлежащий Эльзасу, был занят французскими войсками. Католическая партия Страсбурга во главе с епископом Фюрстенбергом приветствовала присоединение к Франции и способствовала тому, что французам не было оказано сопротивления. — *459.*

[529] *«Присоединительные* палаты», созданные Людовиком XIV в 1679— 1680 гг., должны были юридически и исторически обосновывать и оправдывать притязания Франции на те или иные части соседних государств, которые вслед за тем занимались французскими войсками. — *459.*

[530] См. примечание 477. — *459.*

[531] Имеется в виду прелиминарный мирный договор, подписанный 3 октября 1735 г. в Вене между Австрией и Францией и завершивший так называемую войну за Польское наследство (1733—1735), в которой Россия и Австрия поддерживали кандидатуру на польский престол саксонского курфюрста (с 1734 г. польский король Август III), а Франция — тестя короля Людовика XV Станислава Лещинского. Согласно условиям договора, Людовик XV отказывался от притязаний на польскую корону в пользу своего тестя и делал ряд других уступок австрийским Габсбургам в обмен на передачу Станиславу Лещинскому герцогства Лотарингского (владевший им до этого Франц Стефан Лотарингский в компенсацию получал Тоскану), которое после его смерти должно было перейти к французской короне. Условия прелиминарного мира были закреплены окончательно Венским договором 1738 года. — *460.*

[532] Имеется в виду сильнейшая укрепленная позиция, образованная крепостями Северной Италии — Вероной, Леньяго, Мантуей и Пескьерой. О роли этого четырехугольника крепостей как оплота австрийского господства в Северной Италии см. в работах Энгельса «Как Австрия держит в своих руках Италию» и «По и Рейн» (настоящее издание, т. 13. стр. 202—209, 249—253). — *462.*

[533] Имеется в виду «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне» (см. настоящее издание, т. 17, стр. 274—282). — *463.*

[534] В своей *речи в рейхстаге 6 февраля 1888 г.,* произнесенной во время обсуждения законопроекта о реорганизации вооруженных сил Германии, Бисмарк, настаивая на необходимости усиления военной мощи

Германской империи и фактически признав возможность возникновения антигерманского союза Франции и царской России, всячески восхвалял политику Александра III в отношении Германии, противопоставляя эту политику антигерманской кампании, проводившейся в то время в русской печати. — *463.*

[535] Зимой 1886—1887 гг. Бисмарк, воспользовавшись некоторым обострением отношений с Францией и поднятой в печати шумихой об «угрозе войны», потребовал от рейхстага принятия законопроекта о значительном увеличении армии и утверждении военного бюджета на следующее семилетие. Большинство депутатов отказалось принять требуемый Бисмарком бюджет на семь лет, ограничившись тремя годами, и рейхстаг был распущен. На выборах 21 февраля 1887 г. большинство голосов получили выступавшие в поддержку Бисмарка партии (консерваторы, «свободные консерваторы» и национал-либералы), объединившиеся на этой основе в так называемый *«картель»*. Новый рейхстаг утвердил требуемый Бисмарком бюджет. — *465.*

[536] Энгельс имеет в виду провозглашение 18 января 1871 г. в Версальском дворце прусского короля Вильгельма I германским императором. — *465.*

[537] Имеется в виду экономический кризис, начавшийся в Германии в мае 1873 года. Кризису предшествовал бурный промышленный подъем, сопровождавшийся лихорадочной учредительской деятельностью и огромным размахом спекулятивных операций.— *468.*

[538] *Прогрессисты* — представители прусской буржуазной партии прогрессистов, возникшей в июне 1861 года. Прогрессистская партия требовала объединения Германии под главенством Пруссии, созыва общегерманского парламента, создания сильного либерального министерства, ответственного перед палатой депутатов. В 1866 г. от прогрессистской партии отделилось правое крыло, капитулировавшее перед Бисмарком и образовавшее партию национал-либералов. В отличие от них прогрессисты и после завершения объединения Германии в 1871 г. продолжали провозглашать себя партией оппозиции, однако эта оппозиционность оставалась чисто декларативной. Из страха перед рабочим классом и из ненависти к социалистическому движению прогрессистская партия мирилась с господством прусского юнкерства в условиях полуабсолютистской Германии. Колебания в политике прогрессистской партии отражали неустойчивость торговой буржуазии, мелких промышленников, отчасти ремесленников, на которых она опиралась. В 1884 г. прогрессисты объединились с отколовшимся от национал-либералов левым крылом в Немецкую свободомыслящую партию. — *468.*

[539] Имеются в виду Всеобщий германский рабочий союз (лассальянцы), созданный в 1863 г., и немецкая Социал-демократическая рабочая партия (эйзенахцы), учредительный съезд которой состоялся в Эйзенахе в 1869 году. Всеобщий германский рабочий союз был общегерманской политической организацией рабочего класса, но находился под влиянием оппортунистических воззрений Лассаля и его последователей, стремившихся направить рабочее движение на реформистский путь, выступавших против стачечной борьбы и организации профсоюзов, поддерживавших проводившуюся Бисмарком политику объеди-

нения Германии сверху и пытавшихся войти в соглашение с ним. Немецкая Социал-демократическая рабочая партия была создана при поддержке Маркса и Энгельса и возглавлялась Бебелем и Либкнехтом; партия входила в I Интернационал. Несмотря на ряд ошибочных положений своей программы, она стояла в целом на почве марксизма, проводила революционно-пролетарскую линию в вопросе об объединении Германии и других вопросах, разоблачала реформизм и национализм лассальянских лидеров. Под влиянием объединительных стремлений немецких рабочих и разочарования рядовых членов лассальянской организации в догмах и тактике своих лидеров в 1875 г. на съезде в Готе было осуществлено объединение обоих направлений в единую партию, называвшуюся до 1890 г. Социалистической рабочей партией Германии. Этим был преодолен раскол в рядах немецкого рабочего класса. Однако принятая Готским съездом программа объединенной партии содержала серьезные ошибки и уступки лассальянству, за что была подвергнута Марксом и Энгельсом резкой критике. Идейный компромисс, допущенный в Готе, способствовал в дальнейшем усилению оппортунистических элементов в немецкой социал-демократии. — *469.*

[540] *Консерваторы* — партия прусского юнкерства, военщины, верхушки бюрократии и лютеранского духовенства. Вела свое происхождение от крайней правой монархической фракции в прусском Национальном собрании 1848 года. Политика консерваторов, направленная на сохранение пережитков феодализма и реакционного политического строя в стране, была проникнута духом воинствующего шовинизма и милитаризма. После создания Северогерманского союза и в первые годы после образования Германской империи они составляли оппозицию правительству Бисмарка справа, опасаясь, что его политика приведет к «растворению» Пруссии в Германии. Однако уже в 1866 г. от этой партии отделилась так называемая партия «свободных консерваторов» (или «имперская партия»), выражавшая интересы крупных аграриев и части промышленных магнатов и ставшая на позицию безоговорочной поддержки Бисмарка. — *469.*

[541] См. примечание 231. — *469.*

[542] *Договоры с южногерманскими государствами* (Баден, Гессен, Бавария, Вюртемберг) об их вхождении в Северогерманский союз были заключены в ноябре 1870 года. Договоры предусматривали внесение некоторых изменений в конституцию Северогерманского союза в сторону предоставления несколько большей самостоятельности входящим в его состав государствам.

В конституции Германской империи, принятой 16 апреля 1871 г., были закреплены привилегии, предоставленные некоторым южногерманским государствам на основании вышеупомянутых договоров. Бавария и Вюртемберг сохранили, в частности, особый налог на водку и пиво, особые права по управлению почтой и телеграфом; Бавария, кроме того, сохранила некоторую самостоятельность в управлении своей армией и в управлении железными дорогами. — *472.*

[543] По конституции Северогерманского союза Союзный совет состоял из представителей, назначаемых правительствами всех входивших в Союз германских государств; функции Совета сводились к утверждению законов. — *472.*

[544] См. примечание 494. — *473.*

[545] *Суды шеффенов* — суды низшей инстанции в Германской империи, введенные в ряде немецких государств после революции 1848 г., а во всей Германии — с 1871 г. и состоявшие в то время **из** коронного судьи и двух заседателей (шеффенов), которые, в отличие от присяжных заседателей, не только устанавливали виновность подсудимых, но и вместе с судьей определяли меру наказания; для выполнения функций шеффенов требовался определенный возрастной ценз, ценз оседлости, а также обеспеченное имущественное положение. Судам шеффенов подлежали менее значительные преступления. — *476.*

[546] Имеется в виду административная реформа 1872 г. в Пруссии, по которой отменялась наследственная вотчинная власть помещиков в деревне и вводились некоторые элементы самоуправления на местах: выборные старосты в общинах, окружные советы при ландратах, избираемые по сословной системе и т. п. Реформа имела целью укрепление государственного аппарата и усиление централизации в интересах класса юнкерства в целом. Вместе с тем, юнкеры-помещики практически сохранили власть на местах, занимая большинство выборных и назначаемых должностей лично или своими ставленниками. — *476.*

[547] Речь идет о реформе местного управления в Англии, проект которой был внесен правительством Солсбери (1886—1892) в марте 1888 г. и в августе этого года принят парламентом. Согласно этой реформе функции шерифов были переданы выборным советам графств, ведавшим сбором налогов, местным бюджетом и т. д. К избранию советов графств допускались все лица, пользующиеся правом избирать в парламент, а также женщины старше 30 лет. Проведением этой буржуазно-демократической реформы консервативное правительство стремилось упрочить свое положение и отвлечь внимание широких слоев от увеличения расходов на армию, флот и агрессивную внешнюю политику. — *477.*

[548] *Ультрамонтанство* — крайне реакционное направление в католицизме, выступающее против самостоятельности национальных церквей и защищающее право римского папы вмешиваться во внутренние дела любого государства. Усиление влияния ультрамонтанства во второй половине XIX в. выразилось в создании католических партий в некоторых европейских государствах, в принятии в 1870 г. Ватиканским собором догмата о «непогрешимости» папы и т. д. — *478.*

[549] 20 сентября 1870 г. в Рим, находившийся до этого под властью папы, вступили войска Итальянского королевства. На основании проведенного 2 октября в Папской области плебисцита, во время которого подавляющее большинство жителей высказалось за присоединение к Италии, итальянское правительство объявило о включении этой области в состав Итальянского королевства. Тем самым было завершено политическое объединение страны. Светская власть папы была упразднена. «Закон о гарантиях», принятый в 1871 г., оставлял за папой государственный суверенитет только в пределах Ватиканского и Латеранского дворцов и загородной резиденции. В ответ на это папа отлучил от церкви вдохновителей взятия Рима, отказался признать «закон о гарантиях» и объявил себя «ватиканским узником». Продолжавшийся многие годы конфликт между папой и итальянским правительством официально был разрешен только в 1929 году. — *478.*

[550] Имеются в виду представленные в рейхстаге небольшие группы депутатов поляков и эльзасцев, а также сепаратистская партия, образовавшаяся после 1866 г. в Ганновере из сторонников восстановления самостоятельной ганноверской монархии во главе с династией Вельфов, занимавшей там престол до присоединения Ганновера к Пруссии в 1866 году. — *479.*

[551] См. настоящее издание, т. 20, стр. 162—189. — *480.*

[552] Речь идет о брошюре: Ф. Энгельс. «Развитие научного социализма». Женева, 1884; издана группой «Освобождение труда» в качестве второго выпуска «Библиотеки современного социализма». — *480.*

[553] Имеется в виду привлечение Бисмарком в 1876—1877 гг. к судебной ответственности по обвинению в оскорблении его в печати некоторых журналистов и политических деятелей из консервативных кругов, разоблачавших его причастность к биржевым махинациям и грюндерской горячке. Это отражало обострившиеся в то время трения между правительством Бисмарка и консерваторами, выступавшими с критикой его политики справа.

Закон против социалистов — см. примечание 235. — 481.

[554] Говоря о *«хождении в Каноссу»,* Энгельс иронически намекает на далеко идущие уступки, которые были сделаны Бисмарком клерикальным кругам и папе Льву XIII в течение 1878—1887 годов; эти уступки были равносильны признанию бесплодности «культуркампфа» и его полной ликвидации. Бисмарк, который в начале конфликта с католической церковью заявил в рейхстаге в мае 1872 года: «в Каноссу мы не пойдем», нуждаясь в конце 70-х годов в поддержке католической партии центра (его прежняя опора — партия национал-либералов — теряла свое влияние) и заискивая перед папой, отменил почти все изданные во время конфликта антикатолические законы и вынудил уйти в отставку главных проводников антикатолической политики.

Выражение «идти в Каноссу» ведет свое происхождение от унизительного паломничества в замок Каносса (Северная Италия) германского императора Генриха IV в 1077 г. с целью вымолить у папы Григория VII отмену отлучения его от церкви. — *483.*

[555] *Септеннат* (от латинского слова septem — семь) — проведенный в 1874 г. Бисмарком через рейхстаг в обстановке раздутой им шумихи о «военной опасности» со стороны Франции закон об утверждении военного бюджета на семь лет вперед и установлении на этот срок увеличенного контингента постоянной армии мирного времени, доведенного до 401 тысячи. — *483.*

[556] Данный отрывок был написан Энгельсом во второй половине сентября 1888 г. на пароходе «Сити оф Нью-Йорк», которым он возвращался из поездки по США и Канаде. Энгельс, вместе с Элеонорой Маркс-Эвелинг, Эдуардом Эвелингом и своим другом Карлом Шорлеммером, провел в Америке более месяца (с 17 августа по 19 сентября), совершив за это время поездку из Нью-Йорка в Бостон и близлежащие города, затем на Ниагарский водопад и по озеру Онтарио с заездом в Канаду. Энгельс намеревался написать об этой поездке путевые очерки, в которых, как об этом свидетельствуют, помимо публикуемого фрагмента, сохранившиеся отрывочные записи, хотел дать характеристику обще-

ственно-политической жизни страны. Однако это намерение ему осуществить не удалось. Публикуемый отрывок, написанный на пароходном бланке, представляет собой лишь начало задуманной работы. — *484.*

[557] Публикуемый отрывок из письма русского революционера-народника Г. А. Лопатина члену Исполнительного комитета «Народной Воли» М. Н. Ошаниной посвящен изложению содержания его беседы с Ф. Энгельсом, разумеется, в интерпретации самого автора письма, на которой лежит печать его народнических взглядов. Однако ряд мыслей Энгельса, записанных под свежим впечатлением, беседы, Лопатин воспроизводит, по-видимому, более или менее точно. Встреча с Энгельсом, описанная в письме, произошла 19 сентября 1883 г., спустя несколько месяцев после бегства Лопатина за границу из Вологодской ссылки. Отрывок был впервые напечатан по инициативе П. Л. Лаврова и с согласия Энгельса в книге: «Основы теоретического социализма и их приложение к России», вышедшей в Женеве в 1893 году. — *489.*

[558] Имеется в виду письмо Исполнительного комитета «Народной Воли» Александру III от 10 марта 1881 г. (после событий 1 марта 1881 г., когда царь Александр II был убит народовольцами). В письме Исполнительный комитет обещал прекратить свою террористическую деятельность при условии, если царь объявит общую амнистию политическим заключенным и даст согласие на проведение всеобщих выборов в органы народного представительства на основе всеобщего избирательного права при обеспечении полной свободы печати, слова, собраний и избирательных программ. Исполнительный комитет заявлял далее, что подчинится решению будущего Народного собрания. — *490.*

[559] Имеется в виду ироническое высказывание Маркса в связи с некоторыми ошибками сектантского и догматического характера, допущенными французскими марксистами в борьбе против оппортунистического течения поссибилистов. Напоминая впоследствии об этом высказывании, Энгельс в письме Лафаргу 27 октября 1890 г. указывал, что Маркс тогда говорил по поводу этих ошибок: «В таком случае я знаю только, что сам я не марксист». — *491.*

[560] В основу статьи *«Майское восстание 1849 года»* было положено письмо Энгельса от 14 ноября 1885 г., написанное им по просьбе П. Лафарга в связи с подготовкой последним биографии Энгельса для серии биографий выдающихся представителей международного социализма, которая печаталась в газете «Socialiste». Статья была помещена в газете 21 ноября 1885 г. без подписи в качестве второго раздела биографии Энгельса. — *492.*

[561] Статья *«Юридический социализм»* была задумана Энгельсом в октябре 1886 г. в связи с выходом в свет книги австрийского буржуазного социолога и юриста А. Менгера «Право на полный трудовой доход в историческом освещении», в которой делалась попытка доказать «неоригинальность» экономической теории Маркса и якобы заимствование им своих выводов у английских социалистов-утопистов рикардианской школы (Томпсона и др.). Не считая возможным пройти мимо этих клеветнических измышлений Менгера, а также фальсификации им существа самого учения Маркса, Энгельс решил дать ему отповедь в печати. Однако полагая, что его личное выступление против Менгера

может быть до некоторой степени использовано для рекламирования этой третьестепенной даже в буржуазной науке фигуры, Энгельс счел целесообразным дать отповедь Менгеру в виде редакционной статьи журнала «Neue Zeit» или в виде рецензии на книгу, опубликованной от имени редактора этого журнала К. Каутского. Поэтому Энгельс привлек последнего к написанию статьи против Менгера. Сам он намеревался в начале написать основную часть текста, однако болезнь прервала начатую им работу, и статья была закончена Каутским в соответствии с указаниями Энгельса. Статья была опубликована в журнале «Neue Zeit» № 2, 1887 г. без подписи, а впоследствии, в указателе к этому журналу, изданному в 1905 г., в качестве ее авторов были названы Энгельс и Каутский. В 1904 г. статья была напечатана в переводе на французский язык в журнале «Mouvement socialiste» («Социалистическое движение») № 132 как статья Энгельса. В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса было опубликовано только начало статьи, искусственно отделенное от ее основного текста. Поскольку невозможно достоверно установить, какая часть статьи написана Энгельсом, а какая Каутским (рукопись статьи не сохранилась), в настоящем издании статья публикуется целиком в разделе «Приложения». — *495.*

[562] Цитируется работа К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 40). — *503.*

[563] Под таким названием была опубликована в газете «Globe» 7 марта 1831 г. одна из статей Б. П. Анфантена, печатавшихся в «Globe» с 28 ноября 1830 г. до 18 июня 1831 г. и изданных затем в Париже в 1831 г. в виде отдельной книги под общим заглавием «Economie politique et politique» («Политическая экономия и политика»).

«Le Globe» («Земной шар») — ежедневная газета, издававшаяся в Париже в 1824—1832 годах; с 18 января 1831 г. стала органом сен-симонистской школы. — *505.*

[564] Речь идет о книге П. Ж. Прудона «Systeme des contradictions economiques, ou Philosophie de la misere». T. I—II, Paris, 1846 («Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Тт. I—II, Париж, 1846). — *505.*

[565] К. Маркс. «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 65—185).

В январе 1849 г. Прудон сделал попытку учреждения «Народного банка» на основе развивавшихся им утопических принципов «дарового» кредита. Этот банк, посредством которого Прудон намеревался мирным путем осуществить свою социальную реформу, добившись уничтожения ссудного процента и введения безденежного обмена на базе получения производителем полного эквивалента своего трудового дохода, потерпел банкротство через два месяца после своего основания. — *505.*

[566] См. W. Thompson. «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth Most Conducive to Human Happiness». A New Edition by William Pare. London, 1850 (У. Томпсон. «Исследование принципов распределения богатства, наиболее способствующих человеческому счастью». Новое издание, подготовленное Уильямом Пэром. Лондон, 1850); первое издание этой книги вышло в 1824 году. — *508.*

[567] См. D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». London, 1817, p. 90—115. — *512.*

[568] Речь идет о враждебной кампании, которую вел против Маркса в 70-х годах XIX в. немецкий буржуазный экономист Брентано, обвинявший Маркса в преднамеренной фальсификации цитаты из речи Гладстона от 16 апреля 1863 года. Фраза Гладстона, напечатанная 17 апреля 1863 г. почти во всех отчетах лондонских газет об этом заседании парламента («Times», «Morning Star», «Daily Telegraph» и др.). была опущена в полуофициальном издании парламентских дебатов Хансарда, текст которого подвергался исправлению самими ораторами. Это дало повод Брентано выдвинуть против Маркса обвинение в научной недобросовестности. Маркс ответил на эту клевету в письмах в редакцию газеты «Volksstaat» 23 мая и 28 июля 1872 года (см. настоящее издание, т. 18, стр. 83—86, 102—109). После смерти Маркса, в ноябре 1883 г., то же обвинение было повторено английским буржуазным экономистом Тейлором. Версия о фальсификации цитаты была разоблачена Элеонорой Маркс в феврале и марте 1884 г. в двух письмах в журнал «To-day», а затем Энгельсом в июне 1890 г. в предисловии к четвертому немецкому изданию «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 35—40) и в 1891 г. в брошюре «Брентано contra Маркс, по поводу мнимой фальсификации цитаты. История вопроса и документы» (см. настоящее издание, т. 22). — *512.*

[569] Эта вкравшаяся в текст книги Маркса неточность была исправлена Энгельсом во втором немецком издании «Нищеты философии», выпущенном в 1892 году. В нем же было сделано соответствующее уточнение в цитате, приводимой Энгельсом в предисловии к первому немецкому изданию (см. настоящий том, стр. 182), а также уточнена дата выхода книги Томпсона. — *513.*

[570] См. A. Menger. «Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag». Stuttgart, 1886. S. III. — *514.*

[571] Поправки Энгельса к тексту программы Североанглийской социалистической федерации были написаны им по просьбе английского рабочего социалиста Дж. Л. Магона. В письме Магону от 22 июня, с которым Энгельс направил ему свои поправки, он довольно высоко оценил программу как «инстинктивную декларацию принципов рабочего класса», стремясь в то же время поднять теоретический уровень этого документа, отразившего попытку передовых английских рабочих создать самостоятельную рабочую партию в Англии. Поправки Энгельса относятся к вводной части программы; они написаны на листовке, содержащей ее текст.

Североанглийская социалистическая федерация — рабочая организация, созданная в Нортамберленде (Северная Англия) 30 апреля 1887 г. во время крупной забастовки горняков, продолжавшейся с конца февраля по 24 июня 1887 года. Инициаторами создания этой организации были рабочие — члены Социалистической лиги Дж. Л. Магон, Т. Биннинг, А. К. Дональд и др. В течение 1887 г. Федерация развернула активную деятельность среди рабочих, главным образом горняков, Нортамберленда, но закрепить своих первых успехов ей не удалось и она вскоре прекратила свое существование. — *517.*

[572] Настоящее интервью было дано Энгельсом представителю газеты «New Yorker Volkszeitung» 19 сентября 1888 г. по окончании поездки по

США. Не желая встречаться с рядом представителей немецких социалистических организаций в Америке, к которым он относился отрицательно, Энгельс совершил свою поездку инкогнито и старался избежать какого-либо контакта с представителями прессы. Однако редактор «New Yorker Volkszeitung» Йонас, узнав о пребывании Энгельса в Нью-Йорке, направил к нему в качестве своего представителя бывшего деятеля I Интернационала Т. Куно, результатом чего и явилось настоящее интервью, которое было опубликовано в этой газете без предварительного согласования его текста с Энгельсом. Интервью, по-видимому без возражений со стороны Энгельса, было затем, 13 октября, перепечатано в газете «Sozialdemokrat». — *519.*

573 Эта мысль высказана в «Предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 304—305). — *520.*

574 Первоначальный вариант данного памфлета был написан Бернштейном по инициативе Энгельса в ответ на помещенную в газете «Justice» 16 марта 1889 г. редакционную заметку «Немецкие «официальные» социал-демократы и Международный конгресс в Париже». Текст памфлета был отредактирован Энгельсом и издан отдельной брошюрой на английском языке в Лондоне, а также напечатан в переводе на немецкий язык в газете «Sozialdemokrat» за подписью Бернштейна как редактора этого органа. Памфлет сыграл большую роль в разоблачении интриг французских поссибилистов, которые при поддержке оппортунистических лидеров английской Социал-демократической федерации пытались взять в свои руки созыв Международного социалистического рабочего конгресса в Париже в 1889 г. и руководство этим конгрессом.

«Justice» («Справедливость») — еженедельная газета, издававшаяся в Лондоне с января 1884 г., орган Социал-демократической федерации; под данным названием выходила в 1884—1925 годах. — *521.*

575 Имеется в виду утверждение уголовной палатой имперского суда приговора, вынесенного саксонским судом во Фрейберге 4 августа 1886 г. группе руководящих деятелей германской социал-демократии (Бебель, Ауэр, Фроме и др.), обвиненных в принадлежности к «тайному союзу» на основании их связей с газетой «Sozialdemokrat», которая имела подзаголовок: «Центральный орган германской социал-демократии». Обвиняемые были приговорены к различным срокам тюремного заключения. При вынесении приговора суд исходил из исключительного закона против социалистов (см. примечание 235). После утверждения приговора имперским судом социал-демократическая фракция рейхстага признала целесообразным, чтобы «Sozialdemokrat» не носил более официального характера партийного органа, и с 5 ноября 1886 г. газета стала выходить с подзаголовком: «Орган социал-демократов, говорящих на немецком языке». Это решение было одобрено Энгельсом. — *521.*

576 *«Londoner Freie Presse»* («Лондонская свободная печать») — социалистическая еженедельная газета, издавалась немецкими эмигрантами, выходила с 1886 г. под названием «Londoner Arbeiter-Zeitung» («Лондонская рабочая газета»), а с октября 1887 до июня 1890 г. под данным названием. — *522.*

[577] См. примечание 376. — *522.*

[578] *«Workmen's Advocate»* («Защитник рабочих») — еженедельная газета, орган Социалистической рабочей партии Северной Америки, основана в Нью-Йорке в 1885 году; под данным названием выходила до апреля 1891 года. — *522.*

[579] См. примечание 250. — *523.*

[580] *«Recht voor Allen»* («Право для всех») — голландская социалистическая газета, основана в 1879 г. Ф. Д. Ньювенгейсом. — *523.*

[581] *Парламентский комитет* — исполнительный орган возникшего в конце 60-х годов под названием Британский конгресс тред-юнионов объединения профессиональных союзов Англии; с 1871 г. ежегодно избирался на конгрессах тред-юнионов и в периоды между конгрессами рассматривался как их руководящий центр. Занимался выдвижением тред-юнионистских кандидатов в парламент, поддержкой законопроектов, вносимых в интересах тред-юнионов, подготовкой очередных конгрессов. В составе Комитета преобладали реформистские элементы, проводившие политику в духе старого, консервативного тред-юнионизма и опиравшиеся на рабочую аристократию. В 1921 г. Парламентский комитет был заменен Генеральным советом Британского конгресса тред-юнионов. — *525.*

[582] *Социал-демократическая федерация* — английская социалистическая организация, созданная в августе 1884 г., объединяла разнородные социалистические элементы, преимущественно из интеллигенции. Руководство федерации длительное время находилось в руках реформистов во главе с Гайндманом, проводившим оппортунистическую и сектантскую политику. Входившая в федерацию группа революционных марксистов (Э. Маркс-Эвелинг, Э. Эвелинг, Т. Манн и др.) в противовес линии Гайндмана вела борьбу за установление тесной связи с массовым рабочим движением. После происшедшего осенью 1884 г. раскола и образования представителями левого крыла самостоятельной организации — Социалистической лиги — влияние оппортунистов в федерации усилилось. Однако под воздействием революционных настроений масс внутри нее продолжал происходить процесс формирования революционных элементов, недовольных оппортунистическим руководством.

Социалистическая лига — английская социалистическая организация, основанная в декабре 1884 г. группой социалистов, вышедших из Социал-демократической федерации вследствие недовольства оппортунистической линией ее руководства. В числе организаторов Лиги были Элеонора Маркс-Эвелинг, Эдуард Эвелинг, Эрнест Белфорт Бакс, Уильям Моррис и др. В первые годы существования Лиги ее деятели принимали активное участие в рабочем движении. Но вскоре в составе Лиги взяли верх анархистские элементы, многие ее организаторы, в том числе Э. Маркс-Эвелинг и Э. Эвелинг, покинули ее ряды, и к 1889 г. Лига распалась. — *525.*

[583] В упомянутом докладе Парламентского комитета об итогах лондонского международного рабочего конгресса 1888 г. ставилась под сомнение целесообразность принятого на нем решения о созыве в 1889 г. в Париже нового международного рабочего конгресса. — *526.*

[584] *Оппортунисты* — см. примечание 268. — *530.*

[585] *«Parti Ouvrier»* («Рабочая партия») — французская газета, орган поссибилистов, основана в Париже в марте 1888 года. — *531.*

[586] Данное письмо было послано по инициативе Энгельса в редакцию английской газеты «Labour Elector» французским социалистом Ш. Бонье, находившимся в то время в Лондоне и принимавшим активное участие в подготовке созыва Международного социалистического рабочего конгресса. Письмо имело целью разоблачить перед английскими рабочими происки поссибилистов в связи с подготовкой конгресса. Текст письма, как это явствует из письма Энгельса Лафаргу от 7 мая 1889 г., был составлен Энгельсом, но опубликован как письмо Бонье. — *533.*

[587] *Радикалы* — см. примечание 271. — *533.*

[588] Настоящее воззвание было написано при активном участии П. Лафарга с целью информировать рабочие и социалистические организации всех стран о решениях Гаагской конференции социалистов ряда стран (февраль 1889 г.) относительно предстоящего Международного социалистического рабочего конгресса и пригласить их на этот конгресс. Текст воззвания был 6 мая 1889 г. направлен П. Лафаргом Энгельсу, который полностью одобрил его, перевел на немецкий язык и содействовал его опубликованию на английском и немецком языках. Воззвание было напечатано в 1889 г. на немецком языке в переводе Энгельса в газете «Sozialdemokrat» 11 мая и в переводе Либкнехта в газете «Berliner Volksblatt» («Берлинская народная газета») 10 мая, а также на английском языке в виде отдельной листовки и в газетах «Labour Elector» 18 мая и «Commonweal» 25 мая. В настоящем издании текст воззвания дается по немецкому переводу, сделанному Энгельсом. — *535.*

[589] Первоначальный вариант данного памфлета был написан Бернштейном по инициативе Энгельса в связи с той кампанией, которую продолжало вести оппортунистическое руководство Социал-демократической федерации в поддержку созываемого поссибилистами конгресса в Париже и с целью воспрепятствовать успеху Международного социалистического рабочего конгресса, который подготовляли марксисты. Памфлет был отредактирован Энгельсом и напечатан в виде отдельной брошюры на английском языке; в брошюре в качестве приложения было помещено «Извещение организационной комиссии о созыве Международного социалистического рабочего конгресса» (см. настоящий том, стр. 556—558). Отрывок из памфлета в переводе на немецкий язык был напечатан в газете «Sozialdemokrat» 15 июня 1889 года; два отрывка на английском языке были перепечатаны также в газете «Labour Elector» за то же число. — *538.*

[590] *«Proletariat»* — французская еженедельная газета, официальный орган поссибилистской Федерации трудящихся социалистов Франции; под этим названием выходила в Париже с 5 апреля 1884 по 25 октября 1890 года. — *548.*

[591] Имеется в виду решение состоявшегося в апреле 1889 г. съезда Рабочей партии Бельгии послать делегатов как на Международный социалистический рабочий конгресс, созываемый марксистами, так и на конгресс, созываемый поссибилистами. — *549.*

[592] Настоящее извещение было написано П. Лафаргом при участии других французских социалистов и переслано им 14 мая 1889 г. Энгельсу, который внес в текст некоторые поправки. Извещение было напечатано в июне 1889 г. в виде листовки на французском языке — в Париже и на английском — в Лондоне, а также опубликовано на немецком языке в газетах «Sozialdemokrat» 1 июня и «Berliner Volksblatt» 2 июня. На английском языке оно было напечатано также в газете «Commonweal» 8 июня и в качестве приложения к брошюре «Международный рабочий конгресс 1889 года. II. Ответ на Манифест Социал-демократической федерации» (см. настоящий том, стр. 538—555), опубликованной в начале июня. В первых публикациях извещения некоторые подписи социалистов различных стран еще отсутствовали; по мере поступления новых заявлений о присоединении к извещению число подписей увеличивалось. В настоящем томе оно публикуется по официальному французскому изданию материалов и резолюций Парижского конгресса, выпущенному непосредственно после окончания его работы. — *556.*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. ЭНГЕЛЬСА

(май 1883—декабрь 1889)

1883

Май — декабрь — Энгельс, считая, что для международного рабочего движения имеет огромное значение завершение незаконченных Марксом теоретических трудов и публикация его литературного наследства, продолжает работу над рукописным наследством Маркса, в частности над рукописями «Капитала», составляет описание некоторых из них, подбирает для переиздания отдельные работы Маркса, разбирает его переписку.

10 мая — В связи с продолжающимися выступлениями оппортунистических элементов в рядах немецких социал-демократов Энгельс в письме к одному из руководителей германской социал-демократии А. Бебелю подчеркивает необходимость решительной борьбы с оппортунистами и неизбежность раскола с ними, отмечая, нто из тактических соображений этот раскол не следует форсировать, пока действует исключительный закон против социалистов.

Конец мая — Энгельс, обнаружив среди рукописного наследства Маркса стихотворение немецкого пролетарского поэта Георга Веерта «Песня подмастерья», пишет биографическую статью о Веерте. Стихотворение и статья под общим заголовком ««Песня подмастерья» Г. Веерта» публикуются в центральном органе германской социал-демократической партии газете «Der Sozialdemokrat» («Социал-демократ») 7 июня.

Июнь — середина октября — Энгельс работает над корректурой третьего немецкого издания I тома «Капитала», подготовка которого не была завершена Марксом.

Первая половина Июня — Стремясь ускорить издание I тома «Капитала» на английском языке, Энгельс ведет переговоры с лондонским

издательством П. Киган и К°; в качестве переводчика он намечает своего друга, бывшего члена I Интернационала, английского юриста С. Мура.

12 июня — 27 августа В связи с тем, что определенная часть германских социал-демократов продолжает находиться под влиянием лассальянской догмы о реакционности всех классов, кроме пролетариата, Энгельс в ряде писем к руководящим деятелям партии разъясняет вопрос о союзниках пролетариата и о тактике пролетарской партии в предстоящей революции в Германии; он также рекомендует немецкой социал-демократии использовать противоречия между различными фракциями правящих классов; указывает, что в Германии ближайшей задачей является установление буржуазной республики, которая должна быть лишь кратковременным переходным этапом к победе диктатуры пролетариата.

Вторая половина Июня Энгельс просматривает итальянский перевод своей работы «Развитие социализма от утопии к науке», сделанный итальянским социалистом П. Мартиньетти, и дает положительный отзыв о качестве перевода; брошюра выходит из печати в Беневенто в июле.

28 июня Энгельс пишет предисловие к третьему немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии»; издание выходит в Цюрихе в 1883 году.

Август Статья Энгельса «Книга откровения», посвященная истории раннего христианства, публикуется в лондонском журнале социалистического направления «Progress» («Прогресс»).

Середина августа — начало октября Энгельс читает в рукописи краткое изложение I тома «Капитала», составленное французским социалистом Г. Девилем; он приходит к выводу, что, хотя теоретические положения освещены автором удовлетворительно, изложение исторического содержания и экономических фактов заслуживает серьезной критики; отмечает, что эта часть написана бегло и небрежно, многое в ней упрощено и даже искажено и она не может дать правильного представления о труде Маркса.

17 августа — 14 сентября Энгельс отдыхает в Истборне (южное побережье Англии).

Конец августа Энгельс приступает к редактированию первых глав английского перевода I тома «Капитала»; над этим переводом он продолжает работать, наряду с другими занятиями, около трех лет.

30 августа Энгельс информирует Бебеля о состоянии социалистического движения в Англии, отмечая положительное

значение того факта, что Демократическая федерация, возглавляемая Г. М. Гайндманом, заявила о своем признании теории марксизма; в то же время он указывает, что эта организация не имеет связей с массовым рабочим движением, которое продолжает находиться под влиянием либеральной буржуазии. Энгельс подчеркивает, что экономической основой этого влияния является промышленная и торговая монополия Англии, позволяющая буржуазии систематически подкупать определенную часть рабочего класса, и что подлинно революционное движение английского пролетариата возникнет, вероятнее всего, в результате подрыва этой монополии.

Вторая половина Сентября Энгельс начинает подготовку к печати не отредактированной Марксом рукописи II тома «Капитала»; в течение почти двух лет он отдает этой работе основную часть своего времени; сверяет различные варианты рукописей, устанавливает структуру тома, составляет окончательный текст на основе наиболее поздних исследований Маркса, проводит общую редакцию текста.

19 и 23 сентября Энгельса посещает русский революционер-народник Г. А. Лопатин; в своем письме к русской революционерке М. Н. Ошаниной Лопатин сообщает, что Энгельс в беседе с ним высказал свою уверенность в том, что России, в которой назревает буржуазно-демократическая революция, законно принадлежит инициатива нового социального переустройства.

Октябрь — 17 декабря Энгельс болен.

Приблизительно Октябрь Энгельс, придавая огромное значение вовлечению в революционную борьбу сельскохозяйственных рабочих и трудящихся крестьян Германии, подготавливает к печати для нового популярного издания свою работу «Марка», которая в виде отдельного оттиска под заглавием «Немецкий крестьянин. Чем он был? Что он есть? Чем он мог бы быть?» выходит в Цюрихе в ноябре.

Середина октября Энгельс получает от ветерана немецкого рабочего движения Ф. Лесснера письмо с просьбой прислать ему несколько экземпляров I тома «Капитала» для распространения среди немецких рабочих в Лондоне.

Приблизительно конец октября — начало ноября Энгельс получает от русской социалистки В. И. Засулич письмо с сообщением о создании в Женеве русской марксистской группы «Освобождение труда», а также первый программный документ этой организации — листовку об издании «Библиотеки современного социализма».

7 ноября — Энгельс пишет предисловие к третьему немецкому изданию I тома «Капитала».

12 ноября — В письме к Засулич Энгельс отмечает напряженность политического положения в России и высказывает предположение о возможности наступления там в скором времени революционного кризиса.

Декабрь 1883 — октябрь 1884 — Энгельс, наряду с другими занятиями, редактирует первый перевод на немецкий язык работы Маркса «Нищета философии», а также пишет к ней примечания и предисловие.

Конец 1883 — Энгельс посылает русскому ученому — историку и социологу М. М. Ковалевскому вышедшее в октябре третье немецкое издание своей книги «Развитие социализма от утопии к науке».

1884

Январь — начало августа — Энгельс продолжает внимательно следить за развитием социалистического движения в Англии, поддерживает постоянный контакт с дочерью Маркса Элеонорой, Э. Эвелингом, Э. Б. Баксом и другими социалистическими деятелями, одобряя их борьбу против сектантской и оппортунистической линии лидера Демократической федерации Гайндмана, которого он считает неразборчивым в средствах карьеристом и скрытым шовинистом; информирует о состоянии социалистического движения в Англии социалистов других стран, подчеркивая при этом, что объективные обстоятельства все более благоприятствуют социалистической агитации среди английских рабочих, и указывает, что важнейшей задачей социалистов в Англии является установление тесной связи с рабочими массами.

Январь — март — Энгельс продолжает разборку рукописного наследства и библиотеки Маркса.

Первая половина Января — Энгельс читает книгу Бебеля «Женщина и социализм» и дает ей высокую оценку.

28 января — Энгельс извещает польского социалиста Л. Крживицкого о своем согласии на издание польского перевода I тома «Капитала».

28 января — 7 марта — Энгельс, ознакомившись с принадлежавшей Марксу коллекцией русских книг, решает передать значительную часть ее в распоряжение представителей русской революционной эмиграции для организации библиотеки; ведет по этому поводу переписку с находящимся в Париже русским революционером-народником П. Л. Лавровым и в конце февраля высылает ему эти книги.

Февраль — март	Энгельс подробно знакомится с экономическими рукописями Маркса, написанными в 1861—1863 гг. и представляющими собой первый систематический черновой набросок всех томов «Капитала»; большую часть этих рукописей под заглавием «Теории прибавочной стоимости» составляет критическая история экономических учений, которую Маркс намеревался изложить в IV томе своего труда.
Февраль	Энгельс категорически отклоняет настойчивые попытки немецкого эмигранта Г. Нонне добиться поддержки им планов создания международной социалистической организации с участием малоизвестных или вовсе неизвестных Энгельсу лиц. Впоследствии Нонне был разоблачен как полицейский агент германского правительства в Париже.
Первая половина Февраля	Энгельс знакомится с конспектом книги известного американского этнографа и историка Л. Г. Моргана «Древнее общество», составленным Марксом в 1881— 1882 гг. и обнаруженным при разборе его рукописного наследства; учитывая неосуществленное намерение Маркса выступить в печати в связи с появлением книги Моргана, Энгельс принимает решение написать труд, в котором, опираясь на замечания Маркса, содержащиеся в этом конспекте, а также используя фактические материалы и некоторые выводы Моргана, дать с позиций исторического материализма очерк истории первобытного общества и происхождения частной собственности и государства.
Начало февраля	Выходит из печати третье немецкое издание I тома «Капитала».
Середина февраля — начало марта	Энгельс работает над статьей «Маркс и «Neue Rheinische Zeitung»», в которой раскрывает тактику Маркса и возглавляемых им пролетарских революционеров в буржуазно-демократической революции 1848— 1849 годов; статья публикуется в газете «Sozialdemokrat» 13 марта.
14 февраля и 7 марта	Продолжая внимательно следить за борьбой германского рабочего класса в условиях действия исключительного закона против социалистов, Энгельс в письмах к видным деятелям международного рабочего движения И. Ф. Беккеру и Ф. А. Зорге выражает свое удовлетворение значительными успехами этой борьбы, в ходе которой революционные идеи получают все более широкое распространение, а массы пролетариата приобретают большой революционный опыт.
Вторая половина февраля — начало марта	Энгельс в связи с подготовкой второго французского издания работы Маркса «Нищета философии» переводит на французский язык статью Маркса «О Прудоне (письмо И. Б. Швейцеру)», напечатанную в 1865 году;

перевод, просмотренный одним из лидеров французской Рабочей партии П. Лафаргом, был опубликован после смерти Энгельса во французском издании «Нищеты философии» 1896 года.

Около 20 февраля — Энгельс получает от Зорге письмо, содержащее некоторые данные о положении американских рабочих, а также сообщение о предстоящем переезде в США деятеля немецкого рабочего движения, философа-материалиста И. Дицгена.

Конец февраля — начало марта — Энгельс читает книгу Моргана «Древнее общество»; убедившись в том, что Морган на основе своих исследований общественного строя индейцев Северной Америки и ряда древних народов стихийно пришел к материалистическому пониманию истории, Энгельс находит в его работе новое фактическое подтверждение сложившихся у Маркса и у него самого взглядов на историю первобытного общества.

Энгельс отправляет французские книги из библиотеки Маркса П. Лафаргу и его жене, дочери Маркса Лауре в Париж.

Март — Энгельс ведет переговоры с гамбургским издателем О. Мейснером об издании II тома «Капитала».

Около 5 марта — Энгельс сообщает приват-доценту Венского университета Г. Гроссу по его просьбе некоторые факты из жизни Маркса для биографического очерка о Марксе во «Всеобщем немецком биографическом словаре».

6 марта — Энгельс пишет письмо Засулич, в котором, выражая свое удовлетворение ростом интереса к социалистической теории в России, приветствует намерение группы «Освобождение труда» издать работу Маркса «Нищета философии» на русском языке и обещает прислать свое предисловие к первому немецкому изданию этой работы, а также некоторые другие материалы. Одновременно Энгельс направляет ей копию обнаруженного им при разборе рукописного наследства Маркса письма в редакцию журнала «Отечественные Записки», написанного в 1877 г., но не отправленного адресату. Письмо Маркса в переводе Засулич публикуется в нелегальном журнале «Вестник Народной Воли» в 1886 году.

7 марта — Энгельс сообщает Зорге о состоянии социалистического движения в Англии и Франции, отмечает, что французская Рабочая партия во главе с Ж. Гедом и Лафаргом ведет активную работу в провинции и успешную пропаганду марксизма в Париже.

24 марта — Энгельс в письме к редактору газеты «Sozialdemokrat» Э. Бернштейну критикует ошибочное, игнорирующее классовую сущность проблемы, толкование понятия «демократия», допущенное в передовой статье этой

газеты за 20 марта; он указывает, что демократическая республика является самой последовательной формой господства буржуазии, и в то же время наличие в этой республике буржуазно-демократических свобод создает наиболее благоприятные условия для завоевания пролетариатом политической власти.

Конец марта — 26 мая Энгельс работает над своей книгой «Происхождение семьи, частной собственности и государства»; дает в ней марксистский анализ древней истории человеческого общества, возникновения антагонистических классов и классового господства, раскрывает зависимость смены различных форм семьи от развития производственных отношений, выявляет противоречия, присущие семье в классовом обществе, показывает классовую природу государства и историческую неизбежность его отмирания вместе с ликвидацией частной собственности, намечает контуры будущего социалистического общества. В ходе работы Энгельс использует конспект книги Моргана «Древнее общество», составленный Марксом, а также привлекает большое количество других материалов.

Между 2 и 15 апреля Энгельс получает от Поля и Лауры Лафаргов подробную информацию о происходящем в Рубе съезде французской Рабочей партии, расценивает его как серьезный успех рабочего движения во Франции.

11 апреля Узнав о большом впечатлении, которое произвела в Германии и других странах, особенно в России, его работа «Анти-Дюринг», Энгельс сообщает редактору «Sozialdemokrat» о своем решении подготовить второе издание.

Май Энгельс внимательно следит за деятельностью французской Рабочей партии; в письмах к Лафаргу в связи с итогами муниципальных выборов в Париже дает руководителям партии ряд советов по поводу их тактики в отношении отколовшейся от партии оппортунистической группировки поссибилистов, рекомендует выдвигать на выборах собственных кандидатов.

Начало мая Энгельс знакомится с текстами лекций Лафарга о материалистическом понимании истории и Девиля о «Капитале» Маркса, которые читались в Париже для рабочей аудитории с целью пропаганды марксизма, и дает этим лекциям положительную оценку.

22 мая Энгельс заканчивает работу над первыми восемью главами работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и отсылает рукопись для издания в Цюрих; в сопроводительном письме он подчеркивает невозможность легального опубликования ее в Германии, ввиду того что в ней дана резкая критика современного буржуазного общества и сделан вывод о неизбежности его гибели.

Ранее 23 мая Энгельса посещает один из руководителей германской социал-демократической партии П. Зингер; в беседе с ним Энгельс рекомендует немецким социал-демократам проводить во время предстоящих в октябре выборов в рейхстаг гибкую тактику, не отказываясь от временных соглашений с другими оппозиционными партиями, если это не связано с принципиальными уступками и может способствовать увеличению числа социал-демократических депутатов.

26 мая Энгельс завершает работу над своей книгой «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

29 мая — 4 июня Энгельс гостит у немецкого публициста-демократа, активного участника баденского восстания 1849 г. С. Боркхейма в Гастингсе (южное побережье Англии).

Июнь Энгельс работает над подготовкой нового издания работы Маркса «Наемный труд и капитал», просматривает ее текст и пишет краткое вводное замечание. Брошюра выходит из печати в октябре в Цюрихе.

5—6 июня В связи с дальнейшей активизацией оппортунистов В. Блоса, Б. Гейзера и др. в германской социал-демократической партии, в частности во фракции рейхстага, Энгельс в письмах к Бебелю и другим руководящим деятелям партии требует непримиримой борьбы с оппортунистическими элементами и прежде всего решительного отпора их посягательствам и нападкам на партийный орган «Sozialdemokrat». Указывая, что в конечном счете полный разрыв с оппортунистами неизбежен, Энгельс рекомендует руководству партии по мере возможности оттягивать раскол, добиваясь постепенной изоляции оппортунистов и удаления их из партии.

Между 21 и 26 июня Энгельс читает рукопись критической статьи немецкого социал-демократа К. Каутского ««Капитал» Родбертуса» и сообщает ему свои замечания, рекомендуя, в частности, подчеркнуть близость экономических взглядов прусского экономиста, идеолога обуржуазившегося юнкерства К. Родбертуса с воззрениями французского мелкобуржуазного социолога П. Ж. Прудона.

26 июня Энгельс пишет русской эмигрантке Е. Паприц письмо, в котором дает высокую оценку Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Добролюбову и всей исторической и критической школе в русской литературе, отмечая, что труды представителей этой школы по своему, научному уровню значительно превосходят произведения официальной исторической науки в Германии и Франции.

16 июля Энгельса посещает русский революционер-народник С. М. Степняк-Кравчинский.

Конец июля — 3 октября	Энгельс работает над корректурой своей книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства».
Между 1 и 11 августа	По просьбе Лафарга Энгельс читает только что вышедшую в Париже книгу французского буржуазного экономиста Леруа-Больё «Коллективизм, критическая проверка нового социализма», в которой делается попытка «опровержения» экономического учения Маркса; знакомится с рукописью статьи Лафарга, посвященной критике этой книги и направляет ему свои замечания по поводу статьи. После изменений, внесенных Лафаргом по совету Энгельса, статья печатается в журнале «Journal des economistes» («Экономический журнал») в 1884 году.
Начало августа	Энгельс получает от И. Ф. Беккера письмо с сообщением о состоянии рабочего движения в Швейцарии, о падении там влияния анархистов.
Около 5 августа— 1 сентября	Энгельс отдыхает в Уэртинге (южное побережье Англии).
Между 13	Энгельс отвечает согласием на просьбу представителя *и 20 августа* находящейся в Женеве польской эмигрантской социал-демократической группы «Классовая борьба» Марии Янковской-Мендельсон (С. Леонович) разрешить ей перевести на польский язык «Происхождение семьи, частной собственности и государства».
Сентябрь	Энгельс читает несколько номеров немецкого социал-демократического журнала «Die Neue Welt» («Новый мир») и отмечает примитивизм и вульгаризаторский характер напечатанных в нем философских и исторических статей оппортунистов Б. Гейзера и В. Блоса. В теоретическом журнале германской социал-демократии «Die Neue Zeit» («Новое время») печатается редакционная статья «Новая книга Фридриха Энгельса», посвященная находящейся в печати работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»; в статье приводятся выдержки из предисловия к этой книге.
Первая половина Сентября	Энгельс читает книгу американского социал-реформиста Л. Грёнлунда «Кооперативное государство» и высказывает резкие критические суждения о ней.
Середина сентября	Энгельс знакомится с рукописью статьи немецкого социал-демократа, оппортуниста К. Шрамма «Каутский и Родбертус», в которой делается попытка защитить провозвестника «социальной миссии» прусского государства Родбертуса от критики со стороны марксистов, а также с рукописью ответной статьи Каутского Шрамму; Энгельс высказывает критические замечания

по поводу статьи Каутского, настоятельно рекомендуя заострить и усилить ответ Шрамму.

Октябрь Энгельс, в связи с приближающимися выборами в германский рейхстаг, продолжает внимательно следить за внутриполитической обстановкой и предвыборной деятельностью социал-демократической партии, поддерживая постоянный контакт с ее руководителями Бебелем, Либкнехтом и др.; в письмах к ним он подчеркивает, что успех социал-демократии на выборах будет иметь большое значение для всего международного рабочего движения и отмечает, что в создавшихся условиях в состав будущей фракции рейхстага неизбежно войдут оппортунисты, с которыми придется вести решительную борьбу.

2 октября В связи с избирательной кампанией по выборам в рейхстаг в газете «Sozialdemokrat» печатается отрывок из работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в котором разъясняется, что пролетариат должен использовать всеобщее избирательное право в интересах развертывания революционной борьбы.

Около 3 октября В Цюрихе выходит из печати работа Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

11—14 октября Энгельс посылает экземпляры своей книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Бебелю, И. Ф. Беккеру, Лаврову и другим деятелям социалистического движения.

15 октября В письме И. Ф. Беккеру Энгельс дает высокую оценку деятельности Бебеля как руководителя германской социал-демократии, стойкого пролетарского революционера и выдающегося оратора.

23 октября Энгельс заканчивает предисловие к первому немецкому изданию книги К. Маркса «Нищета философии»; в этом предисловии он резко критикует вульгарно-утопические взгляды Родбертуса и опровергает лживые вымыслы о том, что последний якобы предвосхитил основные открытия Маркса в области политической экономии. Предисловие под названием «Маркс и Родбертус» печатается в январе 1885 г. в журнале «Neue Zeit», а затем в книге, которая выходит в Штутгарте в январе 1885 года.

28—29 октября Энгельс сообщает ряду деятелей английского и французского социалистического движения об успехах германских социал-демократов на только что состоявшихся выборах в рейхстаг; в письме к Бебелю он выражает уверенность в том, что это событие послужит толчком к новому подъему рабочего движения во Франции, Англии, США и других странах.

Около 30 октября— 30 декабря

Энгельс ведет по поводу перевода на итальянский язык своей книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» переписку с Мартиньетти, который сообщает ему, что достигнута договоренность о печатании книги в Италии.

8—18 ноября

Продолжая анализировать результаты выборов в германский рейхстаг, Энгельс в письмах к Бебелю и другим деятелям германской социал-демократической партии характеризует успех этой партии на выборах как свидетельство того, что она, несмотря на исключительный закон против социалистов, сумела благодаря революционной тактике значительно укрепить свои позиции среди рабочих и завоевать ряд новых округов; Энгельс рекомендует социал-демократической фракции разоблачать с трибуны рейхстага действия правительства и господствующих классов, систематически внося законопроекты в интересах рабочего класса; в связи с наличием в составе вновь избранной фракции оппортунистических элементов он предостерегает Бебеля от опасности каких-либо принципиальных уступок правящим классам.

12 ноября

Энгельс начинает работу над окончательной редакцией третьего отдела II тома «Капитала», содержащего анализ воспроизводства и обращения всего общественного капитала.

Конец ноября — декабрь

Энгельс энергично поддерживает борьбу революционных элементов внутри Социал-демократической федерации против ее оппортунистического руководства во главе с Гайндманом, неоднократно встречается по этому поводу с дочерью Маркса Элеонорой, Эвелингом, Баксом, английским социалистом поэтом У. Моррисом, рабочим социалистом Д. Магоном; он одобряет выход в конце декабря из состава федерации — в знак протеста против политики Гайндмана и его сторонников — большинства ее членов, возглавляемого Эвелингом, Баксом, Моррисом и др., и создание ими новой организации — Социалистической лиги.

11—20 декабря

В связи с решением оппортунистического большинства социал-демократической фракции германского рейхстага не выступать против правительственного законопроекта о государственных субсидиях пароходным компаниям, Энгельс в беседах с Зингером и в письмах к Бебелю и Либкнехту резко осуждает эту позицию, рассматривая ее как фактическую поддержку колониальной политики правящих классов Германии. Энгельс предлагает фракции следующую тактику: обусловить голосование за этот проект совершенно неприемлемыми для правительства требованиями, отклонение которых разоблачило бы антинародную сущность его политики; одним из таких требований он считает, в частности, выдвижение законопроекта о передаче

государственных имений в аренду кооперативным товариществам сельскохозяйственных рабочих и оказании им финансовой помощи со стороны государства. Энгельс разъясняет, что выдвижение такого требования в виде законопроекта имело бы большое пропагандистское значение для привлечения на сторону социал-демократии сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян.

Конец 1884 Энгельс работает над задуманным им новым изданием своей книги «Крестьянская война в Германии», в котором он намеревается показать Крестьянскую войну XVI в. как кульминационный момент первой буржуазной революции в Германии и поворотный пункт в истории страны; он составляет набросок плана задуманной им новой вводной части книги и пишет начало этого введения, оставшегося незаконченным. Другие неотложные дела вынуждают Энгельса прекратить эту работу.

1885

Январь — 4 февраля Энгельс редактирует часть перевода на английский язык своей работы «Положение рабочего класса в Англии», сделанного американской социалисткой Келли-Вишневецкой для издания этой книги в США.

Январь Энгельс готовит к печати второе немецкое издание своей книги «Анти-Дюринг».

25 января Энгельс пишет статью «Императорские русские действительные тайные динамитные советники», в которой разоблачает интриги царского правительства, добивающегося от английских правящих кругов выдачи русских политических эмигрантов; статья публикуется в газете «Sozialdemokrat» 29 января. Эту же тему он освещает в письме к П. Лафаргу; отрывки из этого письма печатаются 31 января в виде выдержек в написанной Гедом передовой статье французской социалистической газеты «Le Cri du peuple» («Клич народа»).

Февраль — начало июня Энгельс работает над корректурой II тома «Капитала».

4 февраля Энгельс в письме к В. Либкнехту критикует примиренческое отношение последнего к оппортунистическим элементам в германской социал-демократии.

Середина февраля Энгельс, в связи с задуманным им предисловием к американскому изданию его книги «Положение рабочего класса в Англии», пишет статью «Англия в 1845 и 1885 годах», в которой характеризует изменения, происшедшие в экономике страны и положении английского пролетариата за сорок лет. Статья публикуется

в английском социалистическом журнале «The Commonweal» («Общее благо») № 2, март и в переводе автора на немецкий язык в журнале «Neue Zeit» № 6.

11 февраля Энгельс отвечает согласием на просьбу одного из русских переводчиков I тома «Капитала», экономиста-народника Н. Ф. Даниельсона, посылать ему для перевода корректурные листы немецкого издания II тома «Капитала» в целях ускорения издания этого тома на русском языке.

23 февраля Энгельс заканчивает работу над последней частью рукописи II тома «Капитала» и отсылает ее в издательство.

Конец февраля Энгельс начинает подготовку к печати рукописи III тома «Капитала», эта работа продолжается около десяти лет. За это время Энгельс производит расшифровку рукописи, определяет на основе сохранившихся пометок Маркса план и структуру книги, соответственно перегруппировывая материал, дорабатывает некоторые отделы и главы, имевшиеся лишь в виде набросков, пишет заново отдельные части, намеченные, но не написанные Марксом, а также ряд дополнений на основании своих собственных исследований некоторых новых явлений в экономике капитализма последней четверти XIX века; он вносит в текст большое число уточнений и поправок, пишет предисловие и послесловие, проводит общую редакцию окончательного текста.

Начало марта В связи с напечатанным в газете «Sozialdemokrat» письмом немецкого социал-демократа К. Фаренхольца, пытавшегося исказить подлинные причины раскола в Социал-демократической федерации и взять под защиту оппортунистическую и сектантскую линию Гайндмана, Энгельс рекомендует Эвелингу выступить с ответом на это письмо, и помогает ему составить этот ответ, который печатается в «Sozialdemokrat» № 13, 26 марта.

Апрель — июнь Энгельс редактирует итальянский перевод своей книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства», сделанный Мартиньетти.

Энгельс с возмущением следит за попытками оппортунистов из социал-демократической фракции германского рейхстага, выступивших с протестом по поводу критики газетой «Sozialdemokrat» их позиции в вопросе о субсидиях пароходным компаниям, подчинить себе редакцию этого органа. В письмах к руководителям германской социал-демократии и в личных беседах с некоторыми из них он настоятельно рекомендует сохранить самостоятельность редакции по отношению к фракции, чтобы обеспечить дальнейшую борьбу с оппортунистами и проведение последовательной революционной линии.

Апрель — Энгельс читает на русском языке книгу русского марксиста, руководителя группы «Освобождение труда» Г. В. Плеханова «Наши разногласия», присланную ему Засулич.

23 апреля — Энгельс в письме к Засулич высказывает свое глубокое удовлетворение по поводу появления в России сторонников теории Маркса, характеризуя этот факт как огромный прогресс, который будет иметь великое значение для дальнейшего развития революционного движения; одновременно он отмечает нарастание элементов революционного кризиса в стране и неизбежность наступления подлинно народной революции.

Май — ноябрь — Энгельс работает над корректурой второго немецкого издания своей работы «Анти-Дюринг».

5 мая — Энгельс завершает работу над предисловием ко II тому «Капитала», приурочив это ко дню рождения Маркса; в этом предисловии он разоблачает клевету немецких буржуазных катедер-социалистов, пытавшихся обвинить Маркса в плагиате у Родбертуса, и показывает научную несостоятельность взглядов последнего.

15 мая — Энгельс в письме к редактору газеты «Sozialdemokrat» рекомендует уделять главное внимание защите теории марксизма от искажений и нападок со стороны оппортунистов и отстаиванию последовательно революционной линии партии во всех практических вопросах.

Конец мая — июнь — Энгельс работает над корректурой третьего немецкого издания произведения Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»; издание выходит в 1885 г. со специально написанным для него предисловием Энгельса.

Около 13 июня — Считая важной задачей правильное освещение вопроса о философских источниках марксизма и разоблачение попыток противопоставления ему немецкой классической философии, Энгельс обещает редакции «Neue Zeit» написать статью о философии Л. Фейербаха; это обещание было реализовано позднее в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

16 июня — Энгельс извещает руководителя германского социал-демократического издательства в Цюрихе Г. Шлютера о своем согласии на издание отдельными брошюрами работ Маркса и других материалов, относящихся к процессам редакторов «Neue Rheinische Zeitung» и Рейнского окружного комитета демократов в 1849 г., а также к кёльнскому процессу членов Союза коммунистов в 1852 г., и обещает написать предисловия к этим брошюрам.

Июль — середина сентября — Энгельс редактирует перевод на французский язык работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бона-

парта», сделанный французским социалистом Э. Фортеном, а также ведет переписку с последним относительно возможности опубликования этого перевода во французской социалистической газете «Le Socialiste» («Социалист»); эта публикация, а также отдельное французское издание работы были осуществлены лишь в 1891 году.

1 июля — Энгельс пишет предисловие к брошюре «Карл Маркс перед судом присяжных в Кёльне», содержащей речи Маркса и других обвиняемых на процессе Рейнского окружного комитета демократов в 1849 году; предисловие публикуется полностью в брошюре, которая выходит в Цюрихе в начале октября, а в сокращенном виде — в газете «Sozialdemokrat» 15 октября.

Начало июля (не позднее 10) — Выходит из печати II том «Капитала».

Вторая половина июля — Энгельс заканчивает расшифровку рукописи III тома «Капитала».

14 августа — 14 сентября — Энгельс отдыхает на острове Джерси, читает корректуру второго издания своей работы «Анти-Дюринг».

Около 21 августа — Энгельс получает от Даниельсона сообщение о завершении перевода II тома «Капитала» на русский язык, а также о том, что из цензурных соображений в тексте его предисловия пришлось сделать некоторые сокращения.

25 августа — Энгельс, по предложению Даниельсона, обращается в редакцию русского легального журнала народнического направления «Северный вестник» с предложением напечатать письмо Маркса в редакцию журнала «Отечественные записки». Письмо Маркса было напечатано в октябре 1888 г. в другом легальном печатном органе — журнале «Юридический вестник».

23 сентября — Энгельс завершает работу над предисловием ко второму немецкому изданию своей работы «Анти-Дюринг», в котором подчеркивает необходимость применения диалектического метода в естествознании и отмечает, что новейшие успехи естественных наук подтверждают эту необходимость.

Октябрь — Энгельс пишет статью «Как не следует переводить Маркса», в которой резко критикует напечатанный в английском социалистическом журнале «To-day» («Сегодня») за октябрь 1885 г. перевод части первой главы I тома «Капитала», сделанный Гайндманом, выступавшим под псевдонимом Джон Бродхаус; статья печатается в журнале «Commonweal» в ноябре.

8 октября	Энгельс заканчивает работу над очерком истории Союза коммунистов для опубликования его в виде введения к третьему немецкому изданию брошюры К. Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». Очерк под названием «К истории Союза коммунистов» печатается в газете «Sozialdemokrat» 12, 19 и 26 ноября и в третьем издании брошюры, которое выходит в октябре в Цюрихе.
8 и 12 октября	Энгельс в письмах к редактору «Sozialdemokrat» и к Лафаргу анализирует политическое положение во Франции после состоявшегося 4 октября первого тура выборов в палату депутатов, в ходе которых стоявшая у власти партия умеренных республиканцев потерпела крупное поражение. Энгельс отмечает, что результаты выборов делают вероятным приход к власти партии радикалов, что создаст благоприятную обстановку для деятельности социалистов. Отрывки из первого письма (без указания имени автора) публикуются 15 октября в передовой статье газеты «Sozialdemokrat», а часть второго — под заголовком «Создавшаяся обстановка»—17 октября в газете «Socialiste».
Между 10 октября и 24 ноября	Энгельс пишет статью «К истории прусского крестьянства», в которой дает краткий исторический очерк положения крестьян в Пруссии, начиная со средних веков и до 60-х годов XIX века. Статья печатается в виде второго раздела введения к переиздаваемой по инициативе Энгельса брошюре немецкого пролетарского революционера В. Вольфа «Силезский миллиард», которая выходит в свет в Цюрихе в апреле 1886 года.
Середина октября	В связи с начавшейся в августе публикацией в газете «Socialiste» «Манифеста Коммунистической партии», переведенного на французский язык Лаурой Лафарг, Энгельс в ряде писем сообщает ей свои замечания о качестве перевода и предлагает в дальнейшем внести некоторые изменения.
Вторая половина октября—декабрь	Энгельс, в связи с обострением международной обстановки в Европе, вызванной войной между Сербией и Болгарией и ростом противоречий в болгарском вопросе между европейскими державами, изучает экономическое и финансовое положение России и приходит к выводу, что Бисмарк, способствуя получению царским правительством займов у германских банкиров, играет провокационную роль в развязывании военного конфликта на Балканах и в то же время стремится поддержать царизм в его борьбе с революционным движением. Некоторые материалы по этому вопросу он посылает Либкнехту, который использует их в своей речи в рейхстаге.
21 октября	Энгельс пишет в редакцию газеты «Socialiste» письмо, в котором уточняет некоторые положения помещенного

в этой газете от 17 октября отрывка из его письма Лафаргу под заголовком «Создавшаяся обстановка». Письмо под заголовком «Редакционному комитету «Socialiste»» публикуется в этой газете 31 октября.

28 октября В письме к Бебелю Энгельс, анализируя экономическое положение и состояние рабочего движения в Англии, отмечает, что старые тред-юнионы, объединяющие квалифицированных рабочих, играют по существу реакционную роль; одновременно он резко критикует руководство Социал-демократической федерации за сектантскую позицию и оторванность от масс рабочих. Касаясь положения во Франции, Энгельс указывает на недостаточную теоретическую зрелость французских социалистов; он выражает уверенность в том, что французские рабочие включатся в социалистическое движение, по мере того как буржуазные партии обнаружат свою несостоятельность.

Ноябрь — начало декабря Энгельс читает книгу немецкого буржуазного публициста Г. Адлера «История первого социально-политического рабочего движения в Германии», в которой фальсифицируется история Союза коммунистов и искажается деятельность Маркса; он делает на полях книги критические заметки и дает Каутскому ряд указаний в связи с написанием последним критической рецензии на эту книгу. Рецензия, написанная по этим указаниям Энгельса, публикуется в журнале «Neue Zeit» в феврале 1886 года.

14 ноября По просьбе Лафарга, готовящего краткий биографический очерк об Энгельсе для газеты «Socialiste», Энгельс сообщает ему некоторые подробности майского восстания 1849 года в Западной и Южной Германии; статья, написанная на основании этих данных, публикуется в газете «Socialiste» 21 ноября в качестве второго раздела биографии Энгельса, под заголовком «Майское восстание 1849 года», без подписи.

13 ноября В письме к Даниельсону Энгельс благодарит его за присланные им выписки из писем Маркса; сообщает о своем намерении в дальнейшем издать избранные письма Маркса.

17 ноября В письме к Бебелю Энгельс, анализируя международную обстановку в Европе, отмечает угрозу возникновения европейской войны; подчеркивая обязанность социалистов бороться против милитаристских планов господствующих классов, он указывает, что если бы последним все же удалось развязать такую войну, она ускорила бы крах капиталистического строя.

26 ноября В письме к немецкой писательнице М. Каутской Энгельс указывает, что социалистическая литература, реалистически и правдиво изображая действительные

отношения в буржуазном обществе, должна тем самым вскрывать подлинную природу этих отношений и не только показывать несправедливость капитализма, но и вселять уверенность в неизбежности замены его социалистическим строем.

Около 2 декабря В Цюрихе выходит второе издание книги Энгельса «Анти-Дюринг».

7 декабря В письме к редактору «Sozialdemokrat» Энгельс сообщает о ставших известными и вызвавших возмущение руководителей местных организаций английской Социал-демократической федерации фактах тайного получения Гайндманом денег от консервативной партии для использования в ноябрьской кампании по выборам в парламент; Энгельс подчеркивает недопустимость таких действий Гайндмана. Письмо Энгельса и присланные им по этому вопросу материалы используются редакцией в заметке, помещенной 17 декабря в «Sozialdemokrat». Эти же сведения Энгельс сообщает в письме к Лафаргу от того же числа.

1886

Январь Энгельс получает от Даниельсона заметки об экономическом положении России.

Энгельс по просьбе Либкнехта дает ему некоторые советы относительно его публицистической деятельности и выступлений в рейхстаге, отмечая необходимость продолжать борьбу против оппортунистических элементов.

Между 7 января — 25 февраля Энгельс редактирует перевод на английский язык своей книги «Положение рабочего класса в Англии» для американского издания и пишет к этому изданию послесловие, в котором дает общую характеристику положения пролетариата в Англии и США; послесловие печатается в книге в виде приложения, в состав которого Энгельс включает также свою статью «Англия в 1845 и 1885 годах». Книга выходит в свет в Нью-Йорке в мае 1887 года.

Не позднее 20 января Энгельс знакомится с брошюрой оппортуниста Шрамма «Родбертус, Маркс, Лассаль» и сообщает свои критические замечания по поводу этой брошюры редактору газеты «Sozialdemokrat»; замечания используются в направленной против Шрамма и других идеологов «государственного социализма» и апологетов Родбертуса и Лассаля серии редакционных статей «Моральный критик и его критическая мораль», опубликованных в «Sozialdemokrat» 21 и 28 января, 5 и 12 февраля.

20—23 января Энгельс в письме к Бебелю вновь подчеркивает огромное значение вовлечения трудящегося крестьянства

Германии в революционную борьбу в качестве союзника рабочего класса; указывает, что требование создания кооперативных товариществ мелких крестьян и сельскохозяйственных рабочих при сохранении государственной собственности на средства производства и землю может быть осуществлено только социал-демократией и должно явиться обязательным этапом при переходе к коммунистическому хозяйству. В этом же письме он советует Бебелю вместе с Либкнехтом принять участие в агитационной поездке по США, организуемой социал-демократической партией Германии; Энгельс рассматривает эту поездку как одно из средств укрепления международных пролетарских связей и распространения социалистических идей.

Конец января

Энгельс получает от Мура и Эвелинга полный текст рукописи сделанного ими английского перевода I тома «Капитала».

Энгельс получает от Даниельсона только что вышедшее в свет русское издание II тома «Капитала».

4 февраля

Энгельс сообщает голландскому социалисту Ф. Д. Ньювенгейсу свой положительный отзыв о его книге «Как правят нашей страной»; в связи с этим он отмечает как одну, из особенностей исторического развития Голландии отсутствие в ней развитого бюрократического аппарата управления; в этом же письме Энгельс дает Ньювенгейсу некоторые разъяснения для перевода книги «Развитие социализма от утопии к науке» на голландский язык.

Между 8 и 15 февраля

В связи с провокационными выступлениями деклассированных элементов в Лондоне 8 февраля во время митинга безработных, проводившегося при участии Социал-демократической федерации, Энгельс в письмах к Зорге, Бебелю и др. резко критикует действия ее руководства, в частности Гайндмана, фактически поощрявшего эти элементы.

Середина февраля

Отмечая большое значение нового подъема рабочего движения во Франции, показателем которого явилась стачка горняков в Деказвиле, Энгельс приветствует действия трех французских рабочих — депутатов парламента Э. Басли, 3. Камелина и А. Буайе, которые энергично выступили в защиту стачечников, порвали с фракцией буржуазных радикалов и фактически положили начало существованию в парламенте самостоятельной рабочей фракции; Энгельс рассматривает это событие как серьезный успех революционных социалистов, означающий, что французские рабочие начали освобождаться от влияния радикалов.

25 февраля — 5 августа

Энгельс редактирует рукопись английского перевода I тома «Капитала», используя при этом, в частности письменные указания Маркса, сделанные в 1877 г.

в связи с первой попыткой такого перевода, предпринятой в США.

Середина марта Энгельс в письмах к Лафаргам советует французским марксистам продолжать свою борьбу за сплочение революционных сил пролетариата, добиваясь изоляции оппортунистической группы поссибилистов и разоблачая их действия, мешающие единству рабочего класса; он одобряет поведение рабочих депутатов, которым удалось своими решительными выступлениями в защиту бастующих горняков в Деказвиле заставить парламент принять резолюцию, призывающую правительство учитывать интересы труда; считая этот факт крупной победой рабочего движения, Энгельс посылает тексты речей депутатов Бебелю.

15 марта Энгельс пишет французским социалистам письмо, в котором выражает свою солидарность с ними в связи с 15-летней годовщиной Парижской Коммуны. Письмо публикуется в «Socialiste» 27 марта.

Конец марта Энгельс благодарит Засулич за присылку ему изданной в ее переводе на русский язык работы К. Маркса «Нищета философии».

Апрель — июль Энгельс болен.

Апрель — май В журнале «Neue Zeit» печатается работа Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», в которой раскрывается отношение марксизма к его философским предшественникам и рассматриваются основные проблемы диалектического и исторического материализма.

Первая половина апреля В связи с тем, что Бисмарк в своей речи в рейхстаге 31 марта пытался представить покушавшегося на него в 1866 г. Ф. Блинда учеником Маркса, Энгельс настаивает на том, чтобы Л. Лафарг и Э. Маркс-Эвелинг выступили по этому поводу с опровержением; заявление дочерей Маркса публикуется в газетах «Sozialdemokrat» 15 апреля и «Socialiste» 24 апреля.

Начало апреля Энгельс, ознакомившись с ходом обсуждения в германском рейхстаге вопроса о продлении исключительного закона против социалистов, одобряет выступления Бебеля и Либкнехта с резкой отповедью правительству и реакционным депутатам; он отмечает, что на деятельность германской социал-демократии оказывает революционизирующее влияние борьба рабочего класса других стран, в частности, стачка французских горняков в Деказвиле и действия рабочих депутатов во французском парламенте.

Середина апреля Энгельс принимает корреспондента газеты демократической партии в Сент-Луисе (США) Мак-Энниса и беседует с ним по вопросам рабочего законодательства; в связи

с тем, что в опубликованной в начале июля в газете «Missouri Republican» («Миссурийский республиканец») заметке об этой беседе высказывания Энгельса передаются в искаженном виде, письмо Энгельса с протестом против этих искажений печатается в социалистической газете «New Yorker Volkszeitung» («Нью-йоркская народная газета») 8 июля.

Конец апреля — сентябрь Энгельс внимательно следит за развертыванием массовой борьбы за восьмичасовой рабочий день в США, первомайскими забастовками, демонстрациями и митингами рабочих в Чикаго, Филадельфии, Бостоне, Нью-Йорке и других городах; в письмах к Зорге, Бебелю и другим видным социалистам он подчеркивает большое международное значение этих выступлений пролетариата США; Энгельс отмечает, что недостатки и слабости американского рабочего движения — большое влияние анархистов, отсутствие определенной программы и четко сформулированных целей, слабое распространение идей научного социализма — неизбежны для начальной стадии движения и в ходе дальнейшей борьбы будут преодолены.

29 апреля и 12 мая В письмах к Зорге и Либкнехту Энгельс, характеризуя состояние социалистического движения в Англии, отмечает, что отколовшаяся от Социал-демократической федерации Социалистическая лига не сумела стать массовой рабочей партией, а ее руководители Моррис и Бакс оказались в значительной мере под влиянием анархистов.

Начало мая Энгельс, в связи с тем, что на муниципальных выборах в Париже 2 мая социалистический кандидат получил значительное число голосов, в письмах к Лафаргу и Либкнехту расценивает этот факт как серьезную победу, свидетельствующую о все большем освобождении рабочих от влияния буржуазного радикализма. Энгельс посылает Мартиньетти журнал «Neue Zeit» со своей работой «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и брошюру Вольфа «Силезский миллиард» со своим введением.

15 мая Заметка Энгельса о расстреле рабочих во время забастовки на стекольном заводе в Лионе печатается в журнале «Commonweal».

22 мая Энгельс договаривается с лондонским издательством Суон, Зонненшайн, Лаури и К° об издании английского перевода I тома «Капитала».

Конец мая — 3 июня Энгельс читает корректуру американского издания своей работы «Положение рабочего класса в Англии».

Около 25 июня — 7 июля Энгельс находится на лечении в Истборне, где его посещает его друг, известный немецкий ученый-химик, социал-демократ К. Шорлеммер.

Август—ноябрь — Энгельс работает над корректурой английского издания I тома «Капитала».

7 августа — 4 сентября — Энгельс отдыхает в Истборне, где у него в течение нескольких дней гостит Либкнехт.

Вторая половина августа — октябрь — В связи с обострением противоречий между европейскими державами в результате усиления соперничества царской России и Австро-Венгрии на Балканах, роста реваншизма во Франции и агрессивных стремлений правящих кругов Германии, а также захватнической политики Англии на Ближнем и Среднем Востоке, Энгельс внимательно изучает международную обстановку в Европе. Отмечая реальность угрозы возникновения общеевропейской войны, он приходит к выводу, что такая война, вызвав рост шовинизма и национализма, нанесла бы тяжелый удар международному рабочему движению, но в то же время неизбежно ускорила бы созревание революционного кризиса во Франции, а также и в других странах Европы, особенно, в России.

18 августа — Энгельс в письме к Бебелю информирует его о состоянии социалистического движения в Англии, отмечает, что Социал-демократическая федерация и другие социалистические организации продолжают оставаться оторванными от масс, а Социалистическая лига, часть руководителей которой попала под влияние анархистов, переживает внутренний кризис. Энгельс подчеркивает также, что обострение классовой борьбы в США и Франции подтверждает положение Маркса о том, что демократическая республика является той формой буржуазного государства, в рамках которой происходит решающее сражение между пролетариатом и буржуазией.

В связи с осуждением Бебеля и ряда других активных деятелей германской социал-демократии саксонским судом во Фрейберге к тюремному заключению за участие в Копенгагенском съезде партии и распространение запрещенной германскими властями газеты «Sozialdemokrat», Энгельс в том же письме рассматривает этот приговор, наряду с другими актами полицейского террора, как свидетельство бессилия германского правительства перед лицом роста рабочего движения.

20 августа — Энгельс сообщает Шлютеру о своем согласии на новое издание серии своих статей «К жилищному вопросу», а также рекомендует переиздать брошюру, умершего в декабре 1885 г. Боркхейма «На память ура-патриотам 1806—1807 годов», обещая написать биографию Боркхейма в качестве введения к этой брошюре.

29 августа — Энгельс приезжает на один день из Истборна в Лондон, чтобы встретить Либкнехта, направляющегося из Германии в США.

Энгельс встречается в Лондоне с ветераном чартистского движения Дж. Гарни.

Между 5 и 13 сентября	Энгельса неоднократно посещают руководители Социалистической лиги Бакс и Моррис, с которыми он беседует о положении внутри Лиги.
Приблизительно между 5 и 11 сентября	Энгельс читает рукопись книги Каутского «Экономическое учение К. Маркса» и делает свои замечания.
17 сентября — около 27 сентября	У Энгельса гостит И. Ф. Беккер.
2 октября	В связи с тем, что суд присяжных в Париже оправдал Лафарга и Геда, привлеченных к судебной ответственности за публичное разоблачение связей между правительством и крупными банками, Энгельс в письме к Лауре Лафарг характеризует этот факт как свидетельство того, что организованный пролетариат может использовать противоречия между различными фракциями буржуазии; в то же время Энгельс предостерегает французских социалистов от опасности переоценки этих противоречий и подчеркивает неизбежность колебаний и политической неустойчивости мелкой буржуазии.
8 и 9 октября	Энгельс предлагает Бебелю и другим деятелям германской социал-демократии перевести И. Ф. Беккера на материальное обеспечение партии, дав ему тем самым возможность написать воспоминания, имеющие значительный интерес для истории революционного движения в Германии.
23 октября	В письме к Бебелю Энгельс отмечает целесообразность— в условиях полицейского режима — решения социал-демократической фракции германского рейхстага о том, что газета «Sozialdemokrat» перестает именоваться официальным органом партии; Энгельс указывает, что этот шаг не только облегчит фракции ее легальную деятельность, но и создаст более благоприятную обстановку для борьбы газеты против оппортунизма.
25 октября	Энгельс пишет обзор международного положения в Европе, в котором дает анализ обострения противоречий между крупными державами, в особенности между Россией и Австро-Венгрией, а также между Германией и Францией и отмечает растущую угрозу общеевропейской войны; Энгельс указывает, что правящие классы этих держав видят в войне одно из средств подавления революционного движения и сохранения реакционных режимов, и выдвигает перед социалистами задачу решительной борьбы против угрозы войны. Этот обзор, направленный Энгельсом Лафаргу, публикуется с небольшими сокращениями и редакционными изменениями в газете «Socialiste» 6 ноября в виде статьи под заголовком «Политическое положение в Европе».

Ноябрь — начало декабря

Энгельс работает над статьей «Юридический социализм», посвященной критике книги австрийского буржуазного юриста А. Менгера «Право на полный трудовой доход в историческом освещении», которая изобилует выпадами против Маркса и его учения. В связи с плохим состоянием здоровья Энгельс был вынужден прекратить работу, и статья была закончена Каутским. Статья публикуется в журнале «Neue Zeit» в феврале 1887 г. без подписи.

5 ноября

Энгельс заканчивает предисловие к английскому изданию I тома «Капитала».

Вторая половина ноября

Энгельс продолжает внимательно следить за положением в английском рабочем движении; в ряде писем к видным социалистам других стран он отмечает рост недовольства среди рабочих масс, особенно среди безработных; высказывает мнение, что Социал-демократическая федерация, в составе которой имеются и здоровые пролетарские элементы, имеет шансы, вопреки оппортунистическому руководству, поднять свой авторитет среди рабочих, в то время как Социалистическая лига все более становится сектантской организацией, оторванной от практической борьбы; Энгельс подчеркивает необходимость проводить различие между руководством Социал-демократической федерации и рядовыми ее сторонниками.

Конец ноября — декабрь

В письмах к Зорге и другим социалистам Энгельс анализирует новые факты в развитии американского рабочего движения — значительный рост числа членов ордена «Рыцари труда», создание в Нью-Йорке Объединенной рабочей партии, успехи рабочих кандидатов на выборах в отдельных штатах; он отмечает, что в условиях мощного подъема борьбы рабочего класса и отсутствия у наиболее массовой рабочей организации, ордена «Рыцари труда», теоретически обоснованной социалистической программы, особое значение приобретает распространение в США теории научного социализма. В то же время Энгельс подвергает суровой критике догматизм и сектантство Социалистической рабочей партии Северной Америки, состоящей в основном из немецких эмигрантов и не связанной с практической борьбой американского рабочего класса; он подчеркивает, что задача социалистов в США состоит в том, чтобы, не отгораживаясь от массового движения в существующих формах, добиваться создания общенациональной политической партии американского пролетариата.

Приблизительно декабрь 1886— март 1887

Энгельс читает присланную ему ранее рукопись брошюры Шлютера «Чартистское движение в Англии», составляет хронологию чартистского движения, вносит в текст брошюры изменения и дополнения. Брошюра, без указания имени автора, выходит в Цюрихе в начале октября 1887 года.

5—10 декабря — У Энгельса проездом из США гостит Либкнехт с женой.

6 декабря — Энгельса посещает Зингер.

9 декабря — В связи со смертью Беккера Энгельс пишет статью, посвященную памяти этого видного немецкого пролетарского революционера. Статья под заголовком «Иоганн Филипп Беккер» публикуется в газете «Sozialdemokrat» № 51, 17 декабря и перепечатывается с некоторыми сокращениями в центральном органе Социалистической рабочей партии Северной Америки нью-йоркской газете «Der Sozialist» («Социалист») 1 и 8 января 1887 года.

Приблизительно 23 декабря 1886— середина января 1887 — У Энгельса в Лондоне гостят Поль и Лаура Лафарги.

1887

Январь — июль — В связи с болезнью глаз Энгельс вынужден ограничивать себя в чтении и письме.

Начало января — Выходит из печати английский перевод I тома «Капитала».

10 января — Энгельс завершает предисловие ко второму изданию своей работы «К жилищному вопросу», в котором подвергает критике утопические теории буржуазного социализма; анализируя состояние сельской домашней промышленности в Германии, он доказывает, что развитие капитализма ведет к революционизированию не только рабочего класса, но и мелкого крестьянства, которое является естественным союзником пролетариата в его борьбе против капитализма. Предисловие печатается в газете «Sozialdemokrat» 15 и 22 января и в книге, которая выходит в первой половине марта 1887 года.

26 января — Энгельс заканчивает работу над предисловием к американскому изданию своей книги «Положение рабочего класса в Англии». В этом предисловии он рассматривает состояние рабочего движения в США, подвергает критике теорию американского экономиста Г. Джорджа, раскрывая буржуазный характер выдвигаемого им требования национализации земли, указывает, что важнейшей задачей рабочего класса и социалистов США является создание пролетарской партии в масштабе всей страны. Книга выходит в свет в Нью-Йорке в начало мая; предисловие под заглавием «Рабочее движение в Америке» в переводе Энгельса на немецкий язык печатается также в газете «Sozialdemokrat» 10 и 17 июня и иод тем же заглавием в виде отдельных

оттисков на английском и немецком языках в Нью-Йорке в июле.

Февраль — июнь

Энгельс, в связи с клеветнической кампанией, поднятой Исполнительным комитетом Социалистической рабочей партии Северной Америки по обвинению Эвелинга в финансовых злоупотреблениях во время его поездки по США с лекциями по теории научного социализма, ведет обширную переписку с Зорге и другими социалистическими деятелями с целью опровержения этой клеветы и реабилитации Эвелинга.

Первая половина февраля

Энгельс читает румынский перевод своей статьи «Политическое положение в Европе», опубликованный в социалистическом журнале «Revista Sociala» («Социальное обозрение»), изучая при этом румынский язык.

Около 12 февраля

Энгельс получает от Даниельсона «Сказки» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

12 февраля

Энгельс посылает Даниельсону английское издание I тома «Капитала».

13 февраля

В связи с намеченным на 19 февраля в Париже международным празднеством, организованным русскими, немецкими, польскими и другими социалистами-эмигрантами при поддержке французских социалистов в целях протеста против вооружений и подготовки войны в Европе, Энгельс пишет приветственное письмо на имя Организационного комитета. Письмо зачитывается на празднестве, публикуется в газете «Socialiste» 26 февраля и в переводе на немецкий язык в газете «Sozialdemokrat» 11 марта, а также в нью-йоркской газете «Sozialist» 19 марта.

Между 24 февраля и 19 марта

Энгельс, анализируя в письмах к Л. Лафарг, Зорге и другим деятелям социалистического движения результаты состоявшихся 21 февраля выборов в германский рейхстаг, в ходе которых социал-демократическая партия, несмотря на полицейский террор, получила значительный прирост голосов, расценивает это как крупную победу социал-демократии, свидетельствующую о неуклонном росте ее влияния среди рабочих.

Март 1887— январь 1888

Энгельс, наряду с другими занятиями, читает сделанный Муром перевод «Манифеста Коммунистической партии» на английский язык, вносит исправления и пишет примечания к английскому изданию.

4 марта

Отрывок из книги Энгельса «Анти-Дюринг» под заголовком «Как возникла идея равенства» печатается в газете «Sozialdemokrat».

10 и 12 марта

Энгельс сообщает Л. Лафарг и Бебелю о том, что первое издание I тома «Капитала» на английском языке распродано и начато печатание второго издания.

Вторая половина марта — май

Энгельс руководит агитационной деятельностью английских социалистов Эвелинга и Элеоноры Маркс-Эвелинг в рабочих кварталах Лондона, в частности, в рабочих радикальных клубах Ист-Энда, находившихся под влиянием либералов; он рассматривает эту агитацию как серьезный шаг к созданию массовой политической рабочей партии с социалистической программой.

18 марта

В связи с годовщиной Парижской Коммуны Энгельс направляет парижской организации Рабочей партии Франции следующее приветствие: «Лондон, 18 марта. Граждане! Я всем сердцем с Вами праздную восемнадцатое марта». Приветствие печатается в газете «Socialiste» 26 марта.

Приблизительно конец марта

Энгельс просматривает перевод своей книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» на датский язык.

Около 23 апреля

В связи с тем, что редакция американской социалистической газеты «New Yorker Volkszeitung» без ведома Энгельса перевела на немецкий язык, допустив искажения текста, и опубликовала 10 апреля в таком виде предисловие к американскому изданию книги «Положение рабочего класса в Англии», Энгельс направляет по этому поводу свой протест.

Около 24 апреля

Энгельс получает от Даниельсона письма Маркса, адресованные последнему.

Конец апреля — начало мая

Энгельс ведет переписку с испанским социалистом Х. Меса, который сообщает ему о падении влияния анархистов в Испании и росте там социалистического движения, а также посылает ему номера мадридской газеты «El Socialista» за 1886 г., в которых напечатан первый испанский перевод работы «Развитие социализма от утопии к науке».

Начало мая

В Нью-Йорке выходит первый перевод на английский язык книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

4 и 7 июня

Энгельс сообщает Зорге и Л. Лафарг о том, что на состоявшейся в Лондоне 29 мая конференции Социалистической лиги победу одержали анархистские элементы, голосами которых была принята резолюция, направленная против всякой парламентской деятельности. Энгельс высказывает мнение, что в этих условиях марксисты, возглавляемые Эдуардом Эвелингом

и Элеонорой Маркс-Эвелинг, будут вынуждены выйти из состава Лиги, которая теперь может служить только помехой развертыванию массового рабочего движения.

Между 14 и 23 июня — Энгельс знакомится с программой Североанглийской социалистической федерации и вносит в нее некоторые поправки и добавления. Текст программы со своими поправками Энгельс направляет одному из организаторов Федерации Магону, в письме к которому подчеркивает, что только действительное движение рабочих масс может привести к созданию самостоятельной политической рабочей партии в Англии.

24 июня — Энгельс в письме к Дж. Гарни высказывает намерение написать биографию Маркса.

Июль — Энгельс читает рукопись своей биографии, написанной Каутским для книги «Австрийский рабочий календарь на 1888 год», вносит в текст некоторые исправления и дополнения.

Энгельс читает корректуру брошюры Шлютера «Чартистское движение в Англии».

23 июля — 2 сентября — Энгельс отдыхает в Истборне.

Начало августа — У Энгельса в Истборне гостит английский социалист Бакс.

Вторая половина августа — Энгельс по просьбе Каутского читает корректуру его книги «Томас Мор и его утопия» и делает свои замечания.

3 сентября — Энгельс, получив сообщение о смерти Лопатина, оказавшееся, как выяснилось позднее, ложным, сообщает Лаврову о своем намерении написать о нем некролог для газеты «Sozialdemokrat».

Середина сентября — Узнав об исключении по инициативе Г. Джорджа Социалистической рабочей партии Северной Америки из Объединенной рабочей партии штата Нью-Йорк, Энгельс в письмах к Зорге и Келли-Вишневецкой высказывает предположение, что разрыв Джорджа с социалистами и образование им партии буржуазно-реформаторского типа окажет благоприятное влияние на развитие рабочего движения в США, поскольку это может раскрыть рабочим подлинное лицо Джорджа и помешать ему встать во главе движения.

Вторая половина октября — У Энгельса гостит Бебель.

Конец ноября — начало декабря	Энгельс ведет переговоры с лондонским издателем Ривсом о распространении в Англии американского издания его работы «Положение рабочего класса в Англии» и отдельного оттиска предисловия к этой книге.
Декабрь 1887— январь 1888	Энгельс изучает румынский язык.
Начало декабря	Энгельс направляет немецкому социал-демократическому издателю И. Дицу рукопись своей работы «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» для издания отдельной книгой, а также написанные в 1845 г. тезисы Маркса о Фейербахе, которые должны быть помещены в этой книге в качестве приложения.
7 декабря	Энгельс отвечает согласием на предложение Шлютера издать сборник своих статей под заголовком «Небольшие статьи Ф. Энгельса за 1871—1875 годы». Издание осуществлено не было.
15 декабря	Энгельс заканчивает работу над введением к подготавливаемому по его совету второму изданию брошюры Боркхейма «На память ура-патриотам 1806—1807 годов». В этом введении он дает глубокий прогноз относительно масштабов и возможного исхода надвигающейся общеевропейской войны и выражает уверенность в том, что, если такая война будет развязана, она неизбежно рано или поздно приведет к победе пролетариата. Введение публикуется в брошюре, которая выходит в Цюрихе в июне 1888 года.
Конец декабря 1887 — март 1888	Энгельс работает над четвертой главой задуманной им брошюры «Роль насилия в истории», три первые главы которой должны были составить главы второго отдела «Анти-Дюринга», объединенные общим названием «Теория насилия». В этой главе Энгельс имел в виду подвергнуть критическому анализу всю политику Бисмарка и на примере истории Германии после 1848 г. показать правильность сделанных в «Анти-Дюринге» теоретических выводов о взаимоотношении экономики и политики. Глава не была закончена Энгельсом в связи с другими занятиями, в частности в связи с работой над подготовкой к печати рукописи III тома «Капитала».
29 декабря	Энгельс сообщает Лафаргу некоторые данные о политическом прошлом австрийского социалиста лассальянского толка Г. Обервиндера, который был разоблачен как платный агент Бисмарка.

1888

Январь — март	Болезнь глаз вновь вынуждает Энгельса ограничить свои занятия и переписку. Работая над брошюрой «Роль насилия в истории», Энгельс читает только что вышедшую книгу немецкого историка К. Булле «История новейшего времени», т. IV, и делает из нее подробные выписки по истории Германии после 1871 года.
Январь—февраль	Энгельс внимательно изучает международную обстановку в Европе в связи с непрекращающейся опасностью войны.
Между 2 и 4 января	Энгельс заказывает 4-томную работу русского экономиста И. А. Кейслера «К истории и к критике крестьянского общинного землевладения в России», изданную в Петербурге на немецком языке.
4 января	В письме к румынскому социал-демократу И. Нэдежде Энгельс выражает свое удовлетворение распространением в Румынии среди социалистов теории марксизма; он подчеркивает важность единства социалистических партий Европы по вопросам международной политики и высказывает уверенность в том, что революционное свержение русского царизма дало бы толчок к развертыванию революционных событий в Германии, Австрии и во всем мире. Отрывок из этого письма в переводе на румынский язык публикуется в журнале «Contemporanul» («Современник») № 8.
30 января	Энгельс пишет предисловие к английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии». Предисловие публикуется в книге, вышедшей в Лондоне в 1888 году.
Между 13 и 25 февраля	Энгельс читает корректуру английского издания «Манифеста Коммунистической партии».
21 февраля	Энгельс пишет предисловие к отдельному изданию своей работы «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Книга выходит в Штутгарте в первой половине мая.
Конец февраля	Энгельс организует материальную помощь вдове и дочери члена Союза коммунистов и Генерального Совета I Интернационала К. Пфендера.
19 марта	В письме к Лафаргу Энгельс характеризует обстановку, в Германии после смерти Вильгельма I; Лафарг использует это письмо в своей заметке, помещенной во французской газете радикального направления «L'Intransigeant» («Непримиримый») 26 марта.
Апрель — 9 мая	Энгельс просматривает и исправляет перевод на английский язык речи Маркса «О свободе торговли»,

сделанный Келли-Вишневецкой для издания в США в виде отдельной брошюры, и работает над предисловием к этой речи, используя, в частности, присланные ему из Нью-Йорка материалы о таможенной политике Соединенных Штатов; предисловие под названием «Протекционизм и свобода торговли» печатается в «Neue Zeit» в июле, в еженедельнике «Labor Standard» («Знамя труда») в августе, в американском издании речи Маркса в сентябре.

Начало апреля В письме к английской писательнице М. Гаркнесс Энгельс дает положительную оценку ее повести «Городская девушка» и развивает свои взгляды на реализм в искусстве: указывая, что в реалистическом произведении должны быть показаны типичные характеры, действующие в типичных обстоятельствах, дает характеристику Бальзака как крупнейшего мастера реализма.

16 апреля Узнав о решении съезда германской социал-демократической партии в Санкт-Галлене созвать по инициативе партии международный рабочий конгресс в Лондоне в 1888 г., Энгельс в письме к Либкнехту высказывается против того, чтобы германская социал-демократия, действующая в условиях исключительного закона, выступала в качестве инициатора созыва такого конгресса; он указывает также, что проведение конгресса в Лондоне нецелесообразно ввиду отсутствия в Англии массовой социалистической рабочей партии, и выдвигает предложение, чтобы конгресс был созван французскими социалистами, приурочен к столетию французской революции 1789 г. и носил бы чисто социалистический характер.

Май — середина июля В связи с активизацией во Франции реваншистских элементов, группирующихся вокруг бывшего военного министра генерала Ж. Буланже, связанного с монархистскими кругами, Энгельс в письмах к Лафаргам подчеркивает опасность буланжизма; он характеризует это движение как шовинистическое, как разновидность бонапартизма, подвергая критике ошибки в оценке буланжизма се стороны Лафарга и других лидеров французской Рабочей партии, неправильно истолковавших некоторые успехи Буланже как результат солидарности с ним народных масс. Энгельс требует от французских социалистов решительной борьбы с буланжизмом, разоблачения демагогических реваншистских лозунгов Буланже и его сторонников.

Между 6 июля и началом августа Энгельс переводит на немецкий язык стихи английского поэта П. Шелли для статьи Эвелинга и Э. Маркс-Эвелинг под названием «Шелли как социалист», печатающейся в декабре в журнале «Neue Zeit».

8—17 августа Энгельс, направляясь вместе с Э. Маркс-Эвелинг, Эвелингом и Шорлеммером в путешествие по США, совершает поездку на пароходе «Сити оф Берлин» из Лондона в Нью-Йорк.

17 августа — 19 сентября Энгельс совместно с Шорлеммером, Э. Маркс-Эвелинг и Эвелингом путешествует по США и Канаде; проводит несколько дней в Нью-Йорке, где гостит у Зорге, затем поездом отправляется в Бостон; проводит там около недели, осматривая попутно близлежащие города, в частности Кембридж и Конкорд; из Бостона по железной дороге едет к Ниагарскому водопаду, где отдыхает в течение пяти дней; оттуда совершает пароходную поездку по озеру Онтарио и реке Св. Лаврентия до Монреаля с заездом в канадские города Торонто, Порт-Хоп и Кингстон; из Монреаля поездом возвращается в США, в Платсберг, откуда совершает путешествие по горам Адирондак, после чего на пароходе по озерам Шамплейн и Джордж направляется в Олбани, а оттуда пароходом же по реке Гудзон возвращается в Нью-Йорк.

19 сентября Энгельс в интервью представителю газеты «New Yorker Volkszeitung», бывшему деятелю I Интернационала Т. Куно, отвечая на поставленные ему вопросы, подчеркивает рост классового сознания английского пролетариата, характеризует аграрное движение в Ирландии как буржуазно-демократическое и выражает уверенность в том, что революция в России оказала бы гигантское воздействие на положение во всей Европе. Интервью публикуется в этой газете 20 сентября и перепечатывается в газете «Sozialdemokrat» 13 октября.

19—29 сентября Энгельс на пароходе «Сити оф Нью-Йорк» возвращается в Лондон из поездки по США, начинает писать статью о своем путешествии для «Neue Zeit»; статья осталась незаконченной.

Октябрь 1888— начало января 1889 Энгельс работает над подготовкой к печати первого отдела III тома «Капитала»; определяет структуру отдела и названия глав, на основе отдельных заметок Маркса составляет 1, 2 и 3 главы, полностью пишет текст 4 главы, к которой имелось лишь заглавие.

Октябрь—декабрь Энгельс в письмах к Лафаргам, резко критикуя стремление отдельных социалистов к заключению избирательного блока с буланжистами, продолжает настаивать, чтобы лидеры французской Рабочей партии официально и открыто заявили о своем безоговорочном осуждении буланжизма, как глубоко враждебного пролетариату течения.

17 ноября Энгельс встречается с английским социалистом М. Барри, который информирует его о ходе и итогах состоявшегося в Лондоне Международного конгресса профессиональных союзов, на котором было принято решение

созвать в Париже летом 1889 г. международный рабочий конгресс и поручить организацию этого конгресса оппортунистической партии французских поссибилистов.

Конец ноября — декабрь В связи с решением состоявшегося в Бордо съезда Национальной федерации синдикальных палат Франции, руководимой французской Рабочей партией, о созыве в Париже в июле 1889 г. международного социалистического рабочего конгресса в противовес конгрессу, созываемому поссибилистами, Энгельс получает от Лафаргов подробную информацию о ходе подготовки этих конгрессов, в частности о том, что поссибилисты стремятся добиться участия германских социал-демократов в созываемом ими конгрессе.

1889

5 января Энгельс в письме к Бебелю разъясняет положение, создавшееся в связи с одновременным созывом двух международных конгрессов; характеризуя поссибилистов как прямую буржуазную агентуру в рабочем движении, связанную с правительственными кругами, он категорически настаивает, чтобы германские социал-демократы порвали отношения с поссибилистами и приняли участие в международном конгрессе, созываемом французскими марксистами.

14 января Энгельс рекомендует французским марксистам принять участие в созываемой в Нанси по инициативе германских социал-демократов предварительной конференции с приглашением всех социалистических партий, включая поссибилистов, с целью выработать условия для созыва единого международного социалистического рабочего конгресса; Энгельс рассматривает эту конференцию как средство для разоблачения и изоляции поссибилистов.

10 февраля Энгельс заканчивает подготовку к печати четвертого отдела III тома «Капитала», завершая, таким образом, более одной трети тома.

11 февраля Энгельс сообщает Л. Лафарг о происках поссибилистов, которые, пользуясь поддержкой со стороны Гайндмана, пытаются через него воздействовать на германских социал-демократов с тем, чтобы привлечь их к участию в созываемом ими конгрессе.

Между 14 и 20 февраля Энгельс просматривает корректуру статьи Каутского «Классовые противоречия в 1789 году», печатающейся в журнале «Neue Zeit», и делает свои замечания.

Вторая половина февраля Энгельс принимает активное участие в подготовке конференции представителей социалистических партий

в Гааге, созываемой взамен намечавшейся конференции в Нанси.

Март—14 июля

Энгельс, считая важнейшей задачей не допустить, чтобы оппортунистические элементы в лице французских поссибилистов и руководителей английской Социал-демократической федерации завладели руководящими позициями в международном рабочем движении, принимает активное участие в подготовке конгресса, созываемого французскими марксистами, ведет в связи с этим обширную переписку с видными социалистическими деятелями различных стран: разоблачает оппортунистическую сущность поссибилистов и их союзников, критикует примиренческие настроения по отношению к поссибилистам со стороны некоторых социалистов Германии, Голландии, Бельгии и других стран, а также сектантские ошибки французских марксистов, не понимающих необходимости проведения в этом вопросе гибкой тактики.

Между 17 и 22 марта

Энгельс редактирует памфлет «Международный рабочий конгресс 1889 года», написанный по его инициативе Бернштейном в ответ на редакционную статью органа Социал-демократической федерации газеты «Justice» («Справедливость») от 16 марта, извращавшую факты, связанные с подготовкой конгресса и содержавшую нападки на германских социал-демократов. Памфлет выходит на английском языке отдельным изданием около 23 марта и печатается на немецком языке в газете «Sozialdemokrat» 30 марта и 6 апреля.

Конец апреля

В связи с перепечатанным в газете «Justice» 27 апреля циркуляром парижской Палаты труда, в котором утверждалось, что созываемый поссибилистами конгресс пользуется поддержкой большинства французских организованных рабочих, Энгельс пишет заметку, опровергающую это утверждение; заметка, в форме письма в редакцию за подписью французского социалиста Ш. Бонье, публикуется в лондонской газете «The Labour Elector» («Рабочий избиратель») 4 мая.

7—10 мая

Энгельс, получив от Лафаргов текст воззвания представителей французских социалистических и рабочих организаций к рабочим и социалистам Европы и Америки с приглашением прибыть в Париж на Международный социалистический рабочий конгресс, переводит этот текст на немецкий и организует перевод его на английский язык. Воззвание печатается в ряде немецких и английских социалистических газет.

Вторая половина мая — начало июня

Энгельс принимает активное участие в составлении и редактировании текста Извещения о созыве Международного социалистического рабочего конгресса в Париже, выпускаемого от имени Организационной комиссии по созыву конгресса, организует перевод текста

этого документа на различные языки, печатание и рассылку, добивается получения подписей под ним от социалистов различных стран.

Конец мая Энгельс редактирует второй памфлет «Международный рабочий конгресс 1889 года», написанный по его инициативе Бернштейном в ответ на «Манифест Социал-демократической федерации», в котором грубо искажалась история подготовки конгресса, созываемого французскими марксистами. Памфлет выходит отдельной брошюрой на английском языке около 8 июня.

Не позднее 27 мая Энгельс направляет редактору журнала Шотландской рабочей партии «The Labour Leader» («Рабочий лидер») Дж. К. Гарди письмо, в котором описывает начавшуюся 4 мая стачку горняков в Рурской области и характеризует эту стачку как важнейшее событие в германском рабочем движении; письмо печатается в июньском номере журнала в виде статьи без заголовка в разделе «Заметки о горняках».

17 июля В связи с открытием 14 июля в Париже Международного социалистического рабочего конгресса, положившего начало II Интернационалу, Энгельс в письме к Зорге расценивает его как крупный успех марксистов в деле интернационального сплочения социалистов всех стран на основе научного социализма; он отмечает полный крах попыток поссибилистов захватить руководство международным рабочим движением.

Около 8 августа — около 6 сентября Энгельс отдыхает в Истборне.

10 августа Энгельс публикует в газете «Labour Elector» статью «Поссибилистские мандаты», в которой разоблачает попытки поссибилистов дискредитировать Международный социалистический рабочий конгресс в Париже, и доказывает, что многие делегаты конгресса поссибилистов фактически не представляли никаких организаций.

Конец августа — начало октября Энгельс продолжает следить за политическим положением во Франции и деятельностью французских социалистов в связи с предстоящими выборами в палату депутатов, получая подробную информацию от Лафаргов; в письмах к ним он выражает уверенность в том, что сторонники буланжизма потерпят на выборах полный крах; рекомендует французским социалистам проводить самостоятельную линию, организует им денежную помощь.

Конец августа — начало сентября Энгельс внимательно следит за происходящей в Лондоне стачкой докеров; в ряде писем к социалистам различных стран он оценивает ее как важнейшее событие

в английском рабочем движении, означающее вступление в активную борьбу неорганизованных слоев пролетариата; отрывок из его письма Э. Маркс-Эвелинг печатается в газете «Labour Elector» 31 августа, а часть письма редактору «Sozialdemokrat» включается в текст передовой статьи этой газеты 31 августа.

Около 6 сентября — Энгельса в Лондоне посещают Либкнехт и Зингер.

Вторая половина сентября — октябрь — Энгельс готовит к печати четвертое немецкое издание I тома «Капитала», заново сверяет цитаты, исправляет ошибки и опечатки, пишет несколько дополнительных примечаний.

Конец сентября— начало октября — Энгельс пишет статью «Отставка буржуазии», в которой, опираясь на опыт стачки лондонских докеров и некоторые другие факты английского рабочего движения, показывает, что буржуазия в Англии начинает терять свою роль руководящего класса нации; статья публикуется 5 октября в газете «Sozialdemokrat».

Октябрь—декабрь — Энгельс оказывает помощь Элеоноре Маркс-Эвелинг, Э. Эвелингу и другим английским социалистам в их деятельности среди неквалифицированных рабочих Лондона; он рассматривает вступление этих слоев рабочего класса на путь стачечной борьбы и организацию их в новые тред-юнионы в противовес старым, объединявшим главным образом рабочую аристократию, как начало нового этапа в развитии английского рабочего движения.

8 и 29 октября — В письме к Л. Лафарг Энгельс дает оценку состоявшимся 22 сентября и 6 октября выборам во французскую палату депутатов; отмечает, что результат выборов является для социалистов, несмотря на потерю нескольких мандатов, относительным успехом, поскольку марксисты получили вдвое больше голосов, чем поссибилисты; Энгельс отмечает как главный итог выборов тот факт, что буланжисты потерпели полное поражение.

Ноябрь — Энгельс возобновляет интенсивную работу над подготовкой к печати III тома «Капитала»; одновременно просматривает и читает экономическую литературу по соответствующим проблемам.

4 декабря — Энгельс дает австрийскому социалисту В. Адлеру указания относительно перевода и переработки книги французского историка радикального направления Ж. Авенеля «Анахарзис Клоотс, оратор человечества».

7 декабря — Энгельс в письме к Зорге отмечает успехи марксистов и резкое падение влияния анархистов в австрийском рабочем движении.

18 декабря В письме к датскому социалисту Г. Триру Энгельс излагает свои взгляды на тактику пролетарской партии подчеркивая, что пролетариат может осуществить свое освобождение, только создав самостоятельную классовую партию, он указывает на допустимость в отдельных случаях временных союзов с другими партиями в целях совместной борьбы за те или иные прогрессивные мероприятия, в проведении которых заинтересован пролетариат, при условии, если это не связано с принципиальными уступками; одновременно Энгельс подвергает критике оппортунистическое руководство социал-демократической партии Дании, которое исключило из партии Трира и его сторонников, выступавших против беспринципного блока с буржуазными партиями.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Л

М

Н

Р

С

Т

Х

Ц

Ч

Ш

Э

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

А

Б

* В скобках указывается название, данное на современных картах. В тех случаях, когда из текста не ясно местонахождение того или другого пункта, дано краткое пояснение. — *Ред.*

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Й

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ К РАБОТЕ «ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА»

В

Г

Д

Европы. — 26, 54, 55, 63 93, 130, 131, 138.

Кимвры — группа германских племен, населявших Ютландский полуостров; в конце II в. до н. э. начали одновременно с племенами тевтонов переселение на юг Европы; потерпели поражение от римлян; остатки их расселились в районе рек Маас, Майн и Неккар. — 134.

Котары — индийское племя, населяющее район гор Нилгири (западная часть современных штатов Мадрас и Майсур). — 54.

Кукусы — племя индейцев Южной Америки, жившее на территории современного Чили. — 41.

Л

Лангобарды — германское племя; до начала V в. жило на левом берегу нижнего течения Эльбы, затем переселилось в бассейн среднего течения Дуная, а позднее — в Северную и Центральную Италию. — 134, 135.

Латинские племена — одна из двух главных групп древних италийских племен; к ней принадлежали древние римляне. — 61, 121, 126.

Лигуры — группа племен, населявших в глубокой древности большую часть Апеннинского полуострова; в VI в. до н. э. были оттеснены италийскими племенами в северо-западную часть Апеннинского полуострова и прибрежную юго-восточную часть Галлии; в начале нашей эры были покорены римлянами и постепенно подверглись романизации. — 146.

М

Магары — племя, в настоящее время народность, населяет западные районы Непала. — 130.

Майями (Миами) — племя индейцев Северной Америки, жившее в XVII в. на западном берегу озера Мичиган; в начале XVIII в. переселилось на территорию современных штатов Иллинойс, Индиана и Огайо, а затем было оттеснено американскими колонизаторами на запад, за Миссисипи. — 60.

Манипури — индийская народность, населяет территорию современного штата Манипур. —130.

Мексиканцы — коренное население Мексики. — 31, 95, 107, 136.

Могауки (Могавки) — племя индейцев Северной Америки, принадлежавшее к группе ирокезов; жило на территории современного штата Нью-Йорк. — 95.

Н

Наиры (наяры) — высшая воинская каста индийского народа малаяли, живущего на территории Малабарского побережья. — 64.

Ненцы — народность, живущая в северных районах СССР от восточного берега Белого моря до нижнего течения Енисея и на островах Колгуев, Вагач и частично Новая Земля. — 130.

Новомексиканцы — см. *пуэбло.*

Норики — группа иллирийско-кельтских племен, живших на территории древнеримской провинции Норик (современная территория Штирии и части Каринтии). — 146.

Норманны — германские племена, населявшие Ютландию и Скандинавию; в период раннего средневековья общее название древних норвежцев, шведов и датчан. — 32, 152.

Нубийцы — народность Африки, населяющая северную часть Восточного Судана и юг Египта. —- 98.

Нутка — группа небольших племен индейцев Северной Америки, населявших юго-западную часть острова Ванкувер и побережье материка у мыса Флаттери. — 159.

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ч

Ш

Э

СОДЕРЖАНИЕ[*]

[*] Заглавия работ, данные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, отмечены звездочкой. — *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати *В. Г. Тартаковским*

Помощник подготовителя *Т. Л. Артемьева*

В подготовке справочного аппарата принимали участие *Л. Н. Владимиров, Г. Б. Ковганкин* и *М. П. Мариничева*

Расшифровка рукописей для данного тома и предыдущих томов произведена *Н. И. Непомнящей*

Редакторы *Л. И. Гольман* и *О. К. Сенекина*

Экономические работы подготовлены под редакцией *А. И. Малыша*

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*

Корректоры *Н. В. Егорова и Е. И. Щукина*

*

Сдано в набор 28/I 1961 г. Подписано к печати 9/VI 1961 г. Формат 60X92 $^{1}/_{16}$.
Физ. печ. л. 48 $^{1}/_{2}$ + 2 вклейки ($^{1}/_{4}$ печ. л.).
Условн. печ. л. 48,75. Уч.-изд. л. 46,27.
Тираж. 130 тыс. экз. Заказ № 1738.
Цена 1 руб.

*

Государственное издательство политической литературы.

Москва, А-47, Миусская пл., 7.

*

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности.

Типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького.

Ленинград, Гатчинская, 26.

*